

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский национальный исследовательский технический университет»

На правах рукописи

Коростелев Алексей Михайлович

**БУТУХЕЙСКИЕ И ЕЛГИНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ
КОМПЛЕКСЫ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ V в. до н.э. – IV в. н.э.**

Специальность 5.6.3 – Археология
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Харинский Артур
Викторович

Иркутск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
<i>Глава I. История изучения погребальных и поминальных комплексов второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. на побережье озера Байкал</i>	16
1.1. Первый этап 70-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.....	17
1.2. Второй этап 50-е – 80-е гг. XX в.....	22
1.3. Третий этап 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.....	32
<i>Глава II. Погребально-поминальные комплексы Предбайкалья, датирующиеся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.</i>	47
2.1. География, топография и планиграфия погребальных и поминальных объектов.....	48
2.2. Особенности бутухейских погребальных комплексов.....	57
2.3. Особенности елгинских погребальных комплексов.....	60
2.4. Поминальные комплексы.....	63
2.5. Сопроводительный инвентарь из захоронений и поминальничков.....	68
2.6. Датировка и культурная принадлежность погребально-поминальных комплексов Предбайкалья второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.	99
<i>Глава III. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э.: генезис и взаимодействие культур</i>	114
3.1. Истоки формирования елгинской погребальной традиции.....	114
3.2. Культурно-историческая обстановка в Байкальском регионе на рубеже эр.....	119

<i>Заключение</i>	128
<i>Список источников и литературы</i>	132
<i>Список сокращений</i>	154
<i>Приложение 1. Свод памятников</i>	155
<i>Приложение 2. Таблицы</i>	221
<i>Иллюстрации</i>	251

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Погребально-поминальные комплексы являются одними из наиболее информативных типов археологических объектов, дающих возможность судить о разных сторонах жизни древних обществ. Особенности погребального ритуала и набор сопроводительного инвентаря, фиксируемые в них, позволяют проводить реконструкцию процессов культурогенеза отдельных человеческих коллективов и выстраивать модели региональных контактов.

Проследить культурные изменения позволяют результаты археологических исследований, ежегодно проводимых на различных объектах байкальского побережья. Но материалы именно из погребально-поминальных комплексов по своему разнообразию и информативности выглядят наиболее представительными, в отличие от городищ, поселений, стоянок. Это связано с тем, что погребальный комплекс является закрытым археологическим объектом, то есть обнаруженный в нем материал не контактировал и не перемещался с момента захоронения умершего. На открытых археологических объектах культурный слой в большинстве случаев смешанный, что значительно снижает информативную значимость этих памятников (Харинский, 2005б, с. 184). В погребениях содержится ценный вещественный материал, редко встречающийся или вовсе отсутствующий на стоянках. Кроме материальной культуры, при раскопках погребений можно проследить и особенности ритуалов, связанных с верованиями и обычаями древних людей, выявить некоторые закономерности и устойчивые элементы погребальной обрядности различных общностей.

Отдельно следует отметить неравнозначную степень археологической изученности объектов железного века в различных районах Предбайкалья. Например, из долины реки Ангары материал представлен преимущественно случайными находками, не дающими целостного представления о комплексах указанного времени. Кроме этого, уровень изучения различных видов археологических объектов рассматриваемого периода также дифференцирован. В

сравнении со стояночными комплексами, городищами-святилищами, кладами и случайными единичными находками материалы, полученные при раскопках погребально-поминальных комплексов, качественно преобладают. В силу вышеуказанных аргументов, они приобретают исключительно важное значение.

Данные, полученные в результате проведенных в начале XXI в. археологических исследований погребально-поминальных комплексов, существенно дополнили представления о древней истории Прибайкалья. Опираясь на материалы погребений, анализируя топографию и планиграфию могильников и ритуальных комплексов, изучая погребальный ритуал и сопроводительный инвентарь, исследователи получили возможность проводить более широкие исторические реконструкции. В значительной мере это позволило судить о культурной принадлежности, хозяйственном укладе и культурных взаимовлияниях древних сообществ, соорудивших погребально-поминальные комплексы в разных районах Предбайкалья и относящихся к бутухейской и елгинской погребальным традициям. Анализ данных со значительной части археологических памятников региона и соседних территорий, таких как Забайкалье, Северное Прихубсугулье, Западная Бурятия (Окинский район), способствовал выявлению ряда отличительных особенностей, характеризующих многие сферы жизнедеятельности древнего населения Предбайкалья в эпоху железного века.

Актуальность комплексного обобщения результатов археологических исследований погребально-поминальных комплексов бутухейцев и елгинцев определяется сохраняющейся неоднозначностью выводов о времени формирования и существования этих погребальных традиций на территории Предбайкалья, взаимодействии их носителей друг с другом и с представителями соседних регионов. Такого рода проблемы могут быть решены с привлечением всего объема имеющихся сведений, в том числе и новых данных, которые не были введены в научный оборот ранее или опубликованы частично.

Цель диссертационной работы – на основе комплексного анализа археологических материалов из погребально-поминальных комплексов

отобразить культурно-историческую картину, сложившуюся в V в. до н.э. – IV в. н.э. на территории Предбайкалья.

Задачи исследования:

1. Систематизация имеющихся данных по изучению археологических объектов побережья озера Байкал, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э.;

2. Обобщение накопленных материалов предшественников и ввод новых данных, полученных в результате раскопок 2003-2016 гг.;

3. Общая и детальная характеристика погребально-поминальных комплексов, выделение особенностей погребального ритуала для бутухейской и елгинской погребальной традиции Предбайкалья;

4. Интерпретация коллекции предметов из захоронений и поминальных комплексов: типологический, морфологический и функциональный аспекты;

5. Попытка исторической реконструкции процессов, происходивших в Предбайкалье во второй половине I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.

Объектом исследования служит материальная и духовная культура населения Предбайкалья в V в. до н.э. – IV в. н.э.

Предметом исследования являются археологические материалы, полученные в результате исследования бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексов Предбайкалья, датирующихся V в. до н.э. – IV в. н.э.

Территория исследования охватывает Южное Предбайкалье – регион, расположенный между горами Восточного Саяна и озером Байкал. Она включает западное побережье озера Байкал, южную часть долины р. Ангары и верховья р. Лены. Это территория, на которой отмечены елгинские и поздние бутухейские погребально-поминальные комплексы.

Хронологические рамки – вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. – период существования на территории Предбайкалья елгинской погребальной традиции. Начальный этап этого периода V-III вв. до н.э. характеризуется появлением первых елгинских захоронений к востоку от Байкала

и продолжением господства на этой территории бутухейского погребального ритуала и плиточных могил. Елгинский погребальный ритуал характеризуется захоронением умершего в яме, на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Над могилой сооружалась плоская каменная кладка овальной или четырехугольной формы. В бутухейских захоронениях умершего помещали в могильную яму вытянуто, на спине, головой на юго-восток. Сверху погребение перекрывалось плоской овальной и кольцевой кладкой. В отличие от бутухейских захоронений, надмогильная конструкция плиточных могил напоминала четырехугольную или овальную оградку, сложенную из вертикально или наклонно установленных каменных плит.

Впервые эти две группы захоронений железного века Предбайкалья были выделены О.И. Горюновой. Елгинские захоронения датированы ей концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., бутухейские – II в. до н.э. I в. н.э. (Горюнова, 1993). Появление новых материалов из Приольхонья позволило скорректировать возраст второй группы захоронений, удревнив ее до конца II тыс. до н.э. (Туркин, 2004).

В V-III вв. до н.э. на территории региона появляются изделия из железа, что позволяет относить этот период в истории Предбайкалья, к раннему железному веку. В остепненных районах Предбайкалья доминирующим становится скотоводческий тип хозяйства. Отмечается значительное влияние на жителей региона со стороны более южных скотоводческих сообществ, которое выражается в появлении схожих черт в вооружении, конском снаряжении и украшениях (скифо-сибирский звериный стиль).

С конца III в. до н.э. по IV в. н.э. елгинский погребальный ритуал становится преобладающим на большей части Южного Предбайкалья. Исчезают из употребления каменные изделия, и большая часть орудий труда начинает изготавливаться из железа. Появляются первые металлургические комплексы для производства железа из руды. Регион вступает в следующий период – железный век. В это время в восточной части центральноазиатских степей формируются первые кочевые империи - Хунну (III в. до н.э. - I в. н.э.) и Сяньби (II-IV вв.). Их влияние на северную периферию проявляется, прежде всего в наборе

сопроводительного инвентаря, который фиксируется в погребальных и поминальных памятниках. Этот период в истории восточноазиатских скотоводов-кочевников именуется хунно-сяньбийское время.

Окончание елгинского этапа в истории Предбайкалья связано с появлением новых погребальных традиций – черенхынских. Время их существования в Предбайкалье относится к V-IX вв. Умерших хоронили в могильной яме, иногда обложенной по периметру каменными плитами. Погребенного укладывали набок, с подогнутыми ногами головой на северо-восток. Над могилой сооружалась кладка овальной формы. К настоящему времени захоронения этого типа встречены только в Приольхонье и верхней части долины Ангары.

Методология и методы исследования. Работа основана на системном подходе, базирующемся на принципе диалектической взаимосвязи части и целого, а также частей в целом, при изучении объектов как динамичных, эволюционирующих систем. Его предметный аспект предполагает проведение структурно-компонентного анализа посредством корреляции результатов использования различных методов (Блауберг, Юдин, Садовский, 2001, с. 559; Блауберг, 1997, с. 235; Каган, 1991, с. 19-20). Применение данных методологических положений на конкретном археологическом материале исходило из восприятия погребального обряда и каждого памятника как упорядоченной, целостной, динамической системы взаимосвязанных элементов, обладающих для целого определенной значимостью.

В ходе работы над диссертацией использовались общеисторические методы познания (сравнительно-исторический, хронологический). При историографическом исследовании применялись историко-генетический и ретроспективный методы. Широко использовались методы и подходы, традиционно применяемые в археологических исследованиях. Определение особенностей распространения и локализации погребальных и поминальных комплексов основывалось на применении метода картографии. В рамках систематизации материалов раскопок применялся метод классификации зафиксированных конструкций. Использование типологического метода

позволило рассматривать изменение выделенных типов погребальных и поминальных сооружений. Для извлечения и интерпретации информации, заключенной в погребальном обряде, применялся метод планиграфического анализа погребально-поминальных комплексов, а также морфологический и типологический методы. Кроме того, в работе использовались приемы статистической обработки результатов изучения археологических памятников, позволяющие оценить различные количественные показатели и их динамику. Для систематизации и анализа сопроводительного инвентаря применялись системно-типологический и сравнительно-аналитический приемы изучения особенностей погребального обряда и материальной культуры, использовались количественные методы, а также отдельные элементы и приемы статистики. Датирование археологических данных проведено на основе историко-культурного, стратиграфического, сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов. Метод пространственного моделирования применен для исторической реконструкции процессов, происходивших в Предбайкалье во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.

Источниковую базу работы составили материалы с 19 археологических объектов, 3 из них находятся в долине р. Ангары – остров Осинский, Игетейский Лог II, Тройцк; 2 - в верховьях р. Лены – Старый Качуг, Белоусово; 5 – на северо-западном побережье Байкала – Курла II, Богучанская XII, Байкальское VII, Байкальское XXVII, Байкальское XXXI; 9 – в Приольхонье – Бутухей II, Куркутский комплекс I, Куркутский комплекс II, Хадарта II, Цаган-Хушун II, Курма II, Будун I, Елга VII, Шибэтэ VI (Рис. 1). На четырех памятниках бутухейские и елгинские захоронения встречаются совместно – Цаган-Хушун II, Хадарта II, Байкальское XXVII и Байкальское XXXI. На остальных археологических объектах представлены или только елгинские или только бутухейские погребения.

В течение 10 полевых сезонов автор диссертации занимался раскопками погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. в разных районах байкальского побережья –

в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала. Полученные в ходе работ материалы позволили по-новому подойти к решению вопросов функционального назначения, хронологии и культурной принадлежности погребально-поминальных комплексов. Значительная часть материалов, представленных в диссертации, включает данные, полученные в результате работ других исследователей, нашедших отражение в публикациях разного уровня от монографий и журнальных статей до тезисов конференций, научных отчетов, музейных коллекций.

На трех наиболее крупных погребально-поминальных комплексах западного побережья озера Байкал - Цаган-Хушун II, Байкальское XXVII и Байкальское XXXI фиксируется совместное присутствие бутухейских и елгинских захоронений. Вокруг них располагаются поминальные конструкции, сооружение которых, в ряде случаев, сложно соотнести с представителями одной из двух погребальных традиций. В связи с этим, было принято решение рассматривать все искусственные конструкции этих археологических объектов и материалы из них в комплексе. При этом, для формирования целостных представлений о погребально-поминальных традициях, существовавших в Предбайкалье во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., данные из Цаган-Хушуна II, Байкальского XXVII и Байкальского XXXI были дополнены сведениями с других елгинских и бутухейских захоронений этого времени.

В представленную работу не включены материалы из плиточных могил, сооружавшихся, как и бутухейские захоронения в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала, вплоть до начала I в. до н.э. Этот тип погребальных конструкций уже рассматривался в диссертационном сочинении Г.В. Туркина (Туркин, 2003). За последние годы новые раскопки плиточных могил на территории Предбайкалья не проводились. Представления о конструкции и хронологии этих сооружений не претерпели значительных изменений. Наличие на одном некрополе бутухейского захоронения и плиточных могил зафиксировано в Предбайкалье только один раз на могильнике Хужир IV. Совместных

захоронений на одном археологическом памятнике плиточных могил и елгинских погребений не отмечено.

Научная новизна работы. В ходе работы над диссертацией были обобщены все известные к настоящему времени материалы по бутухейским и елгинским погребально-поминальным комплексам Предбайкалья, датирующимся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э. В научный оборот вводятся новые данные с археологических объектов, расположенных в долине р. Ангары, в верховьях р. Лены, в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала.

В ходе сравнительно-типологического, планиграфического и радиоуглеродного анализов определяется время существования на территории Предбайкалья двух погребальных традиций - бутухейской и елгинской. Пересмотрено время появления на территории Предбайкалья первых елгинских захоронений. Самое раннее из них на памятнике Цаган-Хушун II «а» датируется серединой V – серединой IV вв. до н.э. Рассматривается взаимное расположение двух погребальных традиций на памятниках и их соотношение с поминальными комплексами. Определяется последовательность сооружения погребальных и поминальных конструкций.

В диссертационной работе впервые приводится всесторонний анализ погребальных комплексов из четырех районов Предбайкалья, выделяются присущие им общие и индивидуальные черты. Приводится классификация и типология инвентаря, обнаруженного в елгинский и поздних бутухейских погребально-поминальных комплексах. Определяется время его существования в Предбайкалье и ареал распространения. Приводится химический анализ металлических вещей из двух типов захоронений, определяются наиболее устойчивые сплавы, характерные для изделий из Предбайкалья и их возможная связь с артефактами из других регионов.

В работе делается попытка проследить генезис бутухейской и елгинской погребальных традиций, район их возникновения, территория распространения и изменения, коснувшиеся их. Рассматривается связь погребально-поминальных

комплексов с другими типами археологических объектов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э. Приводится характеристика погребальных традиций и археологических культур в соседних с Предбайкальем областях и их влияние на культурно исторические процессы, проходившие в Байкальском регионе.

Понятия и термины, используемые в диссертационном сочинении, носят неоднозначный характер при их трактовке в археологической литературе. В связи с этим, необходимо выразить свое отношение к различным терминам, связанным с погребально-поминальной обрядностью и уточнить их формулировку. В археологических исследованиях наиболее часто встречаются такие понятия, как: погребальный обряд, ритуал, обычай, практика, традиция, памятник, комплекс, поминальная обрядность и др. Н.Б. Леонова и Ю.А. Смирнов утверждают, что «погребальный обряд - это процесс, а погребение - материальный результат данного процесса» (Леонова, Смирнов, 1977, с. 20). В.А. Алекшин считает, что погребальный обряд - это «совокупность ритуальных действий и материальных элементов» (Алекшин, 1986, с. 6). По мнению В.С. Ольховского, погребальный обряд и ритуал идентичны по своему содержанию и представляют собой «совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения в соответствии с религиозно-идеологическими нормами» (Ольховский, 1991, с. 4). В предлагаемой работе автор отдает предпочтение последнему определению, так как оно наиболее точно отражает смысловую нагрузку термина. Следовательно, *погребальный обряд* – это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении процесса захоронения. Основу обряда составляют *погребальные обычаи* – общепринятые способы и нормы обращения с умершим, ряд представлений и правил. *Погребальный комплекс* – это специально оформленное, различной степени сложности при организации, реальное или символическое место захоронения человека, представляющее собой вещественный результат погребального обряда. То есть рассматривается не только каменная кладка, но и все, что расположено около нее или под ней. До начала раскопок бывает сложно

определить функциональное назначение того или иного искусственного сооружения, поэтому термин «комплекс» на наш взгляд использовать более правомерно при описании раскопочных работ.

Еще одно понятие, которое широко употребляется автором в диссертационном сочинении - *поминальный комплекс* – термин, применяемый для обозначения сооружения с каменной кладкой, под которой может находиться яма, конструкция из камня или дерева, но отсутствуют останки человеческих захоронений. Обычно это каменные конструкции небольшого размера, одно- или двуслойные и имеющие под собой яму с останками домашних животных, либо фрагментами керамических сосудов и другими находками. Они могли сооружаться в память о предках или современниках.

Практическая значимость исследования заключается в обновлении и расширении источниковой базы по железному веку Предбайкалья. Материалы диссертации могут использоваться в создании обобщающих работ по древней истории Предбайкалья, а также при подготовке учебных пособий по археологии, культурологии и другим дисциплинам в ВУЗах и средних учебных заведениях. Данные материалы могут быть реализованы при чтении лекций и курсов по археологии на исторических факультетах. На основе указанных материалов неоднократно выполнялись студенческие и школьные работы в форме тезисов и докладов на научных конференциях регионального, всероссийского и международного масштаба.

Археологические коллекции, использованные в диссертации, хранятся и экспонируются в музее Иркутского национального исследовательского технического университета и Иркутском областном краеведческом музее.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в докладах и тезисах выступлений на конференциях студентов и молодых ученых, на региональных, всероссийских и международных конференциях, таких, как: (РАЭСК - 44) XLIV Региональная (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Кемерово, 2004); (РАЭСК – 45) I (XLV) Российская с международным участием археологическая и

этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Иркутск, 2005); Всероссийская научная конференция с международным участием «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2005); (РАЭСК – 46) XLVI Региональная (II Всероссийская) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Красноярск, 2006); (РАЭСК – 48) XLVIII региональная (IV Всероссийская с международным участием) археолого-этнографическая студенческая конференция (Барнаул, 2008); 3-я Всероссийская конференция «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2009); (РАЭСК – 50) V (L) Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Иркутск, 2010); Международная научная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Улан-Удэ, 2010), Международная научная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Иркутск, 2011).

Результаты исследований, проведенных автором, отражены в 19 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК. (Коростелев, 2010а, 2011; Korostelev, 2011; Кичигин, Коростелев, Харинский, 2018; Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2019). Полный перечень обозначенных работ приведен в списке литературы.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Материалы раскопок погребально-поминальных комплексов демонстрируют синхронное существование на протяжении второй половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья трех погребальных традиций – плиточных могил, бутухейской и елгинской.
2. Елгинские погребальные комплексы сооружались на территории Предбайкалья преимущественно в период с V в. до н.э. до IV в. н.э.
3. Происхождение елгинской погребальной традиции связано с сотниковским погребальным ритуалом, получившим распространение в Южном Забайкалье в середине I тыс. до н.э.
4. Бутухейская погребальная традиция фиксируется на территории Предбайкалья до начала I в. до н.э.

5. Артефакты, обнаруженные в бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексах конца I тыс. до н.э. свидетельствуют о значительном культурном влиянии со стороны империи хунну.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников литературы, списка сокращений, а также приложений и иллюстраций, включающих планы, схемы, таблицы, фотоиллюстрации и рисунки.

Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Данная глава посвящена историографическому обзору исследований археологических памятников, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., обнаруженных в Предбайкалье. Если придерживаться технологической классификации, то этот период можно соотнести с железным веком, временем, когда основная масса орудий труда стала изготавливаться из железа. В это время к югу от Байкала возникла и вскоре распространила свое влияние практически на всю Центральную Азию первая «империя кочевников» – держава хунну. С падением гегемонии хунну в Центральной Азии им на смену во II в. н.э. приходят сяньби, которых в IV в. сменяют жуань-жуани (История Бурятии, 2011, с. 167-210). Находясь на периферии «кочевых империй», Прибайкалье испытывало на себе их культурное, экономическое и политическое влияние, поэтому вполне правомерно рассматривать его историю в контексте политических событий, протекавших в Центральной Азии. Следовательно, развитый железный век Прибайкалья вполне правомерно соотносить с хуннуско-сяньбийским временем Центральной Азии (конец III в. до н.э. – середина IV в. н.э.).

Для того, чтобы сформировать более целостную картину изучения истории байкальского побережья и бассейнов рек Лены и Ангары в железном веке, рассмотрим ее в хронологической последовательности, по мере увеличения источниковой базы и развития представлений о ее разрешающих возможностях. При этом попытаемся привлечь данные по процессу введения в научный оборот не только погребальных и поминальных комплексов, но и других археологических объектов, относящихся к хуннуско-сяньбийскому времени.

Процесс накопления данных о железном веке Предбайкалья проходил неравномерно и зависел от целого ряда факторов. При этом увеличение количества источников неизбежно влекло за собой и появление новых

представлений об этом периоде в истории региона и определяло новые уровни его осмысления. Такие качественные изменения источниковой базы наблюдались в археологии Предбайкалья в начале 50-х и начале 90-х гг. XX в., что позволяет нам выделить 3 этапа в исследовании железного века Предбайкалья. Хронологические рамки первого из них ограничены 70-ми гг. XIX в – 40-ми гг. XX в. Второй этап охватывает 50-е – 80-е гг. XX в., а третий этап – 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.

1.1. Первый этап: 70-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.

Первые исследования археологических объектов на берегах Байкала, соотносимых с железным веком, связаны с именем Н.Н. Агапитова. (Агапитов, 1878). По его поручению, в окрестностях д. Тырган местным жителем Коперницким произведены исследования трех искусственных каменных сооружений из вертикально поставленных плит, впоследствии получивших название *плиточные могилы*. Н.Н. Агапитов сравнивает их с «маяками» в Минусинском крае и Забайкальской области, но на культурной принадлежности и возрасте этих сооружений внимание не заостряет (Агапитов, 1881, с. 18).

С начала XX века изучение древней истории Прибайкалья принимает более планомерный характер. В это время на побережье Байкала и в соседних районах проводят раскопки Б.Э. Петри и его ученики П.П. Хороших и А.П. Окладников. В 1912, 1913 и 1915 гг. Б.Э. Петри проводил исследования на поселении «древних металлургов» в окрестностях улуса Шохтой Курумчинского ведомства в долине реки Мурын. На поселении им обнаружены многочисленные следы металлургии железа, изделия из металла, фрагменты керамических сосудов и кости домашнего скота (Петри, 1923, 1928). Практически весь комплекс находок исследователь отнес к выделенной им «культуре курумчинских кузнецов», которая предшествовала «поздней железной эпохе», датируемой им XII-XVI вв. Отсутствие гончарного производства у бурят - потомков монголоязычных переселенцев в Предбайкалье - послужило основанием для того, чтобы соотнести керамические изделия с «культурой курумчинских кузнецов». Опираясь на находки керамики, подобной шохтойской в разных частях Прибайкалья, Б.Э.

Петри очертил границы «курумчинской культуры» (Петри, 1923, с. 28-29), которые во многом были условны, т.к. сведений о керамике из сопредельных регионов было явно недостаточно (Харинский, 1993).

Б.Э. Петри отнес к поздней железной эпохе большинство петроглифов Прибайкалья, укрепления на горах, могилы в виде каменных ящиков или кругов, выложенных камнями, и шатровые могилы Приольхонья (Петри, 1928), первые раскопки которых предпринял в 1881 г. Н.Н. Агапитов. Под двумя кладками им обнаружены захоронения. В остальных 13 кладках, кроме незначительного количества угля, жженных костей барана и фрагментов керамики, ничего не было найдено. На основании полученных материалов Н.Н. Агапитов предположил, что у народа, оставившего эти сооружения, существовало два способа погребения: захоронение и сожжение на костре. Сожжение производилось на стороне, т.к. углей в погребениях было мало (Агапитов, 1881, с. 19).

Во время экспедиции 1916 г. в Кутульское ведомство Верхоленского уезда Б.Э. Петри обследовал две пещеры, расположенные у подножия горы Танхын, открытые им в 1913 г. В дальнейшем за пещерами закрепилось название Большая и Малая Байдинские. В обеих пещерах были выкопаны траншеи, земля из которых была просеяна сквозь грохот. Б.Э. Петри отнес материалы, обнаруженные в Байдинских пещерах, к культуре курумчинских кузнецов, обитавших на территории Предбайкалья в «раннюю железную эпоху». Исследователь пишет, что «...неизвестный народ «курумчинские кузнецы» не кто иной, как предки якутов», вытесненный с территории края монгол-бурятами, «...принесшими совсем иную культуру» (Петри, 1928, с.63-64).

Пещеры у горы Танхын Б.Э. Петри считал поселениями, несвойственными кочевникам культуры курумчинских кузнецов. Исследователь полагал, что люди жили в пещерах недолго и только в зимнее время: «Летом в этих пещерах очень холодно и сыро от капающей с потолка воды; в дальних углах лежит лед. Зато зимой, когда все замерзает, в пещере делается сухо и, сравнительно с окружающей степью, даже тепло. В большие морозы, расположившись здесь на плоских камнях вокруг костра, хорошо и безопасно было сидеть семье кочевника

в то время, как он сам со старшими сыновьями сторожил свои стада где-нибудь неподалеку» (Петри, 1928, с. 59-60).

Нарисованная Б.Э. Петри картина жизни прибайкальских кочевников в пещерах обладает определенным романтизмом, но далека от действительности, о чем уже писал Б.Б. Дашибалов (Дашибалов, 1995, с. 100). По мнению исследователя, прибайкальские пещеры следует рассматривать как святилища, связанные, вероятнее всего, с культами Матери-земли, прародительницы рода, а археологические находки не чем иным, как свидетельствами произведенных здесь жертвоприношений. Пещеры у горы Танхын не могли быть поселениями кочевников, как и народов, обитавших до них на территории Прибайкалья. Рассматривать их как временные убежища тоже достаточно проблематично. Переждать стихию было проще где-нибудь под деревом или скалой, чем забираться в пещеру, которая ассоциировалась с входом в подземный мир. Страх перед такими местами существует до настоящего времени у народов, проживающих в разных уголках нашей планеты. Боязнь пещер и связанных с ними сакральных сил способствовала формированию культов их умиловления, с древним проявлением которых столкнулся Б.Э. Петри (Дашибалов, 1995, с. 101-102).

В 20-х гг. прошлого века к изучению археологических памятников железного века на побережье Байкала приступает П.П. Хороших. Его книга «Исследования каменного и железного века Иркутского края: (остров Ольхон)» (1924 г.) напоминала справочник, в котором с исчерпывающей для того времени полнотой излагались все известные автору сведения об археологических материалах изучаемого района. П.П. Хороших соглашается с Б.Э. Петри в том, что байкальский регион в это время «служил ареной передвижения и столкновений многих народностей», в основном тюркской и монгольской ветвей. Главным подтверждением тому являются многочисленные разнотипные памятники (пещеры, каменные стены, писаницы и т.п.) и различные по погребальному обряду захоронения. Особенно для исследователя «неясна ранняя эпоха железного века» (Хороших, 1924).

Касаясь вопроса происхождения и особенностей конструкции плиточных могил, П.П. Хороших пишет: «...надмогильные сооружения имеют вид четырехугольника...», о контуренного по периметру «...вертикальными или слегка наклонными плитами из слюдястого гнейса...». Производимые ранее раскопки могильника не дали положительных результатов, а именно датирующего археологического материала. Поэтому при определении возраста могил учитывались аналогичные погребальные сооружения из Минусинского края и севера Монголии, датируемые тюркским временем – до сер. VIII в. н.э. (Хороших, 1924, с. 24).

С 1934 г. в связи с проектированием строительства каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре к исследованию различных археологических памятников в Прибайкалье приступает А.П. Окладников (Окладников, 1937). В долине Ангары ему удалось обнаружить ряд могильников неолита и бронзового века, раскопки которых дали богатейший материал, относящийся к нескольким последовательно сменявшимся этапам. Культурно-историческая схема А.П. Окладникова, разработанная по материалам погребальных комплексов Прибайкалья, выглядит следующим образом (Окладников, 1950, с. 139, табл. 8):

1. Поздний палеолит (мезолит) – VIII – VI тыс. до н.э.;
2. Хиньский этап (V тыс. до н.э.);
3. Исаковский этап (IV тыс. до н.э.);
4. Серовский этап (III тыс. до н.э.);
5. Китойский этап (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.);
6. Глазковский этап (около 1700 – 1300 гг. до н.э.);
7. Шиверский этап (около 1300 – 900 гг. до н.э.);
8. Бронзовый век (800 – 300 гг. до н.э.);
9. Ранний железный век (300 г. до н. э. – первые века н.э.).

Ранний железный век Прибайкалья (300 г. до н. э. – первые века н.э.) рассматривается А.П. Окладниковым вкратце в контексте Якутской археологии. По аналогии с металлическими вещами из соседних степных районов, начало освоения металлургии железа в Прибайкалье, по мнению А.П. Окладникова,

соответствовало III-II вв. до н.э. (Окладников, 1949).

В 30-е гг. в археологии Прибайкалья появляются новые материалы, относящиеся к железному веку, публикация которых растянулась с 40-х по 70-е гг. XX в. К их числу относится литая бляха из окрестностей Манзурки с изображением сцены борьбы хищника и козла (Окладников, 1948); клад бронзовых вещей скифо-сибирского типа, обнаруженный у р. Косогол в местности Отонкон (Окладников, 1955, с. 159-160); погребение у деревни Белоусово (Окладников, 1978).

В 1937 г. А.П. Окладников первым из исследователей определяет время существования «курумчинской культуры» VI-X вв. н.э., однако обходит стороной вопрос о ее сближении с древними гулиганями-курукаными (Окладников, 1937). Развитие идеи о соотношении курумчинцев с курыканами отмечается лишь в последующих его работах (Окладников, 1948, 1955). Время существования культуры определяется им на основании датированных событий, зафиксированных в письменных источниках, в контексте которых упоминались курыканы. С курумчинской культурой А.П. Окладников связал и шатровые сооружения Приольхонья. Он полагал, что это погребения по обряду кремации на стороне (Окладников, 1948).

Первые шаги по накоплению и систематизации материалов по железному веку побережья озера Байкал в конце XIX – первой половине XX вв. отражались в русле тех исследований, которые проводились в долине Ангары и Верхней Лены. Ограниченность источниковой базы и отсутствие достаточного количества материалов из соседних регионов не позволяли создать полноценную картину далекого прошлого Прибайкалья. Разделение Б.Э. Петри дорусской истории края на два периода – раннюю и позднюю железные эпохи – было первым шагом по систематизации накопленных к тому времени археологических материалов. И если время существования «поздней железной эпохи» было определено XII-XVI вв., то нижняя хронологическая граница предшествовавшей ей ранней эпохи оставалась открытой. К «культуре курумчинских кузнецов» были отнесены все

археологические объекты, располагавшиеся, по мнению Б.Э. Петри, между неолитом и монгольским временем.

Кардинальное изменение ситуации с периодизацией археологических памятников Прибайкалья наступает в 40-е гг., после публикации А.П. Окладниковым ряда работ по неолиту – железному веку региона. Исследователь сопоставляет культуру курумчинских кузнецов с курыканами-гулиганями китайских и тюркских источников и датирует VI-X вв. н.э. Вследствие этого между памятниками бронзового века Прибайкалья и курумчинской культурой образуется лакуна, названная ранним железным веком, которая долгое время была заполнена лишь единичными археологическими находками. К их числу относились и два захоронения с Верхней Лены – Старый Качуг и Белоусово (Окладников, 1978; Зубков, 2010). Судя по погребальному ритуалу и сопроводительному инвентарю – это первые захоронения елгинского типа, исследованные на территории Предбайкалья.

1.2. Второй этап 50-е – 80-е гг. XX в.

Обобщение всех данных по древней истории Прибайкалья и появление в 50-е гг. XX в. новых материалов, позволило А.П. Окладникову заново разработать культурно-хронологическую схему региона, в которой еще неуверенно, но уж появился период, называемый ранним железным веком.

Предпринятые в 50-х гг. крупномасштабные раскопки в зоне строящихся Ангарских гидроэлектростанций дали богатый археологический материал, на основе которого была сделана попытка выделить культуру раннего железного века, предшествовавшую курумчинской (Окладников, 1958, 1963; Седякина, 1955).

В 1951-1955 гг. экспедицией под руководством А.П. Окладникова проводились работы в зоне затопления Иркутской ГЭС (верхнее течение р. Ангары) (Окладников, 1951, 1952, 1953, 1954). В результате послойных раскопок на о. Сосновом выявлена культурно-историческая стратиграфия поселений неолита – железного века. «В дерне и поддерновом слое супеси преобладают

культурные остатки тюркского курыканского времени (VI – VIII вв. н.э.), глубже, в том же темном слое – остатки материальной культуры людей, живших на острове в раннем железном веке (III в. до н.э. – II в. н.э.), еще глубже – бронзового века (XIII – III вв. до н.э.)...» (Окладников, 1952, с. 15). Особенности памятника не позволили археологам стратиграфически разделить керамику раннего железного века и курумчинскую посуду. Порой та и другая находились в одном слое и на одном уровне. Дифференциация керамических комплексов была осуществлена морфологическим способом.

К курумчинской культуре А.П. Окладников относит грубые толстостенные горшки, покрытые незатейливым резным узором в виде свисающих вниз и перекрещивающихся вверху арок. К другой культуре, более древней, чем известная культура «курумчинцев», исследователь причисляет более изящные по форме сосуды, стенки которых тоньше, а узор богат и своеобразен: «Узор этот резной, линейный, представляет собой как бы декоративно-стилизованное изображение дерева со свисающими вниз ветвями или листьями» (Окладников, 1958, с. 18-19).

Выделяя на островах Сосновый, Лесной и Коноваловский культурные остатки тюркского времени (V – XI вв. н.э.), залегающие в поддерновом слое супеси, и находки раннего железного века (II – V вв. н.э.), фиксируемые в основании черной поддерновой супеси, обильно насыщенной грубоокатанной галькой, Е.Ф. Седякина также обратила внимание на различие в керамических комплексах обеих культур. Для керамики раннего железного века она считает характерными тонкостенные черепки красновато-бурого цвета, орнаментированные разнообразными видами резного орнамента, косыми нарезками по краю венчика, широкими свисающими налепными валиками, рядами параллельных вдавлений. По форме это маленькие стаканообразные сосуды или высокие сосуды с сильно отогнутым краем. Сосуды тюркского времени Е.Ф. Седякина характеризует как толстостенные, с узким дном и широким утолщенным краем. Стенки этих сосудов черного или темно-бурого цвета, сглажены до лощения (Седякина, 1955, с. 119).

В 1953 г. в связи с раскопками на о. Лесном представления А.П. Окладникова о времени бытования поселения, на котором обнаружена керамика с растительным орнаментом, меняются. «Хронологические границы его существования определяются двумя фактами: а) находкой каменного изделия с руническими знаками, которое может быть позднее VIII-IX вв.; б) китайская монета XI века династии Сун. Очевидно и то, что жители поселения были тюрками, ибо за это говорит наличие рунического письма. Значит, это были, всего вероятнее, соседи курыканов, живших вниз по Ангаре и к востоку от нее в долине р. Куды» (Окладников, 1953, с. 520).

Находки, сделанные в 1954 г., по всей видимости, позволили А.П. Окладникову вернуться к прежней гипотезе о существовании на ангарских островах культуры, предшествовавшей курыканской. На островах Коноваловский и Кочерга, обследованных в 1955 г., были выделены слои раннего железного века, лежавшие ниже слоев тюркского времени (Окладников, 1955, с. 85).

Керамика с растительным орнаментом обнаружена и во время раскопок в 1957 г. на городище Улан-Бор (Забелина, Окладников, 1959), и на поселении Усть-Талькин (Седякина, Окладников, 1959). При этом, анализируя находки с поселения, Е.Ф. Седякина приходит к заключению, что можно выделить 2 стадии его существования: более позднюю – VI-XI вв. и более раннюю – эпоху раннего железного века – II-V вв. н.э. (Окладников, 1957, с. 109). Найденная на городище Улан-Бор серебряная серьга позволила А.П. Окладникову датировать памятник VIII – IX вв. н.э. (Окладников, 1963). Н.Н. Забелина – руководитель раскопок на городище – омолаживала время существования памятника, определяя его IX – XI вв. (Забелина, 1959, с. 22).

В 1958 г. отдельные фрагменты керамики с растительным орнаментом отмечены на поселении, расположенном у подножия городища Улан-Бор. В результате раскопочных работ выяснено, что оно имеет 2 культурных слоя. Верхний соотносится с черноземовидным суглинком мощностью 10-15 см, а нижний – с золистым слоем мощностью 15-45 см (Седякина, Окладников, 1958, с. 2-3). Предварительно время существования поселения Е.Ф. Седякина определила

VI – XII вв. (Седякина, Окладников, 1959, с. 49). В дальнейшем исследователь проводит датировку каждого слоя поселения в отдельности, соотнося их с двумя этапами культуры тюркских племен в Прибайкалье. Первый из них охватывает VI – VII вв., а второй – VII – IX вв. (Седякина, 1960, с. 65). Форма наконечников стрел, обнаруженных на памятнике, и наличие светильников-чирагов позволило А.П. Окладникову говорить о его датировке IX-X вв. (Окладников, 1963).

На большинстве ангарских памятников культурные слои железного века оказались смешанными, что, по всей видимости, и зародило у А.П. Окладникова сомнения по поводу существования культуры раннего железного века, характеризующейся керамикой с «растительным орнаментом». Еще большую сумятицу в представлениях исследователя, вероятно, внесли материалы, полученные в результате раскопок унгинского поселения (Седякина, 1960). Вместе с гладкостенной керамикой на нем обнаружены находки «среднеазиатского облика» (Окладников, 1963), а все датирующие вещи относились к XIII-XIV вв. (Дашибалов, 1995, с. 53). Поэтому после раскопок на Ангаре периодизация и хронология археологических культур железного века Предбайкалья так и не была пересмотрена.

В 1950 – 1970-х гг. вопросами железного века Прибайкалья вплотную занимался В.В. Свинин, которым были открыты и частично исследованы разнотипные археологические объекты в разных частях байкальского побережья. В 1963 – 1965 гг. им проводились работы на северо-западном побережье Байкала (Свинин, 1966) и на побережье Чивыркуйского залива (Горюнова, Лыхин, 1985; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). В 1966 г. экспедицией БКНИИ СО АН СССР при участии В.В. Свинина открыто и частично раскопано несколько стоянок на южном побережье Байкала. Археологические материалы, относимые исследователем к бронзовому и раннему железному векам, обнаружены на стоянках Борисовская Падь, Березовый мыс и Никола I, последняя из которых является многослойным объектом (Свинин, 1971).

В своих работах В.В. Свинин отказался от предложенного А.П. Окладниковым деления древней истории Прибайкалья на культурно-

исторические этапы (серовский, глазковский и т.д.) и остановился на привычной периодизации эпохи первобытности на каменный, бронзовый и железный века с последующей градацией каждого периода на этапы – ранний, поздний, финальный и т.д. Однако при интерпретации стояночных материалов, сопоставляя их с материалами погребений, исследователь соотносит некоторые этапы неолита и бронзового века с культурно-исторической схемой А.П. Окладникова. Предложенная В.В. Свининым периодизация археологических памятников Прибайкалья выглядит следующим образом (Свинин, 1976, с. 177-178):

1. Поздний мезолит (VII – пер. пол. V тыс. до н.э.);
2. Финальный мезолит (втор. пол. V тыс. до н.э.);
3. Ранний неолит (IV – пер. пол. III тыс. до н.э.);
4. Поздний неолит (втор. пол. III – пер. пол. II тыс. до н.э.);
5. Ранний бронзовый век (энеолит) – втор. пол. II тыс. до н.э.;
6. Поздний бронзовый век (XIII – VI вв. до н.э.);
7. Переходный период от позднего бронзового века к раннему железному веку (V в. до н.э. – II в. н.э.);
8. Поздний железный век (V – XI вв. н. э.).

В переходный период от бронзы к железу по В.В. Свинину появляется керамика на кольцевом поддоне и орнаментированная различными налепными валиками, но изготовленная выбиванием гладкой колотушкой. Исследователь отмечал, что подобная керамика встречается в плиточных могилах Забайкалья, которые в свое время были датированы Н.Н. Диковым V – II вв. до н.э. На стоянках байкальского побережья гладкостенная керамика на поддонах «фиксируется в горизонтах, выше которых залегают остатки курыканской керамики». Поэтому датировка гладкостенных сосудов, орнаментированных налепными валиками, сводилась к V в. до н.э. – II в. н.э. Увязать с этой керамикой какие-либо металлические изделия – бронзовые или железные – не представлялось возможным (Свинин, 1971; 1976, с. 175).

Также к этому периоду В.В. Свининым отнесены некоторые плиточные

могилы Приольхонья, с появлением которых объяснялось проникновение на западное побережье Байкала скотоводства (Свинин, 1971, с. 68; 1971а).

К поздней поре железного века (V – XI вв. н. э.) В.В. Свинин относит «курумчинскую» или курыканскую керамику – толстостенные сосуды с плоским дном, орнаментированные округлыми рассеченными валиками или прочерченными геометрическими линиями. Вместе с этой керамикой на стоянках Байкала встречаются и более изящные горшки, украшенные растительным узором. «Курумчинская» керамика явилась основным датирующим элементом для целого ряда археологических памятников побережья Байкала – металлургические печи, каменные стены-городища и «шатровые» могилы (Свинин, 1971, 1976).

В середине 70-х гг. к исследованиям в Приольхонье приступила археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР под общим руководством А.П. Окладникова. Раскопками средневековых памятников занимался отряд, возглавляемый И.В. Асеевым. Итогом его исследований стал ряд статей (Асеев, 1979а, 1979б) и монография «Прибайкалье в средние века (по археологическим данным)» (Асеев, 1980). В работе И.В. Асеева впервые предложена культурно-хронологическая схема развития средневековых памятников Приольхонья. Исследованные могилы (всего 154 шт.) не одинаковые по своему устройству. Отмечены сооружения шатрового типа, округлые или четырехугольные в плане. Плиты устанавливались по периметру в 2-3 ряда с наклоном к центру. Плоские каменные кладки, сложенные из плит в 2-3 слоя, овальные или округлые в плане и четырехугольные оградки, напоминающие своим устройством плиточные могилы. Четвертую группу составляют кладки, большинство из которых разрушено, и поэтому их невозможно отнести к той или иной группе (Асеев, 1980, с. 45-47, табл. 1, с. 57, табл. 2).

По мнению И.В. Асеева, инвентарь средневековых могильников свидетельствует о одновременности отдельных захоронений. Поэтому он выделяет четыре группы погребений. Первая из них датируется III в. до н. э. – I в.

н.э., вторая – VI-X вв. н.э., третья – X – XI вв. н.э. и четвертая – XII – XIV вв. н.э. (Асеев, 1980, табл. LIX).

К первой группе погребений И.В. Асеев отнес шатровые могилы с обрядом трупоположения: Куркутский комплекс I – 133, Куркутский комплекс II – 4, 19. Погребенные располагались скорченно на правом боку. В могиле № 19 костяк младенца был заключен во внутримогильную конструкцию, состоящую из вертикально установленных плит. Погребальный инвентарь представлен железными полусферическими пуговицами, бронзовой ажурной пластиной с фигурками извивающихся змей, костяным наконечником стрелы с раздвоенным насадом. Захоронения первой группы датируются исследователем концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. и связываются с пришлым населением, переселившимся в Предбайкалье под натиском гуннов (Асеев, 1980, с. 129).

В заключительной части монографии «Прибайкалье в средние века» И.В. Асеев делает несколько выводов об этнической истории обитателей Прибайкалья. По мнению исследователя, в эпоху раннего железа или чуть позднее в Прибайкалье проникает какая-то часть гуннских племен. «Очевидно, гунны не оказали существенного влияния на материальную культуру населения Западного Прибайкалья» (Асеев, 1980, с. 143). Лишь через несколько столетий после распада гуннского племенного союза, во второй половине I тыс. местные племена Прибайкалья выступили как самостоятельное политическое объединение «уч-курукан», т.е. «союз трех племен». У курыкан было комплексное хозяйство: земледелие с применением искусственного орошения, скотоводство, рыболовство, охота и коневодство. Особенно больших успехов, по словам И.В. Асеева, курыкане достигли в железоплавильном и кузнечном ремеслах. «Главная роль курыкан в истории племен Прибайкалья заключается в том, что они были тем ядром, на базе которого во II тыс. н.э. происходит становление якутской народности. Монголоязычные предки бурят, появившиеся в Прибайкалье в XI-XII вв. н.э., а может быть, и ранее, заимствовали от курыкан элементы скотоводческо-земледельческого хозяйства» (Асеев, 1980, с. 143).

На северном побережье озера Байкал первые погребения железного века

обнаружены в 1976 г. отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета. Захоронения располагались на береговом уступе высотой 6-7 метров от современного уровня озера на территории стоянки Курла II. Над погребениями зафиксированы остатки каменных кладок, под которыми находились могильные ямы. Погребенные располагались на спине вытянуто, головой на восток. Благодаря находкам бронзовых изделий (зеркал с полукруглой дужкой в центре, фигурных бляшек с развернутыми в противоположные стороны головами грифонов; кинжала с бабочковидным перекрестием; клинообразного кельта) могильник датирован серединой или второй половиной I тыс. до н.э. (Шмыгун, Сергеева, Лыхин, 1981).

С начала 1970-х гг. к работе в Приольхонье приступает Комплексная археологическая экспедиция ИГУ (КАЭ ИГУ) под руководством О.И. Горюновой. Периодизация культурно-исторических этапов каменного, бронзового и железного веков, разработанная О.И. Горюновой по материалам многослойных стояночных объектов Приольхонья (Улан-Хада, Итырхей, Берлога, Тышкинэ II и III, Саган-Заба, Саган-Нугэ, Кулара III, Семисосенная II), долгое время будет являться эталоном и в дальнейшем ляжет в основу построения подобных периодизаций остального байкальского побережья. Хотя с течением времени взгляды исследователя на хронологию и характеристику культурно-исторических этапов в целом будут меняться.

Так, во второй половине 1980-х гг. представления автора относительно разбивки и хронологии этапов бронзового и железного веков выглядят следующим образом (Горюнова, 1984, 1987; Горюнова, Воробьева, 1986):

1. Ранний бронзовый век ((4,0) 3,8 – 3,3 тыс. л.н.);
2. Развитый бронзовый век (3,3 – 2,8 тыс. л.н.);
3. Поздний бронзовый век (2,7 – 2,6 тыс. л.н.);
4. Ранний железный век (2,5 – 2,3 (2,2) тыс. л.н.);
5. Поздний железный век (1,5 – 1,0 тыс. л.н.).

Ранний железный век по О.И. Горюновой представлен материалами многослойных стоянок Итырхей (0-й горизонт) и Улан-Хада (большая часть 0-х

горизонтов) и сопоставим с саянтуйским этапом культуры плиточных могил Забайкалья. Характерной для этого этапа является гладкостенная керамика баночной формы с уплощенным дном или на поддонах, украшенная налепными валиками. Последние дополнительно деформировались пальцевыми защипами или зубчатыми насечками. Каменный и костяной инвентарь невыразителен. Встречаются железные и бронзовые изделия. Одной из характерных форм является односторонний нож с петелькой вместо рукояти (Горюнова, Воробьева, 1986).

Поздний железный век характеризуется материалами многослойных стоянок Тышкинэ II и III (слои III – I). Вещественный комплекс представлен толстостенной керамикой с гладкой поверхностью, орнаментированной налепными валиками и «арочным» узором, железным ножом с черешком, железным черешковым наконечником стрелы с тремя узкими лопастями и костяными наконечниками стрел треугольными в сечении и плоским насадом. По мнению автора, этот этап соотносится с курыканским временем (Горюнова, 1984, 1987).

В 1984 г. к раскопкам памятников железного века на побережье Байкала приступил Байкальский археологический отряд БНЦ СО АН под руководством Б.Б. Дашибалова. Полученный в результате исследований материал, позволил Б.Б. Дашибалову разработать хронологию археологических объектов Прибайкалья, которая в окончательном виде была представлена в его диссертации (Дашибалов, 1990), а затем и монографии, вышедшей в 1995 г. «Археологические памятники курыкан и хори» (Дашибалов, 1995). Б.Б. Дашибалов определил черты, позволяющие объединить погребения в курумчинскую археологическую культуру. К ним относятся: соседство погребений с курумчинскими поминальниками; находки керамики; преобладание двух видов положения умершего – вытянуто на спине и скорчено на боку; преимущественная ориентировка на СВ. Выделено четыре хронологических периода в развитии культуры, каждый из которых, по мнению Б.Б. Дашибалова, отражает последовательную эволюцию погребального обряда и инвентаря.

Период раннего средневековья характеризуется в Приольхонье захоронениями черенхынского типа. По мнению Б.Б. Дашибалова, они принадлежат курыканам, которые в VI в. образовали союз племен. «Основу его составили потомки населения культуры плиточных могил, в этот союз вошли остатки хуннских родов, сюда же влились и выходцы из Хакасско-Минусинской котловины. Главным компонентом, скрепившим и связавшим все эти разнородные и даже чуждые по началу группы, были местные племена, которые издревле жили по берегам Байкала» (Дашибалов, 1997, с. 13).

Схожие представления о процессе формирования курыкан сложились и у П.Б. Коновалова: «В Предбайкалье «плиточно-хуннские» элементы наложились на местный культурно-этнический субстрат тунгусо-самодийского происхождения, в результате чего сложилась курумчинская культура, в которой преобладал тюркский компонент» (Коновалов, 1999, с. 153).

По мнению А.Д. Цыбиктарова, в V в. до н.э. захоронения на боку с согнутыми ногами приходят в Забайкалье на смену плиточным могилам (Цыбиктаров, 1998, с. 110), а во II в. до н. э. они были вытеснены из Селенгинской долины хуннами.

В плиточных могилах, располагавшихся к западу от Байкала, не отмечено впускных погребений на боку с согнутыми ногами. Строители плиточных могил как к востоку от Байкала, так и к западу от него хоронили своих умерших вытянуто на спине, головой на восток – юго-восток. В связи с этим, по мнению А.В. Харинского, неверно воспринимать культуру плиточных могил как среду, в которой формировались средневековые погребальные традиции. Это замечание относится и к внутримогильным конструкциям в виде каменного ящика, традиция сооружать которые, по мнению Б.Б. Дашибалова, также идет от плиточных могил (Харинский, 2001а, с. 38).

Вторая половина XX в. характеризуется постепенным накоплением археологических материалов, датирующихся железным веком. Исследователи фиксируют индивидуальность этого периода и пытаются вписать его в уже сложившиеся культурно-хронологические схемы. Это, как правило, не получается

и в конце концов приводит к игнорированию некоторыми исследователями новых данных или созданию достаточно сложных конструктов, составные части которых практически не сочетаются друг с другом.

1.3. Третий этап 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.

Третий этап исследования памятников железного века в Предбайкалье характеризуется проведением планомерных раскопок погребальных и поминальных памятников, выделением елгинского типа захоронений, ставших основным критерием при характеристике железного века в истории Предбайкалья.

В середине 80-х – начале 90-х гг. Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова, В.М. Ветров, Н.Е. Бердникова, В.В. Павлуцкая) на территории Приольхонья проводились работы по составлению Свода археологических памятников. Исследователи обнаружили и частично исследовали 15 новых пунктов захоронений раннего железного века, насчитывающих более 40 могил. Из них 18 погребений вскрыто. На 9 археологических объектах отмечены плиточные могилы: Еланцы II и Ангусо-Елга II в долине р. Анга; Карганай I, Черноруд VIII и XI по склонам гор, окружающих долину р. Кучелга; Сарма VI и X в окрестностях одноименного поселка и Хонхой I и VIII на о. Ольхон. Кроме них было зафиксировано два археологических памятника, по особенностям конструкции отличающихся от плиточных могил. Это объекты Бутухей II и Шибэтэ VI, отнесенные к эпохе раннего железного века, а точнее к хуннскому времени – II в. до н.э. – IV в. н.э. (Пудовкина, Павлуцкая, 1990).

На Шибэтэ VI, расположенном в средней части острова Ольхон, были вскрыты две кладки, под одной из которых отмечено погребение. Кладка захоронения овальной формы, размером 3 x 2 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Могильная яма также овальная, глубиной до 0,7 м. Трупомещение вытянутое, на спине, головой по одним источникам ориентировка на ЮВ (Пудовкина, Павлуцкая, 1990), по другим на СЗ (Горюнова, 1993; Горюнова, Свинин, 1995). Из

сопровождающего инвентаря обнаружена бронзовая бляшка прямоугольной формы, декорированная симметрично расположенными по углам головами грифонов. Под второй конструкцией овальной кольцевой формы, размером 4 x 3 м, встречено скопление зубов животных. Кладка ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Горюнова, Свинин, 1995). На местонахождении Бутухей II, расположенном в 14 км к северо-востоку от пос. Еланцы, вскрыто погребение. Оно находилось под кольцевой, овальной формы кладкой, размером 4,6 x 3,0 м. Длинной осью сооружение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. В могильной яме, глубиной 0,35 м, зафиксированы остатки захоронения. Труположение вытянуто, на спине, головой на ЮВ. В кладке найден железный петельчатый нож с выгнутой спинкой и желобком. Среди разрозненных костей человеческого скелета в могильной яме встречены листовидный костяной наконечник стрелы с расщепленным насадом, обломок бронзовой бусины, фрагмент неорнаментированной гладкостенной керамики, 2 фрагмента железной пластины и каплевидная бусина из амазонита (Пудовкина, Павлуцкая, 1990).

В 1988 г. Маломорским отрядом Байкальской комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством О.И. Горюновой проведены раскопки на могильнике Елга VII (Горюнова, Пудовкина, 1995). Вскрыто 17 искусственных каменных сооружений, расположенных на юго-восточном склоне холма. Под 14 из них зафиксированы следы захоронений. Непосредственно к эпохе раннего железа отнесены 12 могил, над которыми отмечены надмогильные кладки прямоугольной конфигурации из плашмя уложенных плит. Размеры конструкций от 4,0-3,7 до 3,0-1,7 м. Ориентировка кладок длинной осью преимущественно по линии СЗ-ЮВ. Позиция умерших – скорченно, в основном на правом боку, головой ориентированы на ЮВ. Несмотря на то, что все погребения были разрушены еще в древности, обнаруженный сопроводительный инвентарь оказался чрезвычайно интересен для определения культурной принадлежности населения, оставившего могильник. Находки представлены гладкостенными сосудами на поддонах и с уплощенным дном, украшенными тонкими наlepными валиками; полусферическими пуговицами из бронзы и

железа; удилами и кольцами из железа, а также фрагментами железных предметов.

На могильнике было выделено три группы могил. К первой группе погребений отнесены захоронения, совершенные под контурными прямоугольными кладками, выложенных из горизонтально уложенных камней. Преимущественная ориентация кладок по линии СЗ-ЮВ. Трупомещение – на боку (преимущественно правом), с поджатыми ногами. Ориентация головой на ЮВ. Исследователи предложили выделить эти погребения в отдельную «елгинскую» группу захоронений раннего железного века и определили ее место «в хронологическом ряду непосредственно между культурой плиточных могил и курыканами» (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 171). Время ее существования было определено концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Не противоречили этому возрасту и радиокарбонные даты, полученные по костякам – погребение №3 – 1890±50 л.н. (ГИН-7643), погребение № 13 – 1960±60 л.н. (ГИН-7644), погребение №19 (№5) – 2050±160 л.н. (ГИН-7645) (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 171).

В 1993 г., еще до публикации материалов, полученных в результате раскопок Елга VII, О.И. Горюнова, анализируя захоронения железного века Предбайкалья, разделила их на три группы: плиточные могилы (VII – III вв. до н.э.), елгинскую (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) и бутухейскую (II в. до н.э. – I в. н.э.). В елгинскую группу включены захоронения из 3 пунктов: Елга VII, Куркутский комплекс I-133, Куркутский комплекс II-4. Надмогильные сооружения елгинских захоронений напоминали контурные прямоугольники, сложенные из камней. Погребенные располагались, преимущественно, на правом боку с поджатыми ногами. Ориентированы головой на ЮВ (Горюнова, 1993). В бутухейскую группу погребений вошли: Шибэтэ VI и Бутухей II, исследованные в Приольхонье (Пудовкина, Павлуцкая, 1990), и, возможно, разрушенное погребение с о. Осинского. Бутухейцы хоронили умерших вытянуто, на спине, головой на ЮЗ и ЮВ. Над могилой сооружались кладки кольцевой, овальной формы (Горюнова, 1993).

Наряду с выделением в раннем железном веке Прибайкалья елгинской

группы захоронений, происходит появление новых данных по этому периоду, полученных в результате раскопок О.И. Горюновой стоянок и поселений. В первой половине 1990-х гг. в периодизацию культурно-исторических этапов байкальского побережья О.И. Горюновой вносится ряд изменений, касающихся пересмотра хронологии и характеристики старых этапов и выделением нового – «переходного периода к раннему железному веку». Эта периодизация выглядит следующим образом (Воробьева, Горюнова, 1996, с. 12-13):

1. Ранний бронзовый век (4,1 – 3,6 тыс. л.н.);
2. Развитый бронзовый век (3,6 – 3,1 тыс. л.н.);
3. Поздний бронзовый век (3,0 – 2,8 тыс. л.н.);
4. Переходный период к раннему железному веку (2,7 – 2,6 тыс. л.н.);
5. Ранний железный век (2,5 – 1,6 тыс. л.н.);
6. Поздний железный век (1,5 – 1,0 тыс. л.н.).

«Ранний железный век» по периодизации О.И. Горюновой 1980-х гг. претерпел ряд существенных изменений в начале 1990-х гг. Теперь этот этап датировался V в. до н.э. – IV в. н.э. и дополнялся материалами плиточных могил (VII – III вв. до н.э.), а также елгинской (рубеж эр) и бутухейской (II в. до н.э. – I в. н.э.) группами погребений, выделенными О.И. Горюновой в статье «Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы)» (1993).

Со второй половины 1980-х гг. по настоящее время свою научно-исследовательскую деятельность в области каменного, бронзового и железного веков на территории Предбайкалья проводит А.В. Харинский. Принцип деления древней истории Прибайкалья на культурно-исторические этапы, предложенный еще А.П. Окладниковым, был отчасти заимствован А.В. Харинским для построения собственных периодизаций. Главным критерием для выделения каждого этапа, по мнению автора, выступает погребальный обряд, как один из наиболее устойчивых признаков культуры. Смена одного погребального обряда другим знаменует «наступление нового этапа в культурной жизни края, сопоставимое со становлением новой культуры» (Харинский, 2001б, с. 106).

Результаты исследований А.В. Харинского в области железного века Прибайкалья были выражены в нескольких локальных периодизациях, опубликованных, как правило, в соавторстве с другими исследователями (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Харинский, Карнышев, 2003; Туркин, Харинский, 2004; Харинский, 2005а; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009).

Так, в совместной статье с М.А. Зайцевым и В.В. Свиным «Плиточные могилы Приольхонья» А.В. Харинский предпринял попытку градуации исследованных на тот момент погребальных комплексов позднего бронзового – раннего железного веков (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). Все известные плиточные могилы разделены автором по особенностям надмогильной конструкции (оградки) на три группы: хужирская, тырганская и хужир-нугойская. Однако небольшое количество изученных погребений и полученных по ним дат не позволило исследователю подкрепить эту дифференциацию хронологически, что будет сделано позже (Туркин, 2003). Однако общий период бытования плиточных могил в Приольхонье теперь можно было обозначить VIII – III вв. до н.э., тем самым опустив нижнюю временную границу (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995).

Вместе с тем, полученная по плиточной могиле Хужир IV-9 радиоуглеродная дата – 2590 ± 30 л.н. (ГИН-6849), соответствующая с учетом калибровки VIII в. до н.э., отбивала не только проникновение культуры плиточных могил на западное побережье Байкала, но и появление железа в Предбайкалье: в составе сопроводительного инвентаря, помимо костей домашних животных, фрагмента керамики с оттисками шнура и бронзовых бляшек, отмечена железная пластинка с тремя отверстиями (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995).

С конца 90-х гг. А.В. Харинским начинают проводиться планомерные исследования погребальных и поминальных комплексов железного века на северном побережье озера Байкал. Первое захоронение елгинского типа исследовано здесь в 1996 г. на погребально-поминальном комплексе Байкальское XXVII. Памятник открыт в 1964 г. Л.П. Хлобыстиным. На южном пологом склоне

горы, находящейся к северу от села Байкальское, им отмечено две кольцевые каменные кладки (Хлобыстин, 1964). В 1988 г. М.А. Зайцевым вскрыта одна из кладок – №1. Под ней обнаружены фрагменты гладкостенного сосуда, украшенного горизонтальными и вертикальными рядами налепных валиков, рассеченных поперечными треугольными в сечении вдавлениями. С 1996 по 2000 гг. А.В. Харинским, помимо уже известных кладок, зафиксировано еще 10 искусственных каменных сооружений. Одна кладка (№2) вскрыта в 1996 г. Она овальной формы, размером 2,5 x 5 м, ориентирована длинной осью по линии З-В. При расчистке кладки найдены остатки сосуда, покрытого снаружи ромбическими оттисками и украшенного рассеченным налепным валиком. К юго-западу от остатков сосуда раскопана бронзовая ложечковидная застежка ремня. На глубине 15 см от поверхности земли, под камнями, обнаружены бронзовый нож и железный трехлопастной наконечник стрелы. В могильной яме обнаружены отдельные кости человека. Судя по их расположению, погребенный был уложен головой на восток. Небольшие размеры могильной ямы (0,65 x 1,60 м) позволили автору раскопок предположить, что умерший был погребен с подогнутыми ногами. Вместе с человеческими останками в яме обнаружены бронзовая литая пуговица; костяной упор для сверла, являющийся деталью верхней части прибора для добывания огня трением; бронзовая бляшка с изображением рогатого животного (Харинский, 1997; Харинский, 2003).

В 1999 году во время осмотра окрестностей местонахождения Байкальское XXVII А.В. Харинским открыт погребально-поминальный комплекс железного века Байкальское XXXI, локализующийся в 0,2 км к юго-востоку от памятника Байкальское XXVII. На памятнике отмечено 8 искусственных каменных кладок. В 1999 г. погребения № 1 и № 3 были вскрыты. Под кладками обнаружены останки погребенных, которые располагались на левом боку, с подогнутыми ногами, головой ориентированы на юго-восток (Харинский, 2000).

Еще один погребально-поминальный комплекс периода рубежа эр Байкальское VII открыт в 1988 г. сотрудниками Иркутского государственного университета А.В. Харинским и М.А. Зайцевым. В 1995 году на нем начаты

раскопки. Вскрыт комплекс № 1. Обнаруженный материал представлен обломком рога благородного оленя, фрагментами костей животных и остатками керамического сосуда с оттисками шнура (Харинский, 1996).

В 2001 г. А.В. Харинским защищена докторская диссертация «Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация (по материалам погребальных комплексов)». В диссертации и вышедшей в этом же году монографии А.В. Харинского с таким же названием предлагается культурно-хронологическая схема истории Предбайкалья, разработанная на материалах погребальных комплексов Прибайкалья (Харинский, 2001):

1. Первый (елгинский) этап (II в. до н.э. – VIII в. н.э.);
2. Второй этап (VIII – XII вв. н.э.);
3. Третий этап (XII – XVII вв. н.э.).

Елгинский этап связан с распространением на побережье Байкала и в Ангаро-Ленском районе захоронений елгинского типа, которые характеризуются расположением умерших в могильных ямах, на боку, с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них, прежде всего, выделяются изделия из бронзы, связываемые с хуннуской культурной традицией. В елгинских погребениях обнаружены гладкостенные сосуды и сосуды с ромбическими оттисками. Среди орнаментов наиболее распространенными являются налlepные горизонтальные и вертикальные валики и круглые вдавления. Дно сосудов плоское или имеет поддон (Харинский, 2001б, с. 109).

По мнению А.В. Харинского, во время елгинского этапа на территории Предбайкалья появляются новые типы археологических памятников, свидетельствующие о значительных изменениях как в материальной, так и в духовной культуре населения края. В конце I тыс. до н.э. в Приольхонье складывается несколько крупных металлургических центров по производству железа. На возвышенных местах в Предбайкалье (горы, мысовидные выступы,

скалистые мысы), доминирующих над окружающей местностью, сооружаются городища-святилища. Еще одним типом памятников, получивших широкое распространение в Предбайкалье на елгинском этапе, являются поминальники – конструкции из камней, под которыми не обнаружены останки человеческих захоронений (Харинский, 2001б, с. 109-111).

В 2003 г. итогом обобщения и переосмысления имеющихся материалов по плиточным могилам Предбайкалья, дополненных раскопками новых погребений и результатами радиоуглеродного анализа, явилась диссертационная работа Г.В. Туркина «Лесостепное Предбайкалье в конце II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов)». Источниковую базу работы Г.В. Туркина составили археологические материалы 50 плиточных могил и 11 погребений с плоскими кладками, география которых включала районы Приольхонья (52), Кудинской долины (3), верхнего течения р. Ангара (2) и северо-западного побережья Байкала (4).

Все погребально-поминальные комплексы Предбайкалья, попадающие во временной интервал втор. пол. II – кон. I тыс. до н.э., по конструктивным особенностям надмогильных сооружений были разделены Г.В. Туркиным на шесть групп, четыре из которых были выделены ранее О.И. Горюновой (бутухейская) и А.В. Харинским (хужирская, тырганская и хужир-нугойская). Хоторукская и будунская группы выделены автором впервые (Туркин, 2003).

На основе радиоуглеродного метода датирования, выступающего в работе Г.В. Туркина как основного, были установлены хронологические рамки пяти (из шести) погребальных групп. Бутухейская группа погребений, выделенная О.И. Горюновой для эпохи раннего железного века и датируемая ей II в. до н.э. – I в. н.э. (Горюнова, 1993), теперь удревнялась. На территории Приольхонья эта группа датировалась в пределах XIV–XIII – VI–V вв. до н.э. Кроме того, включение в бутухейскую группу двойного погребения с о. Осинского, по мнению Г.В. Туркина, является неправомерным, так как расположение погребенных скорченно и отсутствие надмогильной кладки исключает это погребение из состава группы. На северо-западном побережье Байкала, как

отмечает автор, бутухейская группа погребений датируется более поздним временем (сер. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) (Туркин, 2003).

С получением целой серии радиоуглеродных дат Г.В. Туркину удалось разбить хронологически выделенные в свое время А.В. Харинским группы плиточных могил (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). Тырганская группа теперь соответствовала XII – IV-III вв. до н.э., хужир-нугойская датировалась IX – III вв. до н.э. и хужирская соотносилась с VII – V вв. до н.э. Время сооружения плиточных могил хоторукской группы, выделенной Г.В. Туркиным, определялось VII – IV-III вв. до н.э. Будунская группа погребений с плоскими кладками, представленная двумя детскими захоронениями без сопроводительного инвентаря, не была датирована (Туркин, 2003).

Удревнив бутухейскую группу погребений на территории Приольхонья (XIV-XIII – VI-V вв. до н.э.), Г.В. Туркин подверг критике предложенные О.И. Горюновой позднебронзовые варианты погребального обряда – шумилихинский (IX – VIII вв. до н.э.), шиверский (XIII – IX вв. до н.э.) и мухорский (X – VIII вв. до н.э.). Во-первых, на основе радиоуглеродного анализа погребения шумилихинского варианта по всей территории Предбайкалья датировались ранним бронзовым веком (кон. III – нач. II тыс. до н.э.). Во-вторых, объединение в мухорскую группу двух погребений, различающихся надмогильной конструкцией и погребальным обрядом, ставило под сомнение выделение самой группы и ее датировку. Погребение № 1 могильника Шумилиха Г.В. Туркин предложил соотнести с южнобайкальской группой погребений, датируемой по радиоуглеродным датам кон. III – втор. пол. II тыс. до н.э., а погребение № 13 могильника Улярба – считать переходной формой в погребальном обряде между саган-нугойской и бутухейской группами погребений. И, в-третьих, шиверская группа погребений, по мнению Г.В. Туркина, на территории Приольхонья и Кудинской долины вообще не встречена (Туркин, 2003).

В итоге, по результатам диссертационного исследования погребально-поминальные комплексы Приольхонья позднего бронзового – раннего железного веков разделены Г.В. Туркиным на два этапа (Туркин, 2003, с. 24):

1. Бутухейский этап (XIV – VII вв. до н.э.) – поздний бронзовый век;
2. Хужирский этап (VII – III вв. до н.э.) – ранний железный век.

Бутухейский этап, по мнению Г.В. Туркина, «характеризуется продолжением традиций бронзового века». В самом начале этапа местное население придерживается бутухейской погребальной традиции. Затем, в конце II тыс. до н.э., происходит первая волна миграции скотоводов из Забайкалья. На территории Приольхонья появляются плиточные могилы тырганской группы. По мнению автора, сосуществование двух погребальных традиций было отдельным.

Хужирский этап начинается со второй волны миграции скотоводов из Забайкалья. Начиная с VII в. до н.э. в Приольхонье фиксируются плиточные могилы хоторукского типа, напоминающие своим обликом забайкальские погребальные комплексы. Вместе с тем, начинают сооружаться плиточные могилы хужирского типа. В одном из таких погребений (Хужир IV-9) обнаружена самая древняя находка железного изделия. В VI – V вв. до н.э. в Приольхонье бутухейская погребальная традиция завершает свое существование. В это же время появляются плиточные могилы хужир-нугойской группы. В III в. до н.э. плиточные могилы тырганской, хоторукской и хужир-нугойской групп исчезают – эпоха сооружения плиточных могил заканчивается. Вместо них со II в. до н.э. на территории Приольхонья появляется елгинская погребальная традиция, коренным образом отличающаяся от предыдущих погребальных обрядов I тыс. до н.э. (Туркин, 2003).

Наряду с изучением погребальных комплексов на побережье Байкала и в Кудинской долине в 2000-2010-е гг. А.В. Харинским проводились исследования городищ-святилищ железного века (Харинский, 2007; 2013; 2015). Они располагались преимущественно на вершине мысов и служили для сакральных действий. Следует отметить такие объекты, как Курминское ущелье I, Харгой I, Харгой II, Шибэтэ I. Подробная классификация каменных стен-городищ была произведена А.В. Харинским (Харинский, 2002б). Еще одним объектом, детально описанным Д.Е. Кичигиным и А.М. Коростелевым, является сакральное сооружение Рытый I. В отличие от других сооружений, стенка Рытый I

расположена на склоне острога байкальского хребта и переграждает распадок между двух возвышенностей. Общая длина конструкции 500 м. Авторы датировали стену в пределах широкого хронологического диапазона – I – нач. II тыс. н.э. (Кичигин, Коростелев, 2009).

В 1990-2000 гг. на территории Приольхонья Н.О. Кожевниковым, А.В. Харинским и С.В. Снопковым проводились раскопки центров по производству железа из руды сыродутным способом, самые ранние из которых датировались концом I тыс. до н.э. (Кожевников и др., 2000; Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019). Ими обнаружено пять металлургических центров, свидетельствовавших о том, что на протяжении всего елгинского этапа на территории Приольхонья использовались однотипные сооружения для получения сыродутного железа (Харинский, 2003в). К археологическим исследованиям горнов были привлечены геофизические. На основе магнитных измерений удалось более точно определять место скопления шлаков и обожженной глины, а также остатков железной руды (Кожевников, и др., 1998; Харинский, Снопков, 2004).

В 2003 г. выходит новая монография И.В. Асеева «Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла», в которой вновь рассматриваются истоки курумчинской культуры. По мнению исследователя, какая-то часть «северных гуннов» в III-II вв. до н.э. проникла в пределы западного побережья озера Байкал и в Прибайкалье, где были обнаружены памятники с вещами, идентичными гуннским. «Однако погребения по своему устройству и положению костяков резко отличалось от гуннских, сохраняя, видимо, местные обрядовые традиции» (Асеев, 2003, с. 120). К числу этих погребений И.В. Асеев отнес захоронения Куркутского комплекса с обрядом трупоположения – КI-133; КII-4; КII-19. По мнению исследователя, гунны, проникшие в Прибайкалье, растворились в общей массе носителей курумчинской культуры – курыкан, потомков культуры плиточных могил и местных племен (Асеев, 2003, с. 122). Следовательно, истоки курумчинской культуры следует искать во взаимодействии носителей культуры плиточных могил и местных племен. В результате их взаимодействия сформировались курыкане, с которыми и связывается курумчинская культура. В наиболее ранних

погребениях курумчинской культуры, как считает И.В. Асеев, умерший располагался на боку с подогнутыми ногами и был ориентирован головой на юго-юго-восток, восток или север. Надмогильная конструкция сложена из каменных плит в виде шатра или юрты. «Шатровые погребения относятся к культуре кузнецов-скотоводов под этнонимом курыкан, или уч-курыкан в средневековых летописях. В связи с находками в них гуннских вещей можно определенно говорить о каком-то влиянии гуннов на материальный и духовный мир курыкан...» (Асеев, 2003, с. 125). Судя по всему, представления И.В. Асеева за более чем двадцатилетний срок не изменились, о чем признается и сам автор, отсылая читателей к своей монографии 1980 г.

Рассматривая этническую принадлежность носителей курумчинской культуры И.В. Асеев приходит к выводу, что этнический союз трех племен, или уч-курыкан в орхонских надписях могли составлять:

- местные племена, потомки глазковцев;
- забайкальская группа племен – носителей культуры плиточных могил;
- часть гуннских племен, которая под ударами сяньби-хунну или южных хунну в начале I тыс. н.э. продвинулась далеко на запад, включая Прибайкалье.

В ходе взаимодействия различных по своему происхождению общностей, в I тыс. н.э. в Прибайкалье складывается племенной союз Уч-Курыкан, т.е. три курыкана тюркских надписей. «Этот племенной союз, видимо, был достаточно сильным, если в 552-553 гг. н.э. курыканские послы в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын-Кагана. Курыканы вели комплексное хозяйство: занимались скотоводством, земледелием с применением искусственного орошения, рыболовством, охотой» (Асеев, 2003, с. 173).

По мнению Б.Б. Дашибалова, курумчинская культура является естественной преемницей культуры хунну, причем, ее следует рассматривать в одном ряду с дальневосточными археологическими комплексами средневекового времени. Носителями курумчинской культуры были гулиганы (курыканы). В дальнейшем этот термин трансформировался в кури и фури арабских сочинений, которые

являлись не кем иным как племенем хори – предками современных хоринских бурят (Дашибалов, 2005, с. 80). Рассматривая вопросы расселения гулигань, Б.Б. Дашибалов приходит к выводу, что «Переводы (китайские – А.К.) дают основания для определения местонахождения гулиганей и южнее Байкала. Исходя из этого, думается, что следует согласиться с теми исследователями, которые размещают их вокруг Байкала» (Дашибалов, 2005, с. 81).

Б.Б. Дашибалов считает, что в прошлом Прибайкалье являлось северо-западной провинцией культур восточноазиатского мира. Хори-монголы, население курумчинской культуры, а также хунну и сяньби относились к монголоязычным этносам. Культура этих народов имеет общие корни и уходит к истории дун-ху (восточные хори) (Дашибалов, 2011, с. 48-50).

Археологические исследования, проводившиеся в конце XX – начале XXI вв. в Предбайкалье, позволили по-иному взглянуть на культурно-исторические процессы, протекавшие здесь в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Была исследована целая группа захоронений, выделенная, благодаря своим специфическим отличиям, в особый тип погребений – *елгинский тип погребений* (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 171). На основе ареала ее распространения во времени и пространстве была очерчена территория распространения елгинской общности и определено время ее существования.

На северо-западном побережье Байкала А.М. Коростелевым с 2003 г. продолжены исследования на погребально-поминальных комплексах Байкальское XXVII и Байкальское XXXI, начатые А.В. Харинским в 1996 и 1999 гг. соответственно. Результатом исследований стали полученные новые данные о времени существования объектов, а также появление нового материала, который позволил уточнить хронологию и культурную принадлежность комплексов Байкальского XXVII и Байкальского XXXI. На обоих объектах отмечено два типа погребального обряда – бутухейский и елгинский (Коростелев, 2004, 2005; 2006, 2008, 2009; Харинский, Коростелев, 2005; Коростелев, Харинский, 2010). В 2006 г. А.М. Коростелевым исследован комплекс №2 Байкальского VII. Захоронение разрушено в древности. По результатам раскопок погребение отнесено к

елгинскому типу. Основанием датирования явилась полученная радиоуглеродная дата, находка бронзовой поясной пластины хуннского типа с изображением змей, а также небольшие размеры могильной ямы и наличие керамики елгинского типа (Коростелев, 2010а, 2010б; Korostelev, 2011).

С 2000 г. А.В. Харинским, а с 2003 г. А.М. Коростелевым проводились раскопки на погребально-поминальном комплексе Цаган-Хушун II, к настоящему времени являющимся крупнейшим памятником железного века в Приольхонье (западное побережье озера Байкал). Основные результаты его изучения были изложены в научных статьях (Харинский, 2003; Коростелев, 2011; Харинский, Коростелев, 2011а; Харинский, Коростелев, 2011б). Первоначально возраст памятника оценивался в пределах III-I вв. до н.э., а обнаруженные на нем захоронения соотносились только с погребениями елгинского типа. Раскопки 2012 г. и полученный во время их проведения материал скорректировали представления об этом археологическом объекте. Новые данные позволили судить о Цаган-Хушуне II как о погребально-поминальном комплексе, существовавшем с середины V в. до н.э. до I в. н.э. и включавшем захоронения с двумя погребальными традициями - елгинской и бутухейской. Елгинские захоронения, обнаруженные на объекте, датированы в пределах середины V – середины III вв. до н.э. К настоящему времени это наиболее ранние елгинские захоронения, обнаруженные к западу от Байкала (Коростелев, 2022).

В 2016 г. на о. Осинский Братского водохранилища И.В. Улановым при содействии А.Ю. Тарановского для оценки сохранности объектов археологического наследия в ходе проведения рекогносцировочных работ, были обследованы юго-западная, западная и северо-восточная части острова (Уланов, 2017). Результатом работ явилось обнаружение и раскопки двух погребений. Разрушенное погребение №1 обнаружено в юго-западной части острова, в 50 м от уреза воды. Костяк сохранился частично, определить первоначальное положение не удалось. Зафиксированные в погребении №1 костяные изделия: наконечник стрелы и пряжка, аналогичны найденным В.И. Смотровой орудиям в погребении №4 в 1981 г. (Смотровая, 1991). По человеческим костям из погребения №1

получена радиоуглеродная дата, которая в калиброванном виде имеет интервал 359 г. до н.э. – 210 г. н.э. Расположение захоронения в непосредственной близости от раскопок елгинских погребений В.И. Смотровой, а также датировка, указывают на то, что погребение №1 также относится к елгинской погребальной традиции.

Погребение №2 находилось на противоположной северо-восточной оконечности острова. Могильная яма овальной формы, вытянута по линии запад – восток. Погребенный был уложен на правом боку, скорченно, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая параллельно бедру. На краю могильной ямы, справа от черепа обнаружены в анатомическом порядке кости задней бараньей ноги. Также в могильной яме обнаружены железные удила и железный нож. Радиоуглеродные даты, полученные по костям человека и животного, позволили датировать захоронение V-VI в. н.э.

Несмотря на представительный фактический материал, имеющийся в настоящее время, осталось еще достаточно много пробелов. К их числу относятся и сакральные воззрения елгинцев, нашедшие отражение в погребальных и поминальных комплексах. В результате исследований, проводившихся автором диссертации в 2003-2016 годах, получены новые археологические материалы, позволившие более аргументировано подойти к комплексной характеристике этих типов археологических объектов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

Глава II. ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПРЕДБАЙКАЛЯ, ДАТИРУЮЩИЕСЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНОЙ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНОЙ I ТЫС. Н.Э.

В данной главе описываются результаты раскопок археологических комплексов, являющихся объектами погребального и поминального значения древних жителей Предбайкалья и датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. В рассмотрение берется географическое распространение памятников, их топография, планиграфия и внутреннее содержание. Разбираются конструктивные особенности погребений и поминальников, исследуются материальные останки и интерпретируется сопроводительный материал. Приведенные данные служат источниковой базой настоящего исследования.

Погребально-поминальный комплекс есть сложноорганизованная многоуровневая структура, инициируемая для акции трупозавладения и связанная со множеством взаимосвязанных элементов, которые имеют, как правило, символическое значение. Особенности и характерные черты комплекса представляют собой к моменту изучения набор наблюдаемых археологом трансформированных актных действий. При проведении раскопочных работ наблюдатель стремится установить с максимальной степенью достоверности предназначение каждого из выявленных элементов, что приводит к неизбежным попыткам определения взаимосвязи между элементами. Последняя операция помогает выяснить функцию обнаруживаемого артефакта, закладываемую в него при совершении обряда. В конечном итоге, это позволяет осуществить реконструкцию некоторых отдельных актов и действий использовавшегося погребального обряда. Причем специалист-археолог в своих реконструктивных действиях достоверно исходит от материальных следов реализованных похорон. Следовательно, степень достоверности получаемой информации при этом непосредственно зависит от тафономической сохранности комплекса.

Погребально-поминальные комплексы являются одними из наиболее

информативных типов археологических объектов, дающих возможность судить о разных сторонах жизни древних обществ. Особенности погребального ритуала и набор сопроводительного инвентаря, фиксируемые в них, позволяют проводить реконструкции процессов культурогенеза отдельных человеческих коллективов и выстраивать модели региональных контактов. Серьезной проблемой является то, что большинство исследуемых объектов рассматриваемого периода на момент их обнаружения оказываются грабленными. Данное обстоятельство требует проводить аналогии и реконструировать погребальный ритуал по сохранившимся материалам.

2.1. География, топография и планиграфия погребальных и поминальных объектов

География

Под Предбайкальем подразумевается территория, расположенная к западу от озера Байкал, большая часть которой административно входит в состав Иркутской области. В геоморфологическом отношении это юг Среднесибирского плоскогорья и западное побережье Байкала. Западное побережье Байкала представлено полосой горных хребтов, прорезанных речными долинами. Климат региона резко континентальный. Остепненные участки расположены в наиболее засушливых районах, представляя собой экстразональные включения внутри таежного региона. Наиболее крупные из них - Унгинско-Осинский, Кудинский и Приольхонский. Кроме этого, существуют незначительные остепненные островки реликтового характера в долине р. Лена и на северо-западном побережье Байкала.

Центральное географическое положение в Прибайкалье занимает Приольхонье - обширная, по существу, степная, территория. От остальной сухопутной части региона она отделяется Приморским хребтом. Труднопроходимость густой тайги, покрывающей хребет, и высота горных склонов обеспечивает некоторую изолированность Приольхонья.

Под Приольхоньем понимается участок северо-западного побережья оз. Байкал от реки Большая Бугульдейка на юге до мыса Елохин (по которому

проходит граница Иркутской области и Республики Бурятия) на севере, включая и самый большой остров оз. Байкал – Ольхон. Этот район Байкальского побережья сочетает в себе территории лесостепных, типично степных и горнолесных пространств. С запада Приольхонье ограждено полосой Приморского и Байкальского хребтов, которая задерживает осадки и холодные ветра, создавая тем самым благоприятные условия для хозяйственной деятельности человека, например скотоводства. Побережье в этом районе сочетает в себе скалистые мысы с мелководными бухтами, практически в каждой из которых отмечены следы пребывания древнего человека.

Северо-западное побережье озера Байкал ограничено на юго-западе м. Елохин и устьем р. Кичера на северо-востоке. Район выделяется географически и имеет естественные границы. Байкальский хребет, ограничивающий побережье с запада, в районе м. Елохин отходит от береговой полосы на север, образуя пологий участок побережья шириной до 20 км. На востоке район омывается водами Байкала, а на северо-востоке ограничен устьем р. Кичера, отделяющим побережье от долины р. Верхняя Ангара, являющейся естественным продолжением байкальской котловины.

Районом обнаружения погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. является долина реки Ангары с ее островами. Остров Осинский является одним из крупнейших в верхнем течении р. Ангары (длина около 5 км), вытянутый по оси СВ–ЮЗ, он располагается в устье Осинского залива Братского водохранилища. До затопления о. Осинский имел длину 25 км и площадь 65 км² (Лехатинов, 2016, с. 43). На данный момент большая его часть, находящаяся над водой, представляет собой песчаный пляж техногенного генезиса, поросший кустарником; лесом покрыта лишь средняя часть острова.

Известные на сегодняшний день погребальные и поминальные археологические комплексы, датирующиеся V в. до н.э. – IV в. н.э. встречены в двух районах Предбайкалья – в Приольхонье (Бутухей II, Шибэтэ VI, Курма II, Куркутский Комплекс I, Куркутский Комплекс II, Хадарта II, Будун I, Елга VII,

Цаган-Хушун II) (Рис. 2) и на северо-западном побережье оз. Байкал (Курла II, Богучанская XII, Байкальское VII, Байкальское XXVII и Байкальское XXXI) (Рис. 93). Также одиночные захоронения этого периода отмечены в верховье р. Лены (Белоусово, Старый Качуг) (Рис. 141 – 1) и долине р. Ангары (о. Осинский, Игетейский Лог II, Троицк I) (Рис. 144 – 1).

Как отмечалось в первой главе, на сегодняшний день археологическая изученность байкальского побережья неравномерна. Выделяются районы с большей концентрацией памятников древности, как например Приольхонье. Однако имеются участки береговой линии с небольшим количеством объектов археологии. Как правило, на этих территориях не проводились систематические археологические исследования, отчасти, это вызвано особенностями их природного ландшафта (горы, болотистые места, удаленность от русел рек и пр.) - неудобного для длительного пребывания здесь человека как в настоящее время, так и в древности.

Такое географическое распространение погребений, относящихся к бутухейскому и елгинскому типу захоронений, обусловлено в первую очередь, степенью изученности указанных районов. В этом плане исследования побережья озера Байкал достаточно информативны. На нем выделены археологические объекты рассматриваемого периода, содержащие как одиночные захоронения (Бутухей II, Богучанская XII), так и комплексы, включающие несколько погребений, объединенных в один могильник: Куркутский Комплекс I – 134 погребения. Куркутский Комплекс II – 19 захоронений. Хадарта II – 8 погребений. Цаган-Хушун II – 28 погребений. Курма II – 43 комплекса. Будун I – 9 погребений. Елга VII - 17 погребений. Шибэтэ VI – 6 комплексов. Курла II – 3 погребения. Байкальское VII – 2 комплекса. Байкальское XXVII – 4 погребения. Байкальское XXXI – 6 погребений.

На берегах рек Лены и Ангары обнаружены погребения елгинского и бутухейского типа на памятниках, содержащих разновременные захоронения: Белоусово – 4 погребения, Старый Качуг – 8 захоронений, Троицк I – 1 погребение, о. Осинский – 12 комплексов, Игетейский Лог II – 3 захоронения.

Погребально-поминальные комплексы, относящиеся ко второй половине I тыс. до н.э. – первой половина I тыс. н.э. включают археологические материалы приблизительно с 40 местонахождений, среди которых наибольшей информативностью обладают следующие погребально-поминальные комплексы (см. Приложение №1).

Топография

В наиболее изученных районах Предбайкалья – Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала, – в настоящий момент имеется возможность предварительно провести некоторый анализ топографических условий расположения погребально-поминальных комплексов, датирующихся V в. до н.э. – IV в. н.э. Все обнаруженные на настоящий момент объекты, при обращении к ландшафтным особенностям окружающей местности, имеют достаточно характерную и вполне выявляемую закономерность. Кроме того, для погребально-поминальных комплексов предыдущих археологических периодов (неолита и бронзового века) отмечается еще один важный показательный признак – ориентация погребенных относительно водоема и, как следствие, устройство захоронений в непосредственной близости от него (Окладников, 1955, с. 317). Как нам кажется, при исследовании погребально-поминальных комплексов позднебронзового – раннежелезного веков необходимо затронуть и этот аспект.

Характерной чертой локализации бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексов является их расположение на выделяющихся в окружающем ландшафте участках местности. Значительная часть памятников локализуется на байкальских мысах (Елга VII, Цаган-Хушун II, Будун I, Хадарта II, Байкальское VII, Богучанская XII). Другая часть располагается у подножия или на пологом склоне горы. На южном пологом склоне горы находился Куркутский комплекс I, на юго-восточном склоне горы - Байкальское XXVII и XXXI, Куркутский комплекс II, Хадарта II, Цаган-Хушун II, Елга VII и на западном склоне - остров Осинский. Один из могильников - Курла II, локализовался на береговом уступе высотой 6-7 м от уровня Байкала. Погребальные и поминальные конструкции занимали обычно ложбины, западины и межгрядовые понижения, в

которых мощность рыхлых отложений больше, чем на соседних участках. Выкапывать здесь ямы намного легче, чем в тех частях местности, где близко от поверхности земли находится скальное основание.

Планиграфия

Рассматриваемые в работе погребения обнаружены как одиночными, так и скоплением по несколько захоронений и поминальных комплексов в одном месте на одном некрополе. Этому, по всей видимости, способствовали определенные верования и культы людей, формировавших захоронения. Наличие нескольких погребений в одном месте служило, вероятно, родовым кладбищем, используемым на протяжении значительного периода времени. Этот факт подтверждается полученными в ходе исследования радиоуглеродными датами по костям погребенных с одних комплексов, а также схожим погребальным обрядом и сопроводительным инвентарем.

Однако при исследовании захоронений, относящихся ко второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. также было установлено, что эти погребения располагались на разновременных памятниках, где отмечается различный погребальный ритуал и встречаются археологические объекты иного функционального назначения (поминальники). Захоронения елгинского типа отмечены на могильниках раннего и позднего времени, включающих энеолитические захоронения, погребения бутухейского и черенхынского типа и бурятские захоронения. Погребения бутухейского типа раскопаны на памятниках, включающих как елгинский тип захоронений, так и ранние погребения – плиточные могилы.

- Могильники с погребениями, выполненными по бутухейскому и елгинскому погребальному обряду – Хадарта II и Цаган-Хушун II в Приольхонье и Байкальское XXVII, Байкальское XXXI на северо-западном побережье Байкала.

- Памятники, где встречен черенхынский и елгинский обряд захоронения – Елга VII на о. Ольхон.

- Археологический объект, на котором раскопаны захоронения елгинского и ангинского типов Куркутский Комплекс I на берегу залива Куркут.

- Памятник с захоронениями елгинского и харанцинского типа - Куркутский Комплекс II.

- Погребальные комплексы, которые включают елгинские и бурятские захоронения отмечены на о. Осинском в долине р. Ангара.

- Могильник, включающий энеолитические и елгинские погребения – возле д. Белоусово на р. Лене.

Выделяются погребально-поминальные комплексы крупных размеров, включающие до 25 захоронений, относящихся к елгинскому типу и только два погребения бутухейского типа (Цаган-Хушун II). И есть объекты с содержанием одного или нескольких погребений елгинского типа на памятниках с преобладанием бутухейских погребений (Будун I, Хадарта II, Байкальское XXVII и XXXI).

На объектах с большим количеством выявленных погребений и ритуальных комплексов есть возможность произвести планиграфический анализ. Комплексы Цаган-Хушун II располагались в один или несколько рядов, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток полосой вдоль микролощины, ориентированной по азимуту 30°. Расстояние между рядами составляло от 0,5 до 5 м. Они состоят из трех групп, каждая из которых характеризуется компактным расположением искусственных конструкций. В одном ряду могилы находились на удалении от 0,5 до 4 м друг от друга (Харинский, Коростелев, 2011а).

На памятнике Байкальское XXVII большая часть погребальных и ритуальных комплексов располагается компактной группой, образующей цепочку, вытянутую по линии с азимутом 20°. Археологические комплексы располагаются вблизи друг с другом, не нарушая конструкцию соседних сооружений. Это свидетельствует о близком времени их строительства и стремлении придерживаться определенных планиграфических канонов.

Археологический комплекс Байкальское XXXI включал 9 искусственных каменных кладок. Четыре из них (№№ 1-3, 5) локализуются компактной группой, в юго-восточной части памятника, вытянувшись цепочкой ориентированной по линии с азимутом 50°. Кладка № 4 располагалась в 50 м к западу от кладки № 3.

Кладки №№ 6-8 находились в 50 м к северу от кладки № 4. Они располагались цепочкой, ориентированной по линии север-юг. Кладка №9 располагалась в 20 м к югу от кладки №4 (Рис. 122).

Таким образом, рассмотрение географических, топографических и планиграфических характеристик погребально-поминальных комплексов второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. на территории Предбайкалья позволяет сделать заключение об их особенностях.

Во-первых, это разная концентрация объектов на обширной территории Предбайкалья. В основном это связано как с географией региона, особенностями рельефа, так и с неравномерной историей исследования разных районов Предбайкалья.

Во-вторых, стоит отметить неодинаковое топографическое расположение объектов. На побережье Байкала все могильники располагаются на расстоянии 30-100 м от уреза воды. Исключение составляет Куркутский комплекс II, находящийся в 0,5 км от озера. Столь близкое положение елгинских и бутухейских захоронений относительно береговой полосы отличает их от более ранних захоронений – плиточных могил, которые в подавляющем большинстве случаев удалены от водоемов в среднем не менее чем на 1,8 км, и более поздних погребений харанцинского и куркутского типов, большинство из которых сооружалось на расстоянии 0,2-0,4 км от Байкала, а некоторые встречаются на удалении до 2 км (Харинский, 2001а, с.75).

В-третьих, елгинские погребения преимущественно находятся на байкальских мысах. В подавляющем большинстве случаев они фиксируются на археологических памятниках более раннего времени совместно с бутухейскими погребениями. По всей видимости, такой подход при выборе места для сооружения погребально-поминального комплекса обусловлен, по крайней мере, различными сакрально-идеологическими установками, которыми руководствовались строители.

Любое захоронение является сложной структурой, состоящей из целого ряда элементов, имеющих, как правило, символическое значение. Раскапывая

погребение, археолог стремится выяснить назначение каждого из этих элементов. Это помогает разобраться в существующих между ними связях и их значимости для погребального обряда в целом. Таким образом, исследователь рассматривает не только все задействованные в захоронении компоненты, т.е. что используется, но и как оно используется. Например, как артефакты и костяк расположены и как они организованы в погребении (Pader, 1982).

Положение умершего в погребальной практике имело важное значение. Правильная ориентировка погребенного облегчала его душе путешествие в мир мертвых. При этом первоочередное внимание уделялось ориентировке головы покойника. Именно голова человека, по представлениям многих народов, являласьместилищем его души. Например, по поверьям обских угров вторая и четвертая души обитают в голове человека и покидают ее во время сна, испуга, холода (Кулемзин, 1984, с. 21-22). Главная душа человека у бурят – алтан хунхэн, располагается в голове. Иногда ее можно увидеть. Она выходит из ноздри спящего в виде пчелы. Злые духи, стремящиеся ею завладеть, иногда заставляют спящего чихнуть. Душа в этот момент вылетает из ноздри, и они стараются ее схватить (Петри, 1928, с. 42).

Одна из душ человека, покидая после смерти голову, должна была отправиться в страну мертвых. Для того чтобы на это путешествие у нее ушло меньше времени, человека во время похорон ориентировали головой в сторону страны мертвых, задавая тем самым для души верное направление. Согласно древней мифологии бурят, загробный мир находился не под землей, а на земле, где-то на севере или северо-востоке. По представлениям одного из бурятских племен – эхиритов – границей между «посюсторонним» и «потусторонним» мирами было среднее течение р. Лены (Зулхэ мурэн). Отправляясь на «тот» свет, души умерших шли в северо-восточном направлении (зуун хойно) за р. Лену, в сторону восточных гор. Владыкой царства мертвых и главой восточных хатов (зууни хад) считался Эрлэн-хан. Им разбирались дела человеческих душ и решалась их участь точно также, как это делалось с живыми людьми в царских канцеляриях. В ставке Эрлэн-хана в качестве писарей (бэшээшэ) работали

восточные хаты. Из них Сэлмэндэй – сын самого Эрлэн-хана, считался начальником присутственного места; Шандабалиин шара бэшээшэ – начальником разведки и шпионажа; Эрбэд бэшээшэ – судьей, разбирающим правых и неправых; Ухээр хара бэшээшэ – надзирателем, стоящим всегда у дверей смерти. Через них проходили дела тех людей, которые когда-либо совершили какое-либо «преступление», неугодное духам, или нарушили клятву, что у шаманистов считалось самым страшным преступлением (Манжигеев, 1978, с. 54-55).

По поверьям ряда сибирских народов, при ориентировке умершего первостепенное значение имела не голова, а лицо и ноги. Считалось, что покойник должен быть погребен ногами в сторону загробного мира, туда же поворачивалось и его лицо. После захоронения его душа должна не разворачиваясь идти в страну мертвых. Обские угры помещали умершего в могилу так, чтобы его душа сразу сориентировалась в сторонах страны мертвых. Остяки клали мертвых ногами на север или лицом к северу, чтобы им легче было найти место загробного обиталища; селькупы хоронили труп ногами на север или вниз по течению реки, так как считали, что Нижний Мир, а следовательно, и страна мертвых находились на севере и попасть туда можно лишь спускаясь вниз по реке. У народов, полагавших, что мир мертвых расположен на западе, тело ориентировали в западную сторону или, точнее, на солнечный закат. Так, например, клали покойников западносибирские ненцы. Кеты обычно хоронили мертвецов головой на восток, ногами на запад, что было связано с представлением о востоке и западе как олицетворении жизни и смерти: запад – страна мрака, где находится Нижний Мир, восток – страна света и возрождения (Косарев, 1991, с. 155-156).

Ориентации погребаемых людей придавали большое значение, потому что это было связано с представлениями о смерти, как о переходе человека из одного состояния в другое, из земных реалий в загробный мир. Для этого, сориентировав тело в определенном направлении, умершему указывали путь в потустороннее царство. В подавляющем большинстве случаев в елгинских и бутухейских захоронениях погребенные ориентированы головой на юго-восток. С этим

направлением можно связывать либо воспоминания о далекой родине, либо в этом направлении помещалась Страна мертвых, куда после смерти должен был отправляться погребенный.

Следует отметить, что различное функциональное значение археологических объектов определяло особенности их планировки и конструкции. Это было связано как с вопросами практического характера, так и с сакральными и социальными представлениями. Наличие погребального обряда и создание для умершего отдельного погребального объекта свидетельствует также и о том, что каждый член данного общества имел ценность для своих соплеменников.

2.2. Особенности бутухейских археологических комплексов

Бутухейская группа захоронений выделена О.И. Горюновой (Горюнова, 1993). В эту группу вошли погребения, объединенные по особенностям погребального обряда, сопровождающегося формой, ориентировкой и размерами надмогильной каменной кладки; формой, глубиной и ориентировкой могильной ямы; положением умершего в яме и наборе сопроводительного инвентаря, характерного для времени сооружения захоронения. Данные по указанным выше параметрам отображены в Приложении №2 в таблицах 1 и 4.

Надмогильные конструкции

При характеристике надмогильных кладок погребений бутухейского типа используется линейный параметр, определяющий размеры каменной конструкции. Под размером кладки, то есть всей надмогильной конструкции, подразумевается площадь, на которой фиксируются все предположительно относящиеся к ней элементы. Над погребениями бутухейцев сооружались каменные кладки, чаще в виде сплошного овала или кольца размером 4,0-2,4 x 3,0-1,5 м. Конструкции состояли из плоских плотно уложенных друг к другу в один слой камней. В некоторых случаях, если комплекс подвергался разграблению, камни в средней части кладки отсутствовали. Подавляющее большинство кладок ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-

восток.

Разрушение кладок приводило к изменению их форм. С одной стороны камни кладки могли быть разобраны и переброшены с одной стороны конструкции на другую. Подобная ситуация отмечается на погребении Байкальское XXVII – 11 (Рис. 117 – 1). Грабители разобрали кладку с северо-восточной стороны, перебросив камни на юго-запад. В результате этого образовалась конструкция, напоминающая прямоугольник размером 3,0 x 2,1 м. Под разобранной частью кладки грабители раскопали могильную яму и извлекли из нее большую часть костей умершего и, возможно, сопроводительный инвентарь. Из юго-западной части ямы, над которой сохранилась каменная кладка, кости погребенного не были извлечены.

В некоторых случаях у бутухейских захоронений фиксируется только частичная разборка надмогильной кладки без проникновения в могилу и извлечения костей погребенного и сопроводительного инвентаря. Подобная ситуация наблюдается на погребально-поминальном комплексе Цаган-Хушун II «а». Здесь плотно друг к другу располагались погребальные и поминальные конструкции, сооруженные как носителями бутухейских, так и елгинских погребальных традиций. Сверху они перекрывались каменными кладками. В некоторых случаях достаточно сложно соотнести каменную кладку с могильной или поминальной ямой. При этом, над многими комплексами каменные кладки имеют достаточно аморфную форму, что указывает на их разрушение. Так, например, над комплексом 31 кладка имела не совсем четкие очертания, напоминая или крест или четырехугольник размером 3,0 x 2,0 м с крестообразной выкладкой в центре (Рис. 54 – 1).

Могильные ямы

Под этим термином подразумеваются ямы, содержавшие следы захоронений человека. При описании в расчет принимается их глубина, длина и ширина. Параметры бутухейских могильных ям непосредственно зависели от размеров погребаемого человека. По крайней мере, в пользу этого говорит то, что длина ямы незначительно превышает длину костяка, ширина почти всегда чуть

больше его ширины. Все могильные ямы овальной формы, вследствие расположения погребенного на спине, вытянуто. Только в одном случае яма имела грушевидную форму размером 1,7 x 0,75 x 0,2 м (Байкальское XXXI – 4) (Рис. 128 -1). Стенки ям вертикальные.

Размеры ям варьируются в небольших пределах, от 1,75 x 0,8 до 2,1 x 0,75. Ямы в большинстве случаев были не глубокими – 0,25 – 0,35 м. Только в одном погребении костяк лежал на глубине 0,7 м (Шибэтэ VI – 1). Ориентировка могильных ям совпадала с ориентировкой надмогильной кладки - длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Только в одном случае отмечена ориентировка ямы длинной осью по линии запад-восток (Байкальское XXVII – 12) (Рис. 119 – 1).

Ориентировка и положение погребенных

Одной из важнейших черт погребального ритуала является способ размещения умершего в захоронении. Он характеризуется ориентировкой умершего относительно сторон света и положением тела. Также можно выделить отдельные моменты, выявить которые удастся в ограниченном числе случаев. К ним относится возможная зависимость ориентации умерших по отношению к особенностям рельефа и к направлению течения реки. Степень сохранности захоронений бутухейского типа позволила восстановить изначальное положение тела умершего по останкам костяка в могильной яме. У всех костяков фиксируется одинаковое расположение, которое первоначально предавали телам умерших. Они укладывались на дно могильной ямы вытянуто на спине, руки вдоль тела. Направление погребенных фиксируется довольно устойчиво – на ЮВ. Важным показателем является то, что все погребения одиночные, то есть принадлежали одному индивидууму.

Касаясь вопросов генезиса погребального обряда бутухейцев, следует отметить, что они являлись носителями «аборигенной» погребальной традиции, восходящей к «глазковскому» населению Предбайкалья. Меняется лишь ориентировка погребенных, у бутухейцев она соответствует юго-восточному направлению. Ангаро-ленские «глазковцы» ориентированы вниз по течению реки

(СЗ-СВ), а приольхонские на СЗ-ЮЗ. Изменение ориентировки предбайкальских захоронений, по всей видимости, связано с сильным культурным влиянием со стороны плиточников. Они хоронили умерших головой на восток - юго-восток. Первые плиточные могилы появляются к западу от Байкала в начале I тыс. до н.э. На территорию Предбайкалья строители плиточных могил проникают из Селенгинской долины. Их влияние на «аборигенные» племена было очень значительным. Благодаря плиточникам население Предбайкалья знакомится со скотоводством и первыми изделиями из железа (Харинский, 2001б, с. 107).

2.3. Особенности елгинских археологических комплексов

Елгинская группа захоронений выделена О.И. Горюновой (Горюнова, 1993). Елгинские захоронения имеют ряд отличительных особенностей от погребений бутухейского типа как в форме надмогильных конструкций, так и положением костяка в могильной яме. В тоже время их сближает ориентировка погребенных, а также набор сопроводительного инвентаря.

Надмогильные конструкции

Елгинские погребения, в которых сохранились человеческие кости, располагаются под прямоугольными контурными (1,9-2,0 х 2,2 м), прямоугольными сплошными (1,9 х 2,0 м), незамкнутыми кольцевыми (2,0 х 2,3 м) и круглыми кладками (d 1,6 м). Первоначально кладки были сплошными и лишь в дальнейшем, после разборки центральной части грабителями, изменяли свой облик. Поэтому над могильными ямами с частично сохранившимися костяками зафиксированы прямоугольные контурные или незамкнутые кольцевые кладки. Камни укладывались горизонтально в один слой. Если камни кладки проседали в могильную яму, то они приобретали наклонное или вертикальное положение. Также отмечено два случая сооружения над захоронением кладок шатрового типа. Они выявлены И.В. Асеевым на Куркутском комплексе I – 133 (Рис. 4 – 1) и Куркутском комплексе II – 4.

Надмогильное перекрытие зафиксировано в нескольких комплексах и представляло собой плоскую 1-2-х-слойную конструкцию из камней, уложенных

плашмя. Такое перекрытие отмечено под кладкой №6 могильника Цаган-Хушун II «а» (Рис. 20 – 4), под кладками №4 (Рис. 70 – 3), №18 (Рис. 82 – 2) пункта «б» этого же памятника; под кладкой №2 могильника Байкальское XXVII (Рис. 103 – 2,3); под кладкой №3 могильника Байкальское XXXI (Рис. 125 – 3). Под кладкой захоронения №19 могильника Цаган-Хушун II «а» зафиксировано надмогильное перекрытие, состоящее из плотно уложенных в два слоя камней средних и мелких размеров Крорстелев, 2011 с. 240). Камни больших размеров находились по контуру перекрытия (рис. 30 - 2). Под камнями надмогильного перекрытия комплекса №4 могильника Цаган-Хушун II «б» зафиксировано внутримогильное перекрытие, состоящее из трех продольно уложенных жердей диаметром 8 см (Рис. 70 – 4). Их края опирались на небольшие уступы, имевшиеся в поперечных стенках ямы.

Могильные ямы

На елгинских могильниках часто встречаются археологические комплексы, включающие яму без остатков человеческих захоронений и следов разрушения, перекрытую сверху каменной кладкой. Подобные конструкции предварительно определялись как поминальники. Чтобы избежать путаницы, при определении общего количества елгинских захоронений, к их числу были отнесены только те комплексы, в ямах которых обнаружены человеческие кости. Такой подход не исключает того, что часть комплексов, обозначенная как поминальники, тоже являлись захоронениями. Вполне может быть, что во время разрушения из их ям полностью были извлечены человеческие кости.

Исходя из особенностей погребального ритуала – захоронение елгинцев на боку, скорченно – в большинстве случаев могильные ямы были небольшого размера. Они варьируются в пределах 0,9-1,6 x 0,6-1,4 м. Но отмечены ямы, по пропорциям напоминающие захоронения бутухейского типа. Они имели размеры 2,5 x 1,0 м (Елга VII – 2) или 1,9 x 0,85 м (Цаган-Хушун II «б» - 23). Такой размер яма приобретала, вероятнее всего, в процессе разрушения захоронения грабителями. Глубина ямы, в которую укладывали покойного, также различная. В большинстве случаев она была размером от 0,3 м до 0,5 м. Также зафиксированы

ямы большей глубины – до 0,9 м (Куркутский Комплекс II - 4, Елга VII – 11).

Ориентировка и положение погребенных

В большей части елгинских захоронений скелет не сохранил анатомического порядка, значительная часть человеческих костей отсутствовала. Во многих ямах кости сохранились фрагментарно, что не позволяет определить положение костяка и его ориентировку.

По имеющимся данным из неразрушенных елгинских погребений, костяк укладывался в скорченном положении, на правый бок, хотя встречаются случаи расположения умершего и на левом боку (Белоусово, Елга VII – 5, Байкальское XXXI – 1; Цаган-Хушун II «а» – 19, Будун I - 3). Рука погребенного, расположенная сверху (правая или левая, в зависимости от того, на каком боку он лежит), была согнута в локте. Рука, находившаяся снизу под туловищем, была вытянута. Лишь в погребении № 4 Цаган-Хушун II «b» обе руки погребенной были согнуты в локте. Ориентировка погребенных – головой на юго-восток в одном комплексе ориентация костяка черепом на восток (Байкальское XXVII – 2).

Из 46 елгинских захоронений, известных к настоящему времени, анатомический порядок сохранили костяки из 4 могил. Эти комплексы не подверглись грабительскому разрушению (погребение возле д. Белоусово, погребение № 3 на о. Осинский, захоронение №19 памятника Цаган-Хушун II «а», погребение №4 памятника Цаган-Хушун II «b»). По костным останкам еще 16 захоронений можно установить согнутое положение погребенного (Куркутский Комплекс I - 133, Куркутский Комплекс II - 4, Хадарта II – 2, Будун I - 3, Елга VII – 2, Елга VII – 3, Елга VII – 5, Елга VII - 11, Елга VII – 13, Елга VII – 16, Цаган-Хушун II «а» - 6, Цаган-Хушун II «а» - 25, Байкальское XXVII – 2, Байкальское XXXI – 1, Байкальское XXXI – 3, о.Осинский – 4).

В настоящее время археологические комплексы железного века, включающие елгинские захоронения, обнаружены и исследованы на одиннадцати пунктах: Куркутский Комплекс I (1 погребение); Куркутский Комплекс II (1 погребение); Хадарта II (1 погребение); Будун I (1 погребение); Елга VII (9 погребений); Цаган-Хушун II (25 погребений); Байкальское VII (1 погребение);

Байкальское XXVII (1 погребение); Байкальское XXXI (2 погребения); Белоусово (1 погребение) и о. Осинский (3 погребения).

Между четырьмя территориальными группами елгинских погребений Предбайкалья наблюдаются некоторые отличия. У ангарских захоронений отсутствует надмогильная кладка. Кладки верхнеленского и северобайкальских погребений овальной формы, у приольхонских погребений встречаются как овальные, так и четырехугольные кладки. У приольхонских и северобайкальских захоронений отмечены каменные надмогильные перекрытия. У приольхонских захоронений фиксируются перекрытия из продольно уложенных деревянных жердей. В верхоленской и северобайкальских могилах погребенные располагались на левом боку, в ангарских и приольхонских преимущественно на правом.

Сравнивая погребения бутухейского и елгинского типов, можно обратить внимание на ориентировку погребенных преимущественно на юго-восток. Кроме этого, надмогильные конструкции двух типов погребений очень схожи. Прежде всего, это относится к захоронениям северо-западного побережья Байкала. На могильниках Байкальское XXVII и Байкальское XXXI раскопаны бутухейские и елгинские захоронения, надмогильные кладки которых имели форму овала размером 1,2-1,6 x 1,9-2,5 м, ориентированного по линии СЗ-ЮВ. Судя по радиоуглеродным датам, на протяжении двухсот лет обе погребальные традиции существовали в Предбайкалье совместно (Табл. 2 и 3). Их представители хоронили своих умерших на одних и тех же могильниках.

2.4. Поминальные комплексы

Еще одним типом памятников, получившим широкое распространение в Предбайкалье во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., являются поминальники – разновидность ритуальных комплексов, посвященных реальным или мифологическим антропоморфным объектам. Поминальник представляет собой систему из каменной конструкции, остатков ритуальных действий и инвентаря, отличающуюся от погребального комплекса иным

ритуалом и отсутствием останков погребенного человека. Ритуальные комплексы могут быть связаны как со смертью, с рождением человека, так и с другими обрядами и культурами.

К поминальным комплексам также относятся кенотафы. Эти виды сооружений имитируют захоронение человека со всеми присущими погребальному комплексу атрибутами, характерными для определенной культурной традиции, но не содержащие останков умершего. Кенотафы сооружались в память о человеке, останки которого не были доставлены к месту захоронения, вследствие невозможности транспортировки из-за дальнего расстояния или если тело не было обнаружено после гибели человека, например, если тот утонул.

К числу кенотафов относится только два комплекса, обнаруженных на северо-западном побережье озера Байкал (Байкальское XXXI – 6, Байкальское XXXI – 7). В яме комплекса №6 Байкальского XXXI обнаружены остатки кожаного пояса, украшенного железными бабочковидными бляшками, железными бляшками в виде голов грифонов и сферическими бляшками из бронзы и железа. Пояс находился в средней части ямы. В юго-восточной части ямы с разных сторон находились две серьги. Одна золотая спиралевидная округлой формы. Другая серебряная спиралевидная. Ориентировка ямы северо-запад – юго-восток. Украшения располагались в том месте ямы, где, возможно, должна была быть голова умершего. Детали пояса соответствуют своим положением местонахождению талии погребенного. Все предметы уложены так, если бы в яме помещался погребенный в вытянутом положении, ориентированный головой на юго-восток (Рис. 132). Комплекс №7 Байкальского XXXI находился в 9 м от комплекса №6. Яма ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. На дне ямы, в юго-восточной части найдены 6 костяных наконечников стрел с расщепленным насадом. Они плотно прилегали друг к другу и были направлены острием на юго-восток. Возле наконечников были обнаружены сильно коррозированные изделия из железа, первоначальный вид которых установить не удалось. Также в яме находились две крупные

бронзовые бляхи, в их петельках сохранились остатки кожаного ремня. У южной и северной стенок ямы обнаружены две золотые овалыные пластины с пробитыми по краям отверстиями. Близкое расположение относительно друг друга и наличие бронзовых предметов в обоих комплексах (№№ 6 и 7) свидетельствует о их близком времени сооружения.

Конструкции обоих комплексов напоминают захоронения. У них присутствует яма, каменная кладка над ней и сопроводительный инвентарь, отсутствуют лишь останки умершего. Судя по ориентировке и пропорциям ямы, кенотафы копировали погребения бутухейского типа, расположенные поблизости с ними (Харинский, Коростелев, 2005).

На исследованных объектах, относящихся ко второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., к поминальникам отнесены конструкции из камней, под которыми отсутствовало захоронение человека или не фиксировалось размещение вещей, соответствующее их положению вместе с умершим в погребении. При этом под каменной кладкой чаще всего была яма, включающая различные находки, такие как фрагменты керамики или бронзовые пуговицы, а также фрагменты костей животных. Возможно, что изначально все-таки ямы содержали захоронение. Но во время разграбления комплекса кости человека оттуда были извлечены. В некоторых случаях яма была до дна заполнена камнями. Также к поминальникам отнесены ямы мелких и средних размеров, над которыми кладки из камней отсутствовали. Поминальные комплексы выявлены в Приольхонье на памятнике Цаган-Хушун II и на северо-западном побережье Байкала на памятниках Байкальское XXVII и Байкальское XXXI.

Зафиксировано 23 поминальника, включающих как каменную кладку, так и яму под ней. Из них наибольшее количество отмечено на Цаган-Хушуне II (14 из 23). Поминальники которые содержали только каменные конструкции также в большинстве отмечены на объекте Цаган-Хушун II (11 из 15). Поминальники, где фиксировалась только яма, без искусственной каменной конструкции над ней, отмечены только на погребально-поминальном комплексе Цаган-Хушун II (6).

Каменные конструкции

Кладки поминальных комплексов представлены конструкциями разных форм. Это касается и их размеров. В тех случаях, где возможно было восстановить форму, выделяются кладки овальные (13), круглые (18), треугольные (2), четырехугольные (4). Обособленно выглядит единственная кладка шатрового типа Байкальское XXVII – 10 (Коростелев, Харинский, 2010, с. 74). Овальные и круглые кладки подразделяются на сплошные и кольцевые. Такое деление условное, поскольку отсутствие камней в срединной части конструкции, как правило, связано с разрушением кладки во время ограбления. Все кладки, кроме шатровой, плоские, камни уложены в 1 слой. Ориентация кладок преимущественно длинной осью по линии СЗ-ЮВ (12). В остальных случаях ориентация по линии С-Ю (4), ЮЗ-СВ (3), З-В (1).

Отдельно стоит обратить внимание на размеры поминальных конструкций и их географическое отличие. На северо-западном побережье озера Байкал кольцевые кладки размерами от 1,3 до 3,5 м в диаметре. В Приольхонье от 1,3 до 3,2 м в диаметре. Овальные кладки в Приольхонье от 0,9 x 1,2 м до 1,5 x 3,1 м, на северо-западном побережье озера Байкал от 0,6 x 1,0 м до 1,6 x 2,8 м.

Ямы

Ямы поминальных комплексов в подавляющем большинстве овальной формы (24 из 30). Их размеры варьируются от самых маленьких 0,6 x 0,8 м до крупных 1,0 x 1,6 м. Глубина ям, в отличие от погребений, не большая – от 0,15 до 0,3 м.

Показательным для археологических комплексов, где присутствуют бутухейские и елгинские захоронения, являются поминальные конструкции, состоящие из искусственных каменных кладок и ям под ними, но не содержащие останков захоронений, либо состоящие из одних каменных кладок. Они сооружались возле погребений или отдельно и содержали археологический материал, представленный фрагментами керамики, костей животных, металлических изделий.

Исследование погребально-поминальных комплексов железного века Предбайкалья демонстрирует различные аспекты сакральных представлений

древнего населения о смерти, обусловленные не только социальными, возрастными, функциональными или половыми характеристиками покойного, но и особенностями его смерти. Примером этих представлений являются елгинские захоронения, располагающиеся на, вероятно, родовых кладбищах.

Так как любая группа захоронений характеризуется сочетанием определенных элементов погребального обряда, имеет хронологическую и территориальную локализацию, то существование на территории Предбайкалья нескольких групп захоронений или типов погребений свидетельствует о наличии в этом регионе синхронных или асинхронных территориальных сообществ, обладающих определенной погребальной традицией (Харинский, 2005б, с. 184). На протяжении нескольких веков в Предбайкалье отмечается совместное существование разных погребальных традиций – бутухейской и елгинской.

Характерными чертами бутухейской погребальной обрядности, существовавшей с XIV в. до н.э. до I в. н.э., является плоская каменная надмогильная кладка кольцевой или овальной формы и положение погребенного в могильной яме вытянуто на спине, головой на восток - юго-восток (Рис. 152) (Туркин, 2003, с. 136). Подобное положение погребенного отмечается и в плиточных могилах, но над захоронением сооружались четырехугольные или овальные оградки из вертикально или наклонно установленных каменных плит. Культура плиточных могил является привнесенной в Прибайкалье переселенцами из Южного Забайкалья, где подобного рода объекты сооружались, начиная с XIII в. до н.э. (Цыбиктаров, 1998, с. 114).

В конце I тысячелетия до н.э. на западном берегу Байкала происходит смена погребальных традиций, знаменуя тем самым наступление нового культурно-хронологического периода. Распространяются погребения с плоскими четырехугольными или овальными кладками и положением костяка в могильной яме на боку, с согнутыми ногами, головой ориентированного на юго-восток (Рис. 155). Захоронения такого вида относятся к елгинской погребальной традиции, хронологические рамки которой определяются III в. до н.э. – IV в. н.э. (Харинский, 2005а, с. 204). В это время исчезают из употребления каменные

изделия, и большая часть орудий труда начинает изготавливаться из железа.

2.5. Сопроводительный инвентарь из захоронений и поминальников

Сопроводительный инвентарь является одним из важнейших показателей при определении времени сооружения или периода функционирования погребальных и поминальных комплексов вследствие своей специфичности как археологического источника. На данном этапе анализа исследователи руководствуются несколькими традиционными установками, воспринимаемыми априорно, хотя нередко они вступают в противоречие, как с естественным историческим ходом событий, так и с получаемыми в дальнейших исследованиях данными, что приводит к необходимости перманентного переосмысления сложившихся археологических интерпретаций:

а) выявление временного отрезка использования обнаруженного предмета с привлечением хронотипологических сопоставлений самых широких пространственных аналогий автоматически соответствует периоду его употребления, если только изделие не специального votivного изготовления;

б) обнаружение впервые встреченного изделия на исследуемой территории влечет за собой кросс-культурную интерпретацию заимствования или торгово-обменных контактов между носителями различных в археологическом понимании культурных традиций;

в) сведение массива находок в типологические цепочки как способ выявления “ранних” и “поздних” изделий с последующей относительной датировкой комплекса.

Отдельно следует затронуть вопрос о том, что является сопроводительным инвентарем в погребально-поминальных комплексах. Несмотря на формальное название чаще всего в качестве сопроводительного или погребального инвентаря рассматриваются все находки искусственного происхождения, обнаруживаемые при проведении раскопочных работ, как в пределах комплекса, так и в непосредственной близости от него. Найденные артефакты оцениваются как синхронные, если следов нарушения целостности не фиксируется.

При анализе находок, обнаруженных в комплексах изучаемого времени, учитывается весь материал, зафиксированный в пределах или около этих комплексов. В какой-то степени он является сопровождающим, поэтому традиционное употребление этого термина по отношению к совокупности находок представляется допустимым.

Сопроводительный инвентарь, найденный в бутухейских и елгинских погребениях и поминальных комплексах на территории Предбайкалья и, датирующийся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., рассматривается вместе. Это связано с синхронностью существования поздних бутухейских и ранних елгинских погребений, зачастую располагавшихся на одном памятнике и содержащих сходный набор инвентаря (Рис. 153,154,156-161).

Сопроводительный инвентарь разделяется на несколько групп (Табл. 4). Основопологающим критерием его принадлежности к одной из групп является функционально-бытовое использование предмета. Выделены пять групп находок – *военное снаряжение, конское снаряжение, украшения и принадлежности одежды, посуда и бытовые предметы, прочие изделия*. Последняя группа представлена вещами, не позволяющими по различным причинам отнести их к одной из обозначенных групп.

Военное снаряжение

В первую группу, состоящую из военного снаряжения, включены 56 костяных наконечников стрел; 21 костяная накладка лука; 2 железных наконечника стрел; 1 каменный наконечник стрелы; 15 железных и 7 бронзовых ножей; 1 фрагмент железного кельта, 2 бронзовых кельта. В целом, находки предметов вооружения происходят из 32 комплексов. Они встречены не на всех объектах. Отсутствует инвентарь военного дела на памятниках Хадарта II, Шибэтэ VI, Елга VII, Байкальское VII.

Наконечники стрел

Самой представительной выглядит коллекция наконечников стрел. При этом в ее состав входит лишь два железных наконечника и один каменный, по

всей видимости, являющийся остатком материальной культуры более раннего времени, чем елгинское погребение №19 памятника Цаган-Хушун II «а». Он треугольной формы с остроугольным острием, прямыми плечиками и небольшим черешком (возможно обломанным). Длина пера 16 мм, ширина - 9 мм, длина черешка 4 мм (рис. 34 – 5).

1 железный наконечник стрелы происходит из погребения №4 Куркутского Комплекса II (Рис. 4 – 3). Он длиной 10 см и относится к типу бронебойных (Асеев, 1980, с. 50). Наконечник четырехгранной формы, относится к отделу черешковых. Выделить группу по сечению пера и тип по форме пера не представляется возможным, так как наконечник слишком коррозирован. Еще 1 железный наконечник стрелы обнаружен на северо-западном побережье Байкала в погребении №2 могильника Байкальское XXVII (Харинский, 2003а, с. 292). Он черешковый, по сечению пера трехгранный, форма пера удлинненно-треугольная. Размеры наконечника: длина пера 1,2 см, ширина пера 0,5 см, длина черешка 4 см (Рис. 105 – 7). Он относится к 3 группе и первому типу железных наконечников стрел – удлинненно-треугольный, с остроугольным острием, монолитной боевой головкой и прямыми плечиками (Худяков, 1986, с. 31-33).

Остальные наконечники стрел представлены изделиями из кости. Они обнаружены в Приольхонье в погребении №133 Куркутского Комплекса I - 1 экз.; в захоронении №1 памятника Бутухей II; в погребении №3 Будун I - 10 экз. (Рис. 9 - 7-16); на памятнике Цаган-Хушун II «а» в комплексе №1 - 1 экз. (Рис. 23 – 17), в комплексе №6 - 7 экз. (Рис. 23 – 1-7); в комплексе №23 - 2 экз. (Рис. 43 – 3-4); в комплексе №31 - 3 экз. (Рис. 31 – 5-7); на памятнике Цаган-Хушун II «b» в могильной яме комплекса №18 - 7 экз. (Рис. 84 – 1-6; Рис. 86 – 3), в яме комплекса №19 - 1 экз. (Рис. 84 – 7). На северо-западном побережье озера Байкал костяные наконечники стрел обнаружены в комплексе №7 памятника Байкальское XXXI - 6 экз. (Рис. 135 – 6). Из погребения на Верхней Лене возле д. Белоусово происходит 4 костяных наконечника стрелы (Рис. 142 – 6-9). В погребениях № 1, 2 и 4 на о. Осинский на р. Ангаре обнаружено 7 экземпляров (Рис. 145 – 3; Рис. 148 – 4-8).

Согласно предложенной Ю.С. Худяковым классификации оружия дистанционного боя, обнаруженные нами наконечники стрел можно распределить по трем иерархическим таксонам: отдел, группа, тип (Худяков, 1980, с. 42).

Первый отдел – втульчатые наконечники стрел. По сечению пера они представляют одну группу – *ромбические*. По форме пера они делятся на два типа – *удлиненно-ромбические* и *удлиненно-треугольные*. Единственным втульчатым наконечником стрелы, относящимся к первому типу, является находка из погребения возле д. Белоусово, обнаруженная А.П. Окладниковым в 1928 г. (Рис. 142 – 9).

Второй отдел – черешковые наконечники стрел. В представленном материале костяные наконечники стрел такого варианта в погребениях и поминальниках бутухейского и елгинского типа на территории Предбайкалья не обнаружены.

Третий отдел – наконечники с раздвоенным насадом. Являются самыми распространенными. По сечению пера наконечники подразделяются на пять групп – *трехгранные, ромбические, шестигранные, линзовидные, двухлопастные*. В свою очередь в группах выделяется от одного до четырех типов. Проанализировав все имеющиеся в распоряжении костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, представляется возможным отнести их к трем группам и нескольким типам.

Первая группа - *трехгранные* наконечники, первый тип - *удлиненно-ромбические*. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками. К этой группе и типу отнесены 6 наконечников из комплекса №3 памятника Будун I из Приольхонья (Рис. 9 – 11-16).

Вторая группа – *ромбические* наконечники. Второй тип – *удлиненно-ромбические*. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками. Обнаружены на Цаган-Хушун II «а»-1 – 1 экз. (Рис. 23 – 17); Цаган-Хушун II «а»-6 – 7 экз. (Рис. 23 – 1-7); Цаган-Хушун II «а»-23 – 2 экз. (Рис. 43 – 3,4); Цаган-Хушун II «а»-31 – 3 экз. (Рис. 58 – 5-7); Цаган-Хушун II «в»-18 – 3 экз. (Рис. 84 – 1,2,4); Байкальское XXXI-7 – 1 экз. (Рис. 135 – 6); о.Осинский-4 – 3 экз. (Рис. 148

– 5,8,9); о.Осинский-2 – 1 экз. (Рис. 145 – 3), погребение возле д. Белоусово – 1 экз. (Рис. 142 – 6). Третий тип – *удлиненно-треугольные*. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками, уплощенным насадом с раздвоенными концами. К нему отнесены находки из погребения №4 с о. Осинский – 2 экз. (Рис. 148 – 6,7), а также 1 наконечник из погребения возле д. Белоусово (Рис. 142 – 7).

Четвертая группа – *линзовидные* наконечники, второй тип – *удлиненно-ромбические*. Сюда относятся наконечники с Будун I–3, всего 4 экз. (Рис. 9 – 7-10); Цаган-Хушун II 2 «b»-18 – 2 экз. (Рис. 84 – 5,6); Цаган-Хушун II 2 «b»-19 – 1 экз. (Рис. 84 – 7). Третий тип – *удлиненно-треугольные*. Наконечник из комплекса №18 Цаган-Хушун II «b» - 1 экз. (Рис. 84 – 3).

Все костяные наконечники, кроме одного, относятся к одному отделу – с расщепленным насадом. Так как четко заданные стандарты при изготовлении наконечников не выдерживались, то в некоторых случаях бывает сложно определить к какому типу или даже группе они относятся. Наконечники стрел с раздвоенным насадом известны с эпохи неолита (Окладников, 1955, с. 48). Характерная особенность костяных наконечников – их разнообразие, отсутствие ведущих форм. Ориентир был на общий остроугольный абрис острия, а сечение и плечики оформлялись в зависимости от возможностей заготовки.

Накладки лука

Накладки на лук изготовлены из рога или кости. По своему функциональному применению они подразделяются на два вида - концевые и срединные. В исследованных комплексах только в одном случае обнаружена срединная накладка - в погребении возле д. Белоусово. Остальные накладки являлись концевыми. Они отмечены в 8 комплексах на 6 объектах. Это Будун I–3; Цаган-Хушун II «a»-1, 6, 31; Цаган-Хушун II «b»-21; Байкальское XXXI–1; о. Осинский и Белоусово.

Обнаруженные в могильнике Будун I костяные накладки лука располагались по две с противоположных сторон могильной ямы (рис. 8 - 2). По всей видимости, они сохранили свое первоначальное положение, что позволяет

реконструировать длину лука, уложенного вместе с умершим в яму. Она составляла около 125 см. Судя по полевым чертежам, накладки были боковыми концевыми с арочным вырезом сбоку (Харинский, 2005в, с.50).

На памятнике Цаган-Хушун II «а» накладки лука встречены в грабленных погребениях №1 - 2 экз. и №6 -1 экз. (Рис. 23 – 15) и в захоронении № 31 - 4 экз. (Рис. 58 – 1-4), где костяк сохранил свое первоначальное положение. На участке «б» этого же могильника 1 накладка лука была обнаружена в могильной яме также ограбленного комплекса № 21.

В могильной яме погребения №1 памятника Байкальское XXXI две концевые боковые накладки лука с арочным вырезом для крепления тетивы зафиксированы возле стоп умершего (Рис. 123 – 4,6,7).

В погребении, обнаруженном возле д. Белоусово на Верхней Лене, в могильной яме обнаружен целый набор обкладок сложного лука, изготовленных из распиленных на пластины оленьих рогов. Пластины располагались попарно – две в ногах костяка и две у его левого плеча (их длина 19 см). Срединная же пластина, удлиненно-овальной конфигурации (длина 13 см) лежала около тазовых костей (Рис. 141 – 2; Рис. 142 – 1-5). Судя по расположению концевых пластин, лук был обращен тетивой к погребенному, его длина составляла 120 см.

Все обнаруженные концевые боковые накладки выполнены из тонких (0,3–0,4 см) узких пластин длиной до 21 см, напоминающих слабо изогнутую дугу. Они имеют более широкую (до 1,8 см) часть с округлой головкой и вырезом арочной формы под тетиву и сужающееся срезанное под углом окончание. По имеющимся данным можно предположить, что накладки являлись частью сложносоставного лука, отнесенного Ю.С. Худяковым к первому типу – с концевыми и срединными боковыми накладками (Худяков, 1986, с. 26).

Ножи

Ножи отнесены к элементам военного дела, но они могли быть и полифункциональными предметами. Не исключено, что ножи также использовались в быту для хозяйственных целей или были едовыми.

Ножи обнаружены на 9 объектах, в 19 комплексах. Они изготовлены из железа (15 экз.) и бронзы (7 экз.). Железные ножи обнаружены только в комплексах, относящихся к елгинскому типу (Рис. 157). Практически у всех ножей рукоять не сохранилась, поскольку изготавливалась из дерева. Единичными случаями является находка из погребения №1 памятника Курла II (Рис. 140 – 2) и нож из погребения №5 комплекса Байкальское XXXI (Рис. 130 – 1). Оба ножа из бронзы. На изделии с Байкальского XXXI от ручки сохранились фрагменты дерева, обмотанные у основания кожаным ремнем шириной 0,5 см, а с Курлы II нож находился в кожаных ножнах.

Железные ножи черешковые, однолезвийные, большая часть из них клиновидной формы с лезвийным уступом. В районе перехода клинка в черешок с внутренней стороны ножа из Цаган-Хушуна II «b» - 11 имеется небольшой выступ (Рис. 78 – 5). У ножа из Цаган-Хушуна II «a» - 6 в месте перехода клинка в черешок фиксируется уступ (Рис. 23 – 14). У обоих ножей заточка лезвия левосторонняя. Нож из Цаган-Хушуна II «a» - 25 черешковый, с лезвийным уступом. Вершина насада оканчивается отверстием (Рис. 43 – 8). Из комплекса №27 Цаган-Хушуна II «b» происходит фрагмент железного ножа. Сохранилось только лезвие длиной 6 см и шириной 1,2 см (Рис. 89 – 13). Еще один фрагмент ножа обнаружен в комплексе №1 Байкальского XXXI. Сохранилось только острие ножа, выгнутое вверх (Рис. 123 – 10). На памятнике Куркутский Комплекс в 4 погребении обнаружен однолезвийный вогнутый нож с лезвийным уступом (Рис. 4-4).

В погребении №4 могильника Цаган-Хушун II «b» найден петельчатый нож. Его клинок слегка выгнут. Насад заканчивается петлей, загнутой внутрь. В месте перехода клинка в насад присутствует выступ (Рис. 73 – 2). Также петельчатый нож обнаружен в погребении №1 Бутухей II. Он с выгнутой спинкой и желобком.

Петельчатые или кольчатые ножи имеют аналогии из памятников Алтая и датируются III-II вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 25; Кубарев, 1991, с. 71-72; Могильников, 1997, с. 67; Шульга, 2004).

Из погребения №2 с о. Осинский происходят два ножа. Первый с прямой спинкой, обломанным концом и кольцом на рукояти. Длина изделия – 13,4 см (Рис. 145 – 6). Второй нож – черешковый, треугольный в сечении с обломанным острием, длиной 10,8 см, с обушковым и лезвийным уступами (Рис. 145 – 5). В погребении №3 на о. Осинский обнаружен только один нож, длиной 4,6 см с прямой спинкой и обломанным острием (Рис. 144 – 3). При раскопках погребения №4 на о. Осинский обнаружено 3 железных ножа. Изделия однотипные, клиновидного сечения, однолезвийные. Самый большой нож – с прямой утолщенной спинкой и овально закругленной рукоятью. Длина изделия 11,8 см (Рис. 146 – 9). Подобные ножи были обнаружены в шатровых могилах Приольхонья и датируются рубежом I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Асеев, 1980, с. 53).

Все ножи из елгинских погребений, за исключением одного, железные. Бронзовый нож из елгинского комплекса обнаружен под кладкой №2 Байкальского XXVII. У него широкий клинок с загнутым острием (Рис. 105 – 1).

Бронзовые ножи обнаружены в комплексах бутухейского типа на Байкальском XXVII – 8 (Рис. 113 - 4), Байкальском XXXI – 5 (Рис. 130 – 1), Байкальском XXXI – 8 (Рис. 137 - 2), Курле II – 1 (Рис. 140 - 2) и Богучанской XII -1. Фиксируются как черешковые, так и петельчатые изделия. Первые из них в последующее время получают дальнейшее развитие, а вторые, по всей видимости, продолжали свое существование только до начала I тыс. н.э. (Харинский, 2005в, с. 49).

Отдельно стоит рассмотреть находку бронзового кинжала с памятника Курла II - 2 (Рис. 140 -3). Кинжал ромбовидного сечения с наборной рукоятью, состоящей из четырех деталей: бабочковидного перекрестия, двух боковых обкладок и навершия в виде двух стилизованных голов животных. Глаза и пасти животных изображены сквозными отверстиями, ноздри выполнены небольшими углублениями с боковых сторон навершия. Перекрестие кинжала покрывали остатки кожаных ножен (Шмыгун и др., 1981, с. 47). Кинжалы с бабочковидным перекрестием обнаружены в курганах Тувы и датируются V – IV вв. до н.э. (Киселев, 1951, с. 25-26).

Преобладающее количество железных ножей по всей видимости является результатом того, что железо было распространенным металлом и имело лучшие технические характеристики в обработке и использовании, чем бронза. Наличие в елгинских комплексах железных изделий говорит о том, что носители этой погребальной традиции были хорошо знакомы с этим металлом, чем бутухейцы.

Кельты по своему боевому назначению являются рубящим оружием ближнего боя. Обломок железного кельта обнаружен в одном елгинском комплексе - Цаган-Хушуна II «b» - 9. У него выгнутое лезвие и сходящиеся к обушку боковые стороны. Боковые грани у лезвия сходятся (Рис. 78 – б). Обнаруженные в бутухейском погребении №3 памятника Курла II 2 кельта однотипные по форме. Они прямоугольные, клинообразное, ассиметричное (Рис. 140 -4). Изделие орнаментировано с двух сторон тремя продольными валиками в виде лучей, расходящихся до середины кельта. На боковых гранях отчетливо видны литейные швы. Верхние части кельтов обломаны (Шмыгун и др., 1981, с. 47). Вероятно, такая же тенденция наблюдалась и в использовании кельтов. Возможно, как и ножи, кельты из железа получают распространение на территории Предбайкалья только в конце I тыс. до н.э.

Обнаруженное в исследованных комплексах оружие хоть и немногочисленно, но дает достаточно ясное представление о тенденциях его развития, которые отмечаются на побережье Байкала. Оружие дальнего боя, как и в предшествующее время, представлено сложносоставными луками, укрепленными роговыми накладками. Их соотношение в захоронениях выглядит по-разному. Чаще всего встречаются две боковых концевых накладки. Реже фиксируются четыре боковых концевых накладки, которые располагались по две с противоположных сторон кибити. Разрушенность ряда погребений, позволяет предполагать, что в них сохраняется только часть комплекта роговых накладок. Полный комплект накладок лука отмечен в неразрушенном захоронении Белоусово. В нем найдено четыре концевых боковых и центральная фронтальная накладка. Судя по расположению накладок в могильных ямах, длина луков составляла 120-130 см. Они укладывались вдоль северо-восточной стенки перед

погребенным или за его спиной (Харинский, 2002а, рис. 1; Харинский, 2004, рис. 2). Рядом с луком в могильных ямах располагались и стрелы, направлявшиеся наконечниками на юго-восток. Достаточно представительный набор наконечников стрел (от 5 до 10) обнаружен в четырех захоронениях, при этом, два из них располагаются в Приольхонье на могильнике Цаган-Хушун II.

Полное отсутствие каменных и бронзовых наконечников стрел и появление железных свидетельствует о том, что в конце I тыс. до н.э. на побережье Байкала, исходя из технологической классификации, наступает развитый железный век, пришедший на смену раннему железному веку. Но среди полученных материалов фиксируется весьма незначительное количество металлических наконечников что, возможно, указывает на неразвитость защитных приспособлений у населения Предбайкалья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Это своеобразие, вероятно, является результатом периферийного расположения региона по отношению к державе хунну, и менее активному участию ее жителей в военных конфликтах, протекавших на территории Центральной Азии.

Конское снаряжение

Данная группа находок представлена несколькими экземплярами. Это удила, обнаруженные на могильнике Елга VII, расположенном на о. Ольхон (комплекс №16) и рукоять плети, найденная в погребении №3 памятника Байкальское XXXI на северо-западном побережье Байкала. Возможно, сюда же можно отнести бронзовую ворворку – распределитель ремня, обнаруженную в комплексе №8 Байкальского XXVII (Рис. 114 – 3).

Кольцевые удила из железа, кованые, прямоугольные в сечении. Звенья изделия асимметричные. Соединение удил между собой петельчатое. Противоположные концы плотно склепаны, образуя петлю подтреугольной формы с закругленными углами (Рис. 12 – 12). По типу эти удила относятся к однокольчатым (Махортых, 2005, с. 92).

Подобные по форме удила, изготовленные из бронзы, встречаются уже в позднем бронзовом веке. Во второй половине VI в до н.э. – на рубеже V-IV вв. до

н.э. происходит смена бронзовых удил железными (Могильников, 1997, с. 61, рис. 48-15), которые продолжали встречаться на археологических памятниках Южной Сибири до VIII в. (Поляков, 1983, с. 107, рис.4–3), а возможно, и до IX-X вв. (Васютин, Елин, 1983, с. 121, рис. 3–9).

К юго-востоку от Байкала двузвенные однокольчатые железные удила получают широкое распространение в хуннское время (Коновалов, 1976, табл. VI, 2, 10, 12; Konovalov, 2008, pl. 33; Hunnu tombs..., 2003, fig. 21; Төрбат и др., 2003, с. 210, 227, 233, 248; Ероол-Эрдэнэ, 2004, рис.13; Брайан и др., 2008, рис. 4 - 15). Вероятно, из Южного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. они стали проникать в северные районы Прибайкалья, как и другие изделия, распространенные в хуннской среде (Харинский, 2004).

В Предбайкалье двузвенные однокольчатые удила обнаружены в двух поминальниках на западном берегу Байкала. Один из них – шатровый комплекс № 6 исследован на памятнике Куркутский комплекс II. Вместе с удилами здесь найдены роговые двухдырчатые псалии. На основании этой находки И.В. Асеев отнес наиболее ранние шатры Приольхонья к VI в. н.э., хотя и указал, что данный тип удил бытует на протяжении всего I тыс. н.э. (Асеев, 1980, с. 129). Вторые удила найдены в куполообразной оградке № 1 на памятнике Обондой II. Время сооружения поминальников Обондой II авторы раскопок соотнесли с началом - серединой I тыс. н.э. (Харинский, Авраменко, Бородина, 2010).

Бронзовая литая трубка, украшенная серией валиков из 5 шт., трактуется как рукоять плети. Ее длина составляет 14,5 см, диаметр 2,2 см. Трубка находилась в кожаном чехле. Внутри нее обнаружен кожаный ремень – остатки плети (Рис. 126 – 1).

Украшения и принадлежности одежды

Находки этой группы встречены на 13 объектах в 41 комплексе (Табл. 4). Среди обнаруженных предметов, наиболее широко представлены металлические детали костюма, имеющие как практическое, так и декоративное значение – украшать владельца. В состав обнаруженных вещей входят **нагрудные подвески**,

зооморфные бляшки, ременные пластины, пуговицы, ложечковидные подвески, ременные пряжки, бусы, кольца.

Пуговицы. Всего найдено 27 бронзовых и 16 железных круглых сферических пуговиц. Диаметр от 0,8 до 3,5 см. Все они с петелькой с обратной стороны. В трех комплексах встречены как изделия из бронзы, так и из железа - Цаган-Хушун II «а», комплекс №23 (Рис. 43 – 2,5,6), Цаган-Хушун II «б», комплекс №23 (Рис. 89 – 5,8,9) и Байкальское XXXI, комплекс №6 (Рис. 132 – 2-7). Пуговицы из железа, обнаруженные в погребении №4 Куркутского Комплекса II были нашиты на материю (Рис. 4 – 5). В комплексе №6 Байкальского XXXI на одной из бронзовых пуговиц на внешней поверхности нанесен орнамент в виде «цветка» - центр выпуклый, от него радиально отходят лепестки, ее диаметр 1,5 см (Рис. 132 – 7).

В погребении №12 памятника Байкальское XXVII обнаружено 3 бронзовые пуговицы. Первая пуговица литая, диаметром 2,7 см. Ее внешняя сторона орнаментирована ободком и насечками по краю (Рис. 119 -7). Две пуговицы сферической формы, вылитые из бронзы, с дугообразной петелькой с внутренней стороны. Они украшены так же, как и первая пуговица, ободком и насечками по краю. Эти две пуговицы в виде стилизованной головы птицы. Глаза и рот птицы изображены сквозными отверстиями. Неглубокими линиями обозначена треугольная форма клюва. На одной из пуговиц сохранились остатки кожи, к которой прикреплялась, собственно, сама пуговица (рис. 119 – 8,9). Диаметр пуговиц 2,5 см. Такие предметы с изображением головы птицы впервые встречены на всем побережье Байкала (Коростелев, 2006, с. 181).

Все пуговицы, обнаруженные в бутухейских и елгинских комплексах, круглой сферической формы, с припаянной дужкой с обратной стороны – плоской либо дугообразной. Иногда в ней оставались фрагменты кожаных ремней.

Неорнаментированные бляшки-пуговицы имеют чрезвычайно обширные пространственно-временные аналогии. Подобные бляшки встречены в Забайкалье, Монголии, Туве, Минусе, Алтае, Приобье в погребальном инвентаре различных археологических культур (Диков, 1958; Членова, 1972; Гришин, 1975,

1981; Мартынов, 1979; Косарев, 1981; Новгородова, 1989; Эрдэнэбаатар, 2002; Бобров и др., 1993; Троицкая, Бородовский, 1994). Хронологические рамки употребления аналогичных бронзовых пуговиц определяются втор. пол. II тыс. до н.э. - концом I тыс. до н.э.

Бляшки и подвески представлены изделиями из бронзы и железа. 46 предметов, включающих крестовидные четырехлепестковые и бабочковидные бляшки, в том числе с изображением голов грифонов; 1 бляшка-пуговица из бронзы в виде головы рогатого животного; 1 бронзовая подвеска с изображением хищного зверя, являющаяся частью нагрудного украшения; бронзовые ложечковидные подвески ремня - 6 экземпляров.

Бронзовые крестовидные *четырёхлепестковые бляшки* обнаружены в четырех комплексах – в Приольхонье на памятнике Будун I – 3 (Рис. 9 – 6) и Хадарта II – 2 и на северо-западном побережье Байкала на могильнике Байкальское XXXI в комплексах №1 и №3 (Коростелев, 2005, с. 206). В комплексе №1 бляшка состоит из 5 кругов. Центральный диаметром 1,5 см выпуклый, 4 симметрично расположенных круга плоские, с круглыми отверстиями в центре (d 0,4 см) и насечками по краю. С обратной стороны имеется дугообразная петелька (Рис. 123 – 8). В комплексе №3 этого же памятника обнаружена четырехлепестковая бронзовая бляшка с петелькой с обратной стороны. Она состоит из 5 кругов – центральный диаметром 1,4 см, 4 расположенные симметрично диаметрами по 0,8 см. С обратной стороны через дужку продернут кожаный ремешок, с помощью которого бляшка, вероятно, пришивалась к одежде. Сверху на продетый в дужку ремешок наложен другой ремешок, выгнутый дугой. Вероятно, он являлся петелькой, в которую продевалась бронзовая бляшка-пуговица (Рис. 126 – 11).

Бронзовые крестовидные бляшки были обнаружены в плиточной могиле на памятнике Хужир II, датирующейся второй четвертью I тыс. до н.э. (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). К концу I тыс. до н.э. бляшки приобретают более крупные размеры, преобразуясь в пуговицы. В захоронениях I тыс. н.э. ни круглые, ни крестовидные бронзовые пуговицы уже не фиксируются.

В комплексе №3 Байкальского XXXI найдено 2 бронзовые четырехлепестковые бляшки с изображением голов грифонов (Рис. 126 – 2,6). Головы грифонов попарно обращены в противоположные стороны. Между клювами и остальной поверхностью бляшек имеются круглые сквозные отверстия. Размеры предметов 3,2 x 2,6 см. На одной бляшке шеи грифонов декорированы поперечными полосками. С обратной стороны бляшек имеются дужки, в которые продеты кожаные ремешки. С одного конца ремешков завязан узел, благодаря чему бляшки могли болтаться на них и не соскальзывать. В могильниках юга Западной Сибири бляшки с четырьмя головами грифонов из бронзы датируются серединой I тыс. до н.э. Только на западносибирских бляшках головы грифонов повернуты друг к другу, а не в противоположные стороны (Мартынов, 1976; Кулемзин, 1979). Радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного 2130±50 л.н. (СОАН-4100) свидетельствует о том, что изделия такого типа проникают на северо-западное побережье Байкала на пару веков позже, в отличие от их западносибирских аналогий.

На памятнике Байкальское XXXI при раскопках комплекса №1 под кладкой обнаружены две железные *бабочковидные бляшки*. На каждом из крыльев изображено по две головы грифона, развернутые в разные стороны. Бляшки сильно корродированы (Рис. 123 – 9,11). Еще четыре аналогичных предмета найдены в погребении №3 этого же могильника (Рис. 126 – 7-10). В погребении №8, в составе сопроводительного инвентаря также обнаружены железные бабочковидные бляшки (Рис. 137 – 4,5). Они найдены в районе бедер и, видимо, являлись украшением пояса. Три из них располагались в ряд и находились на уровне верхних эпифизов бедренных костей. По всей видимости, они украшали переднюю часть ремня. Три бляшки находились на уровне поясничного отдела позвоночника и крепились на задней части ремня.

Бляшки с изображением голов животных обнаружены в двух комплексах – в погребении №4 на памятнике Цаган-Хушун II «b» в Приольхонье и в комплексе №2 на могильнике Байкальское XXVII на северо-западном побережье Байкала.

В погребении №4 памятника Цаган-Хушун II «b» бронзовая бляшка-подвеска с изображением медведя. Она располагалась в центре ожерелья в районе шеи погребенной. На нить с обеих сторон также были нанизаны бусины из камня. Подвеска круглая, диаметром 3,2 см. Изображение животного заключено в круг диаметром 2 см в центре предмета. В центре бляшки морда животного. Под ней изображены четыре когтистые лапы медведя. По краю подвеска выделена ободком. В его противоположных сторонах имеются сквозные отверстия для крепления диаметром 3 мм (Рис. 73 – 3).

В комплексе №2 Байкальского XXVII обнаружена бронзовая бляшка-пуговица в виде рогатого животного, скорее всего, яка или барана. По краям морды животного имеются небольшие сквозные отверстия. Его рога декорированы насечками, они завиваются и оканчиваются бугорками, выступающими вперед. С внутренней стороны изделия имеется дугообразная петелька с остатками кожаных ремешков. Размер бляшки 2,2 x 2,2 см (Рис. 105 – 2).

Отдельно стоит рассмотреть сохранившуюся деталь костюма из комплекса №5 Байкальского XXXI. На черепе погребенной зафиксировано три бронзовых бляшки. Две из них являются сдвоенными четырехлепестковыми, а одна строенная четырехлепестковая (Рис. 130 – 13). К северо-западу от нижней челюсти располагалось шесть бронзовых бляшек, вероятно, украшавших верхнюю часть одежды погребенной. Бляшки крепились горизонтально в два ряда. С левой стороны располагались три зигзагообразные бляшки с округлыми окончаниями, а с правой сдвоенные четырехлепестковые. Под первым слоем бляшек находился второй слой, представленный четырьмя зигзагообразными бляшками, расположенными в один ряд и дугой огибавшими нижнюю челюсть погребенной. Ниже них обнаружены четыре восьмеркообразные бляшки, имевшие с внутренней стороны петельку (Рис. 130 – 2-5). Вероятно, они использовались как застежки.

На груди погребенной под берестой находилось украшение, состоящее из четырех кожаных полос шириной 2-2,5 см и длиной 15 см (Рис. 130 – 19). Они были украшены бронзовыми нашивными четырехлепестковыми бляшками (Рис.

130 – 6-10, 12,13), зигзагообразными бляшками (Рис. 130 – 16-18,20,21), восьмеркообразными бляшками (Рис. 130 – 2-5). Вероятно, часть бляшек оборвалась с полос, так как на них отмечены сводные участки, на которых должны были располагаться бляшки. Полосы спускались вниз от шеи погребенной, располагаясь в ряд. Между ног погребенной обнаружены две кожаные полосы, сужающиеся книзу. Скорее всего, они вплетались в косу (Коростелев, 2005, с. 206). На полосы были нанизаны бронзовые обоймы овальные в сечении (Рис. 130 – 11).

Ложечковидные подвески (застежки) обнаружены в трех комплексах: погребении №4 могильника Цаган-Хушун II «b» - 3 экз. (Рис. 73 – 4,5,6), в комплексе №2 памятника Байкальское XXVII - 2 экз. (Рис. 105 – 3,4) и на о. Осинский в погребении №2 - 1 экз. (Рис. 145 - 18). Подвески являются деталями одежды, застежками поворотного типа либо застежками ремня. Ложечковидные предметы крепились на поясе и также являлись украшением. Обнаруженные в Предбайкалье ложечковидные подвески аналогичны многочисленным роговым и бронзовым застежкам из Иволгинского городища и могильника из Забайкалья, которые датируются последними веками до н.э. – началом н.э. и относятся к культуре хунну (Давыдова, 1985).

Большая часть вышеописанных предметов одежды имеет прямые аналогии в материалах хунну. Несомненно, что создание подобных изделий у хунну шло в общем русле развития искусства народов Сибири и продолжало те традиции, которые были намечены в скифский период. В последние века до нашей эры — в начале нашей эры в этом общем русле следует выделить самостоятельный пласт искусства хунну, оказавший значительное влияние на развитие искусства художественной бронзы в сопредельных областях. В Прибайкалье это выразилось в прямом копировании созданных хунну образцов. Наличие в материалах Прибайкалья вещей, имеющих центральноазиатское происхождение или их прототипов, свидетельствует о тесных культурно-экономических связях его обитателей с державой хунну (Харинский, 2004б, с. 113).

Ременные пряжки - 2 железные; 7 бронзовых, из которых 3 со шпеньком (выступом) для отверстия в кожаном ремне, 3 ступенчатые рамки с остатками кожаных ремешков и 1 кольцо с местом для крепления ремня; 6 предметов из кости, включая 1 застежку поворотного типа и 3 застежки-ворворки.

Пряжки также являются деталью костюма, точнее, ремня или пояса. Они являлись их элементами крепления. На исследуемых памятниках на данный момент обнаружены пряжки со шпеньком (выступом для крепления ремня), элементы поворотного типа (стержень, продеваемый в кольцо) и собственно кольцо, которым заканчивалась одна часть кожаного пояса. В эту же группу отнесены 3 ступенчатые рамки, на которых имелись остатки кожаных ремней.

В комплексе №1 могильника Цаган-Хушун II «b» обнаружена бронзовая ременная пряжка размером 2,9 x 2,2 см. Она с выступом (шпеньком) под круглое отверстие в кожаном ремне (Рис. 73 – 9). Аналогичная пряжка происходит из комплекса №23 этого же памятника. Ее размеры 3,7 x 2,4 см (Рис. 89 – 4).

Из комплекса №4 могильника Цаган-Хушун II «b» происходит бронзовое круглое кольцо диаметром 5,5 см, которое являлось частью крепления пояса. Небольшой отрезок в 1,4 см отделяется от остальной поверхности округлыми расширениями по краям. Он ровный и плоский. Именно на него, по всей видимости, крепился ремень (Рис. 74 – 4). В этом же комплексе обнаружено 3 ступенчатые рамки. Их размеры 6 x 4 см. Толщина прута 5 мм. Орнамент создается 2 ступеньками, симметрично расположенными по краям. На всех предметах имеются остатки кожаных ремешков. (Рис. 74 – 1-3).

Бронзовая пряжка в виде головы быка из погребения №18 памятника Цаган-Хушун II «b» имеет следующую форму: морда животного находится по центру пряжки. Симметрично расположенные рога рельефно выделены. Под ними показаны контуры ушей. На пряжке имеются пять сквозных отверстий. Одно разделяет рога над головой животного, остальные четыре попарно отделяют контур морды от общей поверхности бляшки. Посередине между рогами имеется выступающий шпенек для крепления к кожаному ремню. Размеры предмета 10 x 7 см (Рис. 83 – 2). Подобная пряжка имеет аналогии среди ордосских художественных бронз. Но на пряжках из

Ордоса голова быка в сравнении с общей поверхностью изделия, меньше и выделена частыми симметричными отверстиями от общего объема бляхи. Интересен необычный подход к орнаментации предметов – изображается только голова, которая, видимо, служит символом изображенного животного.

Железная круглая ременная пряжка с подвижным язычком в центре диаметром 7 см обнаружена возле северо-западного края кладки №16 могильника Цаган-Хушун II «а». Она очень плохой сохранности (Рис. 28 - 2). Еще одна пряжка из железа, но по форме квадратная, обнаружена в погребении №4 на о. Осинский (Рис. 146 – 1).

Костяные изделия представлены пряжкой из комплекса №16 памятника Цаган-Хушун II «б». Она размером 5,5 x 7,6 см и имеет шпенек (для крепления ремня) с одной стороны и прямоугольное плоское отверстие для ремня с противоположной стороны (Рис. 81 – 2). Застежка поворотного типа с заостренными краями и длиной 7 см происходит из комплекса №18 этого же памятника (Рис. 83 – 5).

Костяная пряжка подпрямоугольной формы с фигурным вырезом внутри и небольшим коническим язычком обнаружена в погребении №4 на о. Осинский (Рис. 147 – 9). Здесь же найдены 3 костяных круглых застежки–«ворворки» (Рис. 147 – 4-6). Пряжки, выполненные из различных материалов, встречаются в погребениях хуннского времени и имеют различное применение как в одежде, так и в конской сбруе.

Кольца. В эту группу вошли 2 бронзовых, 11 железных, 4 костяных и 1 каменное кольца.

В погребении №31 памятника Цаган-Хушун II «а» обнаружено 1 железное и 2 бронзовых кольца (Рис. 59 – 2,3,5). Судя по расположению и размерам, они являлись наконечниками. В погребении №4 могильника Цаган-Хушун II «б» обнаружено 1 бронзовое кольцо, диаметром 3,7 см, круглое в сечении (Рис. 74 – 4) и 1 железное кольцо, диаметром 9 см (Рис. 74 – 5). На этом же памятнике в комплексе №18 найдены: 1 железное кольцо диаметром 6 см (Рис. 83 – 1), кольцо из серого

аргиллита диаметром 7,3 см (Рис. 83 – 3) и кольцо из кости, диаметром 3 см (Рис. 83 -9). Костяное кольцо также обнаружено в погребении №3 памятника Будун I.

Железные кольца обнаружены в составе сопроводительного инвентаря в комплексе №11 могильника Елга VII - 1 экз. (Рис. 12 – 7), погребении №4 на о. Осинский - 2 экз. (Рис. 146 – 4,5). Также 3 кольца найдены в погребении №3 памятника Байкальское XXXI. Они зафиксированы недалеко от затылочной части погребенного и, видимо, являлись наконечниками (Рис. 126 – 3-5). Подобное изделие обнаружено в комплексе №2 памятника Байкальское VII, но, в отличие от предыдущих, оно больше диаметром и имеет разорванную форму (Рис. 97 – 2) (Коростелев, 2010а, с. 158).

Серьги – 3 экземпляра. Первая обнаружена в могильной яме комплекса №4 памятника Цаган-Хушун II «b» у левого суставного отростка нижней челюсти, крепившаяся, судя по расположению, к левому уху (Рис. 73 – 13). Она бронзовая с золочением. Выполнена из нити, витая, состоящая из 3-х элементов – основы и спиралевидных подвесок, соединенных между собой. На Байкальское XXXI в комплексе №6 найдена круглая золотая сережка и спиралевидная серебряная сережка (Рис. 132 – 11,12). Последняя находит аналоги из материалов погребения 4а кургана №1 алтайского могильника Локоть-4а, датирующегося V в. до н.э. Подобные украшения крепились к восьмеркообразному основанию, а их нижней части закреплялась стеклянная или каменная бусина (Шульга, 2003).

Бусины – 39 каменных (круглые и граненные), 1 бронзовая и 2 круглых из стекла. Предметы обнаружены в на 6 объектах: Куркутский Комплекс II – 4; Цаган-Хушун II «b» - 4 и 22, Цаган-Хушун II «a» - 24, Бутухей II – 1; Байкальское XXVII – 8 и 12; Байкальское XXXI комплексы 4, 5 и 7; погребении возле д. Белоусово. Изделия выполнены из стекла и камня разной породы. Большая часть бусин имеют круглую форму, несколько бусин граненные.

В погребении возле д. Белоусово найдена бусина с «глазками», диаметром 2 см. Она из камня зеленовато-серого цвета. В ее теле имеются лунки, заполненные «глазками» в сложной инкрустационной технике: на слой белой пасты накладывались «чашечки» светло-зеленого стекла. В каждом таком «глазке» - три

слоя пасты и два слоя стекла (Рис. 142 – 10). Рядом с ней найдено еще две бусины, изготовленные из полупрозрачного голубовато-зеленого стекла (Рис. 142 – 11,12). Подобные бусины встречаются в скифских памятниках Причерноморья.

3 бочонкообразные бусины из белого камня с биконическим отверстием обнаружены в захоронении №4 Куркутского Комплекса II (Рис. 5 – 4,6).

На памятнике Цаган-Хушун II «b» при расчистке кладки комплекса №22 найдена красная граненая бусина диаметром 0,5 см (Рис. 89 – 7). Самая представительная коллекция бусин встречена на этом объекте в погребении №4 (Рис. 74 – 6-15). Они располагались вдоль нижней челюсти погребенной и составляли ожерелье из 22 бусин, в центре которого находилась бронзовая подвеска с изображением рогатого животного (Рис. 73 – 3). Ближе к подвеске располагались круглые сердоликовые бусы янтарного цвета, за ними следовали шестигранные сердоликовые бусы, шестигранные бусины из сургучно-красной яшмы, уплощенные шестигранные сердоликовые бусины и белые круглые пастовые бусины, покрытые сверху в несколько слоев клеевой корочкой¹. Каменная круглая бусина синего цвета обнаружена при расчистке кладки №24 комплекса Цаган-Хушун II «a». Ее диаметр 0,6 см (Рис. 43 – 7). Предметы с северо-западного побережья Байкала представлены круглыми пастовыми и амазонитовыми бусинами (Рис. 114 – 4; Рис. 119 – 5,6). Из комплекса №4 Байкальского XXXI происходит бусина сегментовидная в сечении и цилиндрическая в профиле. С двух сторон бусины имеются отверстия, начинающиеся с ее торца и заканчивающиеся со стороны уплощенной грани (Рис. 128 – 3). Возле нее располагались три круглые пастовые бусины, цилиндрические в профиле. Еще три таких же бусины обнаружены в других частях могилы (Рис. 128 – 2, 4-8). На этом же объекте в комплексе №5 обнаружена единственная бронзовая бусина (Рис. 130 – 14).

Поясные пластины. Бронзовые поясные пластины в количестве 8 штук обнаружены на 4 объектах. Причем только одна пластина является простой в исполнении. Она происходит из погребения №4 могильника Цаган-Хушун II «b».

---

¹ Минералогический состав бус определен минерологом ГФУ ГП Иркутскгеология Божиной Еленой Александровной

Предмет прямоугольной формы с закругленными углами, размером 12 x 7,3 см. С одной короткой стороны имеется прямоугольное отверстие размером 2 x 0,5 см, с противоположной стороны 2 круглых отверстия диаметром 0,4 см, расстояние между ними 0,9 см. Отверстия использовались для крепления к поясу (Рис. 73 – 12).

Остальные пластины являются литыми ажурными и относятся к так называемым «ордосским художественным бронзам».

3 бронзовые литые прямоугольные ажурные пластины происходят из погребения №4 с о. Осинский. Пластины с геометрическим узором (решетчатым орнаментом) - 2 экз. (Рис. 148 – 1,2) и со сценой борьбы двух животных - 1 экз. (Рис. 149 -3). Последняя пластина по периметру имеет прямоугольную рамку, покрытую удлиненными ячейками, внутри нее запечатлены фигуры борющихся животных (Смотрова, 1991, с. 141). Сцена представляет собой борьбу двух хищников семейства кошачьих со змеем или драконом. Прямоугольная рамка пластины покрыта удлиненными ячейками, внутри нее запечатлены фигуры борющихся животных: в извивающееся петлей тело дракона (змеи) впились два тигра. Один стоит слева на рамке, вонзив зубы в переднюю лапу и тело противника. Дракон с распластанными лапами грызет спину хищника. Второй хищник, повернув голову и вытянув шею, стоит на правой боковой стороне рамки и держит хвост дракона в зубах. Размеры пластины – 2,5 x 6 см. Пластина с подобной сценой борьбы происходит из случайных находок. Она обнаружена Л.П. Сергеевой на берегу р. Уды возле п. Вознесенский Нижнеудинского района Иркутской области (Рис. 150 – 1). Там же найдена пластина с другой сценой – поединка двух коней или куланов. Изделие по периметру имеет прямоугольную рамку, покрытую чередованием прямоугольных горизонтальных и вертикальных ячеек, внутри нее запечатлены фигуры борющихся животных. Справа конь, наклонившись и держит в пасти согнутую в колене переднюю ногу врага. Конь, расположенный с левой стороны пластины, кусает соперника за холку (Рис. 150 – 2). Ближайшие аналогии пластине с таким сюжетом происходят из Забайкалья из погребений Дэрестуйского могильника. Пластины со сценой борьбы двух хищников с драконом также обнаружены в Забайкалье в погребении №100 Иволгинского могильника (Давыдова, 1985, с. 58).

Пластины с геометрическим узором имеют следующий технический декор: продольная центральная перемычка при посредстве поперечных ступенек-перемычек соединяется с рамкой – с каждой стороны по 6 перемычек. Рамки гладкие, по краям украшены изображением голов ушастых грифонов. На одной пластине имеется штырек для соединения с кожаным ремнем (Рис. 149 -1). Размеры пластин 11,8 x 5,3. На пластинах с о. Осинский изображения грифонов кроме углов отмечены по центру. В результате многократного копирования на некоторых изделиях терялась не только четкость изображения, но и многие его детали. Следовательно, разница между пластинами — не результат эволюции сюжетов от более реалистических к орнаментальным, их огрубления и схематизации, а результат особенностей техники отливки — первичной или многократно повторенной с одного и того же образца. Изображения на некоторых пластинах из-за многократной отливки копий потеряли четкую выразительность. Наглядный пример – аналогичная по декору пластина с изображением голов грифонов и решетчатым орнаментом из комплекса №2 памятника Байкальское VII (Рис. 97 – 1). Вероятно она – результат многократного копирования изделия, в результате чего потерялась четкость изображения (Коростелев, 2010а, с. 158).

Бронзовая поясная пластина, происходящая из Куркутского комплекса, с мотивом извивающихся змей (рис. 17: 2). По бокам предмета обозначено два небольших круглых отверстия для крепления. Около них две змеи, находящиеся по центру пластины, соприкасаются телами в правой части предмета и головами слева. Змеи, расположенные по краям, ближе к рамке, наоборот, головами упираются в правую часть пластины, а хвостами – в левую. Фигурки змей на пластине изображены нечетко. У них нет глаз, головы прослеживаются за счет утолщения тела в этом месте. По-видимому, пластина явилась результатом многократного копирования, в связи с чем потерялась четкость изображения змей.

В комплексе №5 памятника Цаган-Хушун II «b» найдена пластина с аналогичным сюжетом – извивающиеся фигуры змей (Рис. 74 - 16). Бронзовая ременная пластина имеет прямоугольную рамку. Волнистую решетку внутри рамки образуют четыре линии, располагающиеся горизонтально. Линии представлены

изображением змей. 2 крайние змеи направлены в одну сторону, их головы примыкают к одной боковой стороне рамки, хвосты – к другой. Внутри 2 змеи направлены в другую сторону. Их морды соприкасаются с одной стороны, хвосты – с другой. Между соприкасающимися и волнообразно расходящимися змеиными телами сквозные отверстия имеют подромбическую форму, а между рамками и изгибами туловищ – подтреугольную. Вдоль хребтов змей проходит узкий желобок. Таким же углубленным желобком украшена рамка. Размер пластины 11,5 x 6 см. На одной из коротких сторон имеется выступающий шпенок для крепления к кожаному ремню. С противоположной стороны в середине рамки пластины имеется надлом.

Пластины с извивающимися фигурками змей известны среди минусинских ажурных прямоугольных пластин и пластин из Ордоса и датируются III – II веками до нашей эры (Дэвлет, 1976, с. 222). В памятниках Ордоса встречено три варианта изображения извивающихся змей: 1) змеи попарно переплетаются, головы у них направлены в противоположные стороны; 2) змеи, извиваясь, соприкасаются, головы у них попарно направлены в одну сторону; 3) змеи, извиваясь, соприкасаются, головы у них попарно направлены в противоположные стороны. Ближе к пластинам со змеями, встреченных в Прибайкалье, второй и третий вариант изображения сюжета.

Необходимо обратить внимание на повторяемость сюжетов. Сравнивая одинаковые предметы, становится ясно, что техника их отливки связана с копированием имеющихся образцов. В результате многократного копирования на некоторых изделиях терялась не только четкость изображения, но и многие его детали. Следовательно, разница между пластинами — не результат эволюции сюжетов от более реалистических к орнаментальным, их огрубления и схематизации, а результат особенностей техники отливки — первичной или многократно повторенной с одного и того же образца. Изображения на некоторых пластинах из-за многократной отливки копий потеряли четкую выразительность. Наглядный пример — пластина с изображением змей из Куркутского комплекса и пластина с изображением голов грифонов из комплекса №2 памятника Байкальское VII (Коростелев, 2009, с. 179-180.).

Ажурные пластины, датирующиеся рубежом эр, имеют аналогии в материалах Забайкалья, Монголии, Минусинской котловине, Ордосе, то есть в областях, которые в начале нашей эры находились под контролем державы хунну (Дэвлет, 1976, с. 56; Давыдова, 1985, с. 58). Также такие предметы обнаружены в курганах Алтая и Тувы, в археологических памятниках Северного Кавказа, Украины, Казахстана, Монголии, Приобья, Северного Причерноморья.

Несомненно, что создание подобных изделий у хунну шло в общем русле развития искусства народов Сибири. В последние века до нашей эры — в начале нашей эры в этом общем русле следует выделить самостоятельный пласт искусства хунну, оказавший значительное влияние на развитие искусства художественной бронзы в сопредельных областях. В Предбайкалье это выразилось в прямом копировании созданных хунну образцов. Наличие в материалах Прибайкалья вещей, имеющих центральноазиатское происхождение или их прототипов, свидетельствует о тесных культурно-экономических связях его обитателей с державой хунну.

Наличие в захоронениях таких вещей трактуется как признак высокого социального статуса их обладателя. Зачастую престижность предмета определялась ее принадлежностью к вещам, являющимся «модными» на данный момент времени. Наличие «модных», престижных вещей являлось одним из элементов самоутверждения их обладателя в культурной среде (Харинский, 2004б, с. 110). Поэтому большую декоративность получают изделия, предназначенные для украшения одежды, делающие костюм наряднее, внешне привлекательнее. Нововведением в изделиях, относящимся к хуннускому времени, является появление таких образов, как змеи, бык, а также новых изделий — ременных пластин (Коростелев, 2006, с. 134). Появление ременных пластин напрямую связано с культурой хунну. До этого времени такие предметы на территории Предбайкалья не встречались.

По обнаруженным в комплексах Предбайкалья бронзовым предметам было проведено химическое исследование для анализа состава металла и дальнейшей интерпретации материала (Табл. 5). Исследования проводились в лаборатории кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного

университета с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Для этого использовалась специальная аналитическая программа выявления компонентов сплава из цветных металлов.

Исследованные методом полного спектрального анализа металлические изделия (48 экз.) оказались выполненными из разных сплавов. Но основными компонентами служат олово (Sn), мышьяк (As), свинец (Pb) и никель (Ni). Искусственный характер введения олова, мышьяка, свинца не вызывает сомнения. Примесь никеля в количестве 0,05–0,22% сравнительно незначительна, но технологически весьма оправданна, как и примесь сурьмы (Sb) – 0,5–3,33 – так как увеличивает твердость меди, не уменьшая при этом ковкости и вязкости металла.

Мышьяковистые бронзы с довольно значительным содержанием мышьяка характерны для забайкальского металла, тогда как в Предбайкалье известна металлургическая рецептура с низким, стабильным содержанием мышьяка в пределах 1,0–1,5% (Сергеева, 1977).

Привлекая для сравнения химико-металлургическую характеристику металла, имеющуюся в нашем распоряжении, можно сказать, что исследуемый материал более тяготеет к забайкальским типам сплавов. Подтверждает данный факт и то, что, например, в районе северобайкальского побережья следов металлургии меди не зафиксировано, что также может рассматриваться на данном этапе исследований как свидетельство привозного характера изделий (Харинский и др., 2005, с. 210).

Представленный материал свидетельствует о том, что люди в железном веке задумывались не только над тем, как украсить себя и свой наряд, но и над функциональным значением предметов. Для вещей главным было удобство использования и декоративная привлекательность. Несмотря на преобладание бронзовых предметов, в хуннское время наиболее распространенным металлом было все-таки железо. Из него изготавливали более функциональные вещи – предметы быта и вооружения, а не просто украшения и гарнитуру для одежды.

Посуда и бытовые предметы

Бытовые предметы

К этой группе предметов отнесены приборы для добывания огня. Одна часть прибора, являющаяся костяным упором, обнаружена в комплексе №18 памятника Цаган-Хушун II «b» (Рис. 83 - 4). Длина изделия 5,8 см, толщина 1 см. Предмет овальной формы, причем одна сторона больше другой. С меньшей стороны имеется сквозное отверстие. На большей стороне углубление для розжига. С о. Осинский из сопроводительного инвентаря погребения №4 происходят детали прибора для добывания огня - костяные упоры (Рис 147 – 2,3) и лучок из ребра млекопитающего (Рис. 147 – 1). Упоры, выполненные в виде серьги – с расширенной округлой нижней частью и верхней, оформленной небольшим овальным выступом с круглым отверстием посередине. В центральной части изделий имеется высверленная ямочка со следами черного нагара от трения. Они изготовлены из фрагментов дистальных эпифизов либо плечевых костей, либо астрагалов копытных животных, разрубленных пополам. Длина предметов 4,2 и 4,7 см. Приборы для добывания огня широко применялись хунну, о чем свидетельствуют находки в Черемуховой и Ильмовой падах (Талько-Гринцевич, 1898).

Также к бытовым предметам можно отнести костяные кружочки-застежки из погребения №4 с о.Осинский. Они круглые, односторонне выпуклые в сечении, с круглым биконическим отверстием посередине, диаметр изделий 3,3 см (2 экз.) и 2,6 см (Рис. 147 - 4-6). Подобные вещи интерпретируются как кольца для натягивания тетивы лука (Давыдова, 1956, с. 36).

Посуда

Керамика является самым массовым археологическим материалом, имеющим большую информативную базу. При исследовании керамического материала есть возможность определить его место в хозяйственной, культурной и религиозно-ритуальной жизни древнего общества. Помимо стоянок, поселений, городищ, керамика встречена и на погребально-поминальных комплексах конца I

тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. Она неоднородна и относится к разным типам, которые в свою очередь также имеют свои временные рамки бытования.

Сосуды с оттисками шнура, орнаментированные горизонтальными налепными валиками, принадлежат к *сеногдинскому типу* керамики. Данное название было предложено в 2003 г. А.В. Харинским и И.С. Карнышевым (Харинский, Карнышев, 2003, с. 139). Керамика сеногдинского типа бытовала на побережье Байкала с XIII в. до н.э. до I в. н.э. (Кичигин, 2009, с. 161).

Одним из первых на своеобразие байкальской керамики с оттисками шнура обратил внимание В.В. Свинин, датировавший ее поздним бронзовым веком. Первые образцы керамики были собраны исследователем в бухте Сеногда на Северном Байкале (Свинин, 1966, 1976). Глиняная посуда с оттисками шнура изготавливалась при помощи лопатки, обмотанной крученым шнуром, в технике выколачивания (Свинин, 2000, с. 142). Помимо стоянок, она также обнаружена в составе сопроводительного инвентаря в плиточных могилах и ритуальных комплексах. (Цыбиктаров, 1998, с. 121; Харинский, Коростелев, 2005). Период бытования керамики сеногдинского типа по радиоуглеродным датам определяется концом II – концом I тыс. до н.э. (Кичигин, 2009).

За столь длительное время существования она претерпевала некоторые изменения, выражавшиеся в формах сосуда и венчика, толщине шнура и характере орнаментации. На раннем этапе (XIII – VI вв. до н.э.) отмечаются такие особенности как прямая форма венчика, оттиски грубого толстого шнура на внешней поверхности сосудов и стандартная композиция, выраженная в 1-4 горизонтальных валиках, рассеченных всевозможными вдавлениями, и ряде круглых вдавлений-отверстий. В более поздний период (конец I тыс. до н.э.) преобладают отогнутый наружу венчик прямой и овальной форм, оттиски среднего, не грубого шнура, и усложнение орнаментальной композиции. Последняя особенность отчетливо проявляется на сосудах с северо-западного побережья озера Байкал, где наряду с горизонтальными валиками орнаментальную композицию дополняют вертикальные и наклонные, короткие и длинные валики меньших размеров (Кичигин, Коростелев, 2009, с.216).

Фрагменты сосудов с оттисками шнура встречены в Приольхонье на памятнике Цаган-Хушун II «b», при расчистке кладки комплекса №1 (Рис. 68) и на северо-западном побережье Байкала в поминальниках и захоронениях на памятниках Байкальское VII, комплекс №1 (Рис. 95 – 3), комплекс №2 (Рис. 97 – 4,6); Байкальское XXXI, комплекс №7 (Рис. 134).

Характерными признаками этого керамического комплекса являются следующие визуальные показатели:

1. Формовка сосудов происходила в процессе ручной лепки ленточным способом. Емкость формировалась с днища внутренним или внешним подлепом горизонтальными глиняными лентами. Венчик, как правило, оформлялся налепом с внешней стороны. На заключительной стадии формовки крепился кольцевой поддон.

2. Форма сосуда и венчика. Все сосуды закрытой формы преимущественно с выраженным устьем. Преобладающими формами венчиков являются прямая и овальная, остальные представлены единичными экземплярами.

3. Технический декор. Внешняя поверхность сосудов покрыта разнонаправленными оттисками ударно-прессующего орудия (лопатка или колотушка), обмотанного крученым шнуром. Оттиски лопатки в большинстве случаев наложены друг на друга, что является результатом выбивки.

4. Орнаментация сосудов. Основной орнамент в виде налепных валиков и сопровождающих их круглых вдавлений или отверстий. По своим формам, размерам и экспозиции на поверхности сосуда валики представлены в разных вариантах. Как сами валики, так и верхний срез венчика часто деформируются различными вдавлениями.

Подобная керамическая посуда широко распространена по всему побережью Байкала (Свинин, 1976; Горюнова, 1983, 1984, 1987; Горюнова, Лыхин, 1985; Горюнова, Воробьева, 1986; Грязнов, Комарова, 1992; Воробьева, Горюнова, 1996; Харинский, 2005; Горюнова и др., 2008).

Приблизительно во II в. до н.э. на смену шнуровой керамике приходит гладкостенная с такими же приемами орнаментации (Кичигин, 2009, с. 163). Гладкостенные сосуды с плоским дном, орнаментированные налепными валиками,

известны в Прибайкалье как керамика *елгинского типа* (Харинский, 2001б, 2005), по названию группы приольхонских погребений раннего железного века (Горюнова, 1993а), в которых отмечена подобная керамическая посуда.

Керамика елгинского типа имеет орнамент в виде горизонтальных налепных валиков, рассеченных треугольным в сечении орнаментом. Она встречается на побережье озера Байкал в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Харинский, Карнышев, 2003, с. 140). Подобная керамика имеет обширную территорию распространения по всему байкальскому побережью, в том числе и на Северном Байкале (Коростелев, 2008, с. 165).

На исследуемых нами объектах фрагменты керамики елгинского типа обнаружены в следующих комплексах: Елга VII, комплекс №2 (Рис. 12 – 5,6), комплекс №8 (Рис. 12 – 3,13), комплекс №11 (Рис. 12 – 1), комплекс №12 (Рис. 12 – 2,4); Цаган-Хушун II «а», комплекс №19 (Рис. 34 – 1-4); Цаган-Хушун II «б», комплекс №8 (Рис. 75 – 2), комплекс №14 (Рис. 78 – 8), комплекс №22 (Рис. 89 – 3); Байкальское VII, комплекс №2, раскоп №1 (Рис. 99, рис. 100); Байкальское XXVII, комплекс №2 (Рис. 105 – 8), комплекс №5 (Рис. 108 – 3), комплекс №7 (Рис. 112 – 3), комплекс №8 (Рис. 113 – 3).

Разновидностью елгинской керамической традиции является керамика *сосновоостровского типа*, характеризующаяся наличием прочерченного криволинейного орнамента, сочетающегося с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями (Харинский, 2005в, с. 208).

Среди основных типобразующих признаков следует назвать следующие визуальные показатели:

1. Формовка сосудов происходила в процессе ручной лепки ленточным способом. Емкость формировалась с днища внутренним или внешним подлепом. Сосуды преимущественно состоят из устья, тулова и плоского дна (базис).

2. Форма сосудов и венчика. Все сосуды закрытой формы, как правило, с выраженным устьем. Преобладающей формой венчика является прямая, среди остальных чаще всего встречаются внешне асимметричные овальные и приостренные формы.

3. В орнаменте на керамике одинаково важными представляются как его технические, так и декоративные составляющие (Филатова, 2008, с. 89). Элементами орнамента на сосудах являются вдавления различных видов и прочерчивание. Повторение элементов, в результате которого образуется орнаментальный ряд, дает мотивы простые по построению, форме и характеру очертаний (Филатова, 2008, с. 90). На исследуемой керамике *мотив* состоит из повторяющихся вдавлений: круглых, полукруглых, дугообразных, овальных, прямоугольных, мелкозубчатого штампа, предметом с острым окончанием и пальцевых защипов. *Композиция* на сосудах представлена горизонтальными, наклонными и вертикальными налепными валиками, горизонтальными повторяющимися рядами вдавлений. Налепные валики треугольные в сечении, украшались пальцевыми защипами, вдавлениями овальными, «личиночными» и предметом с острым окончанием. По стилю исполнения все орнаменты линейно-геометрические. Орнаментация производилась в технике вдавления путем нажатия на внешнюю поверхность сосуда торцевой частью орнаментира или с помощью пальцевых защипов. Также отмечен прочерченный орнамент (Коростелев, 2010б; Korostelev, 2011).

Взаимосвязь двух керамических традиций сеногдинской и елгинской наглядно прослеживается в основных элементах декора - налепной валик, горизонтальный ряд круглых вдавлений под ним. Орнамент лишь в некоторых случаях претерпевает небольшие изменения. Характерным признаком керамики елгинского типа является то, что венчик сосуда плавно переходит в налепной валик. В более позднее время керамика с налепными валиками почти не встречается.

Также в погребально-поминальных комплексах в составе сопроводительного инвентаря отмечена керамика с ромбическими (вафельными) оттисками (*борисовский тип*). Керамика этого типа представлена плоскодонными сосудами с выраженным устьем, орнаментированным налепными валиками. Технический декор – крупноячеистая вафля. Она получается на заключительном

этапе формовки изделия, когда стенки сосуда отбиваются ударно-прессующим орудием с рифленой (вафельной) рабочей поверхностью (Кичигин, 2010, с. 263).

В качестве типобразующих признаков следует отметить:

1. Форма сосуда и венчика. Емкости преимущественно состоят из трех конструктивных элементов – устья, тулова и плоского дна. Форма венчика – прямая или овальная.

2. Технический декор. Внешняя поверхность сосудов покрыта оттисками крупных «ромбов» со стороной более 0,6 см.

3. Орнаментация сосудов. Емкости орнаментированы в верхней части горизонтальными, в редких случаях – вертикальными, наклепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями.

Плоскодонные сосуды с ромбическими оттисками на внешней поверхности, орнаментированные горизонтальными и вертикальными наклепными валиками, выделены А.В. Харинским в *борисовский тип* керамики, по местонахождению Борисовская падь (Южный Байкал), где подобная керамика впервые была обнаружена. Эти сосуды встречены при раскопках и в подъемных сборах местонахождений железного века Байкальское VII и Байкальское XXVII, а также на памятниках позднебронзового века Балтаханова II, Курла VII (I к.с.), Талая I (II к.с.) и Байкальское II (Харинский, 1993, 2005; Абдулов, Тужик, 1995; Коростелев, 2010б). Похожие сосуды встречаются и в Приольхонье (Цаган-Хушун II «а» - 19) (Свинин, 1976; Горюнова, Черемисин, 2000; Харинский, 2005).

На ряде байкальских стоянок такая керамика обнаружена в одном слое с керамикой сеногдинского типа, что подтверждает хронологическую близость этих типов керамики. В конце I тыс. до н.э. указанные керамические традиции существовали синхронно (Харинский, Карнышев, 2003, с. 140). В подтверждение этому служат фрагменты сосудов борисовского и сеногдинского типов из комплекса №2 Байкальского VII (Рис. 97 – 3-6).

Единственной находкой, выходящей за пределы выше указанных видов керамических традиций, является почти полностью апплицируемый глиняный плоскодонный сосуд хуннского типа, обнаруженный рядом с кладкой №6

комплекса Байкальское XXVII на северо-западном побережье озера Байкал (Коростелев, 2004, с. 180). Он располагался в неглубокой яме вверх дном. Его венчик сильно отогнут, треугольный в сечении. Шейка сосуда декорирована прочерченным зигзагообразным орнаментом. Он заключен между прочерченными горизонтальными линиями. По всей части тулова украшен вертикальными полосами с небольшим наклоном в правую сторону. По центру тулова сосуда полосы заглажены, а в верхней и нижней части они выражены ярче. (Рис. 110 – 3; Рис. 161). Глиняный сосуд полностью копирует своей формой и орнаментацией хуннские сероглиняные лощеные сосуды, выполненные на гончарном круге (Коростелев, Харинский, 2010, с. 75).

2.6. Датировка и культурная принадлежность погребально-поминальных комплексов Предбайкалья второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Для определения культурной принадлежности погребально-поминальных комплексов и времени их появления на территории Предбайкалья в работе применялось несколько методов - историко-культурный, сравнительно-типологический и радиоуглеродный.

На основе радиоуглеродного метода датирования были получены даты с различных объектов Предбайкалья, что явилось основополагающим фактором при выводах и заключениях о времени существования бутухейской и елгинской погребальной традиции на исследуемой территории (Табл. 2).

При определении возраста собственно археологических объектов предпочтение отдается таким традиционным органическим материалам, которые могут наиболее точно отражать возраст исследуемых объектов: уголь, древесина, кость. Кости человека и животного остаются наиболее широко используемым материалом для датирования. Именно кость из погребения может однозначно сопоставляться с изучаемым событием. Методики выделения коллагена, основной «датирующей фракции», применяющейся при датировании костей, позволяют получать «чистые», не загрязненные посторонним углеродом препараты

(Зазовская, 2016, с. 159).

В последние годы при датировании археологических объектов исследователи все чаще обращают внимание на влияние, оказываемое на возраст образца, так называемого «резервуарного эффекта», вызванного отсутствием равновесия между CO_2 , содержащимся в атмосфере и воде. В настоящее время выделяют два основных резервуарных эффекта: морской и пресноводный (речной/озерный). В случае пресной воды резервуарный эффект может проявляться у животных и людей, в системе питания которых (частично или полностью) присутствуют компоненты пресноводного происхождения. При радиоуглеродном датировании таких образцов (костей человека или животного) получается «мнимый радиоуглеродный возраст», отличающийся от возраста синхронных наземных образцов, не подверженных резервуарному эффекту (Зазовская, 2016, с. 159).

Зооархеологические исследования по байкальской фауне, проводившееся в последние годы, показали наличие значительного пресноводного резервуарного эффекта, который существенно удревяет радиоуглеродные даты в этом регионе (A freshwater old ... , 2013).

В течение нескольких лет формировался банк данных по радиоуглеродным данным по позднему бронзовому – железному векам Предбайкалья. Большинство из них представлено в таблицах 2 и 3 в Приложении №2 к диссертационному сочинению. В первую из них включены даты, выполненные в лаборатории Ångström (Ангстрем) при Уппсальском университете (Швеция) и опубликованные коллективом авторов в статье, посвященной появлению скотоводства на побережье Байкала (Losey et al, 2017). Даты, полученные в Уппсале, корректировались с учетом $\delta^{15}\text{N}$. Измерение проведено при Отделении геонаук, геологии и геохимии Амстердамского свободного университета (г. Лейден) (Ватерс-Рист и др., 2016). Корректированные даты и их промежутки погрешностей впоследствии были калиброваны в программе Oxcal 4.2 (Bronk Ramsey, 2009) при помощи базы данных IntCal13 (IntCal13 ... , 2013). Все промежутки дат представлены в значении «лет назад» (кал. л. н.) (Табл. 2). Даты,

полученные по костям копытных животных, в корректировке не нуждаются (Ватерс-Рист и др., 2016).

Приведенные в таблице 3 радиоуглеродные даты получены в разные годы преимущественно в двух научных центрах – Лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минерологии СО РАН (г. Новосибирск, Россия) и Геологическом институте РАН (г. Москва, Россия). Даты, полученные в российских лабораториях, указаны без учета резервуарного эффекта. Они приводятся без учета калибровки (Табл. 3) и при использовании требуют пересчета в одной из программ, например, Oxcal 4.2 (Bronk Ramsey, 2009).

Судя по радиоуглеродным датам, на территории Предбайкалья в I тыс. до н.э. сосуществовали две погребальные традиции, различающиеся между собой, прежде всего, формой надмогильной каменной конструкции. Первая из них — бутухейская, вторая – плиточные могилы. Положение умерших в плиточных могилах такое же, как в бутухейских захоронениях. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой ориентированы в восточном, юго-восточном и южном направлении. У «плиточников» над могилой сооружалась четырехугольная или овальная оградка из вертикально или наклонно установленных плит, у бутухейцев - плоская овальная или четырехугольная кладка (Туркин, 2004; Харинский, 2004). Эти синхронно существовавшие погребальные традиции представлены на разных могильниках. Сопроводительный инвентарь захоронений включает изделия из бронзы (ножи, кельт, зеркала, кинжал, ворворку, бляшки, подвески), железа (бляшки, кольца), камня (бусины) и кости. Наличие в плиточных могилах и сопровождающих их поминальных конструкциях значительного количества костных останков домашних животных свидетельствует о доминировании в хозяйственной деятельности «плиточников» скотоводческого уклада. В бутухейских захоронениях кости домашних животных не зафиксированы.

В настоящее время имеется 9 радиоуглеродных дат, сделанных по бутухейским захоронениям в российских лабораториях, и 11 дат из лаборатории в

Уппсале. Четыре даты из российских лабораторий получены по захоронениям из Приольхонья (Хадарта II – 4 3210 ± 65 л.н.; Хадарта II – 5 3140 ± 70 л.н.; Хадарта II – 8 2720 ± 70 л.н.; Хужир IV – 1 2460 ± 100 л.н.). С учетом калибровки² возраст этой группы захоронений укладывается в хронологический промежуток от середины XVI до середины IV вв. до н.э. И если даты с Хадарты II получены по костям человека, возраст которых может быть несколько удревнен с учетом резервуарного эффекта, то дата по Хужиру IV получена по костям лошади, на которую не оказывает влияние эффект и полученная дата не требует корректировки.

Четыре даты по бутухейским погребениям из Приольхонья анализировались с учетом резервуарного эффекта (Цаган-Хушун II «а» - 23 2580 ± 32 л.н.; Цаган-Хушун II «а» - 31 2481 ± 34 л.н.; Курма II - 5 2470 ± 32 л.н.; Хадарта II - 5 2681 ± 37 л.н.). Указанная группа дат располагается в хронологическом диапазоне от середины VI до конца II вв. до н.э. При этом радиоуглеродные даты, сделанные по погребению Хадарта II - 5 в разных лабораториях отличаются приблизительно на 1000 лет, что требует перепроверки данных по этому объекту. Тем не менее, учитывая радиоуглеродные данные по другим бутухейским захоронениям, можно говорить о времени существования бутухейского погребального ритуала на территории Приольхонья в пределах от XIV-XIII вв. до начала I в. до н.э. С появлением новых данных нижняя граница существования бутухейской традиции на западном побережье Байкала может быть уточнена. Верхняя же граница выглядит вполне реалистично и согласуется с датировкой сопроводительного инвентаря, обнаруженного в захоронениях.

По бутухейским комплексам с северо-западного побережья Байкала имеется 3 радиоуглеродных даты, сделанных в российских лабораториях, 1 в лаборатории Аризонского университета (АА) и 6 дат из лаборатории в Уппсале. Три даты из российских лабораторий получены по костям погребенного (Байкальское XXXI – 4 1980 ± 65 л.н.; Байкальское XXXI – 5 2370 ± 45 л.н.; Байкальское XXXI – 8

---

²Эта и другие радиоуглеродные даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 (Bronk Ramsey, 2021) по кривой IntCal20; атмосферные данные из: The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) / Reimer P. [et al.] // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, № 4. P. 725–757; вероятность 95,5 %.

2025±75 л.н.). По нагару с керамического сосуда, имеющего с наружной стороны оттиски шнура и обнаруженного в комплексе №7 Байкальского XXXI, в американской лаборатории получена дата 2750±40 л.н. С учетом калибровки возраст бутухейских захоронений укладывается в хронологический промежуток от середины VIII в. до н.э. до начала III в. н.э., а керамики с оттисками шнура между X и концом IX вв. до н.э.

Даты по бутухейским захоронениям, полученные в Швеции, выглядят следующим образом: Байкальское XXVII – 8 2382±31 л.н.; Байкальское XXVII – 12 2725±33 л.н.; Байкальское XXXI – 4 2502±30 л.н.; Байкальское XXXI – 5 2335±30 л.н.; Байкальское XXXI – 8 2669±31 л.н.; Байкальское XXXI – 9 2814±34 л.н. Судя по этим датам, возраст бутухейских захоронений составляет от середины VII в. до н.э. до II в. н.э. Даты, полученные по костным останкам в разных лабораториях очень сильно отличаются друг от друга, что требует дополнительной перепроверки возраста в других лабораториях.

С учетом полученных радиоуглеродных дат и обнаруженного в погребениях сопроводительного инвентаря, предварительно возраст бутухейских погребений северо-западного побережья Байкала можно определить в пределах VII в. до н.э. – II в. н.э. Такой же возраст для этой группы захоронений был предложен А.В. Харинским (Харинский, 2004, с. 143). Как соотносится с бутухейскими захоронениями керамика с оттисками шнура из комплекса №7 Байкальского XXXI сказать сложно. Поэтому при определении общего возраста бутухейской погребальной традиции, полученный по ней возраст учитывать не будем.

Даты еще по двум бутухейским захоронениям были получены с других районов Предбайкалья. Одна из них определяет возраст захоронения 106 могильника Шаманка II на южном побережье Байкала - 2633±27 л.н. С учетом резервуарного эффекта она соответствует VII - началу VI вв. до н.э. Вторая дата сделана по захоронению у с. Троицк, расположенного на левом берегу р. Залари, левого притока р. Ангары - 2165±60 л.н. С учетом калибровки она соответствует IV – I вв. до н.э.

Характеризуя радиоуглеродные даты по разным районам Предбайкалья,

можно отметить, что на данном этапе исследования возраст бутухейских захоронений в регионе в целом может быть определен в пределах от XIV до I вв. до н.э. Нижняя граница этого хронологического диапазона еще требует уточнений. Для северо-западного побережья Байкала следует более точно определить верхнюю границу существования бутухейской погребальной традиции, которая в настоящее время соответствует II в. н.э.

Начиная с V в. до н.э. в Предбайкалье появляются носители елгинской погребальной традиции, хоронившие умерших на боку, с подогнутыми ногами, головой на восток - юго-восток. Вероятно, их появление не сопровождалось полной ассимиляцией или вытеснением местного населения. Оно сохранило свои обычаи и традиции, что выражается в сосуществовании бутухейского погребального ритуала наряду с елгинским (Харинский, 2017, с. 130).

К настоящему времени имеется 10 дат по елгинским захоронениям, полученным в российских лабораториях и 10 дат из лаборатории в Уппсале. По Приольхонью к первой группе относятся 9 дат: Цаган-Хушун II «а» - 19 2885±35 л.н.; Цаган-Хушун II «а» - 6 2285±50 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 23 2273±60 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 28 1635±90 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 4 2050±55 л.н.; Елга VII - 13 1960±60 л.н.; Елга VII - 16 2590±90 л.н.; Елга VII – 19 (5) 2050±160 л.н.; Елга VII – 3 1890±50 л.н. С учетом калибровки, временной диапазон существования этой группы погребений соответствует XII в. до н.э. – VI в. н.э. При этом, надо учесть, что при его корректировке не учитывался резервуарный эффект, поэтому время бытования самого раннего из представленных захоронений - Цаган-Хушун II «а» - 19, следует омолодить. У самого же «молодого» погребения - Цаган-Хушун II «b» - 28, следует, вероятно, ориентироваться на более раннюю часть его временного диапазона, соответствующую середине III – IV в. н.э.

В шведской лаборатории радиоуглеродные даты получены по следующим елгинским захоронениям из Приольхонья: Цаган-Хушун II «а» - 19 2683±37 л.н.; Цаган-Хушун II «а» - 6 2482±33 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 4 2273±30 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 16 2219±36 л.н.; Цаган-Хушун II «b» - 20 2153±32 л.н.; Цаган-

Хушун II «b» - $27\ 2321 \pm 32$ л.н.; Елга VII - $2\ 2187 \pm 30$ л.н.; Елга VII - $3\ 2047 \pm 20$ л.н.. Самым ранним из погребений этой группы также является Цаган-Хушун II «a» - 19. Время его существования с учетом резервуарного эффекта соотносится с серединой V – серединой IV вв. до н.э. Самым поздним из погребений является Елга VII – 3, возраст которого с учетом корректировки соответствует I в. н.э. Учитывая данные по двум группам погребений, можем ограничить временной диапазон существования елгинских захоронений Приольхонья серединой V в. до н.э. – IV в. н.э.

Одна радиоуглеродная дата из Института геологии и минералогии СО РАН имеется по елгинскому захоронению Байкальское XXXI – 1 с северо-западного побережья Байкала - 2130 ± 50 л.н. С учетом калибровки она соответствует середине IV-I вв. до н.э. Две даты по елгинским комплексам получены в Швеции: Байкальское VII – 1 1986 ± 30 л.н. и Байкальское VII – 2 2548 ± 32 л.н. С учетом резервуарного эффекта первая из них соответствует I-II вв. н.э., вторая - середине II – середине I вв. до н.э.

Отсутствие достаточной информации по погребальным комплексам I тыс. н.э. из разных районов Предбайкалья не позволяет в настоящее время говорить о синхронности культурно-исторических процессов, которые протекали на всей территории региона. Судить о взаимодействии и смене погребальных традиций можно лишь по данным из Приольхонья. В середине I тыс. н.э. на западном побережье Байкала происходит смена погребальных традиций. Перестают фиксироваться захоронения с елгинским погребальным ритуалом и появляются могилы, в которых погребенные ориентированы головой на северо-восток или северо-восток-восток, а не на юго-восток, как в елгинских могилах. Исчезают четырехугольные надмогильные кладки. Получают распространение только сплошные плоские каменные кладки круглой или овальной формы. В некоторых захоронениях встречается обкладка могильной ямы вертикально установленными плитами (каменный ящик). Общими чертами, указывающими на генетическую связь старого и нового погребальных ритуалов, является труположение погребенного на боку с подогнутыми ногами. Новый погребальный ритуал,

отмеченный как на территории Приольхонья, так и в Баргузинской котловине, получил название черенхынского, по названию могильника Черенхын I, на котором Б.Б. Дашибаловым был раскопан крупнейший археологический объект, характеризующий эту погребальную традицию (Харинский, 2001б, с. 45).

К настоящему времени имеется несколько радиоуглеродных дат по черенхынским захоронениям Приольхонья. К числу самых ранних из них относятся: Черенхын I – 37 1590±40 л.н.; Черенхын I – 38 1560±30 л.н. и Черенхын I – 42 1670±110 л.н. (Дашибалов, 2011). Последняя из дат имеет достаточно большой доверительный интервал, поэтому может быть исключена из общего анализа. Две другие даты с учетом калибровки соответствуют: Черенхын I – 37 – V - середина VI вв. и Черенхын I – 38 – середина V - середина VI вв. Следовательно, на территории Приольхонья в V в. получает распространение черенхынская погребальная традиция, ставшая приемницей елгинского погребального обряда.

Для других районов Предбайкалья, где были отмечены елгинские захоронения, пока нет объективных данных о продолжительности их существования и тех погребальных традициях, которые пришли им на смену. В последние годы новые данные появились лишь из долины Ангары, где в 2016 г. И.В. Улановым были раскопаны два захоронения на острове Осинском. Погребение №1, в котором кости погребенного не сохранили своего первоначального положения, найдено в юго-западной части острова. По нему имеется дата 2155±20 л.н. Погребение №2 находилось в северной части острова. Умерший располагался на правом боку, ноги подогнуты, головой ориентирован на восток (95°). На краю могильной ямы, к северу от лицевого отдела черепа, обнаружены кости задней ноги барана, сохранившиеся в анатомическом порядке. По костям человека получена радиоуглеродная дата 1555±20 л.н., а по костям барана 1595±20 л.н. Автор исследований посчитал возможным отождествить погребение №1 с представителями хуннского союза племен. Второе погребение соотнесено им с захоронениями черенхынского типа (Уланов, 2017).

Находка на Осинском острове вещей, получивших широкое

распространение на территории Южной Сибири и Центральной Азии в период существования державы хунну, указывает на тесные культурно-экономические связи между этими регионами. Но эти находки никаким образом не свидетельствуют о вхождении южной части долины р. Ангары в состав державы хунну и распространение на этой территории хуннского погребального обряда, который характеризуется захоронением умершего вытянуто на спине в деревянном гробу, головой на север – северо-восток, сооружение над могилой плоской каменной кладки круглой кольцевой формы. Кроме этого, на территории Предбайкалья отсутствуют находки одного из важнейших элементов культуры хунну - сероглиняной лощеной керамики, выполненной на гончарном круге (Харинский, 2005г). Исключение составляют несколько фрагментов подобной керамики найденной в Тонгинской пещере (Приольхонье) (Горюнова, Черемисин, 2000). Имитация хуннского сосуда ручной лепки обнаружена в поминальнике 6 Байкальского XXVII (рис. 110 – 3; Рис. 161). Но эти единичные находки не являются свидетельствами вхождения территории Предбайкалья в состав державы хунну, а лишь указывают на контакты жителей региона со своими южными соседями.

Расстояние между двумя погребениями, исследованными в 2016 г. на о. Осинский, более 4 км. Это разные могильники. В могильнике с южной стороны острова помимо погребения №1 2016 г., было ранее зафиксировано еще 2 захоронения, вскрытых В.И. Смотровой в 1981 и 1982 годах (Смотровая, 1991). Во всех трех захоронениях костяк не сохранил первоначальное положение, поэтому уверенно говорить о погребальном ритуале, характерном для этих могил достаточно проблематично. Вероятнее всего, эти захоронения были близки по времени сооружения. Определить это поможет радиоуглеродная дата по захоронению, раскопанному в 2016 г., соответствующая с учетом калибровки³ 351-103 гг. до н.э., то есть тому времени, когда на территории Предбайкалья распространяется елгинский погребальный обряд.

---

³ Эта и другие радиоуглеродные даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 (Bronk Ramsey, 2021) по кривой IntCal20; атмосферные данные из: The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) / Reimer P. [et al.] // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, № 4. P. 725–757; вероятность 95,5 %.

В северной части острова зафиксировано два захоронения, в которых погребенные располагались на правом боку с подогнутыми ногами. В погребении №3, раскопанном В.И. Смотровой в 1982 г., погребенный ориентирован головой на юго-восток (Харинский, 2014, с. 29), а в погребении №2, исследованном И.В. Улановым в 2016, головой на восток (Уланов, 2017). Близкое расположение двух захоронений относительно друг друга, возможно, свидетельствует об их культурной и хронологической синхронности или даже единстве (Уланов и др., 2017, с. 140). Не возражая против этого вывода, хотелось бы отметить, что трактовка И.В. Улановым обоих захоронений как погребений черенхынского типа не правомерна. Погребенный в черенхынских захоронениях ориентировался головой на северо-восток или северо-восток-восток, но никак ни на юго-восток. Ориентировка на юго-восток характерна для елгинских захоронений. Поэтому захоронение, раскопанное в 1982 г., на мой взгляд, можно рассматривать как позднее елгинское погребение, в котором умерший ориентирован головой на юго-восток, а погребение, исследованное в 2016 г., как переходное от елгинской к черенхынской традиции. В нем умерший ориентирован головой на восток, но еще не на северо-восток, как у «классических» черенхынских погребений. Возраст этого захоронения определяют две радиоуглеродные даты. С учетом калибровки, дата, полученная по человеческим костям, соответствует 433-571 гг., а по костям барана – 423-540 гг., то есть концу V – середине VI вв. Такой же возраст имеют и наиболее ранние черенхынские захоронения Приольхонья, что свидетельствует об относительной синхронности культурно-исторических процессов, происходивших в разных районах Предбайкалья. В связи с этим можно констатировать, что елгинский погребальный ритуал в южной части долины Ангары продолжал существовать до V в. и постепенно эволюционировал в черенхынский. Поэтому на нынешнем этапе исследований общие хронологические рамки, определяющие время бытования елгинского погребального ритуала, можно определить V в. до н.э. – IV в. н.э. С получением новых материалов они могут быть подкорректированы с учетом локальных особенностей разных районов Предбайкалья.

Возвращаясь к вопросу взаимодействия бутухейских и елгинских погребальных традиций на территории Предбайкалья, дополнительно стоит остановиться на процессе формирования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II. В отличие от других археологических объектов он включает значительное количество захоронений, по которым имеются радиоуглеродные даты. Памятник состоит из двух участков: южного «а», на котором представлены бутухейские и елгинские захоронения, и северного «б», на котором имеются только елгинские захоронения. Судя по радиоуглеродным датам, возраст бутухейского захоронения из комплекса №23 соответствует III – началу II вв. до н.э., возраст погребения из комплекса №31 – II – началу I вв. до н.э. Оба захоронения располагались в южной части памятника, а к северу от них находились елгинские захоронения. Дата по захоронению комплекса №6 с учетом резервуарного эффекта соотносится с концом IV – серединой III вв. до н.э., а дата по погребению из комплекса №19 соответствует середине V – середине IV вв. до н.э. Даты по елгинским захоронениям с участка «б» соответствуют III в. до н.э. – I в. н.э. Таким образом, в целом памятник Цаган-Хушун II можно датировать в пределах середины V в. до н.э. – I в. н.э.

Формирование археологического комплекса началось с южной части, где располагались елгинские захоронения, датирующиеся в пределах середины V – середины III вв. до н.э. К настоящему времени это наиболее ранние елгинские захоронения, обнаруженные к западу от Байкала. Следующую хронологическую группу памятника составляют бутухейские погребения, относящиеся к III – началу I вв. до н.э. Не исключено, что бутухейское население, оставившее эти захоронения, на некоторое время вытеснило раннюю группу елгинцев с территории Приольхонья. Видимо, в знак подтверждения своего доминирующего положения носители бутухейских погребальных традиций разрушили большую часть погребений основателей могильника – ранних елгинцев. Завершающей фазой существования могильника стало сооружение елгинских захоронений в северной части могильника (участок «б») и окончательное закрепление носителей елгинской погребальной традиции на территории Приольхонья.

Начиная с V в. до н.э. в Предбайкалье появляются носители елгинской погребальной традиции, хоронившие умерших на боку, с подогнутыми ногами, головой на восток - юго-восток. Вероятно, их появление не сопровождалось полной ассимиляцией или вытеснением местного населения. Оно сохранило свои обычаи и традиции, что выражается в сосуществовании бутухейского погребального ритуала наряду с елгинским (Харинский, 2017, с. 130).

Существование на территории Предбайкалья в конце I тыс. до н.э. нескольких групп захоронений свидетельствует о тесном культурном влиянии сообществ, проживавших здесь в этот период времени и постепенно сменявших друг друга. Такое влияние прослеживаются как в самом погребальном обряде – например, ориентировка погребенного, так и в сопроводительном инвентаре.

Одним из важнейших элементов археологической культуры является керамическая посуда. Ее форма, технология изготовления и орнаментация позволяют объединять сосуды, обладающие схожими характеристиками в единые керамические типы. Остатки керамических сосудов на елгинских некрополях найдены или возле надмогильных кладок, или среди их камней. Большинство из них гладкостенные, с плоским дном, украшенные горизонтальными налепными валиками, круглыми и дугообразными вдавлениями (рис. 12 – 2-6; рис. 75 - 2, рис. 97 – 3; рис. 108 – 3, рис. 113 - 3). Посуда с подобными особенностями получила название керамика елгинского типа (Харинский, 2005а, с. 207-209). Помимо плоскодонных сосудов, некоторые елгинские горшки имеют закругляющееся по краям дно (рис. 12 - 13). Особую группу елгинской керамики составляют сосуды сосновоостровского типа, украшенные различными композициями, выполненными с помощью прочерченного криволинейного орнамента («растительного»), сочетающегося с налепными и вдавленными элементами декора (рис. 97 – 5, рис. 99 - 1). Присутствие на елгинских погребально-поминальных комплексах керамики иных типов, например сеногдинско-тышкинэйской или борисовской (рис. 160; рис. 161), свидетельствует о достаточно сложных процессах культурогенеза, протекавших в Предбайкалье на рубеже эр, подтверждением чему является синхронное существование на юге

региона трех погребальных традиций бутухейской, плиточных могил и елгинской.

На настоящем этапе исследования, достаточно сложно характеризовать керамические традиции, которые были присущи для носителей бутухейского погребального обряда. В бутухейские могилы, как и в елгинские, не помещали керамические сосуды. Среди надмогильных кладок бутухейцев они также не встречаются. Исключение может составлять находка сосуда с оттисками шнура возле комплекса №7 Байкальского XXXI (рис. 134), но однозначно связать его с носителями бутухейской традиции пока преждевременно. Отсутствие помимо погребального ритуала других культуроопределяющих элементов, которые могут характеризовать носителей бутухейской традиции, затрудняет определение круга археологических памятников, помимо захоронений, которые мы могли бы назвать бутухейскими.

В отличие от бутухейцев, носители елгинского погребального ритуала, как это указывалось выше, имеют кроме погребального обряда дополнительный культуроопределяющий элемент – керамику елгинского типа. Ее нахождение на археологических объектах, не являющихся погребально-поминальными комплексами, позволяет отнести их к единой культурно-исторической общности – елгинской. Даже отсутствие каких-либо артефактов на некоторых типах археологических памятников, таких как, например, металлургические центры, позволяет включить их в число елгинских на основании трех параметров: синхронное существование вместе с елгинскими захоронениями; локализация в тех же районах, где были распространены елгинские захоронения; появление в регионе в то же время, что и елгинские захоронения. Небольшой обзор археологических объектов, характеризующих елгинскую культурно-историческую общность или археологическую культуру, приводится ниже.

На елгинском этапе у населения Предбайкалья появляются новые типы археологических памятников, до этого не встречавшиеся в регионе. К их числу относятся несколько крупных металлургических центров по производству железа, исследованных в Приольхонье – Барун-Хал 2, Барун-Хал 3, Курминское озеро 1 (Кожевников и др., 2000; Харинский, Снопков, 2004; Kozhevnikov et al, 2019).

Следы производства железа также обнаружены на Верхней Лене, недалеко от с. Ангинское. В этом месте обнаружены древние ямы для добычи железной руды, где сохранились также и следы железоплавилен (Окладников, 1955, с. 192). Рабочие камеры сыродутных горнов были воронкообразной формы выкапывались в слое плотного суглинка, располагаясь вокруг пригорновой ямы. Нижняя часть рабочей камеры соединялась с ямой подземным каналом, через который из горна извлекалась крица. В начале I тыс. вместо ям начинают сооружаться пригорновые траншеи, с двух сторон от которых располагалось от четырех до шести горнов. Горны периодически подновлялись, некоторые из них специально консервировались. Вместо разрушенных горнов по соседству вырывали новые. Серией проходов пригорновые ямы и каналы соединялись между собой.

На протяжении елгинского этапа на возвышенных местах (горы, мысовидные выступы, скалистые мысы), в остепненных участках Предбайкалья сооружаются святилища. С наиболее доступной стороны от прилегающей территории возвышенность отделялась оградительными сооружениями (валами, рвами, каменными грядами или стенами), которые придавали ей вид городища. Городища-святилища являлись ритуальными центрами, на которых совершались моления небесным божествам. Площадка, защищенная оградительными сооружениями, воспринималась как сакральная территория, на которой возможен контакт между божествами и людьми. С помощью оградительных сооружений святилище защищалось от всевозможного «вредоносного» влияния. Проходить на его территорию могли лишь люди, наделенные сакральными знаниями (Харинский, 2002б; 2007; 2013; 2015).

В конце I тыс. до н.э. в Предбайкалье получает распространение еще один тип археологических памятников - поминальники – конструкции из камней, под которыми не обнаружены останки человеческих захоронений или их имитации. Создание подобных сооружений исследователи связывают с культом предков и ритуалом поддержания связи с живущими и умершими родственниками (Дашибалов, 1995, с. 85). Значительное количество поминальных конструкций раскопано на территории Приольхонья. К самым ранним из них относятся

округлые кладки диаметром 2,6-3,3 м, состоящие из нескольких вертикально установленных каменных плит, вокруг которых располагаются неплотно уложенные камни. Под кладками обнаружены плоскодонные сосуды, большинство из которых гладкостенные. На одном из сосудов зафиксированы отпечатки шнура на внешней стороне стенок (Авраменко, Харинский, 2011). Керамика орнаментирована горизонтальными и вертикальными наклепными рассеченными валиками.

В начале - середине I тыс. н.э. в Приольхонье на смену поминальным кладкам с несколькими вертикально стоящими камнями приходят плотно сложенные из камней в 1-4 слоя круглые конструкции диаметром 1,5-3,0 м (Харинский, 2002в). Обнаруженные под ними керамические сосуды, как правило, не орнаментированы. У них гладкие стенки и плоское дно. Этим же временем можно датировать появление еще одного типа поминальных конструкций – шатровых кладок. Они сооружались в виде усеченного конуса из наклонно установленных каменных плит. Наиболее ранние шатровые конструкции зафиксированы на памятниках Нуры I, Обондой II и Куркутский комплекс I (Мандельштам, 1974; Асеев, 1980; Харинский, Авраменко, Бородина, 2010).

В V в. погребальный ритуал жителей Предбайкалья претерпел некоторые изменения. Ориентировка умерших меняется с юго-восточной на северо-восточную, в некоторых случаях отмечается обкладка стенок могильной ямы каменными плитами, фиксируются только овальные плоские надмогильные кладки. Происходят перемены и в инвентаре, сопровождающем погребенных. На территории Предбайкалья наступает новый культурно-исторический этап – черенхынский (V-VIII вв.), по многим параметрам явившийся продолжателем елгинских культурных традиций.

Глава III. ПРЕДБАЙКАЛЬЕ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ I ТЫС. Н.Э.: ГЕНЕЗИС И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Во время переселения значительной группы людей процесс переноса культурных ценностей происходил в несколько раз интенсивнее, что приводило к трансформации культуры в тех сообществах, с которыми сталкивались эти переселенцы. Один из трансформационных процессов в Предбайкалье начался в V в. до н.э. с переселением в сюда носителей елгинской погребальной традиции. Со III в. до н.э. этот погребальный ритуал становится преобладающим в Приольхонье и распространяется до северного побережья озера Байкал и в Ангаро-Ленском районе. Где и когда мог сформироваться елгинский погребальный обряд и как происходило взаимодействие его носителей с представителями других культурных сообществ попытаемся разобраться в этой главе.

3.1. Истоки формирования елгинской погребальной традиции

В первой половине I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья фиксируется несколько погребальных традиций, которые сложно соотнести к родоначальникам елгинского погребального обряда. В Приольхонье сосуществовали носители культуры плиточных могил и погребений бутухейского типа. При этом основой хозяйственной деятельности первых из них было скотоводство, свидетельство которого в виде костей лошади, овец и крупного рогатого скота находятся при раскопках плиточных могил. В погребениях бутухейского типа кости животных отсутствуют. Возможно, это связано с особенностями их погребального ритуала, а может быть и со спецификой хозяйственной деятельности, основу которой составляла охота, собирательство и рыбная ловля. Материалы, свидетельствующие о занятии бутухейцев скотоводством, появляются лишь в III - II вв. до н.э. Они представлены находкой бронзовой крестообразной ворворки от конской упряжи из комплекса №8 Байкальского XXVII (северо-западное побережье Байкала) и черепами домашних животных, обнаруженных в

специально вырытых ямах в погребениях Хужир IV – 1 и Курма II- 4, 5 (Приольхонье).

Специализация бутухейцев на охоте и рыбной ловле позволяла им заселять территории, на которых было сложно заниматься скотоводством в значительных масштабах. К таким территориям относится южное побережье Байкала, где на могильнике Шаманка II В.И. Базалийским обнаружено два бутухейских захоронения – могилы 106 и 110. По первой из них имеется радиоуглеродная дата, соответствующая с учетом резервуарного эффекта VII - началу VI вв. до н.э. (Табл. 2)

Погребальный ритуал, фиксируемый в бутухейских погребениях и плиточных могилах, не мог стать основой для формирования елгинского погребального обряда. Между ними очень много различий. То же самое, вероятно, можно сказать и о захоронениях, имевших распространение на северо-западном побережье Байкала в первой половине I тыс. до н.э. Одно из них было раскопано на могильнике Красный Яр I. В погребении 3 под овальной каменной кладкой в могильной яме обнаружено захоронение. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на северо-восток (Коростелев, 2003; Кичигин, 2015). По костям погребенного получено две радиоуглеродных даты, одна в Новосибирске - 2430 ± 45 л.н., другая в Уппсале - 2750 ± 35 л.н. (Табл. 3). С учетом калибровки первая из них соответствует середине VIII-V вв. до н.э., вторая – X-IX вв. до н.э.

В долине реки Куды - правого притока Ангары также отсутствуют прототипы будущего елгинского погребального ритуала. К настоящему времени здесь исследовано два захоронения бронзового века. Одно из них располагалось в местности Улан-Байтог. Его надмогильная кладка имела овальную форму, по размерам ненамного превышая площадь находившейся под ней могильной ямы. Погребенный располагался вытянуто на спине и был ориентирован верхней частью в северо-западном направлении. Второе захоронение - Далхай III – 2 отличалось от первого лишь размерами надмогильной кладки. Она была круглой формы диаметром 3 м. Камни уложены в один слой. Наиболее крупные из них

располагались по периметру конструкции. В средней части кладки камни отсутствовали. Они были удалены из кладки в ходе ее ограбления. Глубина ямы 24 см, ее дно находилось на 30 - 35 см ниже современной поверхности земли. Яма овальной формы, размерами 0,6 x 1,8 м. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой ориентирован по линии с азимутом 310° (Харинский, 2000). Судя по имеющейся радиоуглеродной дате 2775 ± 135 л.н. (Табл. 3), возраст захоронения можно определить в пределах первой половины I тыс. до н.э.

Исключая из числа центров, в котором могло происходить формирование елгинской погребальной традиции, территорию Предбайкалья, где в первой половине I тыс. до н.э. отсутствовали захоронения, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, обратим внимание на территорию юго-западного Забайкалья. Именно здесь выявлены захоронения, в которых погребенные располагались преимущественно на правом боку (два захоронения на левом боку) с подогнутыми ногами, головой на восток или северо-восток. Захоронения были впущены в плиточные могилы (Рис. 1). К настоящему времени в число этих памятников входят: Саянтуй – 91; Тологой II – 8; Верхне-Килганутский улус – 45; Сотниково – 1, 15; Ацай II – 4, 6, 7 (Цыбиктаров, 1998, с. 107) - всего восемь захоронений. Возраст верхнего костяка из могилы 4 могильника Ацай II составил 2530 ± 50 л.н. (ГИН-4416). По мнению А.Д. Цыбиктарова, в V в. до н.э. этот погребальный ритуал приходит на смену культуре плиточных могил (Цыбиктаров, 1998, с. 110).

Группу захоронений из юго-западного Забайкалья, впущенных в плиточные могилы, в которых умершие располагались на боку с подогнутыми ногами А.В. Харинский предложил назвать погребениями сотниковского типа (Харинский, 2006а). Судя по особенностям погребального ритуала, сотниковцев можно считать потомками населения, проживавшего на юге Забайкалья в бронзовом веке. Не исключено, что у истоков формирования сотниковской погребальной традиции находилось население, хоронившее умерших на спине с согнутыми в коленях ногами. Их захоронения группировались в самостоятельные могильники, как, например, Онкули в Баргузинской котловине (Хамзина, 1974) или составляли

отдельные группы захоронений на разновременном могильнике. Такая группа, получившая номер III, представлена на Фофановском могильнике (Герасимов, Черных, 1975). Умершие укладывались в могиле на спину, с согнутыми в коленях ногами. Ориентация костяков неустойчивая: от северо-восточной до юго-восточной. По мнению М.М. Герасимова и Е.Н. Черных, культурное положение третьей (самой поздней) группы погребений Фофановского могильника неясно. Они появляются на могильнике позже времени существования глазковской культуры. К числу сотниковских можно отнести и захоронение 36 из II группы погребений Фофановского могильника, где погребенный лежал на спине с согнутыми ногами, головой на юго-восток (Герасимов, Черных, 1975). По этому захоронению имеется радиоуглеродная дата 3740 ± 50 л.н., с учетом калибровки соответствующая концу III тыс. до н.э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 23-24).

Вероятно, процесс формирования сотниковской культурной общности имел следующую последовательность. В конце II тыс. до н.э. предки сотниковцев были вытеснены из степных районов Южного Забайкалья носителями культуры плиточных могил, обосновавшись преимущественно на малопригодных для кочевого скотоводства территориях. Начиная с V в. до н.э. сотниковцы вновь возвращаются в степные районы Забайкалья, занимая те ландшафтные ниши, где до них жили носители культуры плиточных могил. Повторяя путь, когда-то проделанный носителями культуры плиточных могил, елгинцы пересекли Байкал и заселили лесостепные районы, охватывая территории, на которых можно было заниматься полуоседлым скотоводством (Харинский, 2005в, с 46).

Изменение погребального обряда, фиксируемое у потомков сотниковцев в Предбайкалье, вероятно, было обусловлено влиянием на них со стороны носителей бутухейских погребальных традиций, с которыми они, например, в Приольхонье соседствовали около ста лет. Под их воздействием восточная ориентировка сотниковцев меняется на юго-восточную, а надмогильные кладки тех и других стали практически одинаковыми – овальная или подпрямоугольная плоская конструкция из камней. Изменения, произошедшие с сотниковцами на

западном берегу Байкала, привели к формированию новой культурной общности – елгинской.

Однако напрямую отождествлять Забайкальские захоронения с подогнутыми ногами с погребениями елгинской группы нельзя. Во-первых, они датируются более ранним временем – серединой I тыс. до н.э. Во-вторых, все сотниковские захоронения являются впускными, и пока не обнаружено ни одного индивидуального погребения, датирующегося второй половиной I тыс. до н.э. В-третьих, в забайкальских захоронениях погребенные ориентированы головой на восток или северо-восток, в отличие от елгинцев, укладывавших своих покойников головой на юго-восток. Сотниковские впускные захоронения лишь явились основой для формирования елгинского погребального обряда.

Вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них, прежде всего, выделяются изделия из бронзы, связываемые с хуннской культурной традицией: ложечковидные застёжки ремня; бляшки с зооморфными изображениями, четырехугольные и фигурные поясные пластины. Из погребального инвентаря практически исчезают изделия из камня. Наблюдаются изменения в вооружении. Появляются сложносоставные луки с концевыми боковыми накладками, имеющие вырез для крепления тетивы, железные трехлопастные наконечники стрел, костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом, железные ножи с кольцевым или петельчатым навершием. Среди бытовых вещей следует отметить железные сферические пуговицы, по форме напоминающие пуговицы из бронзы, и детали прибора для добывания огня. Появляются украшения из железа: бабочковидные бляшки и полые кольца.

Корни елгинской керамической традиции, как и елгинский погребальный обряд, уходят в Южное Забайкалье. Керамика с подобными характеристиками встречается в Южном Забайкалье уже в плиточных могилах. А.Д. Цыбиктаров считает, что гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или нерассеченными валиками появляются уже на чулутском этапе (XIII-VIII вв. до н.э.), а на ацайском этапе (VIII-VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в

керамическом комплексе (Цыбиктаров, 1998, с. 121-122). В середине I тыс. гладкостенная плоскодонная керамика, орнаментированная горизонтальными валиками, становится доминирующей в Южном Забайкалье и часто встречается в культурных слоях этого времени (Миняев, 1988, рис. 3-22; Лбова, Гречищев, 1995, рис. 2 – 2,3).

С включением Южного Забайкалья в состав хуннской державы, на его территории распространяется керамика совершенно иного типа: сероглиняные сосуды, выполненные на гончарном круге, орнаментированные волнистыми и прямыми прочерченными линиями, и подвергшиеся вертикальному лощению. Носители же предшествующих керамических традиций были вытеснены в Предбайкалье и Восточное Забайкалье или смешались с завоевателями.

3.2. Культурно-историческая обстановка в Байкальском регионе во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

Рассматривая возможные варианты появления елгинского погребального обряда, следует также выразить свое отношение к этническому происхождению елгинцев, а также составу населения, проживающего на территории Прибайкалья в железном веке.

Об этническом составе древнего населения байкальского побережья имеются очень скудные сведения. В китайских источниках упоминается, что на северных территориях, ко времени их завоевания хунну, проживали хуньюи, цюйшэ, динлины, гэгунь и синьли (Таскин, 1968, с. 41). Сведения о языке, культурных особенностях и более точной территориальной локализации этих народов отсутствуют или являются малоинформативными. Среди них лишь динлинов достаточно уверенно можно характеризовать как жителей южного Забайкалья. Подтверждением этому служат сведения из китайских хроник, относящихся к постхуннскому времен.

С ослаблением влияния хунну, гегемонами в степях к северу от империи Хань становятся сяньби. Их правитель Таньшихуай с приходом к власти в середине II в., овладел всеми сюннскими землями и учредил ставку у горы

Таньхань на р. Чочоу, находившуюся в 300 с лишним ли к северу от Гаолю – уездного города, расположенного в северо-восточной части современной провинции Шанси (Материалы по истории...,1984, с 75, с. 325). Стандартизированное метрическое значение ли соответствует 500 м, поэтому с определенной долей условности можно предположить, что расстояние от Гаолю до ставки Таньшихуая составляло более 150-200 км, что соответствует центральной части территории современной Внутренней Монголии. Сяньби не подчинили земли динлинов. Упоминается лишь о том, что Таньшихуай отразил на севере их нападение (Материалы по истории...,1984, с 75). В отличие от них, хунну покорили этот народ, продвинувшись на север по долине Селенги до впадения в нее Уды и по долинам Онона, Ингоды и верхнего течения Шилки (Лбова, Хамзина, 1999, с. 190; Ковычев, 2006, рис. 1). Именно в этих районах Южного Забайкалья и на северо-востоке Монголии расселялись динлины. Указанное местоположение динлинов подтверждается и сведениями, изложенными в истории династии Сун и касающимися Жужаньского каганата (402-552 гг.). Ее автор Шэнь Юэ пишет: «На расстоянии свыше 1000 ли от Бэйхай [жуйжуй] граничат с динлинами» (Материалы по истории...,1984, с 289). Бэйхай (Бэхай) – это Северное море (Байкал), приблизительно в 500 км от которого располагалась граница между державой жужаней и динлинами, протянувшаяся к югу от долин р. Тола (приток Селенги) и Онон. Сами же динлины заселяли территорию между границей с жужанями и озером Байкал.

В Новой истории династии Тан при описании народа шивэй также приводятся интересные сведения о динлинах: «Шивэйцы относятся к отдельной ветви киданей. Они живут на северной окраине [земель] дунху и, по-видимому, являются потомками динлинов» (Материалы по истории...,1984, с 139). Шивэйцы расселялись в долинах рек Аргунь и Онон – на юго-востоке Забайкальского края России и северо-востоке Внутренней Монголии Китая. Если автор Новой истории династии Тан считали динлинов предками шивэйцев, то это значит, что они проживали на одной и той же территории, сменив на ней друг друга к середине I тыс. н.э.

Ко времени появления хунну в Забайкалье здесь проживали динлины, что позволяет считать их носителями сотниковских погребальных традиций. С захватом при шаньюе Модэ (209-174 гг. до н.э.) территории Южного Забайкалья, значительная часть сотниковцев-динлинов, не желая подчиниться хунну, бежала за пределы подконтрольных ими территорий. В III-II вв. до н.э. сотниковцы мигрируют в Предбайкалье, Баргузинскую котловину, район Еравнинских озер, в долины Онона и Ингоды. Восточнозабайкальская группа сотниковцев становится основой для формирования носителей дарасунского погребального обряда, а предбайкальская – для елгинцев и пришедших им на смену на побережье Байкала черенхынцев. С конца I тыс. они развиваются самостоятельно (Харинский, 2001б, с. 106-107).

К западу от Байкала не было постоянного хуннуского населения. Здесь отсутствуют захоронения, выполненные с учетом хуннуской погребальной традиции. Поскольку хуннская держава, как и последующие, являлась объединением полиэтническим, то наряду с общими чертами материальной и духовной культуры, в частности погребального обряда, должны проследиваться и локальные особенности. Таковыми, в целом, отличными от хуннуских, являются погребения с согнутыми в коленях ногами, фиксируемые на правом или левом боку с ориентировкой преимущественно на юго-восток. Главная объединительная особенность этих захоронений – поджатые ноги погребенных.

Данные археологии не дают оснований включать побережье Байкала и Приангарье в состав хуннуской державы. Если в этот регион и заходили хунну, то ненадолго, возможно, для сбора нерегулярной дани и совершения торговых операций (Харинский, 2005а). Наличие в материалах археологических памятников Предбайкалья вещей, имеющих центральноазиатское происхождение или их прототипов, свидетельствует о тесных культурно-экономических связях его обитателей с державой хунну (Харинский, 2004). Распространенный в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. в лесостепном Предбайкалье елгинский погребальный обряд, вопреки мнению И.В. Асеева (Асеев, 2002, с. 11; Асеев,

2003, с. 125), не мог принадлежать ни гуннам, ни курыканам, так как сформировался до того, как эти народы появились на Юге Сибири.

На основе имеющихся археологических данных, можно сделать некоторые выводы о культурно-исторической обстановке в байкальском регионе в I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

На территории Предбайкалья в I тыс. до н.э. совместно существовали две погребальные традиции. Первая из них — бутухейская, для которой характерна плоская овальная каменная кладка, вторая — плиточные могилы, над которыми сооружалась четырехугольная или овальная оградка из вертикально или наклонно установленных плит. Положение умерших для обоих погребальных обрядов одинаковое. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой ориентированы в восточном, юго-восточном и южном направлении (Туркин, 2003; Харинский, 2004а). Умерших хоронили на разных погребальных комплексах. Сопроводительный инвентарь захоронений включает изделия из камня, кости, бронзы, железа. Наличие костных останков домашних копытных животных в плиточных могилах и сопровождающих их поминальных конструкциях свидетельствует о том, что животноводство играло для них важную роль. Исходя из специфики своего хозяйства, строители плиточных могил жили именно в тех районах Предбайкалья, где имелись остепненные участки, пригодные для выпаса скота. На основе полученных радиоуглеродных дат, было предложено выделить в культуре плиточных могил Прибайкалья два этапа: первый — XII–VII вв. до н. э., второй этап — VII–III вв. до н.э. На основе анализа конструктивных особенностей надмогильных сооружений плиточных могил А.В. Харинский и Г.В. Туркин выделили четыре группы погребений: тырганскую, хужирскую, хужир-нугойскую и хоторукскую (Харинский и др., 1995; Туркин, 2003). С первым этапом сопоставлены могилы тырганского типа, со вторым — тырганского, хужирского, хоторукского и хужир-нугойского типов. Именно на втором этапе в погребениях хужирского типа отмечаются первые изделия из железа (Хужир IV – 9, Хонхой I – 1) (Харинский и др., 1995; Горюнова, Свинин, 1995). Также для хужирского типа погребений характерно надмогильное

сооружение овальной формы, а не четырехугольной, как у традиционных плиточных могил. Скорее всего это связано с влиянием бутухейской погребальной традиции, хронологические рамки существовавшая которой на территории Предбайкалья определяются XIV - I вв. до н.э.

Происхождение бутухейской погребальной традиции, вероятнее всего, берет начало в бронзовом веке и связано с местным «аборигенным» населением. Над захоронениями сооружались плоские каменные кладки округлой формы диаметром 3-5 м. Погребенный в могильной яме был уложен на спине, вытянуто, ориентирован головой на запад, юго-запад и север-запад. При появлении на территории Предбайкалья носителей культуры плиточных могил были неизбежны их культурные контакты с бутухейским населением. Вполне вероятно, что они отразились и на погребальном обряде бутухейцев. Ориентировка погребенных меняется на юго-восточную, что характерно в большинстве случаев для культуры плиточных могил.

Со второй половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья появляется елгинская погребальная традиция. Начальный этап этого периода V-III вв. до н.э. характеризуется появлением первых елгинских захоронений к востоку от Байкала и продолжением господства на этой территории бутухейского погребального ритуала и плиточных могил. Елгинский погребальный ритуал отличался от захоронений бутухейцев и плиточников по положению погребенного в могильной яме, которого хоронили на боку с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток. Над захоронением сооружалась плоская овальная или четырехугольная каменная кладка. Появление нового погребального ритуала на территории Предбайкалья явилось результатом переселения племен из Южного Забайкалья – носителей сотниковской погребальной традиции. Они также хоронили умерших в скорченной позе, но ориентировали головой исключительно на восток. Изменение ориентировки погребенных на юго-восточную, возможно, было связано с влиянием со стороны носителей бутухейских погребальных традиций.

Таким образом на протяжении второй половины I тыс. до н.э. на территории

Предбайкалья наблюдается взаимовлияние отдельных характеристик погребального обряда у разных носителей погребальных традиций.

Рассматривая в целом Прибайкалье и его соседние регионы, стоит выделить районы, где также имеются погребения, в которых умерших хоронили с подогнутыми ногами. Такие захоронения, датируемые серединой I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э., раскопаны на памятниках Забайкалья Чиндант IV и Ононск I на Ононе (Асеев, 1973). Оба захоронения отнесены И.В. Асеевым, И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым к чиндантскому типу погребений бурхотуйской культуры (Асеев и др., 1984, с. 114). Захоронения, синхронные елгинским и с трупоположением на боку с подогнутыми ногами, обнаружены на памятнике Харга I в Еравнинской котловине (Ивашина, Климашевский, 1973; Цыбиктаров, 1998). В долине р. Витим, расположенной к северу от Байкала, также обнаружены захоронения с идентичным погребальным ритуалом и датирующиеся железным веком: в устье р. Окторокон (левый приток Витима), в устье р. Каренга (правый приток Витима) и в среднем течении р. Мама (левый приток Витима) (Тетенькин, 1999; Ветров, Инешин, 2002). В Баргузинской долине с восточной стороны Байкала пока известно только одно погребение, которое можно отнести к елгинской группе захоронений. Оно обнаружено на памятнике Шулуун Шэнэгэльжин (Хамзина, 1983). К погребениям, косвенно относящимся к елгинской погребальной традиции, также можно добавить захоронения на памятнике Жигуржинка на Иногде (Кириллов и др., 2000), Кия XIII около г. Шилки (Ковычев, Ковычев, 1996), Бодон I (Дашибалов, 1995; Харинский, 2001a), Баргай на р. Селенга (Коновалов, 1983).

В соседних с Прибайкальем районах Южной Сибири, в степной и лесостепной ее зонах памятники эпохи железа встречаются вдоль рек Ангары, Енисея, Подкаменной и Нижней Тунгуски, а также их притоков. Факт знакомства местного населения с железом отмечается для памятников нижнепорожнинской культуры, сложившейся в VII в. до н.э. и просуществовавшей до III в. до н.э. В погребении №3 Усть-Шилкинского могильника было найдено небольшое железное полукольцо (размерами 2,0 × 2,5 см) из полуовального в сечении прута

толщиной 0,4 см. Изделие, возможно, представляет часть височного кольца или привески. Назначение определено условно по расположению возле правого виска черепа. Датировка погребения и изделия определяется набором сопутствующего инвентаря, включающего бронзовые орудия и различные украшения. Среди них: клиновидный двуушковый кельт с прямоугольной втулкой и муфтой у края; прямолезвийный петельный нож без выделенной рукоятки; шило-проколка с квадратным сечением стержня, кубовидной шляпкой и короткой круглой в сечении шейкой; объемная бляшка с петелькой в форме четырехлепестковой розетки из пяти полусфер; трубчатые пронизки, свернутые из листа бронзы, а также пастовые и каменные бусины в виде трубочек-пронизок. Представленный набор предметов методом аналогии надежно датирует погребение VII–VI вв. до н.э. (Мандрыка, 2008а). Для памятников нижнепорожнинского культурно-хронологического комплекса характерно единство с лесостепными территориями Красноярского и Канского районов, соседство и культурные контакты с лесостепным и степным тагарским населением, культурные связи с населением лесостепного Алтая, в частности, с той частью алтайского населения, которое оставило памятники староалейской культуры. Очевидно, именно алтайские племена познакомили нижнепорожнинское население с железом.

Представительная серия железных предметов сопровождает погребальные и поселенческие комплексы еще одной культуры на территории южной тайги Среднего Енисея — шилкинской, памятники которой появились здесь в VI в. до н.э. (Мандрыка, 2012). Ареал шилкинской культуры занимает всю южнотаежную подзону Средней Сибири, включая долину Ангары. Появление памятников этой культуры на Енисее произошло, очевидно, в результате миграции из юго-восточных районов населения, которое во время своего продвижения испытало влияние со стороны кочевников Саяно-Алтая. Это влияние сказалось в более широком распространении железа в районе с приходом нового населения, что подтверждается находками на поселениях и производственных площадках шилкинской культуры (Мандрыка 2008б, с. 68–76).

Располагаясь на северной периферии Центральноазиатского региона, Предбайкалье играло важную посредническую роль в его культурных связях с Северной Азией. По долинам Ангары и Лены происходило перемещение товаров с юга на север и в обратном направлении. Под воздействием различных причин в разные исторические периоды по этим же «транспортным коридорам» преимущественно с юго-востока на северо-запад и северо-восток происходило и передвижение народов. На новой родине они выбирали для расселения районы с привычным для них ландшафтом, что во многом предопределялось особенностями их хозяйственного уклада. Так произошло с носителями культуры плиточных могил и елгинских погребальных традиций, расселившихся в остепненных районах Предбайкалья, наиболее пригодных для занятия скотоводством. Сталкиваясь с аборигенным населением, переселенцы или вытесняли их со своих земель или старались устанавливать взаимовыгодные отношения, проживая бок обок друг с другом. Примерно в таком ключе можно рассматривать отношения, установившиеся в конце II – I тыс. до н.э. сначала между бутухейцами и «плиточниками», а затем между бутухейцами и елгинцами.

Обладая более развитыми технологиями и имея уже налаженные торговые связи с жителями Центральной и Восточной Азии, переселенцы способствовали ускорению экономического развития аборигенного населения и его вовлечение в международную торговлю. Наибольший расцвет международных связей отмечался в период политической стабильности в степях Центральной Азии, установившейся после образования державы хунну. Носители елгинских погребальных традиций стали получать от южных соседей предметы, игравшие в их среде престижную роль. Некоторые из них переправлялись в более северные районы, при этом жители Предбайкалья нехватку «статусных» предметов восполняли копиями, воспроизводимыми с них.

Основой хозяйственной деятельности елгинцев было скотоводство. Но ограниченность остепненных участков в Предбайкалье не позволяла заниматься кочевым скотоводством. Если проводить параллели с современными обитателями края – бурятами, то, вероятней всего, елгинцы вели полуседлое скотоводство,

переселяясь в течение года с зимников на летники, а затем в обратном направлении. Ограниченность в пастбищах и, соответственно, более низкая плотность населения, делали территорию Предбайкалья малопривлекательной для хуннов, благополучие которых во многом строилось на возможности расширения пастбищных угодий. Естественные преграды в виде озера Байкал и расположенных по его берегам хребтов, создавали сложности для набегов хунну на эту территорию, а тем более ее подчинение и осуществление над ней контроля. Выгоднее было торговать с ее жителями, сохраняя с ними мирные отношения.

Находясь под значительным культурным влиянием хунну, елгинцы смогли сохранить присущие им культурные традиции, представление о которых дают различные археологические памятники, которые были оставлены ими на территории Предбайкалья – погребения, поминальники, городища-святилища, металлургические центры, стоянки и петроглифы. Заняв к концу I тыс. до н.э. доминирующее положение в Предбайкалье, елгинцы оказывали значительное влияние на своих соседей – жителей таежной зоны. Елгинская культура, просуществовавшая в Предбайкалье почти тысячу лет, не исчезает бесследно, как, например, культура плиточных могил, а стала основой для формирования новой культурной общности – носителей черенхынских погребальных традиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период, охватывающий вторую половину I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н.э. имеет важное значение в истории Предбайкалья. В это время появляются первые изделия из железа, получившие доминирующее положение среди орудий труда к концу I тыс. н.э. В остепненных районах региона преобладающим становится скотоводческий тип хозяйства, в то время как на лесных территориях в хозяйственном укладе продолжали господствовать охота и собирательство. Жители Байкальского региона устанавливают тесные культурные контакты с южными соседями, где в конце III в. до н.э. появляется первая кочевая империя во главе с хунну.

На протяжении второй половины I тыс. до н.э. на территории Южного Предбайкалья одновременно существовали носители трех погребальных традиций – плиточных могил, бутухейской и елгинской. При этом, в отличие от «плиточников», бутухейцы и елгинцы зачастую хоронили своих умерших на совместных некрополях, крупнейшими из которых являлись Цаган-Хушун II, Байкальское XXVII и Байкальское XXXI. Именно погребально-поминальные комплексы носителей бутухейской и елгинской погребальных традиций стали предметом исследования автора представленной диссертации. В ней обобщены материалы 19 археологических объектов, 3 из которых находятся в долине р. Ангары, 2 - в верховьях р. Лены, 5 – на северо-западном побережье Байкала и 9 в Приольхонье.

Данные о населении Предбайкалья в железном веке начали формироваться с 30-х гг. XX в. Благодаря исследованиям А.П. Окладникова, И.В. Асеева, О.И. Горюновой, В.И. Смотровой и А.В. Харинского был накоплен достаточно представительный материал, который требовал дальнейшего осмысления. Эта работа была проведена в ходе написания диссертационного сочинения. При этом в научный оборот были введены и новые археологические данные, полученные в результате раскопок 2003-2016 гг., которыми руководил или принимал участие в их проведении автор диссертации.

Анализ материалов, полученных во время раскопок погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. с территории Предбайкалья существенно дополнил представления о двух погребальных традициях – бутухейской и елгинской, получивших распространение на байкальском побережье, в верховьях Лены и в южной части долины Ангары.

Для бутухейской погребальной традиции, существовавшей в Предбайкалье с XIV в. до н.э. до начала I в. до н.э., характерно наличие над захоронением плоской овальной каменной кладки и положение погребенного в могильной яме вытянуто на спине, головой ориентированного на восток - юго-восток. Сопроводительный инвентарь представлен только костяными наконечниками стрел с расщепленным насадом, костяными (роговыми) накладками сложносоставного лука, железными и бронзовыми бляшками (с изображением головы грифонов) и пуговицами, ножами, изготовленными исключительно из бронзы, а также остатками керамической посуды с оттисками шнура.

Елгинская погребальная традиция характеризуется наличием над погребениями плоских каменных кладок, по форме овальных либо четырехугольных и положением костяка в могильной яме на боку - правом или левом, скорченно, головой ориентированного на юго-восток. Хронологические рамки ее существования определяются V в. до н.э. – IV в. н.э. Сопроводительный инвентарь представлен костяными наконечниками стрел с расщепленным насадом и появлением первых железных наконечников стрел; костяными (роговыми) накладками сложносоставного лука; ножами, преимущественно изготовленными из железа; бронзовыми и железными деталями костюма, относящимися к предметам хуннского облика; наличием двух видов керамических традиций - елгинской, представленной гладкостенными плоскодонными сосудами, украшенными налепными валиками, вдавлениями и прочерченным орнаментом и керамикой борисовского типа, особенностью которой является нанесение на поверхность сосудов вафельного оттиска и орнаментация тулова и венчика налепными валиками с пальцевыми защипами или вдавлениями.

Одновременное существование на территории Предбайкалья носителей нескольких погребальных ритуалов способствовало формированию в регионе разнообразных культурных традиций, проявившихся, в том числе, и в производстве керамической посуды. Особенно это разнообразие заметно в погребально-поминальных памятниках второй половины I тыс. до н.э., где помимо сеногдинско-тышкинэйского, борисовского и елгинского типов керамики встречаются сосуды с достаточно оригинальными формами и орнаментацией, пока еще не отнесенные ни к одному из керамических типов. В конце I тыс. до н.э. в южной части Предбайкалья перестают встречаться сосуды с оттисками шнура на внешней стороне стенок (керамика сеногдинско-тышкинэйского типа). Одновременно с этим прекращается сооружение плиточных могил и бутухейских захоронений. В начале I тыс. н.э. в регионе исчезают сосуды с ромбическими оттисками на внешней стороне стенок (керамика борисовского типа), окончательно уступив место гладкостенной керамики елгинского типа.

Откуда же появляются в Предбайкалье елгинцы, ставшие к концу I тыс. до н.э. доминирующей культурной общностью в южной части региона? Истоки формирования елгинской погребальной традиции вероятно следует искать в Южном Забайкалье. В неолите и бронзовом веке у жителей этого региона широко был распространен погребальный обряд, связанный с захоронением умерших на боку или на спине с подогнутыми ногами. В конце II тыс. до н.э. носители этих погребальных традиций были вытеснены из степных районов представителями культуры плиточных могил, обосновавшись преимущественно на малоприспособленных для кочевого скотоводства территориях. Начиная с V в. до н.э. они вновь возвращаются в степные районы Забайкалья, занимая те районы, где до них жили носители культуры плиточных могил. В это время на территории Забайкалья происходит формирование погребального ритуала, получившего название сотниковский.

Сотниковская культурная общность сложилась в V-III вв. до н.э. в долине реки Селенги. Ее представители хоронили умерших на боку или на спине с подогнутыми ногами, головой ориентированных на юго-восток, восток или

северо-восток. Захоронения были впущены в плиточные могилы или образовывали отдельную группу погребений, как, например, на Фофановском могильнике (группа III) или могильнике Онкули. С середины I тыс. до н.э. одна из групп сотниковцев проникает в Предбайкалье, где в это время доминируют носители двух погребальных традиций – бутухейской и плиточной.

Переселившиеся в Предбайкалье сотниковцы становятся основой для формирования елгинской общности. Их погребальный ритуал унифицируется. Все захоронения совершаются на боку с подогнутыми ногами, ориентировкой головой на юго-восток. С вхождением Южного Забайкалья в конце III в. до н.э. в состав державы хунну, отмечается вторая волна переселения сотниковцев на западный берег Байкала, где они пополняют ряды елгинской культурно-исторической общности. К концу I тыс. до н.э. елгинский погребальный ритуал становится доминирующим в остепненных районах Предбайкалья. На территории, занимаемой елгинцами появляются археологические памятники до этого не встречавшиеся в регионе – металлургические центры по производству железа, городища-святилища, поминальники шатрового типа. В это время жители Предбайкалья поддерживают активные культурные связи со своим южным соседом – державой хунну. В елгинской среде распространяются вещи, характерные для хуннуской культуры, прежде всего, включающие различные изделия из бронзы.

К середине I тыс. н.э. елгинские погребальные традиции на территории Предбайкалья сменяются черенхынским погребальным ритуалом. Целый ряд элементов погребального ритуала черенхынцев и елгинцев, а также другие элементы материальной и духовной культуры имеет общие черты, что указывает на их культурную близость и формирование черенхынской культурно-исторической общности на основе елгинской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абдулов Т.А., Тужик Л.Л.** Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. – С. 175-192.
2. **Авраменко В.Н., Харинский А.В.** Керамические сосуды Курмы XII // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. - Вып. 2. - С. 298-306.
3. **Агапитов Н.Н.** Краткий отчет о поездке в Балаганский и Иркутский округа летом 1877 г. – Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Иркутск 1878, Т. IX, №3-4. С. 80-96.
4. **Агапитов Н.Н.** Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала, городища Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1881. – Т. XII, № 4-5. – С. 1-23.
5. **Алексин В.А.** Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. – Л.: Наука, 1986. – 191 с.
6. **Асеев И.В.** Памятники железного века в бассейне реки Онон // Изв. Сибирского отделения АН СССР: серия общественных наук. – 1973. Вып. 3. – С. 105-109.
7. **Асеев И.В.** Археология западного побережья Байкала и проблемы этногенеза кочевников Прибайкалья. – Изв. СО АН СССР, 1974. – № 11. – Серия обществ. наук, вып. 3. – С. 108-114.
8. **Асеев И.В.** К истории исследования археологических памятников Прибайкалья // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979а. – С.175-183.
9. **Асеев И.В.** Культурно-хронологическое соотношение средневековых памятников Прибайкалья // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979б. – С. 93-104.
10. **Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. – Новосибирск, 1980. – 150 с.

11. **Асеев И.В.** Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в раннее средневековье // Народы Байкальского региона: древность и современность. - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. - С.4-18.
12. **Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 208 с.
13. **Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.** Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья. – Новосибирск, 1984. – 201 с.
14. **Базалийский В.И.** Отчет по научно-исследовательской работе. Могильник Локомотив. Архив Иркутск. ЦСН. Т. 1-3. № 15. Иркутск, 1990.
15. **Блауберг И.В.** Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
16. **Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н.** Системный подход // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. –Т. III. – С. 559-560.
17. **Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.
18. **Васютин А.С., Елин В.Н.** К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 118-122.
19. **Ватерс-Рист А.Л., Лозей Р. Дж., Номоконова Т.Ю., Туркин Г.В., Горюнова О.И.** Первые данные по анализам стабильных изотопов скотоводов позднего голоцена Прибайкалья и их радиоуглеродное датирование // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 18. – С. 90-109.
20. **Ветров В.М., Инешин Е.М.** Погребения раннего железного века бассейна реки Витим (датировка и культурная принадлежность)// Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ – Чита, 2002. – С. 92-103.
21. **Воробьева Г.А., Горюнова О.И.** Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской

археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ, 1996. – Ч.2. – С. 11-13.

22. **Герасимов М.М., Черных Е.Н.** Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.– С.45-46.

23. **Горюнова О.И.** Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III (к вопросу о поздней бронзы на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 70-75.

24. **Горюнова О.И.** Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

25. **Горюнова О.И.** Исследования многослойных поселений Байкала // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 77-86.

26. **Горюнова О.И.** Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: (Тез. и мат-лы науч. конф.). – Улан-Удэ, 1993. – С. 76-80.

27. **Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 40-54.

28. **Горюнова О.И., Лыхин Ю.П.** Археологические памятники п-ва Святой Нос: (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130-147.

29. **Горюнова О.И., Пудовкина Е.А.** Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. – Иркутск, 1995. – С. 154-174.

30. **Горюнова О.И., Свинин В.В.** Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1995. – Ч.1: Остров Ольхон. – 142 с.

31. **Горюнова О.И., Свинин В.В.** Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч.2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с.
32. **Горюнова О.И., Черемисин С.А.** Пещера Тонта – разновременный памятник Приольхонья (оз. Байкал) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 146-165.
33. **Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г.** Многослойное поселение Катунь – основа периодизации комплексов эпохи палеометалла на побережье Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген, геоархеология, этнология Азии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – С. 29-35.
34. **Гришин Ю.С.** Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
35. **Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 202 с.
36. **Грязнов М.П., Комарова М.Н.** Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 13-32.
37. **Давыдова А.В.** Иволгинское городище // СА. – 1956. - №1. – С. 261-300.
38. **Давыдова А.В.** Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 109 с.
39. **Дашибалов Б.Б.** Курыканы (курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 23 с.
40. **Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995. – 189 с.
41. **Дашибалов Б.Б.** Байкальская Сибирь в средние века. – Улан-Удэ. Изд-во БГУ, 1997. – 67 с.
42. **Дашибалов Б.Б.** На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.

43. **Дашибалов Б.Б.** Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – 174 с.
44. **Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 138 с.
45. **Дэвлет М.А.** О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 219-227.
46. **Ероол-Эрдэнэ.** Гол модны хунну булшны судалгааны зарим ур дун // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2004. – Т. 2 (22). – С. 76-109.
47. **Забелина Н.Н., Окладников АП.** Отчет о раскопках Первого Балаганского отряда Братской археологической экспедиции в 1959 г. Ф-1. Р-1. № 2024. 42 л., 16 ил. № 2024а – Альбом иллюстраций к отчету. 16 л., 16 ил.
48. **Зазовская Э.П.** Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 1 (32). – С. 151-164.
49. **Зубков В.С.** Материалы из древних могил с территории поселка Качуг и у деревни Шишкино на Верхней Лене (раскопки А.П. Окладникова 1928-1930, 1941 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 135-146.
50. **Ивашина Л.Г., Климашевский Э.Л.** Работы в Бурятии // Археологические открытия 1972 года. – М., 1973. – С. 214-216.
51. **История Бурятии:** в 3 т. Т.1. – Древность и средневековье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 328 с.
52. **Каган М.С.** Системный подход и гуманитарное знание. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 384 с.
53. **Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.** Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. - 176 с.
54. **Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.-Л., 1951. – 644 с.

55. **Кичигин Д.Е.** К вопросу о хронологической принадлежности шнуровых сосудов на поддонах западного побережья оз. Байкал // Археология, этнология, палеоэкология северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Регион. (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 3–7 апреля 2007 г. – Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2007. – С. 111-112.

56. **Кичигин Д.Е.** Поздний бронзовый век северо-западного побережья Байкала // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: материалы VI Междунар. науч. конф. (Хух-Хото, 12-16 окт. 2015 г.). – Хух-Хото, 2015. – Т. I. – С. 346-355.

57. **Кичигин Д.Е.** Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 158-165.

58. **Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М.** Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрННТУ, 2019. – Том 15, №2. – С. 29-46.

59. **Кичигин Д.Е., Коростелев А.М.** Археологические исследования в северо-восточной части Приольхонья // Известия Лаборатории древних технологий: сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 211-223.

60. **Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Харинский А.В.** Петроглифы мыса Лударь (северо-западное побережье озера Байкал): результаты работ 2016 г. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрННТУ, 2018. – Том 14, №1. – С. 20-39.

61. **Ковычев Е.В.** Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006. – С. 242-258.

62. **Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е.** Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – С. 100-103.
63. **Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров С.П., Снопков С.В., Харинский А.В.** Древний центр металлургии железа в пади Барун-Хал // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 2000. – Вып. 2, ч.2. – С. 166-196.
64. **Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Харинский А.В.** Как поиски решения геофизической проблемы привели к открытию археологического памятника // Геофизика. 1998. – № 6. – С.48-60.
65. **Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976. – 219 с.
66. **Коновалов П.Б.** Отчет о полевых археологических исследованиях 1982 года в Бурятской АССР. – Архив ИА РАН. Р.1., № 9125. – Улан-Удэ, 1983. – 97 с.
67. **Коновалов П.Б.** Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
68. **Коновалов П.Б., Свинин В.В., Зайцев М.А.** Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск, 1983. – С. 85-101.
69. **Коростелев А.М.** Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 174-175.
70. **Коростелев А.М.** Ранний железный век северного побережья озера Байкал (по материалам памятника Байкальское XXVII) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2004. – С. 180-181.
71. **Коростелев А.М.** Украшения населения северного побережья озера Байкал во второй половине I тыс. до н.э. // Истоки, формирование и развитие

евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005. – С. 205-207.

72. **Коростелев А.М.** Предметы звериного стиля в материалах погребений Предбайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2006. – Т. 1. – С. 131-136.

73. **Коростелев А.М.** Елгинская погребальная традиция Предбайкалья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций / Материалы XLVIII региональной (IV Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 21-24 апреля 2008 г.). – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 164-165.

74. **Коростелев А.М.** Хронология и типология изделий, выполненных в зверином стиле, с территории Прибайкалья // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 177-183.

75. **Коростелев А.М.** Погребально-поминальный комплекс Байкальское VII на северо-западном побережье Байкала // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2010 а. – С. 155-159.

76. **Коростелев А.М.** Керамика в погребально-поминальных комплексах железного века с северо-западного побережья озера Байкал (на примере памятника Байкальское VII) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с

международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010 б. – С. 229-232.

77. **Коростелев А.М.** Население Приольхонья на рубеже эр: по археологическим данным // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – №7 (54). – С. 238-242.

78. **Коростелев А.М.** Новые данные по результатам исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II «А» на побережье оз. Байкал // Теория и практика археологических исследований. - 2022. Т. 34, №1. - С. 0–0.

79. **Коростелев А.М., Харинский А.В.** Погребально-поминальный комплекс Байкальское 27 и его культурно-хронологическая интерпретация // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 73-76.

80. **Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

81. **Косарев М.Ф.** Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

82. **Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

83. **Кулемзин А.М.** Арчекаские курганы // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1979. – С. 87-97.

84. **Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.

85. **Лбова Л.В., Хамзина Е.А.** Древности Бурятии. Карта археологических памятников. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. - 220 с.

86. **Лбова Л.В., Гречищев Э.Р.** К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 7-17.

87. **Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А.** Погребение как объект формального анализа // КСИА. 1977. – № 148. – С. 16-23.
88. **Лехатинов А.М.** Малая Родина / А.М. Лехатинов. – Иркутск: Репроцентр АИ, 2016. – 360 с.
89. **Луныков А.В., Задонин О.В., Дзюбас С.А.** Троицкое захоронение эпохи развитой бронзы. Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI РАСК. – Ч.2. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – С. 49-52.
90. **Лыхин Ю.П.** Археологическое обследование трассы автодороги Тья – Байкальское летом 1983 г. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – Вып. 1. – С. 134-155.
91. **Мандрыка П.В.** Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // ВНГУ. Серия: История, филология 7 (3). Археология и этнография, 2008 а. - С. 117–131.
92. **Мандрыка П.В.** Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // АЭАЕ 3, 2008 б. - С. 68–76.
93. **Мандрыка П.В.** О появлении железа в южной тайге Среднего Енисея // Российский археологический ежегодник, 2012, №2. – С. 400 – 411.
94. **Манжигеев И.А.** Бурятские шаманистские и дошаманистские термины. – М.: Наука, 1978. – 125 с.
95. **Мартынов А.И.** К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II – I вв. до н.э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976. – С. 34-42.
96. **Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
97. **Материалы** по истории кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 486 с.
98. **Махортых С.В.** Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 92-95.

99. **Миллер Б.К., Оллард Ф., Эрдэнэбаатор Д., Ли К.** Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 (Монголия, 2002-2005) // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. – № 15. – М.: Наука, 2008. – С. 55-70.
100. **Миняев С.С.** Дурены-2: многослойное поселение в Западном Забайкалье // СА. 2. 1988. С. 228-233.
101. **Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1997. – 195 с.
102. **Новгородова Э.А.** Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 383 с.
103. **Окладников А.П.** История Якутской АССР. – Т.1. – 1949. – 338 с.
104. **Окладников А.П.** История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. – М.; Л., 1955. – Т.1. – 432 с.
105. **Окладников А.П.** Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Изв. / Иркут. обл. краевед. музея. – 1958. – С. 17-28.
106. **Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч.1, 2 – 412 с. – (МИА. – № 18).
107. **Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч.3: Глазковское время. – 374 с. – (МИА. – № 43).
108. **Окладников А.П.** Отчет о работах, осуществленных Ангарской экспедицией на Сосновом острове и в истоке Ангары в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р.1., № 1058.
109. **Окладников А.П.** Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской экспедицией на Лесном острове в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р.1., № 823. – 586 с.
110. **Окладников А.П.** Отчет об исследованиях на Сосновом и Лесном островах на Ангаре летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Р.1., № 737. - 93 с.
111. **Окладников А.П.** Отчет об исследованиях на Сосновом острове на Ангаре (Иркутской области) 1951 года // Архив ИА РАН. Р.1., № 566. – 53 с.

112. **Окладников А.П.** Очерки из истории западных бурят-монголов. – М., 1937. – 283 с.
113. **Окладников А.П.** Сводный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 г. 159 л. // Архив ИА РАН. Р.1, № 1649.
114. **Окладников А.П.** Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. 2. – С. 101-109.
115. **Окладников А.П.** Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК. – 1948. – № 19. – С. 3-11.
116. **Окладников А.П.** Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время. (Согдийская колония на р.Унге?) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. – С. 273-281.
117. **Ольховский В.С.** Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 256 с.
118. **Павлуцкая В.В.** Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников: (по материалам могильников XI-XIX вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 16 с.
119. **Петри Б.Э.** Старая вера бурятского народа. – Иркутск: Изд-во «Власть труда», 1928 а. – 78 с.
120. **Петри Б.Э.** Далекое прошлое Прибайкалья: Научно-популярный очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск, 1928 б. – 73 с.
121. **Петри Б.Э.** Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (К вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Наука и школа. – 1923. – № 1. – С. 21-39.
122. **Поляков А.С.** Поминальные оградки алтае-орхонских тюрков на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 105-112.
123. **Пудовкина Е.А., Павлуцкая В.В.** Новые материалы хуннского времени в Приольхонье // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX РАСК. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – С. 146-148.
124. **Рыгдылон Э.Р.** Хороших П.П. Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь) // СА. – № 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 184-185.

125. **Свинин В.В.** Тырганский могильник // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. – 1971 а. – Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 140-144.
126. **Свинин В.В.** Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 – 1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 – 1965 гг. – Иркутск: Изд-во ИОКМ, 1966. – С. 50-69.
127. **Свинин В.В.** Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч. 2. – С. 128-145.
128. **Свинин В.В.** К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. – 1971. – Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. – С. 61-77.
129. **Свинин В.В.** Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. / ВСОГО СССР. – 1976. – Т. 69. – С. 167-179.
130. **Седякина Е.Ф.** Археологические исследования на островах р. Ангары // Вестник Ленинградского университета, 1955. №9. – С. 117-120.
131. **Седякина Е.Ф.** Новое из истории тюрков Прибайкалья // Науч. конф. по ист. Сибири и Дальн. Востока. – Иркутск, 1960. – С. 63-65.
132. **Седякина Е.Ф., Окладников А.П.** Отчет о работе Второго Балаганского отряда в 1958 г / Архив ИА РАН. Р.1, 1959.
133. **Седякина Е.Ф., Окладников А.П.** Отчет о работе Второго Балаганского отряда Братской археологической экспедиции в 1959 г. Ф-1. Р-1. № 2026. 57 л., 64 ил. № 2026а – Альбом иллюстраций к отчету. 27 л.
134. **Сергеева Н.Ф.** Древнейшая металлургия Юга Восточной Сибири: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук: (07.00.06) / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: [б. и.], 1977. 19 с.
135. **Смотрова В.И.** Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея за 1982 г. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1983. – 68 л.

136. **Смотрова В.И.** Погребения с ажурными пластинами на острове Осинском // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991. – С. 136-143.

137. **Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. - 216 с.

138. **Талько-Гринцевич Ю.Д.** Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. М., 1899. – 80 с.

139. **Таскин В.С.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. – 177 с.

140. **Тетенькин А.В.** Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфология, периодизация // Автореф. дисс. ... канд. Ист. Наук. – Новосибирск, 1999. – 21 с.

141. **Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У.** Эгийн Голын сав нутагдахь археологийн дурсгалууд (Хүрлийн үеэс Монголын үе). – Улаанбаатар, 2003. – 295 с.

142. **Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

143. **Туркин Г.В.** Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2003. – 24 с.

144. **Туркин Г.В.** Погребальная обрядность населения Прибайкалья в конце II тыс. до н. э. – I тыс. до н. э. (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – С. 82-92.

145. **Туркин Г.В.** Современные представления о погребально-поминальной обрядности населения Предбайкалья (эпоха поздней бронзы - раннего железа) // Социогенез в Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Материалы

региональной научно-практической конференции. 12-15 ноября 2003 г. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 131-137.

146. **Туркин Г.В., Багдурев Н.М.** К вопросу о погребальных комплексах эпохи поздней бронзы – раннего железа на территории Приольхонья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т.1. – С. 159-160.

147. **Туркин Г.В., Харинский А.В.** Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 124-158.

148. **Уваров А.И., Бердникова В.И.** Исследования Осинского залива Братского водохранилища // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 288.

149. **Уланов И.В.** Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культура. 2017, Вып. 6. - С. 294-302.

150. **Уланов И.В., Веренская А.В., Иванов Г.Л., Никулина Е.Д., Тарановский А.Ю.** Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. Т. 22. – С. 124-149.

151. **Филатова И.В.** Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии, выпуск 2 (34), 2008. – С. 88-95.

152. **Хазанов А.М.** Очерки военного дела Сарматов. – М., 1971. – 172 с.

153. **Хамзина Е.А.** Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1974. Вып. 6. С. 234-243.

154. **Харинский А.В.** Археологические исследования на северном побережье озера Байкал и в долине реки Куды в 1995 г. (Северобайкальский район Бурятии, Эхирит-Булагатский район Иркутской области) // Архив ИА РАН. Р.1., 1996. – 151 с.

155. **Харинский А.В.** Курумчинская археологическая культура (история и современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993. – С. 84-88.

156. **Харинский А.В.** Исследования памятников эпохи металла на оз. Байкал // Археологические открытия 1996 года. – М., 1997. – С. 365-367.

157. **Харинский А.В.** Исследования в Ольхонском районе Иркутской области и Северобайкальском районе Бурятии в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р.1. 2000 а. – 156 с.

158. **Харинский А.В.** Исследование памятников эпохи металла в Кудинской долине // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 – 1996 годах. – Новосибирск, 2000 б. – С. 140-142.

159. **Харинский А.В.** Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск, 2001 а. – 238 с.

160. **Харинский А.В.** Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001 б. – 199 с.

161. **Харинский А.В.** Погребальный обряд населения Приольхонья на рубеже эр // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 2002 а. – С. 112-125.

162. **Харинский А.В.** Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. - Иркутск, 2002 б. - Вып. 2.- С.109-126.

163. **Харинский А.В.** Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н.э.: некоторые вопросы типологии и хронологии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. - Улан-Удэ–Чита, 2002в.- С.161-166.

164. **Харинский А.В.** Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Мат-лы междунар. конф. «Из века в век». – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003 а. – С. 291-295.

165. **Харинский А.В.** Могильник Цаган-Хушун – II на западном побережье Байкала // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья международная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003 б. – С. 248-254.

166. **Харинский А.В.** Металлургические центры Приольхонья конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. // Забайкалье в геополитике России / Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». 26 августа – 1 сентября 2003 г., г. Чита. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003 в. – С. 84-86.

167. **Харинский А.В.** Погребальный ритуал населения северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004 а. – Вып.2. – С. 134-150.

168. **Харинский А.В.** Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов / Под. Ред. Ю.В. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004 б. – С. 108-114.

169. **Харинский А.В.** Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005 а. – Вып. 3. – С. 198-216.

170. **Харинский А.В.** Культурные традиции как отражение этно-исторических процессов населения Предбайкалья в период формирования ранжированных обществ // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005 б. – № 2 (22). – С. 181-187.

171. **Харинский А.В.** Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н.э. – IV в. н.э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья: сб. науч. тр. // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005 в. – С. 46-51.

172. **Харинский А.В.** О хуннах в Предбайкалье // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): Материалы международной научной конференции 23-29 августа 2005 г., г. Улан-Удэ. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005 г. - С. 15-17.

173. **Харинский А.В.** Лесостепное Предбайкалье в хунну-сяньбийское время // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006 а. – С. 11-15.

174. **Харинский А.В.** Население лесостепного Предбайкалья и его соседи в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006 б. – Т.2. – С. 96-98.

175. **Харинский А.В.** Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. - С. 200-217.

176. **Харинский А.В.** Среднекудинские городища-святилища // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоренского. - Томск: Томский государственный университет, 2013. Вып.3. - С. 355-371.

177. **Харинский А.В.** Городища-святилища в структуре сакральных представлений древнего населения Предбайкалья // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – Иркутск, 2015. Т. 13. - С. 6- 17.

178. **Харинский А.В.** Городища-святилища северо-западного побережья озера Байкал: размещение, структура и конструктивные элементы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т.1. – Красноярск, 2016. – С. 276 - 283.

179. **Харинский А.В.** Погребальный ритуал жителей северо-западного побережья Байкала в раннем железном веке // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Чанчунь: Цзилинский ун-т, 2017. – С. 123-133.

180. **Харинский А.В., Авраменко В.Н., Бородина М.Л.** Шатровые комплексы урочища Обондой (Приольхонье) // Известия Лаборатории древних технологий: Сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 235-258.

181. **Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К.** Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 86-112.

182. **Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В.** Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 64-78.

183. **Харинский А.В., Карнышев И.С.** Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы регион. науч.-прак. конф. – Иркутск, 2003. – С. 137-141.

184. **Харинский А.В., Коростелев А.М.** Кенотафы железного века на северном побережье озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. – Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч.1. – С. 336-342.

185. **Харинский А.В., Коростелев А.М.** Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011 а. – С. 173-203.

186. **Харинский А.В., Коростелев А.М.** Результаты исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II «а» в Приольхонье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск. 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011 б. – Вып. 2. – С. 377-385.

187. **Харинский А.В., Снопков С.В.** Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 167-187.

188. **Харинский А.В., Туркин Г.В., Федорин М.А.** Химический состав металлических изделий из погребсений II-I тыс. до н.э. северного побережья озера Байкал // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. трудов / Отв. Ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 208-212.

189. **Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М.** Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 322-324.

190. **Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М., Тумэн Д., Эрдэнэ М., Идэрхангай Т.** Погребально-поминальный комплекс Хавцал II и некоторые вопросы древней истории Прихубсугуля // Mongolian Journal of Antropology, Archaeology and Ethnology – Vol. 5. – №1 (344), 2009. – С. 131-139.

191. **Хлобыстин Л.П.** Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году // Архив ИА РАН. Р.1., № 2748. – Ленинград, 1964).

192. **Хлобыстин Л.П.** Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1964 году // Архив ИА РАН. Р.1., № 3142. – Ленинград, 1965).

193. **Хороших П.П.** Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). – Иркутск, 1924. – 50 с. – (Изв. / БГНИИ при ИГУ. – Т. 1, вып. 1).

194. **Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

195. **Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

196. **Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 286 с.
197. **Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
198. **Шмыгун П.Е., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П.** Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 46-50.
199. **Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. - Барнаул, 2003. – 204 с.
200. **Шульга П.И.** Датировка ранних памятников Каменской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Сб. научных докладов. – Барнаул, 2004. – С. 236-246.
201. **Эрдэнэбаатар Д.** Монгол нутгийн дорволжин булш, хиригсуурийн соёл. – Улаанбаатар, 2002. – 275 с.
202. **A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: evidence from the Sagan-Zaba II site / T. Nomokonova, R. J. Losey, O. I. Goriunova, A. W. Weber // Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291. – P. 110–125.**
203. **Bronk Ramsey C.** Bayesian analysis of radiocarbon dates / C. Bronk Ramsey // Radio-carbon. – 2009. – Vol. 51(1). – P. 337-360.
204. **Hunnu tombs at Hudgiin Tolgoi in Mongolia.** Research report on Korean-Mongolian joint Expedition in Mongolian IV. – Seoul: The National museum of Korea, 2003. – 278 p.
205. **IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP / P. J. Reimer, E. Bard, A. Bayliss, J. W. Beck, P. G. Blackwell, C. Bronk Ramsey, P. M. Grootes, T. P. Guilderson, H. Haflidason, I. Hajdas, C. Hatte, T. J. Heaton, D. L. Hoffmann, A. G. Hogg, K. A. Hughen, K. F. Kaiser, B. Kromer, S. W. Manning, M. Niu, R. W. Reimer, D. A. Richards, E. M. Scott, J. R. Southon, R. A. Staff, C. S. M. Turney, J. van der Plicht // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.**

206. **Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V.** Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*. Volume 26, Number 2, 1 April 2019.

207. **Konovalov P.B.** The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il'movaia pad', Transbaikalia). – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität – 2008. – 103 p.

208. **Korostelev A.M.** Pottery from Archaeological Site Baikal'skoe VII (North-West Coast of Lake Baikal) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 1 (2011 4). – С. 67-77.

209. **Losey R.J., Waters-Rist A.L., Nomokonova T., Kharinskii, A.V.** 2017. A second mortuary hiatus on Lake Baikal in Siberia and arrival of small-scale pastoralism. *Scientific Reports* 7:2319 doi:10.1038/s41598-017-02636-w.

210. **Pader E.J.** Symbolism, Social Relations and the Interpretation of Mortuary Remains. B.A.R. International Series 130. 1982. Oxford: British Archaeological Reports. 220 p.

211. **Reimer P., Austin W. E. N., Bard E. et al.** The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, vol. 62, no. 4, pp. 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41 (in English).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук

БКАЭ – Байкальская комплексная археологическая экспедиция

БКНИИ СО АН СССР - Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР

БНЦ – Бурятский научный центр

ВСОРГО – Восточносибирское отделение Русского географического общества

ГИН – Геологический институт РАН (г. Москва)

ГЭС – Гидроэлектростанция

ИА – Институт археологии

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИЛАиП ИАиЭ-ИГУ – Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии института археологии и этнографии Иркутского государственного университета

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

ИРНТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет

КАЭ ИГУ – Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета

ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

СО – Сибирское отделение

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СВОД ПАМЯТНИКОВ

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ДАТИРУЮЩИЕСЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНОЙ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНОЙ I ТЫС. Н.Э. С ТЕРРИТОРИИ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

ПРИОЛЬХОНЬЕ

Куркутский Комплекс I

Объект открыт Н.Н. Агапитовым в 1877 г. (Агапитов, 1878). Памятник расположен на юго-восточном берегу Куркутского залива в 2,5 км к юго-востоку от пос. Сахюртэ (МРС) (Рис. 3). Он находится в чашеобразной западине и включает 134 исследованных в 1974 и 1976 гг. А.В. Асеевым комплекса (Асеев, 1980, 150 с.). Какой-либо системы в расположении искусственных каменных сооружений на поверхности земли не прослеживалось. Кладки представлены несколькими видами. Отмечены конструкции шатрового типа (31). Их плиты устанавливались по периметру в два-три ряда с наклоном к центру. Выделены плоские кладки овальной или округлой в плане формы (4). Они складывались из плоских плит в два-три слоя. Также зафиксированы целые и частично разрушенные небольшие прямоугольные оградки (6). Каменные плиты, образующие стенки оградки, вкапывались в землю в один-два ряда, плотно прилегая друг к другу. Последнюю самую массовую группу каменных конструкций представляют кладки, большинство из которых разрушены, поэтому отнеси их к той или иной ранее выделенной группе не представляется возможным.

В результате раскопок выяснилось, что преобладающим погребальным обрядом на могильнике был обряд трупосожжения. Только в трех могильных ямах обнаружены останки погребенных (комплексы №№ 38, 133, 134).

Комплекс №38. Кладка плоская, овальной формы, сложена из плит больших, средних и малых размеров (20 x 30, 35 x 45 x 50 и 40 x 70 см) в два-три

слоя. На глубине 0,4 м под кладкой выявлены могильное пятно темно-серого цвета и кусочки дерева от колоды. Костяк, ориентированный головой на северо-восток и принадлежащий ребенку, лежал в колоде, руки вытянуты вдоль тела. Кости сохранили правильное анатомическое положение. В области таза с правой стороны костяка найдены железный нож с костяной ручкой и два куса кольчужной брони, сильно окисленные. Третий кусок кольчуги лежал на лобной доле черепа ребенка. Такого вида кольчуга имеет аналогии в кудыргинском могильнике, датированном VI-VII вв. н.э. Но более близка к обнаруженной кольчуге кольчужная броня из Воздвиженского кургана, датированного по вещам II-III вв. н.э. (Хазанов, 1971, с. 60, табл. XXI - 9).

Комплекс №133. Надмогильная кладка шатрового типа расположена на гребне скальной гряды к югу от основной массы кладок. Внешние плиты шатра повалены в разные стороны, но в основании этот развал образует четырехугольник с размерами сторон 50 x 90 см (рис. 4 - 1). В могильной яме обнаружено несколько костей человека, расположенных в анатомическом порядке. Это левая половина тазовых костей, семь шейных позвонков и правая бедренная кость (рис. 4 - 2). Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой ориентирован на восток. Из сопроводительного инвентаря обнаружено железное кресало дугообразной формы и костяной ромбический в сечении с расщепленным насадом наконечник стрелы.

Комплекс можно датировать по наконечнику стрелы, относящемуся к хуннскому времени. Аналогии ему встречаются в материалах этого времени в Забайкалье на Иволгинском городище, прекратившем свое существование в I тыс. н.э., а также на Енисее среди тагарских наконечников (Киселев, 1951, табл. XXVI, 16, 17.). Очевидно, комплекс №133 относится ко времени, не позднее начала I тыс. н.э.

Комплекс №134 относится к скальным захоронениям. Ниша расположена в южной оконечности скальной гряды. Она куполообразной формы естественного образования в рыхлой гранитной скале. Длина ниши по линии восток-запад 2,3 м, глубина 0,8 м, ширина 0,6 м. В это естественное углубление была помещена

колода-гроб с заостренными, как у лодки, торцами. Выход, обращенный на юг, перекрыт большими плитами, поставленными на ребро с некоторым наклоном внутрь ниши, а сверху задернован. Колода состоит из двух корытообразных половин, вырубленных из расколотой лиственницы. Кора с дерева предварительно снята. Длина колоды 1,75 м, высота 0,3 м. В колоду был уложен ребенок лет 7-8. Он лежал на спине вытянуто, головой на восток. Кисти рук слегка согнуты в локтях, лежали на бедрах. На правой руке и под левой голенью сохранились остатки кожаной одежды. Слева у бедра погребенного, видимо, в кожаной сумочке лежали 10 астрагалов, кусочек кремня и окисленные остатки кресала. В ногах помещена трапециевидная полоска бересты.

Данный вид погребения занимает особое место среди комплексов могильника, поскольку здесь встречено уникальное устройство домовины (колода-гроб, имитирующая лодку), что не характерно для погребений кочевников Прибайкалья в средние века.

Куркутский Комплекс II

Объект находится в 700 м к западу от памятника Куркутский Комплекс I, на юго-восточном склоне горы. На поверхности кладки обозначены плоскими каменными конструкциями и в виде шатра. Они расположены в одну линию, имеющую направление с востока на запад. Памятник включает 19 искусственных каменных кладок различной степени сохранности и датирующихся разными временными периодами. Как и в первом случае, автором раскопок выделено четыре группы сооружений.

К первой группе относятся кладки шатрового типа (7), во вторую группу выделена одна конструкция (№18) с плоской кладкой в форме овала, окруженной по периметру стоящими с наклоном к центру крупными плитами. Третья группа также включает единственную конструкцию (№10), выполненную в форме четырехугольной оградки и забутованную мелкими камнями. Последнюю четвертую группу кладок составляют разрушенные конструкции, форму которых установить не удалось.

В результате раскопок выяснилось, что на памятнике преобладают ритуальные кладки, лишь в пяти комплексах обнаружены захоронения человека (№№ 2, 3, 4, 18 и 19).

Комплекс №2. Кладка шатрового типа, сложена из плит скальной породы. В центре камни выбраны грабителями. При зачистке здесь найдена фаланга пальца человека и фрагмент трубчатой кости животного. Среди камней встречались мелкие фрагменты керамики темно-серого цвета, венчик слегка отогнут наружу. Сразу под кладкой находилось надмогильное перекрытие, состоящее из четырех крупных плит, уложенных плашмя. Перекрытие вытянуто с востока на запад. У западного торца могильной ямы две плиты стояли на ребре, образуя угол ящика (длина кладки 2,25 м, ширина 1,0 м.). Под этой кладкой на глубине 0,35 м лежал на спине костяк, ориентированный на восток. На черепе лицевая часть не сохранилась, нет локтевой и лучевой костей правой руки. Левая рука полусогнута в локте. Кисть ее находилась на лобковых костях. На черепе с правой стороны сохранились кусочки кожи, бересты и материи от головного убора с остатками медной пластины ромбовидной формы. В этом месте на черепе остались следы окисла зеленого цвета. Такие же следы видны и на левой височной кости, а у локтя левой руки лежала медная посеребренная пластина ромбовидной формы с выступами, вершины которых срезаны и образуют ажурный узор. Эта пластина нашита на матерью и на два слоя ромбовидной бересты. У правого колена найдена подвеска из белого нефрита. Она треугольной формы с закругленными углами и биконическим отверстием посередине. В ногах найден фрагмент керамики, по цвету и составу теста подобный фрагментам, обнаруженным среди камней кладки.

Комплекс №3. Камни кладки лежали не плотно, в 1-2 слоя. Кладка округлой формы, размером 2,4 х 2,0 м. Могильная яма имеет чашевидную форму. У ее западного края обнаружен фрагмент черепа ребенка. Других находок отмечено не было. Так никаких датирующих находок обнаружено не было, определить время сооружения комплекса затруднительно.

Комплекс №4. Кладка шатрового типа, сложена из больших кусков

скальной породы и плит, стоящих по кругу с наклоном к центру. Южная сторона шатра разрушена, поэтому плиты здесь лежали плашмя. На глубине 40 см от дневной поверхности зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы размером 1,5 x 1,1 м и ориентировкой СЗ-ЮВ. Погребенный лежал на правом боку в скорченной позе, головой ориентирован на юго-восток (Рис. 5 – 1,2). Череп и кости рук потревожены грабителями, нижняя челюсть помещалась в 25 см от черепной коробки. Рядом с челюстью помещались две трубчатые кости и лопатка барана. Позвонки, тазовые кости и кости ног сохранили анатомический порядок. Под черепом найдена бочонкообразная бусина из белого камня с биконическим отверстием (Рис. 5 – 4). Между черепом и лопаткой правой руки обнаружена бронзовая литая ажурная пластина с изображением змей (рис. 5 - 3). По бокам предмета обозначено два небольших круглых отверстия для крепления. Около них две змеи, находящиеся по центру пластины, соприкасаются извивающимися телами в правой части предмета и головами слева. Змеи, расположенные по краям, ближе к рамке, наоборот, головами упираются в правую часть пластины, а хвостами – в левую. Фигурки змей на пластине изображены нечетко. У них нет глаз, головы прослеживаются за счет утолщения тела в этом месте. По-видимому, пластина явилась результатом многократного копирования, в связи с чем потерялась четкость изображения змей. Под тазовой костью обнаружен кусок материи с тремя полусферическими пуговицами из железа (рис. 4 - 5). Между костями голени и бедренными костями помещался железный наконечник стрелы типа бронебойных и однолезвийный вогнутый нож из железа (рис. 4 – 3,4). Здесь же найдено еще две бусины из белого камня, подобные вышеописанной (Рис. 5 – 5,6).

Датировку погребения можно провести по сопроводительному инвентарю. Маркирующей вещью здесь является бронзовая литая ажурная пластина. Она аналогична минусинским прямоугольным ажурным пластинам и пластинам из Ордоса, которые датируются III-II вв. до н.э. (Дэвлет, 1976, с. 225).

Комплекс №18. Кладка в форме овала, плоская, сложена из камней крупных и мелких размеров в два-три слоя. Во время зачистки камней кладки обнаружено более десяти фрагментов сосуда с рассеченным валиком и насечками по краю венчика.

Могильное пятно грушевидной формы зафиксировано на глубине 0,5 м от дневной поверхности. Оно было вытянуто по линии север-юг. Ниже была отмечена еще одна выкладка из плит, поставленных на ребро и образующих ящик со сторонами 0,4 x 0,45 м (северная и восточная стенки). В ящике лежали два фрагмента того же сосуда, что и среди камней основной кладки. Здесь же находился позвонок крупного животного. На глубине 0,6 м пятно приобрело овальную форму размером 2,0 x 0,55 м. В могильной яме обнаружен костяк. Руки погребенного вытянуты, кисти покоились на бедренных костях, череп перевернут. Костяк был завернут в бересту в один-два слоя и ориентирован головой на ВСВ. Под правой ключицей помещался костяной игольник с двумя железными стерженьками внутри. Между костями правой руки и грудной клеткой лежали два фрагмента берестяного колчана. Береста свернута в трубку, в ней обнаружен железный черешковый наконечник стрелы типа бронебойных. На шейном позвонке под нижней челюстью лежала железная скоба для подвески колчана, скрепленная с куском бересты.

Относительная датировка погребения по аналогиям захоронений с дополнительным сооружением в могильной яме – начало второй половины I тыс. н.э.

Комплекс №19. Кладка прямоугольная, шатрового типа, сложена между двумя рядами скальных выходов. Две плиты лежали внахлест на третьей, большей по размерам плите, на противоположных ее торцах с наклоном к центру. Под центральной плитой лежала плита перекрытия прямоугольного каменного ящика. Она опиралась на четыре поставленные вертикально и плотно подогнанные одна к другой плиты-стенки ящика. Ящик ориентирован с севера на юг. Его размеры 0,65 x 0,35 м, высота 0,27 м. На дне ящика на правом боку лежал костяк ребенка в скорченном виде, ориентированный головой на север. Ноги его круто согнуты в коленях и поджаты, руки согнуты в локтях. К поясу погребенного был подвешен железный нож с деревянной рукояткой в железных ножнах. Рядом найдена круглая железная пряжка с подвижным язычком. Под локтем левой руки помещались две костяные поделки неизвестного назначения. Около кисти левой руки лежала еще одна железная пряжка, подобная первой.

Обряд захоронения в «каменные ящики» встречается в кочевнических курганах

Тувы в VII-VI вв. до н.э., а также в кочевнических могилах, относящихся ко II тыс. н.э. (Асеев, 1974, с 110).

Хадарта II

Могильник расположен в 3 км к ЮЗ от пос. Курма и в 1,9 км к СВВ от с. Хадарта, в ЮВ части мыса Хадарта (Рис. 6). Он состоит из двух пунктов. Пункт «а» располагается в самой высокой части мыса, отделенной от пункта «б» грядой скальных выходов, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток. Пункт «б» находится к юго-западу от пункта «а», ниже по склону.

Могильник открыт в 1959 г. отрядом Л.П. Хлобыстина, входившем в состав Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР (Хлобыстин, 1963). Пункт «а» состоит из двух захоронений. Одно из них раскопано в 1986 г., второе в 1987 г. Маломорским отрядом КАЭ ИГУ под руководством В.В. Яковлевой (Павлуцкой) (Павлуцкая, 1990).

Погребение №1 имело надмогильную кладку округлой, кольцевой формы, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. Сооружение состояло из плит гнейса, уложенных в 2-3 слоя. Размеры кладки 2,45 x 1,8 м, высота – 0,5 м. могильная яма прямоугольной формы, ориентирована аналогично кладке. Ее размеры: 1,4 x 0,7 м, глубина 1,2 м. На дне ямы помещен костяк ребенка в берестяном мешке, размеры которого 1,1 x 0,4 м. Труположение вытянутое на спине, ориентация черепом на северо-восток. У правого плеча погребенного лежало 5 железных и 1 костяной наконечников стрел. На костях таза находилась железная пальма.

Погребение №2 находилось в 25 м к юго-юго-западу от погребения №1. Надмогильное сооружение имеет форму незамкнутого кольца, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток. Часть кладки разрушена грабителями. Размер кладки: 2,0 x 2,3 м, высота 0,25 м. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована аналогично кладке. Ее размеры 1,4 x 0,85, глубина 0,53 м. На дне ямы помещен костяк, от которого сохранились кости ног и правой руки. Первоначальное положение на правом боку с подогнутыми ногами, руки

вытянуты вдоль тела. Ориентация черепом на юго-восток. У запястья правой руки лежало два изделия из кости и бронзовая бляшка-пуговица. Одно костяное изделие имело дугообразную форму, второе – схематичное изображение птицы. Бронзовая бляшка-пуговица имела четырехлепестковую форму. В юго-восточном конце могильной ямы зафиксирована железная пластина аморфной формы.

В 80 м к северу от раскопов 1986-87 гг., среди межрядовых скальных понижений, выявлено 6 неотмеченных ранее каменных кладок. В результате проведения раскопочных работ вскрыто 4 погребения. Все погребения потревожены в древности, в центральной части их надмогильных кладок, сложенных из подобных по величине камней и плит, отсутствуют камни. Кладки и могильные ямы захоронений ориентированы по линии СЗ-ЮВ (Туркин, Багдурев, 2000, с. 159).

Погребение № 4 найдено под кладкой овальной формы, размером 2,8x2,6 м. Размеры камней кладки от 65x35x20 см до 13x8x2 см. Не глубокая яма (25-35 см) имела неправильные очертания, её максимальные размеры 1,71x1,01 м. Анатомический порядок сохранили лишь кости ног. Судя по их положению, погребенный был расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮВ. Находок нет.

Погребение № 5 находилось под каменной кладкой неправильной формы, размером 2,7x2,4 м. Под кладкой зафиксирована могильная яма с останками погребенного. Размеры ямы 1,72x0,72x0,4 м. Череп смещен, тазовые кости отсутствовали. Исходя из расположения остальных костей скелета установлено, что умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЮВ. В 40 см от юго-восточной части кладки, в подперновом слое обнаружена бронзовая бляшка. В юго-восточной части ямы зафиксирована амазонитовая бусина со сквозным биконическим отверстием. В центральной части могильной ямы, под костяком, отмечена плоская плита, размером 35x24x2 см. Непосредственно под плитой найдены две пластины, размером 28x4x0,3 см. Пластины изготовлены из неизвестного материала, на каждой из них рельефно оформлен ряд выпуклостей, между которыми проведены борозды.

Погребение № 6 зафиксировано под овальной, кольцевой формы, кладкой, размером 3,0x2,2 м. Могильная яма, размером 1,4x0,6x0,25 м, содержала лишь кости ног погребенного. Он был помещен вытянуто на спине, головой на ЮВ. Погребального инвентаря не обнаружено.

Погребение № 7 обнаружено под овальной формы кладкой. Размеры кладки 3,2x2,4 м. Могильная яма, размером 1,85x0,85x0,25 м, содержала неполный скелет человека. Погребенный был расположен вытянуто на спине, головой на ЮВ. Находок нет.

Курма II

Могильник Курма II расположен в 380 м к северо-востоку от с.Курма. на юго-западном склоне горы, находящейся в 200 м к западу от Курминского озера. Вдоль склона тянутся гряды скальных выходов, ориентированные преимущественно по линии ЮЗ-СВ. С юго-востока и северо-запада гору огибают проселочные дороги, идущие из с.Курма к Курминскому озеру. Могильник обнаружен в 1991 г. отрядом Байкальской археологической новостроечной экспедиции под руководством О.И. Горюновой (Горюнова, Свинин, 1996, с. 36). В этом же году объект осмотрен другим отрядом этой же экспедиции под руководством А.В. Харинского.

В 1995 г. Маломорским отрядом экспедиции ИЛАиП ИАиЭ-ИГУ (О.И. Горюнова, П.Е. Шмыгун) определены границы Курмы II. На могильнике выявлено 43 захоронения двух типов: в “расщелинах скал” и грунтовые под овальными, сплошными кладками (Горюнова, Свинин, 1996, с. 31).

В 1998-1999 гг. археологическим отрядом Иркутского технического университета (начальник А.В. Харинский) проведены раскопки на могильнике Курма II. Вскрыто 17 искусственных каменных выкладок, 10 из которых оказались надмогильными конструкциями. Под двумя кладками не отмечены человеческие останки, но найдены артефакты. Под кладкой № 4 обнаружена бронзовая полусферическая пуговица, датируемая ранним железным веком, и череп барана; под кладкой № 14 изделия из камня, предварительно отнесенные к

бронзовому веку. Кладки №№ 6, 7, 18 не содержали археологический материал. Среди погребений 7 грунтовых и 3 наземных. Наземные погребения (№№ 12, 14, 15) датируются второй половиной II тыс. н.э. В одном из грунтовых захоронений (№ 5) найдено только несколько фрагментов человеческих костей. Так как надмогильная конструкция этого погребения вплотную примыкала к кладке № 4, автором раскопок она рассматривалась как единый комплекс и датирована ранним железным веком (Харинский, 2001а, с. 42).

Будун I

Могильник Будун I находится в 2,4 км к СЗ от пос. Харалгай (Улан-Хушин), в северной части мыса Будун (к СВ от вершины горы с тригопунктом) (рис. 7). В 1978 г. на нем вскрыто 9 погребальных комплексов. Все захоронения ограблены в древности (Горюнова, Свинин, 1995, 104). Захоронение елгинского типа получило порядковый № 3.

Кладка *погребения № 3* четырехугольной формы размером 2,0 x 2,2 м, ориентирована длинной осью по линии с азимутом 135° (Рис. 8 – 1). Камни располагались по периметру кладки в один слой. В средней части конструкции они отсутствовали. Размеры камней от 10 x 19 см до 37 x 68 см. К югу и востоку от кладки зафиксированы кости животных и фрагменты керамики. У юго-восточного края кладки найдено два костяных наконечника стрел. Под камнями конструкции отмечено две бронзовые пуговицы. Одна под ее южной частью, а другая под северной. С западной стороны кладки обнаружено три халцедоновых отщепа.

Под северо-западной частью кладки зафиксирована могильная яма четырехугольной формы размером 0,75 x 1,40 м. Глубина ямы 15-20 см. В ее верхнем уровне найдены: бедренная кость человека, костяные накладки лука, фрагменты железного предмета, костяное кольцо - в юго-восточной части; фрагменты железного предмета, халцедоновый отщеп, человеческие ребра – в центре; две бронзовые пуговицы (рис. 8 - 2,3), костяной наконечник стрелы, костяная накладка лука – в северо-западной части. На дне могильной ямы

обнаружены останки погребенного. Первоначальное положение сохранили кости ног, располагавшиеся в северо-западной части ямы. Над этим краем ямы сохранилась каменная кладка, не потревоженная грабителями. Погребенный располагался на левом боку, с согнутыми в коленях ногами. Левая нога была согнута сильнее правой, ее пяточные кости находились на уровне фаланг левой стопы. У северо-западного края ямы найдены остатки железного предмета. В южной части могилы обнаружены две бронзовые пуговицы и коленная чашечка. Одна из пуговиц круглая, а другая крестовидная (рис. 9 - 5,6). В восточной части ямы зафиксировано четыре костяных наконечника стрел. Они примыкали друг к другу и были ориентированы острием на юго-восток.

Всего в погребении найдено 5 круглых сферических бронзовых пуговиц, диаметром 2,0-2,3 см с плоской петелькой с обратной стороны (Рис. 9 – 1-5) и 10 костяных наконечников стрел с расщепленным насадом (рис. 9 - 7-16). По сечению пера они подразделяются на две группы: линзовидные и треугольные. Кроме наконечников в будунском захоронении обнаружены костяные накладки лука, расположенные по две с противоположных сторон могильной ямы. По всей видимости, они сохранили свое первоначальное положение, что позволяет реконструировать длину лука, уложенного вместе с умершим в яму. Она составляла около 125 см.

Прототипами бронзовой крестовидной пуговицы, обнаруженной в будунском погребении, вероятно, являются бронзовые крестовидные бляшки. Они встречены в плиточной могиле Хужири II, датирующейся второй четвертью I тыс. до н.э. (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995, с. 68). К концу I тыс. до н.э. они приобретают более крупные размеры, преобразуясь в пуговицы. Кроме Будуна I-3 бронзовая крестовидная пуговица обнаружена еще в одном елгинском погребении – Хадарта II-2 (Павлуцкая, 1990). В захоронениях I тыс. н.э. ни круглые, ни крестовидные бронзовые пуговицы уже не фиксируются, что позволяет датировать погребение елгинского типа с мыса Будун II-I вв. до н.э.

Елга VII

Памятник расположен на одноименном мысе северо-западного побережья острова Ольхон, в 12 км к юго-западу от п. Хужир и в 2 км к северо-западу от п. Ялга (рис. 10 - 1). Объект обнаружен и частично исследован Маломорским отрядом Байкальской Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в 1988 г. (руководитель О.И. Горюнова) (Горюнова, 1993, с. 79; Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 154).

Основная группа захоронений сконцентрирована в межгрядовом понижении вершины мыса, в 1,1-0,9 км к северо-западу от его оконечности. Протяженность могильника 350 м. Всего отмечено более 20 искусственных сооружений, 17 из них вскрыто (рис. 10 - 2).

Авторами раскопок выделено три группы сооружений. В первую группу включены захоронения, совершенные под контурными прямоугольными кладками, выложенными из плашмя уложенных плит породы (№№ 2-5, 7,8, 11-16). Размеры кладок: 4,0-3,7 x 3,0-1,7 м. Преимущественная ориентация надмогильных сооружений по линии СЗ-ЮВ. Трупомещение – на боку (преимущественно правом), с поджатыми ногами. Ориентация головой на юго-восток.

Вторая группа погребений представлена 2 захоронениями (№№1 и 6). Для нее характерны надмогильные сооружения в виде сплошных овальных кладок, выложенных из плит породы в несколько слоев. Ориентация кладок по линии ЗЮЗ-ВСВ. Размеры сооружений 4,0x4,0 м и 2,6x1,8 м. Для захоронений второй группы характерно наличие внутримогильного перекрытия из плит породы. Трупомещение – на правом боку, с поджатыми ногами. Ориентация погребенных на ВСВ.

К третьей группе авторами раскопок отнесено 3 разрушенных выкладки овальной, кольцевой формы (№№9, 10, 17). Размеры сооружений 3,8-2,1 x 3,0-2,0 м. Ориентация по линии СЗ-ЮВ. Сооружения третьей группы могильных ям не имеют.

Елгинские захоронения относятся к первой группе погребений.

Комплекс №2. Кладка прямоугольной, контурной формы из плашмя уложенных в один слой плит породы. Стенки состояли из плит, выложенных в два ряда. Одна из плит западной стенки стояла на ребре, наклонившись к центру

сооружения. Размеры кладки 4 x 3 м, ширина стенок от 0,5 до 1,2 м. Ориентация кладки большей стороной по линии ССЗ-ЮЮВ. Кладка оконтуривает свободное прямоугольное пространство, размером 2,5 x 1,0 м. Захоронение разрушено в древности. При зачистке кладки найдены: фрагменты гладкостенной керамики без орнамента от стенок и уплощенного дна одного сосуда и обломок изделия из железа. В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты гладкостенного сосуда без орнамента, человеческий зуб, обломки изделия из железа, фрагменты жженных костей. На дне могильной ямы (глубина 0,46 м) отмечены: в СЗ конце – бедренная кость человека, повернутая верхним эпифизом к востоку, в 1,2 м к югу от которой – фрагмент локтевой кости. Из сопровождающего инвентаря сохранились: три обломка изделия из железа; два фрагмента венчиков гладкостенных сосудов, украшенных налепными валиками, оформленными насечками (рис. 12 - 5,6); железная полушаровидная пуговица (рис. 12 - 8) и железная трубочка (рис. 12 - 10).

Комплекс №3. Кладка контурная, прямоугольной формы. Стенки сооружения состояли из плашмя уложенных в один слой плит породы (в 2-3 ряда). Размеры кладки 3,1 x 2,2 м, ориентация по линии СЗ-ЮВ. Ширина стенок от 0,5 до 0,7 м. Оконтуренное кладкой пространство прямоугольной формы, размерами 1,63 x 1,0 м (ориентация по линии СЗ-ЮВ). При зачистке кладки найден фрагмент гладкостенной керамики без орнамента. Захоронение также оказалось грабленным. Граница могильной ямы не четкая, глубина ямы – 0,6 м, ориентация по линии ССЗ-ЮЮВ. В северо-западном конце могилы найдена большая берцовая кость, расположенная на плите породы, покрытой слоем зольника. В 0,38 м к ЮВ от нее найдены бедренная и большая берцовая кости, расположенные углом друг к другу.

Комплекс №4. Кладка контурная, прямоугольной формы. Сооружение выложено в 4 ряда крупными плитами породы, расположенными плашмя в один слой. Размеры кладки 3,4 x 3,0 м, ориентация по линии СЗ-ЮВ. Ширина стенок 0,8-1,0 м. Оконтуренное кладкой пространство прямоугольной формы, размерами 1,7 x 1,0 м. Захоронение грабленное. При зачистке надмогильного сооружения между плитами найдены фрагменты гладкостенной керамики без орнамента. Яма вырублена в скальнике, ее размеры 1,2 x 1,0 м, глубина 0,56 м. Ее ориентация по линии СЗ-ЮВ.

Остатков погребенного не зафиксировано.

Комплекс №5. Кладка контурная, прямоугольной формы. Надмогильное сооружение выложено из крупных плит породы в один слой. Кладка повреждена, восточная стенка почти полностью развалена. Северная и южная стороны кладки ограничены массивными плитами, уложенными плашмя. Размеры надмогильного сооружения 2,65 x 1,65, ориентация по линии ЗЮЗ-ВСВ. Ширина стенок от 0,35 до 0,40 м. Размеры оконтуренного кладкой пространства 1,45 x 0,85 м. Могильная яма по форме, размерам и ориентации совпадает с оконтуренным кладкой пространством. Глубина ямы 0,53 м. В западном конце могилы найдены остатки костей ног. Бедренная и большая берцовая кости располагались углом друг к другу. Вероятно, первоначальное трупомещение – на левом боку с согнутыми ногами. В 30 см к юго-западу от костей найдена бронзовая полушаровидная пуговица с петелькой с внутренней стороны (рис. 12 - 11).

Комплекс №7. Кладка прямоугольной формы, из крупных плит породы, уложенных плашмя. Размеры сооружения 3,2 x 3,0 м, ориентация по линии ССВ-ЮЮЗ. Оконтуренное плитами пространство овальной формы, размерами 1,2 x 1,0 м. При расчистке кладки найдены фрагменты гладкостенной керамики без орнамента. Яма (размер 1,25 x 0,60 м, глубина 0,38 м) ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В заполнении ямы найден зуб козули, два фрагмента гладкостенной керамики, отдельные угольки. Захоронение полностью разрушено.

Комплекс №8. Кладка сильно разрушена; сохранилась конструкция в виде разорванного кольца диаметром 4 м. Оконтуренное пространство овальной формы, размером 2,0 x 1,3 м, ориентировано по линии С-Ю. При зачистке кладки обнаружены фрагменты гладкостенной керамики без орнамента. Могильная яма овальной формы, размерами 1,6 x 0,8 м, глубиной 0,56 м. Ориентация могилы по линии СЗ-ЮВ. Захоронение полностью разрушено. Обнаружены зуб человека, фрагменты уплощенного дна гладкостенного сосуда (рис. 12 - 13) и венчик, украшенный налепным валиком с насечками (рис. 12 - 3).

Комплекс №11. Кладка контурная, прямоугольной формы, размером 4 x 3 м (Рис. 11 – 1), ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Кладка частично разрушена.

Оконтуренное плитами пространство прямоугольной формы, размером 1,1 x 1,0 м. При зачистке надмогильного сооружения найдена полушаровидная железная пуговица (рис. 12 - 9). Могильная яма прямоугольной формы размером 1,2 x 0,9 м и глубиной 0,9 м ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ (Рис. 11 – 2). В ней обнаружен венчик гладкостенной керамики, украшенный налепными валиками (рис. 12 - 1). В СЗ конце могилы расположены кости ног, находящиеся под углом друг к другу. Коленный сустав ориентирован к северо-востоку. В 27 см к ЮВ от бедренной кости находилась правая плечевая кость. Отдельные плохо сохранившиеся кости, найдены в 20 см к юго-западу от верхнего эпифиза бедренной кости. В 15 см к северо-востоку от плечевой кости вдоль стенки могильной ямы найдена трубчатая кость животного. В 20 см к ЮЗ от костей ног отмечено железное кольцо (рис. 12 - 7). Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям погребенного, первоначальное трупомещение – на правом боку с поджатыми ногами, головой ориентирован на ЮЮВ.

Комплекс №12. Кладка контурная, прямоугольной формы, размером 3,3 x 2,1 м. Ориентация сооружения по линии ССЗ-ЮЮВ. Кладка состоит из плит породы, уложенных плашмя в один слой. Ширина стенок от 0,4 до 0,9 м. Пространство, оконтуренное кладкой размером 1,1 x 1,3 м. При зачистке сооружения найдено три фрагмента гладкостенной керамики, один из них с налепным валиком (рис. 12 - 2). Размеры ямы 1,8 x 1,1 м, ориентация по линии ССЗ-ЮЮВ. Глубина ямы 0,35 м. В ней найдено 66 фрагментов гладкостенной керамики. Из них 2 фрагмента с налепными валиками, украшенными насечками (рис. 12 - 4).

Комплекс №13. Надмогильная кладка контурная, прямоугольной формы, размером 3,0 x 2,6 м, ориентация по линии СЗ-ЮВ. Сооружение состояло из крупных плит породы, уложенных плашмя в один слой, в три ряда. Плиты внутреннего диаметра просели вглубь могилы. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 2,0 x 1,0 м, глубиной 0,6 м. Ориентация ямы по линии ЗСЗ-ВЮВ. При зачистке надмогильного сооружения найдено четыре фрагмента гладкостенной керамики без орнамента.

В могильной яме на глубине 0,2 м зафиксированы плиты породы, сползшие вниз. В северо-западном углу могилы на одной из этих плит найдена трубчатая кость человека, возможно, бедренная. В 0,70 м к юго-востоку от нее зафиксирован фрагмент трубчатой кости. На дне могильной ямы найдены: вдоль юго-западной стенки – плечевая кость (повернутая локтевым суставом к северо-западу), в 0,22 м к юго-востоку от нее – фрагмент черепа, в 6 см к северо-востоку от последнего – обломок позвонка. В заполнении могильной ямы и на ее дне отмечены отдельные угольки.

Комплекс №14. Кладка контурная, прямоугольной формы. Размеры сооружения 2,9 x 2,3 м, ориентация по линии СЗ-ЮВ. Кладка состояла из крупных плит породы, уложенных плашмя в один слой (в 3-4 ряда). Торцевые стороны кладки ограничены длинными плитами. Ширина стенок от 0,55 до 0,70 м. Размеры оконтуренного пространства 1,3 x 0,7 м. Могильная яма выдолблена в скальной породе. Размеры могилы 0,7 x 0,51 м, глубина 0,8 м. В заполнении ямы найден обломок лучевой кости, расположенный вдоль могилы. В СЗ и ЮВ концах ямы обнаружены вертикально стоящие плиты; отдельные плиты, плотно уложенные друг к другу, зафиксированы на дне ямы.

Комплекс №15. Кладка контурная, прямоугольной формы. Сооружение частично разрушено, его размеры 4,0 x 3,0 м. Ориентация кладки по линии ССЗ-ЮЮВ. Кладка состояла из плит породы, выложенных в 3-4 ряда. В южном и юго-восточном концах плиты налагаются друг на друга. Ширина стенок от 0,9 до 1,9 м. Оконтуренное кладкой пространство округлой формы, размером 1,8 x 1,0 м. Могильная яма выдолблена в скальной породе. Ее размеры 1,4 x 1,0 м, глубина 0,62 м. Вдоль стенок могилы зафиксированы плиты, сползшие со стенок кладки. В заполнении могильной ямы (в ее СЗ конце) найдена трубчатая кость без эпифизов, расположенная по линии СВ-ЮЗ. В 0,25 м к юго-западу от нее зафиксирован обломок трубчатой кости.

Комплекс №16. Кладка контурная, прямоугольной формы. Размеры сооружения 3,3 x 2,6 м, ориентация по линии ССЗ-ЮЮВ. Кладка состояла из плашмя уложенных плит породы, в 2-3 ряда. Ширина стенок от 0,5 до 1,2 м.

Ограниченное кладкой пространство прямоугольной формы. Оно оконтурено вдоль длинных сторон крупными плитами породы. В юго-западном конце кладки зафиксирована наклонная плита, опускающаяся одним концом вглубь могилы. При зачистке кладки обнаружены фрагменты гладкостенной керамики без орнамента. Могильная яма выдолблена в скальной породе. Она прямоугольной формы, размером 1,25 x 0,66 м, глубиной 0,2 м. Ориентация ямы совпадает с направлением кладки. Вдоль СВ и СЗ стенок отмечены плиты, сползшие в могилу. В заполнении ямы найдены фрагменты гладкостенной керамики без орнамента и удила из железа (рис. 12 - 12). Удила кованые, прямоугольные в сечении. Звенья изделия асимметричные. Соединение удил между собой петельчатое. Противоположные концы плотно склепаны, образуя петлю подтреугольной формы с закругленными углами. На дне могильной ямы (в ее юго-западном конце) найден обломок ребра, в 0,5 м к северу от него – человеческий зуб и фрагмент гладкостенной керамики без орнамента. В 0,23 м к северу от них лежали кости голени правой и левой ног, расположенные в анатомическом порядке. Кости находились вдоль поперечной (северо-восточной) стенки могилы. Коленные суставы обращены к ВЮВ. В 6 см от них зафиксирована коленная чашечка. У нижних эпифизов левой ноги сохранились кости плюстны; у правой – одна кость плюстны. Судя по сохранившимся костям, погребенный находился на правом боку с поджатыми ногами, головой ориентирован на ЮЮВ.

Елгинские захоронения датированы концом I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э., на что указывают и радиоуглеродные даты, полученные по четырем из них: №3 - 1890±50 л.н. (ГИН-7643); №5 (19) - 2050±160 л.н. (ГИН-7645); №13 - 1960±60 л.н. (ГИН-7644); №16 - 2590±90 (ГИН-6840) (Табл. 2). Погребениям елгинского типа отведено место в хронологическом ряду непосредственно между культурой плиточных могил и курыканами (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 171).

Шибэтэ VI.

Памятник расположен в средней части острова Ольхон озера Байкал, в 2.4

км к юго-западу от оз. Ханхой и в 2.1 км к западу от деревни Ялга (Рис. 2). Объект выявлен в 1988 г. Байкальским отрядом БКАЭ ИГУ (О.И. Горюнова, В.В. Павлуцкая). В этом же году он был частично исследован. На нем были вскрыты две кладки, под одной из них отмечено погребение. Кладка захоронения овальной формы размерами 3 x 2 м. Ориентация длинной осью по линии СЗ-ЮВ. В кладке (под дерном) найдена литая бронзовая бляшка с изображением голов грифонов. Под кладкой в могильной яме овальной формы, глубиной до 0,7 м. обнаружен костяк. Трупоположение – вытянутое на спине, головой на СЗ.

Под второй конструкцией овальной кольцевой формы, размером 4 x 3 м, встречено скопление зубов животных. Кладка ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Пудовкина, Павлуцкая, 1990, с. 147; Горюнова, Свинин, 1995, с. 66).

В настоящее время памятник состоит из 5 искусственных сооружений. Кладки овальные, сплошные, состоящие из каменных плит, уложенных плашмя. Размеры сооружений 2,8-2,0 x 1,8-1,2 м. Ориентация большей стороной по линии СЗ-ЮВ.

Бутухей II.

Объект расположен в 14 км к северо-востоку от пос. Еланцы (Рис. 2). Объект выявлен в 1988 г. Байкальским отрядом БКАЭ ИГУ (О.И. Горюнова, В.В. Павлуцкая). На нем вскрыто 1 погребение. Оно находилось под кольцевой, овальной формы кладкой, размером 4,6 x 3,0 м. Длинной осью сооружение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. В могильной яме, глубиной 0,35 м, зафиксированы остатки захоронения. Трупоположение - вытянуто, на спине, головой на ЮВ. В кладке найден железный петельчатый нож с выгнутой спинкой и желобком. Среди разрозненных костей человеческого скелета в могильной яме встречены листовидный костяной наконечник стрелы с расщепленным насадом, обломок бронзовой бусины, фрагмент неорнаментированной гладкостенной керамики, 2 фрагмента железной пластины и каплевидная бусина из амазонита (Пудовкина, Павлуцкая, 1990).

Цаган-Хушун II

Объект находится в 1,25 км к юго-востоку от с. Курма, в восточной части мыса Цаган-Хушун (рис. 13). С востока, запада и юга мыс омывается водами Байкала, а с севера галечной косой соединяется с материком. Мыс Цаган-Хушун состоит из двух примыкающих друг к другу холмов, образующих единую гряду, ориентированную по линии север-юг. Северный из холмов мыса представлен скалой, сложенной из мраморовидных пород. Южный холм по своим размерам крупнее северного. Его высота 15,6 м над уровнем озера Байкал. С запада и востока к нему примыкают выположенные площадки, разделенные грядами скальных выходов на несколько микролощин. Перешеек, расположенный между холмами, возвышается над Байкалом примерно на 2 м. Он постепенно разрушается в результате волно-прибойной деятельности озера. Мыс покрыт степными ассоциациями растений. В его восточной части имеется одиноко растущая лиственница.

К востоку от южного холма мыса Цаган-Хушун находится две микролощины. В северной из них в 1992 г. А.В. Харинским обнаружены каменные конструкции, напоминавшие по своим пропорциям надмогильные кладки. Памятник получил название Цаган-Хушун II. В ходе визуального осмотра, а впоследствии и земляных работ, захоронения выявлены и в южной микролощине. Между северной и южной микролощинами располагается гряда скальных выходов шириной около 10 м. Нумерация комплексов в обеих микролощинах велась отдельно, поэтому за южной частью могильника закреплен литер «а», а за северной частью литер «б» (рис. 14). В 2002 г А.В. Харинским на участке «б» вскрыто 163,5 кв.м. и отмечен 21 комплекс (Харинский, 2003).

Дальнейшие раскопки продолжены А.М. Коростелевым. В 2010 г. на участке «б» был раскопан 91 кв.м., зафиксировано еще 7 комплексов (№№ 22-28). По своим характеристикам и находкам они были аналогичны предыдущим комплексам (Харинский, Коростелев, 2011а). Таким образом, северная часть памятника, состоящая из 28 комплексов, была полностью исследована. Только в

яме комплекса № 4 находилось не потревоженное погребение. Погребенная в нем женщина располагалась на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, ориентирована головой на юго-восток. Руки умершей скрещены в нижней части груди, кисти опущены вниз (Харинский, 2003, с. 249).

В 2010 г А.М. Коростелевым начаты археологические раскопки на участке «а» погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II. Выявлено 19 комплексов (Харинский, Коростелев, 2011б). Только в комплексе №19 сохранилось не потревоженное погребение. Кости полностью сохранили анатомический порядок. Погребенная располагалась в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Крестец был придавлен плоским камнем, поэтому колени торчали вверх. Пяточные кости и фаланги пальцев рук и ног отсутствовали. Сопроводительный инвентарь в могильной яме не обнаружен (Коростелев, 2011; Харинский, Коростелев, 2011б, с. 384).

В 2012 г. археологические раскопки погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II на участке «а» были продолжены А.М. Коростелевым. Общая вскрытая площадь, примыкавшая с юга к раскопам предыдущих лет, составила 177 кв. м. Всего расчищено 14 каменных кладок и 8 ям. В северо-западной части раскопа какие-либо искусственные сооружения отсутствовали. Если под кладкой находилась яма, то они обозначались единым номером. В четырех ямах зафиксированы погребения, два из которых сохранились не потревоженными. Еще в четырех ямах материал представлен керамикой, фрагментами костей, бронзовой пуговицей. Номер комплексу присваивался по мере его фиксации. Изначально выделенный комплекс № 29 оказался частью кладки комплекса № 31, поэтому он в перечень описываемых ниже комплексов не вошел.

Большая часть искусственных каменных кладок разрушена, поэтому до раскопок определить их пропорции и соотношение с ямами было достаточно сложно. В ходе раскопок выяснялось, что часть скоплений камней, первоначально принятых за надмогильные кладки, таковыми не оказались. Под ними не обнаружены ямы. Во избежание путаницы было решено за каждым скоплением камней, напоминающим надмогильную конструкцию, вне зависимости от того

располагается под ним яма или нет, закреплять название «комплекс» и присваивать порядковый номер. Для того чтобы выявить все искусственные сооружения могильника, раскопки на объекте велись сплошными площадями.

На *участке «а»* общая площадь раскопок составила 385 кв.м. (Рис. 15). Всего зафиксировано 33 комплекса. Расчищено 27 каменных кладок и 23 ямы. Если кладку можно было соотнести с одной из ям, то они обозначались единым номером. Под кладками комплексов № 7, 8, 13, 14, 20, 22, 24, 30, 32 и 34 ямы не обнаружены. Над ямами комплексов № 3, 9, 10, 12, 16 и 27 не были выявлены каменные конструкции. Ямы комплексов № 2, 5, 17 и 33 находились поодаль от места основного скопления камней кладки. В 9 ямах могильника найдены человеческие кости, в 10 ямах материал полностью отсутствовал. Значительную часть каменных кладок Цаган-Хушун II «а» трудно сопоставить с какой-либо из ям. Не исключено, что некоторые из них образовались в результате криогенных процессов, а часть в результате целенаправленного разрушения каменных конструкций могил и поминальников.

Комплекс №1. Кладка овальной контурной формы, размером 2,0 х 2,8 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-слойная (Рис. 16 – 1). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,8 х 1,5 м, глубиной 0,35 м (рис. 16 - 2). На дне ямы обнаружены две берцовые кости человека, костяной наконечник стрелы с расщепленным насадом (рис. 23 - 17) и две концевые накладки лука (рис. 23 - 15,16).

Комплекс №2. Кладка кольцевой незамкнутой формы, диаметром 1,8 м, плоская, 1-слойная (Рис. 17 – 1). Яма комплекса № 2 располагалась к северо-востоку от кладки. Сверху она перекрывалась камнями и была заполнена ими до самого дна (Рис. 17 – 2,3). Яма овальной формы с ориентировкой ССЗ-ЮЮВ, размером 0,9 х 1,4 м, глубиной 0,45 м (рис. 16 - 3). Археологический материал представлен 1 кремневым отщепом.

Комплекс №3. Кладка отсутствовала. При расчистке раскопа зафиксировано пятно темно-серой супеси, вытянутое по линии СЗ-ЮВ (криогенная трещина) (рис. 18 – 1а). В нем и вблизи него обнаружено семь фрагментов керамики – 4

фрагмента венчика сосуда и 3 фрагмента от тулова. В ходе дальнейшей зачистки зафиксированы контуры ямы. Она овальной формы, размером 0,9 x 1,45 м, глубиной 0,45 м. Яма до середины заполнена камнями (Рис. 18 – 16).

Фрагменты керамики, обнаруженные во время раскопок, относятся к гладкостенному сосуду открытой формы, орнаментированному по тулову горизонтальными рядами пальцевых защипов. Верхняя часть венчика орнаментирована овальными наклонными вдавлениями.

Комплекс №4. Кладка треугольной формы размером 1,8 x 3,2 м. Ориентирована по линии С–Ю. Камни уложены не плотно, в 1 слой (Рис. 18 – 2). Под кладкой отмечены контуры пятна серой супеси (криогенная трещина) овальной формы, ориентированного по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 19 – 1). Среди камней кладки обнаружено 8 фрагментов керамики – 3 фрагмента венчика сосуда и 5 фрагментов от тулова. Фрагменты керамики относятся к гладкостенному сосуду закрытой формы, орнаментированному по тулову горизонтальными рядами вертикальных вдавлений палочкой с плоским рабочим концом. Верхняя часть венчика декорирована этим же предметом. В результате чего орнамент представлен наклонными вдавлениями.

Комплекс №5. Кладка овальной незамкнутой формы, размером 1,4 x 2,4 м, ориентирована длинной осью по линии З–В. Камни располагаются не плотно в 1 слой (рис. 19 - 2). Во время расчистки кладки обнаружено 16 фрагментов керамики и 2 отщепа. К северо-востоку от кладки находилась яма овальной формы, размером 1,45 x 2,4 м, глубиной 0,6 м. Сверху яма перекрывалась камнями в 1-2 слоя. В центре ямы обнаружены зубы лошади и несколько неопределимых фрагментов кости (Рис. 19 – 3,4; Рис. 20 – 1,2). Керамика представлена фрагментами тулова от гладкостенного сосуда. На одном из фрагментов нанесен декор в виде горизонтального ряда вдавлений палочкой с прямоугольным, заостренным у вершины рабочим концом.

Комплекс №6. Кладка овальной незамкнутой формы размером 1,5 x 1,0 м. Плоская, 1-слойная. Во время расчистки среди камней кладки в северо-восточной части обнаружен фрагмент человеческого черепа и несколько неопределимых

фрагментов кости (рис. 20 - 3). Под центральной частью кладки фиксировалось надмогильное перекрытие (Рис. 20 - 4). Во время расчистки среди камней обнаружено 2 фрагмента керамики от гладкостенного сосуда открытой формы с налепным валиком, треугольным в сечении. Венчик сильно отогнут наружу, валик располагается в 2 см ниже верхнего края венчика.

Яма в виде эллипса, вытянута по линии С–Ю. Размеры 1,4 x 1,8, глубиной 0,45 м (рис. 21 – 1). На дне ямы найдены разрозненные человеческие кости: 2 фрагмента челюсти, 2 эпифиза бедренной кости, 8 позвонков, левые и правые берцовые кости, пяточные кости, фрагмент кости ноги, грудина, 2 лопатки, ключица, 5 зубов, плечевая кость, эпифиз плечевой кости. В не потревоженном состоянии остались лишь берцовые кости, располагавшиеся в северо-западной части ямы (рис. 21 - 2). Кости принадлежали молодой женщине. Первоначально погребенная была уложена на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток.

Среди человеческих костей найдено 7 наконечников стрел с расщепленным насадом, ромбических в сечении (рис. 23 – 1,7). По форме пера четыре из них удлиненно-ромбического типа, два удлиненно-эллипсоидные и один пятиугольный. У пяточных костей погребенной обнаружен железный черешковый нож с лезвийным уступом (рис. 23 - 14). Другие артефакты представлены фрагментом костяной накладки лука? (рис. 23- 8), четырьмя плохо сохранившимися костяными гарпунчиками? (рис. 23 – 9-12) и костяной трубкой (рис. 23 - 13).

Комплекс №7. Кладка овальной кольцевой не замкнутой формы, размером 1,6 x 2,5 м, плоская, 2-слойная (Рис. 22 – 1,2). Во время расчистки конструкции у ее северо-западного края обнаружена бронзовая пластина (подвеска) (Рис. 23 - 18). Она очень тонкая, подпрямоугольной формы с скругленными углами, размером 1,8 x 1,6 см. На пластинке имеется круглое отверстие для крепления. В юго-западной части кладки обнаружены 2 бронзовые пуговицы (Рис. 23 – 19,20) и 2 фрагмента керамики. 1 пуговица сферической формы диаметром 1,9 см с небольшими насечками по краю и с плоской петелькой с обратной стороны; 2-я

пуговица диаметром 1,7 см тоже сферическая с плоской петелькой с обратной стороны. 1 фрагмент венчика от гладкостенного сосуда, украшенный горизонтальным наlepным валиком с пальцевыми защипами и 1 фрагмент дна, возможно, от этого же сосуда. Еще один фрагмент керамики найден в центральной части кладки. Он является венчиком второго гладкостенного сосуда с горизонтальным рядом вдавлений с наружной и внутренней стороны сосуда палочкой с заостренным рабочим концом. Этим же орнаментом произведены вдавления на верхней части венчика.

Комплекс №8. Кладка овальной незамкнутой формы, размером 1,3 x 1,8 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ, плоская 2-слойная (Рис. 24 – 1,2). В северо-восточной части обнаружен 1 фрагмент керамики – венчик от гладкостенного сосуда закрытой формы с горизонтальными рядами овальных наклонных вдавлений палочкой. По верхнему краю венчика нанесены такие же вдавления.

Комплекс №9. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы ориентирована по линии СЗ-ЮВ, размером 1,2 x 1,4 м, глубиной 0,2 м (рис. 25 - 1).

Комплекс №10. Кладка отсутствовала. Яма округлой формы, размером 0,9 x 1,1 м, глубиной 0,2 м. На ее дне обнаружен фрагмент неопределимой кости (рис. 25 - 2).

Комплекс №11. Кладка четырехугольной формы, размером 1,8 x 1,8 м, плоская 1-слойная (Рис. 25 - 3а). Под кладкой располагалась яма овальной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, размером 1,1 x 1,7 м, глубиной 0,35 м (Рис. 25 – 3б). На ее дне обнаружено несколько фрагментов неопределимой кости и 2 фрагмента керамики – 1 венчик от гладкостенного сосуда с наlepом, орнаментированным пальцевыми защипами и 1 фрагмент от тулова гладкостенного сосуда. Возможно, оба фрагмента принадлежали одному сосуду.

Комплекс №12. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы, ориентирована по линии З-В, размером 0,8 x 1,4 м, глубиной 0,25 м (Рис. 26 – 1). На ее дне обнаружено 5 фрагментов черепа человека. Во время расчистки среди камней обнаружен 1 фрагмент тулова гладкостенной керамики.

Комплекс №13. Кладка круглой формы, диаметром 0,65 м, плоская 1-слойная. Контуры ямы четко не прослеживались, ее размеры и форму установить не удалось (Рис. 26 – 2,3). Во время расчистки обнаружен череп человека, глазными впадинами расположен вниз. С ним же найден 1 кварцитовый отщеп.

Комплекс №14. Кладка овальной формы, плотная, ориентирована по линии С–Ю, размером 0,9 х 1,05 м. Плоская, 1-слойная. Археологический материал отсутствовал (рис. 27 - 3).

Комплекс №15. Кладка овальной кольцевой незамкнутой формы, размером 1,1 х 2,1 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, плоская 1-слойная (рис. 26 – 2,3). Сохранилась лишь юго-западная часть конструкции. Перекрытие ямы представлено 1 слоем камней. Во время его расчистки найдены 1 фаланга человека и неопределимый фрагмент кости. Могильная яма вытянутой неправильной формы, размером 0,9 х 2,5 м, глубиной 0,3 м. Ориентирована по азимуту 105°. На ее дне обнаружено: фаланга человека, фрагмент трубчатой кости, 6 неопределенных фрагмента кости, фрагмент железного изделия (Рис. 27 – 1,2).

Комплекс №16. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы, размером 0,8 х 1,7 м, глубиной 0,2 м (Рис. 28 – 1,3). Возле ее северо-западного края найдена железная круглая ременная пряжка очень плохой сохранности (Рис. 28 – 2).

Комплекс №17. Кладка овальной формы, размером 0,9 х 1,6 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ, плоская, 1-слойная (Рис. 29 – 1а). К северо-востоку от основного скопления камней располагалась яма овальной формы, размером 0,9 х 1,3 м, глубиной 0,25 м. Яма до дна заполнена камнями (Рис. 29 – 1б). Археологический материал отсутствовал.

Комплекс №18. Кладка круглой формы, диаметром 1,4 м, плоская, 1-слойная (Рис. 29 – 2а). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 1,15 х 1,8 м, глубиной 0,2 м. Ориентирована по линии С–Ю (Рис. 29 – 2б). Во время раскопок обнаружен 1 фрагмент керамики от венчика гладкостенного сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами вертикальных вдавлений палочкой с плоским рабочим концом. Верхняя часть венчика декорирована этим

же предметом. В результате чего орнамент представлен наклонными вдавлениями.

Комплекс №19 локализовался в 13 м к югу от предыдущих раскопов. Кладка овальной формы размером 2,8 x 4,0 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, плоская 2-слойная (Рис. 30 – 1; Рис. 31 – 1; Рис. 32 - 1). Верхняя часть кладки была частично разрушена, поэтому ее размеры условны. Во время расчистки среди камней кладки, в основном с южной части раскопа, обнаружено 232 фрагмента керамики. Они принадлежали 4 сосудам, которые удалось частично реконструировать.

Первый из сосудов гладкостенный, закрытой формы с венчиком прямой симметричной формы. В 0,5 см от края венчика расположен налепной валик треугольной формы. Тулово сосуда украшает аналогичный налепной треугольный в сечении валик, рассеченный наклонными овальными вдавлениями, имеющими продольные желобки (Рис. 34 – 1).

У второго сосуда венчик овальной внутренне асимметричной формы. В 0,8 см от края венчика сосуд украшен горизонтальными рядами вдавлений палочкой с острым окончанием. Сверху на венчик нанесены вдавления, выполненные большим пальцем левой руки. В результате чего он приобрел волнистую форму (Рис. 34 - 3).

Венчик третьего сосуда овальной внутренне асимметричной формы. У внешнего края венчика расположен треугольный в сечении налеп, деформированный ромбическими вдавлениями треугольными в сечении. Под налепом проходит ряд круглых вдавлений, диаметром 0,4 см, нанесенных палочкой с плоским окончанием. Расстояние между вдавлениями 1,5 см (Рис. 34 - 4).

Четвертый сосуд орнаментирован горизонтальным налепным валиком. На валике прослеживаются следы пальцевых защипов и наклонных овальных вдавлений, имеющих продольные желобки. Судя по орнаментации, первоначально на валик были нанесены вдавления, а потом пальцевые защипы, так как второй мотив перекрывает первый. Под валиком в некоторых местах

прослеживаются следы ромбических (вафельных) оттисков. (Рис. 34 - 2).

В 1 м к востоку от захоронения обнаружен каменный наконечник стрелы и кремневая пластинка. Наконечник треугольной формы с остроугольным острием, прямыми плечиками и небольшим черешком (возможно, обломанным). Длина пера 16 мм, ширина – 9 мм, длина черешка 4 мм. (Рис. 34 – 5,6).

Под кладкой захоронения зафиксировано надмогильное перекрытие, состоящее из плотно уложенных в два слоя камней средних и мелких размеров, причем камни больших размеров находились по контуру перекрытия (Рис. 30 – 2; Рис. 32 - 2). Могильная яма овальной формы, размером 1,0 х 1,5 х 0,25 м ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В ней обнаружен костяк женщины. Кости полностью сохранили анатомический порядок. Погребенная располагалась в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Крестец был придавлен плоским камнем, поэтому колени торчали вверх. Пяточные кости и фаланги пальцев рук и ног отсутствовали (Рис. 30 – 3; Рис. 31 – 2; Рис. 33 – 1,2). Сопроводительный инвентарь в могильной яме не обнаружен.

Комплекс № 20. Кладка округлой формы, диаметром 1,7 м, плоская, 1-слойная. Ее юго-восточная часть из камней мелких размеров, до 0,15х0,1 м. Южная часть кладки разрушена (Рис. 35; Рис. 37). Археологический материал представлен одним фрагментом неопределимой кости.

Комплекс № 21. Кладка находилась в 2 м к северо-западу от кладки №20. Кладка сильно разрушена, читается кольцевая форма диаметром 1,8 м (Рис. 35; Рис. 37). В южной части отмечен 2-й уровень камней (Рис. 36 – 1,2). Под кладкой фиксировалась яма овальной формы, размером 0,75х1,5 м, глубиной 0,15 м. Она ориентирована по линии запад-восток. Археологический материал представлен 3 фрагментами гладкостенной неорнаментированной керамики и 1 кремневым отщепом.

Комплекс № 22. Кладка располагалась в 0,5 м к северо-востоку от комплекса №21. Она овальной формы, размером 2,2х0,8 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ (Рис. 35; Рис. 37). Археологический материал отсутствовал.

Комплекс № 23. Кладка овальной формы, размером 3,5х1,4 м,

ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Плоская, 1-слойная (Рис. 38). Во время расчистки среди камней кладки обнаружено 113 фрагментов керамики. Из них 4 с орнаментом. Под кладкой располагалось надмогильное перекрытие из камней средних (0,45x0,25 мм) и мелких (0,10x0,08 мм) размеров (Рис. 39 – 1,2). Во время расчистки обнаружено 2 фрагмента гладкостенной керамики без орнамента и бронзовая ременная пряжка со сквозным отверстием для продевания ремешка (Рис. 43 – 1).

Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры 2,0x0,6 м, глубиной 0,35 м.

В могильной яме обнаружено не потревоженное захоронение. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-восток. Костяк принадлежал мужчине 25-30 лет (Рис. 40 – 1,2; Рис. 41 – 1,2; Рис.52). Вместе с ним зафиксирован сопроводительный инвентарь: 2 костяных наконечника стрел с расщепленным насадом; бронзовая и железная пуговицы (Рис. 43 – 2-5). Наконечники стрел находились один возле левой бедренной кости, второй возле левой лучевой кости (Рис. 42 – 1). Бронзовая пуговица круглой сферической формы, диаметром 3 см с петелькой с обратной стороны. Она зафиксирована справа от правой лучевой кости. Железная пуговица находилась на груди погребенного, между ребер (Рис. 42 – 2). Она сохранилась частично, ее диаметр 2 см.

По костям погребенного была получена радиоуглеродная дата 2110±40 лет до н.э. (СОАН-8835).

Комплекс № 24. Кладка круглой кольцевой формы, диаметром 2 м, плоская, 1-слойная. Выложена из камней средних (0,30x0,15 м) и мелких (0,15x0,10 м) размеров (Рис. 44 – 1,2; Рис. 52). В южной части зафиксирована каменная бусина синего цвета, диаметром 0,6 см (Рис. 43 – 7).

Комплекс № 25. Кладка овальной формы размером 2,5x1,5 м. Плоская, 2-слойная (Рис. 45 – 1,2; Рис. 46 – 1,2). Она состоит из крупных (0,95x0,35 м) и средних (0,25x0,10 м) камней. Кладка ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Ее юго-западная часть разрушена, камни отсутствуют. Ее северо-восточная сторона

сложена только из камней средних размеров. Во время расчистки в центре кладки отмечено несколько фрагментов неопределимой кости и фрагмент черепа человека. В западной части кладки обнаружен железный нож длиной 14,5 см, шириной 1,5 см с отверстием для крепления (Рис. 43 – 8). Второй слой камней был сосредоточен в северной и центральной части кладки. Во время расчистки среди камней обнаружен фрагмент керамики и несколько неопределимых фрагментов кости.

Могильная яма овальной формы размером 1,10x0,90 м, вытянута по линии СЗ-ЮВ. Погребение разрушено. В первоначальном положении сохранились только кости ног. Судя по ним, погребенный располагался в могильной яме скорченно, на правом боку, головой ориентирован на юго-восток (Рис. 45 – 3; Рис. 47 – 1,2). Сопроводительный инвентарь в яме отсутствовал.

Комплекс № 26. Кладка овальной формы, размером 1,2x0,9 м, плоская, 1-слойная. Она ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В ее юго-восточной части камни отсутствовали (Рис. 38; Рис. 48 – 1,2). Под кладкой зафиксирована яма овальной формы, размером 1,20x0,75 м. Ориентировка ямы совпадает с ориентировкой кладки. На дне ямы отмечено два плоских камня, размерами 0,55x0,30 м (Рис. 49 – 1,2; Рис. 52). Возле камней обнаружена бронзовая пуговица круглой сферической формы с петелькой с обратной стороны. Диаметр изделия 2 см (Рис. 43 – 6).

Комплекс № 27. Располагался в 0,60 м к юго-востоку от комплекса №26. Кладка отсутствовала (Рис. 38). Яма овальной формы размером 1,1x0,60 м, ориентирована по линии С-Ю. Во время расчистки обнаружен фрагмент челюсти животного, 2 фрагмента черепа, фрагменты бедренной и трубчатой кости и 3 фрагмента керамики без орнамента. На дне ямы отмечено 4 плотно уложенных камня. Глубина ямы 0,38 м (Рис. 50 – 1,2; Рис. 52).

Комплекс № 28. Кладка круглой кольцевой формы диаметром 1,3 м. Выложена из камней средних и мелких размеров (Рис. 38). Под кладкой зафиксирована яма овальной формы размером 1,0x0,6 м, ориентирована по линии С-Ю. На дне ямы отмечено 2 вертикально стоящих камня (Рис. 51 – 1,2; Рис. 52). Среди них обнаружен зуб животного и фрагмент трубчатой кости. Глубина ямы

0,35 м.

Комплекс № 30. Кладка кольцевой незамкнутой формы. Камни из северной части полностью отсутствовали. Диаметр кладки 1,8 м (Рис. 53 – 1-3. Во время расчистки обнаружено 112 фрагментов керамики, из них 39 орнаментированные. Яма отсутствовала.

Комплекс № 31. Первоначальную форму и размеры кладки установить сложно, так как она сильно разрушена. Сохранилась южная часть кладки из плотно уложенных камней и полоса камней, примыкающих к южной части с северо-западной стороны, расположенных по линии СЗ-ЮВ. Возможно, изначально кладка была прямоугольной формы, размером 3х2 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ (Рис. 54 – 1,2). Во время расчистки среди камней обнаружено 70 фрагментов керамики, из них 18 с орнаментом и 1 кремневый отщеп. Могильная яма овальной формы размером 2,0х0,75 м, вытянута по линии СЗ-ЮВ. В яме обнаружено не потревоженное погребение. Костяк располагался вытянуто, на спине, головой ориентирован на юго-восток. Кости рук вытянуты вдоль скелета, череп слегка повернут в правую сторону (Рис. 55 – 1,2; Рис. 56). Вместе с костяком в могильной яме обнаружен сопроводительный инвентарь: 4 костяные накладки лука (Рис. 58 – 1-4); 3 костяных наконечника стрел с расщепленным насадом (Рис. 58 – 5-7); 3 железные бабочковидные бляшки (Рис. 59 – 4,6,7); бронзовая бабочковидная бляшка (Рис. 59 – 1); железное кольцо (Рис. 59 – 5); 2 бронзовых кольца (Рис. 59 – 2,3).

Комплекс № 32. Кладка круглой формы, диаметром 2,2 м, плоская, 2-слойная. Располагалась в 1 м к СЗ от комплекса 31 (Рис. 60; Рис. 61; Рис. 63). Во время расчистки среди камней кладки обнаружено несколько фрагментов неопределимой кости. Яма отсутствовала.

Комплекс № 33. Кладка круглой кольцевой формы, диаметром 1,6 м, плоская 1-слойная. Находилась в 0,2 м к СВ от комплекса 32 (Рис. 60). В северо-восточной и западной частях кладки камни частично отсутствовали. Во время расчистки обнаружено 4 фрагмента керамики без орнамента и фрагмент челюсти животного. В процессе снятия камней было отмечено пятно, по размеру больше,

чем оставшаяся часть кладки. Его размеры 3х1,8 м, вытянуто по линии СЗ-ЮВ (Рис. 61). Юго-восточная часть ямы заполнена скоплением камней мелких размеров. С юго-запада от ямы, на границе с комплексом 32, во время расчистки обнаружен череп человека, 2 ребра, позвонок, лучевая и плечевая кость. Судя по всему, кости были выброшены из могильной ямы во время ее разграбления (Рис. 62 – 1,2; Рис. 63).

Комплекс № 34 с юго-восточной стороны примыкал к комплексу № 33. Кладка ориентирована по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-слойная. Конструкция овальной формы размером 2,6х1,5 м (Рис. 64 – 1,2). Материал представлен несколькими фрагментами неопределимой кости и четырьмя фрагментами гладкостенной керамики без орнамента.

Разрушение большей части искусственных сооружений Цаган-Хушун II «а» не позволяет провести достаточно четкую дифференциацию между поминальными и погребальными комплексами. Не во всех раскопанных ямах обнаружены человеческие останки. Это свидетельствует о том, что яма либо не была могильной, либо кости погребенного извлечены из нее во время разграбления. Поэтому к числу поминальных комплексов, прежде всего, отнесены те сооружения, под кладками которых отсутствовали ямы.

Участок «b» могильника Цаган-Хушун II приурочен к северной из микролощин, расположенных в восточной части мыса Цаган-Хушун. Ее длина около 60 м, ширина 15-20 м. Северо-восточный конец микролощины выходит к скальному обрыву, спускающемуся к Байкалу, а юго-западный упирается в холм, находящийся в южной части полуострова. С северо-запада микролощина ограничена скальной грядой, являющейся продолжением холма. С юго-востока и юга ее окаймляют гряды скальных выходов. Общая вскрытая площадь на участке «b» составила 282 кв.м. (Рис. 65).

Всего на участке «b» расчищено 28 каменных кладок и 27 ям. Если кладку можно было соотнести с одной из ям, то они обозначались единым номером. Под кладками комплексов №№ 8 и 9 ямы не обнаружены. Над ямами комплексов №№ 6, 20-22 не были выявлены каменные конструкции. В 19 ямах могильника

обнаружены человеческие кости, в 17 комплексах найдены артефакты. В яме комплекса № 4 находилось не потревоженное погребение.

Комплекс №1. Кладка овальной контурной формы, размером 1,5 х 3,1 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-слойная (Рис. 66). Под кладкой располагалась яма яйцевидной формы, размером 1,0 х 1,6 м, глубиной 0,3 м. (Рис. 67). К юго-западу от кладки обнаружены фрагменты керамики с оттисками шнура с внешней стороны, орнаментированные несколькими горизонтальными рядами круглых вдавлений. Ниже вдавлений располагается зигзагообразный орнамент, сделанный двумя параллельными прочерченными линиями (Рис. 68). К западу от кладки найдена бронзовая ременная пряжка, размером 2,9 х 2,2 см со шпеньком для крепления ремня (Рис. 73 - 9).

Комплекс №2. Кладка овальной незамкнутой формы, размером 1,7 х 2,6 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-слойная (Рис. 66). Под кладкой располагалась яма яйцевидной формы, размером 0,90 х 1,85 м, глубиной 0,36 м. На дне ямы найдены фрагменты человеческого черепа (Рис. 67).

Комплекс №3. Кладка овальная неплотная, размером 1,15 х 1,25 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ, плоская, 1-слойная (Рис. 66). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,55 х 0,74 м, глубиной 0,18 м. На дне ямы найдена бедренная кость человека (Рис. 67).

Комплекс №4. Кладка четырехугольной формы, размером 1,4 х 1,7 м. Камни уложены неплотно, в 1 слой. Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,7х1,5 м, глубиной 0,4 м ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Перекрытие ямы представлено однослойной каменной кладкой (Рис. 70 - 3). Под камнями надмогильного перекрытия зафиксировано внутримогильное перекрытие, состоящее из трех продольно уложенных жердей диаметром 8 см. Их края опирались на небольшие уступы, имевшиеся в поперечных стенках ямы (Рис. 70 - 4). На дне могильной ямы обнаружен костяк женщины (adultus) (Рис. 71 – 1,2; Рис. 72). Дно ямы прямоугольной формы, размером 1,5х 0,7 м.

Погребенная располагалась на правом боку, с согнутыми в коленях ногами,

ориентирована головой по линии с азимутом 115°. Руки умершей скрещены в нижней части груди, кисти опущены вниз. У северной стенки ямы напротив тазовых костей найдены железный петельчатый нож, развернутый острием на юго-восток (Рис. 73 - 1), ложечковидная подвеска (застежка), ориентированная округлой частью на север (Рис. 73 - 4), и железные обоймы (Рис. 73 – 7,10). В районе тазовых костей обнаружена железная трубка (Рис. 73 - 11), трапециевидная пряжка из бронзы (Рис. 73 - 9) и железное шило с кольцевым навершием (Рис. 73 - 2). У левого суставного отростка нижней челюсти найдена позолоченная бронзовая серьга, крепившаяся к левому уху (Рис. 73 - 13). Вдоль нижней челюсти располагалось 22 бусины, составлявшие нить, в центре которой находилась бронзовая подвеска с изображением рогатого животного. Диаметр изделия 3,2 см. Изображение животного (предположительно барана) заключено в круг диаметром 2 см в центре подвески. Четко прослеживаются витые рога, морда, тело обозначено насечками, по всей видимости, имитирующими шкуру животного. По краю подвеска выделена ободком. В его противоположных сторонах имеются сквозные отверстия для крепления диаметром 3 мм (Рис. 73 - 3). Ближе к подвеске располагались круглые сердоликовые бусы янтарного цвета, за ними следовали шестигранные сердоликовые бусы, шестигранные бусины из сургучно-красной яшмы, уплощенные шестигранные сердоликовые бусины и белые круглые пастовые бусины, покрытые сверху в несколько слоев клеевой корочкой⁴ (Рис. 74 – 6-15). Под тазом погребенной найдены две железные сферические пуговицы и две ложечковидные подвески из бронзы (Рис. 73 – 5,6). К югу от локтевого сустава правой руки найдены остатки кожаного пояса, на который с помощью кожаных ремешков крепились три трапециевидные ступенчатые пряжки из бронзы. Их размеры 6 x 4 см. Толщина прута 5 мм. Орнамент создается 2 ступеньками, симметрично расположенными по краям (Рис. 74 – 1-3). К одной из пряжек на витом ремне подвешено бронзовое кольцо диаметром 3,9 см (Рис. 74 - 4). Еще два кольца – железное (Рис. 74 – 5) и бронзовое, располагались между бронзовыми рамками. Под кистью правой руки

⁴ Минералогический состав бус определен минерологом ГФУ ГП Иркутскгеология Божиной Еленой Александровной

найдена бронзовая четырехугольная поясная пластина, прикреплявшаяся к левой стороне пояса с помощью кожаного ремешка, который продевался через два круглых отверстия, расположенных с узкого края предмета (Рис. 73 - 12).

Комплекс №5. Кладка прямоугольной контурной формы, размером 1,55 x 3,0 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВВ. Камни располагаются неплотно в 1 слой (Рис. 69). Под кладкой находилась яма овальной формы, размером 0,8 x 1,6 м, глубиной 0,3 м. Перекрытие ямы представлено однослойной каменной кладкой (Рис. 70 - 1). В могильной яме под кладкой найдена бронзовая ажурная поясная пластина с изображением змей (Рис. 74 - 16), фрагменты длинных костей человека.

Комплекс №6. Кладка отсутствовала. Яма круглой формы, диаметром 0,2 м, глубиной 0,15 м (Рис. 69). На дне ямы найдены нижняя челюсть и фрагменты длинных костей человека (Рис. 70 - 3).

Комплекс №7. Кладка овальной контурной формы, размером 2,4 x 3,0 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-слойная. (Рис. 69). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,85 x 1,50 м, глубиной 0,55 м. На дне ямы найдена кость руки человека (Рис. 70 - 2).

Комплекс №8. Кладка овальной контурной формы, размером 1,1 x 2,0 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ, плоская, 1-слойная (Рис. 75 - 1). Яма отсутствует. К северо-востоку от кладки обнаружены фрагменты гладкостенного сосуда, орнаментированного треугольным налепным валиком. Валик и венчик сосуда рассечены поперечными вдавлениями. Еще один ряд вдавлений, сделанный заостренным предметом, располагается между венчиком и валиком. (Рис. 75 - 2).

Комплекс №9. Кладка овальной контурной формы, размером 1,3 x 1,5 м, плоская, 1-слойная, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Состоит из разрозненных камней. (Рис. 76). В северной части кладки найдена кость руки человека, в юго-западной части – обломок железного кельта (Рис. 78 - 6). Яма отсутствовала.

Комплекс №10. Кладка треугольная, размером 1,7 x 1,8 м, плоская, 1-

слойная (Рис. 76). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,55 х 1,15 м, глубиной 0,15 м, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Перекрытие ямы представлено однослойной каменной кладкой (Рис. 78 - 1).

Комплекс №11. Кладка круглой формы, диаметром 3,2 м, плоская, 1-слойная (Рис. 76). В юго-западной части кладки найден железный черешковый нож. Его длина составляет 11 см, ширина 0,11-0,14 см. (Рис. 78 - 5). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,75 х 1,20 м, глубиной 0,3 м (Рис. 78 – 2).

Комплекс №12. Кладка прямоугольной формы, размером 1,5 х 1,8 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. (Рис. 77). В 40 см к юго-востоку от кладки на глубине 9 см от поверхности земли обнаружен сегмент кремневой пластины (Рис. 78 – 7). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,6 х 1,0 м, глубиной 0,3 м. До самого дна яма заполнена камнями (Рис. 78 - 3).

Комплекс №13. Кладка прямоугольной контурной формы, размером 1,2 х 1,8 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (Рис. 77). Под кладкой располагалась яма прямоугольной формы, размером 0,65 х 0,85 м, глубиной 0,3 м.

Комплекс №14. Кладка прямоугольная, с крупными камнями по периметру, размером 2,0 х 3,1 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 77). К юго-востоку от кладки обнаружены фрагменты сосуда с плоским дном и ромбовидными отпечатками с внешней стороны. Венчик сосуда с внешней стороны украшен налепным валиком, рассеченным вертикальными вдавлениями (Рис. 78 - 8). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 1,0 х 1,6 м, глубиной 0,4 м. Перекрытие ямы представлено однослойной каменной кладкой. В яме найдены две пяточные кости и фаланга человека (Рис. 78 - 4).

Комплекс №15. Кладка прямоугольная, размером 2,0 х 2,0 м, с крупными камнями по периметру, 1-2-слойная, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В центре конструкции камни отсутствовали (Рис. 79 - 1). Размеры свободного от камней

пространства 0,5 x 1,2 м. Кладка сложена из мелких (размером от 8 x 15 см до 36 x 40 см) камней и крупных каменных блоков (размером до 80 x 100 x 34 см), образующих периметр конструкции. С южной стороны кладка разрушена грабителями. Под кладкой располагалась яма грушевидной формы, размером 0,9 x 1,4 м и глубиной 0,35 м, ориентированная по линии с азимутом 170° (Рис. 79 - 2). Южная и восточная стенки ямы практически вертикальные. Северо-западная, северная и юго-западная стенки сильно наклонены наружу, образуя плавный спуск в яму.

Комплекс №16. Кладка овальной контурной формы, размером 2,3 x 2,5 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 80). Под кладкой располагалась яма яйцевидной формы, размером 1,15 x 1,30 м, глубиной 0,4-0,5 (Рис. 81 – 1). В средней части ямы располагаются отдельные камни. В яме обнаружены: фрагменты черепа человека, ребра, позвонки, фаланги, пяточная кость, костяная поясная пряжка и отщеп из кварцита (Рис. 81 – 2).

Комплекс №17. Кладка удлиненной формы, размером 0,5 x 1,4 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Состоит из уложенных в 1-3 ряда камней (Рис. 80). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,85 x 1,4 м, глубиной 0,4 м. В яме найдены фрагменты костей рук, две фаланги и коленная чашечка человека.

Комплекс №18. Кладка овальной формы, размером 1,0 x 1,7 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, плоская, 1-2-слойная (Рис. 82 – 1). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,55 x 1,45 м, глубиной 0,3 м. Верхняя и средняя часть ямы перекрывалась 2 слоями камней, уложенных плашмя (Рис. 83 – 2,4). На дне ямы, в юго-восточной части, найдены: шейный позвонок; нижняя челюсть женщины *adultus* (Рис. 82 – 3); кольцо из железа, диаметром 6,5 см и толщиной 0,4-0,5 см (Рис. 83 - 1); костяные наконечники стрел с расщепленным насадом (Рис. 84 - 1-6; Рис. 86 - 2); бронзовая пряжка с изображением головы быка (Рис. 83 - 2); части прибора для добывания огня (Рис. 83 - 4); костяная полая внутри трубка длиной 3 см, диаметром 1,5-2,0 см (Рис. 83 - б); костяная застежка (Рис. 83 - 5); костяной цилиндр длиной 2 см, диаметром 1,7

см (Рис. 83 - 8) и обломок костяного изделия (Рис. 83 – 7). В западной части ямы найдены кольцо из серого аргиллита, диаметром 7,3 см (Рис. 83 - 3) и кольцо из кости, диаметром 3 см (Рис. 83 - 9).

Костяные наконечники стрел по своему виду они относятся к нескольким группам и типам: 1 овальный, удлинённо-треугольный; 2 линзовидно-эллипсоидных; 2 линзовидно-треугольных; 1 четырехугольный, удлинённо-эллипсоидный; 1 ромбический, удлинённо-эллипсоидный. Так как четко заданные стандарты при изготовлении наконечников не выдерживались, то в некоторых случаях бывает сложно определить к какому типу или даже группе они относятся. Поэтому разделение наконечников с Цаган-Хушун II на удлинённо-ромбические и удлинённо-эллипсоидные выглядит достаточно условным.

Комплекс №19. Кладка овальной контурной формы, размером 1,3 x 2,0 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, плоская, 1-слойная (Рис. 85). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,8 x 1,3 м, глубиной 0,4-0,5 м. В средней части ямы отмечено скопление камней, между которыми находилась бедренная кость человека (Рис. 86 - 1). На дне ямы найдены человеческие эпифизы и костяной наконечник стрелы (Рис. 84 - 7).

Комплекс №20. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы, размером 1,0 x 1,7 м, глубиной 0,5-0,6 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. В верхней части ямы располагается 1-2-слойное перекрытие из камней (Рис. 85). Среди камней найдены кости рук человека, пяточные кости, фаланги и фрагмент черепа. В нижней части ямы обнаружен фрагмент человеческого черепа, кость руки, фаланга, коленная чашечка (Рис. 86 - 2).

Комплекс №21. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы, размером 0,7 x 1,3 м, глубиной 0,3-0,4 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ (Рис. 85). В яме обнаружены две человеческие фаланги и зуб, а также костяная накладка.

Комплекс №22. Кладка четырехугольной формы, размером 2,0 x 2,5 м, камни уложены разрозненно в 1 слой (Рис. 87; Рис. 88 - 1). Во время расчистки комплекса обнаружены фрагменты гладкостенной керамики и красная граненая

бусина (Рис. 89 – 7). Керамика представлена 1 фрагментом венчика с треугольным налепным валиком, орнаментированным пальцевыми защипами (Рис. 89 - 3), 1 фрагментом дна и 10 неорнаментированными фрагментами тулова сосуда. Яма отсутствовала.

Комплекс №23. Кладка овальной контурной формы размером 1,0 х 2,2 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, плоская 1-2-слойная (Рис. 87). Среди камней во время расчистки в северо-западном углу кладки обнаружена бедренная кость человека (Рис. 88 - 1). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,85 х 1,9 м, глубиной 0,82 м. В могильной яме находились: ключица, ребра, лопатка, позвонки, локтевая, тазовая, плюсневая и лучевая кости, крестец (Рис. 88 – 2,3; Рис. 89 - 1). Артефакты представлены бронзовой сферической пуговицей, диаметром 2 см с петелькой с внутренней стороны (Рис. 89 - 5), железной трубкой (Рис. 89 - 6), бронзовой пряжкой со шпеньком для крепления ремня (размер 3,7 х 2,4 см) (Рис. 89 - 4), двумя железными пуговицами (Рис. 89 – 8,9) и 1 неорнаментированным фрагментом керамики от тулова гладкостенного сосуда.

Комплекс №24. Кладка овальной контурной формы размером 1,1 х 2,2 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, плоская 1-2-слойная (Рис. 87; Рис. 88 - 2). Среди камней во время расчистки в западной части кладки обнаружен фрагмент черепа. Под кладкой располагалась яма округлой формы, размером 0,85 х 1,0 м, глубиной 0,72 м. В могильной яме также найден фрагмент черепа человека (Рис. 89 - 2).

Комплекс №25. Кладка круглой формы диаметром 1,4 м, плоская, 1-2-слойная. В центральной части конструкции уложены камни крупных размеров, по контуру кладки располагаются средние и мелкие камни (Рис. 90 – 1а). В северо-восточной части кладки обнаружена кремневая пластина. Под кладкой располагалась яма яйцевидной формы, размером 0,85 х 1,1 м, глубиной 0,25 м. В могильной яме найдены кости ног человека (Рис. 90 – 1б).

Комплекс №26. Кладка треугольной формы размером 1,35 х 1,8 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток (Рис. 90 – 2а). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,6 х 0,9 м, глубиной 0,2 м (Рис. 90 – 2б). В могильной яме обнаружен фрагмент трубчатой кости, две

бронзовые пуговицы диаметрами по 2 см с петельками с обратной стороны (Рис. 89 – 11,12), обломок изделия из железа (Рис. 89 - 10). Во время расчистки комплекса также обнаружено 3 неорнаментированные фрагмента от тулова гладкостенного сосуда.

Комплекс №27. Кладка овальной формы размером 0,8 x 1,6 м, плоская, 1-слойная, ориентирована по линии ЮЗ–СВ (Рис. 91 - 1). Яма овальной формы, размером 0,75 x 1,35 м, глубиной 0,6 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Она до середины заполнена камнями (Рис. 91 – 2-4). В могильной яме обнаружены две пяточные кости человека и железный нож длиной 6 см, шириной 1,2 см (Рис. 89 - 13). Во время расчистки комплекса среди камней обнаружен 1 неорнаментированный фрагмент керамики от тулова гладкостенного сосуда.

Комплекс №28. Кладка четырехугольной контурной формы размером 3,2 x 3,6 м, плоская, 1-2-слойная, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 92- 1). Во время расчистки кладки обнаружено 7 неорнаментированных фрагментов керамики от тулова гладкостенного сосуда. Яма овальной формы, размером 0,8 x 1,4 м, глубиной 0,68 м (Рис. 92 – 2-4). В яме зафиксированы останки человека: бедренная кость, позвонок, две фаланги, ключица, лопатка и фрагмент ребра человека.

На памятнике зафиксировано два типа погребального обряда – елгинский (погребение 19 участка «а» и захоронение 4 участка «б») и бутухейский (могилы №№ 23 и 31 на участке «а»). Судя по радиоуглеродным датам, формирование памятника проходило с юга север. Сначала усопших хоронили на участке «а», о чем свидетельствуют более ранние погребения бутухейского типа, а потом на участке «б», где встречены погребения только елгинского типа.

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗ. БАЙКАЛ

Байкальское VII

Памятник расположен в 0,45 км к северо-востоку от с. Байкальское, в юго-западной части мыса Лударь, на небольшой выположенной площадке, северо-

восточная часть которой поросла сосновым лесом. Высота площадки над уровнем озера Байкал 45 - 50 метров (Рис. 93; Рис. 94).

Погребально-поминальный комплекс Байкальское VII открыт в 1988 г. сотрудниками Иркутского государственного университета А.В. Харинским и М.А. Зайцевым. В 1995 г. на месте одной из искусственных каменных кладок (№1) заложен раскоп 4 x 5 м, ориентированный длинными стенками по линии северо-запад – юго-восток. Кладка округлой кольцевой формы, размером 3,2 x 3,7 м. Большая часть камней сосредоточена по периметру конструкции и образует кольцо (Рис. 95 – 1). Под кладкой зафиксирована яма, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. Она округлой формы размером 0,7 x 1,5 м и глубиной 0,25 м. В верхней и средней части ямы обнаружены каменные плиты перекрытия, уложенные в два слоя. Над юго-восточной частью перекрытия, на глубине 9 см от поверхности земли, найден фрагмент рога благородного оленя. На дне ямы обнаружены фрагменты костей животных и древесные угли (Рис. 95 – 2). У юго-восточной оконечности каменной кладки, на глубине 10-12 см, найдены остатки сосуда с оттисками шнура с внешней стороны стенок. Венчик округлый, отогнутый наружу. По его внешнему краю проходит ряд овальных вдавлений («личиночный» орнамент). Диаметр венчика 19,5 см. Под ним фиксируется ряд круглых вдавлений. В верхней части тулова сосуд украшен двумя зигзагообразными налепными валиками. От них в некоторых местах отходят узкие подмазочные валики (Рис. 95 - 3). Так как комплекс №1 включал в себя такие признаки, как: искусственная каменная кладка, наличие инвентаря и отсутствие останков погребенного, он был интерпретирован как поминальная конструкция (Харинский, 1996).

Раскопки на памятнике Байкальское VII были продолжены в 2006 г. А.М. Коростелевым (Коростелев, 2010а). На месте предполагаемой искусственной кладки №2, в 2 м к юго-востоку от комплекса №1 заложен раскоп размером 4 x 5 м (Рис. 96 – 1). Комплекс №2 ограблен в древности, так как камни надмогильной кладки разбросаны. При расчистке комплекса среди камней кладки обнаружено 492 фрагмента керамики, бронзовая поясная пластина (Рис. 97 - 1) и железное

изделие (Рис. 97 - 2). Под кладкой находилась могильная яма. На ее дне хаотично располагались кости благородного оленя и человеческие останки (Рис. 96 - 2). Железное изделие было обнаружено у северной стенки комплекса №2, на глубине 5 см от современной поверхности земли в подперновом слое. Предмет имеет форму разорванного кольца с сужающимися концами, диаметром 3,8 см, толщиной 0,3 см, и, вероятно, использовался как наконечник. Бронзовая поясная пластина найдена между камнями кладки №2 во время ее расчистки. Скорее всего, на поверхность она попала в результате разграбления могильной ямы. Изделие имеет прямоугольную форму, размером 12 x 5,5 см, толщина – 0,3 см. Пластина литая, внутри имеет два ряда зигзагообразных отверстий. В верхнем и нижнем левом углах на рамке пластины прослеживаются изображения голов грифонов. Изображения нечеткие. Вероятно, это результат многократного копирования изделия (Рис. 97 - 1).

Фрагменты керамики, обнаруженные во время расчистки надмогильной кладки, относятся к 4 сосудам. Сосуд № 1 с ромбическими оттисками по внешней поверхности тулова (вафельный орнамент). Фрагмент украшен в верхней части треугольным в сечении налепом, деформированным вертикальными вдавлениями остроконечного орнамента. Под налепом проходит горизонтальный ряд круглых вдавлений. Тулово сосуда украшает налепной валик, рассеченный тем же орнаментом, что и налеп (Рис. 97 - 3). Второй сосуд гладкостенный, орнаментирован круглыми конусовидными вдавлениями и прочерченным зигзагообразным орнаментом (Рис. 97 - 5). Сосуды №№ 3 и 4 с оттисками шнура (Рис. 97 – 4,6). Фрагменты украшены в верхней части треугольными в сечении налепами, деформированными пальцевыми защипами. Под налепами проходит горизонтальный ряд круглых вдавлений. Тулово первого сосуда орнаментировано треугольным горизонтальным налепным валиком, деформированным пальцевыми защипами (Коростелев, 2010б).

Человеческие кости, обнаруженные в могильной яме комплекса №2, не сохранили анатомический порядок, поэтому установить положение и ориентировку погребенного не представляется возможным. Однако датировка

комплекса №2 рубежом эр позволяет сопоставить захоронение с двумя погребальными традициями, существовавшими в это время на территории Предбайкалья - бутухейской и елгинской.

Раскопанный на памятнике Байкальское VII комплекс №2, скорее всего, можно соотнести с елгинской погребальной традицией. На это указывает бронзовая поясная пластина. Подобные вещи обнаружены именно в елгинских погребениях: в могиле №4 Могильника №2 Куркутского комплекса, при раскопках погребения №5 могильника Цаган-Хушун II. Подтверждает этот возраст и радиоуглеродная дата, полученная по останкам погребенного - 2160 ± 100 л.н. (СОАН-6584), что с учетом калибровки соответствует 377-54 гг. до н.э.

Для детального обследования и выявления границ памятника, а также поиска захоронений, в полевой период 2009 г. А.М. Коростелевым на Байкальском VII было решено расширить раскоп №1 (1995 г.) в северо-восточном и южном направлении. С юго-восточной стороны к вскрытой площади примыкал раскоп №2 (2006 г.), ставший составной частью расширенного раскопа №1. Таким образом, общая вскрытая на памятнике Байкальское VII площадь составила 96 м². (Рис. 98). В результате проведенных работ обнаружено 544 фрагмента керамики. Также в раскопе найдено несколько фрагментов человеческого черепа, костные останки животных и фрагменты неопределимой жженой кости. Следов надмогильных конструкций не зафиксировано.

Вся керамика, обнаруженная при раскопках памятника Байкальское VII в 2009 г., представлена фрагментами преимущественно тулова от разных сосудов (Рис. 99 – 7,9). Также обнаружены фрагменты венчиков от нескольких сосудов (Рис. 99 – 1-6; Рис. 100 – 1-7) и фрагменты от двух поддонов (Рис. 99 – 8,10). Фрагменты дна не зафиксированы. Керамика найдена во всех частях раскопа, кроме южной. Некоторые из фрагментов удалось апплицировать и проследить формы сосудов и их орнаментацию. Керамика с археологического комплекса Байкальское VII представлена двумя типами: гладкостенная и с оттисками шнура по внешней поверхности. Практически все сосуды орнаментированы, исключение

составляет один гладкостенный сосуд из юго-западной части раскопа (Korostelev, 2011).

Байкальское XXVII

Памятник Байкальское XXVII расположен в 0,2 км к северу от с. Байкальское (Рис. 93; Рис. 101). Объект открыт в 1964 г. Л.П. Хлобыстиным. На южном пологом склоне горы, находящейся к северу от села, им отмечено две кольцевые каменные кладки (Хлобыстин, 1965). В 1988 г. М.А. Зайцевым вскрыта одна из кладок - №1 (Рис. 102 – 1). Под ней обнаружены фрагменты гладкостенного сосуда, украшенного горизонтальными и вертикальными рядами налепных валиков, рассеченных поперечными треугольными в сечении вдавлениями (Рис. 102 - 2). С 1996 по 2000 гг. А.В. Харинским, помимо уже известных кладок, зафиксировано еще 10 искусственных каменных сооружений. Одна кладка (№2) вскрыта в 1996 г. (Харинский, 1997). В 1999-2000 гг. исследовано семь кладок (№№ 3-5, 8-11). Работы продолжились А.М. Коростелевым в 2003 году (Коростелев, 2004). На объекте выявлено еще 3 искусственных каменных конструкции и вскрыто в полевой сезон 6 кладок (№№ 6, 7, 12-15).

Искусственные каменные кладки Байкальского XXVII являлись частью археологических комплексов погребального или поминального назначения. Первые из них включали человеческие кости, сопроводительный инвентарь и следы погребального обряда. Вторые содержали остатки ритуальных действий, связанных, вероятно, с поминанием умерших. В поминальниках отсутствовали человеческие останки, но мог присутствовать инвентарь. Большая часть археологических комплексов памятника является поминальниками (№№ 1, 4-7, 9, 10, 13-15). Кладка №3, изначально воспринимавшаяся как искусственное каменное сооружение, на самом деле оказалась юго-восточной частью кладки №4, поэтому она не вошла в перечень поминальников. Останки человеческих костей в могильных ямах отмечены под четырьмя кладками (№№ 2, 8, 11, 12).

Комплекс №1. Кладка кольцевой формы диаметром 4 м. (Рис. 102 - 1) В

центре отмечено скопление углей, а в юго-восточной части остатки сосуда, украшенного узкими горизонтальными и вертикальными налипными валиками. Венчик округлый, диаметром 21 см. (Рис. 102 - 2).

Комплекс №2. Надмогильная кладка овальной формы, размером 2,5 x 5 м, ориентирована длинной осью по линии запад-восток (Рис. 103 – 1-3). При расчистке кладки найдены остатки керамического сосуда, покрытого снаружи ромбическими оттисками и украшенного горизонтальным налипным рассеченным вдавлением валиком (Рис. 105 - 8). Также среди камней кладки обнаружены две бронзовые ложечковидные подвески ремня (Рис. 105 – 3,4), бронзовый нож (Рис. 105 - 1) и железный трехлопастной наконечник стрелы (Рис. 105 - 7). Под кладкой отмечена могильная яма размером 0,65 x 1,60 м, глубиной 0,60 м. (Рис. 104 – 1,2). Она овальной формы и ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. В верхней части ямы располагалось надмогильное перекрытие, образованное разрозненным скоплением камней. На дне ямы обнаружено несколько зубов, ребра, тазовые и плюсневые кости взрослого человека. Судя по их расположению, погребенный был уложен на восток. Захоронение разрушено в древности, поэтому полностью восстановить погребальный ритуал не удалось, но, судя по небольшой длине могильной ямы, можно предположить, что умерший был погребен с подогнутыми ногами. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовой сферической пуговицей диаметром 2,6 см с петелькой с обратной стороны (Рис. 105 - 6), бронзовой бляшкой с изображением рогатого животного (Рис. 105 - 2) и костяным упором для сверла, являющимся верхней частью прибора для добывания огня трением (Рис. 105 - 5).

Комплекс №4. Кладка кольцевой формы, диаметром 3,5 м (Рис. 106). Во время расчистки среди камней кладки обнаружен фрагмент плоскодонного сосуда. Под кладкой зафиксирована овальная яма размером 0,7 x 1,2 м и глубиной 0,4 м. Яма ориентирована по линии запад-восток и была заполнена камнями (Рис. 107 - 1).

Комплекс №5. Кладка кольцевой формы, диаметром 3,5 м. (Рис. 107 – 2). В северо-восточной части кладки найдены остатки сосуда, орнаментированного

горизонтальными налипными валиками с пальцевыми защипами (Рис. 108 - 3). Под кладкой зафиксирована овальная яма размером 1,1 x 1,5 м и глубиной 0,5 м. Яма ориентирована по линии запад-восток и была заполнена камнями (Рис. 108 – 1,2).

Комплекс №6. Кладка кольцевой формы, диаметром 3,5м. (Рис. 109 – 1,2). Под ней обнаружен венчик сосуда овальный в сечении. С внешней стороны он украшен налипным валиком, деформированным косым орнаментом с формой рабочего конца в виде «ласточкиного хвоста». Под налипным валиком расположен горизонтальный ряд круглых вдавлений (Рис. 110 - 2).

Также под кладкой к юго-западу от ее центра в неглубокой яме вверх дном располагался глиняный плоскодонный сосуд. Его венчик сильно отогнут, треугольный в сечении. Шейка сосуда декорирована прочерченным зигзагообразным орнаментом. Он заключен между прочерченными горизонтальными линиями. По всей части тулова украшен вертикальными полосами с небольшим наклоном в правую сторону. По центру тулова сосуда полосы заглажены, а в верхней и нижней части они выражены ярче (Рис. 110 - 3).

Под кладкой зафиксирована овальная яма, размером 0,85 x 1,2 м, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Яма заполнена бурой супесью с линзами угля (Рис. 110 - 1).

Комплекс №7. Кладка кольцевой формы диаметром 2 м. (Рис. 111 – 1-3). Во время расчистки кладки обнаружены фрагменты сосуда, украшенные налипными горизонтальными валиками, рассеченными треугольными в сечении вдавлениями. (Рис. 112 - 3). Под кладкой прослеживалась яма овальной формы, размером 0,7 x 1,2 м и ориентированная по линии запад-восток. Яма заполнена камнями (Рис. 112 – 1,2).

Комплекс №8. Кладка однослойная, овальной формы размером 2,4 x 3,8 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 113 - 1). Размер могильной ямы 0,60 x 1,95 м, глубина 0,35 м. (Рис. 114 – 1,2). Над ней находилось перекрытие из камней (Рис. 113 – 2). Яма ориентирована аналогично надмогильной кладке. В СЗ части ямы сохранились кости стоп погребенного (Рис.

114 – 1,2). Сопроводительный инвентарь погребения представлен фрагментами керамики, украшенными двумя горизонтальными налипными валиками (Рис. 113 - 3); бронзовым ножом длиной 16 см с обломанным концом, односторонней заточки с каплевидным отверстием в рукояти (Рис. 113 - 4); пастовой бусиной (Рис. 114 - 4); бронзовым крестовидным трубчатым предметом – распределителем ремня, овальным в сечении. Его размеры 2,2 x 2,2 см. Внутри имеются остатки кожаных ремней (Рис. 114 - 3).

Комплекс №9. Кладка кольцевой формы, диаметром 2,8 м. (Рис. 115 - 1). Под кладкой зафиксирована овальная яма размером 0,7 x 1,1 м и глубиной 0,35 м. На ее дне зафиксированы древесные угли (Рис. 115 – 2,3).

Кладка № 10 шатрового типа, размерами 1,7 x 2,6 м, высотой 0,6 м, вытянута по линии север-юг (Рис. 116 – 1-3). Под кладкой не было обнаружено следов захоронения. Возле кладки найден фрагмент керамики, украшенный налипным горизонтальным валиком.

Комплекс №11. Кладка прямоугольной формы, размером 2,1 x 3,0 м, вытянута по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 117 - 1). Под кладкой отмечена могильная яма, размером 0,5 x 1,9 м, глубиной 0,35 м. (Рис. 117 – 2,3). Сохранились отдельные кости рук и ног погребенного. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Комплекс №12. Кладка овальной формы, размером 4 x 2 м, ориентирована по линии запад - восток. Конструкция сплошная, выложена по краю крупными камнями, в центре заполнена мелкими (Рис. 118 – 1,2). Под кладкой обнаружена бронзовая пуговица сферической формы, находившаяся петелькой вверх. Пуговица литая, диаметром 2,7 см. Ее внешняя сторона орнаментирована ободком и насечками по краю (Рис. 119 - 7). С обратной стороны имеется дугообразная петелька для крепления. В двух метрах к югу от пуговицы обнаружены 2 кремневые пластины и 2 бусины из камня (Рис. 119 – 3-6). В 180 см к северо-востоку от пластины зафиксированы две пуговицы сферической формы, вылитые из бронзы, с дугообразной петелькой с внутренней стороны. Они украшены так же, как и первая пуговица, ободком и насечками по краю. Эти две пуговицы в

виде стилизованной головы птицы. Глаза и рот птицы изображены сквозными отверстиями. Неглубокими линиями обозначена треугольная форма клюва. На одной из пуговиц сохранились остатки кожи, к которой прикреплялась, собственно, сама пуговица (Рис. 119 – 8,9). Диаметр пуговиц 2,5 см. Такие предметы с изображением головы птицы впервые встречены на всем побережье Байкала.

Под кладкой зафиксированы две ямы, забутованные камнями, заполненные черной супесью с углями (Рис. 119 – 1,2). Первая яма овальная в плане, ориентированная по линии запад-восток. Ее размеры 2,5 х 0,8 м. В ней обнаружена плечевая кость и человеческий зуб. Вторая яма круглой формы, диаметром 1 м. В ней найдены мелкие фрагменты кости.

Комплекс №13. Кладка зафиксирована в 0,70 м к юго-западу от кладки №6. Она овальной формы, размером 0,8 х 2,0 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. (Рис. 120 – 1). Под кладкой прослеживалась яма овальной формы, размером 1,0 х 0,75 м, ориентированная по линии запад-восток (Рис. 120 – 2-4). Археологический материал отсутствовал.

Комплекс №14. Кладка находилась в 0,30 м к югу от кладки №12. Конструкция кольцевой формы, диаметром 1,3 м (Рис. 121- 1а). В центре кладки зафиксированы две круглые гальки диаметром 0,30 м. Под кладкой прослеживалась яма овальной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, размером 0,9 х 0,4 м. (Рис. 121 – 1б). Материал отсутствовал.

Комплекс №15. Кладка овальной формы, размером 0,6 х 1,0 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ (Рис. 121 – 2а). Во время расчистки обнаружена бронзовая сферическая пуговица (Рис. 121 – 2б). Пуговица неправильной формы с округлыми очертаниями, диаметром 1,8 см и с петелькой с обратной стороны. Видимо она явилась результатом некачественной отливки

На Байкальском XXVII выявлены две группы захоронений, отличающихся между собой положением погребенного в могильной яме и набором сопроводительного инвентаря. Так, в комплексах №№ 8, 11 и 12 умерший располагался на спине, вытянуто, головой ориентирован на восток – юго-восток.

В комплексе №2 погребенный, вероятно, находился на боку, с подогнутыми ногами, головой ориентирован на юго-восток. В первом случае речь идет о бутухейской погребальной традиции, существовавшей на побережье Байкала в период с XIV в. до н.э. - до I в. н.э. (Горюнова, 1993; Туркин, 2003, с. 136). Второй погребальный обряд характерен для елгинских захоронений, распространенных в Предбайкалье в III в. до н.э. – IV в. н.э. (Горюнова, 1993; Харинский, 2005а, с. 204). Бутухейская и елгинская погребальные традиции существовали на северо-западном побережье Байкала совместно на протяжении более чем двух веков. Их представители хоронили своих умерших на одних и тех же могильниках (Харинский, 2001б, с. 108).

Большая часть погребальных и ритуальных комплексов Байкальского XXVII (№1-7, 9, 12-15) располагается компактной группой, образующей цепочку, вытянутую по линии с азимутом 20°. Археологические комплексы располагаются вблизи друг с другом, не нарушая конструкцию соседних сооружений. Это свидетельствует о близком времени их строительства и стремлении придерживаться определенных планиграфических канонов. Обособленными на памятнике выглядят комплексы №№ 8, 10, 11. Два из них - захоронения со схожим погребальным ритуалом (№№ 8 и 11). Они сооружены в северной части памятника и занимают небольшие западины, вероятно, специально выбранные для захоронения. Комплекс №10 – поминальное сооружение, локализующееся в юго-западной части Байкальского XXVII. По своим конструктивным особенностям оно напоминает шатровые кладки Приольхонья и к настоящему времени является единственным сооружением этого типа на северо-западном побережье Байкала (Коростелев, Харинский, 2010).

Байкальское XXXI

В 1999 г. во время осмотра окрестностей местонахождения Байкальское XXVII обнаружен новый могильник Байкальское XXXI (Рис. 93). Он локализуется на пологом незалесенном склоне горы, в 0,2 км к ЮВВ от Байкальского XXVII. К востоку от местонахождения находится лиственничный

перелесок. На памятнике отмечено 9 искусственных каменных кладок.

В 1999 и 2002 гг. 8 кладок памятника были вскрыты (Харинский, 2003; Харинский, 2004; Харинский, Коростелев, 2005). Под кладками №№ 2, 6, 7 выявлены овалы без останков погребенных. Под кладками №№ 1, 3, 4, 5, 8 обнаружены останки погребенных, находившиеся в ямах овальной формы. В захоронениях №№ 1 и 3 погребенные располагались на левом боку, с подогнутыми ногами, головой ориентированы на юго-восток. В могилах №№ 4, 5, 8 умершие уложены вытянуто, на спине, головой на юго-восток. В 2005 г. А.М. Коростелевым на памятнике обнаружен и раскопан еще 1 комплекс, поучивший №9.

Комплексы Байкальского XXXI располагаются на местности группами. Четыре из них (№№ 1-3, 5) локализируются компактной группой, в юго-восточной части памятника, вытянувшись цепочкой ориентированной по линии с азимутом 50°. Кладка № 4 располагалась в 50 м к западу от кладки № 3. Кладки №№ 6-8 находились в 50 м к северу от кладки № 4. Они располагались цепочкой, ориентированной по линии север-юг. Кладка №9 располагалась в 20 м к югу от кладки №4 (Рис. 122).

Кладка № 1 овальной кольцевой формы. Ее размеры 2,2 x 3,5 м, ориентировка по линии с азимутом 135°. Камни располагаются в один слой. Их размеры от 5 x 8 см до 34 x 46 см. В юго-восточной части конструкции три камня установлено вертикально. Остальные располагаются горизонтально (Рис. 123 - 1).

У юго-западного края кладки обнаружены две железные бабочковидные бляшки. На каждом из крыльев изображено по две головы грифона, развернутые в разные стороны. С внутренней стороны бляшки находилась петелька (Рис. 123 - 9,11). В юго-восточной части кладки найден обломок клинка железного ножа. Острие ножа выгнуто вверх (Рис. 123 - 10). В юго-западной и юго-восточной частях кладки найдены скопления вещества, напоминающего пережженные кости черепа.

Могильная яма находилась под центром конструкции. Ее глубина 0,40 м. Размеры дна могилы составляли 0,65 x 1,30 м. Сверху яма перекрывалась кладкой

из четырех камней (Рис. 123 – 2-4). У северной и южной стенок могильной ямы найдено вещество, напоминающее пережженные кости черепа.

Костяк сохранился частично. В анатомическом порядке находились только кости ног и таза. Умерший располагался на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Колени ног слегка были приподняты. Правая нога была согнута сильнее, чем левая. У юго-западной стенки ямы находилась нижняя челюсть погребенного, развернутая подбородком на северо-запад. У северо-восточной стенки располагались кости рук (Рис. 123 – 4,5).

Возле стоп умершего найдены две концевые боковые накладки лука с вырезом для крепления тетивы (Рис. 123 – 6,7). К северо-востоку от костей рук, у северо-восточной стенки могилы, обнаружена бронзовая четырехлепестковая бляшка с дужкой с обратной стороны. В лепестках бляшки имеются круглые отверстия, от которых радиально отходят лучи (Рис. 123 - 8).

Кладка № 2 кольцевой формы диаметром 4 м (Рис. 124 - 1). Размеры расположенной под ней ямы – 0,7 x 1,3 м., глубина 0,4 м. Яма забутована камнями и ориентирована по линии запад-восток (Рис. 124 - 2,3; Рис. 126 - 12). У северо-восточной части кладки обнаружено несколько фрагментов гладкостенной керамики.

Кладка № 3 располагалась в 7 м к юго-западу от кладки № 1. Она овальной кольцевой формы размером 2,2 x 3,4 м, ориентирована по линии с азимутом 135°. Камни уложены в один слой. Их размеры составляют от 5 x 9 см до 28 x 43 см. (Рис. 125 – 1). В юго-западной части конструкции два камня установлены вертикально, остальные располагаются горизонтально.

Могильная яма находилась под центром конструкции. Ее глубина 0,40 м, ориентировка по линии с азимутом 125° (Рис. 125 – 4,5). Размеры нижней части ямы составляли 0,70 x 1,45 м. Сверху яма перекрывалась кладкой из разрозненно расположенных камней (Рис. 125 – 2,3). Ее размеры 0,5 x 1,5 м. В юго-восточной части перекрытия один камень стоит вертикально. У юго-восточного края перекрытия обнаружены остатки четырех железных бабочковидных бляшек, подобных, обнаруженным в могиле № 1. Но в отличие от бляшек из могилы № 1,

на крыльях бляшек из могилы № 2 не просматриваются изображения голов грифонов (Рис. 126 - 7-10).

Захоронение разрушено еще в древности. Частично сохранился лишь череп погребенного. Он располагался в юго-восточной части ямы и был повернут левой височной костью вниз. По всей видимости, умерший располагался на боку, головой на юго-восток. Небольшая длина ямы позволяет предполагать, что ноги погребенного были согнуты в коленях.

Недалеко от затылочной части черепа погребенного найдены железные кольца, вероятно, использовавшиеся как наконечники (Рис. 126 – 3-5). В центральной части ямы обнаружена четырехлепестковая бронзовая бляшка с дужкой с обратной стороны. Через дужку продернут кожаный ремешок, с помощью которого бляшка, вероятно, пришивалась к одежде. Сверху на продетый в дужку ремешок наложен другой ремешок, выгнутый дугой. Вероятно, он являлся петелькой, в которую продевалась бронзовая бляшка-пуговица (Рис. 126 - 11). К юго-востоку от четырехлепестковой бляшки найдены две бронзовые бляшки с четырьмя грифонными головами. Головы грифонов попарно обращены в противоположные стороны. С обратной стороны бляшек имеются дужки, в которые продеты кожаные ремешки. С одного конца ремешков завязан в узел, благодаря чему бляшки могли болтаться на них и не соскальзывать (Рис. 126 – 2,6). К северо-востоку от зооморфных бляшек обнаружена бронзовая литая трубка, украшенная серией валиков, возможно, служившая рукоятью плети (Рис. 126 - 1). Трубка находилась в кожаном чехле. Внутри нее обнаружен кожаный ремень. Возможно, она использовалась как рукоять плети.

Кладка № 4 располагалась в 50 м к западу от кладки № 3, за грядой скальных выходов. Конструкция овальной формы, размером 1,6 х 2,7 м (Рис. 127 - 1). Центральная часть кладки разрушена. Ненарушенной осталась только северо-западная часть конструкции. Камни уложены в один слой и плотно прилегают друг к другу. Размеры камней от 6 х 16 см до 38 х 58 см. В северной части кладки найден кремневый отщеп (Рис. 128 - 9). В восточной части конструкции под крупным камнем обнаружены амазонитовая бусина круглая в сечении и

цилиндрическая в профиле (Рис. 128 - 2), а также железное спиралевидное кольцо (Рис. 128 - 10).

Под камнями кладки располагалась яма грушевидной формы длиной 1,7 м, шириной в северо-западной части 0,45 м, в юго-восточной части 0,75 м. Глубина ямы 0,2 м. Стенки ямы вертикальны, дно горизонтально. На дне ямы зафиксированы останки погребенного – подростка (Рис. 128 – 1; Рис. 127 - 2). В анатомическом порядке остались только берцовые кости и кости ступни, расположенные в северо-западной части ямы и плотно прижатые друг к другу. В юго-восточной части ямы найдены фрагменты черепа и зубы погребенного. Один зуб найден и в центральной части ямы. В северной части ямы обнаружена часть нижней челюсти, а в южной фрагмент локтевой кости умершего. Сохранность костей средняя. Судя по костным останкам и пропорциям ямы, погребенный располагался вытянуто, на спине, головой ориентирован по азимуту 125°. В центральной части ямы найдена одна амазонитовая бусина сегментовидная в сечении и цилиндрическая в профиле. С двух сторон бусины имеются отверстия, начинающиеся с ее торца и заканчивающиеся со стороны уплощенной грани (Рис. 128 - 3). Возле амазонитовой бусины располагались три круглые пастовые бусины, цилиндрические в профиле (Рис. 4-6). Еще две таких же бусины обнаружены в других частях могилы (Рис. 128 – 7,8).

Кладка № 5 вплотную примыкала к кладке № 2 с северо-восточной стороны и на поверхности земли не была заметна. Она овальной формы, размером 0,7 x 1,7 м и состоит из плотно уложенных в один слой камней размером от 7 x 9 см до 45 x 50 см (Рис. 129 - 1). Под кладкой зафиксирована могильная яма овальной формы размером 0,5 x 1,8 м. Стенки ямы вертикальные, дно горизонтальное, глубина 0,25 м (Рис. 129 – 2). При зачистке могильной ямы, вдоль ее стенок, обнаружены бурые полосы толщиной около 1 см – остатки берестяного чехла, в котором располагалась умершая.

На дне могилы найдены останки молодой женщины, покрытые берестой. Погребенная располагалась вытянуто, на спине, головой ориентирована по линии с азимутом 140°. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в

локте. Ее кисть располагалась на бедре. Череп раздавлен. Сохранность костей плохая. Кости стоп, кистей и значительная часть позвоночника с ребрами не сохранились (Рис. 129 – 3). У кисти правой руки находился бронзовый нож, развернутый острием в сторону головы погребенной (Рис. 130 - 1). От ручки ножа сохранились фрагменты дерева, обмотанные у основания кожаным ремнем шириной 0,5 см. Нож однолезвийный, его длина составляет 16 см. С юго-востока у черепа найден кремневый отщеп (Рис. 130 - 15). На черепе погребенной зафиксировано три бронзовых бляшки. Две из них являются сдвоенными четырехлепестковыми и одна строенная четырехлепестковая. К северо-западу от нижней части нижней челюсти располагалось шесть бронзовых бляшек, вероятно, украшавших верхнюю часть одежды погребенной. Бляшки крепились горизонтально в два ряда. С правой стороны располагались 3 зигзагообразные бляшки с округлыми окончаниями, а с правой сдвоенные четырехлепестковые. Под первым слоем бляшек располагался второй слой, представленный четырьмя зигзагообразными бляшками, расположенными в один ряд и дугой огибавшими нижнюю челюсть погребенной. Ниже них обнаружены четыре восьмеркообразные бронзовые бляшки, имевшие с внутренней стороны петельку. Вероятно, они использовались как застежки (Рис. 130 – 2-10,12,13,16-18,20,21).

Грудная клетка погребенной была прикрыта крупным однослойным куском бересты. Под берестой находилось украшение, состоящее из четырех кожаных полос шириной 2-2,5 см и длиной 15 см (Рис. 130 – 19). Кожаные полосы спускались вниз от шеи погребенной, располагаясь в ряд. Левый край правой полосы перекрывал сверху правый край левой полосы и т.д. Полосы украшены бронзовыми бляшками, располагавшимися поперек нее. Правая из полос была в верхней части покрыта четырьмя строенными четырехлепестковыми бляшками, ниже которых располагалось девять сдвоенных четырехлепестковых бляшек. Каждый элемент в виде пяти кругов – один в центре, 4 симметрично расположены по краям. Их диаметры – 2 мм. Следующая полоса украшена восьмью зигзагообразными бляшками в верхней части, одной зигзагообразной и одной сдвоенной четырехлепестковой бляшками внизу. Ширина линии, составляющей

зигзаг, 5 мм. На третьей полоске крепилось тринадцать строенных четырехлепестковых бляшек. На четвертой полоске находилось десять сдвоенных четырехлепестковых бляшек. Вероятно, часть бляшек оборвалась с полос, так как на них отмечены сводные участки, на которых, скорей всего, и должны были располагаться утерянные бляшки. Кроме этого, возле нагрудного украшения найдено несколько отдельных бронзовых бляшек и круглая бронзовая бусина (Рис. 130 – 14). Между ног погребенной обнаружено две кожаные полосы, сужающиеся книзу шириной 6-8 см и длиной 11 см. Вероятно, они вплетались в косу. На полосы были нанизаны бронзовые обоймы овальные в сечении, шириной 0,5 см, длиной 1 см, плоские в сечении (Рис. 130 – 11). На правой полосе зафиксировано двадцать восемь обойм, на левой полосе - двадцать девять обойм.

Кладка № 6 овальной формы, размером 1,3 x 2,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 131 - 1). Размер ямы 0,45 x 0,95 м, глубина 0,35 м, ориентировка по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 132 – 1). Яма забутована камнями (Рис. 131 – 2-4). На ее дне обнаружены железные бабочковидные бляшки (Рис. 132 – 13-16); кожаный пояс, украшенный железными бляшками в виде голов грифонов (Рис. 132 – 8-10), железными сферическими бляшками (Рис. 132 – 3,4) и бронзовыми сферическими бляшками-пуговицами с петелькой с обратной стороны (Рис. 132 – 2,5-7). На одной из пуговиц на внешней поверхности нанесен орнамент в виде «цветка» - центр выпуклый, от него радиально отходят лепестки, ее диаметр 1,5 см (Рис. 132 – 7). На другой пуговице в петельке сохранились остатки кожаного ремешка, ее диаметр 1,4 см (Рис. 132 – 6). Также в комплексе зафиксирована круглая золотая сережка (Рис. 132 - 11) и спиралевидная серебряная сережка (Рис. 132 - 12).

Кладка № 7 овальной формы, размером 1,6 x 2,8 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 133 - 1). У северо-восточной оконечности конструкции обнаружены фрагменты керамики с оттисками шнура (Рис. 134 – 1-8). Размер ямы под кладкой № 7 - 0,5 x 1,2 м, глубина 0,4 м. Она заполнена камнями (Рис. 135 – 1-3; Рис. 133 – 2). На дне ямы найдены: 6 костяных наконечников стрел с раздвоенным насадом; две крупные круглые бронзовые

бляхи с петельками. Диаметр первой 4,6 см. Она плоская, с обратной стороны имеется припаянная петелька с четырьмя отверстиями с остатками кожаного ремня (Рис. 135 – 4-6). Такого рода бляхи являлись частью конской узды и служили распределителями ремней. Вторая бляха выпуклая, круглая, но слегка приплюснутая, диаметром 4,5-5 см. С обратной стороны петелька с 2 отверстиями с остатками кожаных ремней. Также в комплексе обнаружены две золотые ромбические пластины (Рис. 135 – 8,9), бронзовая бабочковидная бляшка (Рис. 135 – 10), пастовая бусина (Рис. 135 – 7) и фрагменты железных изделий.

Кладка № 8 локализовалась в 50 м к северу от кладки № 4, на 6 м выше по склону. Конструкция овальной формы, размером 1,6 х 3,0 м. Она состоит из плотно уложенных камней, располагавшихся в один слой. В центре кладки находились более мелкие камни (от 8 х 8 см до 17 х 35 см), чем по ее периметру (от 15 х 15 см до 30 х 58 см) (Рис. 136 - 1). Под центральной частью кладки располагалась могильная яма овальной формы, размером 0,55 х 1,85 м, глубиной 0,3 м. Сверху она перекрывалась разрозненно расположенными камнями, образующими однослойную кладку размером 0,55 х 1,30 м (Рис. 136 - 2).

На дне могильной ямы обнаружены останки мужчины. Погребенный располагался вытянуто, на спине, ориентирован головой по азимуту 115°. Лицо обращено в сторону ног. Руки согнуты в локтях, кисти подняты вверх. Сохранность костей плохая. Лопатки, ключицы, ребра, тазовые кости, большая часть позвоночника, кости стоп и кистей не сохранились (Рис. 137 – 1; Рис. 136 – 3). В районе бедер погребенного найдено шесть железных бабочковидных бляшек, вероятно, украшавших пояс (Рис. 137 – 4,5). Три из них располагались в ряд и находились на уровне верхних эпифизов бедренных костей. По всей видимости, они украшали переднюю часть ремня. Три бляшки находились на уровне поясничного отдела позвоночника и крепились на задней часть ремня. У лучевой кости левой руки погребенного обнаружен бронзовый нож с дырочкой в рукояти, развернутый острием в сторону локтя умершего (Рис. 137 - 2). У лучевой кости правой руки умершего найдено округлое изделие из кости. Слева от черепа погребенного найдена костяная трапециевидная пряжка с двумя круглыми

отверстиями, развернута узким краем в сторону умершего (Рис. 137 - 3). К югу от пряжки обнаружена галька красного цвета.

Комплекс №9 расположен в 20 м к ЮЮЗ от кладки №4. Кладка овальной кольцевой формы, размером 2,3 x 3,0 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 138 – 1-3). Среди камней кладки обнаружен фрагмент бронзовой детали (Рис. 139 – 3). Под кладкой зафиксирована могильная яма овальной формы, размером 0,8 x 1,75 м глубиной 0,35 м с такой же ориентировкой (Рис. 139 – 1,2). От костяка сохранились только кости ног. Судя по их расположению, умершего хоронили на спине, вытянуто, головой ориентировали на юго-восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Особенности погребального ритуала позволяют разделить раскопанные на могильнике Байкальское XXXI захоронения на две группы, различающиеся, прежде всего, положением погребенного. В первую группу можно объединить захоронения с труположением вытянуто на спине и ориентировкой погребенных головой на восток – юго-восток. В их число входят могилы №№ 4, 5, 8, 9. Ко второй группе относятся захоронения, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами и были ориентированы головой на юго-восток. В состав этой группы входят могилы №№ 1 и 3. Хронология первой группы погребений предварительно определяется сер. VIII в. до н.э. - сер II в. н.э., второй группы захоронений - сер. IV в. до н.э. – концом I в. до н.э.

Погребальный ритуал, отмеченный в захоронениях №№ 1 и 3 могильника, схож с ритуалом комплекса № 2 местонахождения Байкальское XXVII. Люди, оставившие эти захоронения, придерживались единой погребальной традиции - расположение умершего на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Этот погребальный ритуал в конце I тыс. сосуществовал на северном побережье Байкала с захоронениями, в которых умерший располагался вытянуто на спине.

Богучанская XII

Объект Богучанская XII находится на м. Тонкий (Северобайкальский район Республики Бурятия), в 10 км к северу от с. Байкальское (Рис. 93). В ходе сбора

подъемного материала на местонахождении Богучанская XII в двухметровом береговом обрыве обнаружены остатки разрушенного погребения. Над погребением сохранилась часть кладки, выполненная угловатоокатанной галькой и валунами. Форма и размеры кладки неопределимы. Могильная яма вытянута длинной осью по линии юг - север. Северную границу ямы проследить не удалось из-за перегоревших на этом месте корней большого дерева. От костяка погребенного сохранились только берцовые кости правой ноги и часть костей стопы. Часть костей погребенного обнаружена в осыпи обрыва до начала раскопок. Вместе с остатками костяка в погребении обнаружен бронзовый нож с остатками ножен. Нож располагался по одной линии с берцовыми костями. Нож вогнутообушковый, черешковый. Длина ножа 135 мм. Под ножом сохранились остатки деревянной основы ножен и куски кожи со следами шитья (Лыхин, 2003, с. 151).

Курла II

Объект расположен в 18 км на юго-запад от пос. Нижнеангарск Северобайкальского района Республики Бурятия (Рис. 93). Раскопки проводились в 1976 г. Северобайкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета. Работы носили аварийно-спасательный характер. Было вскрыто 3 погребения, расположенные на береговом уступе высотой 6-7 м от уровня Байкала (Шмыгун, Сергеева, Лыхин, 1981).

Погребение №1 находилось под корнями упавшего дерева на краю обрыва. В силу этого ни формы кладки, ни формы могильной ямы установить не удалось. От костяка сохранились лишь отдельные кости конечностей. Судя по этим останкам, погребенный был ориентирован головой на восток. В области тазовых костей обнаружен бронзовый нож в кожаных ножнах, с остатками деревянной рукоятки (Рис. 140 – 2). Здесь же найдено бронзовое зеркало с остатками кожаного чехла (Рис. 140 – 6). С левой стороны костяка, в области коленного сустава, обнаружен кельт (Рис. 140 – 4). Ближе к тазу найдено три бронзовые пуговицы полусферической формы (Рис. 140 – 9-11).

Погребение №2 было обнаружено в 20 м к северо-востоку от погребения №1. Оно сильно разрушено. Сохранились отдельные кости конечностей. В области таза, с правой стороны, между локтевым и бедренным суставами, лежал кинжал с остатками кожаных ножен (Рис. 140 – 3). Левее кинжала обнаружено бронзовое зеркало с гравировкой в остатках кожаного чехла (Рис. 140 – 5). Рядом с ним найдено 4 фигурных бляшки из бронзы (Рис. 140 – 7,8).

Погребение №3 зафиксировано в 30 м к северо-востоку от погребения №1. Кладка подпрямоугольной формы, могильная яма полукруглая. В верхней части кладка заполняет всю яму, книзу она сужается и сконцентрирована на костяке, смещенном к правой стороне ямы. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток, кисти рук уложены на таз, ступни ног вывернуты носками друг к другу (Рис. 140 – 1). В погребении обнаружено только одно изделие – бронзовый кельт, лежавший на левой стороне грудной клетки.

ВЕРХНЯЯ ЛЕНА

Белоусово

Могильник находится на правом берегу Лены, выше п. Качуг, возле д. Белоусово (Рис. 141 – 1). Кроме 1 елгинского захоронения А.П. Окладниковым в 1929 г. на могильнике исследовано еще 3 энеолитических погребения (Окладников, 1955, с. 14). Сверху захоронение было перекрыто овальной кладкой из плит красного песчаника. Ее мощность 40 см. Плиты располагались двумя группами, причем они заходили краями друг на друга, как бы веерообразно. Диаметр кладки 90 x 60 см. При взгляде сверху расчищенная кладка напоминала овальную чашу. Между камнями были обнаружены примазки древесного угля, а также мелкие обломки жженных костей, по-видимому, птичьих. Найден был, кроме того, кусок плотного слоистого вещества, похожего на спрессованную кожу. По мнению исследователя, это были остатки жертвенной тризны и разожженного на кладке после захоронения кострища. Костяк лежал под кладкой на глубине 15–20 см от ее основания и в 60 см от поверхности почвы. Он был

ориентирован головой на юго-восток. Его подогнутые ноги опущены налево. Левая рука скелета была вытянута вдоль тела, а правая, согнутая в локте, лежала поперек туловища (Рис. 141 - 2). Непосредственно под костяком находилась обугленная подстилка из древесной коры (судя по ее остаткам – лиственничной), которая позволяет уточнить форму ямы, имевшей удлиненно-овальные очертания (длиной 2 м, шириной до 80 см). Вокруг костей, в особенности около черепа, также были рассеяны мелкие древесные угли. Инвентарь погребения состоял из металлических, каменных, стеклянных и костяных предметов. Прежде всего, среди них выделяется полный набор обкладок сложного лука, изготовленных из распиленных на пластины оленьих рогов (Рис. 142 – 1-5). Пластины располагались попарно – две в ногах костяка и две у его левого плеча. Срединная же пластина, удлиненно-овальной конфигурации (длина 13 см) лежала около тазовых костей. С правой стороны костяка около концевых пластин находились костяные наконечники стрел. Их было четыре (Рис. 142 – 6-9). У грудной клетки скелета, слева от черепа, там же, где найдены наконечники стрел, помещалось костяное изделие в виде тщательно зашлифованной костяной трубки с раструбом на расширяющемся конце и сквозным поперечным отверстием у раструба (Рис. 142 - 14). У левого локтя находилась крупная бусина с «глазками» (Рис. 142 - 10). Рядом с этой бусиной найдено еще две бусины (Рис. 142 – 11,12), изготовленные из полупрозрачного голубовато-зеленого стекла. У противоположного, правого локтя скелета оказалась полушаровидная массивная «пуговица» из бронзы (Рис. 142 - 13). В области таза костяка лежали резцы бобра и сильно корродированные остатки массивного железного ножа или, скорее, кинжала. Тут же был найден альчик (астрагал косули?) (Окладников, 1978).

Автор раскопок, исходя из сравнительного анализа обнаруженных вещей и конструктивных особенностей захоронения, датирует его IV – III вв. до н.э. (Окладников, 1978, с. 108).

ДОЛИНА Р. АНГАРЫ

Остров Осинский

Остров расположен в устье Осинского залива Братского водохранилища (Рис. 144 – 1). Он является одним из крупнейших в долине р. Ангары. Длина острова с северо-востока на юго-запад 5 км. Центральная часть острова покрыта смешанным лесом и невысоким кустарником. Берега представлены пляжами техногенного генезиса, на поверхностях которых в течение полевых сезонов 1981 – 1982 гг. было вскрыто 12 погребений, отличающихся особенностями погребального обряда и относящихся к различным хронологическим периодам.

Погребение № 2 (1982 г.), было разрушено. После расчистки захоронение представляло собой скопление костей и артефактов, зафиксированных на участке размерами 3×8 м. Также обнаружен контур могильного пятна овальной формы (3×2×0,44 м), вытянутого по оси СВ–ЮЗ. Непосредственно в могильной яме обнаружены отдельные кости скелета, принадлежавшие пожилому мужчине, – фрагменты черепа, позвонки, обломки ребер. В 0,8–1 м к северу от черепа найдена компактная группа костяных изделий: обкладки лука – продольная размерами 13×1,5 см и концевая (5×2,4 см) с продольным вырезом на одном из концов (Рис. 145 – 1,2); наконечник стрелы иволистной формы с расщепленным насадом (Рис. 145 – 3); острие из трубчатой птичьей кости длиной 10 см (Рис. 145 – 4); кольцо неправильной формы с биконическим отверстием в центре (диаметр – 3,5 см) (Рис. 145 – 7); два обломка колец-ворворок (Рис. 145 – 11,12); прямоугольная пряжка с прямоугольным выступом внутри и обломанными краями (Рис. 145 – 10); трубочка с расширенным концом (длина – 2 см) и тремя параллельными линиями по краю (Рис. 145 – 15).

Значительное место в коллекции предметов, собранных как в могильной яме, так и за ее пределами, занимают предметы из железа. В 3 м на СВ от свода черепа, обнаружен нож с прямой спинкой, обломанным концом и кольцом на рукояти (Рис. 145 – 6). Длина изделия – 13,4 см. Второй нож – черешковый, треугольный в сечении с обломанным острием, длиной 10,8 см – обнаружен рядом с описанным выше скоплением костяных изделий, в 1,24 м от свода черепа (Рис. 145 – 5). По всей площади погребения встречены железные пряжки и их

обломки. Предметы сильно корродированы (Рис. 145 – 8,9,13,14). Рядом с черешковым ножом обнаружены круглая пуговица с круглым ушком (Рис. 145 – 17) и сильно деформированный крючок, длиной 3,4 см. В процессе зачистки также обнаружены два изделия из бронзы. Ложечковидная подвеска длиной 4,8 см найдена в 122 см на юг от свода черепа (Рис. 145 – 18). В 176 см на восток от свода черепа обнаружена ременная пряжка, представляющая собой предмет округлой формы (длина – 4,5 см), с небольшими выступами и прямоугольной перемычкой между ними. Внутри пряжки имеются два расходящиеся в разные стороны завитка (Рис. 145 – 16).

Раскопки *захоронения № 3* проводились в 1982 г. В.И. Смотровой (Смотровая, 1983). Оно располагалось в северной части острова, в 260 м от западного берега, на высоте 3,7 м от уреза воды. Каменная кладка над могильной ямой отсутствовала. Размер ямы 1,65 x 0,7 x 0,5 м. В ней располагался скелет подростка 13–14 лет (Рис. 144 - 2). Усопший находился на правом боку, ноги слегка согнуты в коленях, левая рука резко согнута в локте и опущена вниз, правая подведена под щеку. Череп сильно фрагментирован. Его первоначальное положение – лицом на север. У костяка отсутствовали все позвонки. Кости стоп, часть ребер, видимо, были растащены грызунами. Из сопровождающего инвентаря встречен лишь железный нож длиной 4,6 см с прямой спинкой и обломанным острием (Рис. 144 – 3) (Смотровая, 1983).

Погребение № 4 обнаружено на западной стороне острова, в 200 м от береговой линии, на высоте 1,67 м от уреза воды (Смотровая, 1991). В разрушенном погребении обнаружены останки двух индивидов – подростка 13–15 лет и мужчины 30–35 лет. Положение костяков установить не удалось. Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел - 5 экз. (Рис. 148 – 5-9); костяными накладками лука (Рис. 148 – 1-3); железными ножами - 3 экз. (Рис. 146 – 8,9), деталями прибора для добывания огня - костяные упоры (Рис 147 – 2,3) и лучок из ребра млекопитающего (Рис. 147 – 1); костяными кружочками ворворками (Рис. 147 – 4-6); пряжкой из кости (Рис. 146 – 9); костяными подвесками «гантелеобразной» формы (Рис. 147 – 7,8); изделиями из железа –

стержень (Рис. 146 – 7), пряжка (Рис. 146 – 1), кольца (Рис. 146 – 2-5), пуговицы (Рис. 146 – 6). Наиболее известными находками из данного погребения являются три прямоугольные ажурные поясные пластины из бронзы: две с геометрическим решетчатым орнаментом (Рис. 149 – 1,2), одна – с изображением сцены борьбы хищников с драконом или змеем (Рис. 149 – 3).

В 2016 году раскопано *погребение №1* (Уланов, 2017) Погребение сильно разрушено. Останки принадлежат предположительно мужчине. Инвентарь представлен костяным черешковым наконечником стрелы с расщепленным насадом, железной пуговицей, костяной пряжкой подпрямоугольной формы с фигурным вырезом и коническим язычком, а также фрагментами сильно корродированного изделия из железа в форме широкого кольца (Уланов и др, 2017). По фаланге стопы погребенного получена 14С-дата: 2155±20 л.н. (UCIAMS 186302) (Уланов, 2017, с. 296).

Игетейский Лог II

В 1984 - 1985 гг. работы по спасению разрушающихся археологических памятников в зоне размыва берегов Братского водохранилища перенесены на приустьевой участок Осинского залива (Рис. 144 – 1). Могильник Игетейский Лог-II содержал четыре грунтовых погребения людей, располагавшихся в могильных ямах скорчено на боку, головой на С и В (два погребения). Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В засыпке могил наблюдались скопления угольков и мелких колотых костей животных. В 40 м западнее этого могильника было обнаружено еще одно грунтовое захоронение человека, ограбленное в древности. В состав сопроводительного инвентаря этого погребения входили концевые накладки сложносоставного лука (Рис. 151 – 1,2), пряжки и другие костяные изделия (Рис. 151 – 3-5). А также бронзовая ложечковидная подвеска (Рис. 151 – 6). Погребение датировалось авторами раскопок «хуннским временем» (Уваров, Бердникова, 1987, с. 288). Там же в 1987 г. О.Б. Варламовым проведены подъемные сборы. Обнаружен фрагмент бронзовой поясной пластины с решетчатым орнаментом (Рис. 151 – 7), а И.П.

Овчинниковым обнаружена бронзовая ложечковидная подвеска (Рис. 151 – 8).

Идан

Исследования проводились в 1956 г. на левом берегу р. Ангары в местности Идан, расположенной в 4 км ниже с. Суховского (*в настоящее время это железнодорожная станция «Суховская» – А.К.*), и в 39 км северо-западнее от г. Иркутска (Рис. 144 – 1). На террасе, высотой 8 м от уровня воды, обнаружено два погребения.

Надмогильная кладка первого погребения двуслойная, овальная, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Ее размеры 2,1 x 1,2 м. Она сложена из плотно подогнанных друг к другу камней округлой и удлиненной формы. Под кладкой, на глубине 0,58 м от современной поверхности было обнаружено сломанное бронзовое зеркало круглой формы диаметром 11 см. сохранились следы отлетевшей рукоятки, которая была прикреплена к зеркалу на четырех стерженьках.

Остатки захоронения находились на глубине 0,66 м от поверхности в плотном слое темно-бурой супеси. Костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток. Сохранились несколько трубчатых костей, три зуба, несколько фаланг пальцев и отдельные фрагменты черепной коробки. Костяк принадлежал подростку. На его груди лежал диск из белого нефрита со сквозным отверстием посередине и с желобками с обеих сторон по окружности. Диаметр диска 6,5 см, толщина 1 см. около ног находился небольшой скребочек из темно-серого кремнистого сланца.

Погребение 2 обнаружено в 200 м к юго-западу от захоронения 1. От костяка сохранились только мелкие фрагменты черепной коробки и обломки трубчатых костей. В погребении найдены: костяная антропоморфная фигурка; две ножевидные пластинки из серого кремнистого сланца; грушевидная подвеска из резца марала со следами окиси меди и обломок бронзовой восьмеркообразной бляшки (Рыгдылон, Хороших, 1958).

Троицк I

Объект обнаружен в 1995 г. в Заларинском районе Иркутской области, в 1,2 км к востоку от п. Троицк (Рис. 144 – 1). Захоронение находилось на 8-10 метровом левом берегу р. Залари (левый приток р. Ангары). Погребение частично разрушено вследствие разработки карьера. Кладка была сложена из массивных плит известняка в 3 слоя на площади 3,5 x 2,5 м в результате сползания вниз по склону (уклон 13-14 градусов).

Под кладкой на глубине 0,2 – 0,3 м от современной поверхности находилось погребение. Труположение вытянуто на спине, головой на юго-восток. Кости левой руки вытянуты вдоль корпуса, правая согнута в локте. Череп и берцовые кости отсутствовали. Около правой плечевой кости были найдены 4 кремневых наконечника стрел треугольной формы. Здесь же зафиксирован резец бобра и правая половина нижней челюсти соболя. Еще два зуба соболя находились под плитами кладки на месте черепа. Наконечник, аналогичный вышеописанным, найден в ребрах левой стороны грудной клетки погребенного. В 10 см справа от тазовых костей находились удлиненная овальная галька и мелкий желвак кремня.

На левых тазовых костях обнаружен бронзовый нож, обращенный рукоятью к костям кисти правой руки. Нож дугообразной формы, слегка изогнут. Со сплошной рукоятью, плавно переходящей в лезвие. Рукоять оканчивается навершием в виде овального кольца. Одна сторона рукояти имеет вогнутую поверхность с двумя бортиками. Другая плоская, с одним бортиком по краю, переходящему в лезвие. Длина лезвия 11 см, оно клиновидное в сечении, двусторонней заточки. Нож изготовлен методом отливки с последующей обработкой. По предварительной оценке авторов, погребение датировано I тыс. до н.э. (Луныков, Задонин, Дзюбас, 1996).

БАССЕЙН Р. ВИТИМ

Еще одним малоизученным районом, в котором обнаружены погребения, аналогичные захоронениям елгинского типа из Приольхонья и северо-западного

побережья оз. Байкал, является бассейн р. Витим, расположенный к северу от Байкала. Всего к раннежелезному веку отнесено три близких по абсолютным датам погребения, расположенных в разных районах Витимского бассейна: в устье р. Окторокон (левый приток Витима), в устье р. Каренга (правый приток Витима) и в среднем течении р. Мама (левый приток Витима).

Первое погребение обнаружено на месте многослойной стоянки Усть-Окторокон I. Кладка была частично потревожена, в верхней части сохранились камни с северо-восточной и юго-западной стороны сооружения. Могильная яма размером 0,74 x 1,50 м ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Костяк плохой сохранности, располагался на правом боку, головой на северо-восток, вниз по течению реки. Ноги согнуты в коленях под острым углом. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Стратиграфически могильная яма прослеживалась из первого культурного горизонта стоянки, содержащего фрагменты гладкостенной и вафельной керамики.

Второе погребение обнаружено в 50 км ниже по Витиму от первого, на правом берегу р. Каренга на памятнике Усть-Каренга XII. Верхний слой кладки частично разрушен склоновыми процессами. Нижний слой кладки облицовывал стенки могильной ямы. Он был сложен в виде каменного ящика. Плиты, составляющие стенки ящика, по всему периметру как бы нависали над костяком за исключением его средней части. Костяк располагался на спине с завалом на правый бок, вверх по течению Витима, с согнутыми в коленях ногами. Ориентирован головой на северо-восток. Костяк плохой сохранности. В 0,06 м к СЗ от дистального конца плечевой кости правой руки обнаружен металлический наконечник стрелы подтреугольной формы, в сечении линзовидный, с выпуклыми сторонами и прямым основанием. Стратиграфически могильная яма прослеживалась из первого культурного горизонта стоянки, содержащего фрагменты вафельной керамики.

Третье погребение обнаружено в среднем течении р. Мама, крупнейшего притока р. Витим, на устьевом участке р. Нирякан. Погребение дислоцировалось на 6-метровой террасе р. Мама. Надмогильная кладка отсутствовала. Костяк

находился в грунтовой яме неправильной овальной формы размером 0,60 x 0,95 м. Яма вытянута с севера на юг, по направлению течения р. Мама. Костяк удовлетворительной сохранности, ориентирован на север. Он располагался в положении лежа, на спине, с согнутыми в коленях ногами. Вследствие постпогребальных деформаций, суставные сочленения колен были разорваны и ноги сместились влево так, как если бы погребенная лежала на боку. Правая рука была согнута в локте, кисть находилась на левом предплечье; левая рука располагалась вдоль тела, кисть покоилась вдоль таза. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (Ветров, Инешин, 2002).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Описание каменных кладок, ям и останков костяка из археологических комплексов,
датирующихся V в. до н.э. – IV н.э.

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Куркутский Комплекс I - 133	шатровая	в основании шатра 0,9x0,5	СЗ-ЮВ	-	не правильная, чашевидная	-	СЗ-ЮВ	на правом боку скорченно, на ЮВ
Куркутский Комплекс II - 4	шатровая	1,5x2,5	СЗ-ЮВ	-	прямоугольная	1,1x1,5x0,9	СЗ-ЮВ	на правом боку скорченно, на ЮЮВ
Хадарта II - 2	кольцевая не замкнутая	2x2,3	СЗ-ЮВ	-	прямоугольная	1,4x0,85x0,53	СЗ-ЮВ	на правом боку скорченно, на ЮВ
Будун I - 3	четырёхугольная контурная	2,0x2,2	135°	плоская, 1-слойная	четырёхугольная	0,75x1,4x0,2	СЗ-ЮВ	на левом боку скорченно, на ЮВ
Елга VII – 2	прямоугольная контурная	3x4	ССЗ-ЮЮВ	плоская, 1-слойная	-	2,5x1,0x0,46	-	бедренная кость в СЗ конце ямы
Елга VII – 3	прямоугольная контурная	2,2x3,1	СЗ-ЮВ	плоская, 1-слойная	-	1,63x1,0x0,6	ССЗ-ЮЮВ	большая берцовая кость в СЗ конце ямы
Елга VII – 4	прямоугольная контурная	3,0x3,4	СЗ-ЮВ	плоская, 1-слойная	-	1,2x1,0x0,56	СЗ-ЮВ	без костей
Елга VII – 5	прямоугольная контурная	1,65x2,65	ЗЮЗ-ВСВ	плоская, 1-слойная	-	1,45x0,85x0,53	ЗЮЗ-ВСВ	на левом боку скорченно, на ВСВ
Елга VII – 7	прямоугольная контурная	3,0x3,2	ССВ-ЮЮЗ	плоская, 1-слойная	-	1,25x0,6x0,38	СВ-ЮЗ	без костей
Елга VII – 8	в виде разорванного кольца контурная	d 4	-	плоская, 1-слойная	овальная	1,6x0,8x0,56	СЗ-ЮВ	зуб
Елга VII – 11	прямоугольная контурная	3x4	СЗ-ЮВ	-	прямоугольная	1,2x0,9x0,9	ЮЮВ-ССЗ	на правом боку скорченно, на ЮЮВ
Елга VII – 12	прямоугольная контурная	2,1x3,3	ССЗ-ЮЮВ	плоская, 1-слойная	-	1,8x1,1x0,35	ССЗ-ЮЮВ	без костей

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Елга VII – 13	прямоугольная контурная	2,6х3,0	СЗ-ЮВ	плоская, 1-слойная	прямоугольная	2,0х1,0х0,6	ЗСЗ-ВЮВ	бедренная кость в СЗ конце ямы
Елга VII – 14	прямоугольная контурная	2,3х2,9	СЗ-ЮВ	плоская, 1-слойная	-	0,7х0,51х0,8	СЗ-ЮВ	обломок лучевой кости
Елга VII – 15	прямоугольная контурная	3,0х4,0	ССЗ-ЮЮВ	плоская, 1-2-слойная	-	1,0х1,0х0,62	-	фрагменты трубчатой кости
Елга VII – 16	прямоугольная контурная	2,6х3,3	ССЗ-ЮЮВ	плоская, 1-слойная	прямоугольная	1,25х0,66х0,2	ССЗ-ЮЮВ	на правом боку скорченно, на ЮЮВ
Шибэтэ VI - 1	овальная	3,0-2,0	СЗ-ЮВ	плоская	овальная	до 0,7	СЗ-ЮВ	вытянуто, на спине
Бутухей II - 1	кольцевая овальная	4,6х3,0	СЗ-ЮВ	-	овальная	до 0,35	СЗ-ЮВ	вытянуто, на спине
Цаган-Хушун II «а» - 1	овальная кольцевая	2,0х2,8	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,8х1,5х0,35	145°	2 берцовые кости
Цаган-Хушун II «а» - 2	кольцевая не замкн.	d 1,8	-	плоская 1-слойная	овальная	0,9х1,4х0,45	ССЗ-ЮЮВ	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 3	-	-	-	-	овальная	0,9х1,45х0,45	СЗ-ЮВ	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 4	треугольная	1,8х3,2	С-Ю	плоская 1-слойная	овальная	0,95 х 1,65 х 0,2	190°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 5	овальная не замкн.	1,4х2,4	З-В	плоская 1-слойная	овальная	1,45х2,4х0,6	80°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 6	овальная не замкнутая	1,0х1,5	С-Ю	плоская 1-слойная	эллипсоидная	1,4х1,8х0,45	180°	на правом боку, скорченно, на ЮВ
Цаган-Хушун II «а» - 7	овальная кольцевая не замкнутая	1,6х2,5	С-Ю	плоская 1-слойная	-	-	-	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 8	овальная не замкнутая	1,3х1,8	ЮЗ-СВ	плоская 2-слойная	-	-	-	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 9	-	-	-	-	овальная	1,2х1,4х0,2	СЗ-ЮВ	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 10	-	-	-	-	округлая	0,9х1,1х0,2	-	без костей

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Цаган-Хушун II «а» - 11	четырёх-угольная	1,8x1,8	-	плоская 1-слойная	овальная	1,1x1,7x0,35	СЗ-ЮВ	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 12	-	-	-	-	овальная	0,8x1,4x0,25	100°	5 фрагментов черепа
Цаган-Хушун II «а» - 13	круглая	d 0,65	-	плоская 1-слойная	-	-	-	череп человека
Цаган-Хушун II «а» - 14	овальная	0,9x1,05	С-Ю	плоская 1-слойная	-	-	-	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 15	овальная кольцевая не замкнутая	1,1 2,1	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	вытянутой не правильной формы	0,9x2,5x0,3	105°	2 фаланги, фрагмент трубчатой кости
Цаган-Хушун II «а» - 16	-	-	-	-	овальная	0,8x1,7x0,2	130°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 17	овальная	0,9x1,6	ЮЗ-СВ	плоская 1-слойная	овальная	0,9x1,3x0,25	110°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 18	круглая	d 1,4	-	плоская 1-слойная	овальная	1,15x1,8x0,2	170°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 19	овальная	2,8x4,0	СЗ-ЮВ	плоская 2-слойная	овальная	1,0x1,4x0,25	145°	на левом боку, скорченно, на ЮВ
Цаган-Хушун II «а» - 20	круглая	d 1,7	-	плоская 1-слойная	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «а» - 21	кольцевая	d 1,8	-	-	овальная	0,75x1,5x0,15	90°	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 22	овальная	2,2x0,8	-	-	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «а» - 23	овальная	3,5x1,4	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	2,0x0,6x0,35	СЗ-ЮВ	вытянуто, на спине головой на ЮВ
Цаган-Хушун II «а» - 24	круглая кольцевая	d 2,0	-	плоская 1-слойная	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «а» - 25	овальная	2,5x1,5	СЗ-ЮВ	плоская 2-слойная	овальная	1,10x0,90x0,30	140°	Кости ног, на правом боку, скорченно, головой на ЮВ

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Цаган-Хушун II «а» - 26	овальная	1,2x0,9	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,2x0,75	СЗ-ЮВ	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 27	-	-	-	-	овальная	1,1x0,6x0,38	С-Ю	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 28	круглая кольцевая	d 1,3	-	-	овальная	1,0x0,6x0,35	С-Ю	без костей
Цаган-Хушун II «а» - 30	кольцевая	d 1,8	-	-	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «а» - 31	прямоугольная	3,0x2,0	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	2,0x0,75x0,4	СЗ-ЮВ	вытянуто, на спине головой на ЮВ
Цаган-Хушун II «а» - 32	круглая	d 2,2	-	плоская 1-слойная	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «а» - 33	круглая кольцевая	d 1,6	-	плоская 1-слойная	грушевидная	3,0x1,8	СЗ-ЮВ	череп человека, 2 ребра, позвонок, лучевая и плечевая кость
Цаган-Хушун II «а» - 34	овальная	2,6x1,5	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	-	-	-	-
Цаган-Хушун II «б» - 1	овальная контурная	1,5x3,1	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	яйцевидная	1,0x1,6x0,3	150°	без костей
Цаган-Хушун II «б» - 2	овальная не замкнутая	1,7x2,6	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	яйцевидная	0,9x1,85x0,36	130°	фрагменты черепа
Цаган-Хушун II «б» - 3	овальная не плотная	1,15x1,25	СЗЗ-ЮВВ	плоская 1-слойная	овальная	0,55x0,74x0,18	105°	бедренная кость человека
Цаган-Хушун II «б» - 4	четырёх-угольная	1,4x1,7	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,7x1,5x0,4	125°	на правом боку, скорченно, на ЮВ
Цаган-Хушун II «б» - 5	прямоугольная контурная	1,55x3,0	СЗЗ-ЮВВ	плоская 1-слойная	овальная	0,8x1,6x0,3	107°	фрагменты длинных костей человека
Цаган-Хушун II «б» - 6	-	-	-	-	круглая	d 0,2x0,15		фрагменты длинных костей человека и нижняя челюсть
Цаган-Хушун II «б» - 7	овальная контурная	2,4x3,0	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,85x1,5x0,55	135°	кость руки человека

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Цаган-Хушун II «b» - 8	овальная контурная	1,1x2,0	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	-	-	-	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 9	овальная контурная	1,3x1,5	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	-	-	-	кость руки человека
Цаган-Хушун II «b» - 10	треугольная	1,7x1,8	СЗЗ-ЮВВ	плоская 1-слойная	овальная	0,55x1,15x0,15	120°	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 11	круглая	d 3,2	-	плоская 1-слойная	овальная	0,75x1,2x0,3	140°	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 12	прямоугольная	1,5x1,8	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,6x1,0x0,3	123°	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 13	прямоугольная контурная	1,2x1,8	ССЗ-ЮЮВ	плоская 1-слойная	прямоугольная	0,65x0,85x0,3	120°	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 14	прямоугольная	2,0x3,1	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,0x1,6x0,4	130°	2 пяточные кости и фаланга человека
Цаган-Хушун II «b» - 15	прямоугольная контурная	2,0x2,0	СЗ-ЮВ	плоская 1-2-слойная	грушевидная	0,9x1,4x0,35	170°	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 16	овальная контурная	2,3x2,5	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	яйцевидная	1,15x1,30x0,50	155°	фрагменты черепа, ребра, позвонки, фаланги, пяточн.кость
Цаган-Хушун II «b» - 17	удлиненная	0,5x1,4	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,85x1,4x0,4	153°	фрагменты костей рук, 2 фаланги, коленная чашечка
Цаган-Хушун II «b» - 18	треугольная	1,0x1,7	ССЗ-ЮЮВ	плоская 1-2-слойная	овальная	0,55x1,45x0,3	120°	шейный позвонок, нижняя челюсть
Цаган-Хушун II «b» - 19	овальная контурная	1,3x2,0	ССЗ-ЮЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,8x1,3x0,5	153°	бедренная кость, эпифизы
Цаган-Хушун II «b» - 20	-	-	-	-	овальная	1,0x1,7x0,6	150°	кости рук, пяточные кости, фаланги, фрагменты черепа, коленная чашечка
Цаган-Хушун II «b» - 21	-	-	-	-	овальная	0,7x1,3x0,4	153°	2 фаланги и зуб

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Цаган-Хушун II «b» - 22	-	-	-	-	круглая	d 0,5x0,7	-	без костей
Цаган-Хушун II «b» - 23	овальная контурная	1,0x2,2	СЗ-ЮЮВ	плоская 1-2-слойная	овальная	0,85x1,9x0,82	175°	бедренная кость, ключица, ребра, лопатка, позвонки, локтевая, тазовая, плюсневая и лучевая кости, крестец
Цаган-Хушун II «b» - 24	овальная контурная	1,1x2,2	СЗ-ЮВ	плоская 1-2-слойная	округлая	0,85x1,0x0,72	-	2 фрагмента черепа
Цаган-Хушун II «b» - 25	круглая	d 1,4	-	плоская 1-2-слойная	яйцевидная	0,85x1,1x0,25	125°	кости ног человека
Цаган-Хушун II «b» - 26	треугольная	1,35x1,8	ЮЗ-СВ	плоская 1-слойная	овальная	0,6x0,9x0,2	115°	фрагмент трубчатой кости
Цаган-Хушун II «b» - 27	овальная	0,8x1,6	ЮЗ-СВ	плоская 1-слойная	овальная	0,75x1,35x0,6	135°	2 пяточные кости
Цаган-Хушун II «b» - 28	четырёхугольная контурная	3,2x3,6	СЗ-ЮВ	плоская 1-2-слойная	овальная	0,8x1,4x0,68	155°	Бедренная кость, позвонок, 2 фаланги, ключица, лопатка
Байкальское VII - 1	округлая кольцевая	3,2x3,7	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	округлая	0,7x1,15x0,25	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское VII - 2	затрудн.	затрудн.	затрудн.	плоская 1-слойная	овальная	2,1x0,75x0,75	СЗ-ЮВ	плечевые кости, коленная чашечка
Байкальское XXVII - 1	кольцевая	d 4,0	-	-	-	-	-	-
Байкальское XXVII - 2	овальная	2,5x5	З-В	плоская 1-слойная	овальная	0,65x1,6x0,6	СЗЗ-ЮВВ	зубы, ребра, тазовые и плюсневые кости

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Оrientировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Оrientировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Байкальское XXVII - 4	кольцевая	d 3,5	-	-	овальная	1,2x07,0,4	3-В	без костей
Байкальское XXVII - 5	кольцевая	d 3,5	-	-	овальная	1,5x1,1x0,5	3-В	без костей
Байкальское XXVII - 6	кольцевая	d 3,5	-	-	овальная	1,2x0,85	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское XXVII - 7	кольцевая	d 2,0	-	-	овальная	1,2x0,7	3-В	без костей
Байкальское XXVII - 8	овальная	2,4x3,8	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,95x0,6x0,35	СЗ-ЮВ	кости стоп погребенного
Байкальское XXVII - 9	кольцевая	d 2,8	-	-	овальная	1,1x0,7x0,35	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское XXVII - 10	шатровая	2,6x1,7	С-Ю	-	-	-	-	-
Байкальское XXVII - 11	прямоугольная	3,0x2,1	СЗ-ЮВ	-	овальная	1,9x0,5x0,35	СЗ-ЮВ	отдельные кости рук и ног погребенного
Байкальское XXVII - 12	овальная	4,0x2,0	3-В	плоская 1-слойная	овальная	2,5x0,8	3-В	плечевая кость и человеческий зуб
Байкальское XXVII - 13	овальная	2,0x0,8	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,0x0,75	3-В	без костей
Байкальское XXVII - 14	кольцевая	d 1,3	-	-	овальная	0,9x0,4	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское XXVII - 15	овальная	1,0x0,6	ЮЗ-СВ	-	-	-	-	-
Байкальское XXXI - 1	овальная кольцевая	2,2x3,5	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,65x1,3x0,4	СЗ-ЮВ	на левом боку, скорченно, на ЮВ
Байкальское XXXI - 2	кольцевая	d 4,0	-	-	овальная	1,3x0,7x0,4	3-В	без костей
Байкальское XXXI - 3	овальная кольцевая	2,2x3,4	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,7x1,45x0,4	125°	фрагменты черепа

Продолжение Табл. 1

Название объекта и № комплекса	Форма кладки	Размер кладки в м	Ориентировка кладки	Структура	Форма ямы	Размер ямы в м	Ориентировка ямы	Останки костяка или положение умершего
Байкальское XXXI - 4	овальная	2,7x1,6	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	грушевидная	1,7x0,75x0,2	125°	берцовые кости и кости ступни, фрагменты черепа и зубы, часть нижней челюсти, фрагмент локтевой кости
Байкальское XXXI - 5	овальная	1,7x0,7	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,8x0,5x0,25	140°	вытянуто, на спине, головой на ЮВ
Байкальское XXXI - 6	овальная	2,0x1,3	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	0,95x0,45x0,35	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское XXXI - 7	овальная	2,8x1,6	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,2x0,5x0,4	СЗ-ЮВ	без костей
Байкальское XXXI - 8	овальная	3,0x1,6	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,85x0,55x0,3	115°	вытянуто, на спине, ориентирован головой на ЮВ
Байкальское XXXI - 9	овальная кольцевая	3,0x2,3	СЗ-ЮВ	плоская 1-слойная	овальная	1,75x0,8x0,35	СЗ-ЮВ	кости ног, судя по расположению - на спине, вытянуто, головой ориентировали на ЮВ
Курла II - 1	-	-	-	-	-	-	-	отдельные кости конечностей, судя по ним головой на восток
Курла II - 2	-	-	-	-	-	-	-	отдельные кости конечностей
Курла II - 3	прямоугольная	-	-	-	полукруглая	-	-	на спине, в вытянуто, головой на восток

Окончание Табл. 1

Белоусово, погребение 1	круглая	d 0,90	-	-	овальная	2,0x0,8	-	скорченно, на левом боку, ориентирован головой на юго-восток
о.Осинский погребение 3	-	-	-	-	овальная	1,65x0,7x0,5	-	скорченно, на правом боку, ориентирован головой на юго-восток

Таблица 2

Радиоуглеродные даты человеческих останков раннего железного века.
Даты скорректированы с учетом эффекта водохранилища пресной воды с использованием регрессионных уравнений (по Losey et al, 2017)

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	14C дата ВР	Доверительный интервал	Скорректированная дата ВР	Скорректированный доверительный интервал
ПРИОЛЬХОНЬЕ						
Цаган-Хушун 2 «а»	6, елгинский	Ua-49672	2482	33	2231	61
Цаган-Хушун 2 «а»	19, елгинский	Ua-49668	2683	37	2357	64
Цаган-Хушун 2 «а»	23, бутухейский	Ua- 49665	2580	32	2162	61
Цаган-Хушун 2 «а»	31, бутухейский	Ua-49669	2481	34	2089	62
Цаган-Хушун 2 «b»	4, елгинский	Ua-49667	2273	30	1891	60
Цаган-Хушун 2 «b»	16, елгинский	Ua-49666	2219	36	1935	63
Цаган-Хушун 2 «b»	20, елгинский	Ua-49664	2153	32	1904	61
Цаган-Хушун 2 «b»	27, елгинский	Ua-49671	2321	32	2172	61
Елга 7	2, елгинский	Ua-49637	2187	30	1953	60
Елга 7	3, елгинский	Ua-49636	2047	20	1906	56
Курма 2	5, бутухейский	Ua-49653	2470	32	2122	61
Хадарта 2	5, бутухейский	Ua-49643	2681	37	2434	64
Хужиргуй 1	1, плиточная	Ua-49648	2621	49	2239	71
Хужир-Нугэ 18	1, плиточная	Ua-49649	2527	33	2518	61
Хужир-Нугэ 3	9, плиточная	Ua-49650	2705	37	2316	64
Олзонтэй 16	1, плиточная	Ua-49655	2674	35	2285	63
Олзонтэй 6	1, плиточная	Ua-49656	2541	33	2402	61
Олзонтэй 6	2-1, плиточная	Ua-49657	2524	33	2212	61
Олзонтэй 8	1, плиточная	Ua-49658	2641	34	2688	62
Елга 21	1, плиточная	Ua-49633	2952	32	2393	61
Елга 21	4, плиточная	Ua-49634	2827	31	2350	60
Елга 21	5, плиточная	Ua-49635	2607	32	2506	61
Елга 21	3, плиточная	Ua-49631	2651	31	2411	60
Елга 21	2, плиточная	Ua-49632	2706	30	2537	60
Карганай 1	7, плиточная	Ua-49638	2507	30	2259	60
Карганай 1	1, плиточная	Ua-49639	2833	33	2542	61
Карганай 1	4, плиточная	Ua-49641	2678	31	2331	60
Карганай 1	5, плиточная	Ua-49642	2760	31	2485	60
Шара-Тагот	2, плиточная	Ua-49662	2680	33	2437	61
Шара-Тагот	1, плиточная	Ua-49663	2605	33	2286	61
Куркут 4	20, плиточная	Ua-49652	2680	35	2122	63
Хужир 2	20, плиточная	Ua-49645	2849	46	2469	69
Хужир 4	9, плиточная	Ua-49646	2646	34	2258	62
Хужир 4	11, плиточная	Ua-49647	2694	35	2170	63

Продолжение Табл. 2

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	¹⁴ C дата ВР	Доверительный интервал	Скорректированная дата ВР	Скорректированный доверительный интервал
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ						
Байкальское 7	1, елгинский	Ua-49628	1986	30	1838	91
Байкальское 7	2, елгинский	Ua-49630	2548	32	2094	91
Байкальское 27	8, бутухейский	Ua-49622	2382	31	2196	91
Байкальское 27	12, бутухейский	Ua-49623	2725	33	2523	92
Байкальское 31	4, бутухейский	Ua-49625	2502	30	2239	91
Байкальское 31	5, бутухейский	Ua-49626	2335	30	1835	91
Байкальское 31	8, бутухейский	Ua-49624	2669	31	2283	91
Байкальское 31	9, бутухейский	Ua-49627	2814	34	2321	92
Релка 1	5, плиточная	Ua-49659	2527	34	2042	92
Релка 1	1, плиточная	Ua-49660	2357	33	2125	92
ЮЖНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ						
Шаманка 2	106, бутухейский	OxA-21498	2633	27	2583	70

Таблица 3

Радиоуглеродные даты археологических объектов Предбайкалья кон. II тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. (калибровка проведена без учета резервуарного эффекта)

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	14С дата ВР	Доверительный интервал	Образец для датирования	Публикация
ДОЛИНА АНГАРЫ						
Локомотив	5, саган-нугэйский	СОАН-5168	3445	75	кости погребенного	Базалийский, 1990
Далхай 3	2, саган-нугэйский	СОАН-3344	2775	135	кости погребенного	Харинский, 2000
Троицк 1	1, бутухейский	СОАН-4583	2165	60	кости погребенного	Луньков и др., 1996
Манхай 3	11, плиточная	ГИН-7631	2640	110	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Манхай 4	на глубине 25-30 см, в слое серой супеси, 2 культ. слой	СОАН-3585	2165	150	кости животных	Харинский, 2004
Лесной остров 3	кв.30-Я, с керамикой сосновостровского типа	ГИН-7640	2070	40	уголь	Харинский, 2006б
ПРИОЛЬХОНЬЕ						
Цаган-Хушун 2 «а»	19, елгинский	СОАН-8317	2885	35	кости погребенного	Харинский, 2006б
Цаган-Хушун 2 «а»	6, елгинский	СОАН-5281	2285	50	кости погребенного	Харинский, 2006б
Цаган-Хушун 2 «б»	23, елгинский	СОАН-5280	2273	60	кости погребенного	Харинский, 2006б
Цаган-Хушун 2 «б»	28, елгинский	СОАН-6583	1635	90	кости погребенного	Харинский, Коростелев, 2011а
Цаган-Хушун 2 «б»	4, елгинский	СОАН-4324	2050	55	кости погребенного	Харинский, 2006б
Куркутский Комплекс, Могильник 1	131, четырехугольный поминальник	СОАН-1546	1860	80	уголь	Асеев, 2003, с.164
Елга 7	13, елгинский	ГИН-7644	1960	60	кости погребенного	Горюнова, Пудовкина, 1995

Продолжение Табл. 3

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	14С дата ВР	Доверительный интервал	Образец для датирования	Публикация
Елга 7	16, елгинский	ГИН-6840	2590	90	кости погребенного	Горюнова, Пудовкина, 1995
Елга 7	19 (5), елгинский	ГИН-7645	2050	160	кости погребенного	Горюнова, Пудовкина, 1995
Елга 7	3, елгинский	ГИН-7643	1890	50	кости погребенного	Горюнова, Пудовкина, 1995
Хадарта 2	4, бутухейский	СОАН-3896	3210	65	кости погребенного	Туркин, 2004
Хадарта 2	5, бутухейский	СОАН-4593	3140	70	кости погребенного	Туркин, 2004
Хадарта 2	8, бутухейский	СОАН-4879	2720	55	кости погребенного	Туркин, 2004
Итерхей 5	1, плиточная	АА-36742	3100	35	керамический нагар	Туркин, 2004
Елга 21	2, плиточная	СОАН-3707	2790	50	кости погребенного	Туркин, 2004
Елга 21	1, плиточная	ГИН-10909	2340	60	кости погребенного	Туркин, 2004
Хужир 4	9, плиточная	ГИН-6849	2590	30	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Хужир 4	11, плиточная	ГИН-7639	2520	90	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Хужир 4	1а, бутухейский	ГИН-7640	2460	100	кости лошади	Харинский и др., 1995
Хужир 2	2, плиточная	ГИН-7638	2530	60	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Сарминский летник 3	3, плиточная	СОАН-4594	2620	100	кости животных	Туркин, 2004
Олзонтэй 6	2, плиточная	СОАН-4321	2575	115	кости погребенного	Туркин, 2004
Олзонтэй 6	1, плиточная	СОАН-42100	2520	50	кости погребенного	Туркин, 2004
Олзонтэй 6	5, плиточная	СОАН-4590	2440	100	кости погребенного	Туркин, 2004
Олзонтэй 6	4, плиточная	СОАН-4322	2230	50	кости погребенного	Туркин, 2004
Олзонтэй 16	1, плиточная	СОАН-4592	2420	60	кости погребенного	Туркин, 2004
Хужир-Нугэ 3	43, плиточная	СОАН-3165	2360	90	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Хужир-Нугэ 3	42, плиточная	СОАН-3164	2300	20	кости погребенного	Харинский и др., 1995
Олзонтэй 8	1, плиточная	СОАН-4591	2280	65	кости погребенного	Туркин, 2004
Обондой 2	2, шатровая	СОАН-4106	1890	60	уголь	Харинский и др., 2010
Курминское озеро 1	горн 2	СОАН-4105	2240	30	уголь из пригорной ямы	Харинский, Снопков, 2004

Продолжение Табл. 3

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	14С дата ВР	Доверительный интервал	Образец для датирования	Публикация
Курминское озеро 1	горн 5	СОАН-4331	1680	40	уголь из горна	Харинский, Снопков, 2004
Барун-Хал 2	пригорновая яма	СОАН-3711	2180	30	уголь	Кожевников и др., 1998
Барун-Хал 2	пригорновая яма	СОАН-3902	2050	35	уголь	Кожевников и др., 2000
Барун-Хал 3	горн 1	СОАН-4882	1820	35	уголь из пригорновой ямы	Харинский, 2003
Барун-Хал 3	раскоп 2	СОАН-4883	1770	35	уголь из траншеи	Харинский, 2003
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ						
Красный Яр 1	3, красноярский	СОАН-4875	2430	45	кости погребенного	Кичигин, 2015
Красный Яр 1	3, красноярский	Уа-49670	2750	35	кости погребенного	Кичигин, 2015
Байкальское 31	1, елгинский	СОАН-4100	2130	50	кости погребенного	Харинский, 2004
Байкальское 31	4, бутухейский	СОАН-4323	1980	65	кости погребенного	Харинский, 2004
Байкальское 31	5, бутухейский	СОАН-4877	2370	45	кости погребенного	Харинский, 2004
Байкальское 31	8, бутухейский	СОАН-4878	2025	75	кости погребенного	Харинский, 2004
Байкальское 31	7, бутухейский	АА-60794	2750	40	керамический нагар	Харинский, 2004
Релка 1	5, плиточная	СОАН-7575	2115	35	кости погребенного	Харинский, 2017
Байкальское 1	уч.56, кв. 36, прослойка между 1 и 2 слоем	СОАН-3587	2100	30	уголь	Харинский, 2005
Байкальское 1	уч.55, кв.30, слой 1	ЛЕ-3615	1650	140	уголь	Харинский, 2006б
Байкальское 3	раск.1, уч.2, кв.3	СОАН-3588	2230	30	деревянный кол	

Окончание Табл. 3

Археологический объект	№ комплекса, погребальный ритуал	Лабораторный номер	14С дата ВР	Доверительный интервал	Образец для датирования	Публикация
Байкальское 3	траншея, кв.12, 1 слой	ГИН-7633	2030	50	деревянный кол	Харинский, 2006б
ДОЛИНА Р. ВИТИМ						
Усть-Окторокон 1	погребение 1	ГИН-7065	1980	40	кости погребенного	Ветров, Инешин, 2002
Усть-Каренга 12	погребение 1	ГИН-5825	2130	40	кости погребенного	Ветров, Инешин, 2002
Нирыкан 1	1, елгинский	ГИН-8004	1880	40	кости погребенного	Ветров, Инешин, 2002

Таблица 4

Сопроводительный инвентарь из погребально-поминальных комплексов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Куркутский Комплекс, Могильник I - 133					Железное кресало	Костяной наконечник стрелы	
Куркутский Комплекс, Могильник II - 4	Бронзовая литая ажурная пластина; 3 железные пуговицы на материи		3 каменные бусины			Железный наконечник стрелы, железный нож	
Хадарта II - 2	1 бронзовая 4х-лепестковая бляшка-пуговица; 1 железная пластина аморфной формы						
Будун I - 3	5 бронзовых пуговиц, бронзовая крестовидная бляшка	Костяное кольцо				10 костяных наконечников стрел, 4 костяных накладки лука	несколько фрагментов керамики
Бутухей II - 1	бронзовая пуговица		каплевидная бусина			железный нож, костяной наконечник стрелы	фрагмент неорнаментированной гладкостенной керамики
Курма II - 4	бронзовая пуговица						

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Шибэтэ VI - 1	бронзовая бляшка с головами грифонов						
Елга VII - 2	Железная пуговица				Железная трубка		2 фр-та венчиков гладкост.кер-ки с налетом, рассеч.давлениями
Елга VII - 3							Фр-т гладкост.кер-ки
Елга VII - 4							Фр-ты гладкост.кер-ки
Елга VII - 5	Бронзовая пуговица						
Елга VII - 7							Фр-ты гладкост.кер-ки
Елга VII - 8							1 венчик от гладкост.сосуда с налетом, рассеч.вдавлениями, фр-т уплощенного дна гладкост. сосуда, фр-ты гладкост.кер-ки
Елга VII - 11	Железная пуговица	Железное кольцо					1 венчик от гладкост.сосуда с налетными валиками, рассеч.вдавлениями
Елга VII - 12							67 фр-та гладкост.кер-ки, 2 фр-та венчиков гладкост.кер-ки с налетными валиками,рассеч.вдавлениями
Елга VII - 13				Железные удила			4 фр-та гладкост.кер-ки
Елга VII - 16				Железные удила			Фр-ты гладкост.кер-ки

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Цаган-Хушун II «а» - 1						1 костяной наконечник стрелы, 2 концевые накладки лука из кости	
Цаган-Хушун II «а» - 3							4 фр-та от венчика и 3 фр-та тулова от гладкост.сосуда, орнаментир.пальцевыми защитами
Цаган-Хушун II «а» - 4							3 фр-та от венчика и 5 фр-та тулова от гладкост.сосуда, орнаментир. вдавлениями
Цаган-Хушун II «а» - 5							15 фр-тов гладкост.керки, 1 фр-т гладкост.керки, орнаментир. вдавлениями
Цаган-Хушун II «а» - 6					Костяная трубка, 4 костяных гарпунчика?	7 костяных наконечников стрелы, фр-т костяной накладки лука, железный нож	1 фр-т венчика с валиком, 11 фр-т от тулова гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «а»- 7	Бронзовая пластинка-подвеска, 2 бронзовые пуговицы						1 фр-т венчика гладкост.сосуда с наlepным валиком с п защитами, 1 фр-т dna гладкост.сосуда, 1 фр-т венчика гладкост.сосуда с вдавлениями

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Цаган-Хушун II «а» - 8							1 фр-т венчика гладкост.сосуда с горизонт.рядами наклонных вдавлений
Цаган-Хушун II «а» - 11							1 фр-т венчика гладкост.сосуда с налипком с пальц.защипами, 1 фр-т тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «а» - 12							1 фр-т тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «а» - 16	Железная круглая ременная пряжка						
Цаган-Хушун II «а» - 18							1 фр-т венчика гладкост.сосуда с горизонт.рядами вдавлений
Цаган-Хушун II «а» - 19						Каменный наконечник стрелы	232 фр-та кер-ки от 4х сосудов. 1й с налипными валиками, рассеч. вдавл, 2й с горизонт.рядами кругых вдавл, 3й с налипком, рассеч. вдавлениями и круглыми вдавлениями под ним, 4й с налипным валиком с пальц.защипами и вдавлениями
Цаган-Хушун II «а» - 21							3 фрагмента гладкостенной неорнаментированной керамики

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Цаган-Хушун II «а» - 23	бронзовая ременная пряжка со сквозным отверстием для продевания ремешка; 1 бронзовая сферическая пуговица; 1 железная круглая пуговица					2 костяных наконечников стрелы,	115 фрагментов керамики, 4 из них с орнаментом
Цаган-Хушун II «а» - 24			1 каменная бусина синего цвета				
Цаган-Хушун II «а» - 25						Железный нож	
Цаган-Хушун II «а» - 26	1 бронзовая сферическая пуговица						
Цаган-Хушун II «а» - 27							3 фрагмента керамики без орнамента
Цаган-Хушун II «а» - 30							112 фрагментов керамики, из них 39 орнаментированные
Цаган-Хушун II «а» - 31	3 железные бабочковидные бляшки; бронзовая бабочковидная бляшка	1 железное кольцо; 2 бронзовых кольца				3 костяные накладки лука; 3 костяных наконечника стрел	70 фрагментов керамики, из них 18 с орнаментом
Цаган-Хушун II «а» - 33							4 фрагмента керамики без орнамента
Цаган-Хушун II «а» - 34							4 фрагмента керамики без орнамента

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Цаган-Хушун II «b» - 1	Бронзовая ременная пряжка						Фр-ты кер-ки с оттисками шнура и с горизонт.рядами круглых вдавлений и зигзагообр.рнаментом под ними
Цаган-Хушун II «b» - 4	3 ложечковидные подвески, 2 железные обоймы, 3 бронзовые трапециевидные пряжки, позолоченная бронзовая серьга, бронзовая подвеска с изобр.животного, 2 железные пуговицы, бронзовая поясная пластина		22 бусины: сердоликовые бусины, шестигранные сердоликовые бусины, шестигранные бусины из сургучно-красной яшмы, круглые пастовые бусины, 2 бронзовых кольца, 1 железное кольцо	Железная трубка, железное шило	Железный нож		
Цаган-Хушун II «b» - 5	Бронзовая ажурная поясная пластина						
Цаган-Хушун II «b» - 8							Фр-т венчика гладкост.сосуда с наlepным валиком с вдавлениями
Цаган-Хушун II «b» - 9						Фр-т железного кельта	
Цаган-Хушун II «b» - 11						Железный нож	

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Цаган-Хушун II «b» - 14							Фр-ты кер-ки с вафельным орнаментом. Венчик с наклепным валиком, рассеч.вдавлениями
Цаган-Хушун II «b» - 16	Костяная поясная пряжка						
Цаган-Хушун II «b» - 18	Бронзовая пряжка с изобр.головы быка, костяная застежка	Железное кольцо, кольцо из серого аргиллита, костяное кольцо			Костяная часть прибора для добывания огня трением, 2 костяные трубки	7 костяных наконечников стрел	
Цаган-Хушун II «b» - 19						Костяной наконечник стрелы	
Цаган-Хушун II «b» - 21						Костяная накладка лука	
Цаган-Хушун II «b» - 22			Красная граненая бусина				1 фр-т венчика с валиком с пальц.защипами, 1 фр-т дна, 10 фр-тов тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «b» - 23	1 бронзовая пуговица, 2 железные пуговицы, 1 бронзовая пряжка,				Железная трубка		1 фр-т тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «b» - 26	2 бронзовые пуговицы						3 фр-та тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «b» - 27						Железный нож	1 фр-т тулова от гладкост.сосуда
Цаган-Хушун II «b» - 28							7 фр-тов тулова от гладкост.сосуда

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Байкальское VII - 1							Фрагменты сосуда с оттисками шнурас зигзагообр.налеп.валиками и крруглыми вдавлениями
Байкальское VII - 2	Бронзовая поясная пластина	Железное кольцо					492 фр-та кер-ки от 4х сосудов: 1й венчик от сосуда с вафельным орнаментом с налeпными валиками, рассеч.вдавлениями; 2й фр-т от гадкост.сосуда с круглыми вдавлениями и загзагообр.орнаментом; 3 и 4й фр-ты сосудов с оттиск.шнура. Налепы деформир.ральц.заштпам и
Байкальское XXVII - 1							остатки сосуда, украшенного узкими горизонтальными и вертикальными налeпными валиками
Байкальское XXVII - 2	2 бронзовые ложечковидные подвески, 1 бронзовая пуговица, 1 бронзовая бляшка с изобр.рогатого животного				Костяной упор для добывания огня трением	Железный наконечник стрелы, бронзовый нож,	Фр-ты сосуда с вафельным орнаментом, с налeпным валиком, рассеч.вдавлениями
Байкальское XXVII - 4							фрагмент плоскодонного сосуда

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Байкальское XXVII - 5							остатки сосуда с горизонтальными наклепными валиками с пальцевыми защипами
Байкальское XXVII - 6							венчик сосуда, с внешней стороны украшен наклепным валиком и круглыми вдавлениями под ним. Глиняный плоскодонный сосуд
Байкальское XXVII - 7							фрагменты сосуда, с наклепными горизонт. валиками, рассеченными треугольными в сечении вдавлениями
Байкальское XXVII - 8			1 пастовая бусина	распределитель ремня (бронзовая трубка)		бронзовый нож	фрагментами керамики, украшенными двумя горизонтальными наклепными валиками
Байкальское XXVII - 10							фрагмент керамики, украшенный наклепным горизонтальным валиком
Байкальское XXVII - 12	1 бронзовая сферическая пуговица; 2 бронзовые пуговицы в виде стилизованной головы птицы		амазонитовая бусина				
Байкальское XXVII - 15	бронзовая сферическая пуговица						

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Байкальское XXXI - 1	2 железные бабочковидные бляшки, 1 бронзовая 4х-лепестковая бляшка					2 костяные накладки лука, обломок железного ножа	
Байкальское XXXI - 2							несколько фрагментов гладкостенной керамики
Байкальское XXXI - 3	4 железные бабочковидные бляшки, 1 бронзовая 4х-лепестковая бляшка, 2 бронзовые бляшки с головами грифонов	3 железных кольца		Бронзовая рукоять плети			
Байкальское XXXI - 4		железное спиралевидное кольцо	2 амазонитовые бусины; 6 пастовых бусин				
Байкальское XXXI - 5	63 бронзовых бляшки на кожаных полосках. Бляшки восьмеркообразные, зигзагообразные и четырехлепестковые; 57 бронзовых обойм		круглая бронзовая бусина			бронзовый нож	

Продолжение Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Байкальское XXXI - 6	5 железных бабочковидных бляшек; 3 железные бляшки в виде голов грифонов; 2 железные сферические бляшки; 3 бронзовые сферические бляшки-пуговицы	круглая золотая сережка и спиралевидная серебряная сережка					
Байкальское XXXI - 7	1 железная бабочковидная бляшка; 1 обломок бронзовой обоймы; 2 бронзовые 4х-лепестковые бляхи; 2 золотые овальные пластины		пастовая бусина			6 костяных наконечников стрел;	несколько фрагментов керамики
Байкальское XXXI - 8	6 железных бабочковидных бляшек; костяная трапециевидная пряжка					бронзовый нож	
Курла, погребение 1	3 бронзовые пуговицы полусферической формы				бронзовое зеркало	бронзовый нож, кельт	
Курла, погребение 2	4 бронзовые бляшки				бронзовое зеркало	бронзовый кинжал	
Курла, погребение 3						бронзовый кельт	
Богучанская XII -1						бронзовый нож	

Окончание Табл. 4

название объекта и № погребения	категория инвентаря						
	украшение			конское снаряжение	бытовой предмет	военное снаряжение	керамика
	бляшки, пуговицы, пластины, пряжки	кольца, сережки	бусины				
Белоусово	Бронзовая пуговица		Каменная бусина, 2 стеклянных бусины		Костяная трубка	5 костяных накладок лука, 4 костяных наконеч. стрел, железный нож	
Осинский – 1 (раскопки 2016 г.)	костяная пряжка, 1 железная пуговица	1 железное кольцо				1 костяной наконечник стрелы	
Осинский – 2 (раскопки 1982 г.)	1 костяная пряжка, 1 железная пуговица, 1 бронзовая ложечковидная подвеска, 1 бронзовая пряжка	3 костяных кольца				3 накладки лука, 1 костяной наконечник стрелы, 2 железных ножа	
Осинский – 3 (раскопки 1982 г.)						Железный нож	
Осинский – 4 (раскопки 1981 г.)	3 костяных круглых застежки-ворворки, 1 костяная пряжка, 1 железная пряжка, 2 железных пуговицы, 3 бронзовые поясные пластины	2 железных кольца			2 костяных упора для добывания огня трением	5 костяных наконечников стрел, 3 железных ножа	

Таблица 5

Заключение о химическом составе металлических предметов из археологических комплексов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. - первой половиной I тыс. н.э.*

предмет	место находки	химический элемент, %												
		Cu	Sn	As	Pb	Ni	Fe	Bi	Sb	Ti	Zn	Co	Mn	Ag
пуговица №1	Будун I - 3	95,72	0,83	1,41	0,99	0,05	0,11	0,16	0,73					
пуговица №2	Будун I - 3	96,43	1,58	0,52	1,33	0,08	0,06							
пуговица №3	Будун I - 3	97,99		1,58	0,12		0,04	0,27						
пуговица №4	Будун I - 3	97,06	0,39	1,42	0,77	0,21	0,15							
пуговица №5	Будун I - 3	95,94		0,6		0,08	0,05		3,33					
пуговица №1	Цаган-Хушун IIa - 7	94,19	2,18	2,76	0,39	0,07	0,11	0,3						
пуговица №2	Цаган-Хушун IIa - 7	98,05		1,28	0,31	0,07	0,29							
пластинка	Цаган-Хушун IIa - 7	79,01	20,3	0,32	0,32	0,05								
поясная пряжка	Цаган-Хушун IIb - 1	98,34		1,27	0,39									
поясная пластина	Цаган-Хушун IIb - 4	78,16	10,62	0,29	10,3	0,12			0,51					
ступенчатая рамка №1	Цаган-Хушун IIb - 4	96,88	0,31	1,1	1,65	0,06								
ступенчатая рамка №2	Цаган-Хушун IIb - 4	92,95	0,59	2,85	3,39	0,22								
ступенчатая рамка №3	Цаган-Хушун IIb - 4	97	0,36	1	1,55	0,09								
подвеска с изображением животного	Цаган-Хушун IIb - 4	72,9	17,03		9,71	0,13	0,23							
кольцо от поясной гарнитуры	Цаган-Хушун IIb - 4	95,4		3,85	0,19	0,11		0,45						
кольцо	Цаган-Хушун IIb - 4	88,84	2,63	0,64	7,13	0,06			0,7					
витая серьга	Цаган-Хушун IIb - 4	97,68	0,93	0,89	0,43		0,07							
поясная ажурная пластина с изображением змей	Цаган-Хушун IIb - 5	96,19	0,89	1,74	1,12	0,06								

*Исследования проводились в лаборатории кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000, производство США).

Для этого использовалась специальная аналитическая программа выявления компонентов сплава из цветных металлов

Продолжение Табл. 5

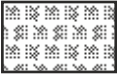

предмет	место находки	химический элемент, %												
		Cu	Sn	As	Pb	Ni	Fe	Bi	Sb	Ti	Zn	Co	Mn	Ag
поясная пряжка в виде головы быка	Цаган-Хушун Пб - 18	70,6	14,37		14,41	0,11					0,51			
поясная пряжка	Цаган-Хушун Пб - 23	80		1,42	17,05		0,07	0,53	0,93					
пуговица	Цаган-Хушун Пб - 23	97,93		1,16	0,77		0,14							
пуговица №1	Цаган-Хушун Пб - 26	81,94	6,19	0,76	10,74	0,07	0,14			0,16				
пуговица №2	Цаган-Хушун Пб - 26	83,11	6,71	0,66	9,45	0,07								
поясная ажурная пластина с решетчатым орнаментом	Байкальское VII - 2	90,28	3,21	0,76	4,94	0,11			0,7					
круглая бляха	Байкальское XXVII - 2	95,11		0,62	3,13	0,12	0,23		0,79					
пуговица в виде головы рогатого животного	Байкальское XXVII - 2	99,1		0,84	0,06									
ложечковидная подвеска №1	Байкальское XXVII - 2	82,58	2,43	0,91	13,01	0,09			0,98					
ложечковидная подвеска №2	Байкальское XXVII - 2	84,51	2,57	0,72	12,02	0,18								
ложечковидная подвеска №3	Байкальское XXVII - 2	88,34	0,37	4,51	6,69	0,09								
ложечковидная подвеска №4	Байкальское XXVII - 2	94,23	0,41	1,03	4,24	0,09								
ложечковидная подвеска №5	Байкальское XXVII - 2	93,74	0,24	0,28	5,65	0,09								
нож	Байкальское XXVII - 8	96,78		2,98		0,08		0,16						
пуговица в виде головы птицы	Байкальское XXVII - 12	82,23	17,11		0,17		0,49							
пуговица с насечками по краю	Байкальское XXVII - 12	86,66	12,21	0,56	0,35		0,22							
пуговица	Байкальское XXVII - 15	92,86	1,39	1,43	3,42	0,06	0,46	0,23		0,15				
четырёхлепестковая бляшка	Байкальское XXXI - 1	95,99		1,14	2,22	0,07	0,08		0,5					
рукоять плети	Байкальское XXXI - 3	96,18		3,43	0,1		0,15	0,14						
четырёхлепестковая бляшка с головами грифонов	Байкальское XXXI - 3	51,59	39,46		8,52	0,08	0,35							
4-лепестковая бляшка с головами грифонов с выпуклой серединой	Байкальское XXXI - 3	42,84	28,27		26,89	0,09	1,91							
скоба (деталь украшения одежды на кожаном ремешке)	Байкальское XXXI - 5	50,06	14,21	0,55	34,67		0,51							

Окончание Табл. 5

предмет	место находки	химический элемент, %												
		Cu	Sn	As	Pb	Ni	Fe	Bi	Sb	Ti	Zn	Co	Mn	Ag
4-хлепестковая нашивная подвеска (деталь украшения одежды)	Байкальское XXXI - 5	51,93	40,27	0,47	6,97		0,36							
зигзагообразная нашивная подвеска (деталь украшения одежды)	Байкальское XXXI - 5	82,47		13,6	1,97	0,09	0,97					0,06		0,84
нож	Байкальское XXXI - 5	97,14	0,86	1,61	0,34	0,05								
круглая рельефная пуговица	Байкальское XXXI - 6	95,72		3,05	0,29	0,07	0,56			0,23			0,08	
круглая плоская бляха	Байкальское XXXI - 7	76,48	21,05	0,68	1,23	0,07	0,2			0,29				
круглая выпуклая бляха	Байкальское XXXI - 7	62,9	18,95	0,64	17,45	0,06								
поясная ажурная пластина с изображением борьбы 2х лошадей	Нижнеудинский р-н, случайная находка	98,84		0,61	0,45		0,1							
поясная ажурная пластина с решетчатым орнаментом	о.Осинский, погребение 4	82,77	14,76		1,49	0,11	0,38	0,2				0,29		

ИЛЛЮСТРАЦИИ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ стратиграфия:

	- дерн		- бурая супесь
	- светло-коричневая супесь		- светло-серая супесь
	- желтая супесь		- светло-серая супесь со следами прокаливания в следствие горения корней деревьев
	- темно-серая гумусированная супесь		- желтая супесь со скальной крошкой
			- серо-желтый суглинок о щебнем

планиграфия:

керамика:

- - фрагменты керамики (тулово)
- - фрагменты керамики (венчик)
- - фрагменты керамики (дно)

металлические изделия:

бронза:

- - нож;
- - пуговица;
- - поясная пластина

железо:

- - наконечник стрелы;
- - нож
- - кресало
- - пуговица
- - кольцо
- - фрагмент изделия

кость:

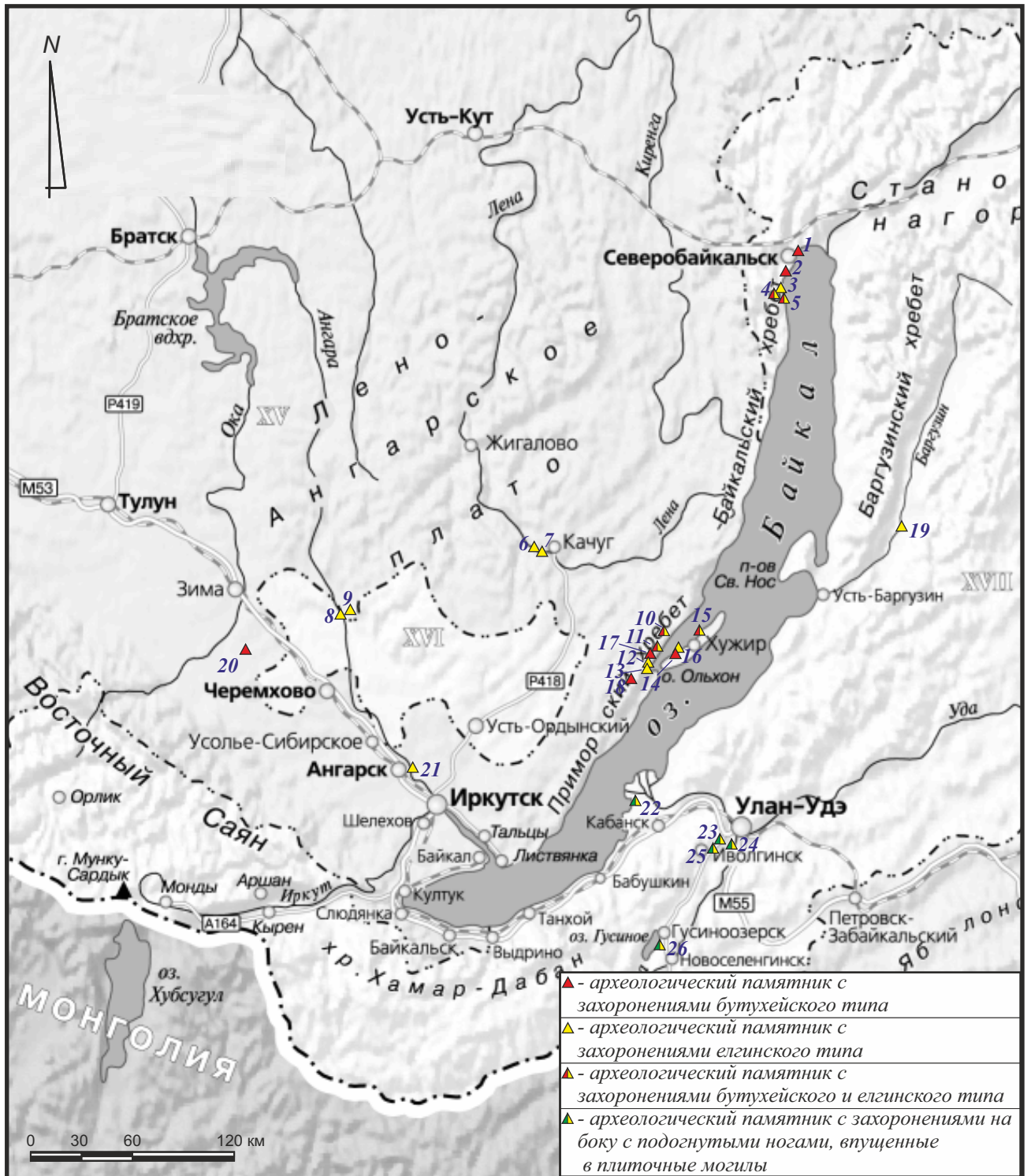
- - наконечник стрелы
- - накладка лука
- - кольцо
- - фрагмент неопределимой кости

камень:

- - бусина
- ▼ - отщеп

другое:

- - скопление углей

1 - Курла, 2 - Богучанская XII, 3 - Байкальское VII, 4 - Байкальское XXVII, 5 - Байкальское XXXI, 6 - Белоусово, 7 - Старый Качуг, 8 - о.Осинский, 9 - Игетейский Лог II, 10 - Цаган-Хушун II, 11 - Хадарта II, 12 - Куркутский комплекс I, 13 - Куркутский комплекс II, 14 - Шибэтэ VI, 15 - Будун I, 16 - Елга VII, 17 - Курма II, 18 - Бутухей II, 19 - Шулуун Шэнэгэльжин, 20 - Троицк I, 21 - Идан, 22 - Посольск, 23 - Сотниково, 24 - Тологой II, 25 - Саянтуй, 26 - Ацай II

Рис.1. Карта Предбайкалья с расположением бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. - первой половиной I тыс. н.э.

Рис.2. Карта Приольхонья с расположением погребально-поминальных комплексов с бутухейским и елгинским типом захоронений

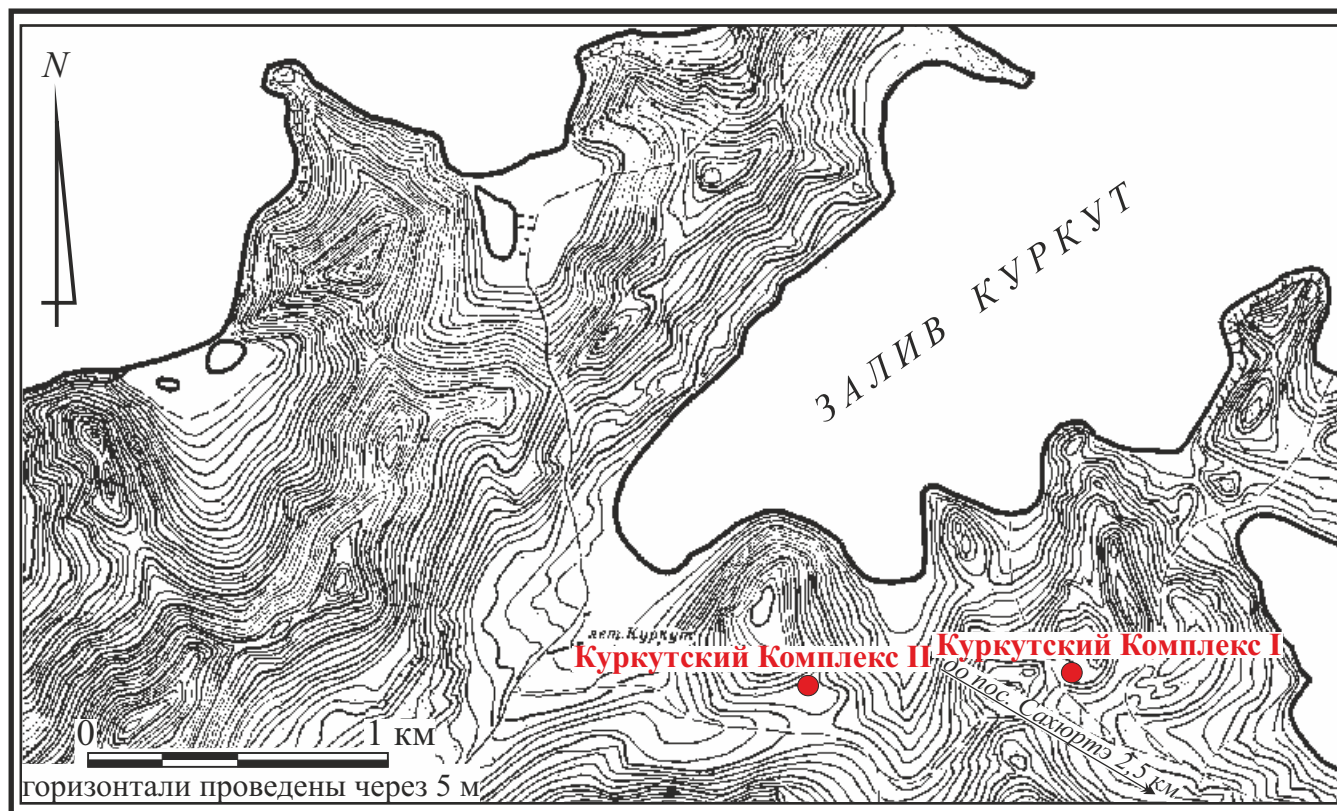

Рис.3. Карта-схема расположения Куркутский Комплекс I и Куркутский Комплекс II (раскопки И.В. Асеева 1974 и 1976 гг.)

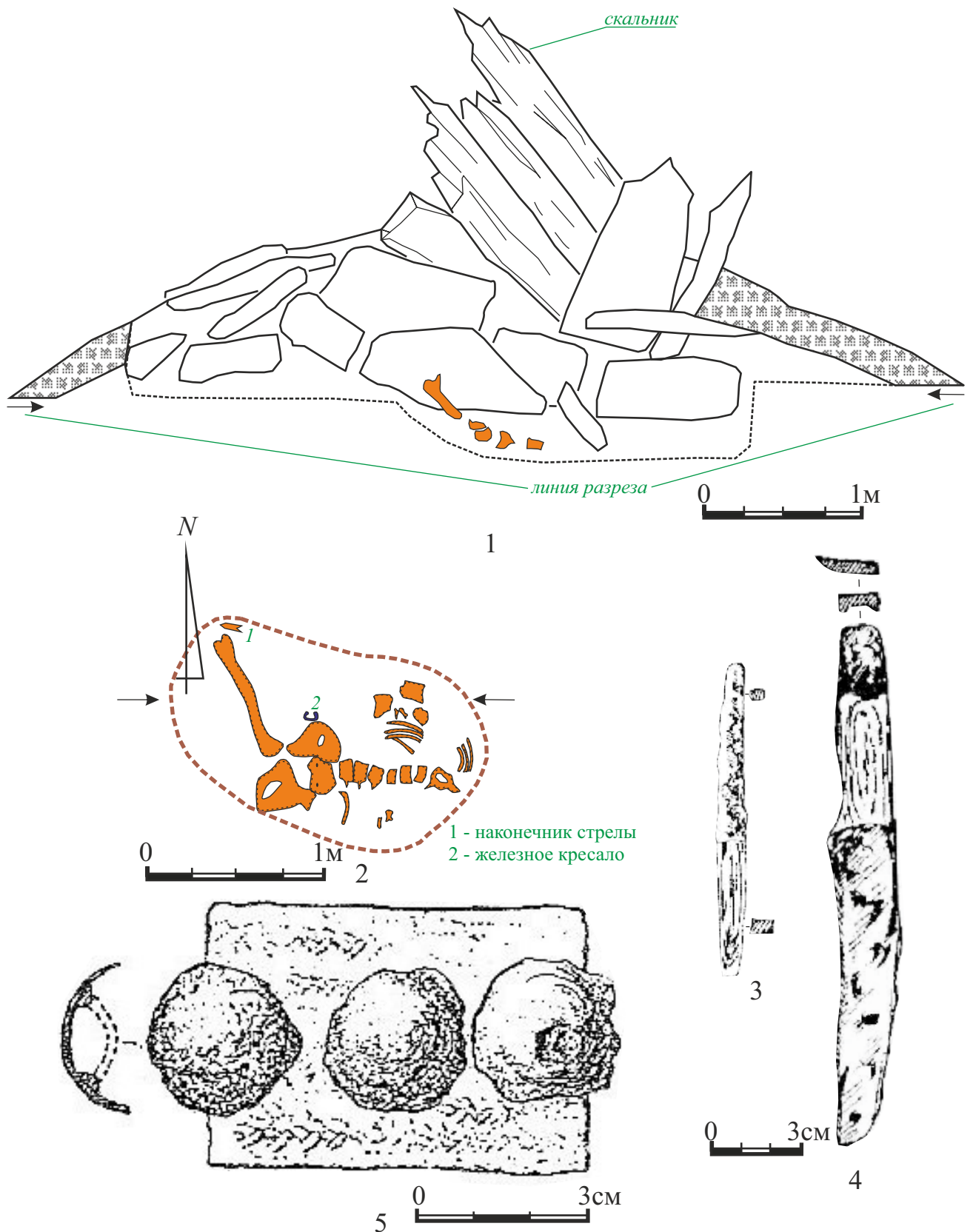

Рис.4. 1 - Куркутский Комплекс I, погребение №133: план могилы;
 2 - заполнение ямы; 3 - Куркутский Комплекс II, погребение №4:
 железный наконечник стрелы; 4 - железный нож,
 5 - железные пуговицы на материи (по И.В. Асееву, 1980)

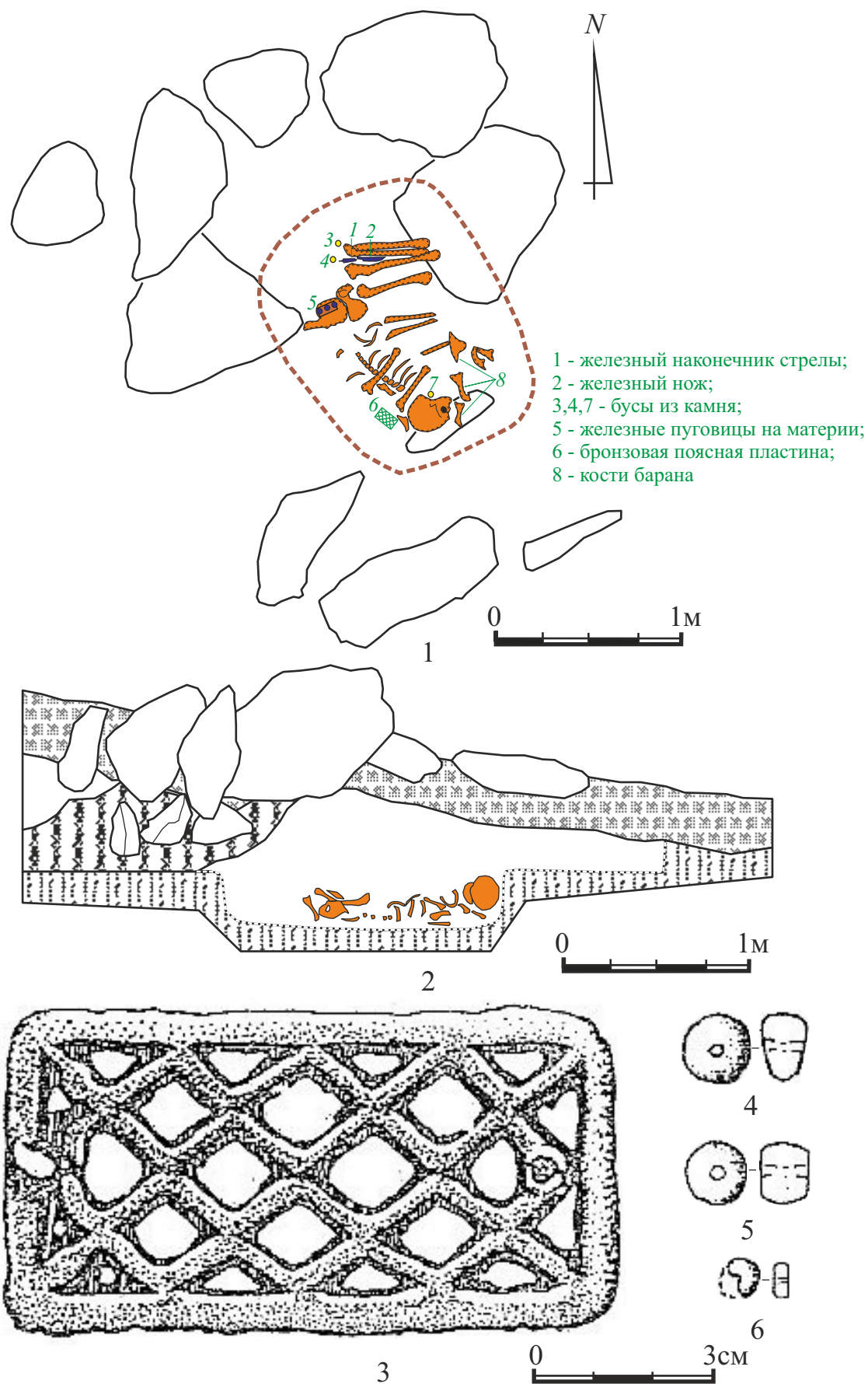

Рис.5. Куркутский комплекс II, погребение №4:
 1 - план могилы; 2 - профильный разрез; 3 - бронзовая пластина;
 4-6 - каменные бусы (по И.В. Асееву, 1980)

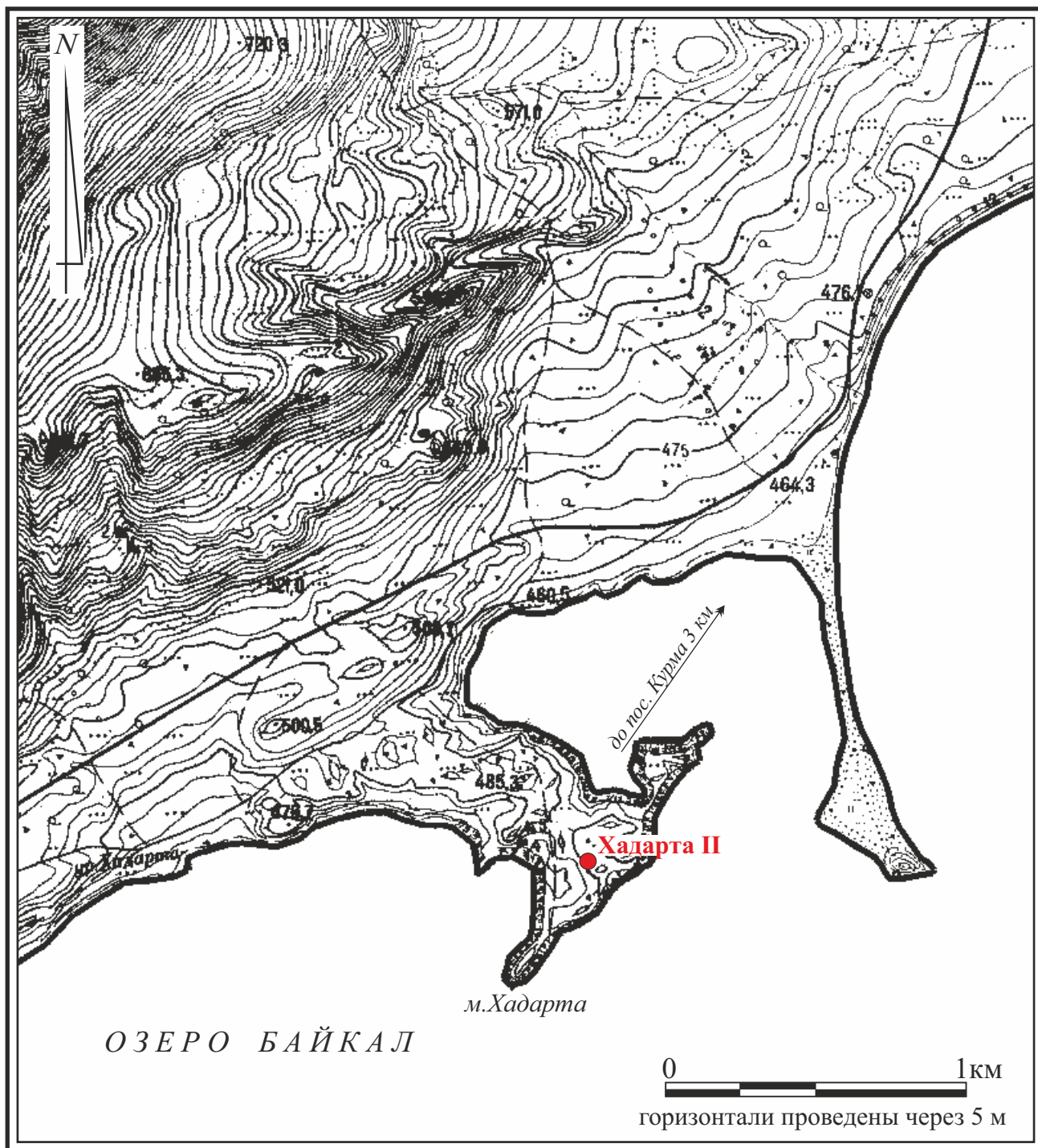

Рис.6. Карта-схема расположения могильника Хадарта II

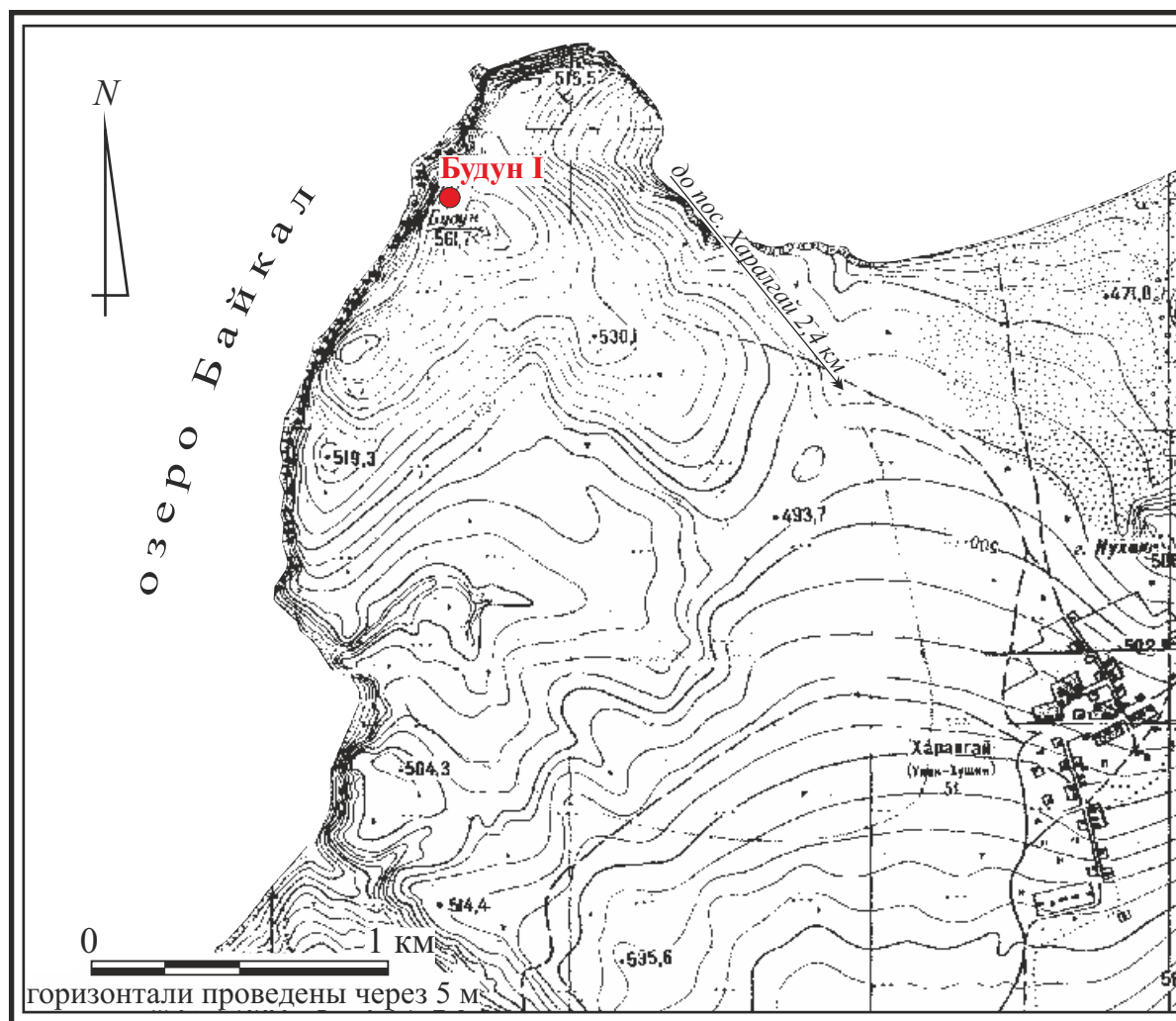

Рис.7. Карта-схема расположения могильника Будун I на о. Ольхон (раскопки В.В. Свирина, 1978 г.)

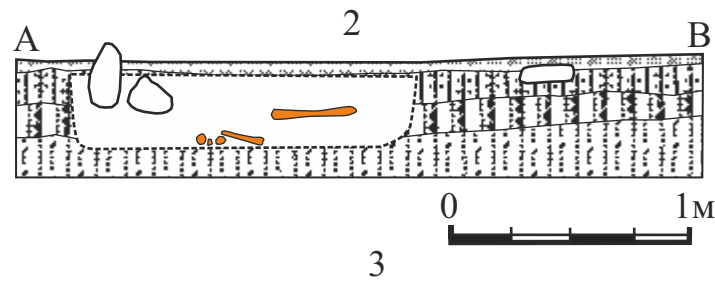
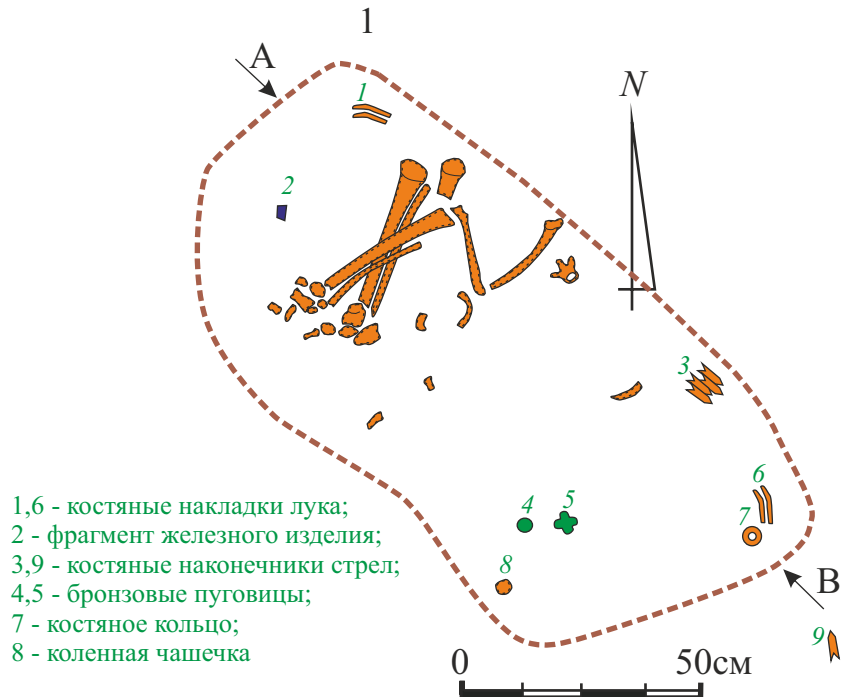
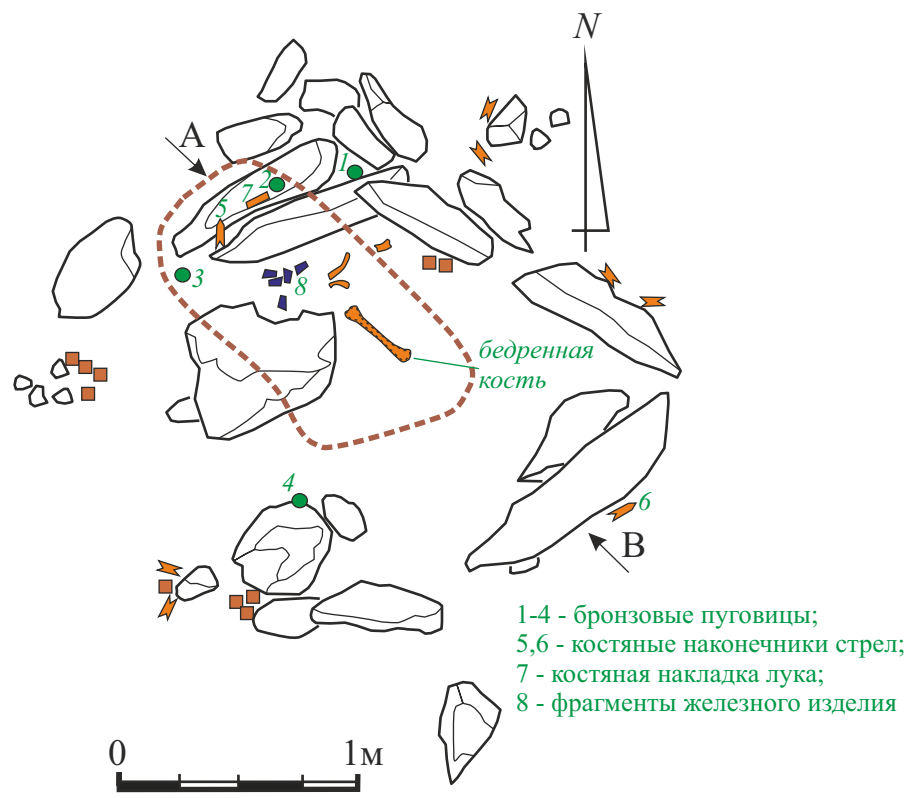

Рис.8. Будун I, комплекс №3: 1 - кладка после расчистки; 2 - заполнение ямы; 3 - профильный разрез (по А.В. Харинскому, 2002)

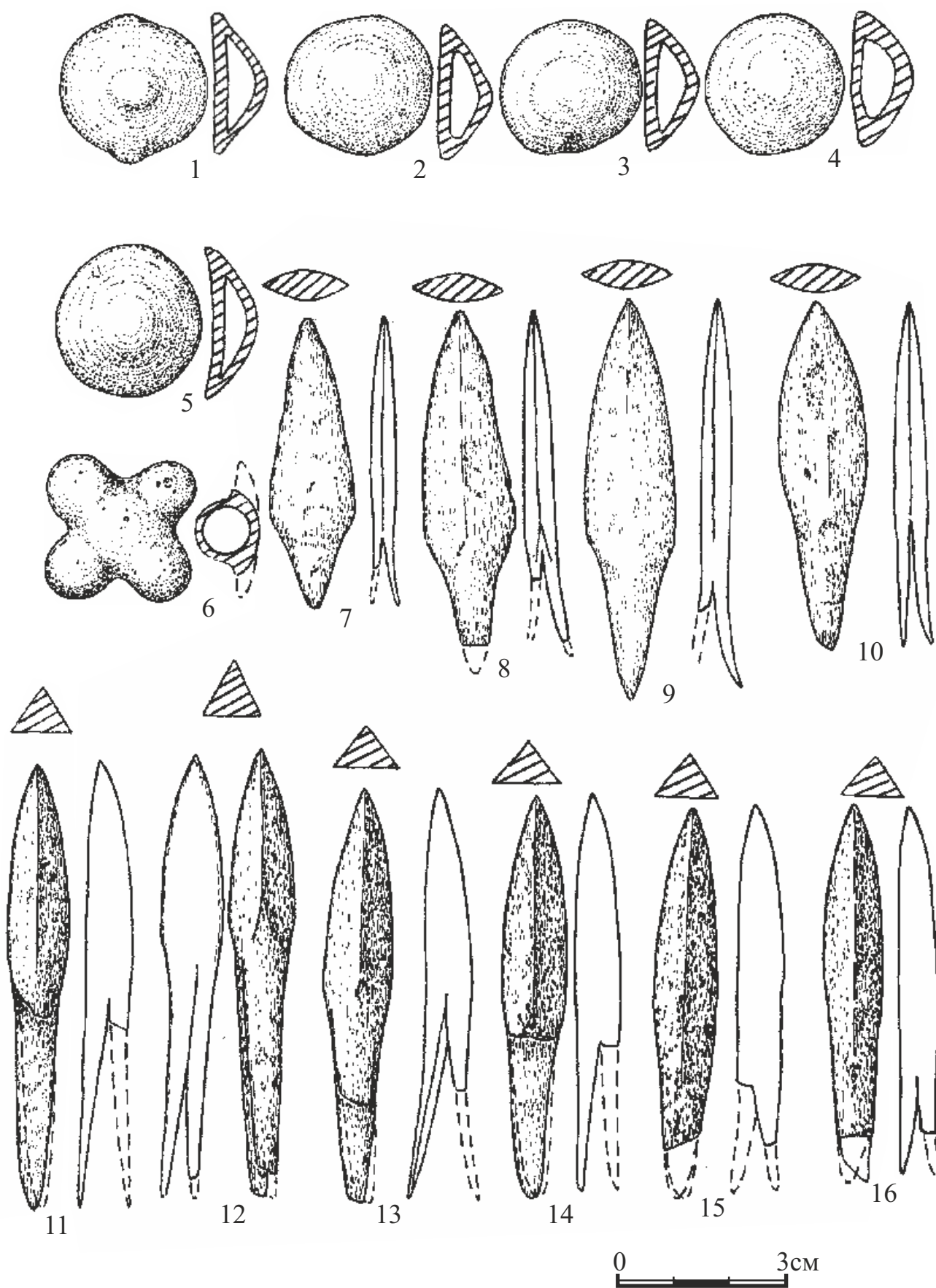
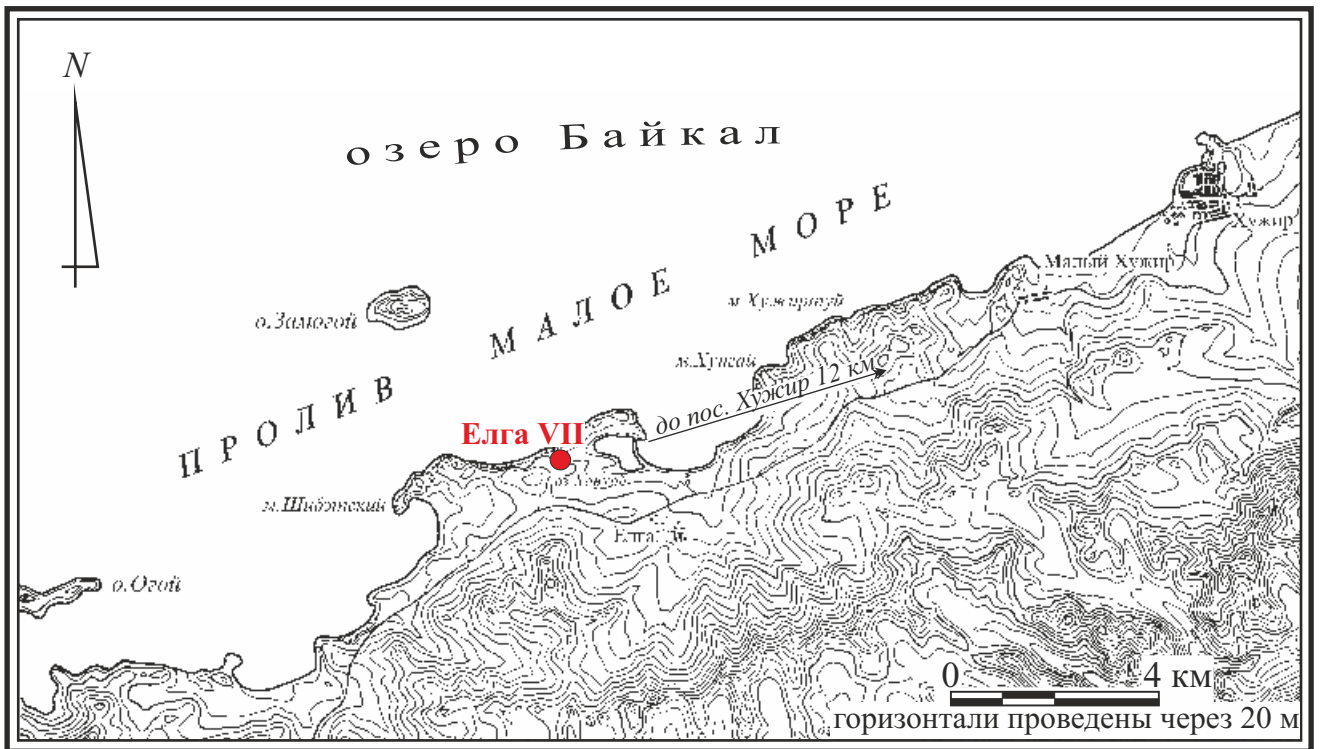
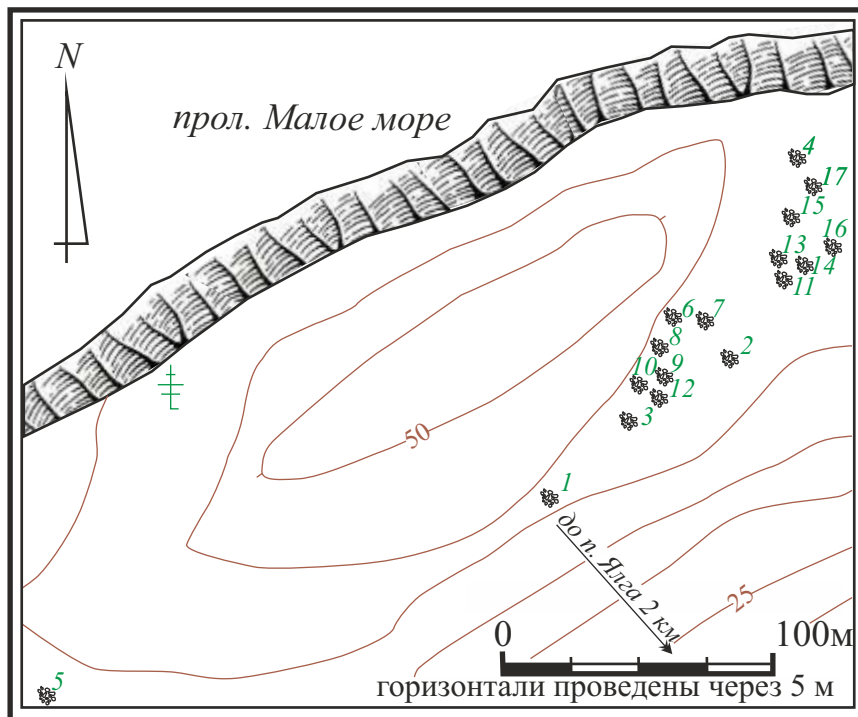

Рис.9. Будун I, комплекс №3, сопроводительный инвентарь:
 1-6 - бронзовые пуговицы; 7-16 - костяные наконечники стрел
 (по А.В. Харинскому, 2002)

1

2

Рис.10. 1 - Карта-схема расположения памятника Елга VII на о. Ольхон
 2 - Схема расположения каменных кладок (раскопки О.И. Горюновой, 1988 г)

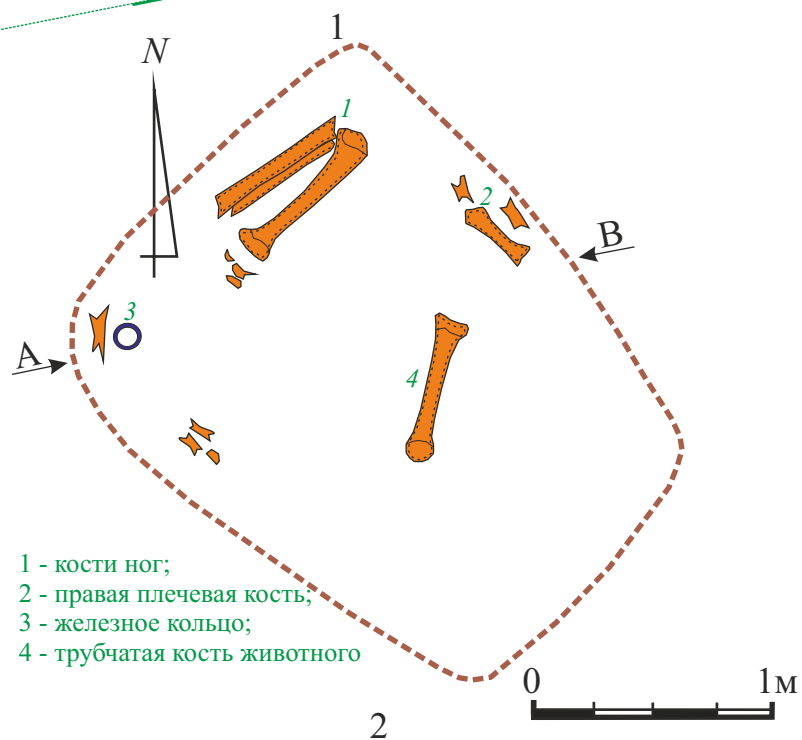
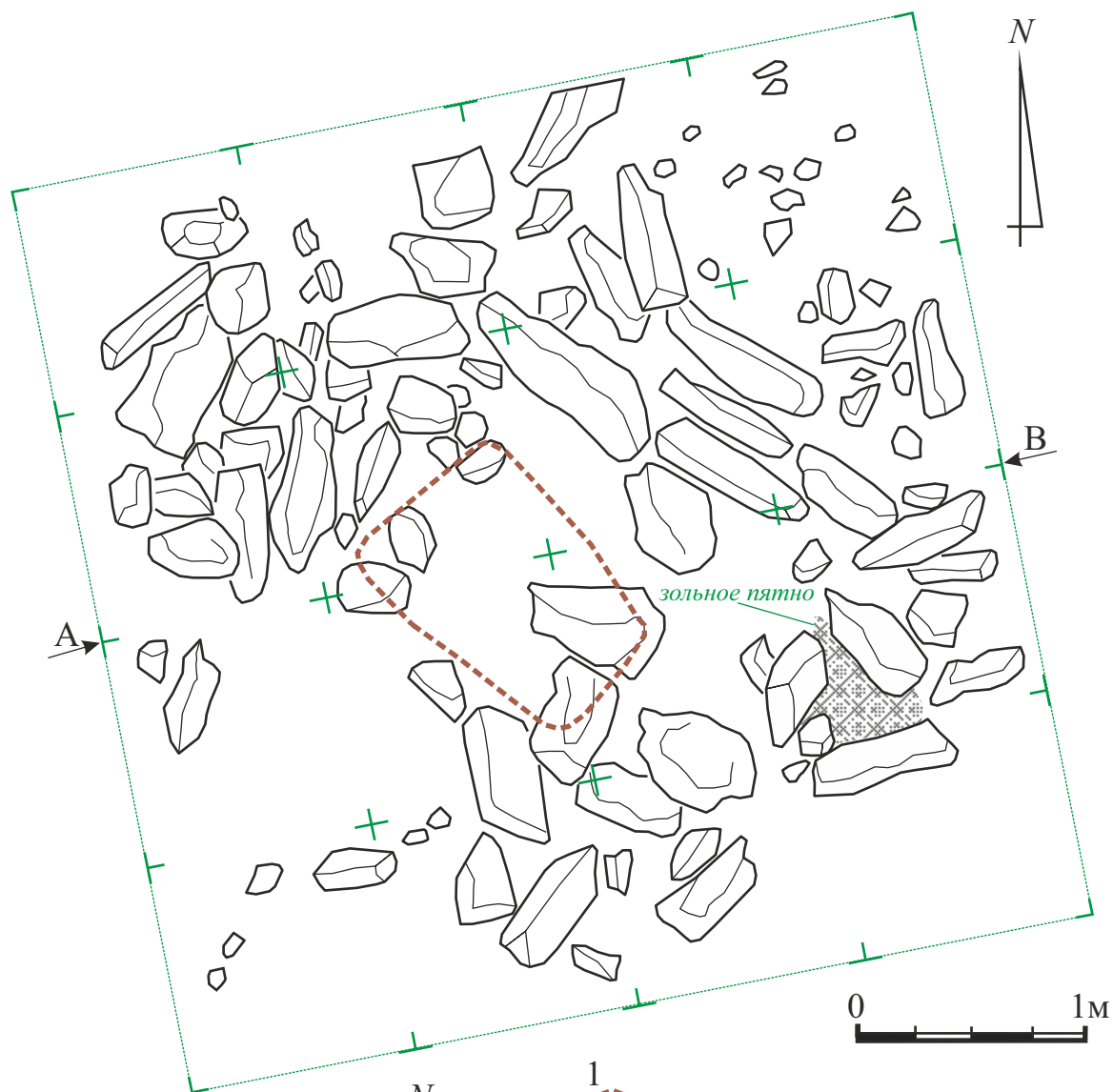

Рис.11. Елга VII, комплекс №11: 1 - кладка после расчистки;
 2 - заполнение могильной ямы (По О.И. Горюновой, Е.А. Пудовкиной, 1995)

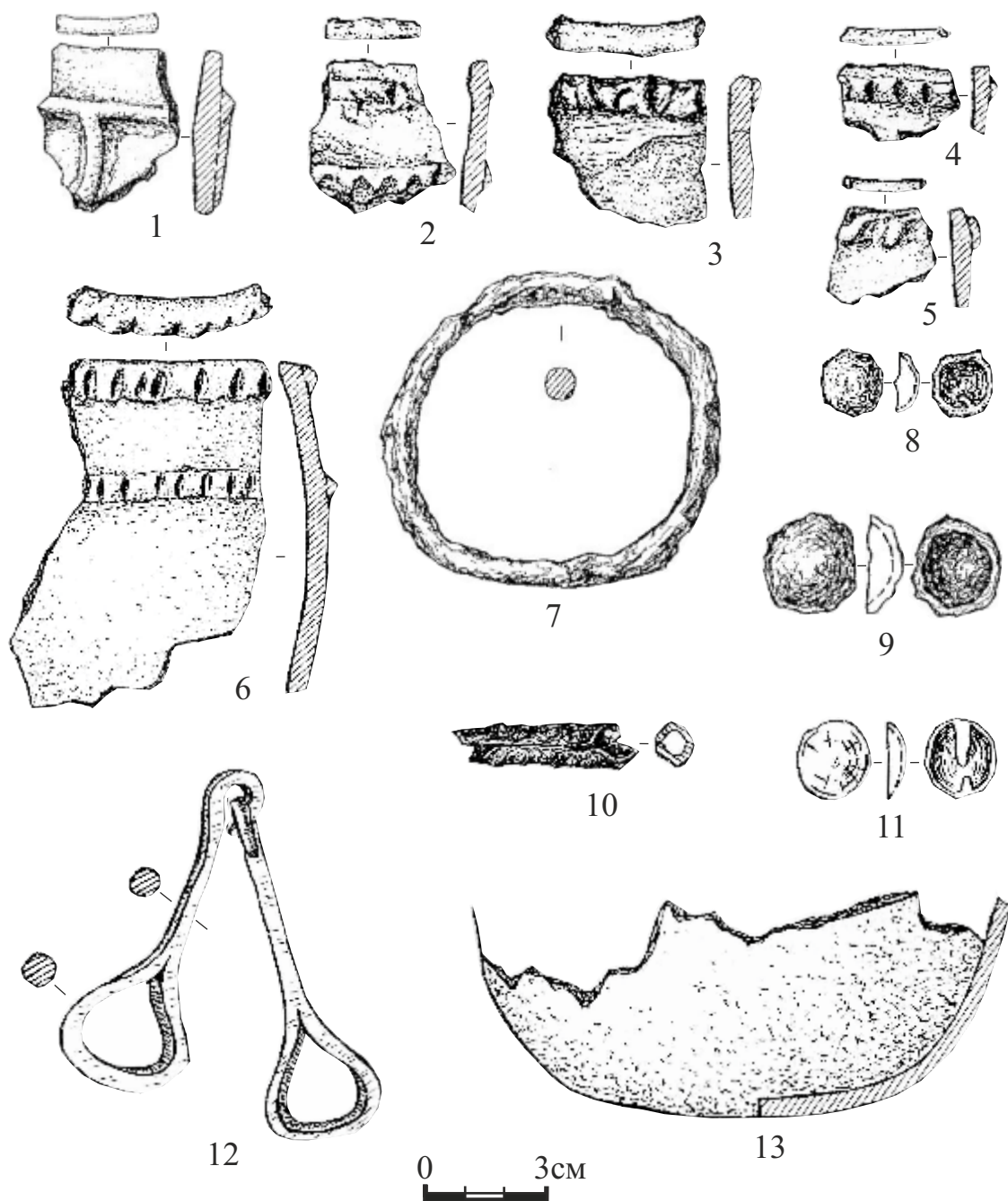

Рис.12. Елга VII, сопроводительный инвентарь: 5,6,8,10 - комплекс №2; 11 - комплекс №5; 3,13 - комплекс №8; 1,7,9 - комплекс №11; 2,4 - комплекс №12; 12 - комплекс №16. 1-6,13 - керамика; 7-10,12 - железо; 11 - бронза (по О.И. Горюновой, Е.А. Пудовкиной, 1995)

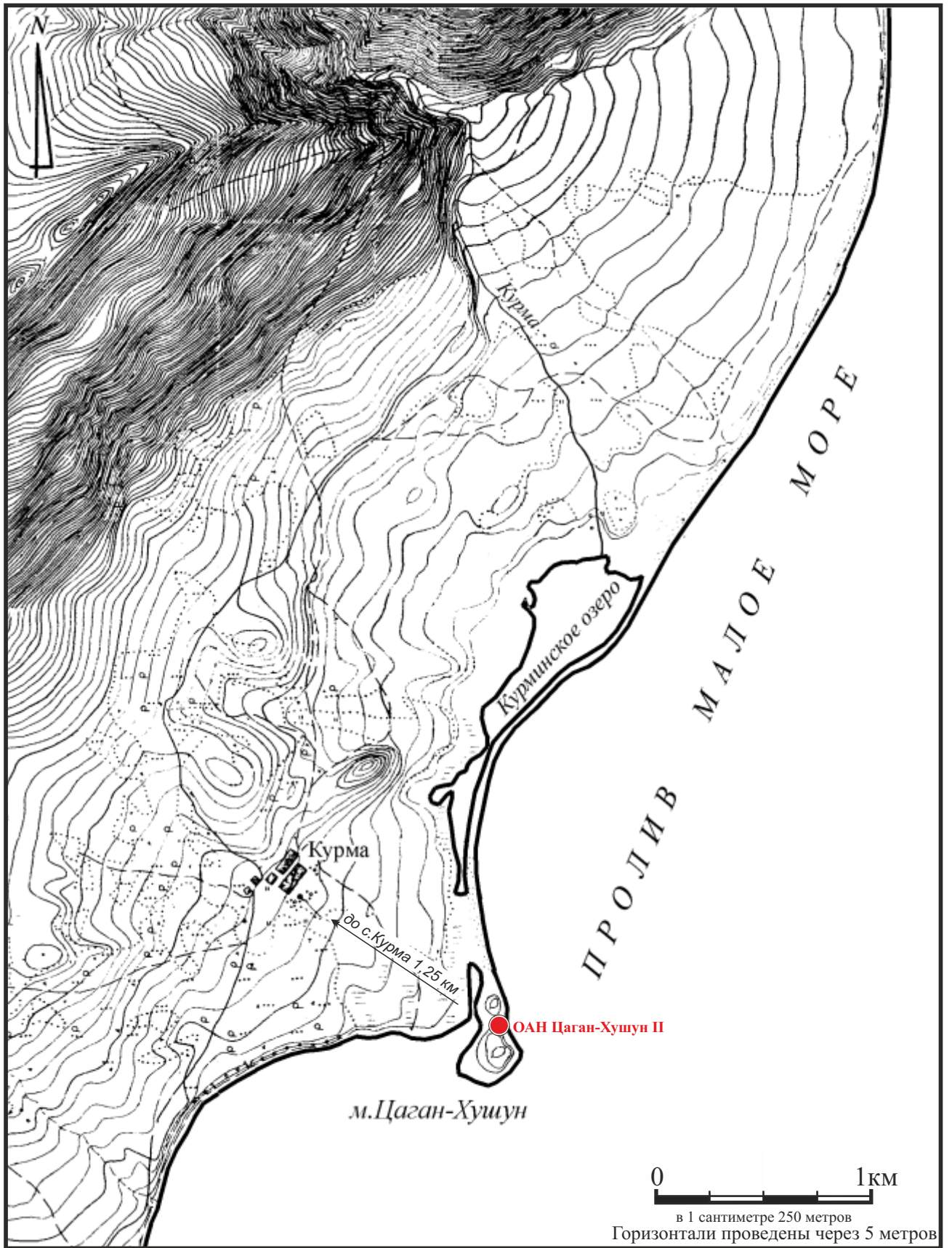

Рис.13. Карта-схема расположения памятника Цаган-Хушун II

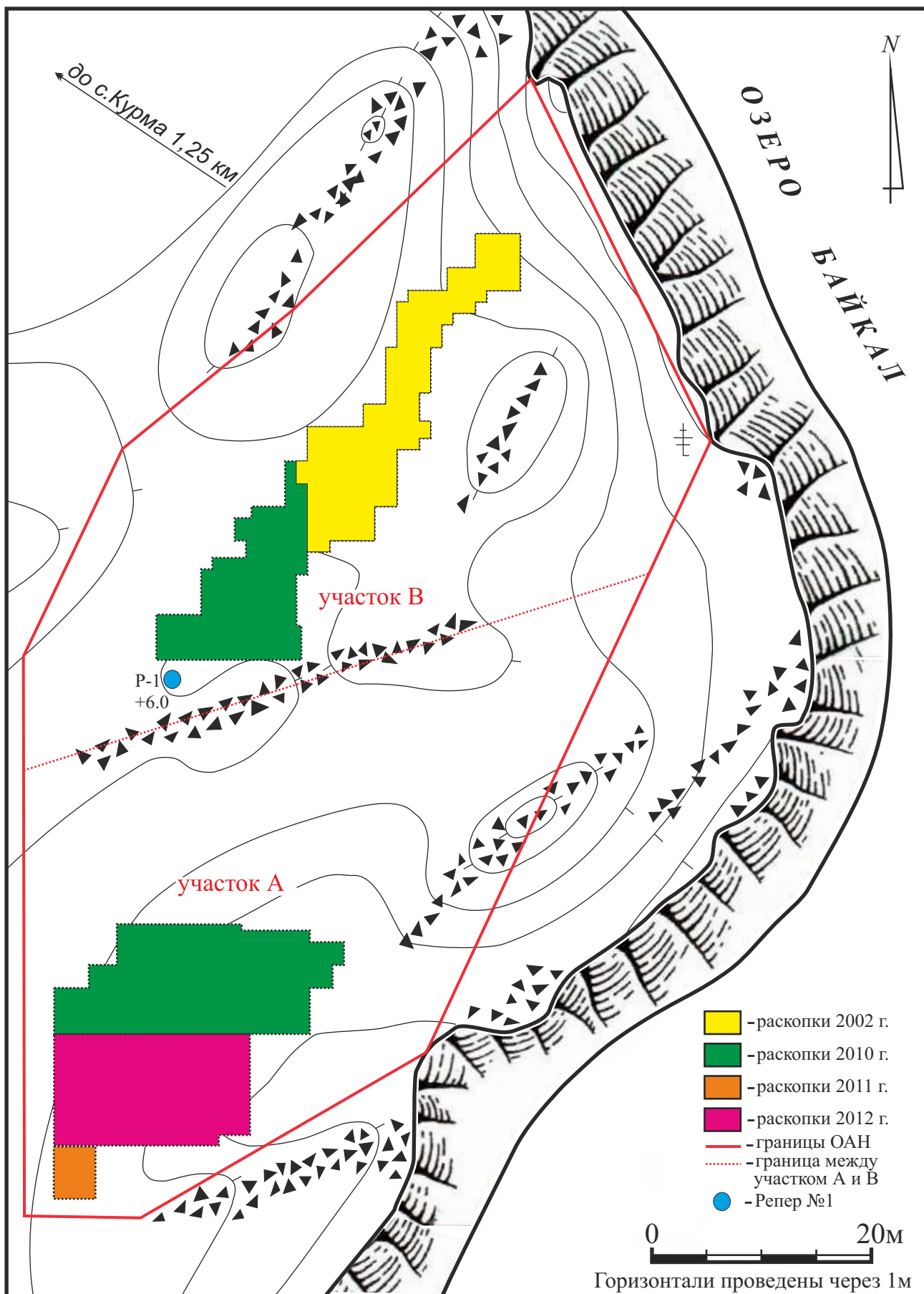

Рис.14. Топографический план памятника Цаган-Хушун II с указанием вскрытых площадей (по годам исследования)

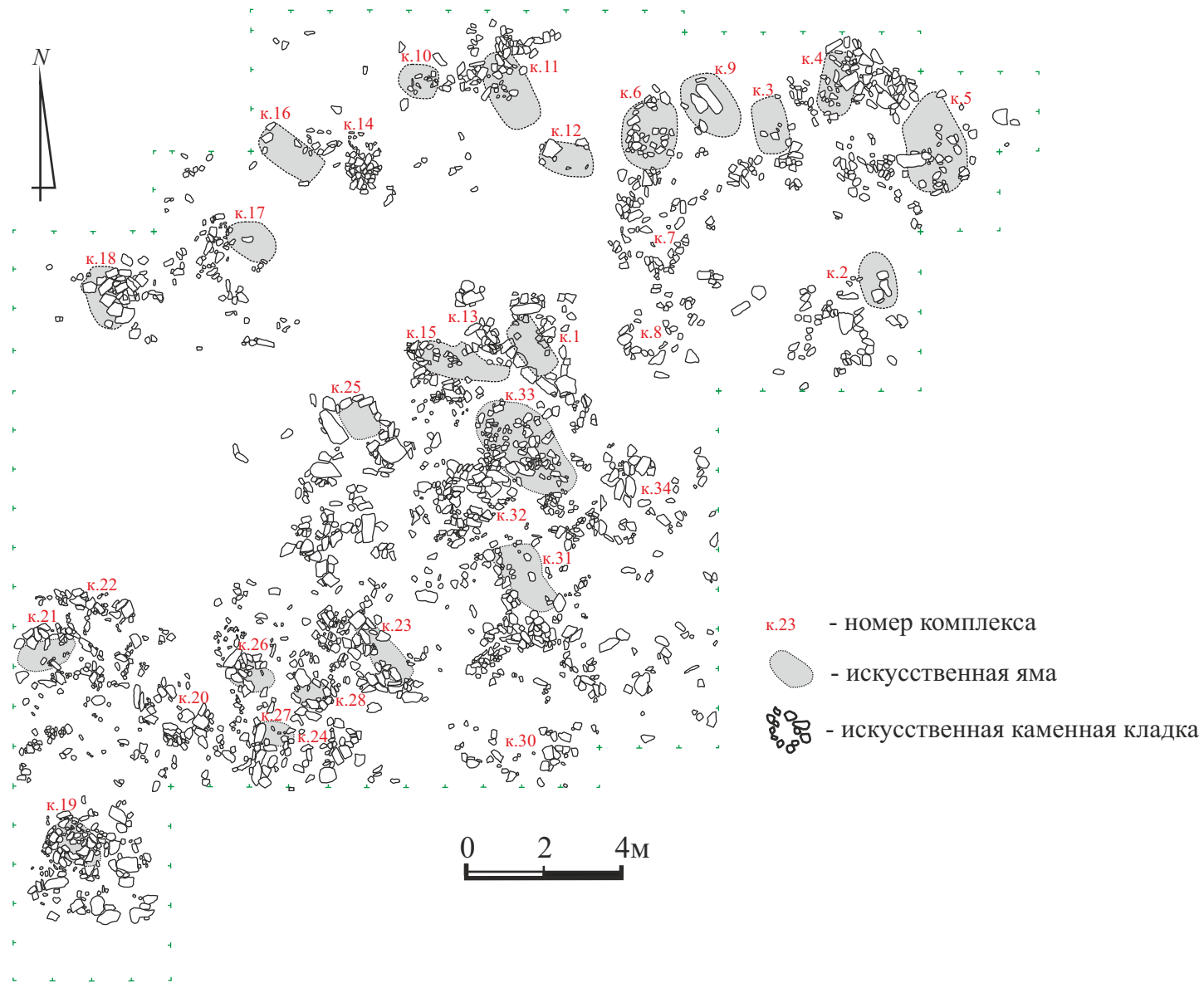

Рис.15. Цаган-Хушун II, участок "а": план раскопа

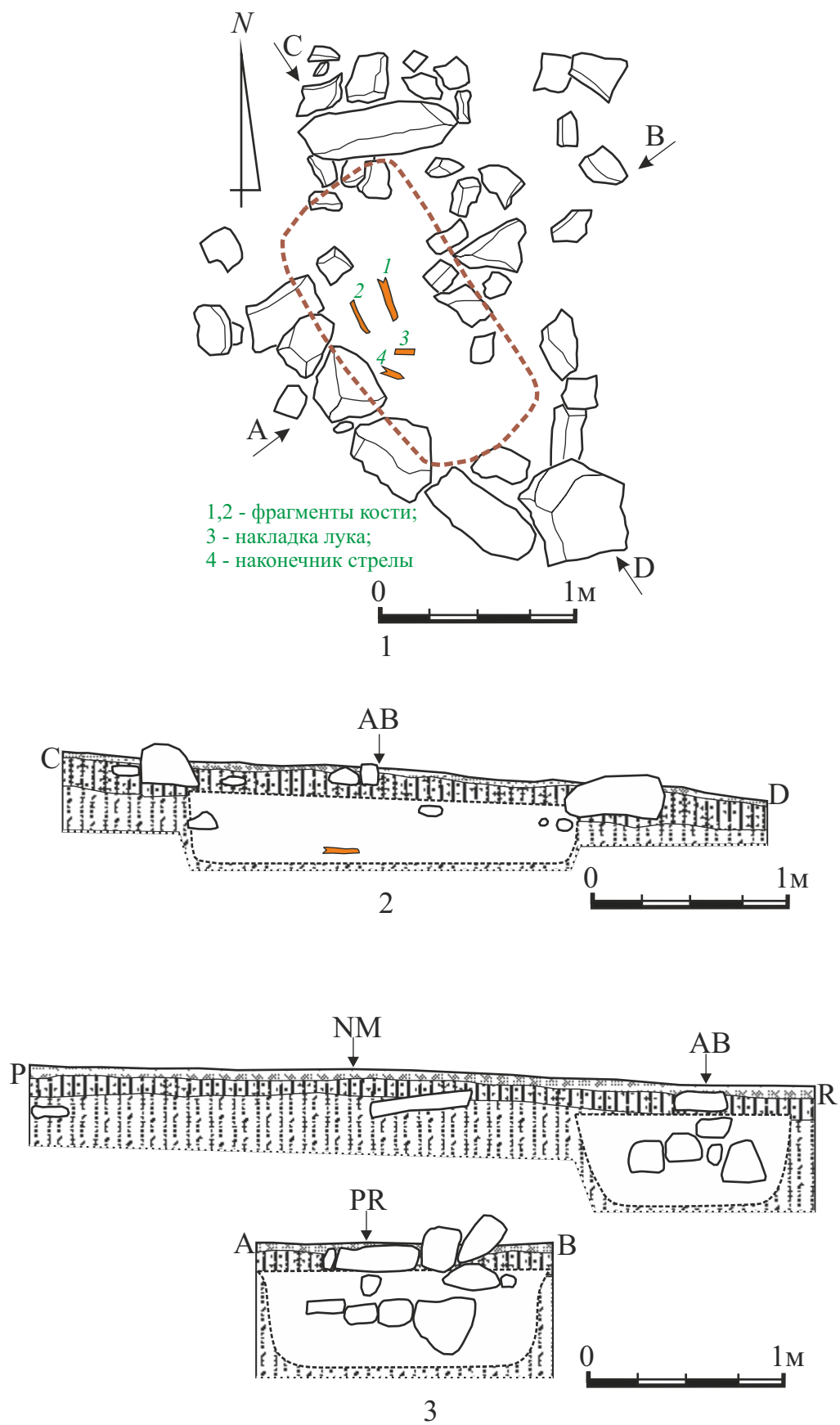

Рис.16. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №1: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильные разрезы; 3 - комплекс №2: профильные разрезы

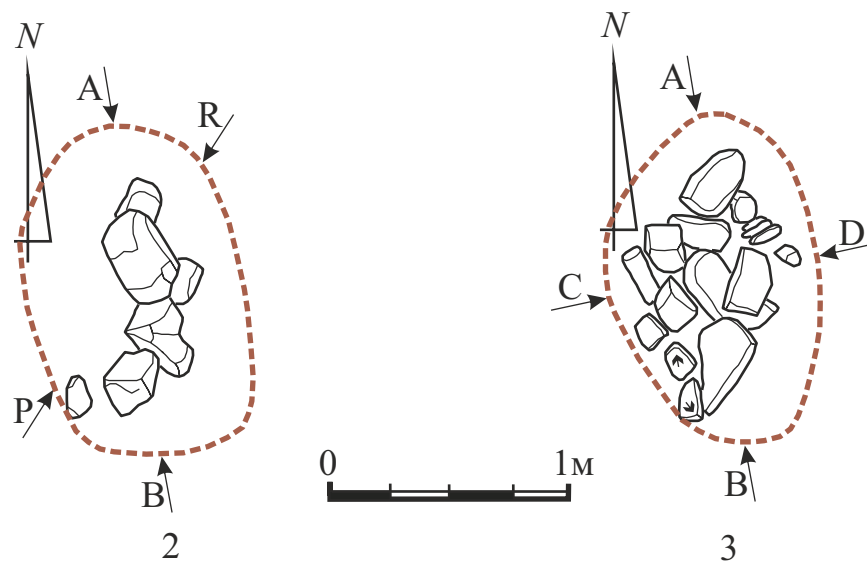
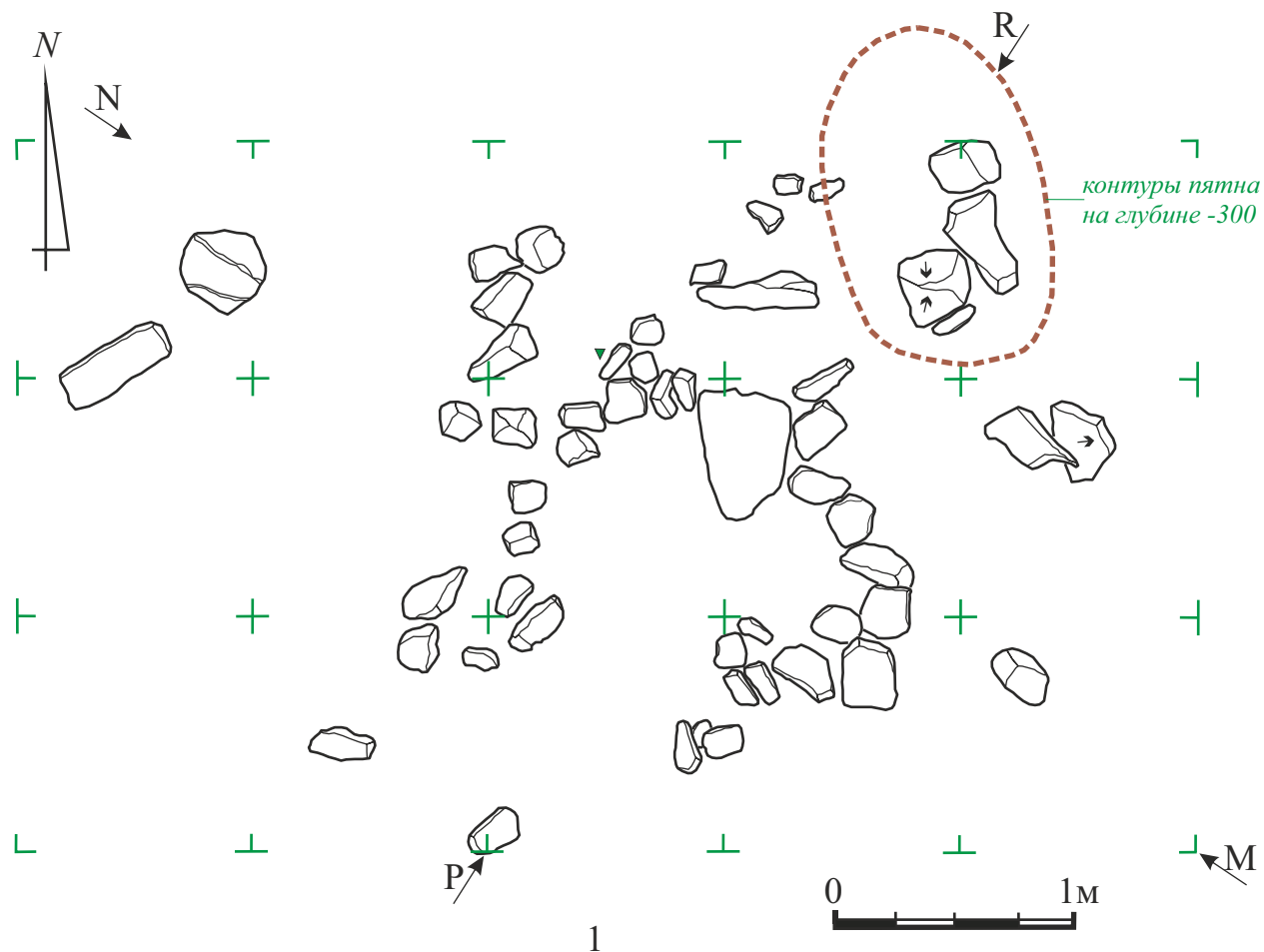

Рис.17. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №2: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень заполнения ямы; 3 - второй уровень заполнения ямы

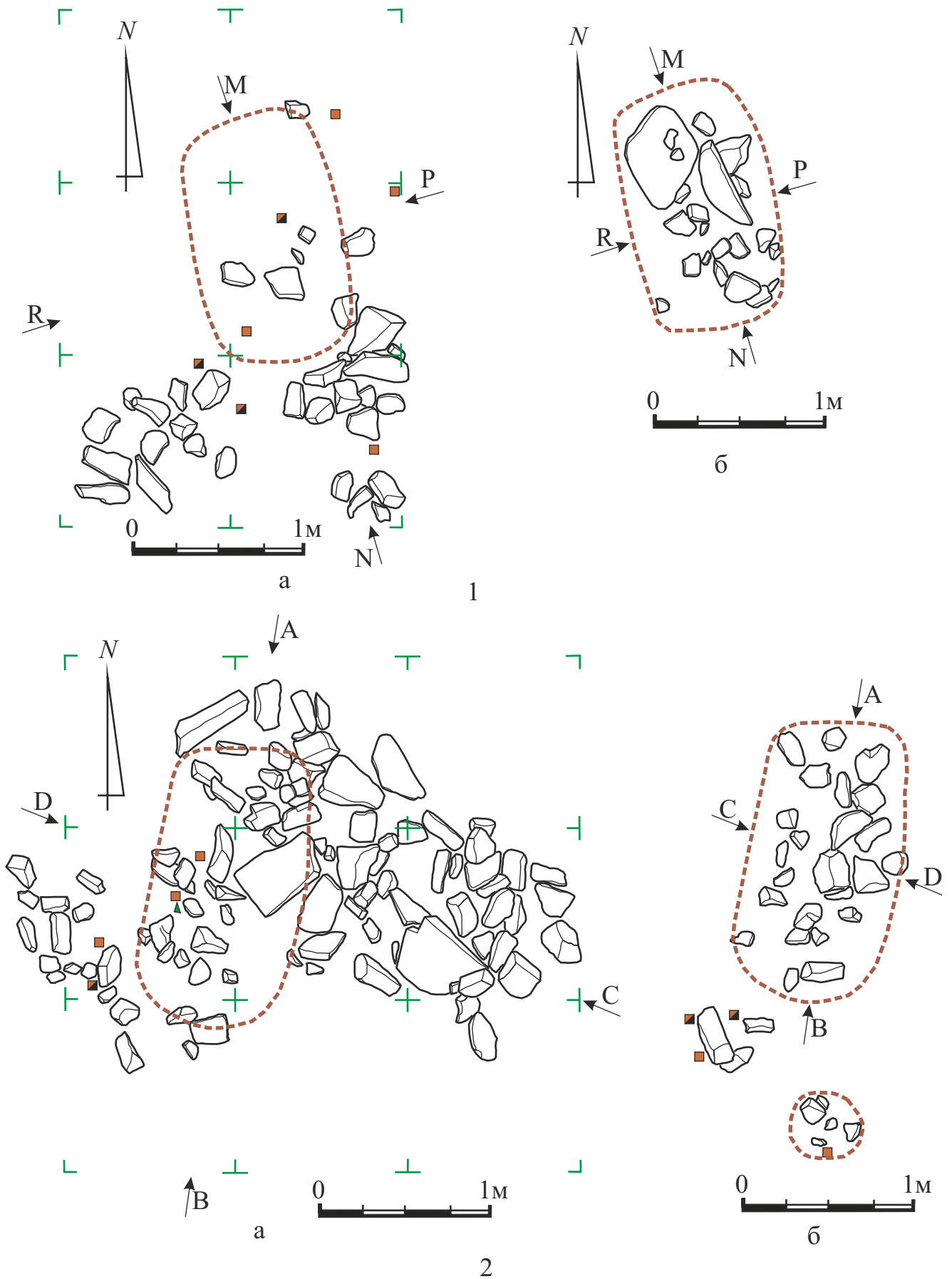

Рис.18. Цаган-Хушун II “а”:

1 - комплекс №3: а) кладка после расчистки; б) заполнение ямы;
 2 - комплекс №4: а) кладка после расчистки; б) первый уровень расчистки

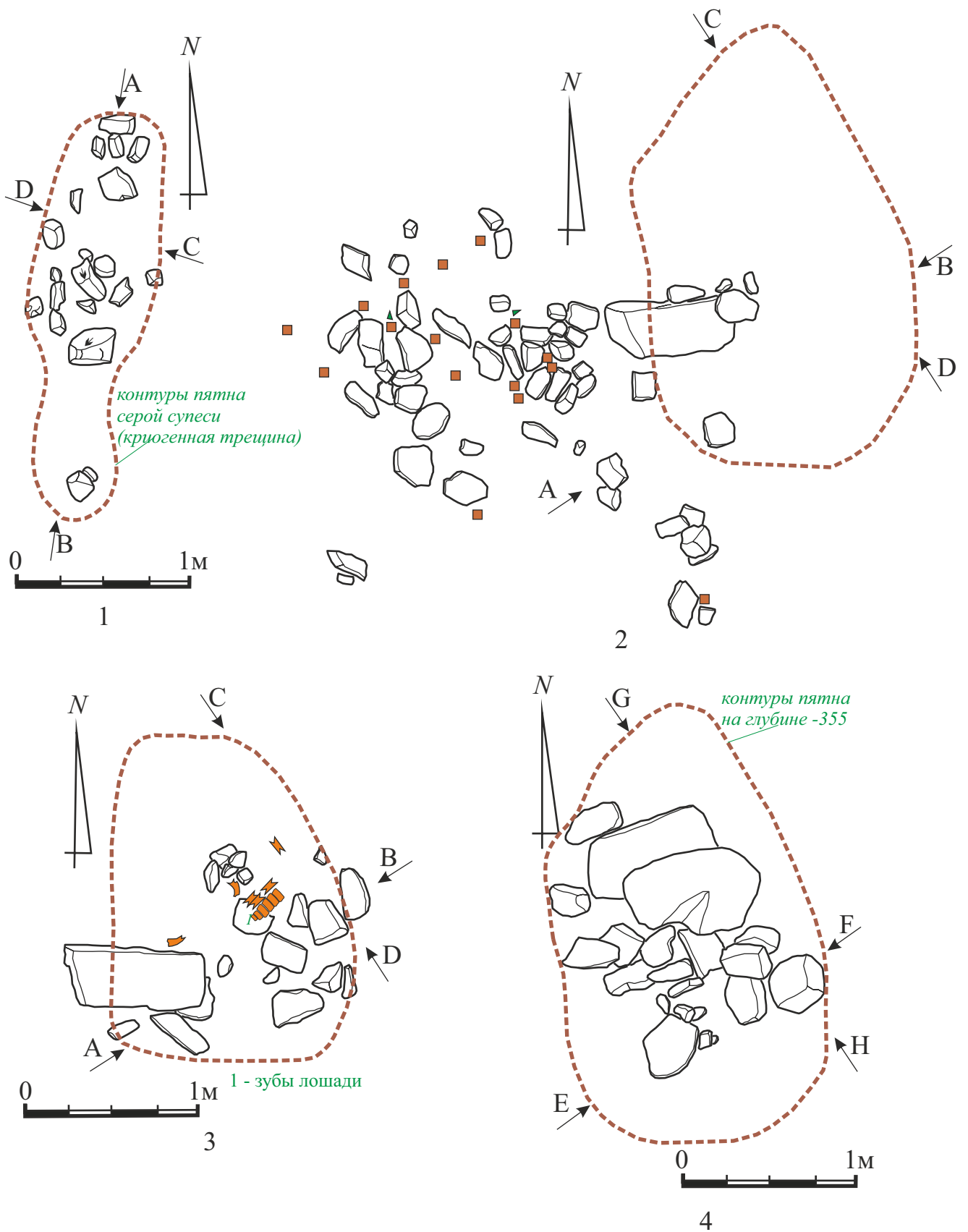

Рис.19. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №4: второй уровень расчистки; комплекс №5: 2 - кладка после расчистки; 3 - надмогильное перекрытие; 4 - верхний уровень заполнения ямы

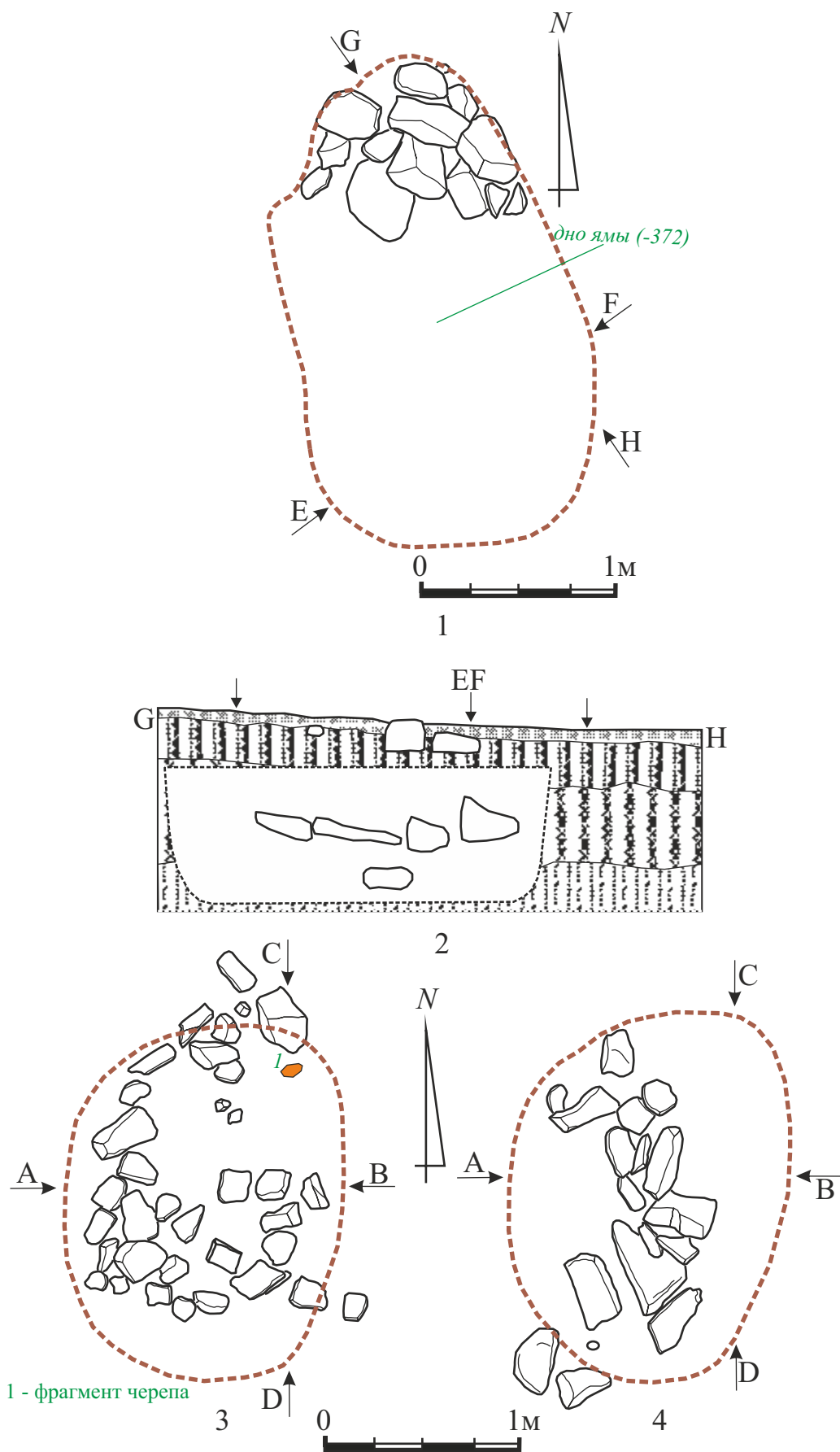

Рис.20. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №5: дно ямы; 2 - комплекс №5: профильный разрез; 3 - комплекс №6: кладка после расчистки; 4 - комплекс №6: надмогильное перекрытие

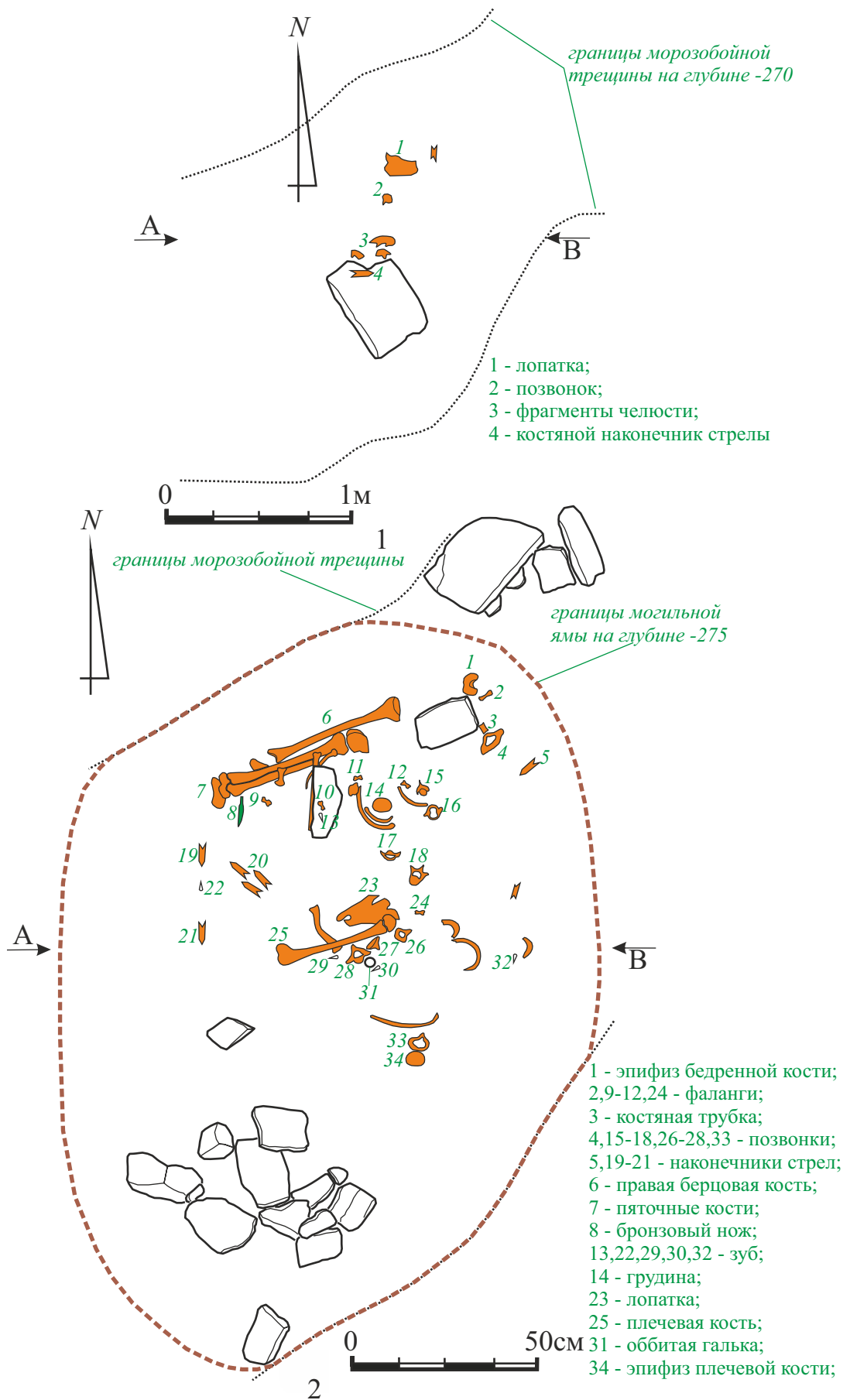

Рис.21. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №6:
1 - верхний уровень заполнения мы; 2 - заполнение ямы

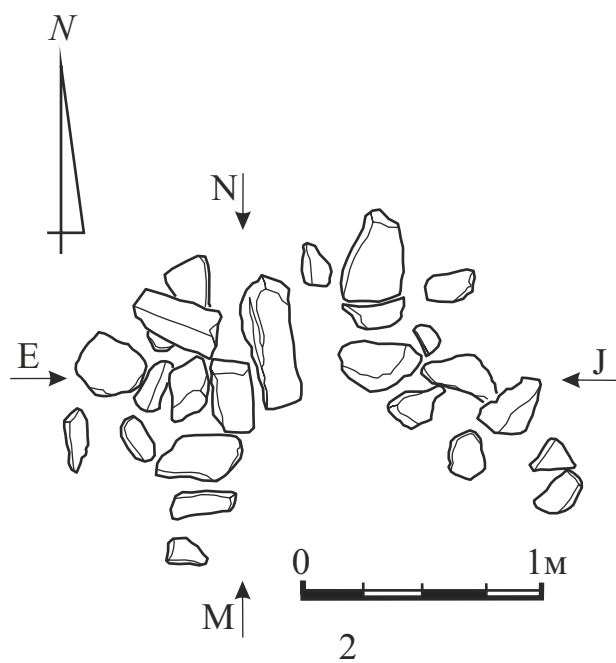
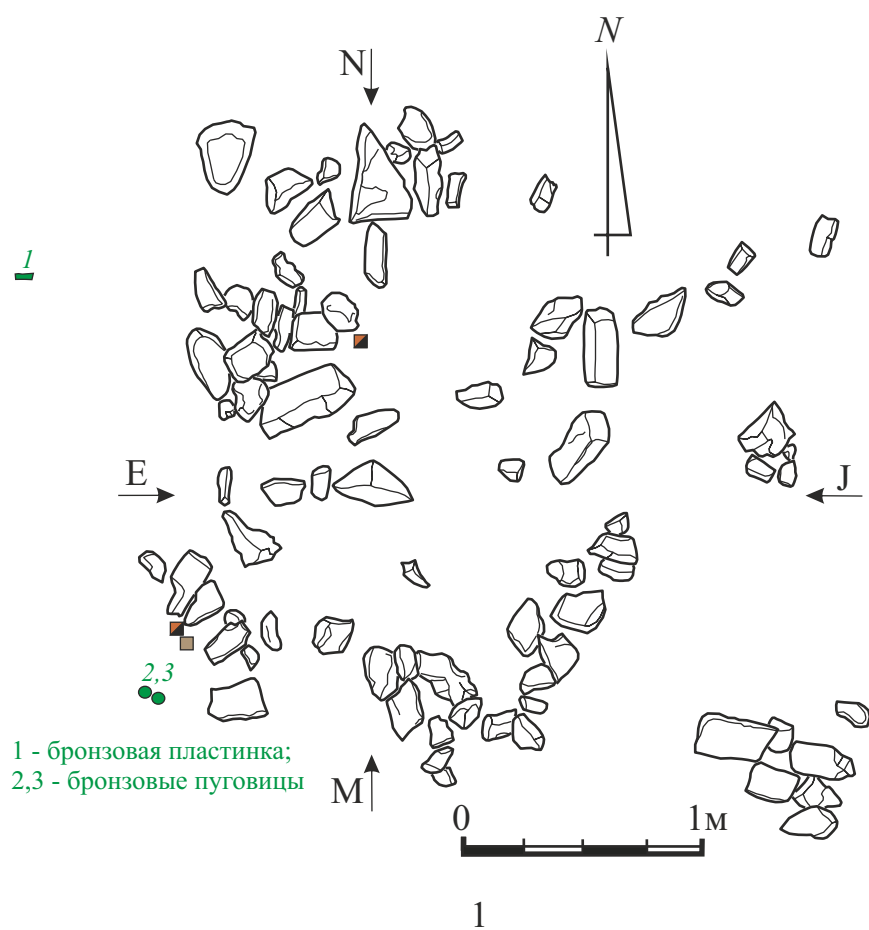

Рис.22. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №7: 1 - кладка после расчистки;
2 - второй уровень расчистки

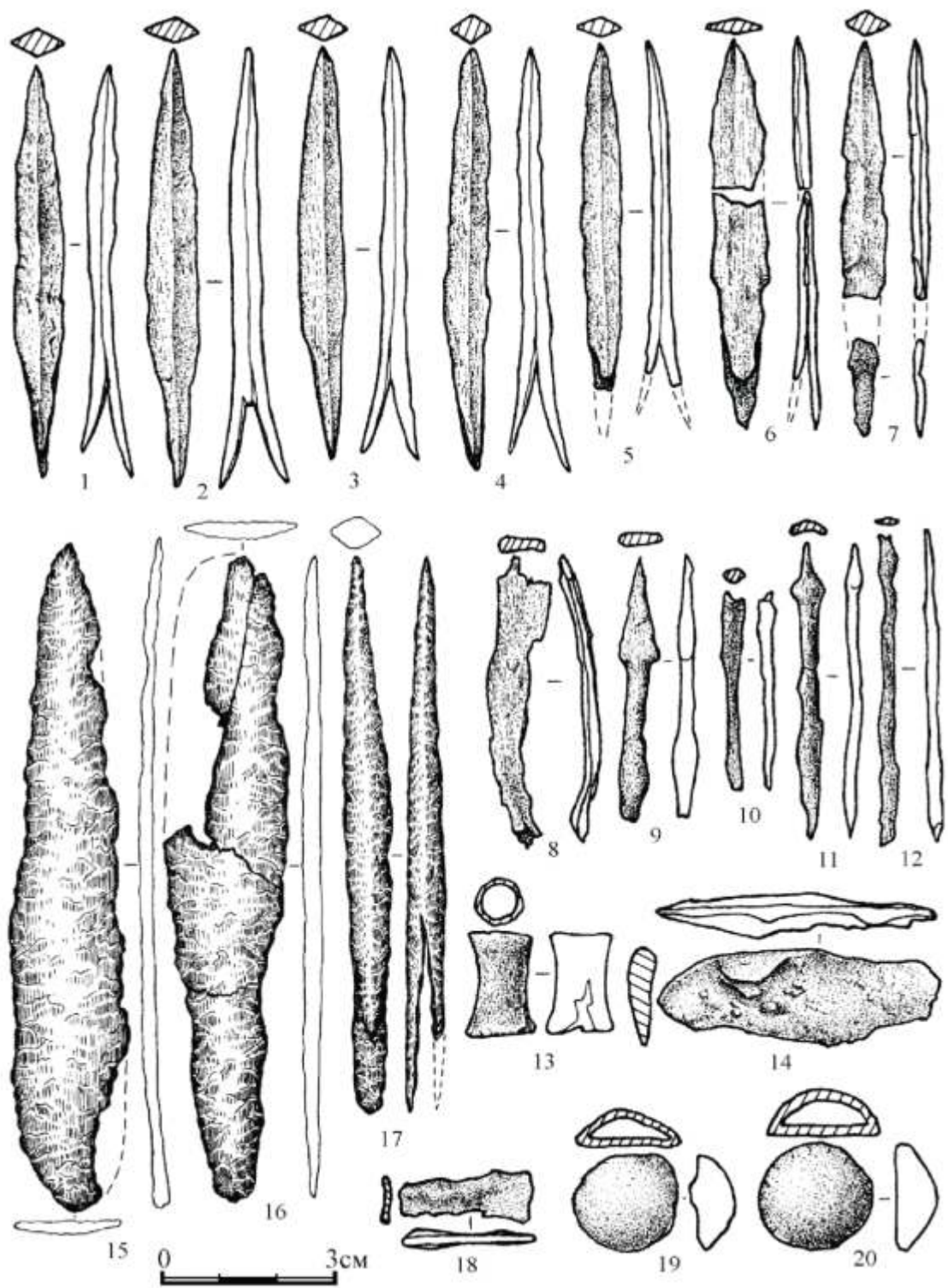

Рис.23. Цаган-Хушун II “а”, сопроводительный инвентарь:
 1-7, 8-14 - комплекс №6; 15-17 - комплекс №1; 18-20 - комплекс №7;
 1-13 - кость, 14 - железо, 18-20 - бронза

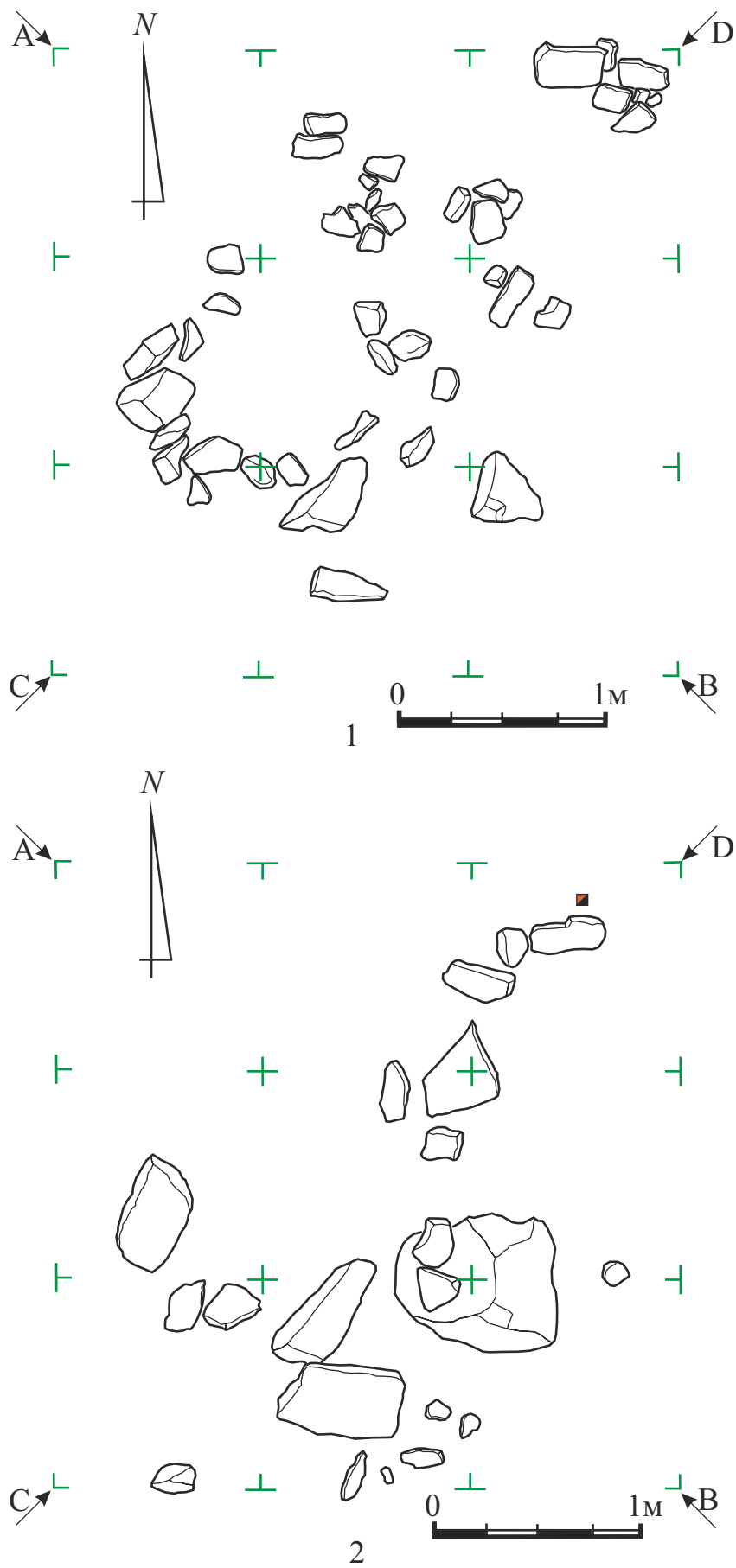

Рис.24. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №8: 1 - кладка после расчистки; 2 - второй уровень расчистки

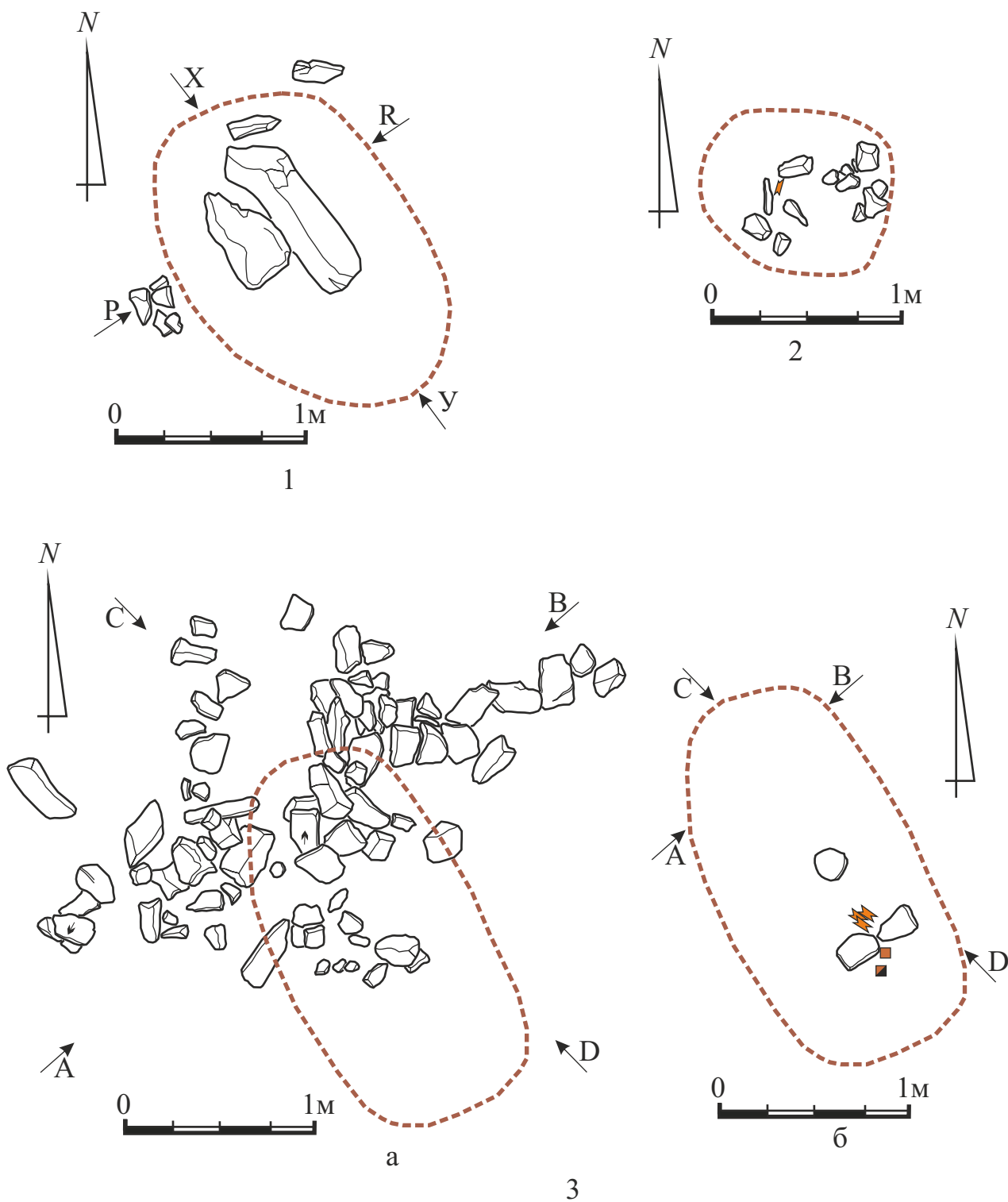

Рис.25. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №9: контуры пятна;
 2 - комплекс №10: контуры пятна;
 3 - комплекс №11: а) кладка после расчистки; б) заполнение ямы

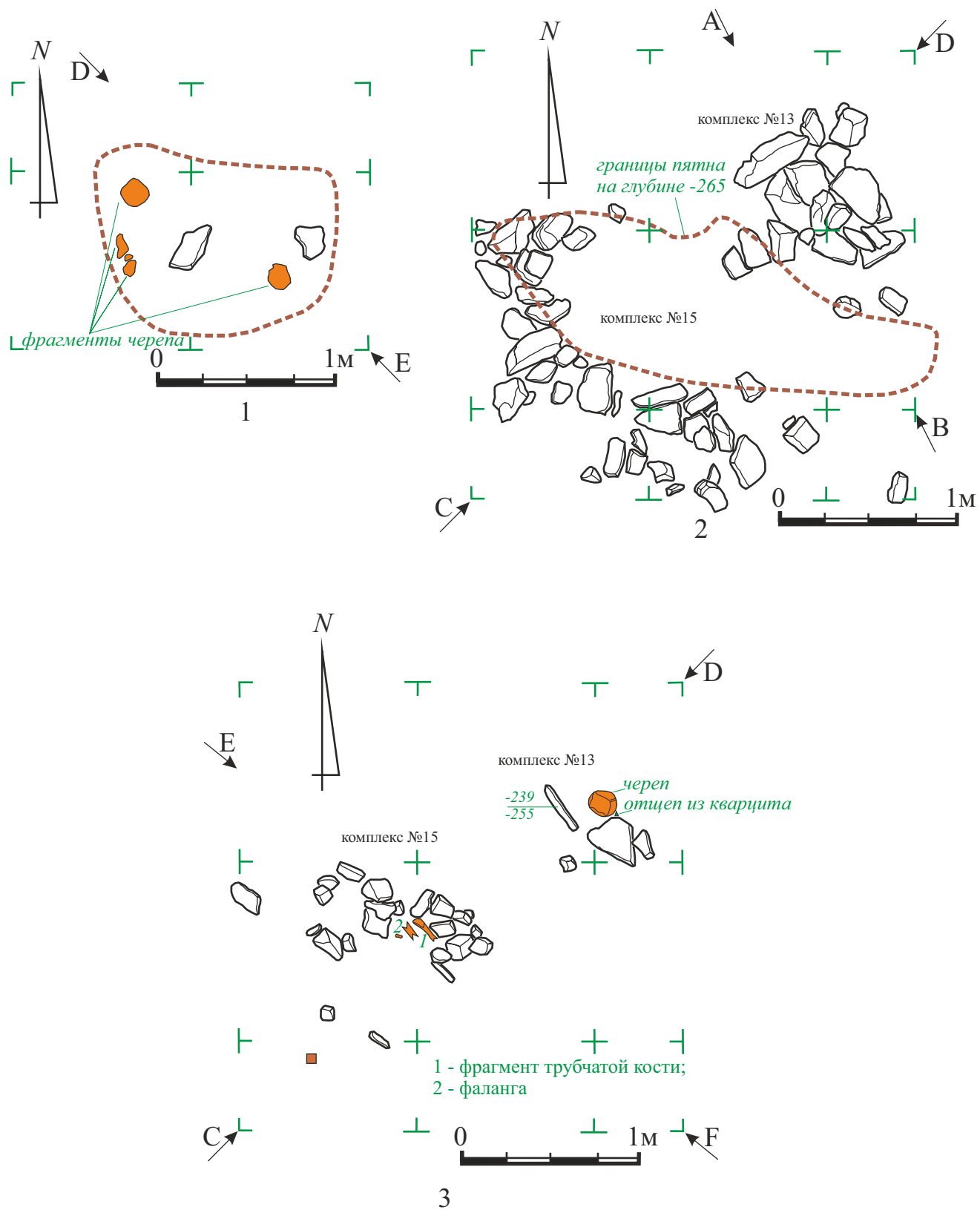

Рис.26. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №12: заполнение ямы;
 2 - комплексы №13 и №15: кладки после расчистки;
 3 - комплексы №13 и №15: второй уровень расчистки

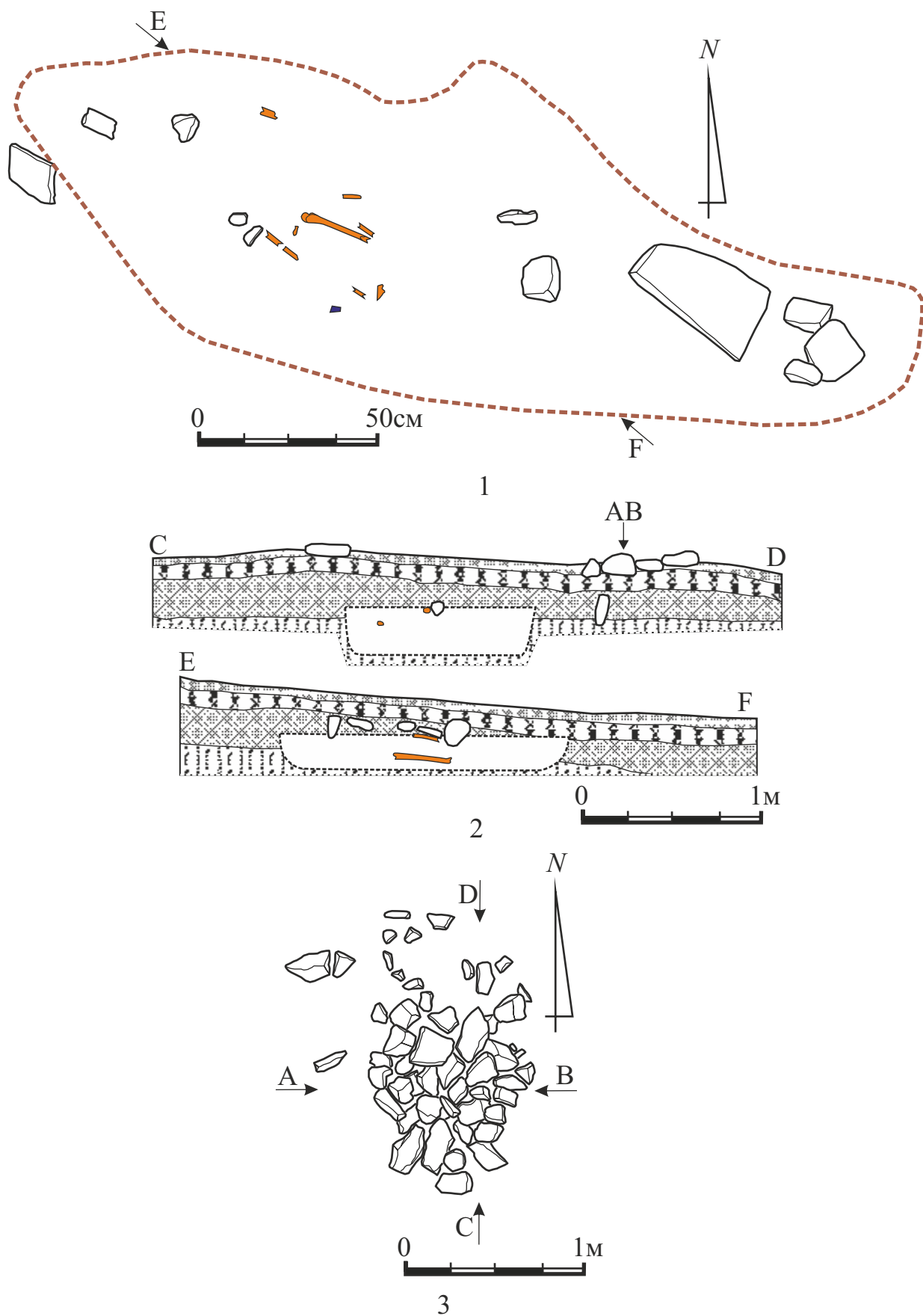

Рис.27. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №15: заполнение ямы; 2 - комплекс №15: профильные разрезы; 3 - комплекс №14: кладка после расчистки

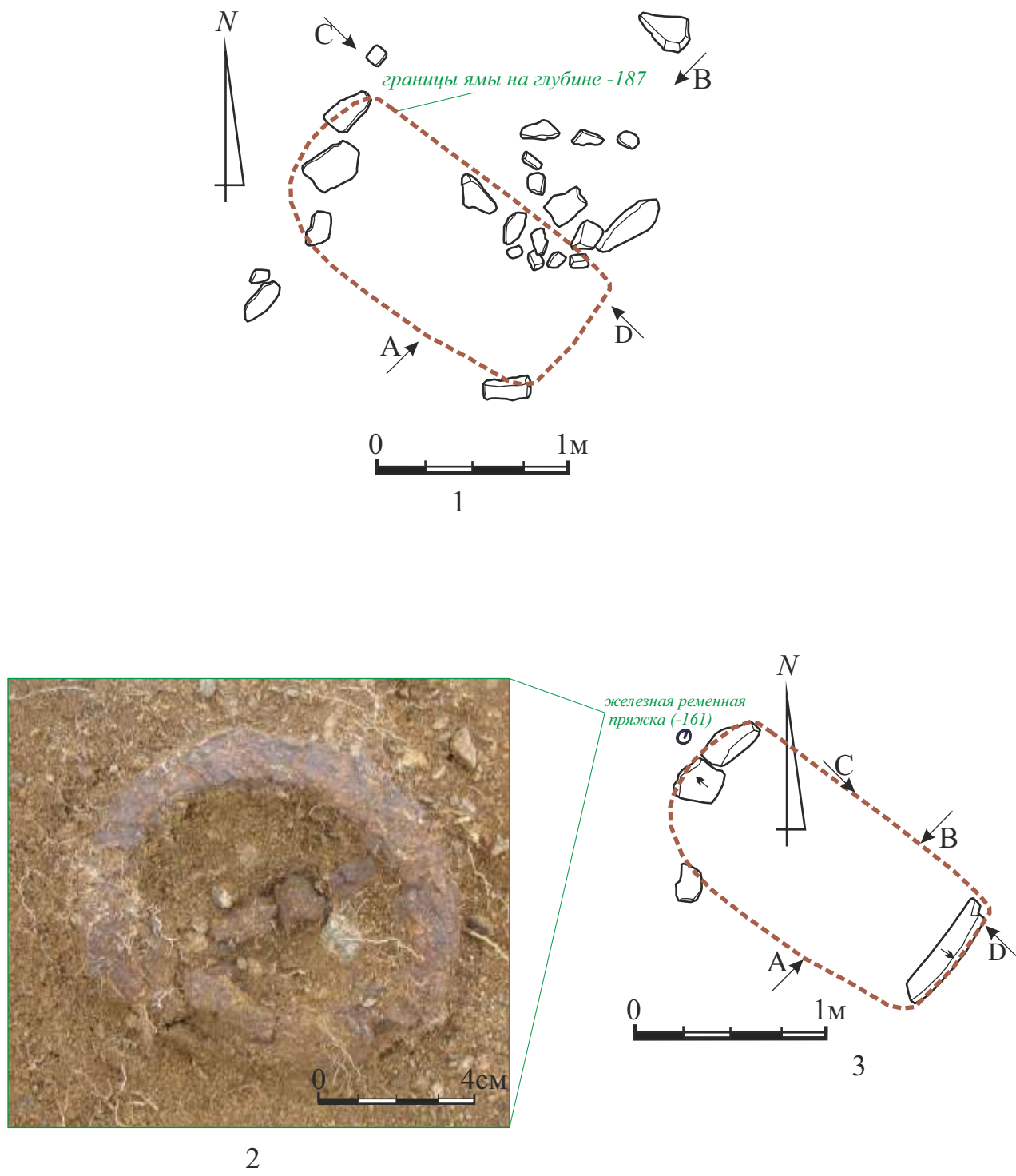

Рис.28. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №16: 1 - кладка после расчистки; 2 - железная пряжка; 3 - заполнение ямы

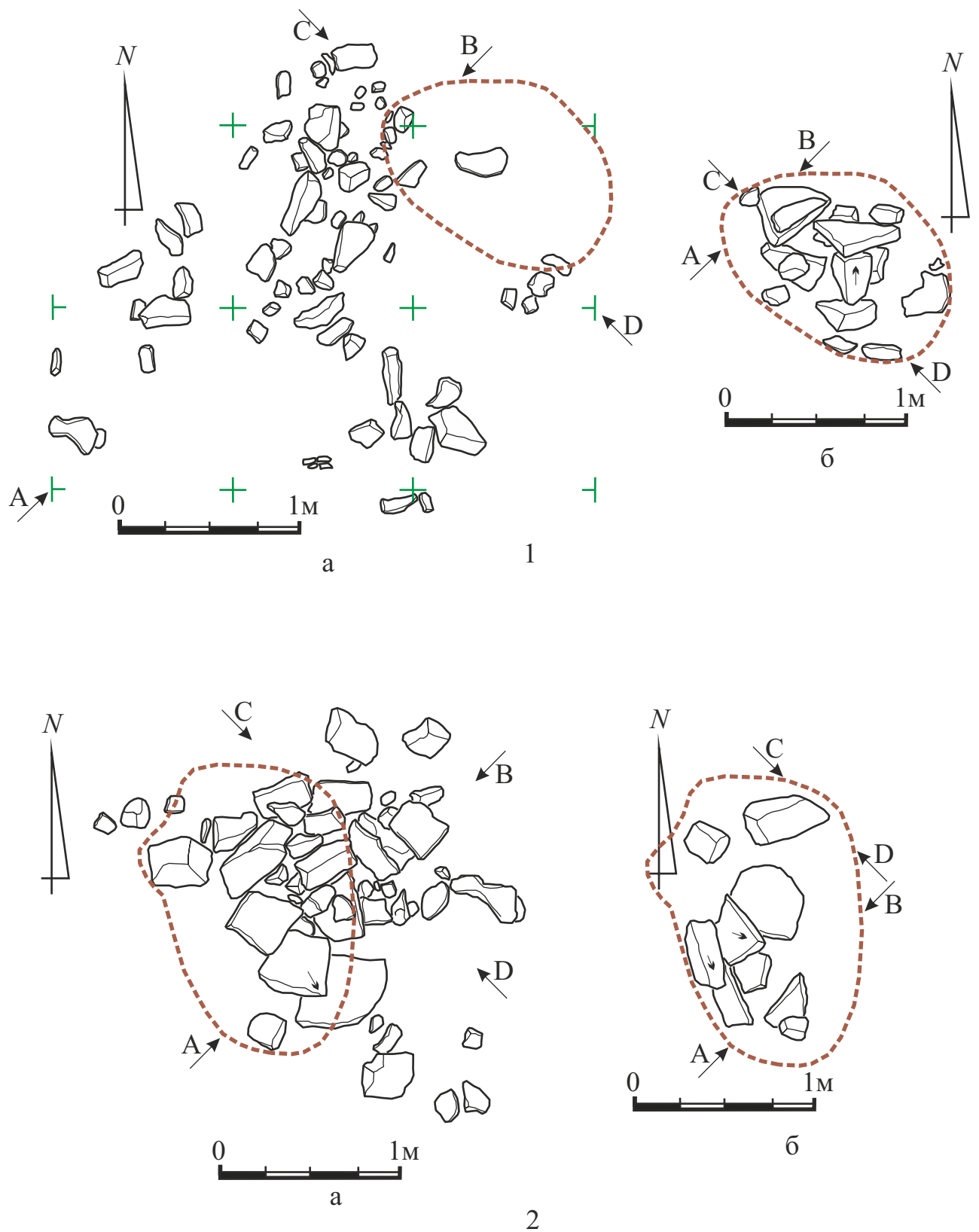

Рис.29. Цаган-Хушун II “а”: 1 - комплекс №17: а) кладка после расчистки; б) заполнение ямы;
 2 - комплекс №18: а) кладка после расчистки; б) заполнение ямы

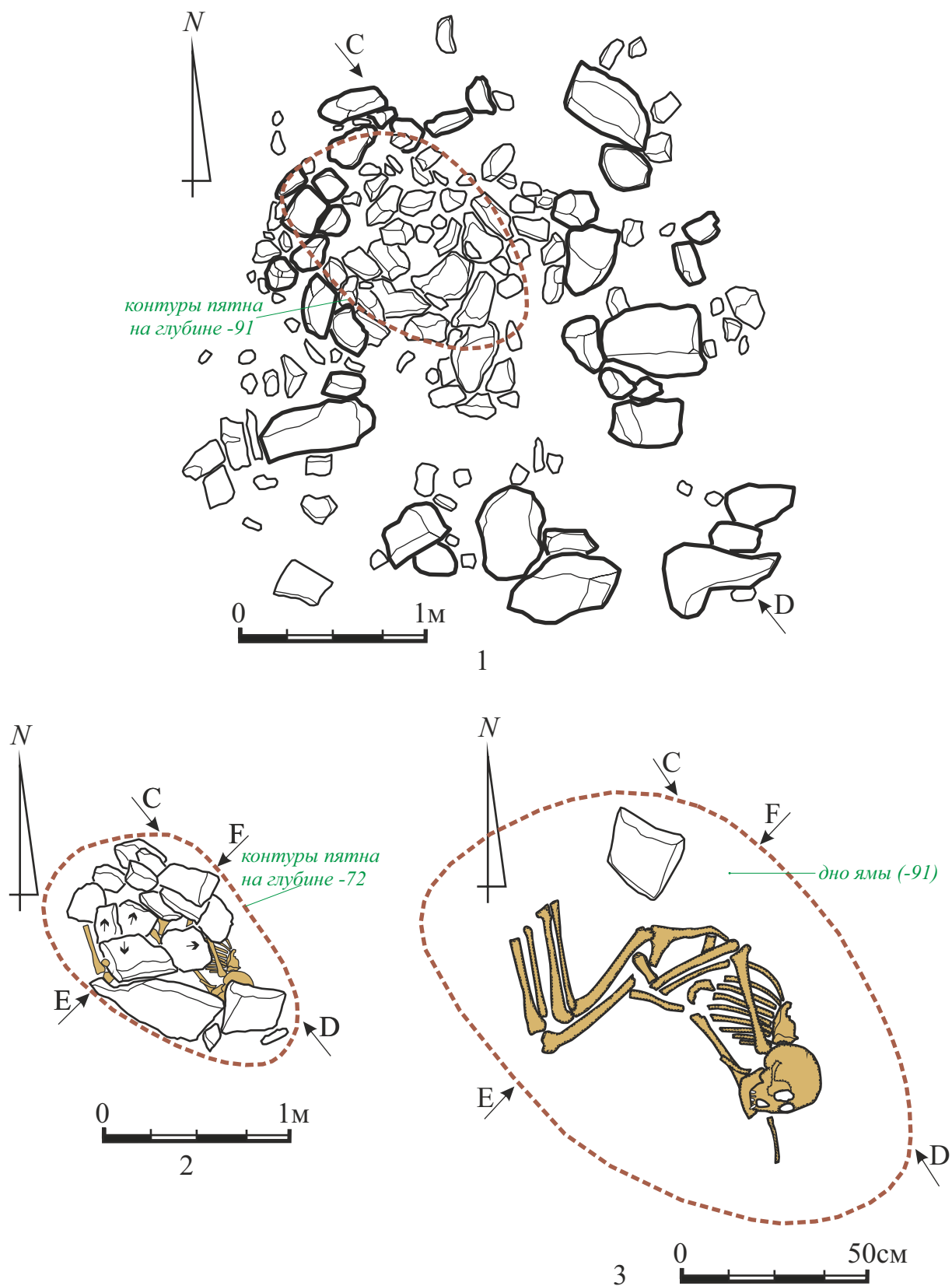

Рис.30. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №19: 1 - кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - костяк

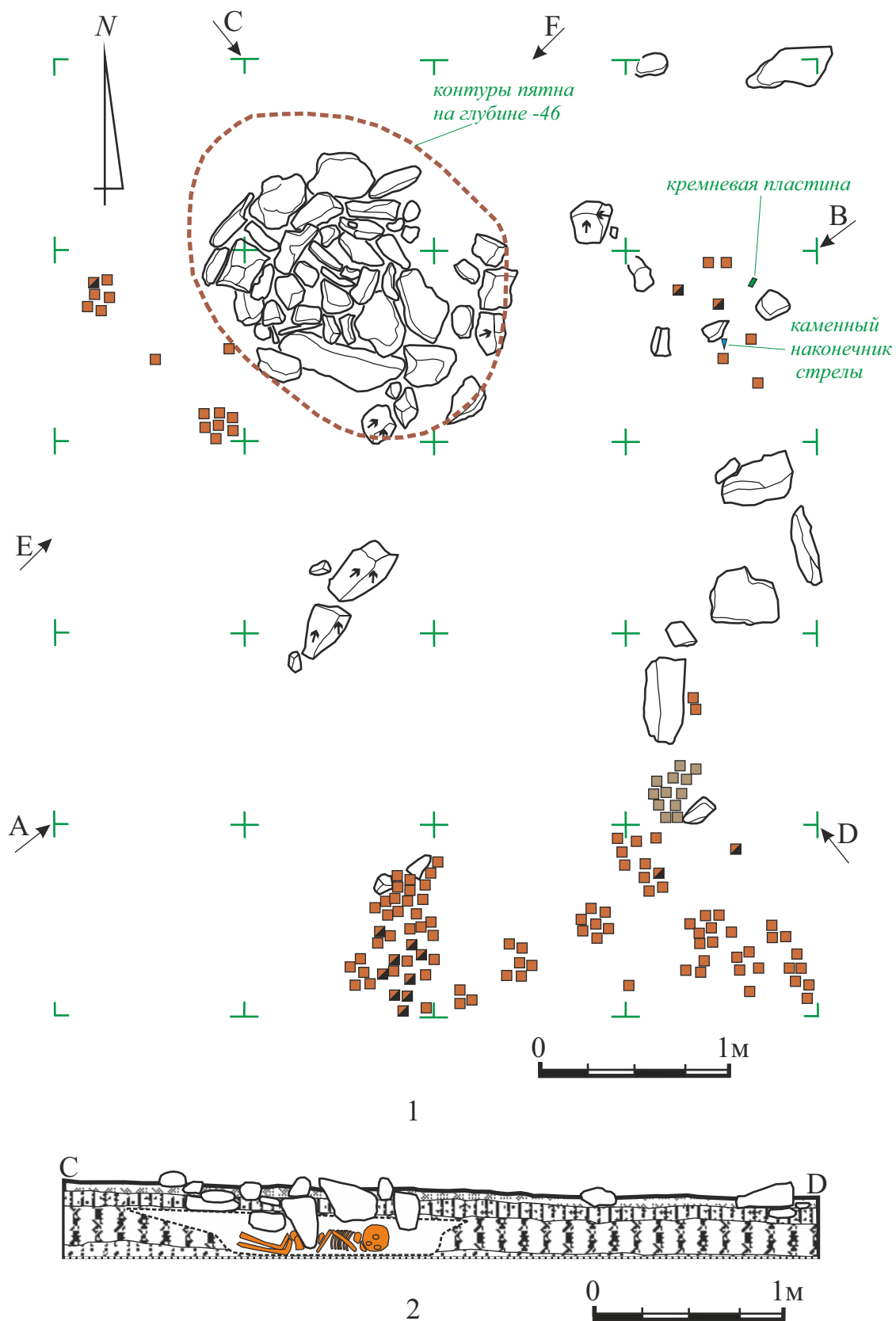

Рис.31. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №19:
1 - второй уровень расчистки; 2 - профильный разрез

1

2

Рис.32. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №19: 1 - второй уровень расчистки: снято с севера; 2 - надмогильное перекрытие: снято с северо-запада

1

2

Рис.33. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №19, расположение костяка в могильной яме: 1 - снято с юга; 2 - снято с северо-запада

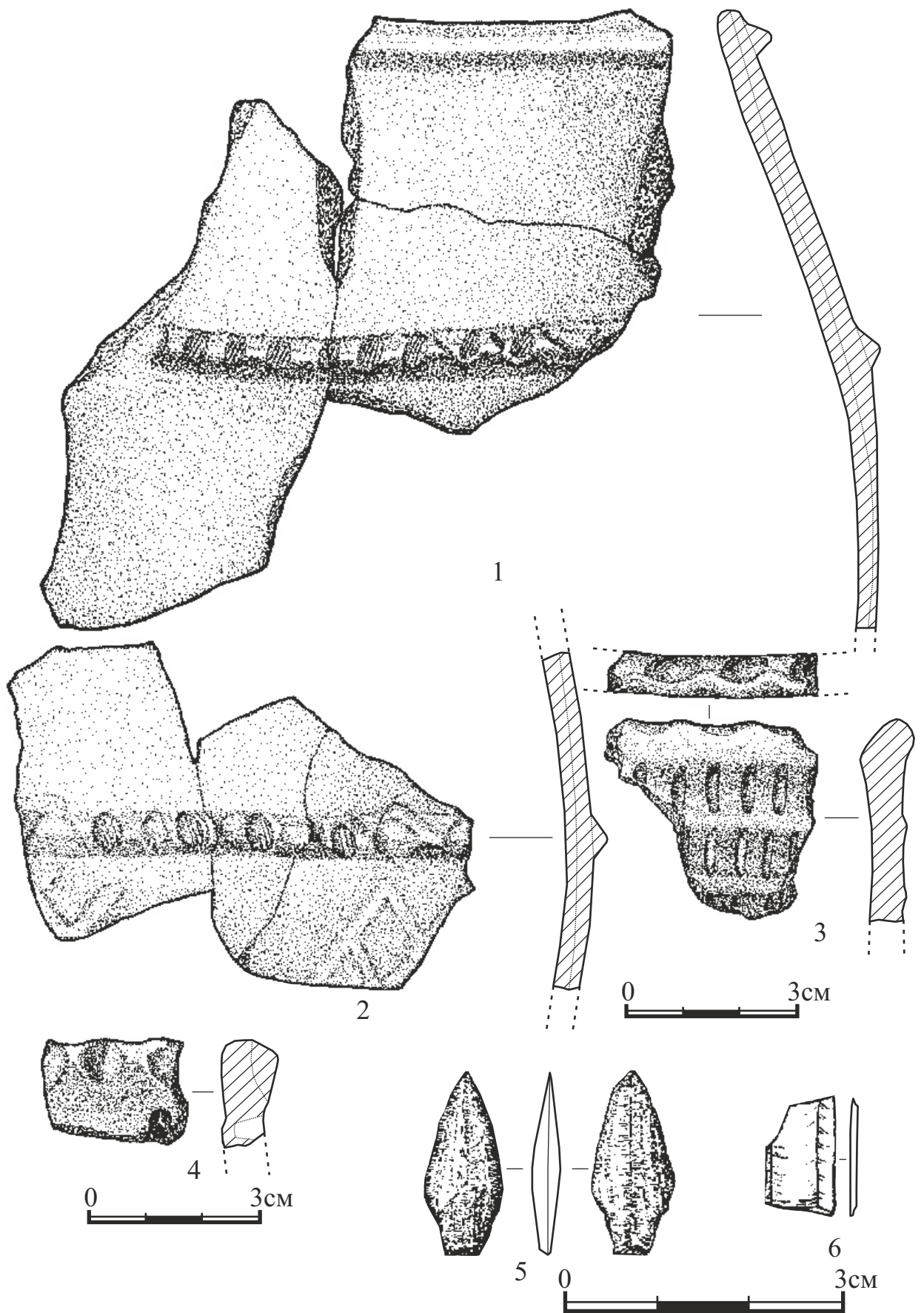

Рис.34. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №19, сопроводительный инвентарь:
 1-4 - фрагменты керамики; 5 - каменный наконечник стрелы;
 6 - кремневая пластина

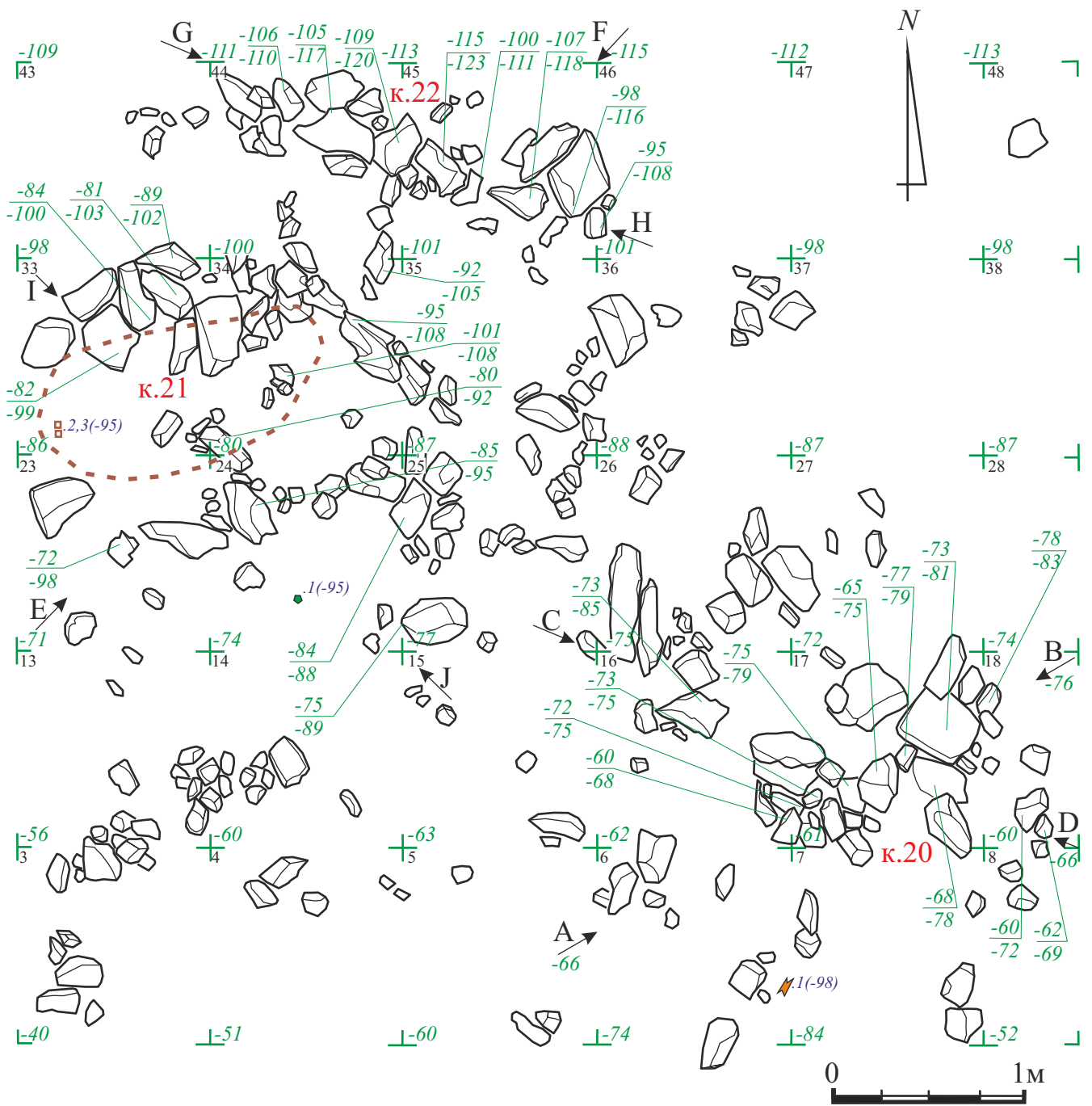
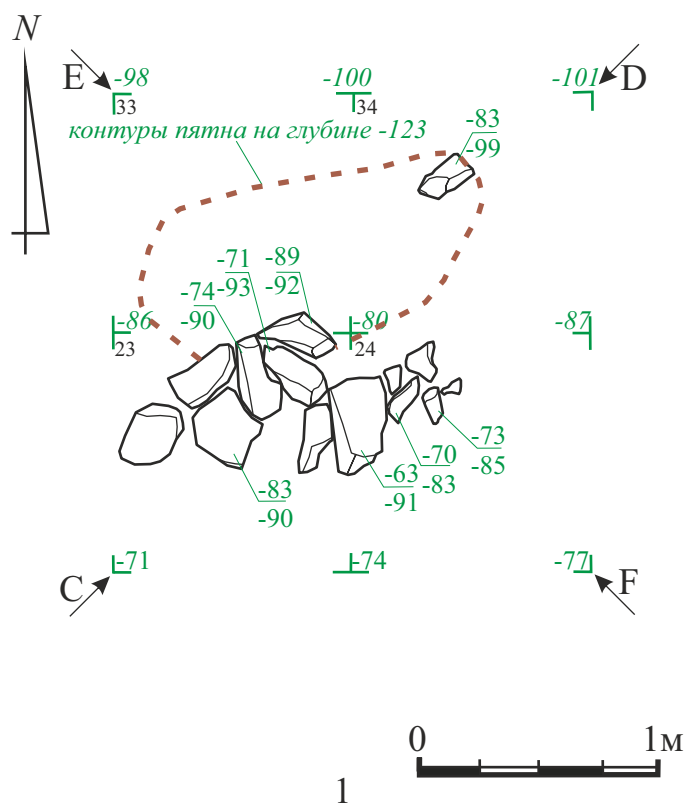

Рис.35. Цаган-Хушун II “а”: комплексы №№ 20, 21, 22 после расчистки

1

2

Рис.36. Цаган-Хушун II "а", комплекс №21: второй уровень расчистки; 2 - снято с запада

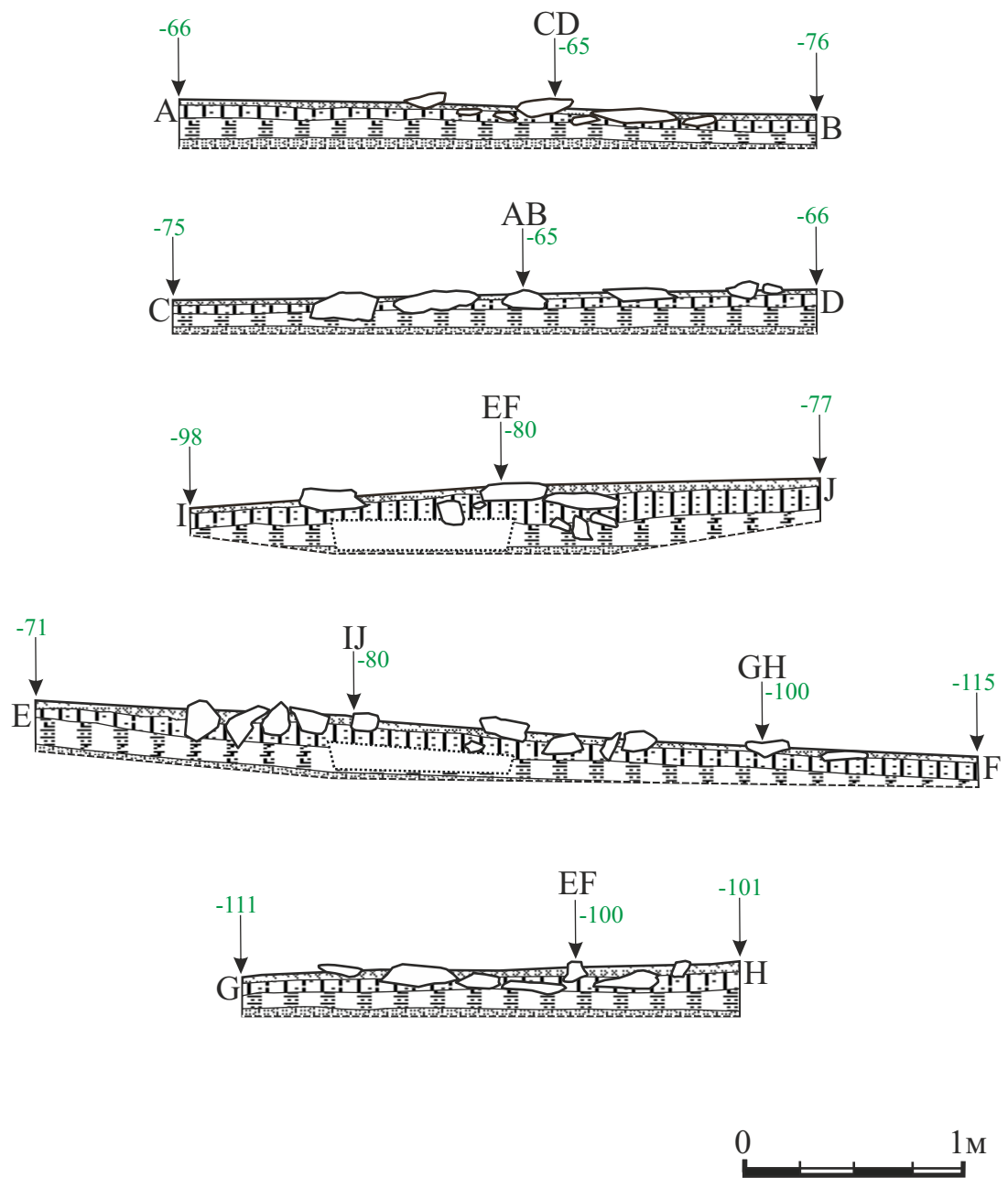

Рис.37. Цаган-Хушун II “а”, профильные разрезы комплексов №№ 20, 21, 22

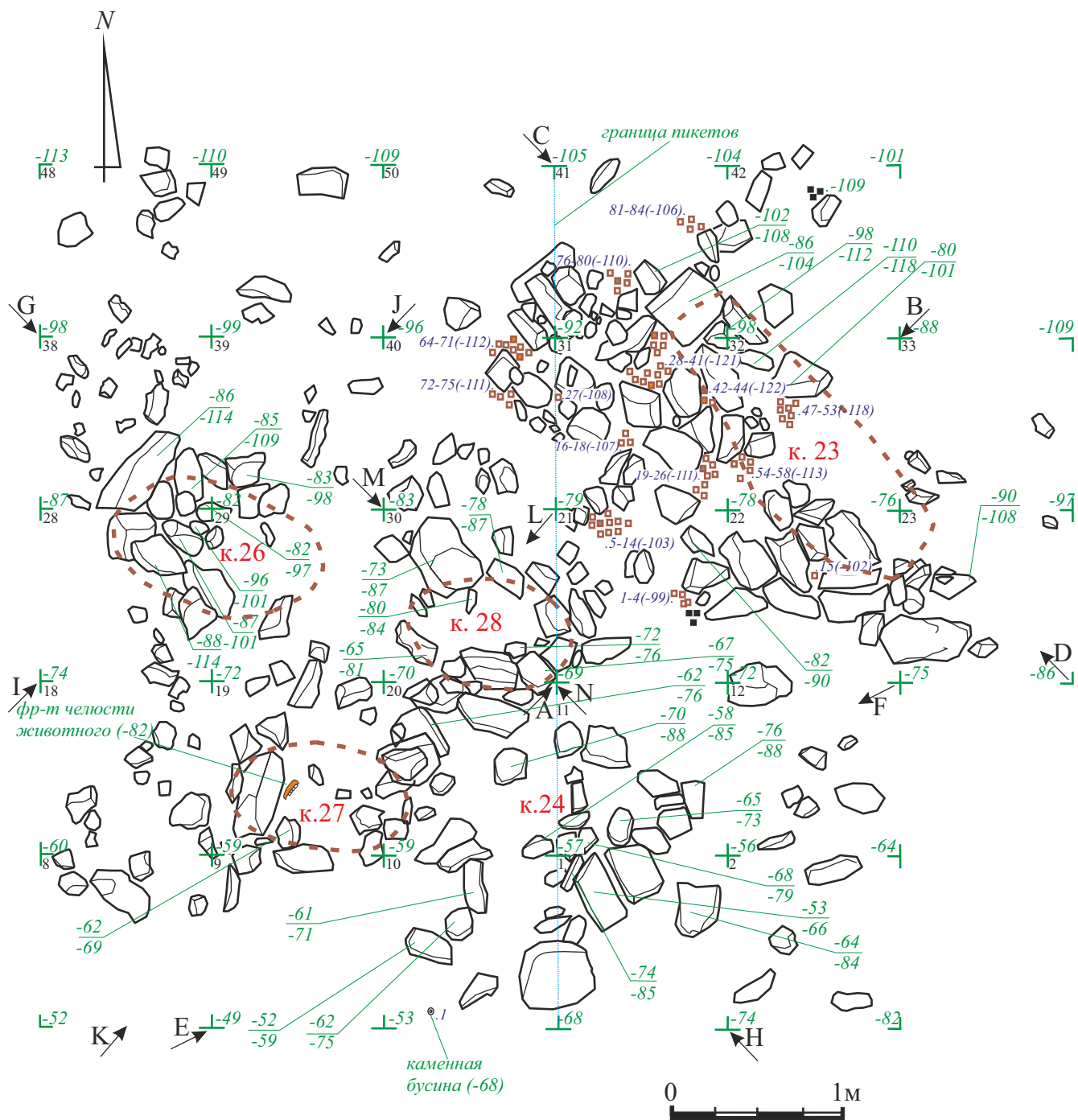

Рис.38. Цаган-Хушун II “а”: комплексы №№ 23, 24, 26-28 после расчистки

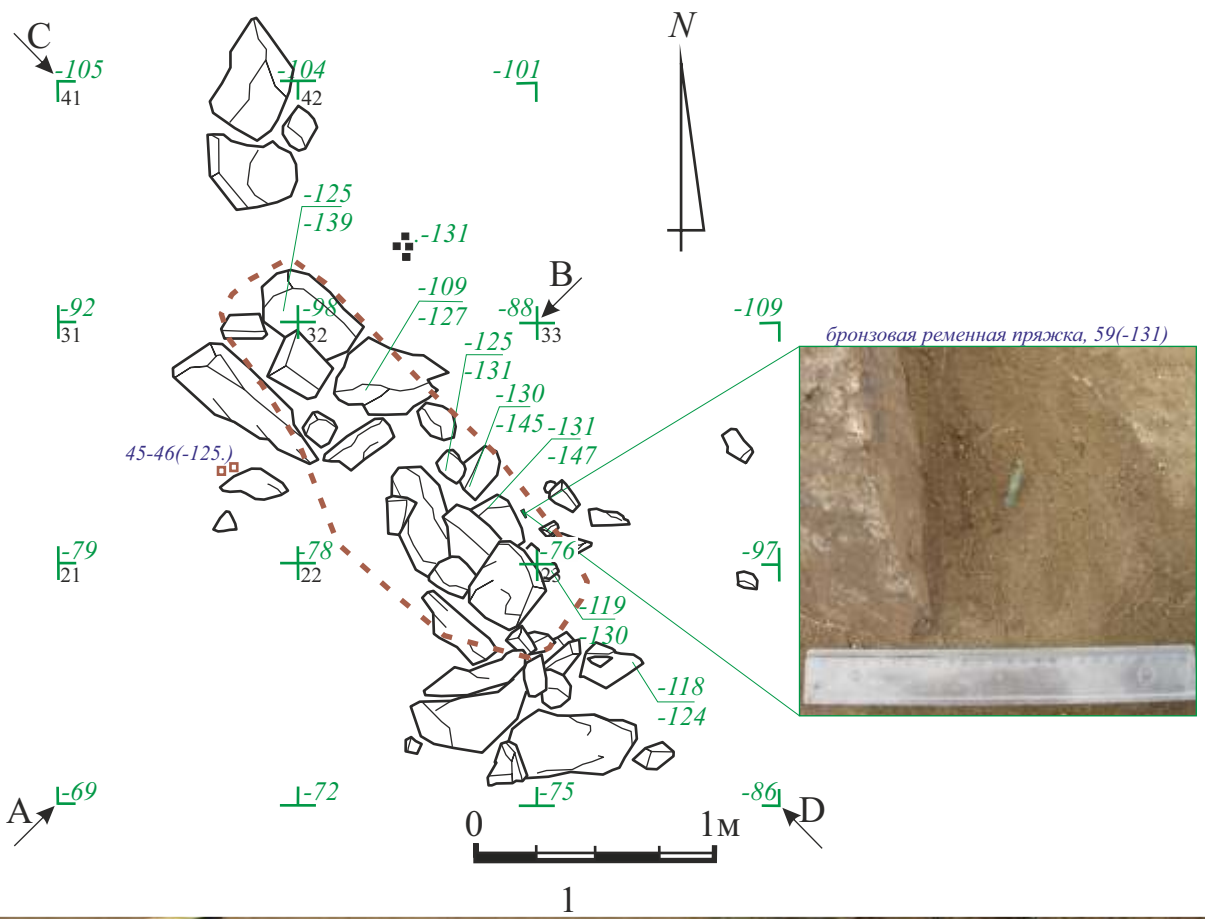

Рис.39. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №23:
1 - надмогильное перекрытие; 2 - снято с юга

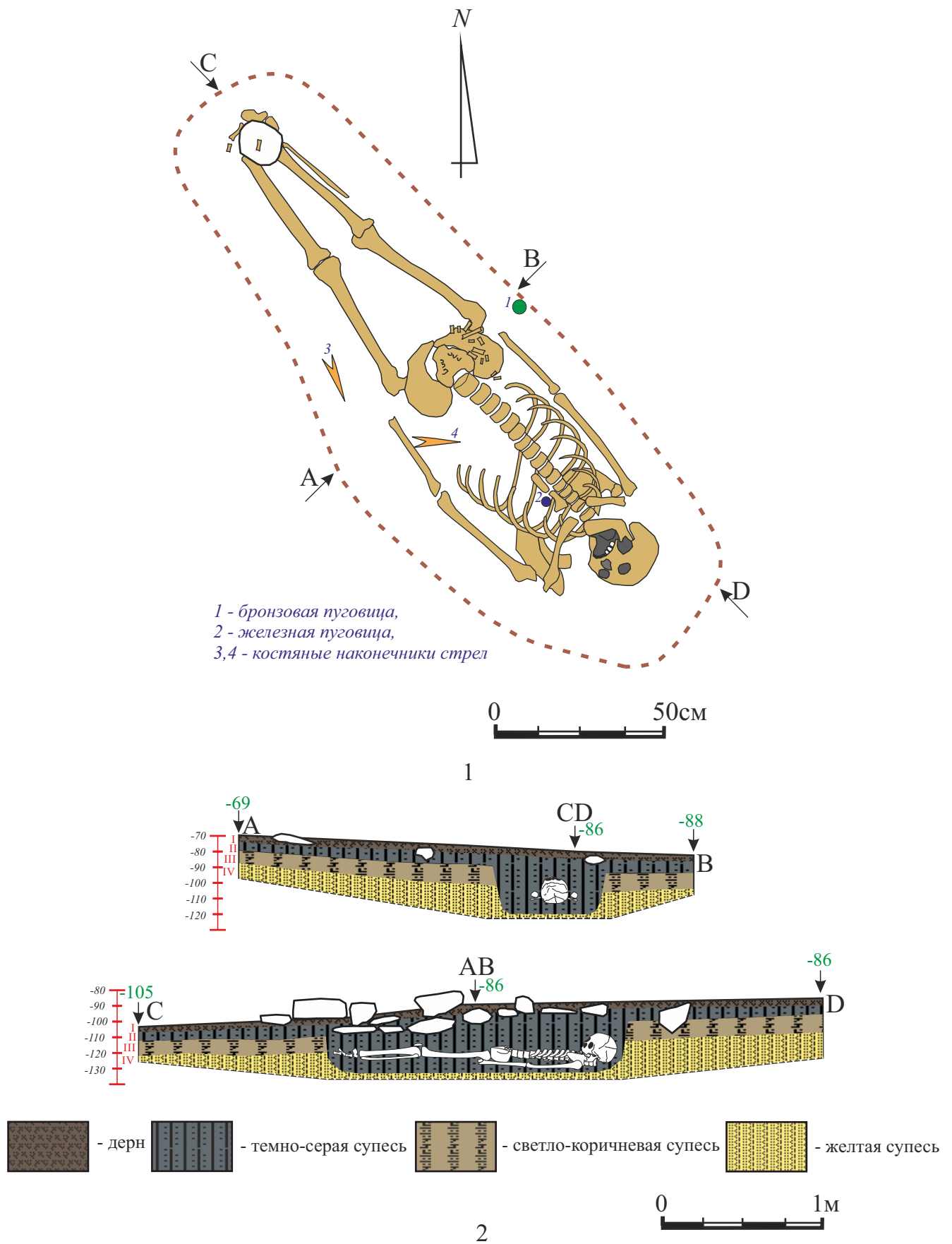

Рис.40. Цаган-Хушун II "а", комплекс №23: 1 - расположение костяка в могильной яме; 2 - профильные разрезы

1

2

Рис.41. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №23, расположение костяка в могильной яме: 1 - снято с севера; 2 - снято с северо-запада

1

2

Рис.42. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №23, кв. 32: 1 - расположение костяных наконечников стрел; 2 - расположение железной пуговицы. Снято с северо-запада

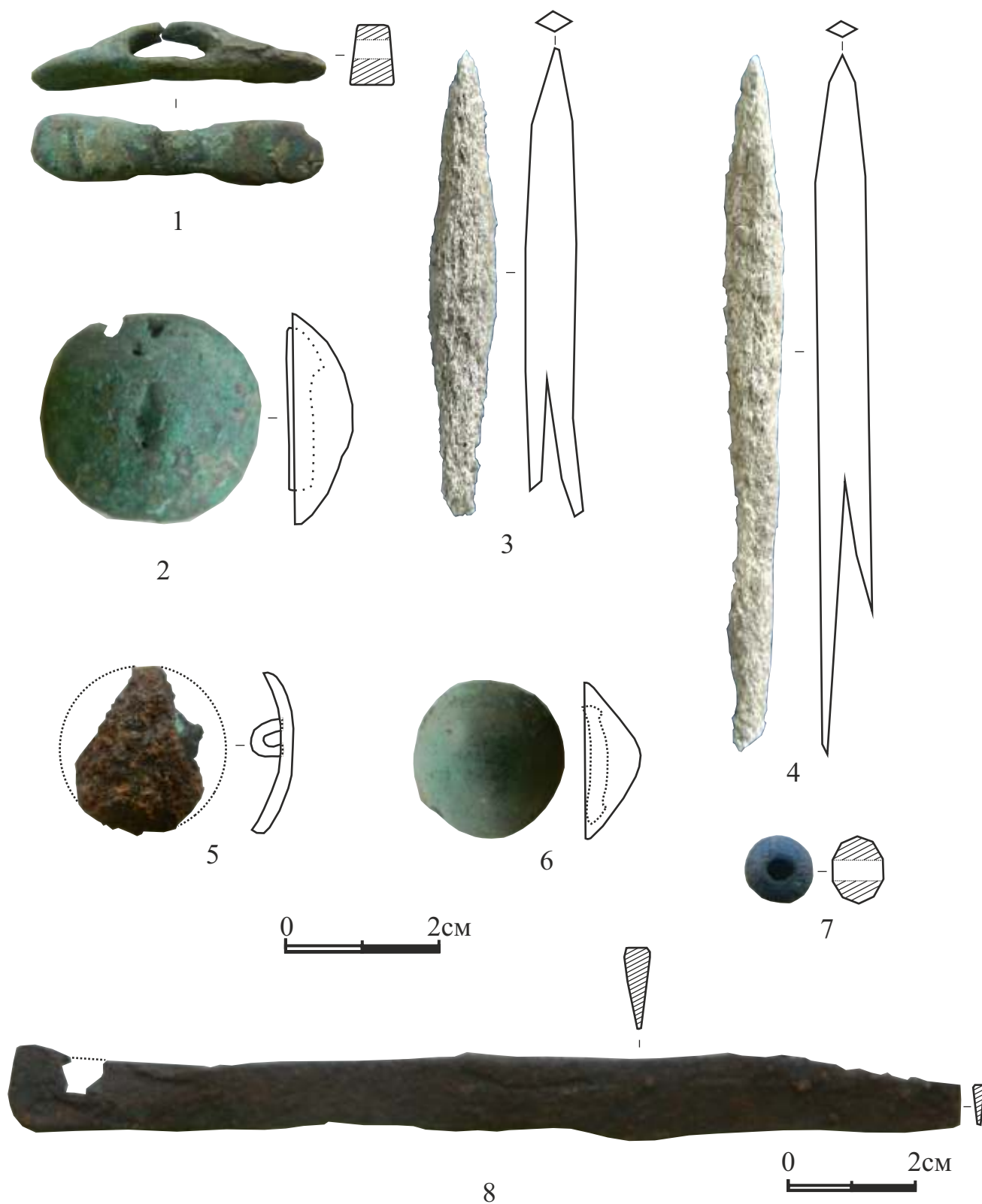
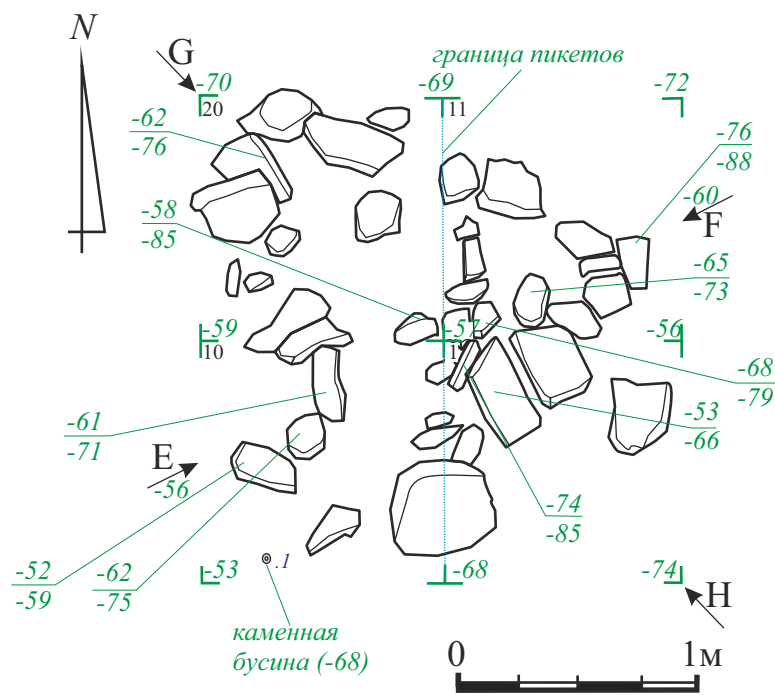

Рис.43. Цаган-Хушун II “а”, сопроводительный материал:
 комплекс №23: 1 - бронзовая застежка; 2 - бронзовая пуговица;
 3,4 - костяные наконечники стрел; 5 - железная пуговица;
 комплекс №26: 6 - бронзовая пуговица; комплекс №24: 7 - каменная бусина;
 комплекс №25: 8 - железный нож

1

2

Рис.44. Цаган-Хушун II "а", комплекс №24:
кладка после расчистки; 2 - снято с юга

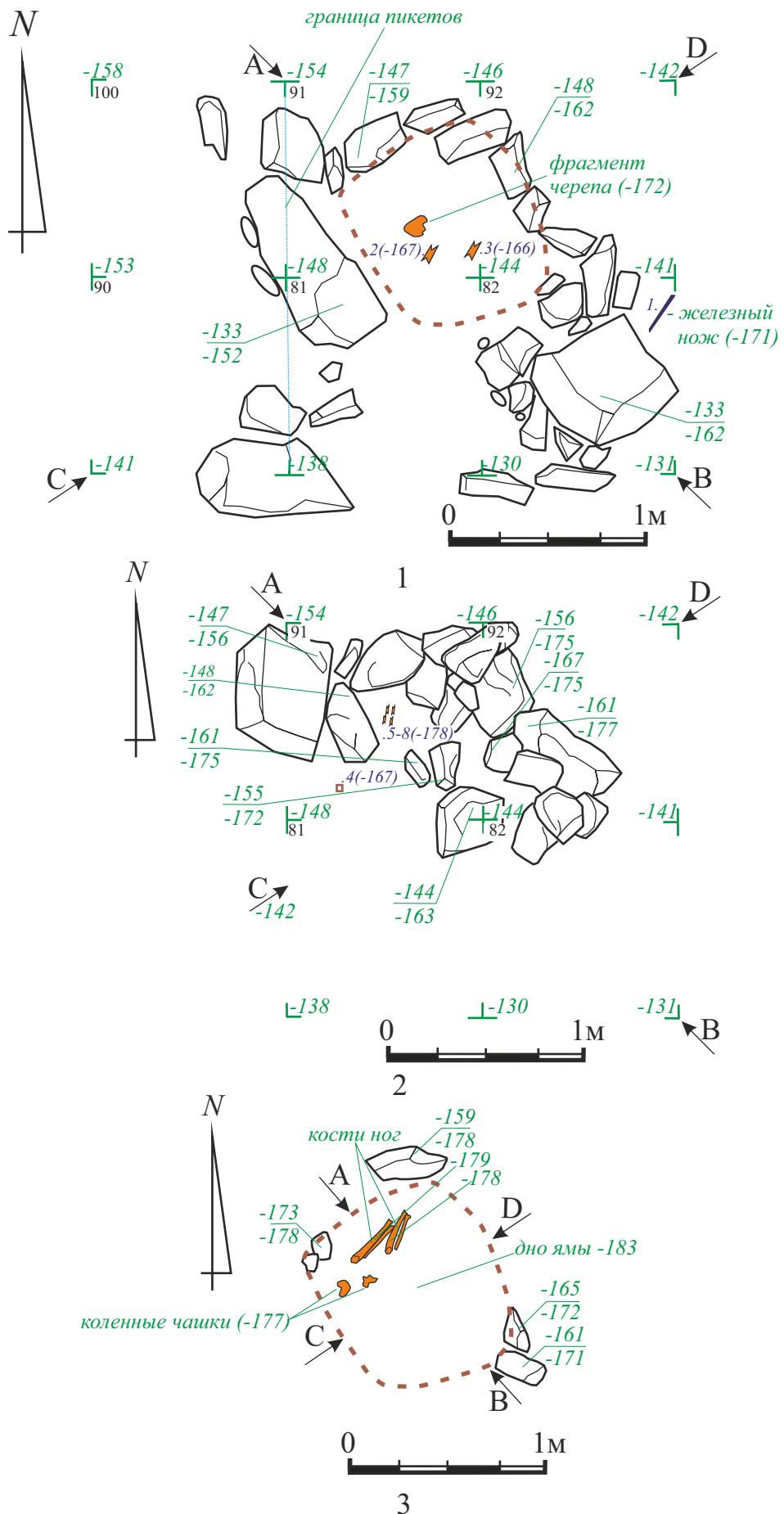

Рис.45. Цаган-Хушун II "а", комплекс №25: 1 - кладка после расчистки; 2 - второй уровень расчистки; 3 - заполнение могильной ямы

1

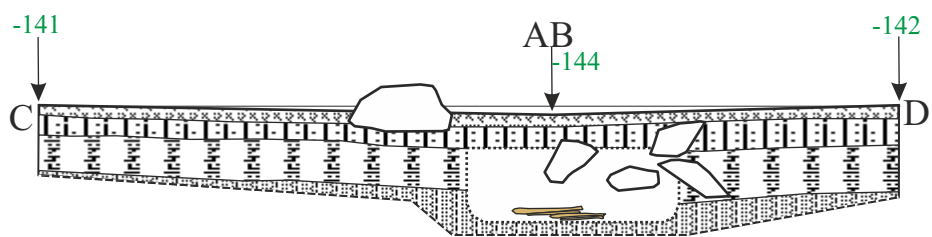
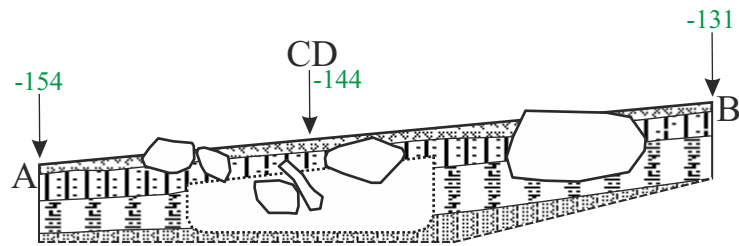

2

Рис.46. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №25: 1 - кладка после расчистки, снято с запада; 2 - второй уровень расчистки, снято с юга

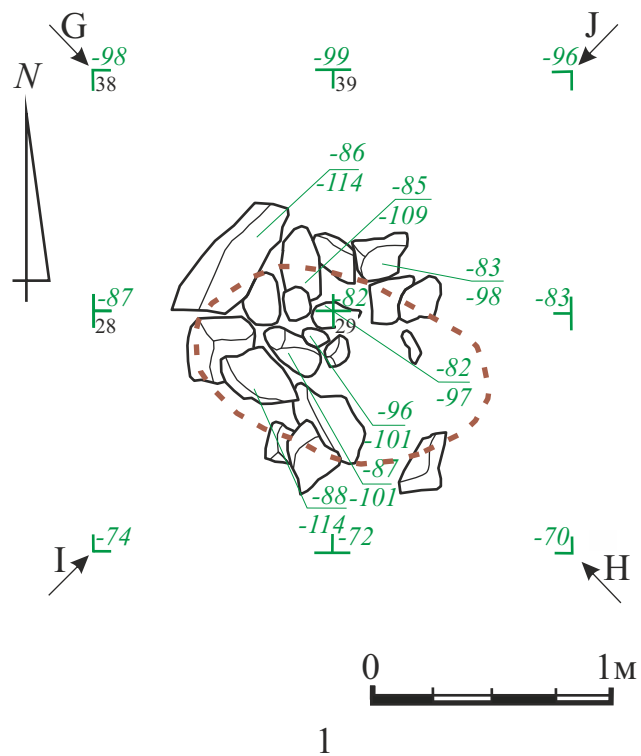

1

2

Рис.47. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №25: 1 - заполнение могильной ямы;
2 - профильные разрезы

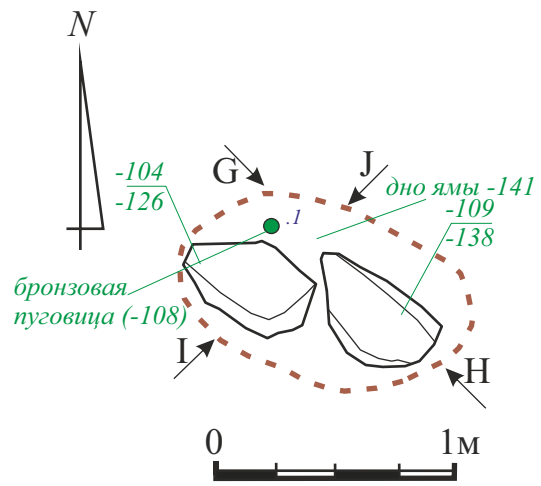

1

2

Рис.48. Цаган-Хушун II “а”, комплекс 26: кладка после расчистки;
2 - снято с юга

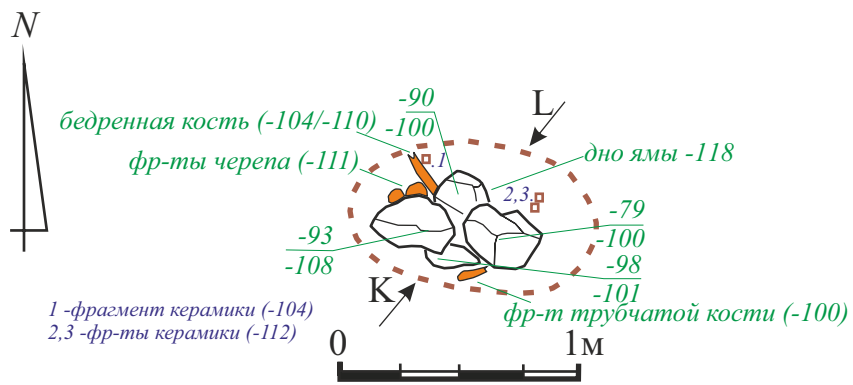

1

2

Рис.49. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №26: заполнение ямы;
2 - снято с юга

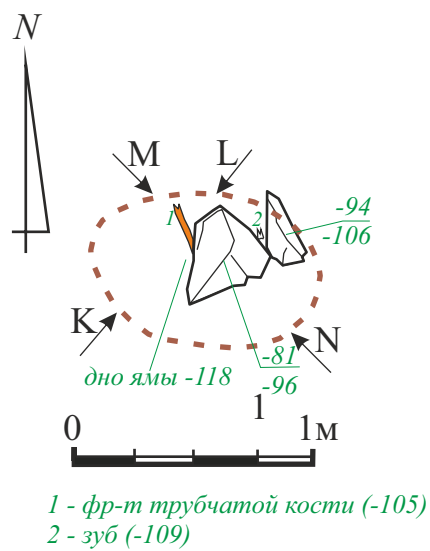

1

2

Рис.50. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №27: заполнение ямы;
2 - снято с северо-запада

1

2

Рис.51. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №28: заполнение ямы:
2 - снято с юго-запада

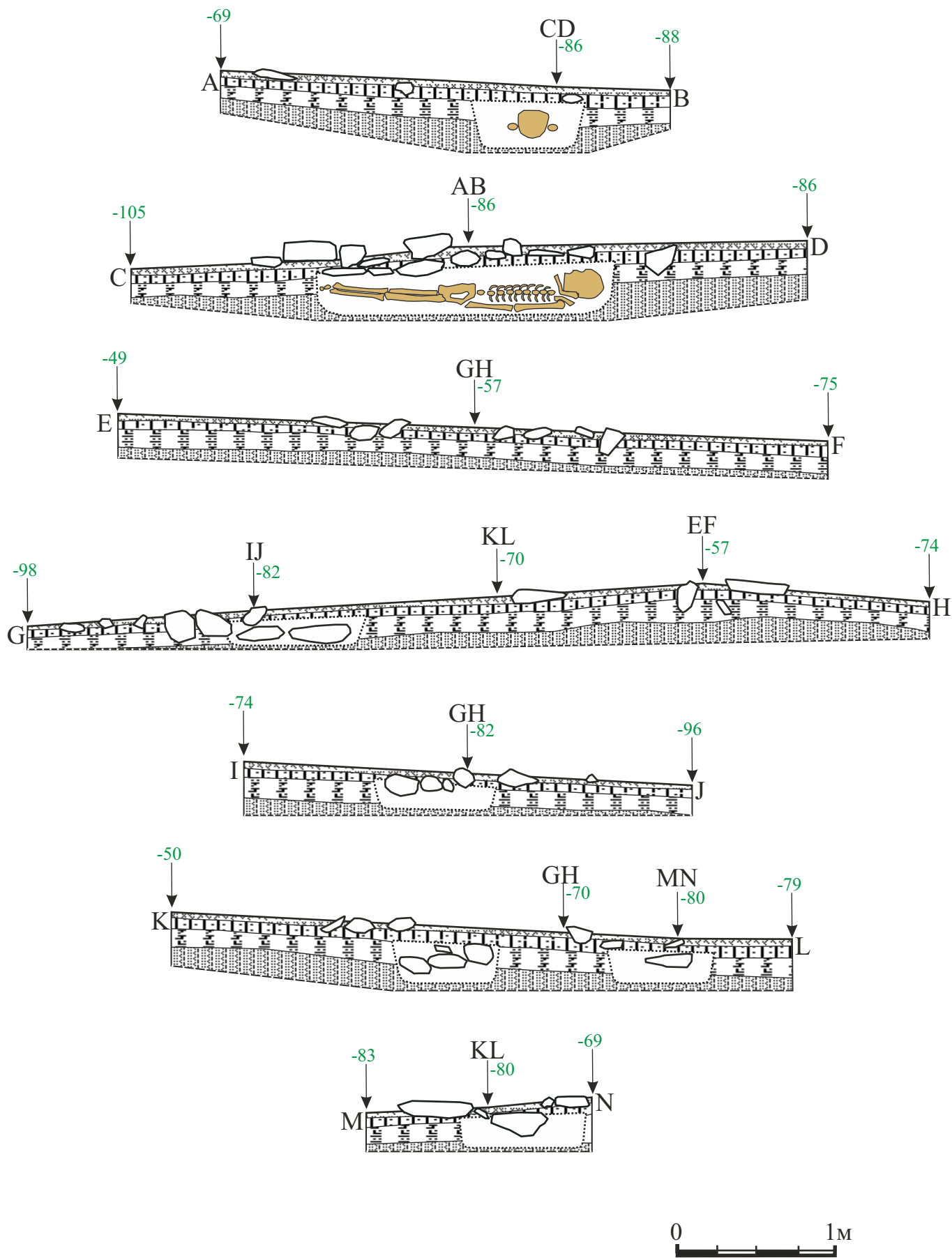
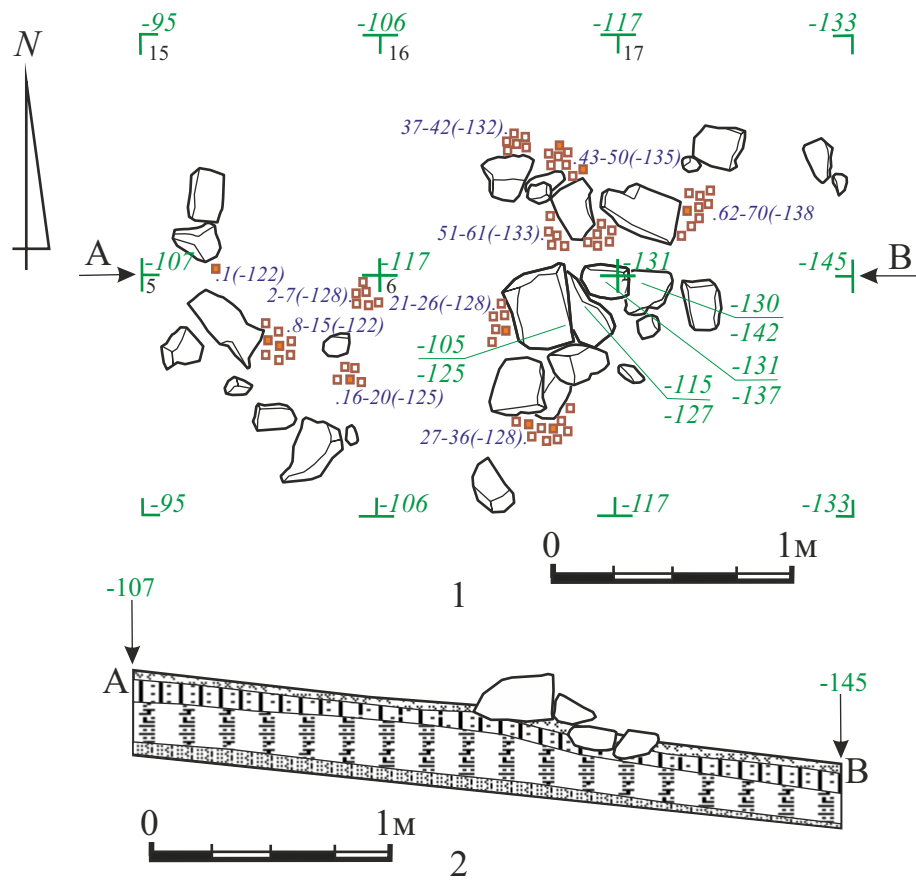

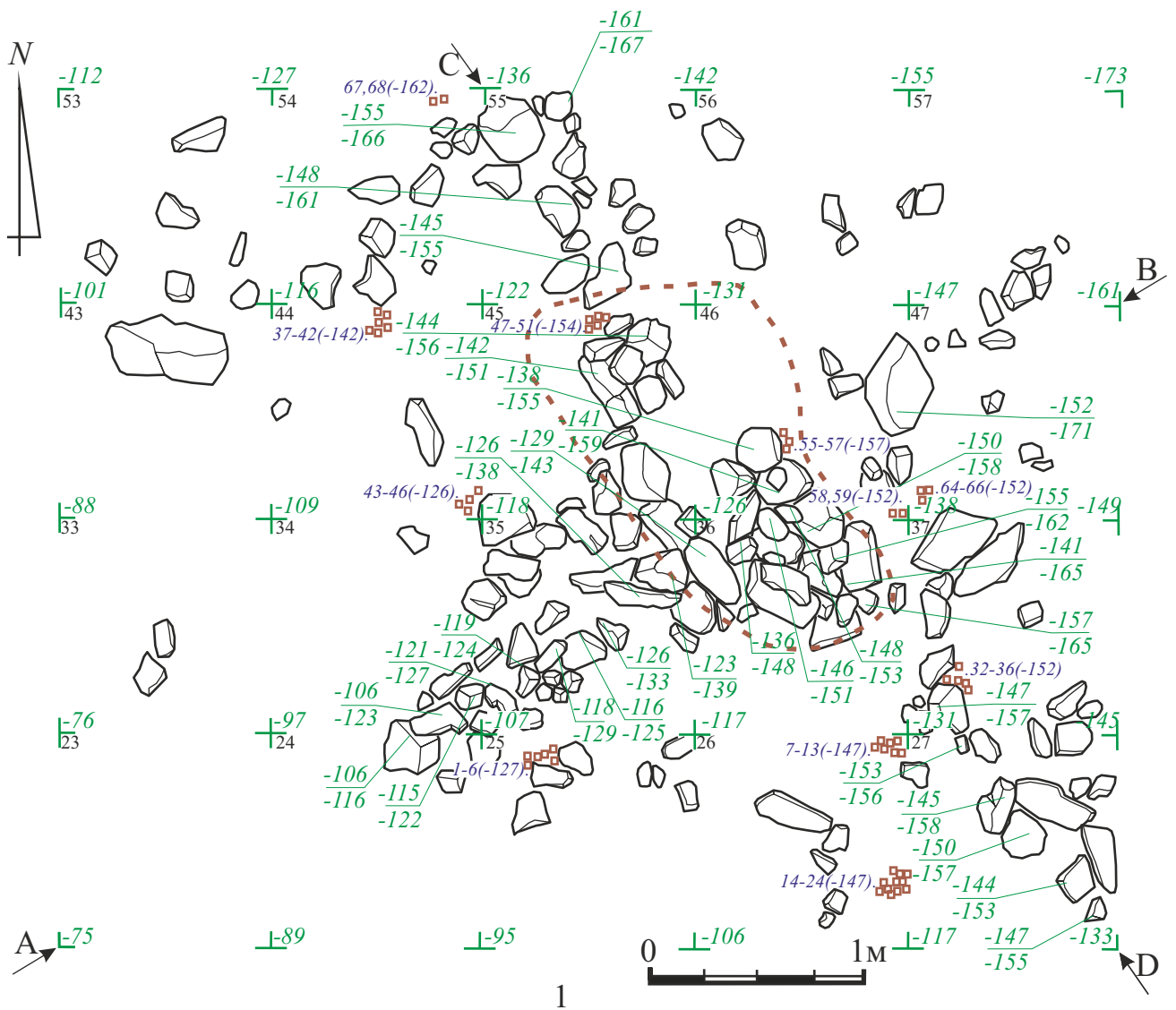
Рис.52. Даган-Хушун II “а”, профильные разрезы комплексов №№ 23, 24, 26, 27, 28

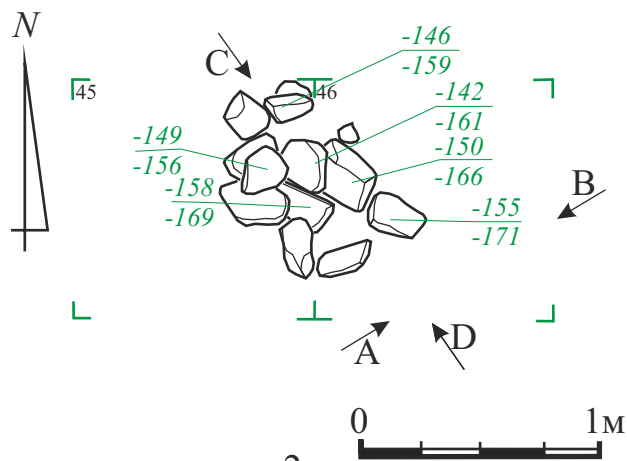

3

Рис.53. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №30: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильный разрез; 3 - кладка после расчистки, снято с юга

1

2

Рис.54. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31: 1 - кладка после расчистки; 2 - второй уровень расчистки

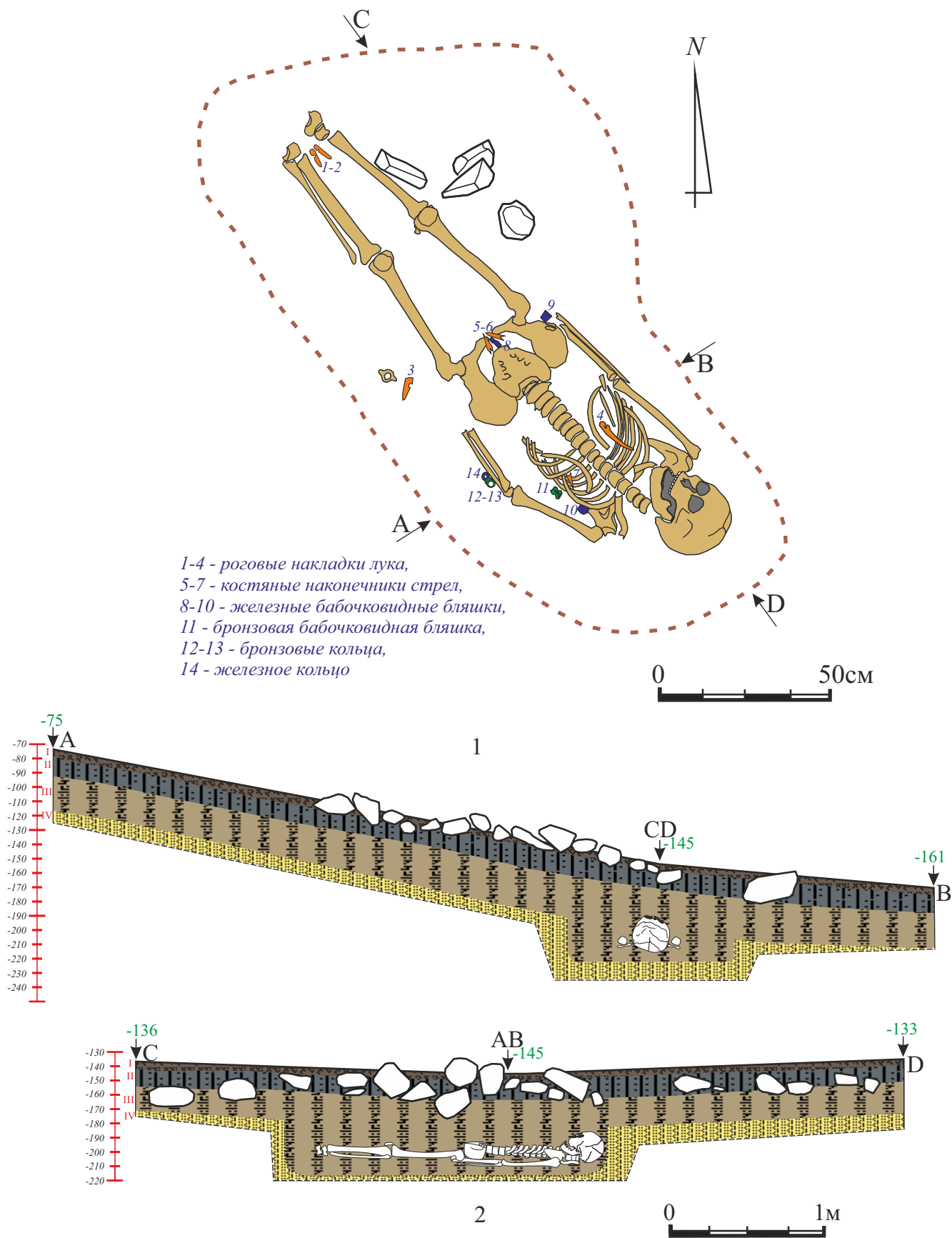

Рис.55. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31: 1 - положение костяка в могильной яме; 2 - профильные разрезы

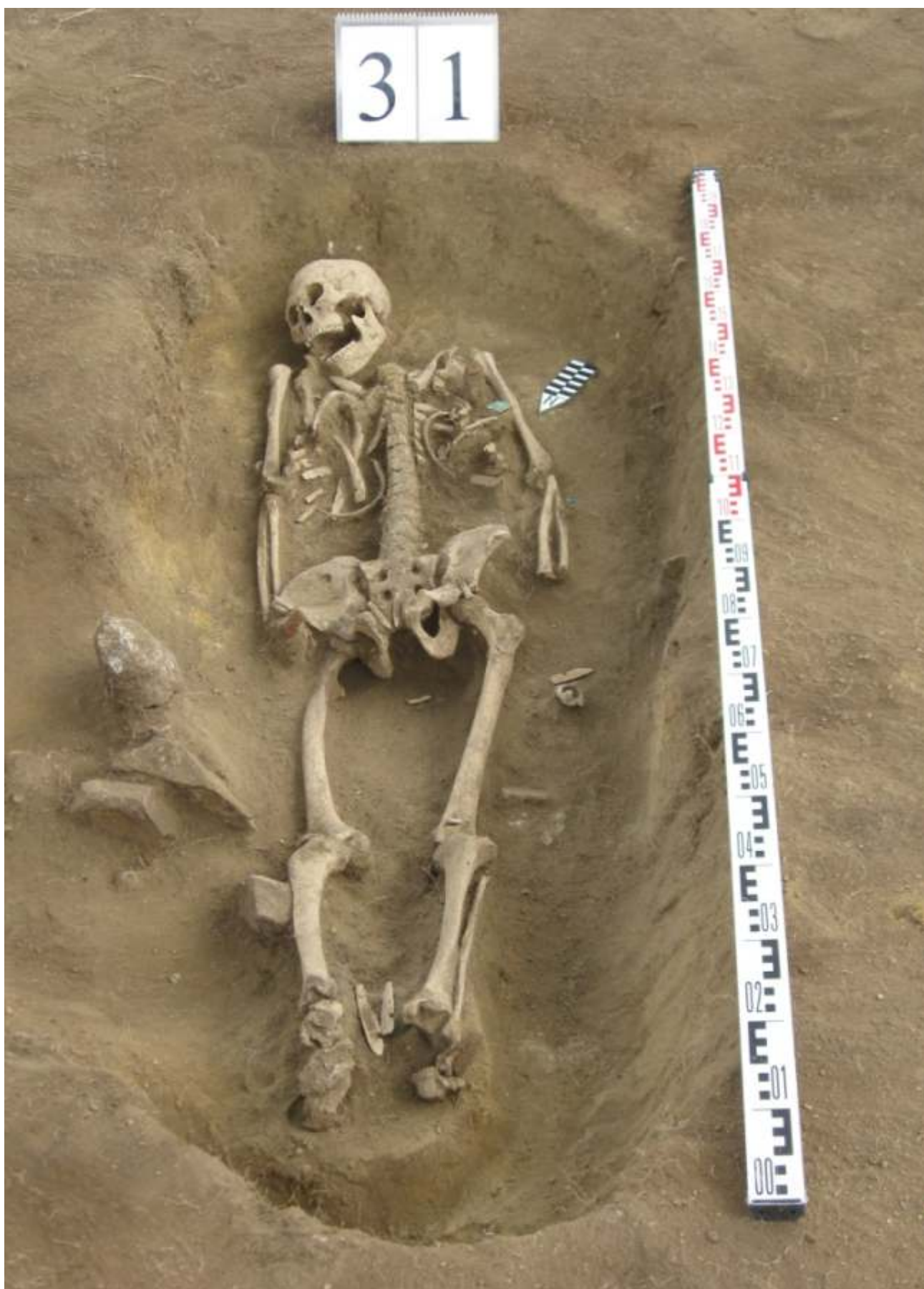

Рис.56. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31:
расположение костяка в могильной яме, снято с юга

1

2

3

Рис.57. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31: расположение материала:
 1 - бронзовая бляшка, железная бляшка,
 бронзовые и железные кольца; 2 - концевые накладки
 лука из кости; 3 - костяные наконечники стрел
 и железная бляшка

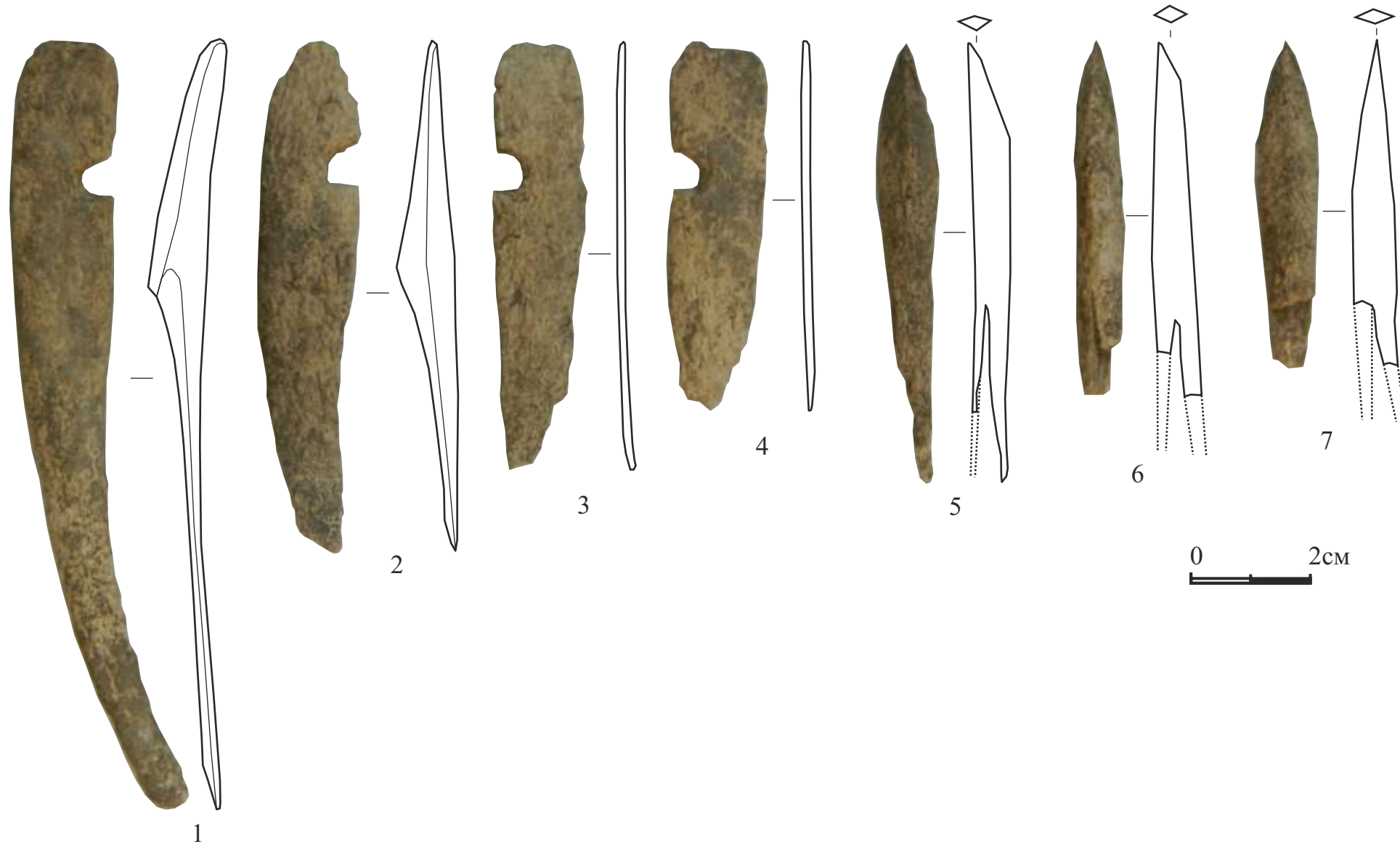

Рис.58. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31: 1-4 роговые накладки лука; 5-7 костяные наконечники стрел

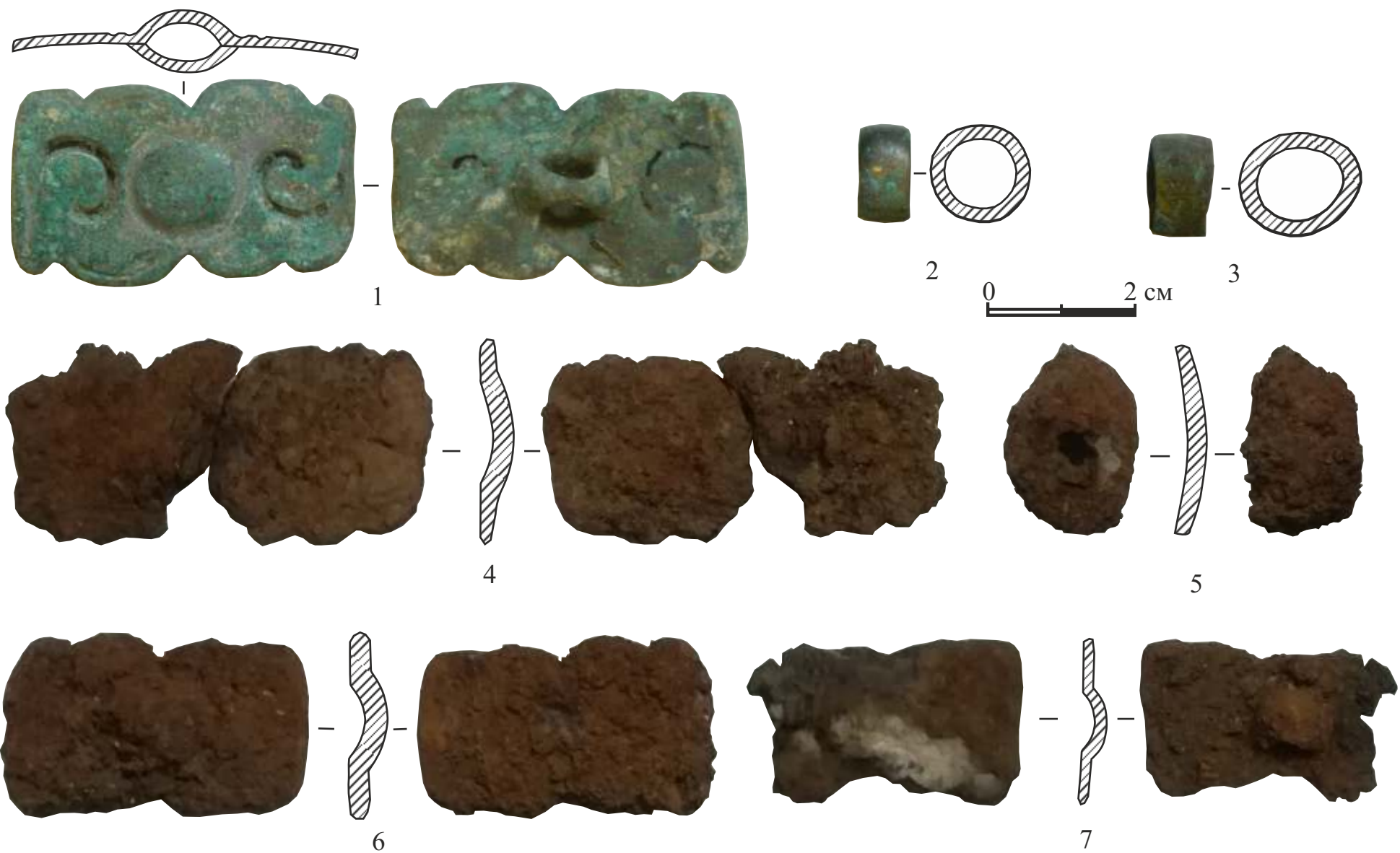

Рис.59. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №31, находки: 1 - бронзовая бляшка; 2,3 - бронзовые кольца; 4,6,7 - железные бляшки; 5 - железное кольцо

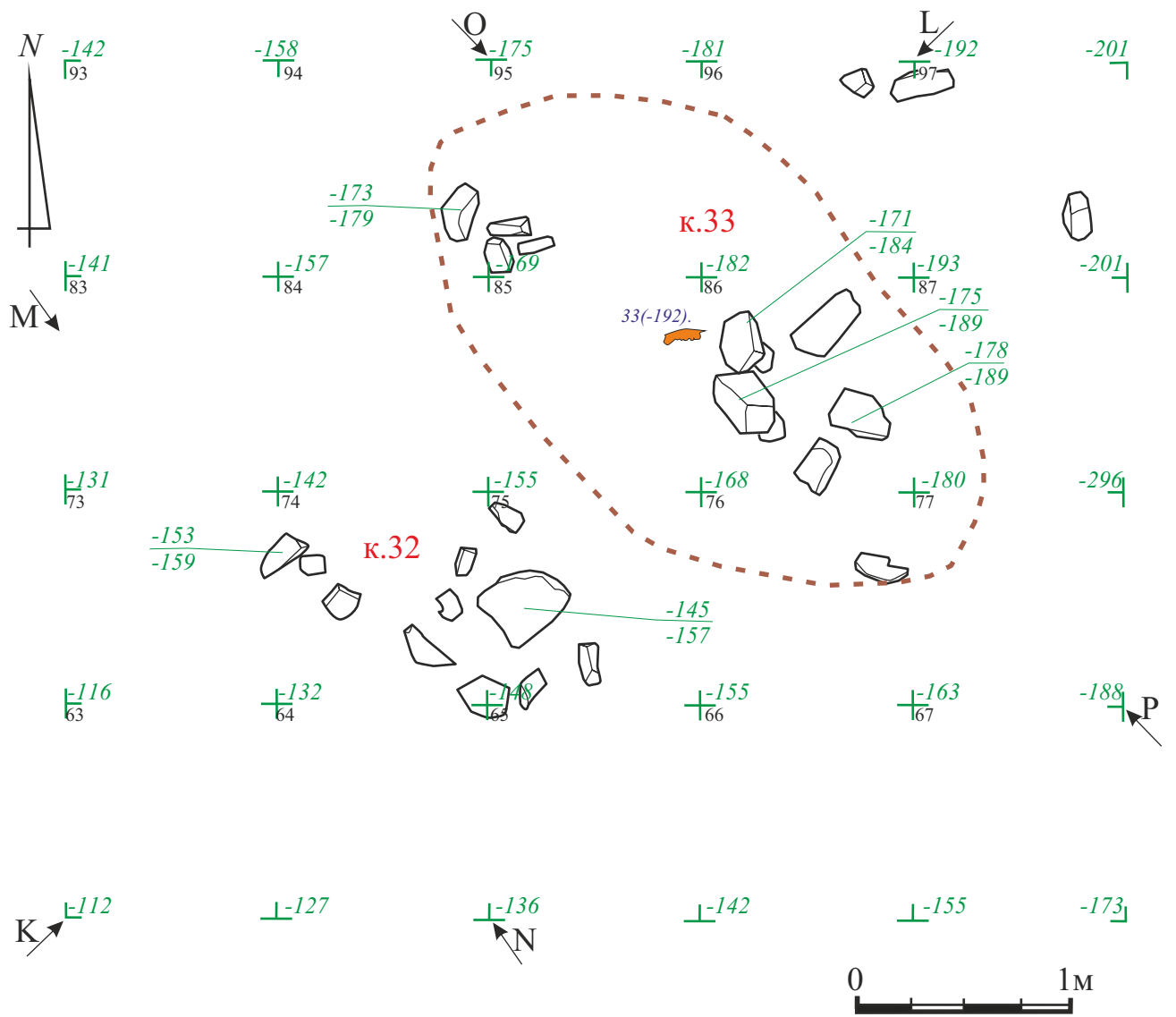

Рис.61. Цаган-Хушун II “а”, комплексы №№ 32 и 33: второй уровень расчистки

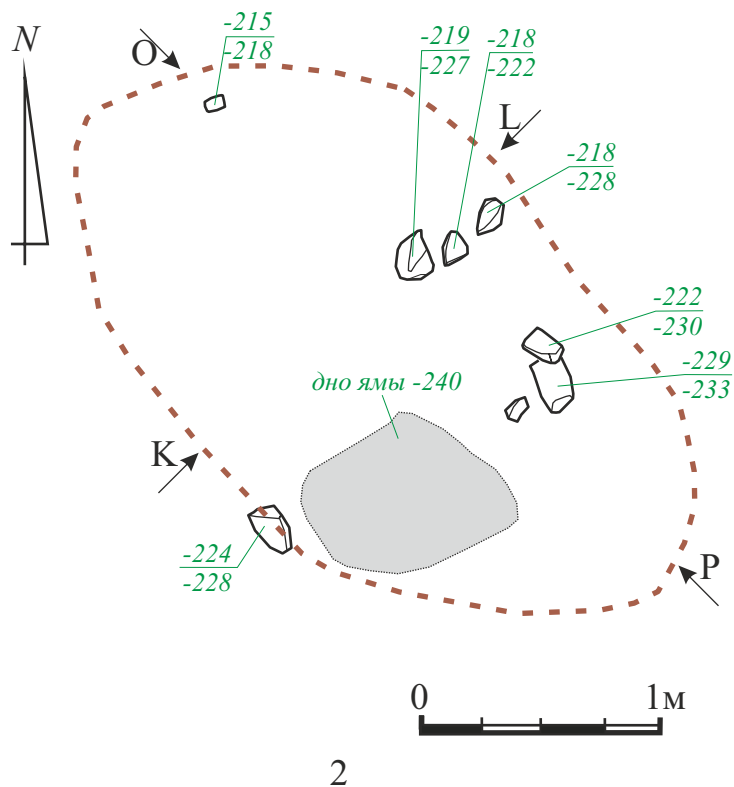
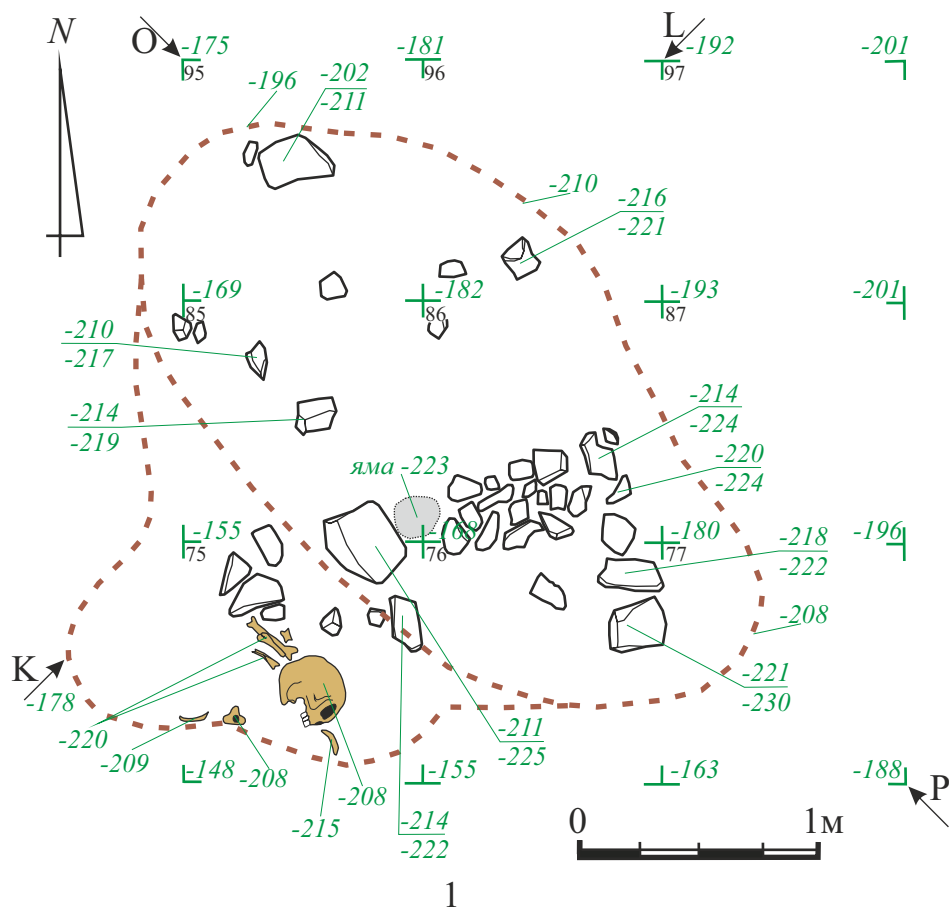

Рис.62. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №33: 1 - заполнение могильной ямы; 2 - дно ямы

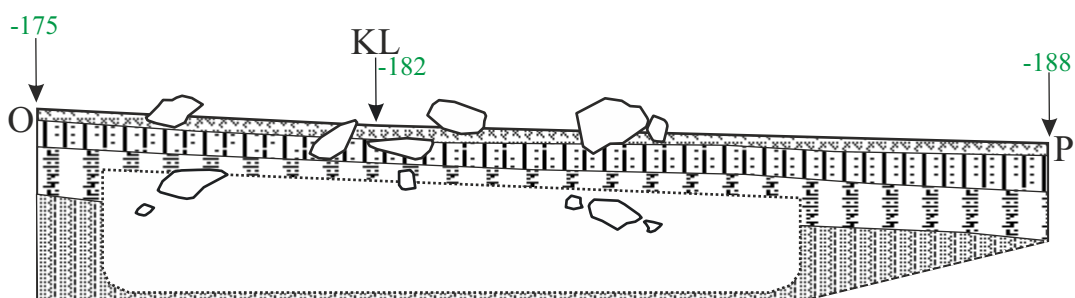
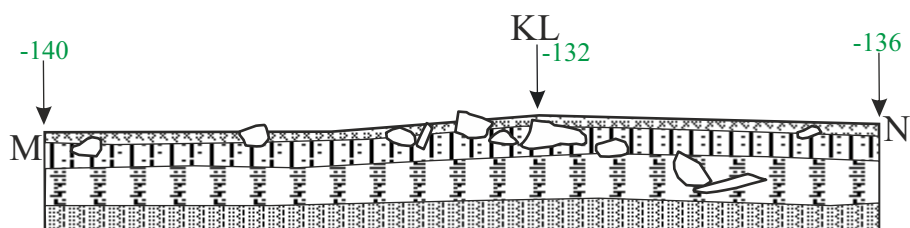
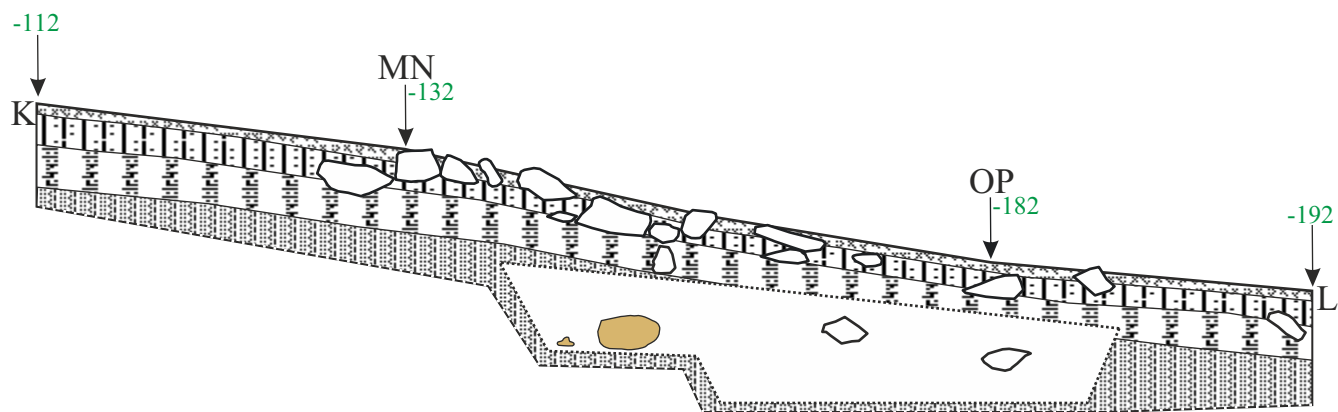
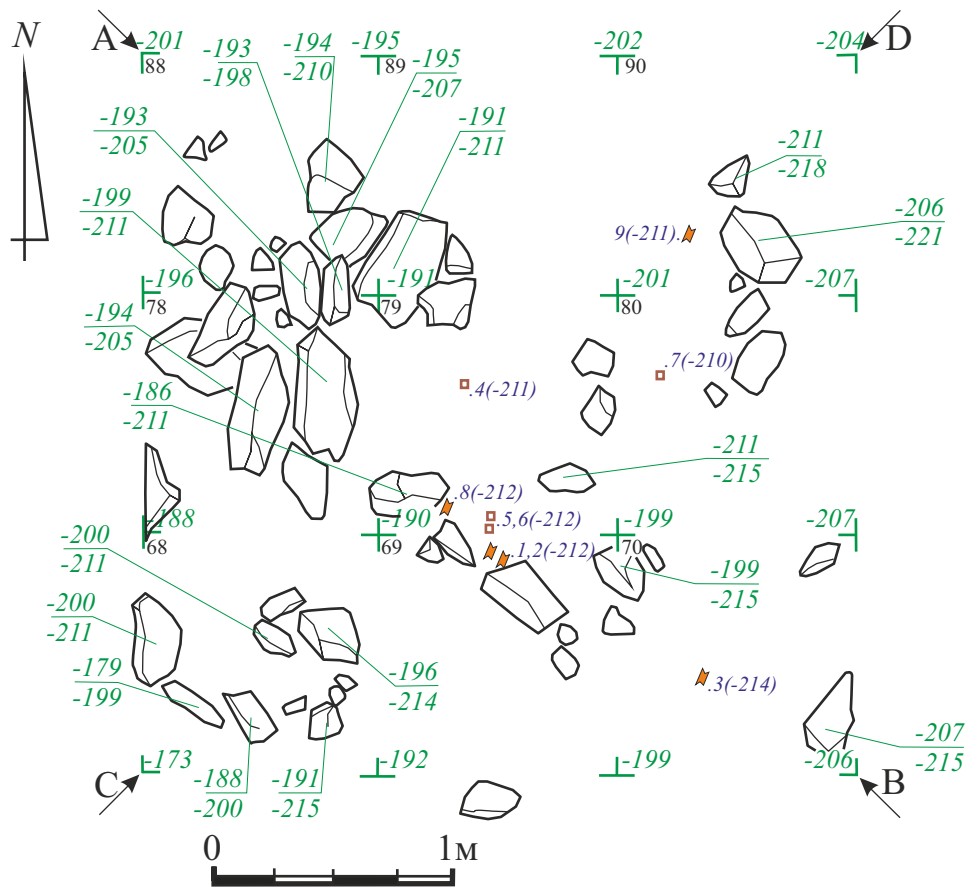
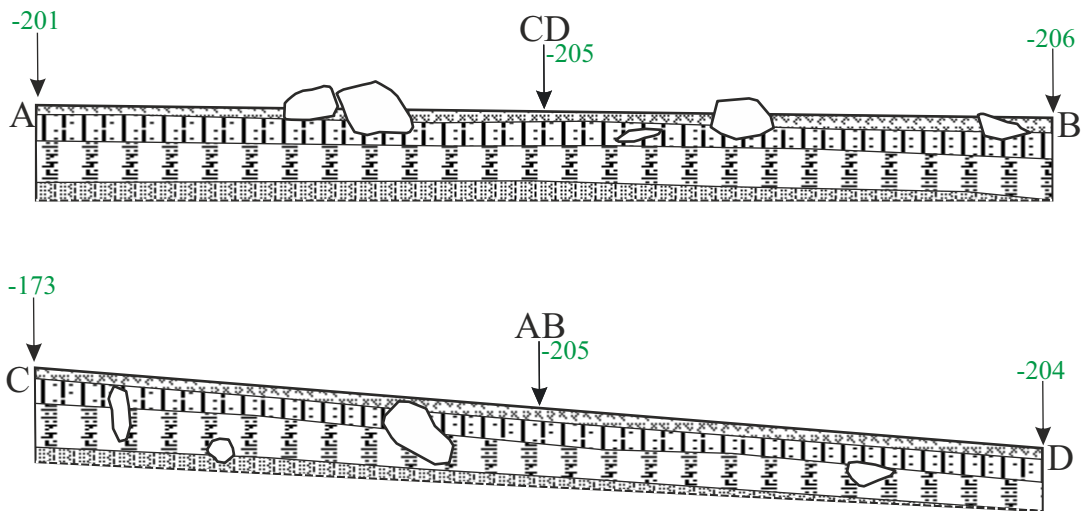

Рис.63. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №№ 32 и 33: профильные разрезы

1

2

Рис.64. Цаган-Хушун II “а”, комплекс №34: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильные разрезы

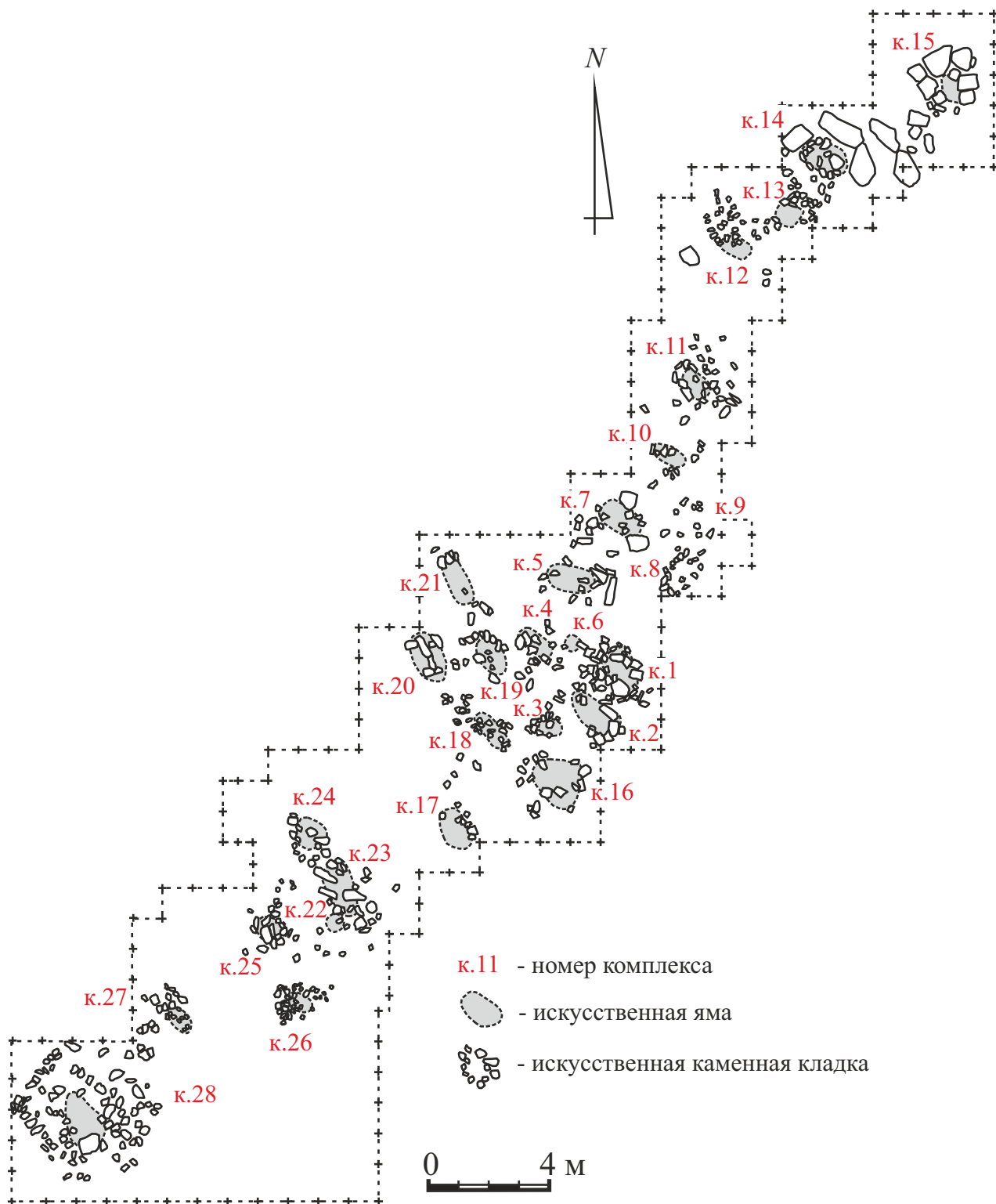

Рис.65. Цаган-Хушун II, участок “b”: план раскопа

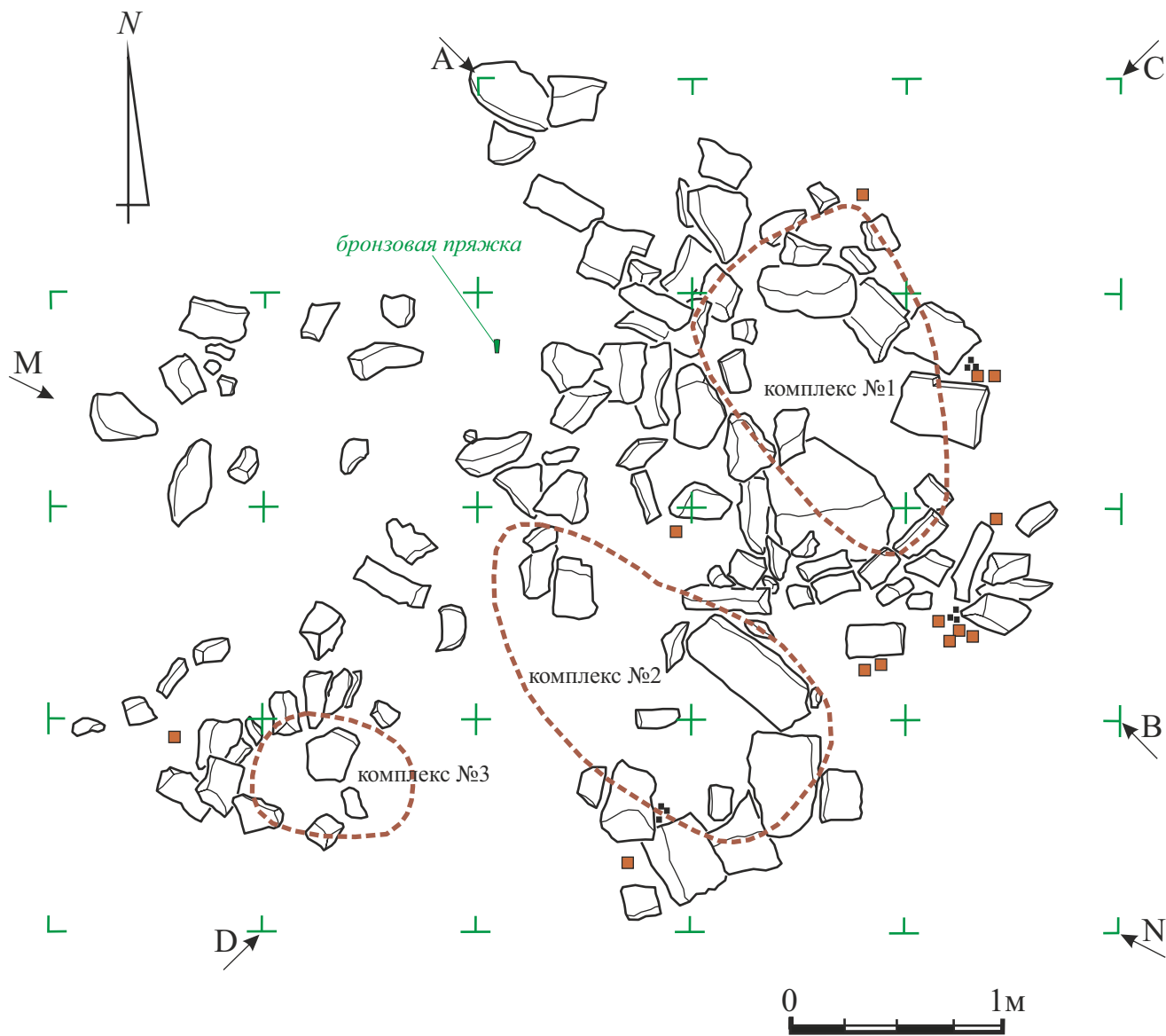

Рис.66. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 1, 2, 3 - кладки после расчистки

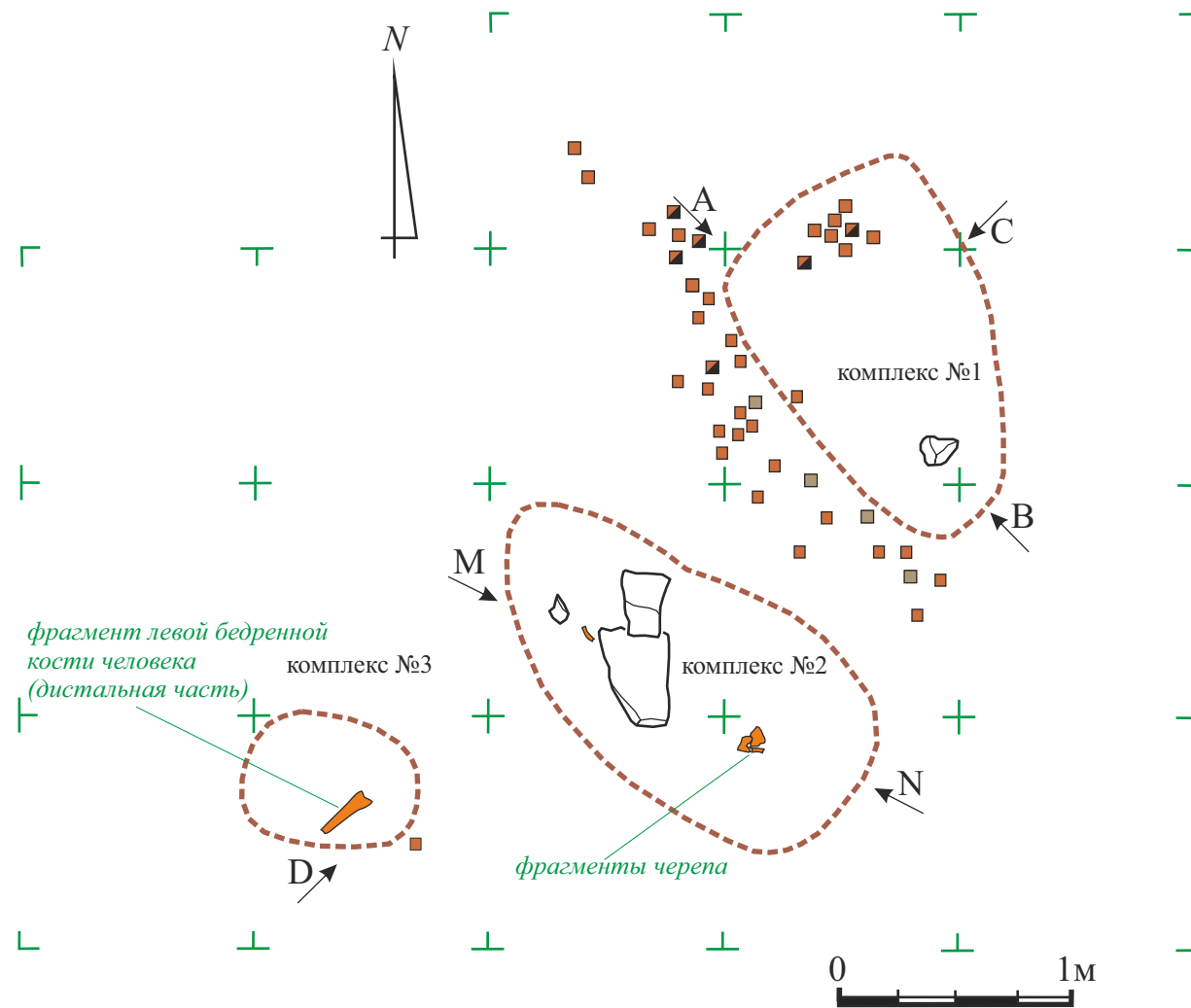

Рис.67. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 1, 2, 3 - заполнение ям

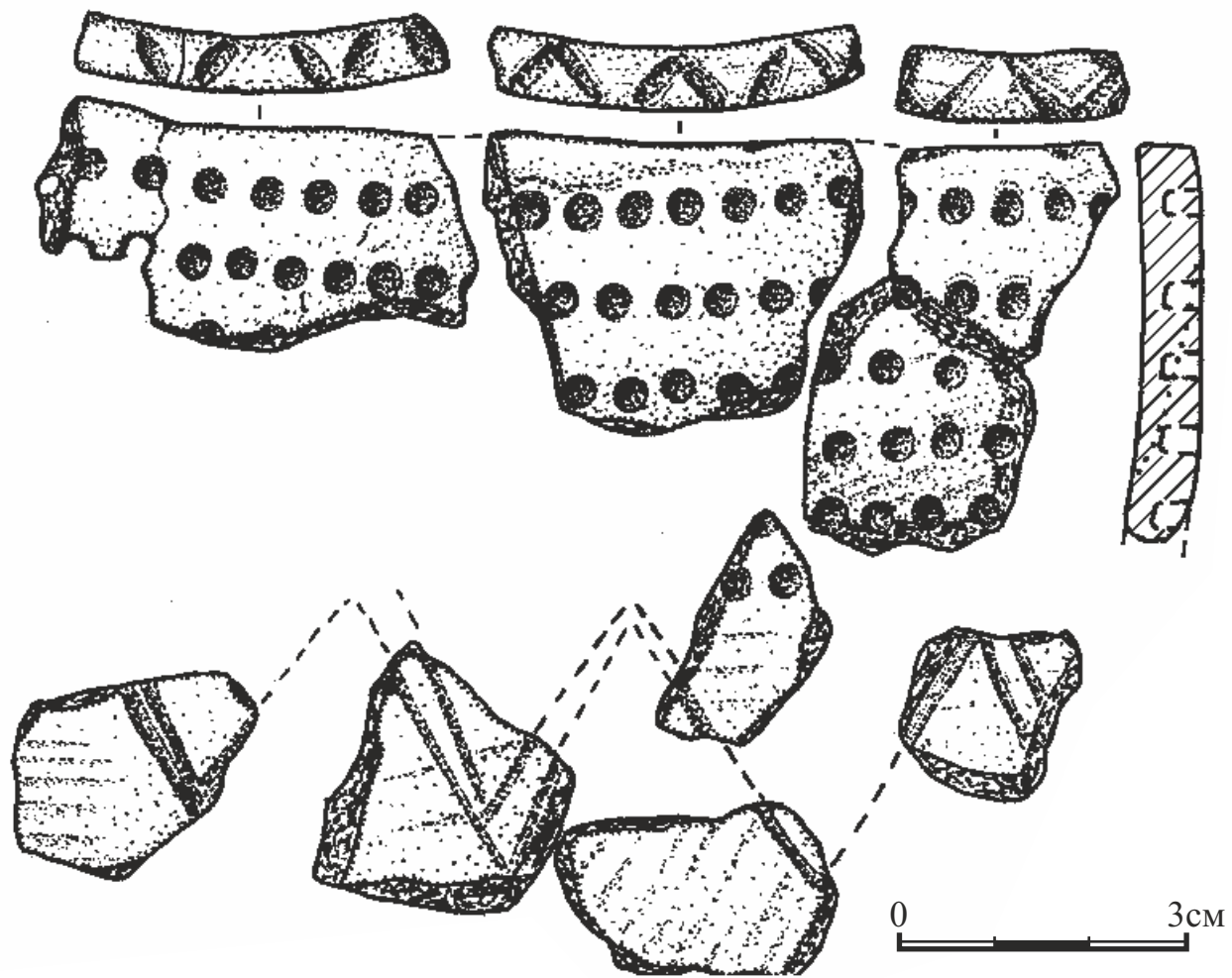

Рис.68. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №1: фрагмент керамического сосуда

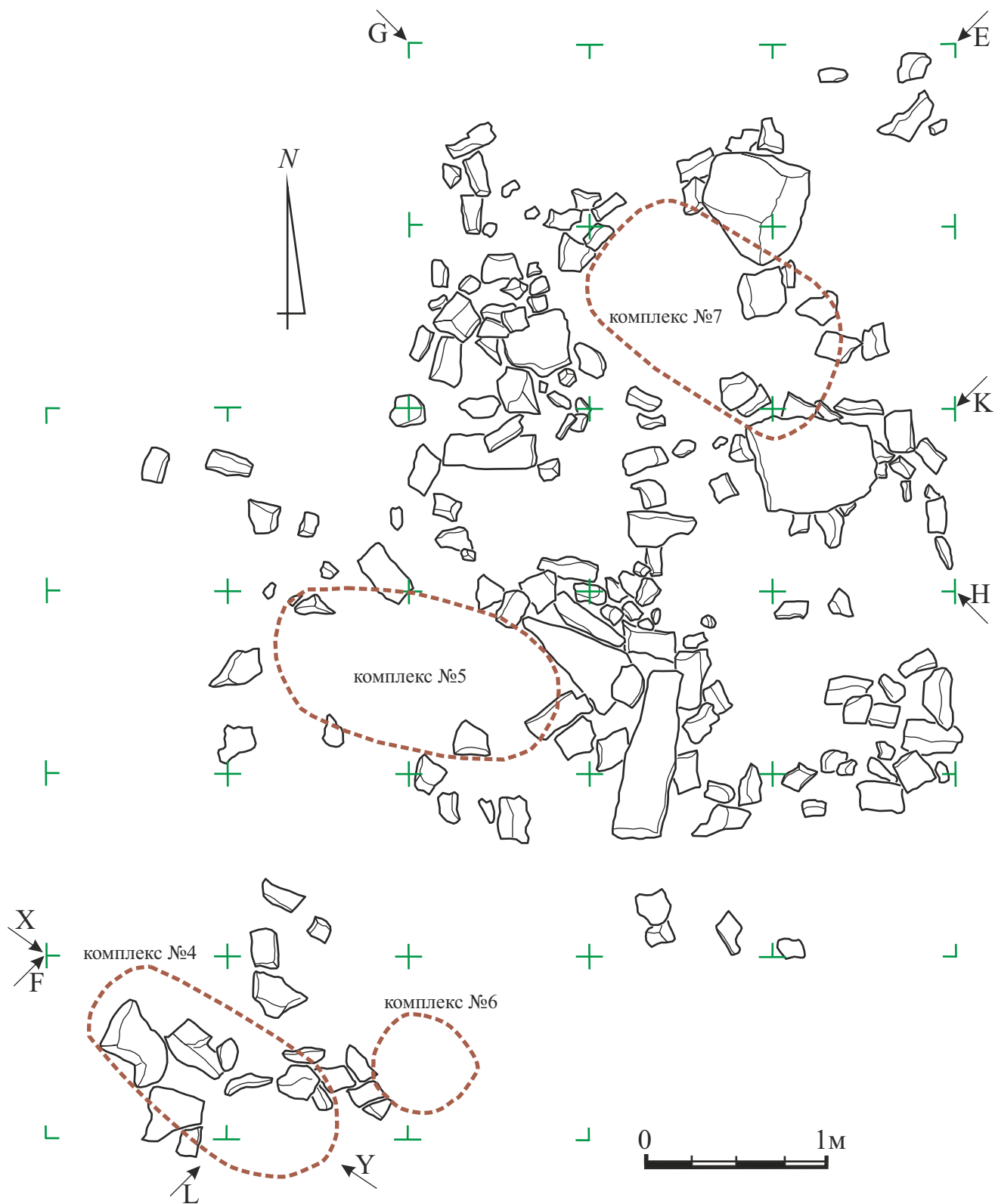

Рис. 69.Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 4, 5, 6, 7: кладки после расчистки

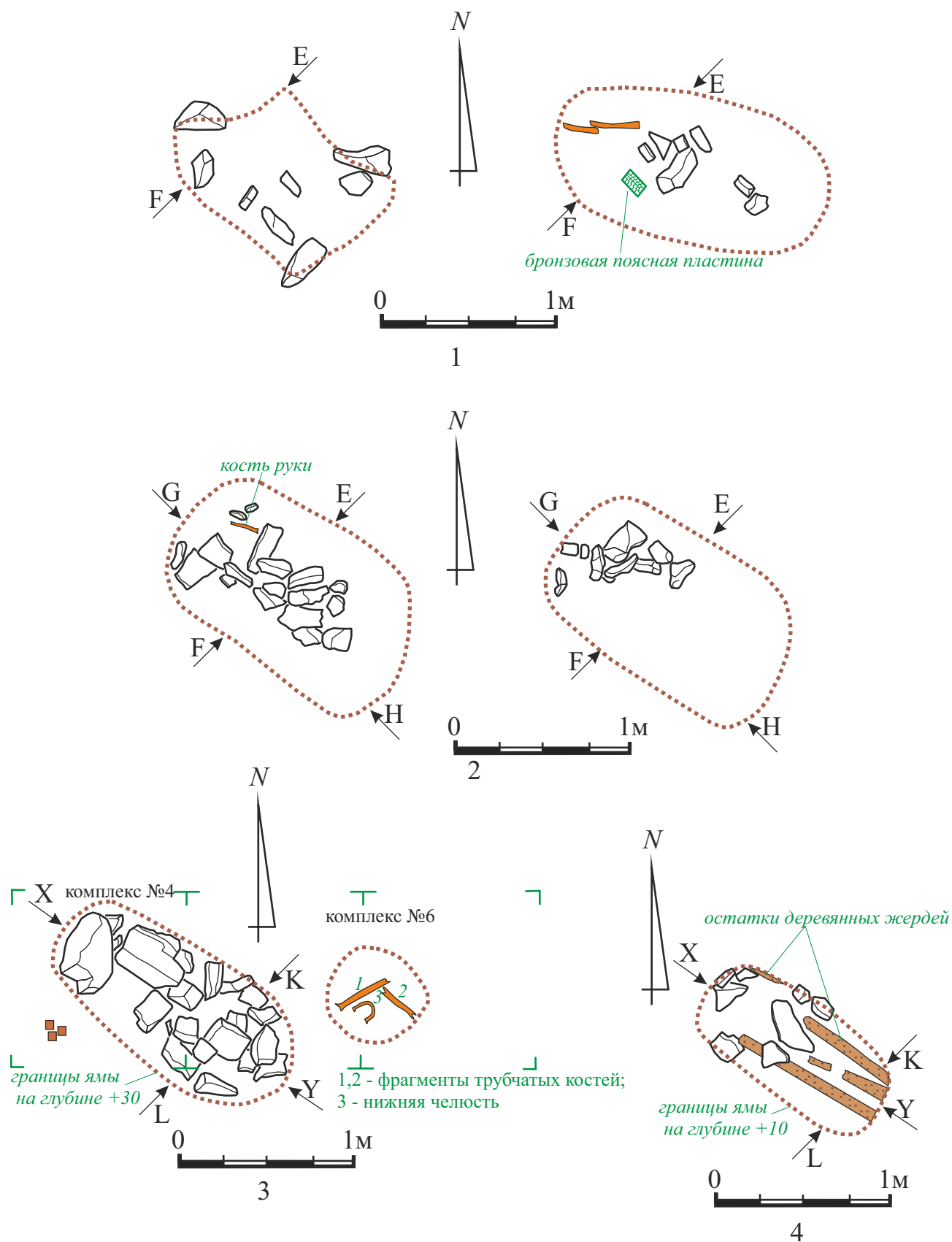

Рис.70. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 4, 5, 6, 7:
 1 - первый и второй уровни расчистки ямы комплекса №5;
 2 - первый и второй уровни расчистки ямы комплекса №7;
 3 - надмогильное перекрытие ямы комплекса №4 и заполнение ямы комплекса №6; 4 - внутримогильное перекрытие ямы комплекса №4

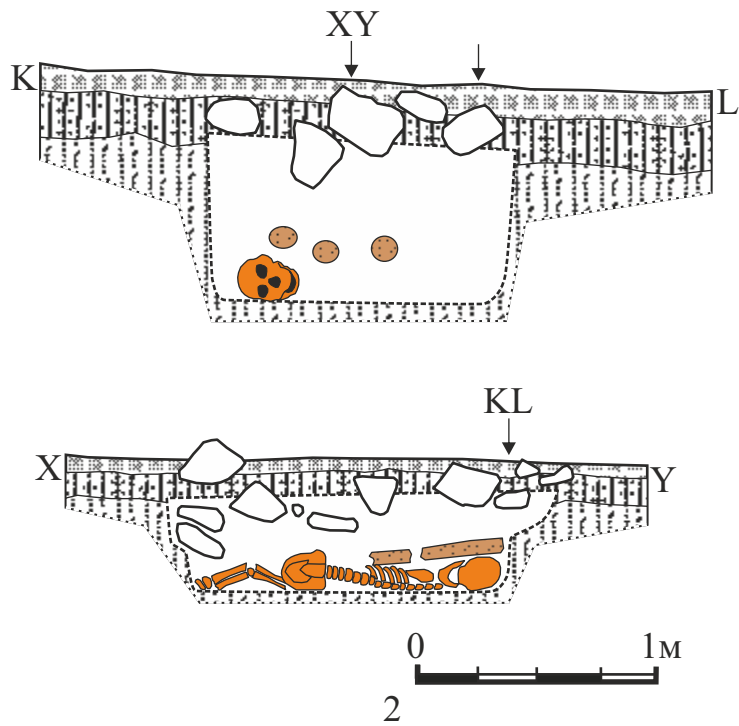
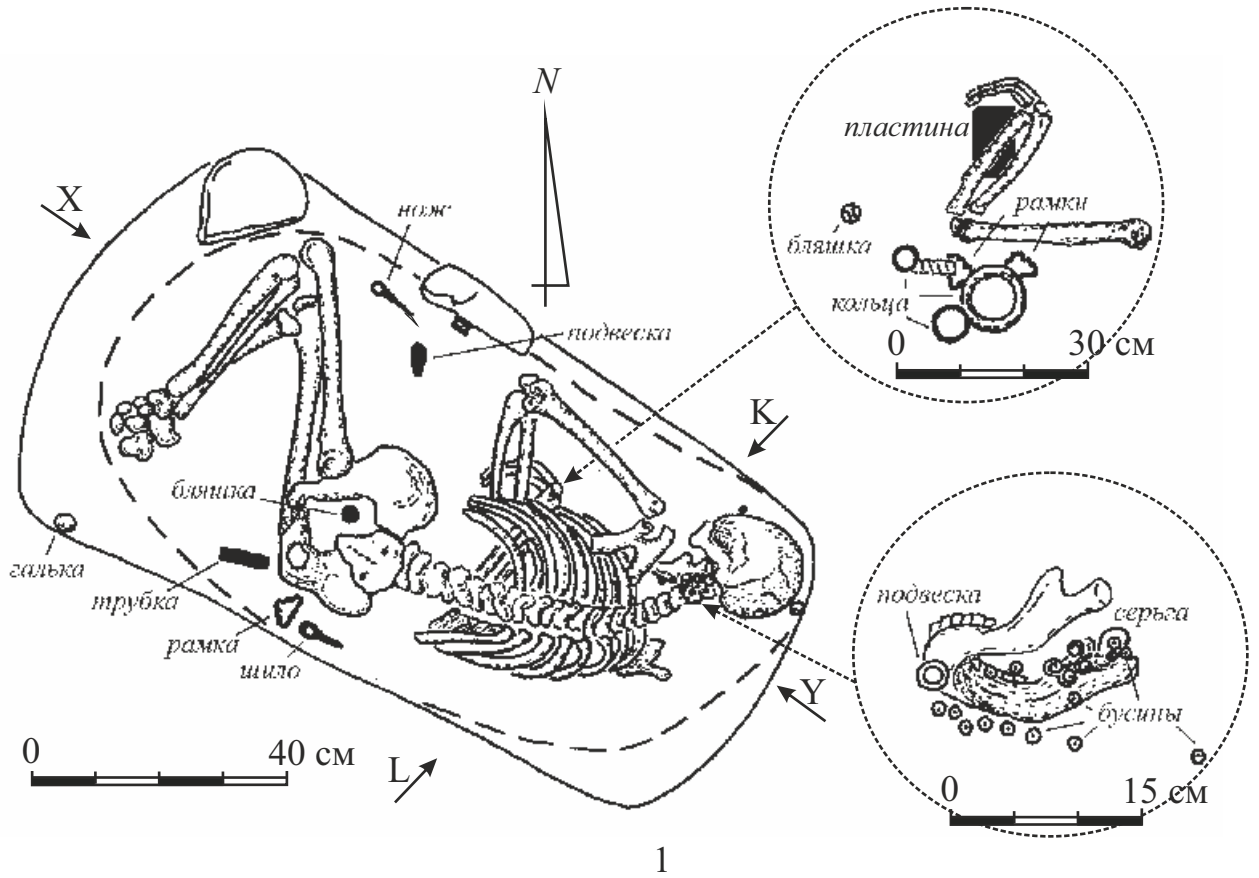

Рис.71. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №4: 1 - заполнение ямы; 2 - профильные разрезы

Рис.72. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №4:
расположение костяка в могильной яме, снято с юго-востока

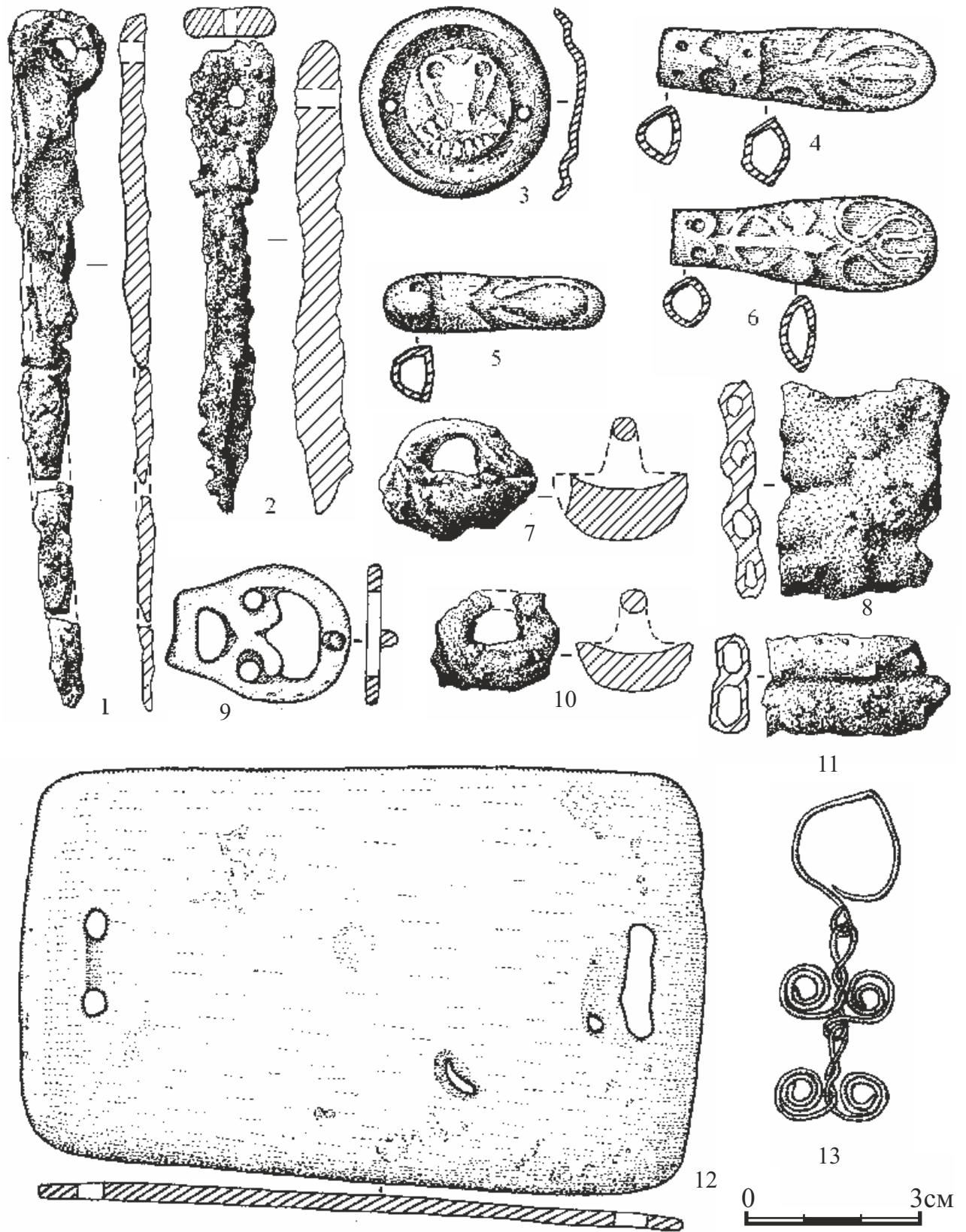

Рис.73. Цаган-Хушун II "b", сопроводительный инвентарь:
 1-8, 10-13 - комплекс №4; 9 - комплекс №1.
 1, 2, 7, 8, 10, 11 - железо; 3-6, 9, 12 - бронза; 13 - бронза с позолотой

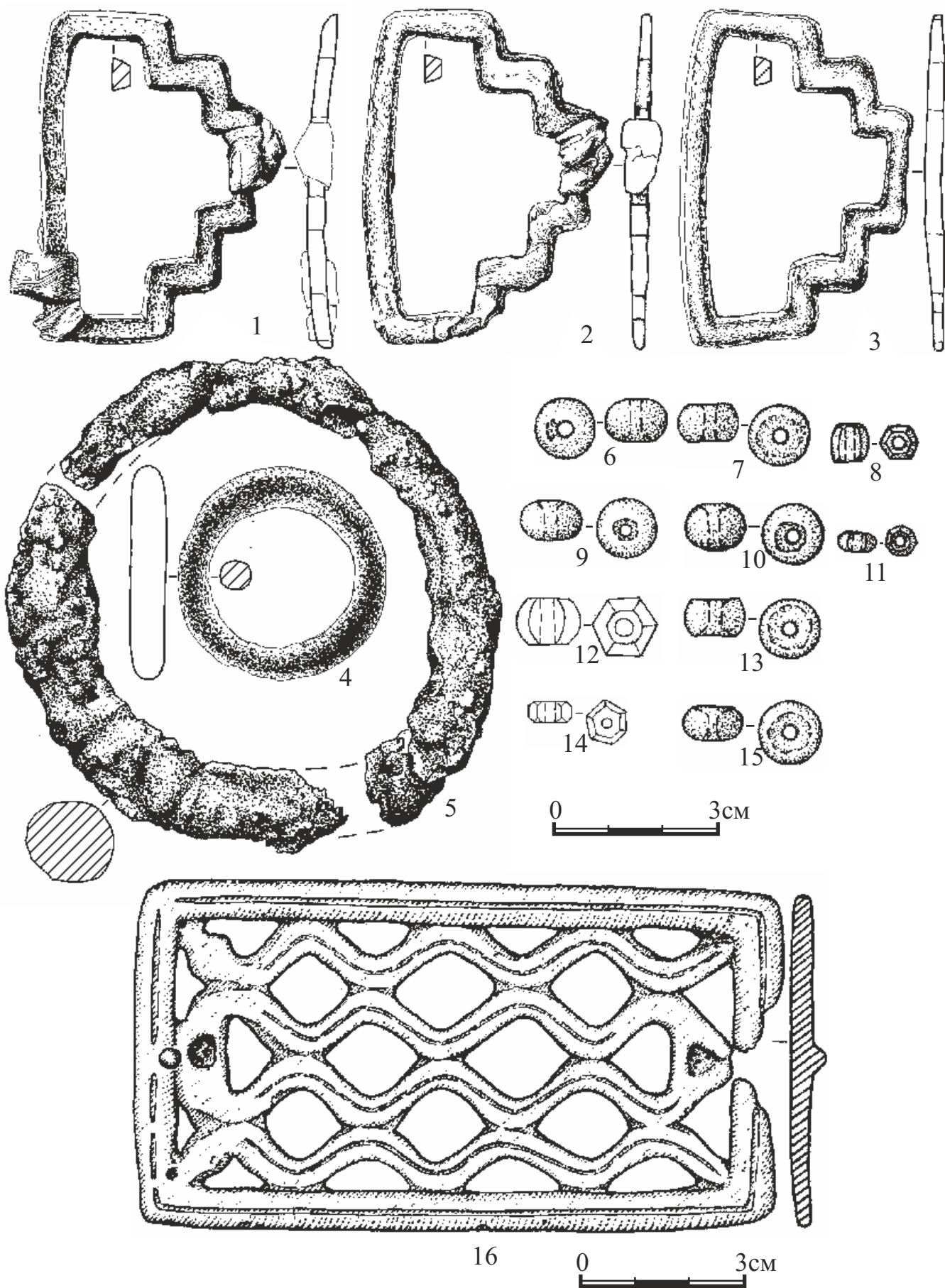

Рис.74. Цаган-Хушун II "b", сопроводительный инвентарь: 1-15 - комплекс №4; 16 - комплекс №5. 1-4, 16 - бронза; 5 - железо; 6-15 - камень

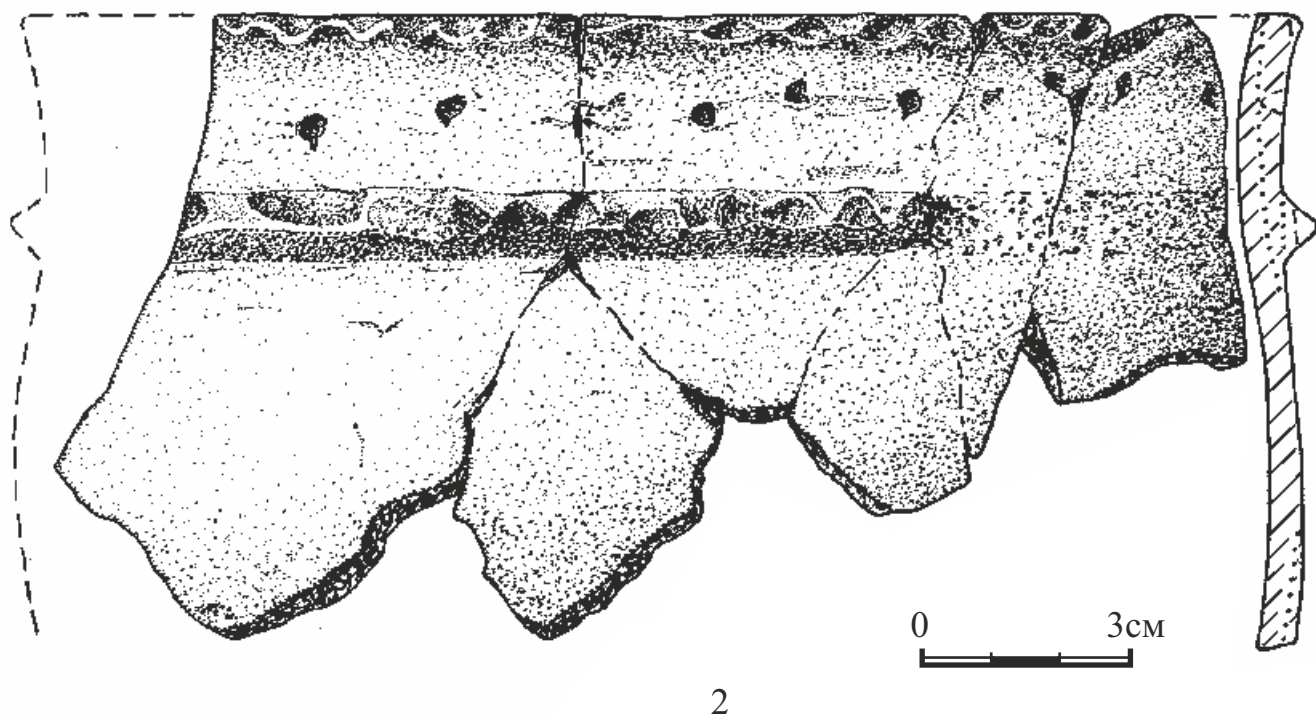
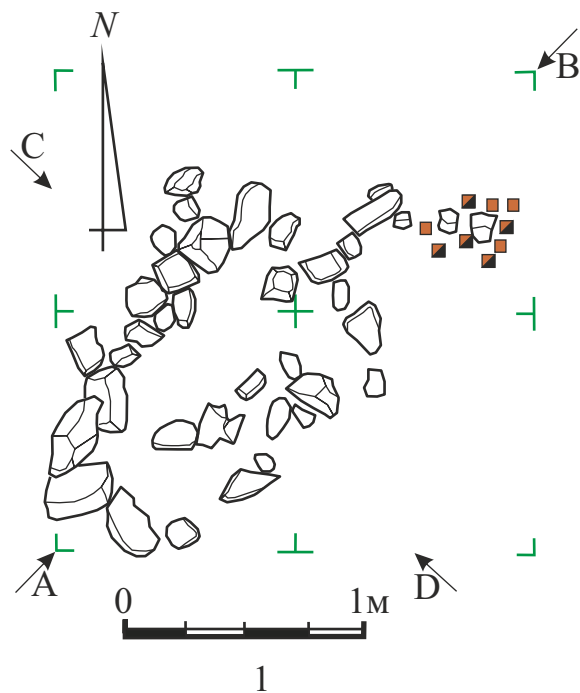

Рис.75. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №8: 1 - кладка после расчистки;
2 - фрагмент керамического сосуда

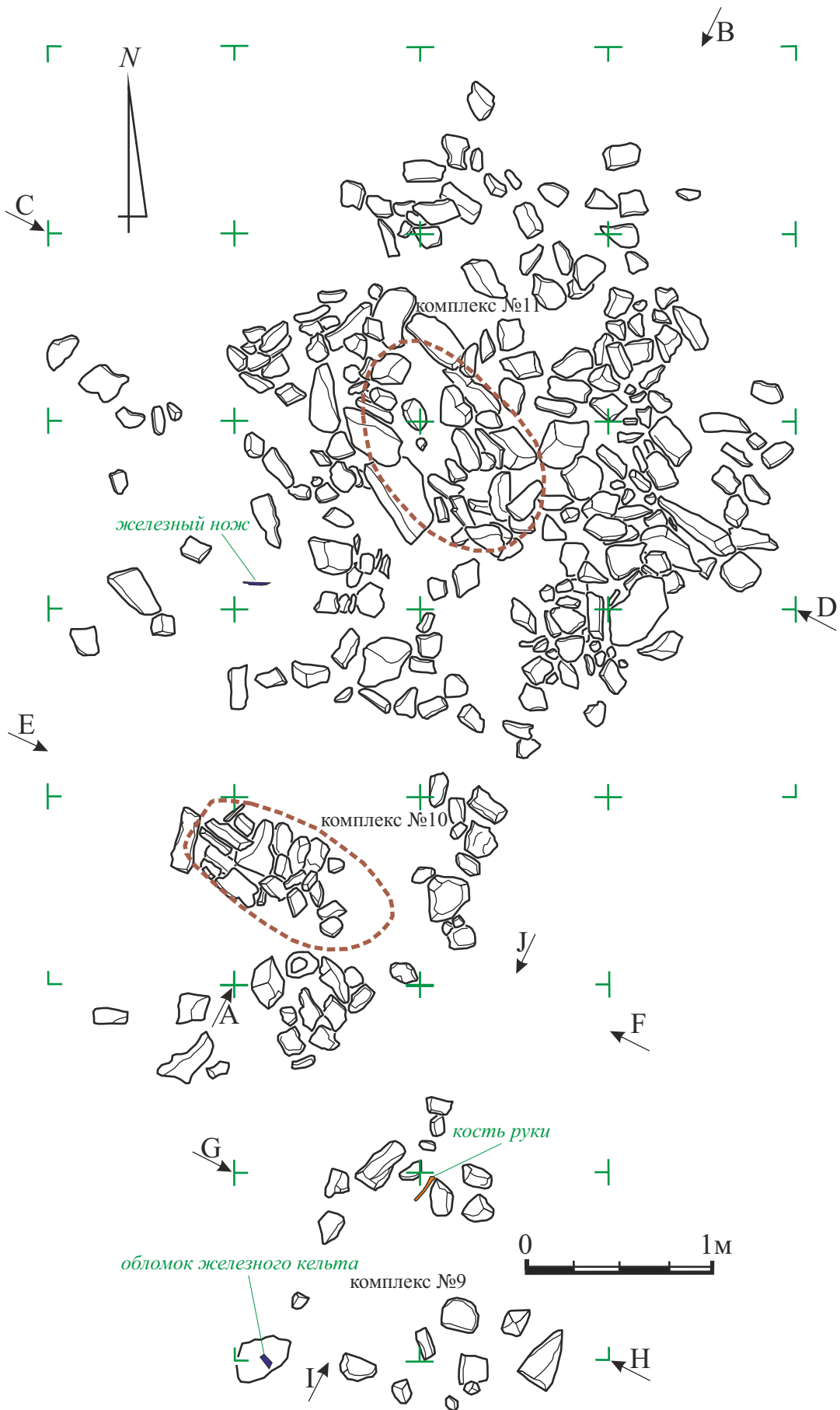

Рис.76. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 9, 10, 11:
кладки после расчистки

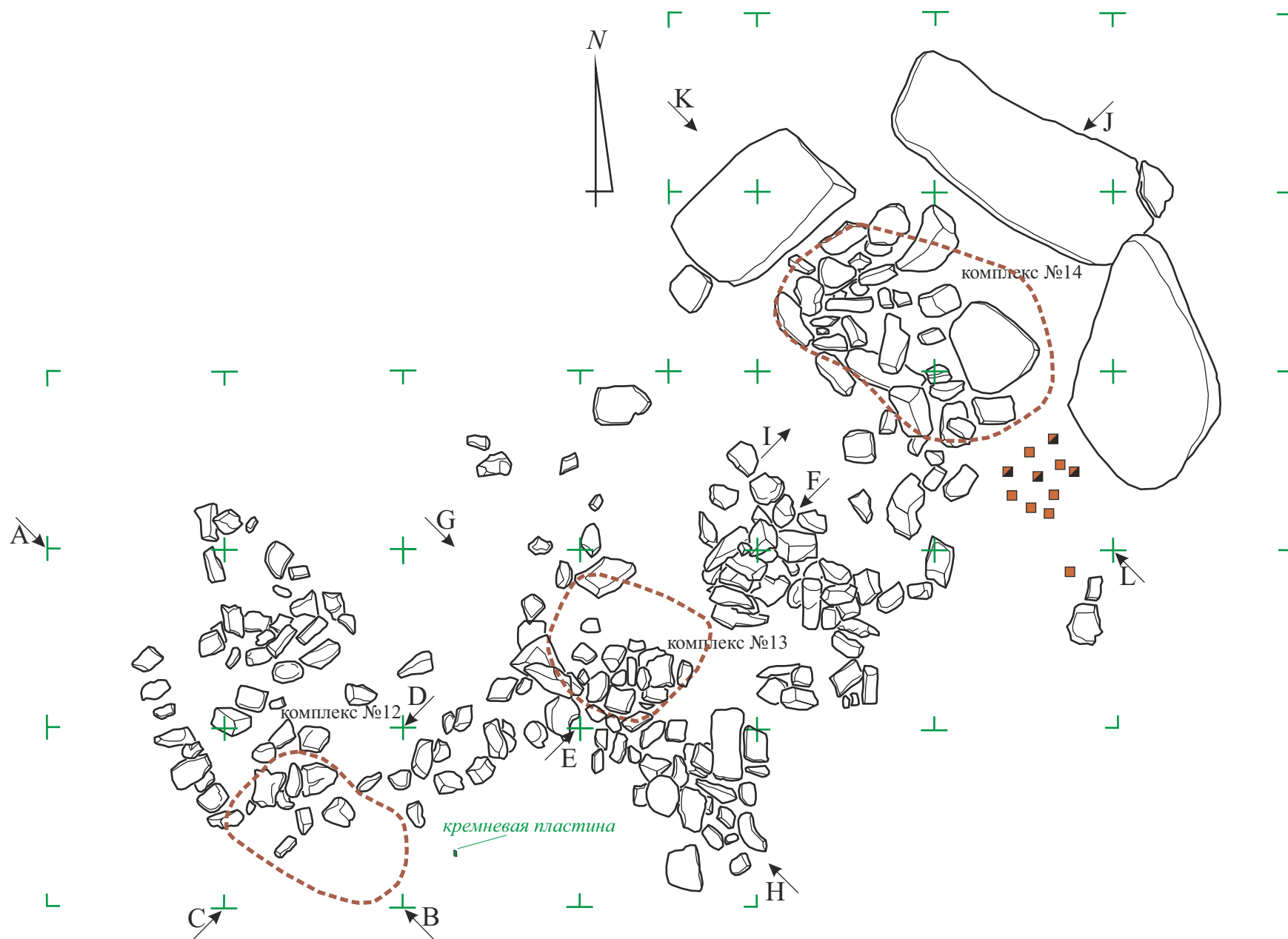

Рис.77. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 12, 13, 14: кладки после расчистки

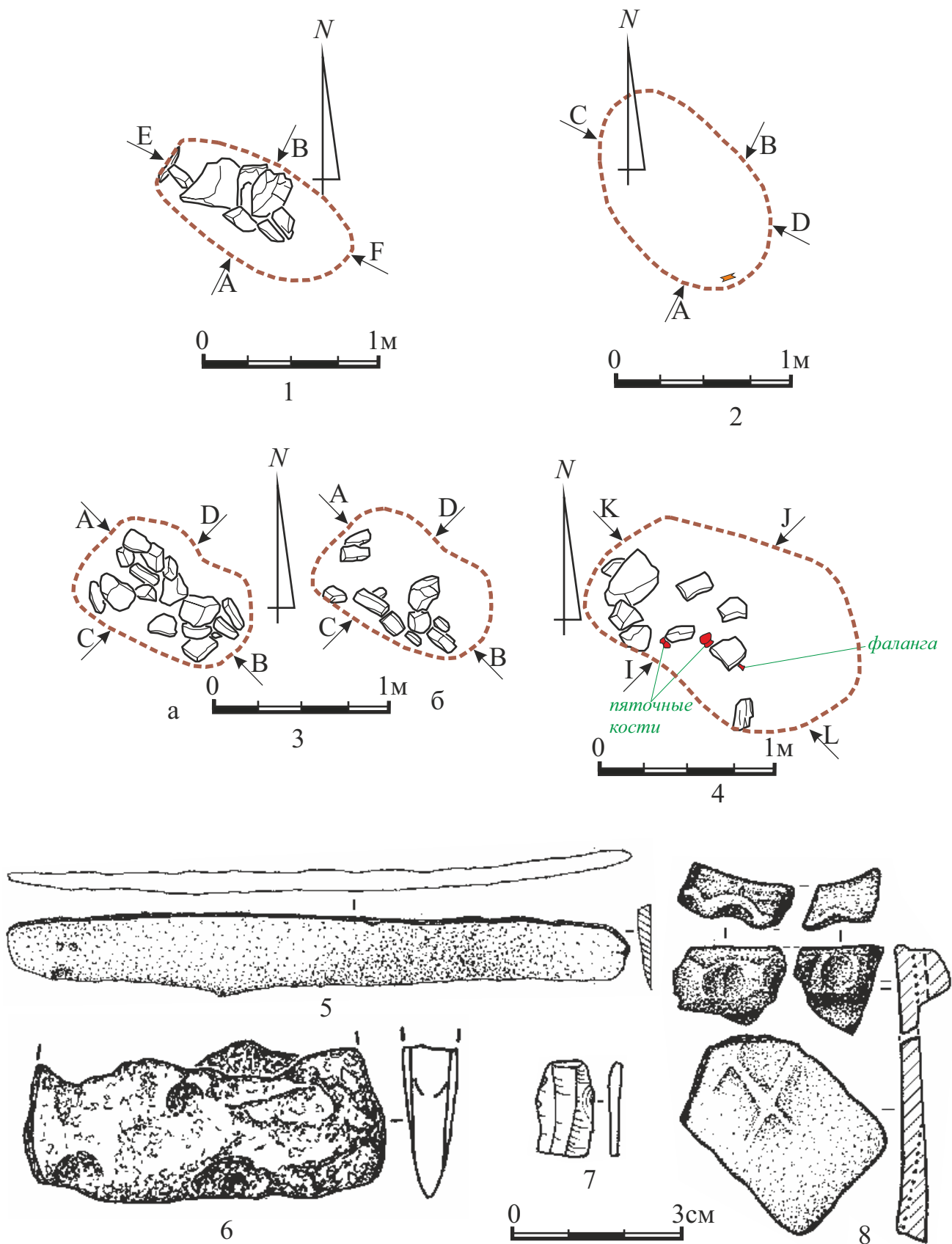

Рис.78. Цаган-Хушун II “б”: 1 - комплекс №10: заполнение ямы; 2 - комплекс №11: заполнение ямы; 3 - комплекс №12: а) первый уровень расчистки, б) заполнение ямы; 4 - комплекс №14: заполнение ямы; 5 - комплекс №11; 6 - комплекс №9; 7 - комплекс №12; 8 - комплекс №14. 5,6 - железо; 7 - кремнь; 8 - керамика

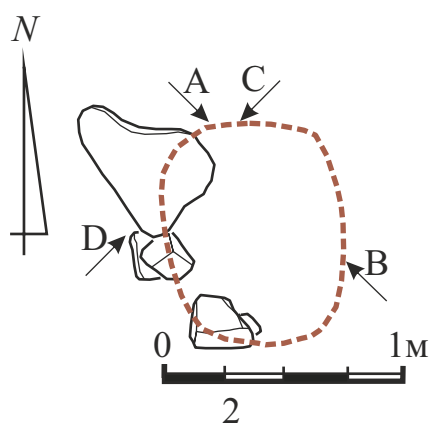
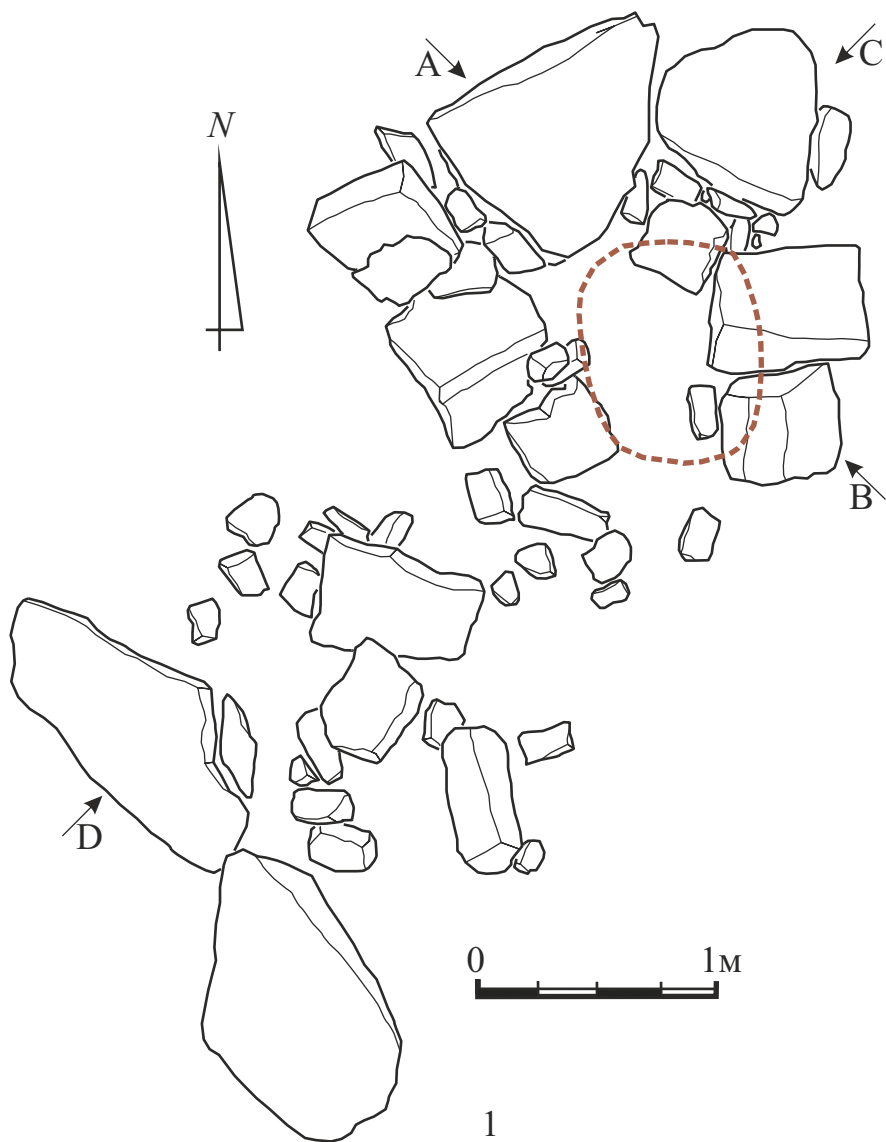

Рис.79. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №15:
 1 - кладка после расчистки; 2 - заполнение ямы

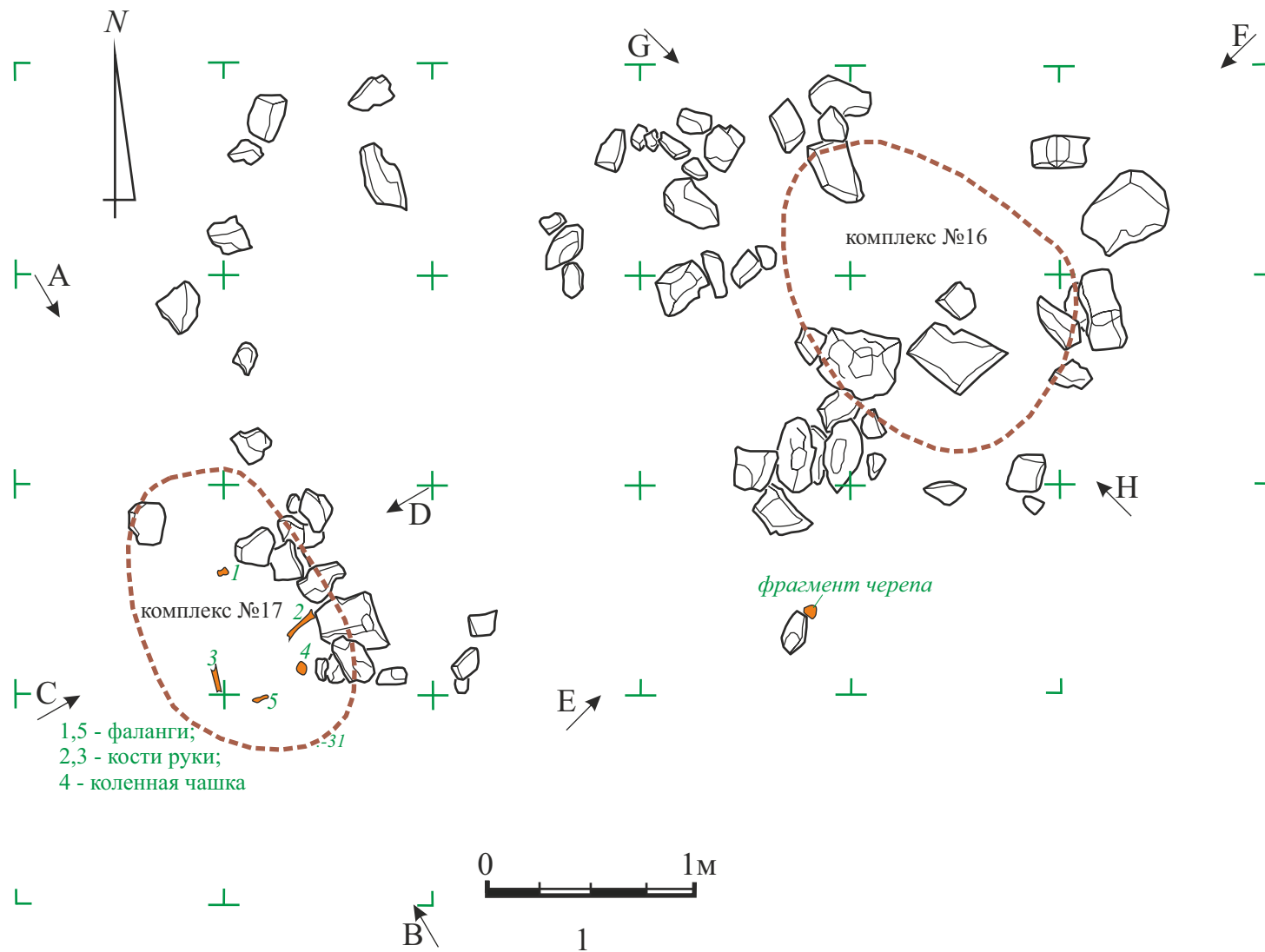
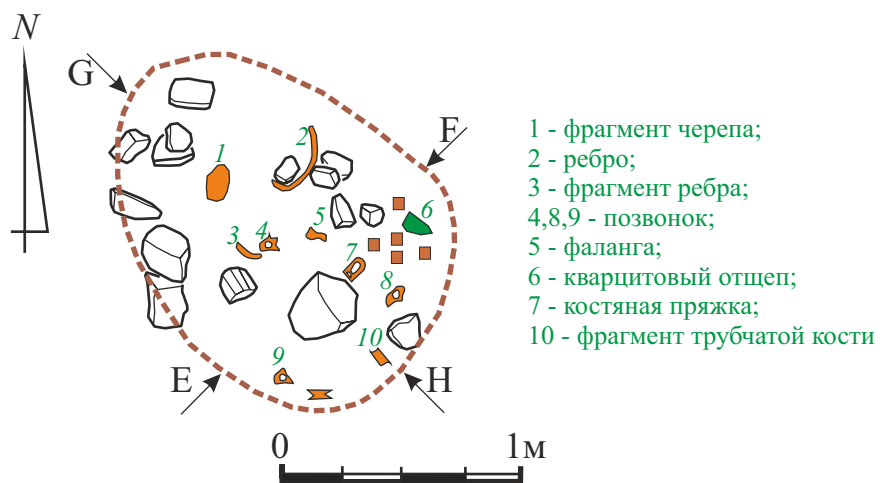
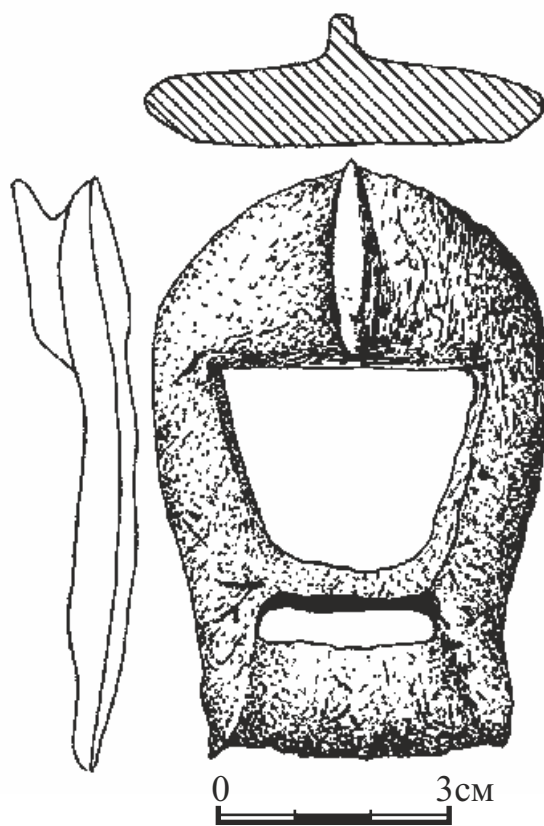

Рис.80. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 16, 17: кладки после расчистки

1

2

Рис.81. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №16:
 1 - заполнение ямы; 2 - костяная ременная пряжка

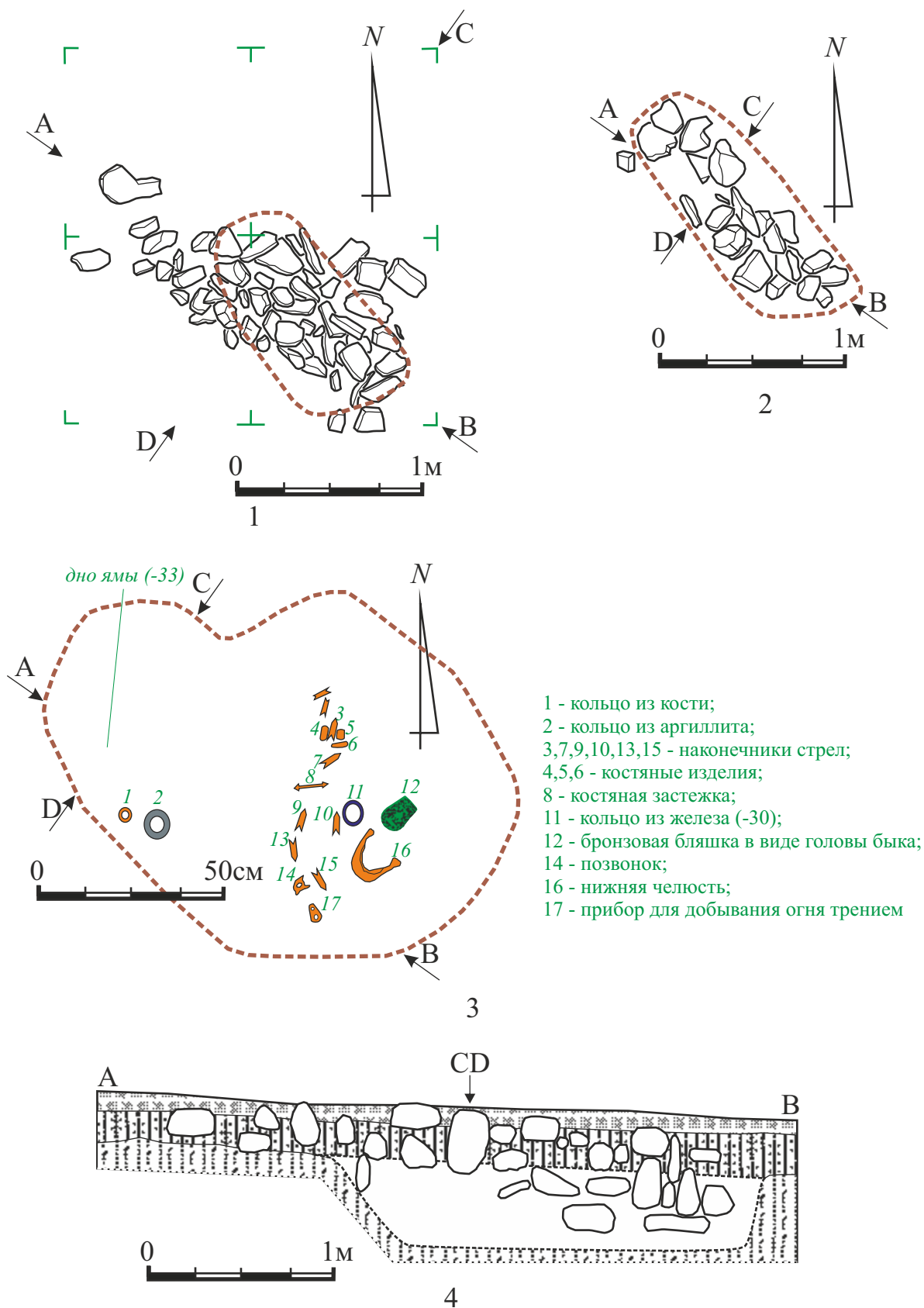

Рис.82. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №18: 1 - первый уровень расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - заполнение ямы; 4 - профильный разрез

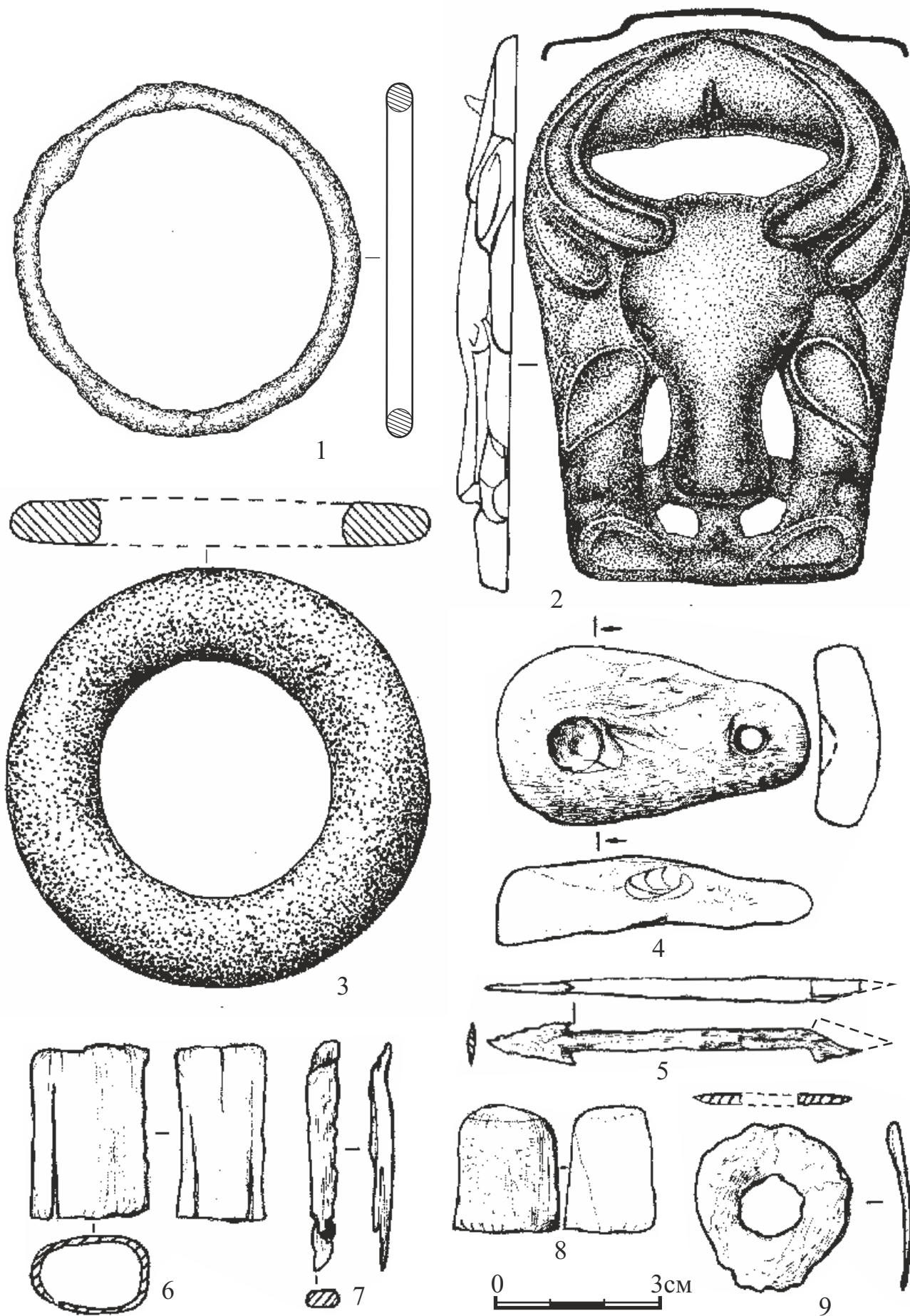

Рис.83 Цаган-Хушун II “b”, комплекс №18: сопроводительный инвентарь:
 1 - железо; 2 - бронза; 3 - аргиллит; 4-9 - кость

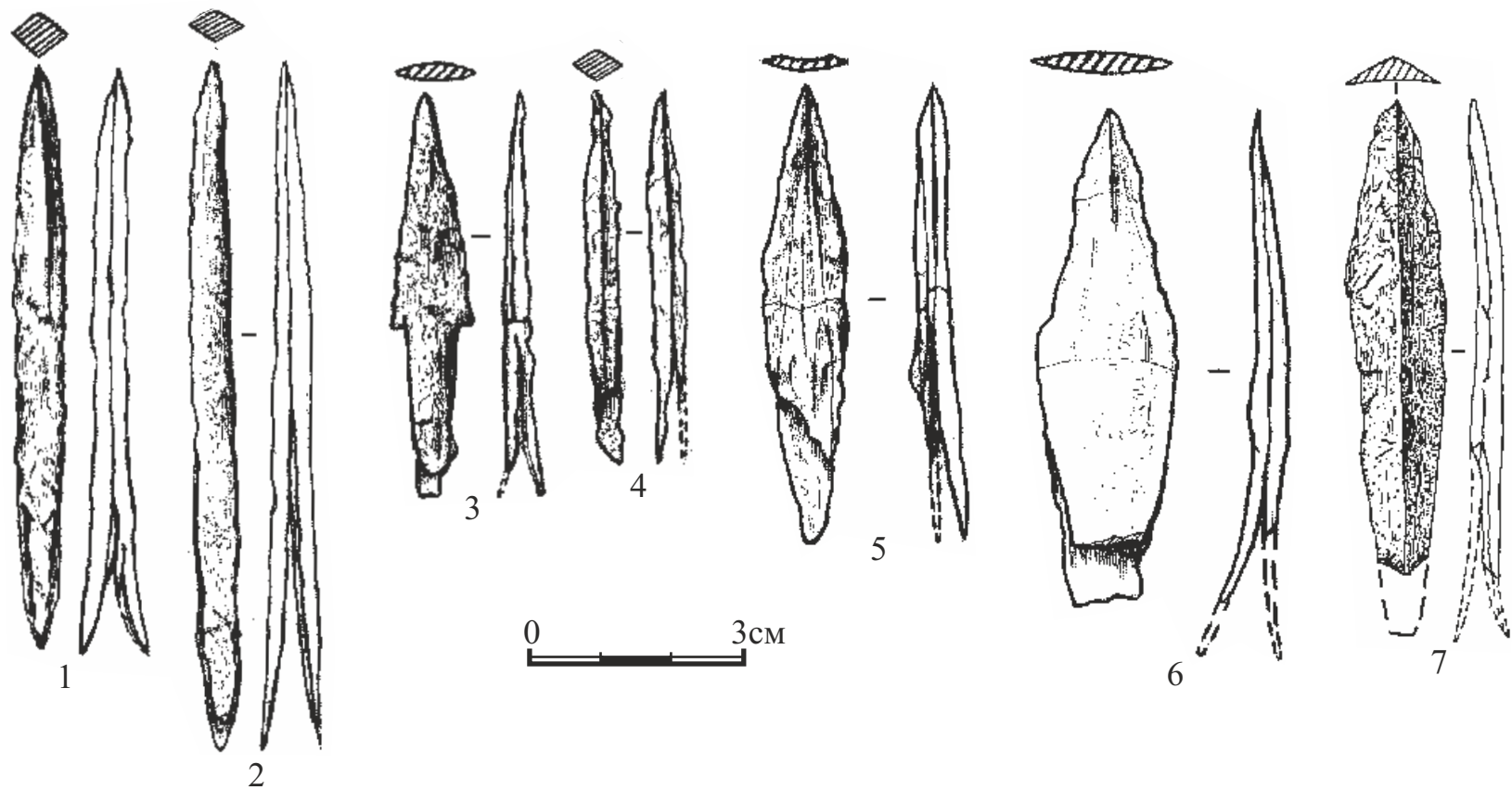

Рис.84. Цаган-Хушун II “b”, костяные наконечники стрел: 1-6 - комплекс №18; 7 - комплекс №19

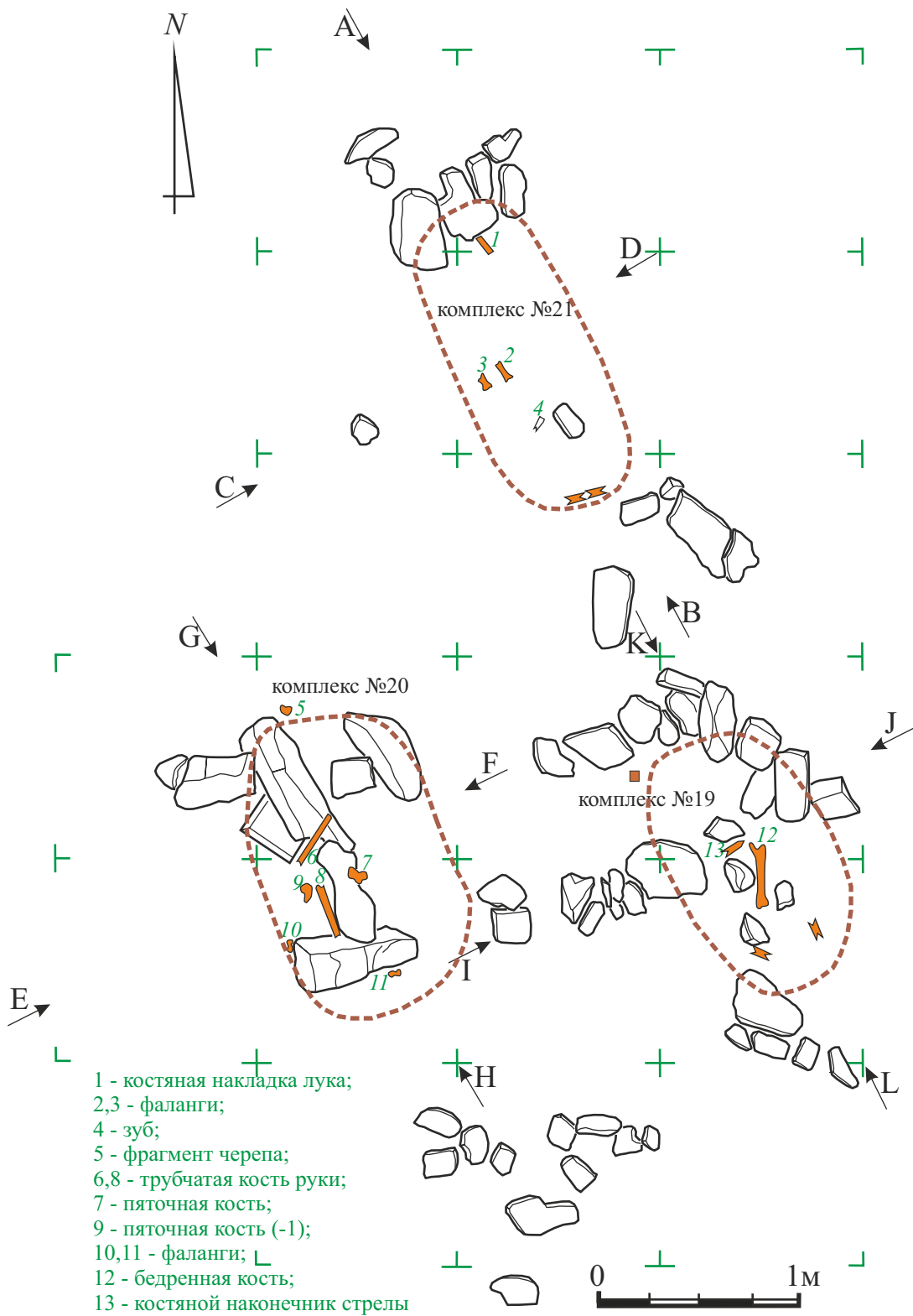
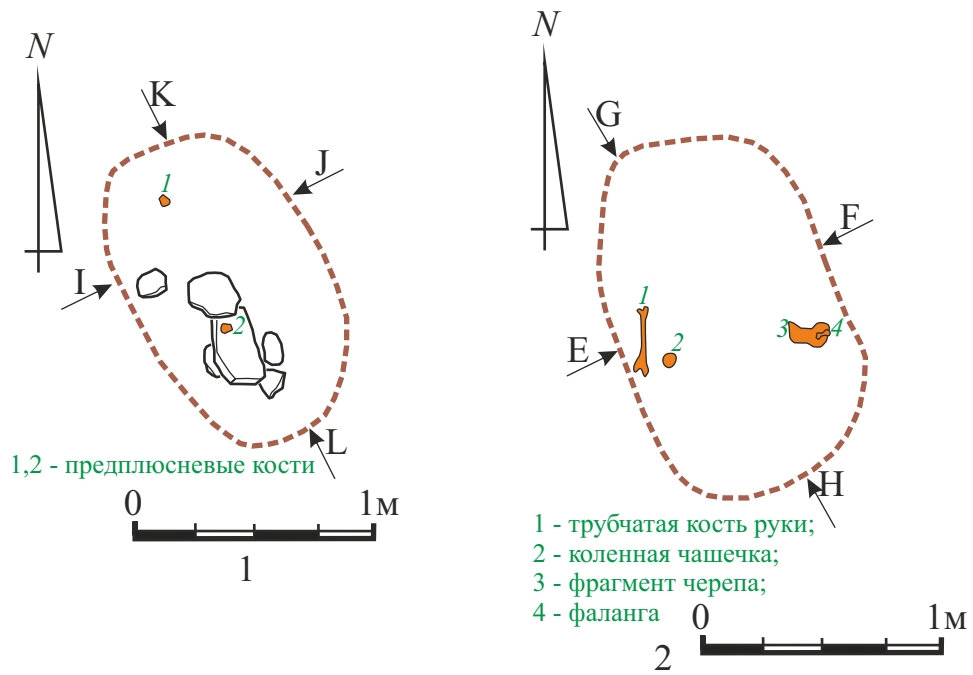

Рис.85. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 19, 20, 21:
кладки после расчистки

3

Рис.86. Цаган-Хушун II “b”: 1 - комплекс №19: заполнение мы; 2 - комплекс №20: заполнение ямы; 3 - комплекс №18: наконечники стрел

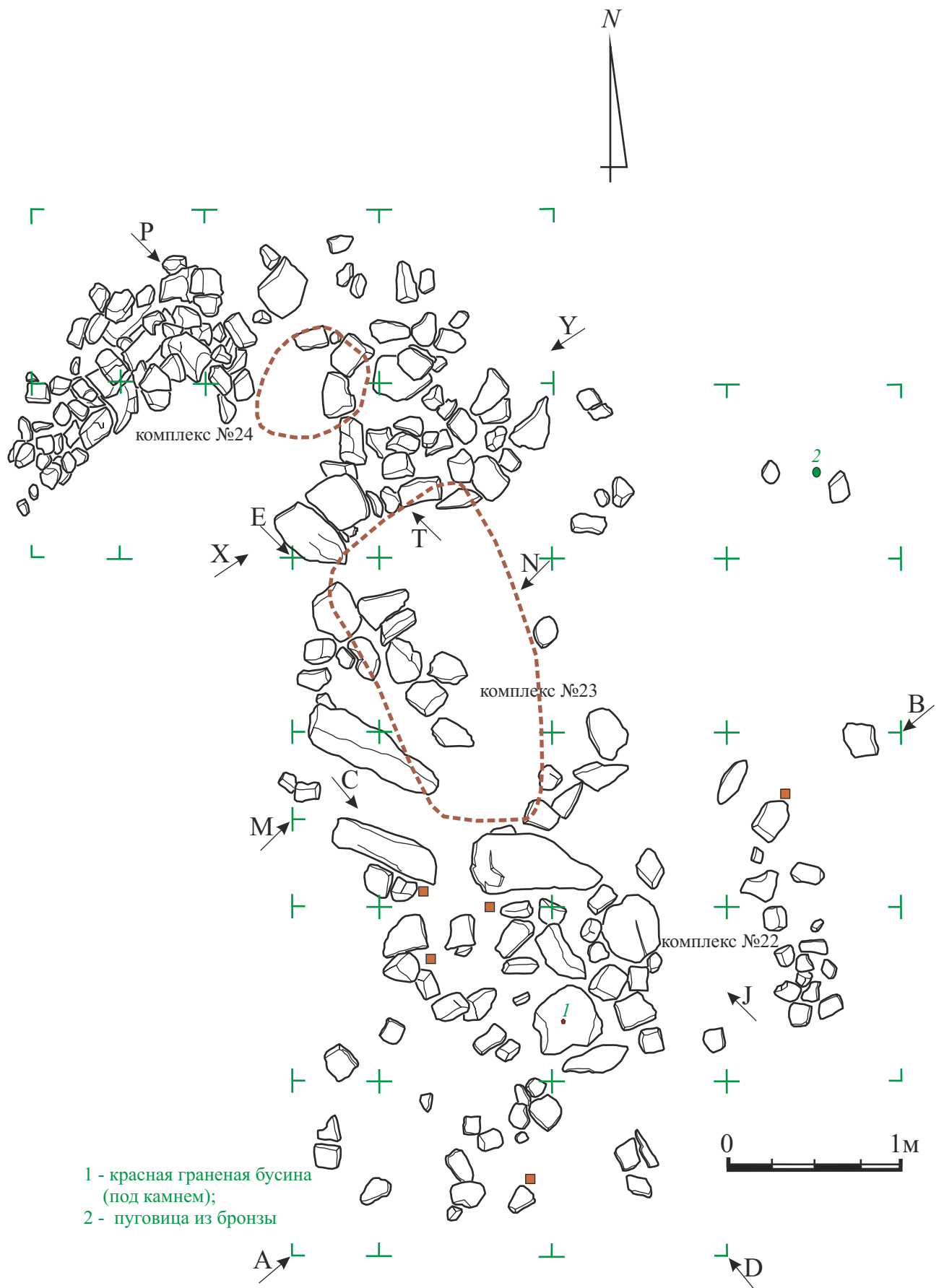

Рис.87. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 22, 23, 24:
кладки после расчистки

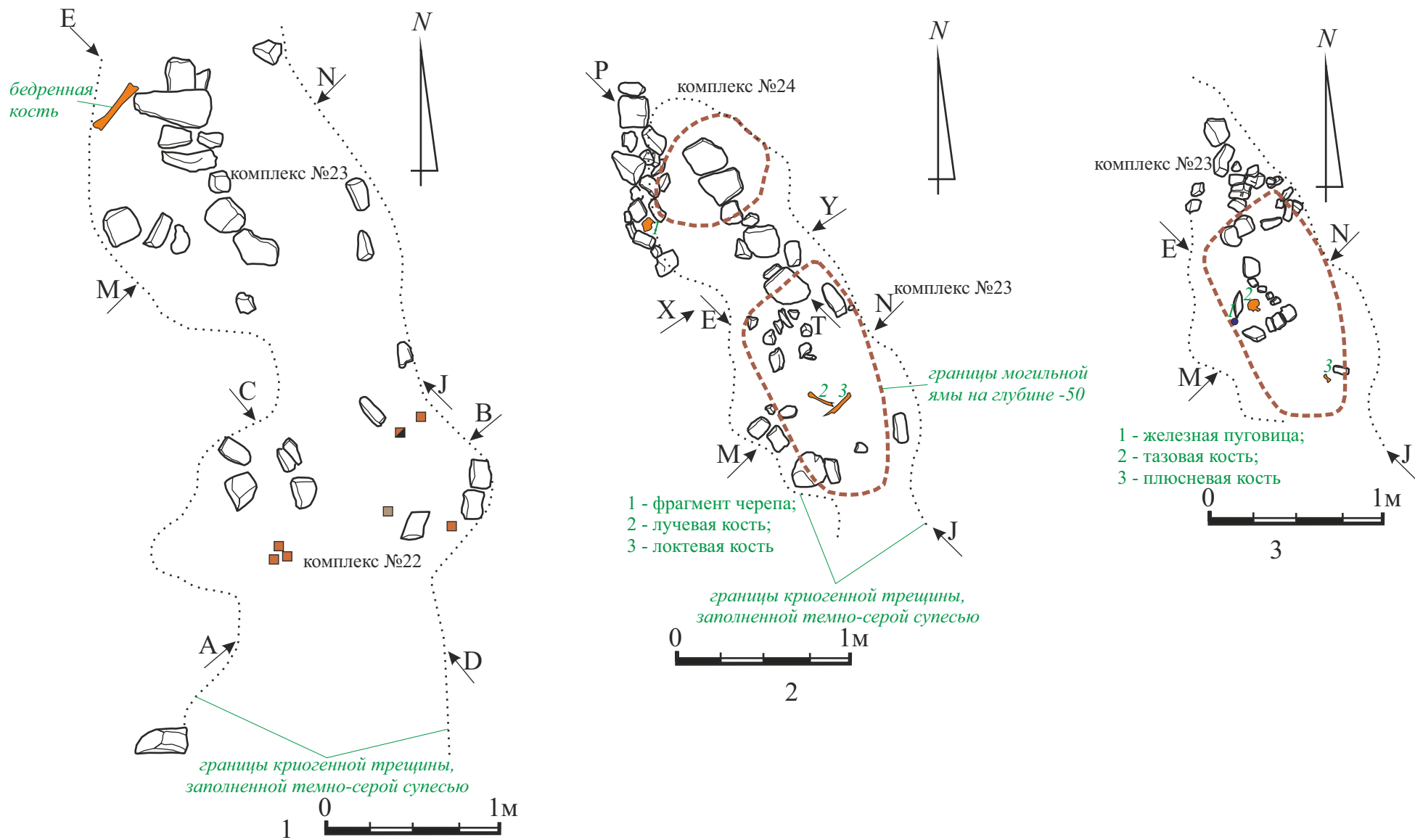

Рис.88. Цаган-Хушун II “b”, комплексы №№ 22, 23, 24: 1-3 - первый, второй и третий уровни расчистки

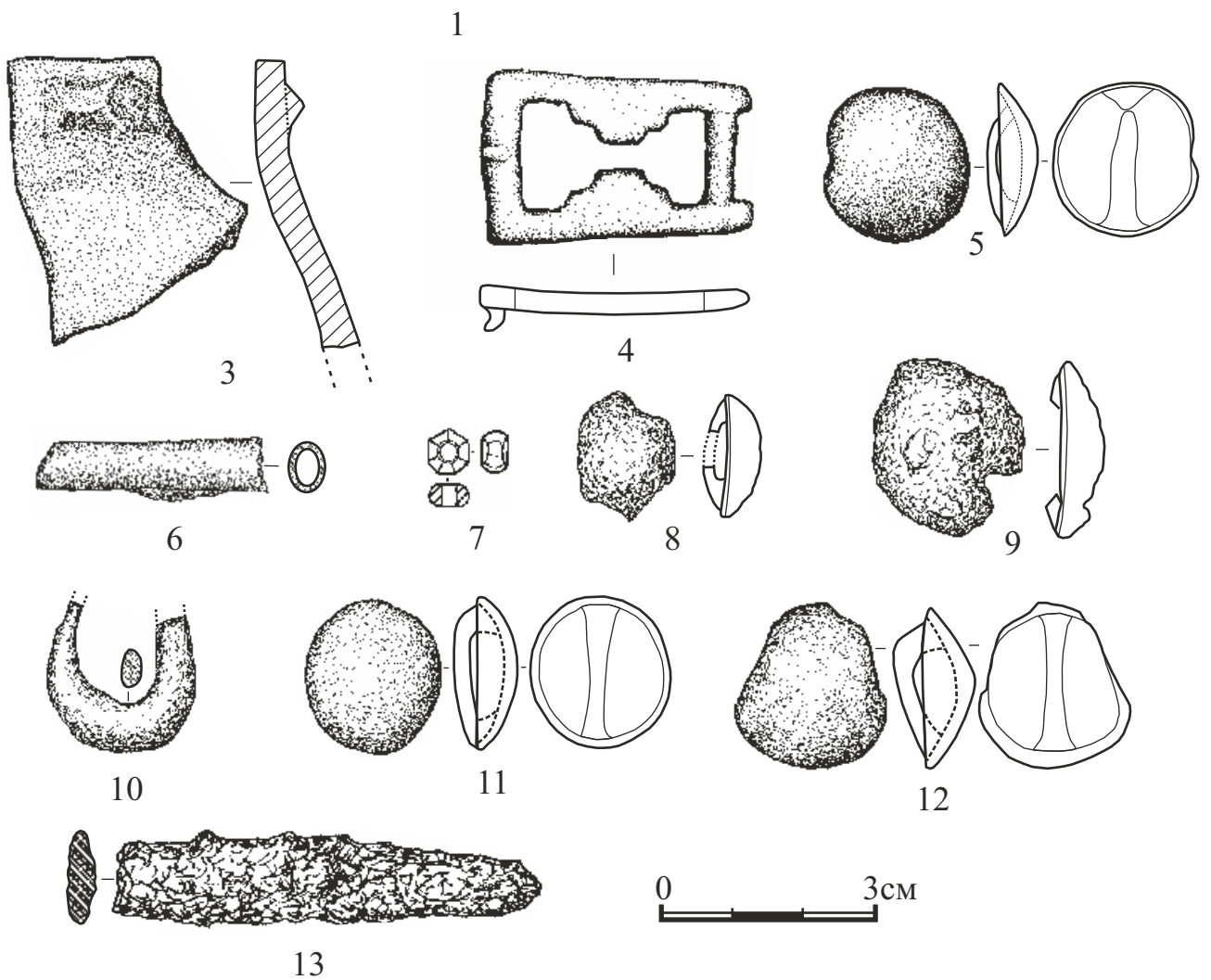
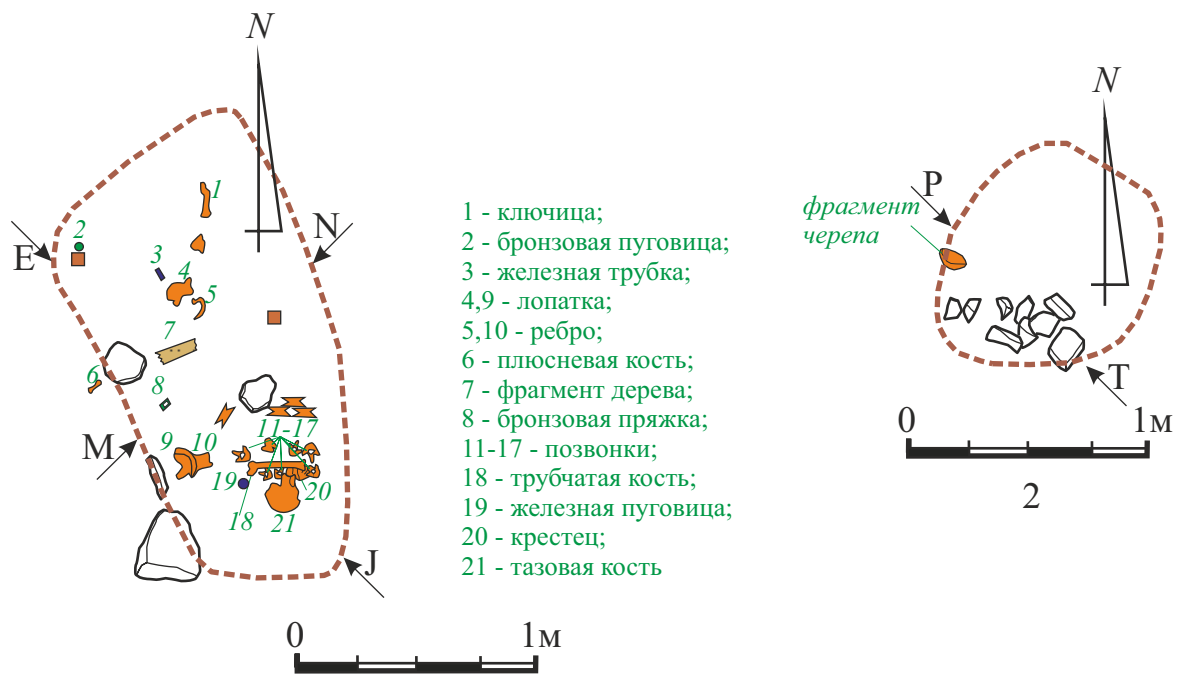

Рис.89. Цаган-Хушун II “b”: 1 - комплекс №23: заполнение ямы;
 2 - комплекс №24: заполнение ямы; 3,7 - комплекс №22; 4-6,8,9 - комплекс №23;
 10-12 - комплекс №26; 13 - комплекс №27.
 3 - керамика; 4,5,11,12 - бронза; 6,8,9,10,13 - железо; 7 - камень

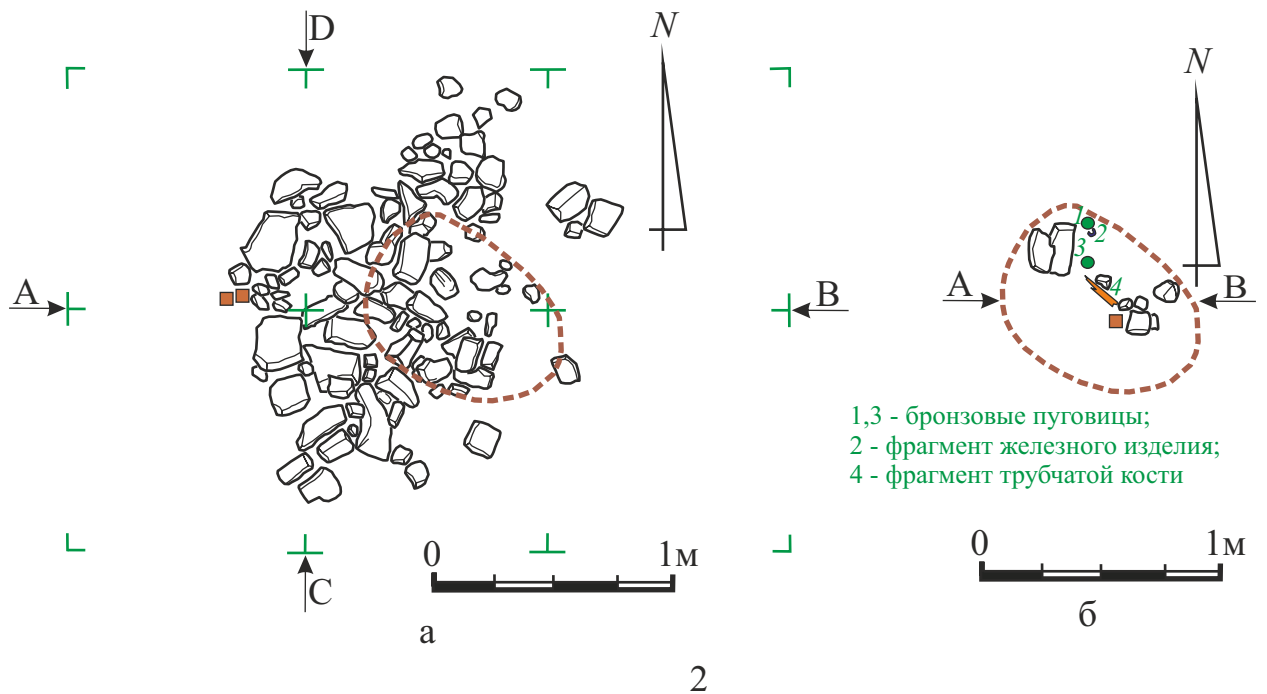
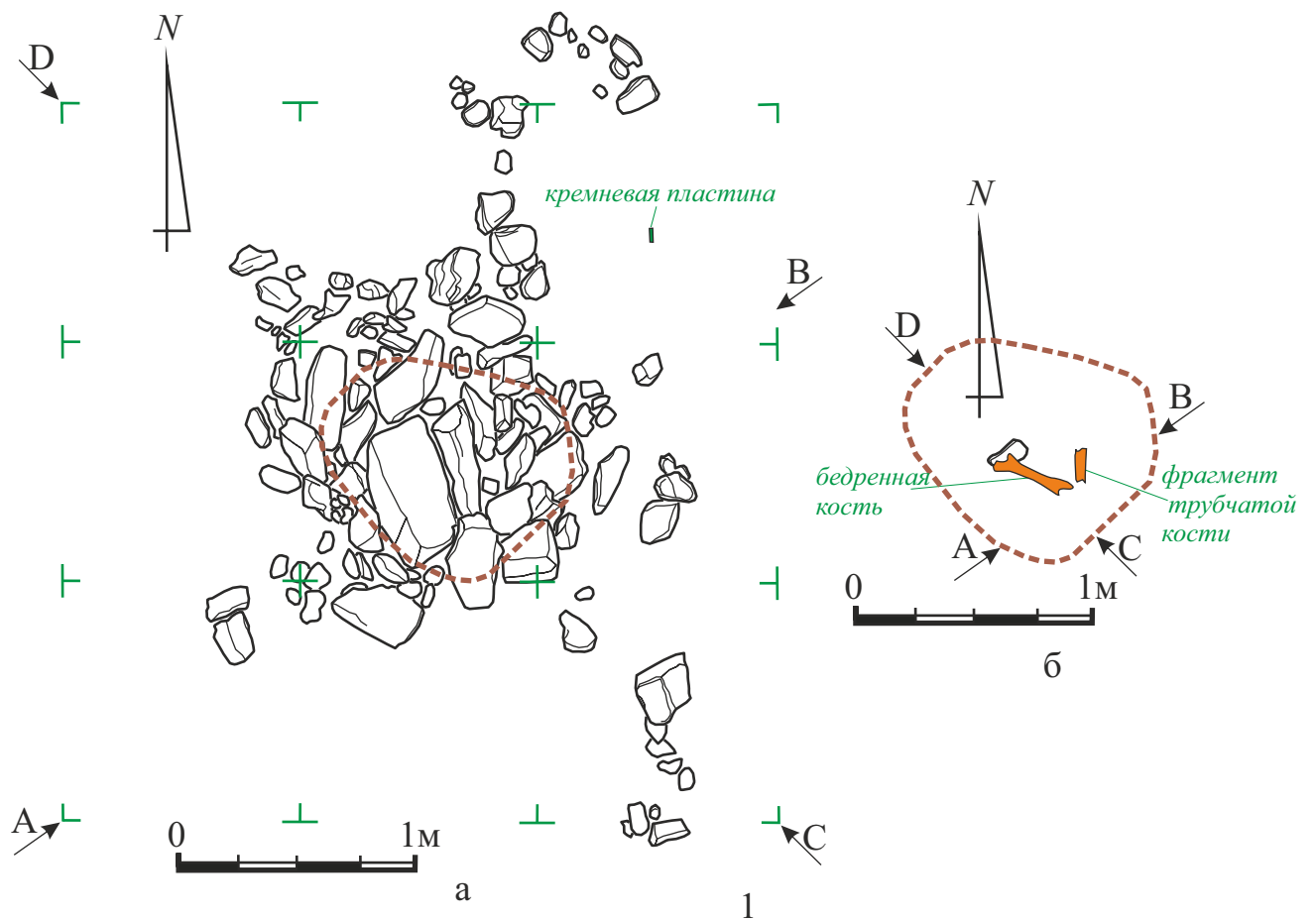

Рис.90. Цаган-Хушун II “б”: 1 - комплекс №25:
а - кладка после расчистки; б - заполнение ямы;
2 - комплекс №26: а - кладка после расчистки; б - заполнение ямы

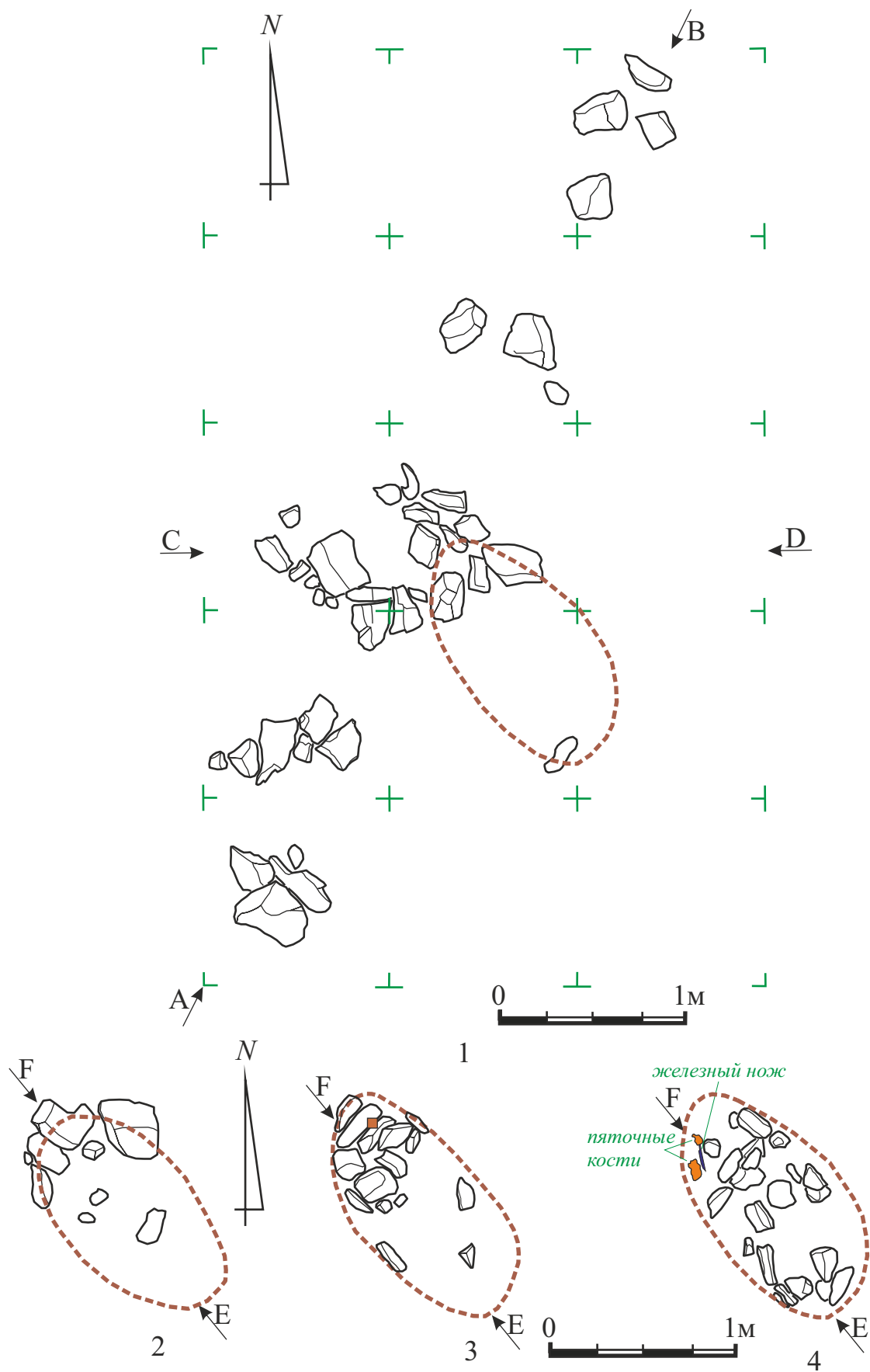
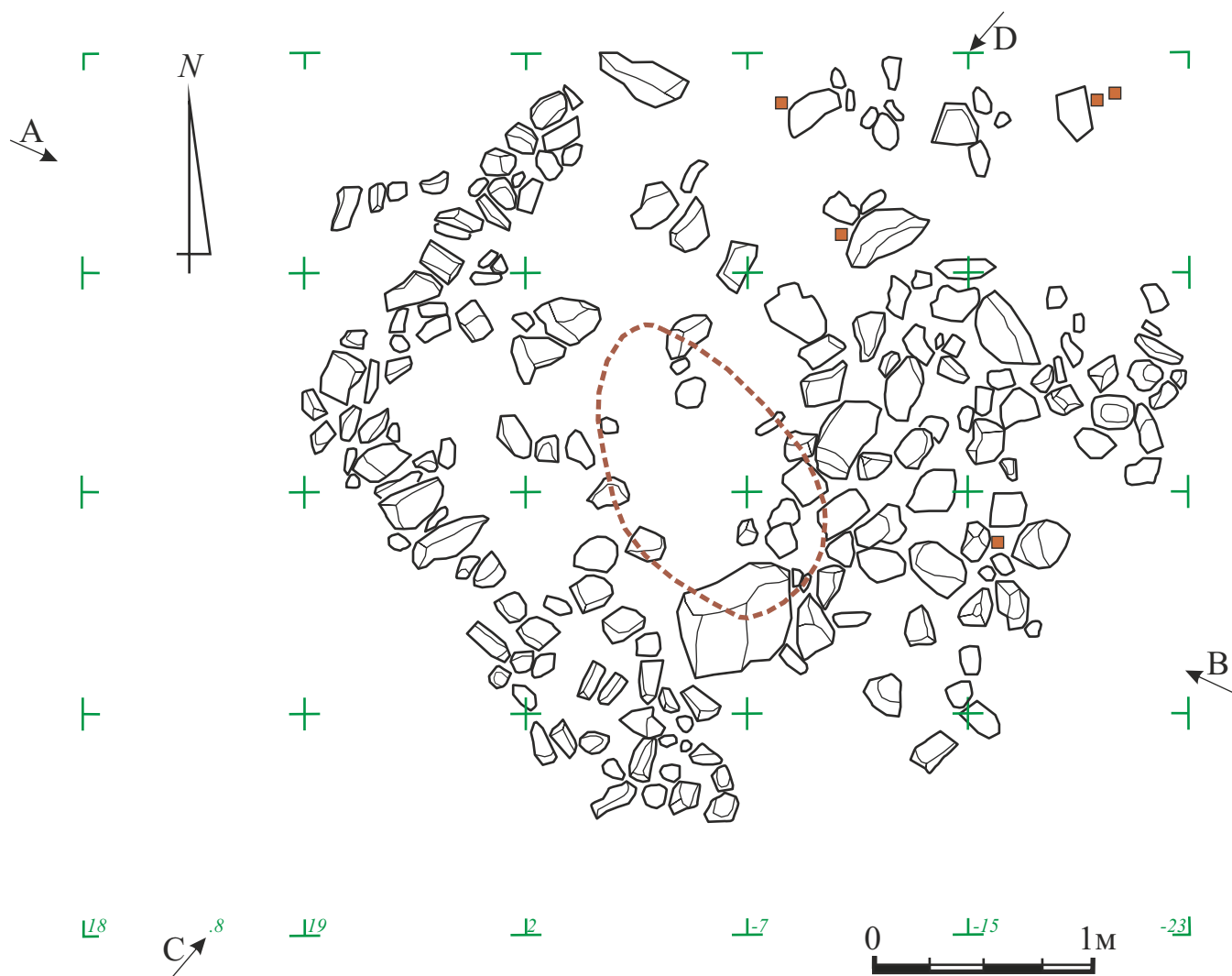
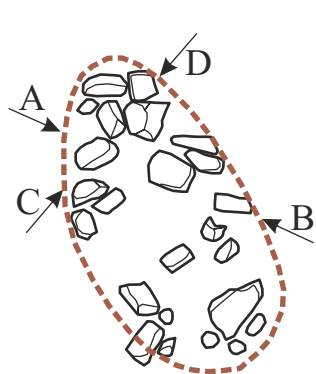

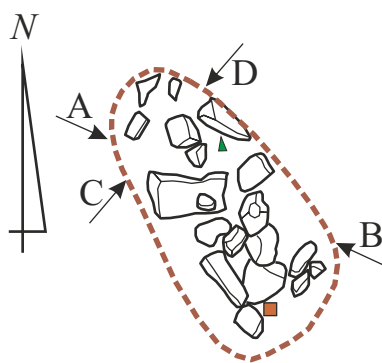
Рис.91. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №27:
 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки;
 3 - второй уровень расчистки; 4 - заполнение ямы

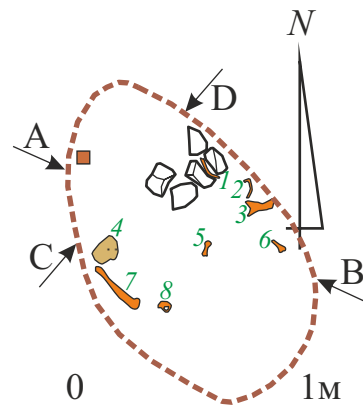
1

2

3

- 1 - фрагмент ребра;
- 2 - ключица;
- 3 - лопатка;
- 4 - остатки дерева;
- 5,6 - фаланга;
- 7 - бедренная кость;
- 8 - позвонок

4

Рис.92. Цаган-Хушун II “b”, комплекс №28:
 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки;
 3 - второй уровень расчистки; 4 - заполнение ямы

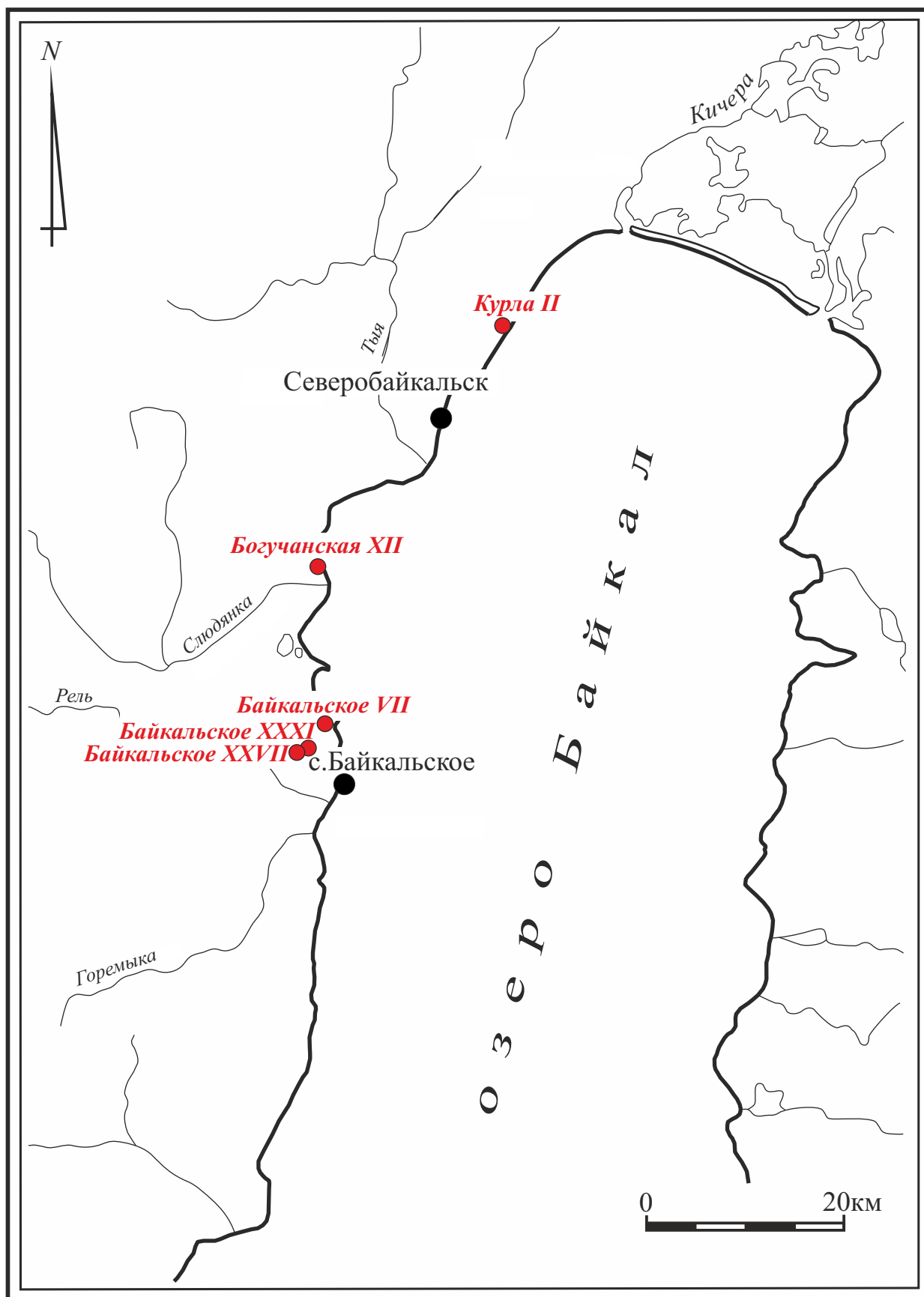

Рис.93. Карта-схема северо-западного побережья оз. Байкал с расположением погребально-поминальных комплексов с бутухейским и елгинским типом захоронений

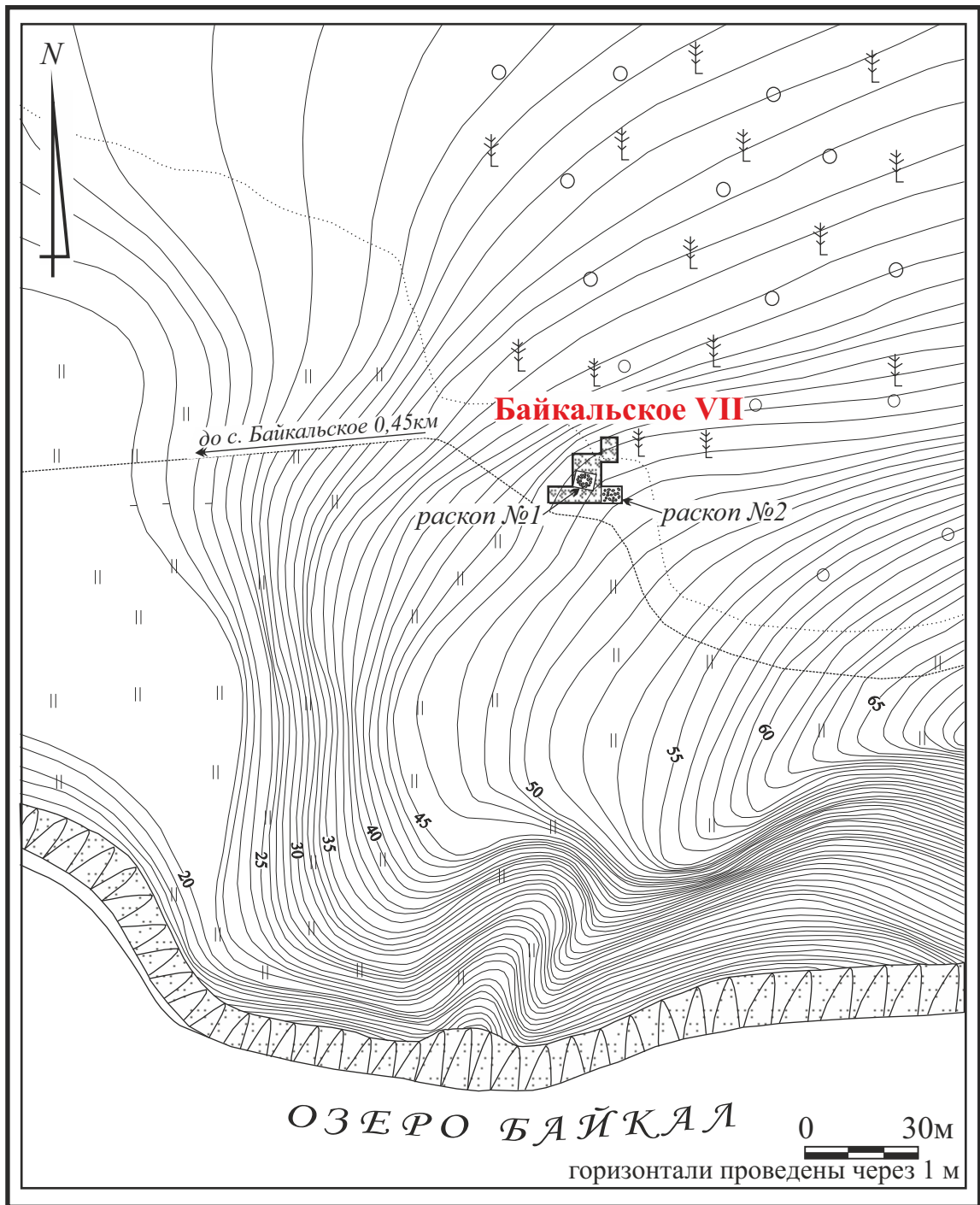

Рис.94. Карта-схема расположения памятника Байкальское VII

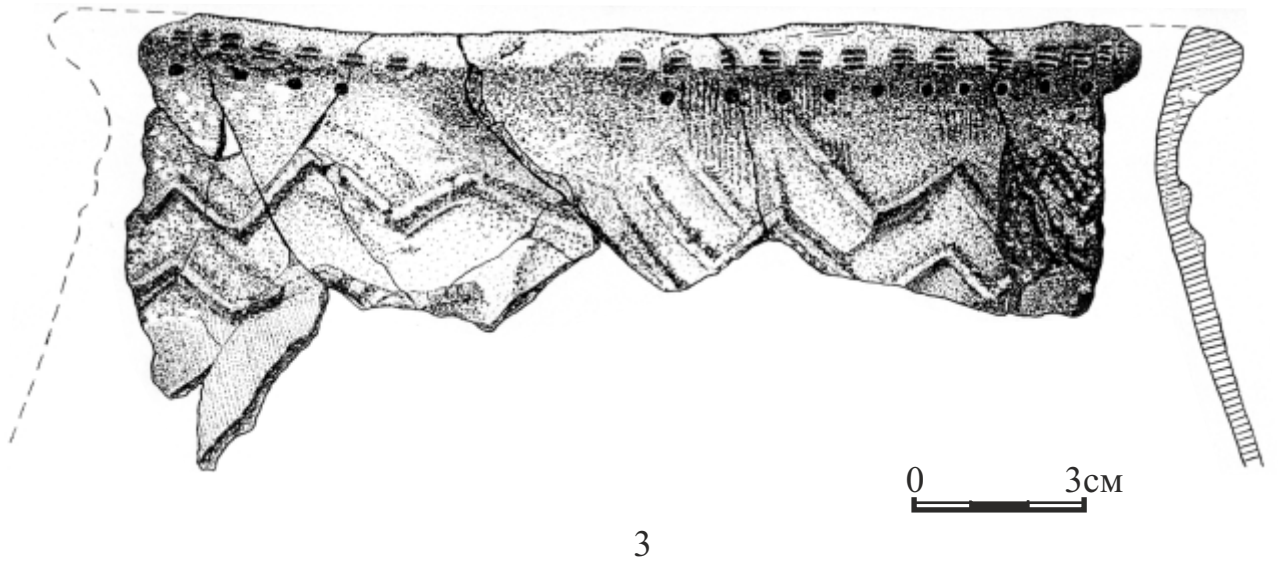
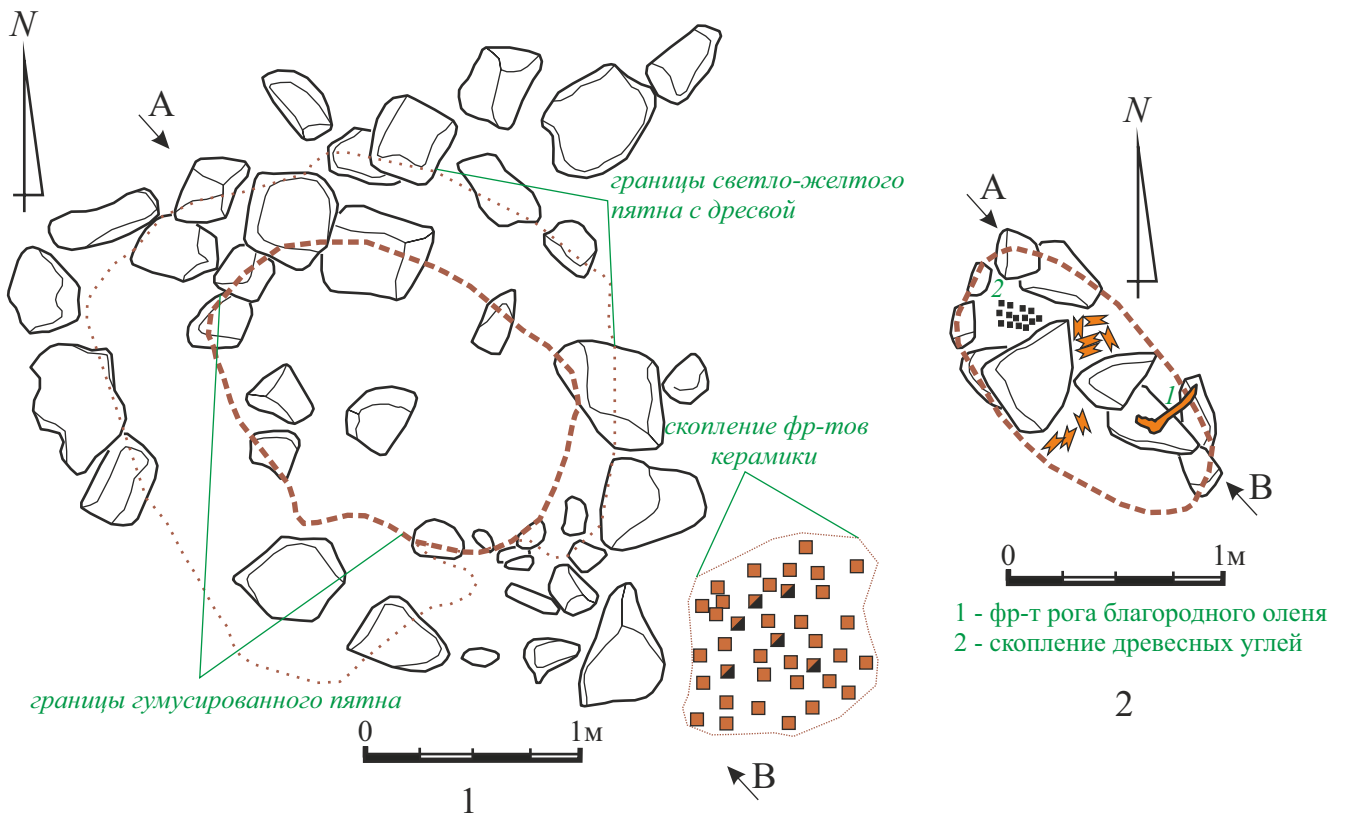

Рис.95. Байкальское VII, комплекс №1: 1 - кладка после расчистки; 2 - заполнение ямы; 3 - фрагмент керамического сосуда

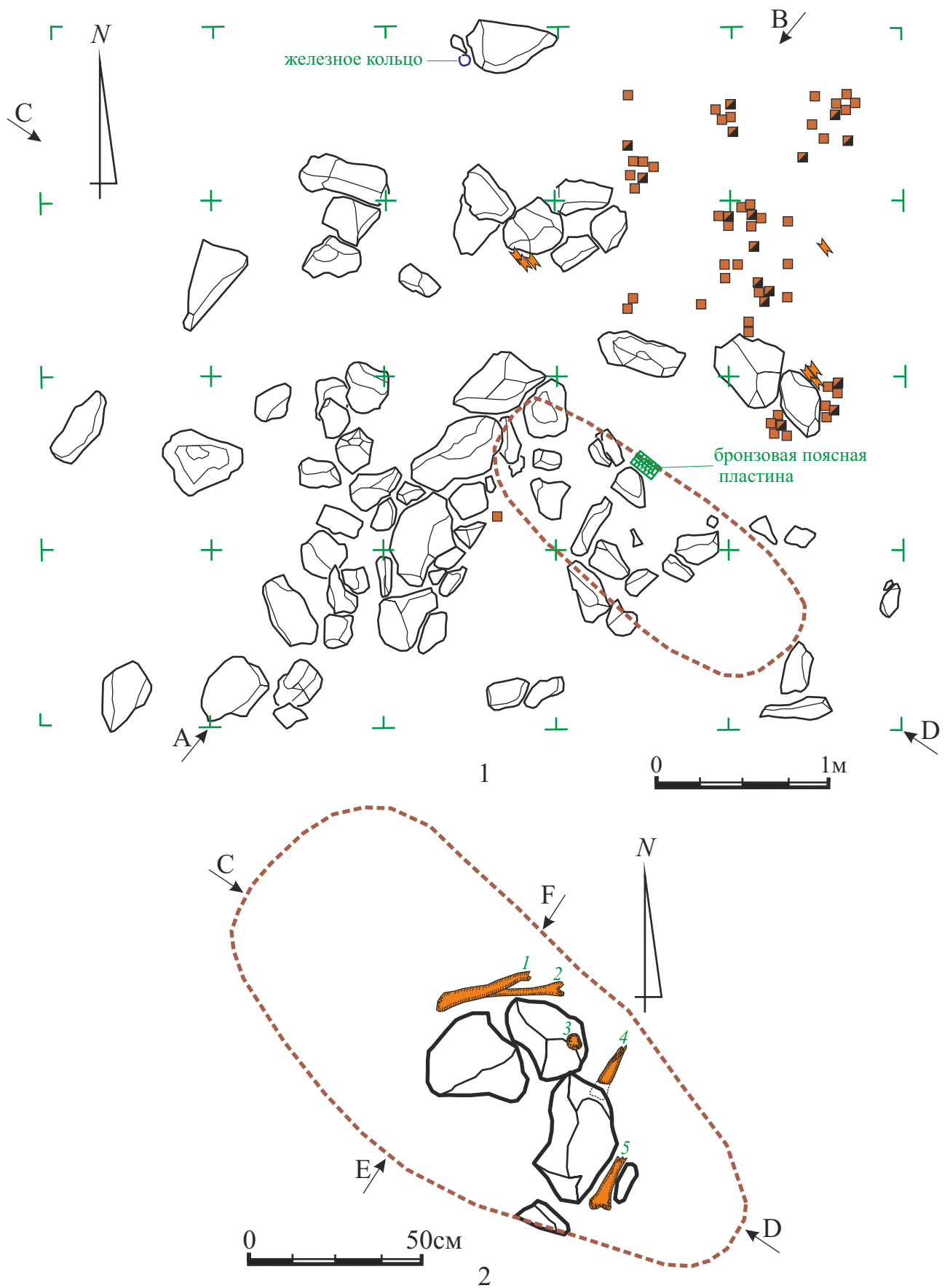

Рис.96. Байкальское VII, комплекс №2: 1 - кладка после расчистки; 2 - заполнение ямы

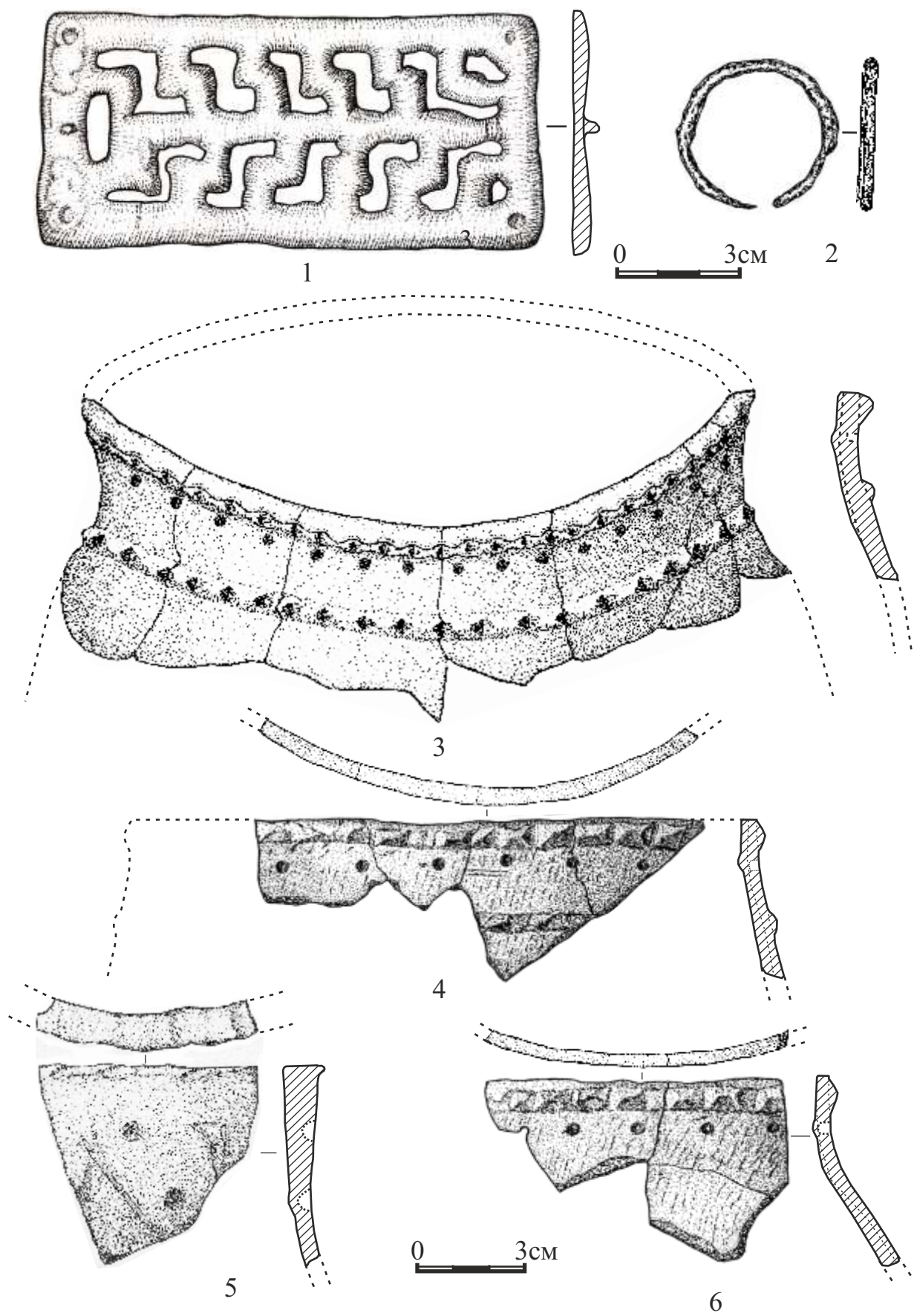

Рис.97. Байкальское VII, комплекс №2: фрагменты керамики

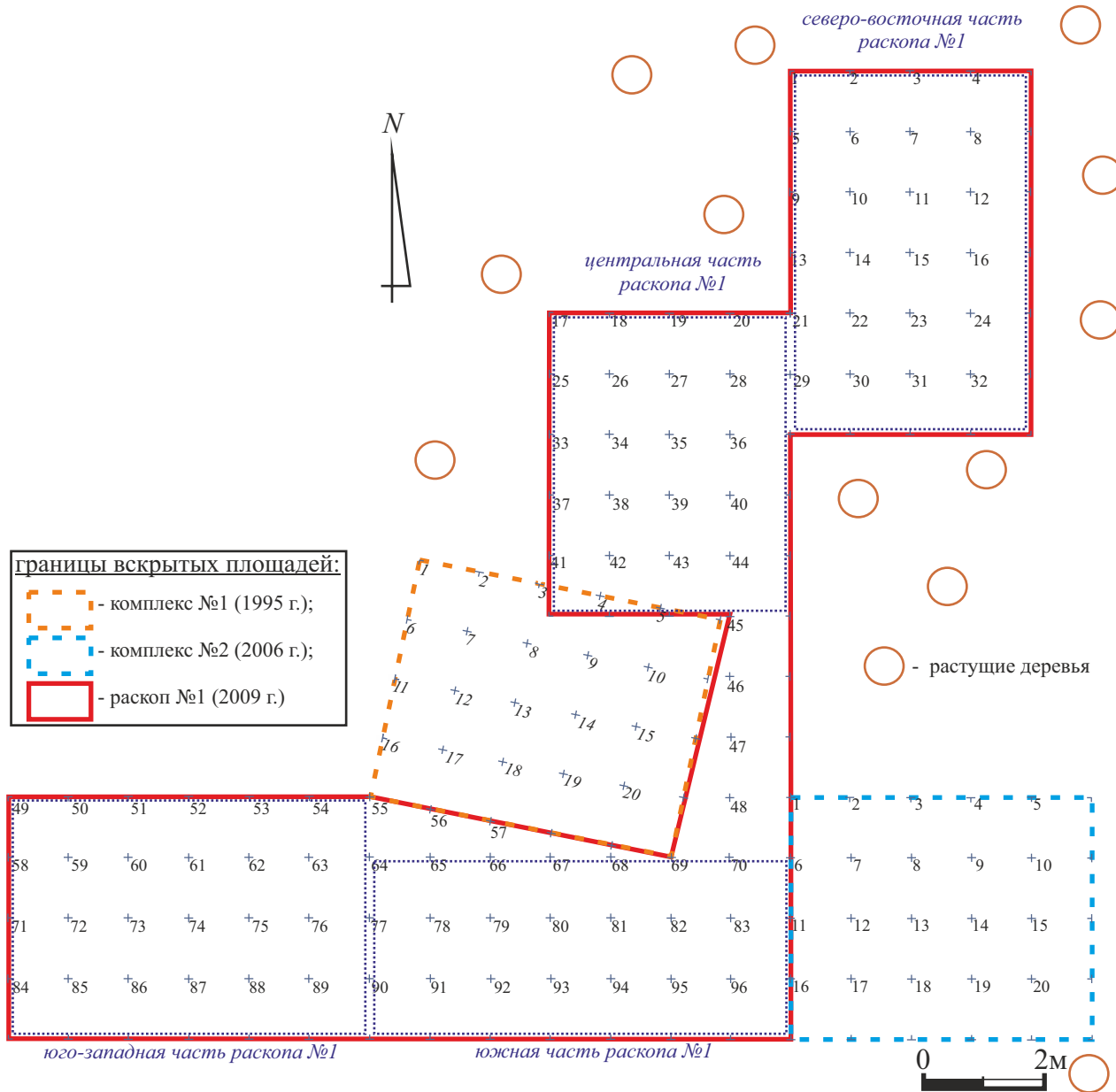

Рис.98. Байкальское VII, границы вскрытых площадей

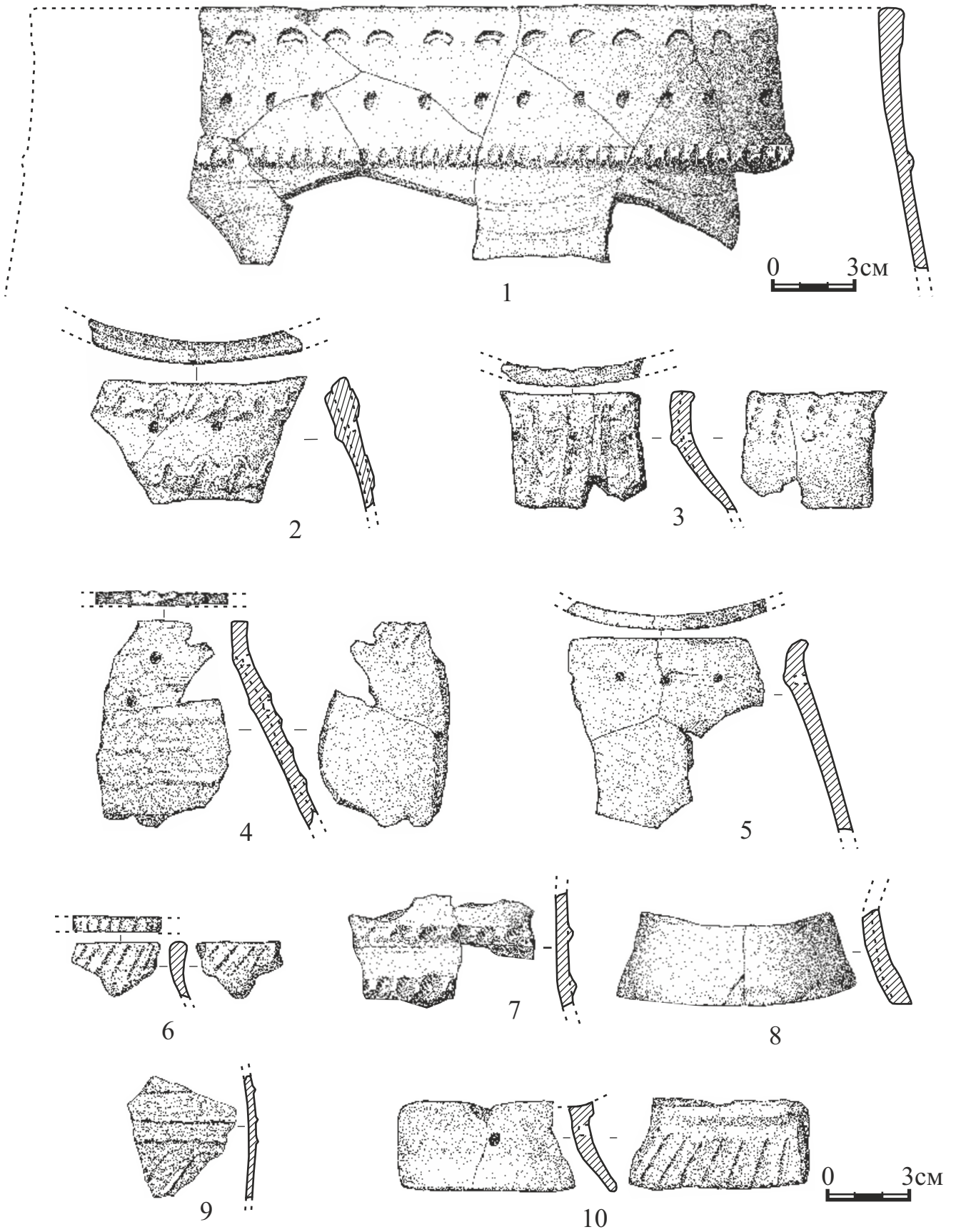

Рис.99. Байкальское VII, фрагменты керамики из раскопа №1

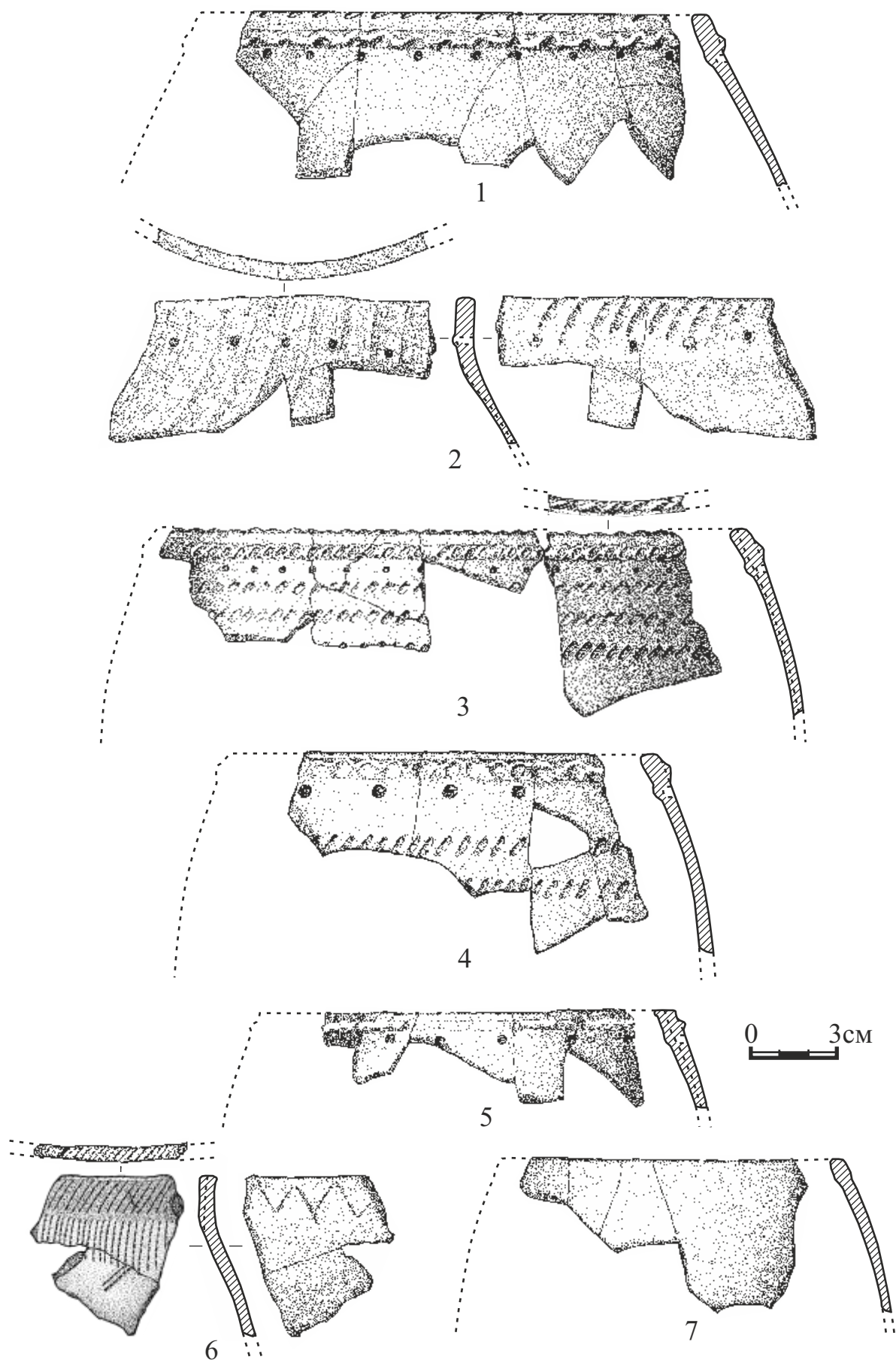

Рис.100. Байкальское VII, фрагменты керамики из раскопа №1

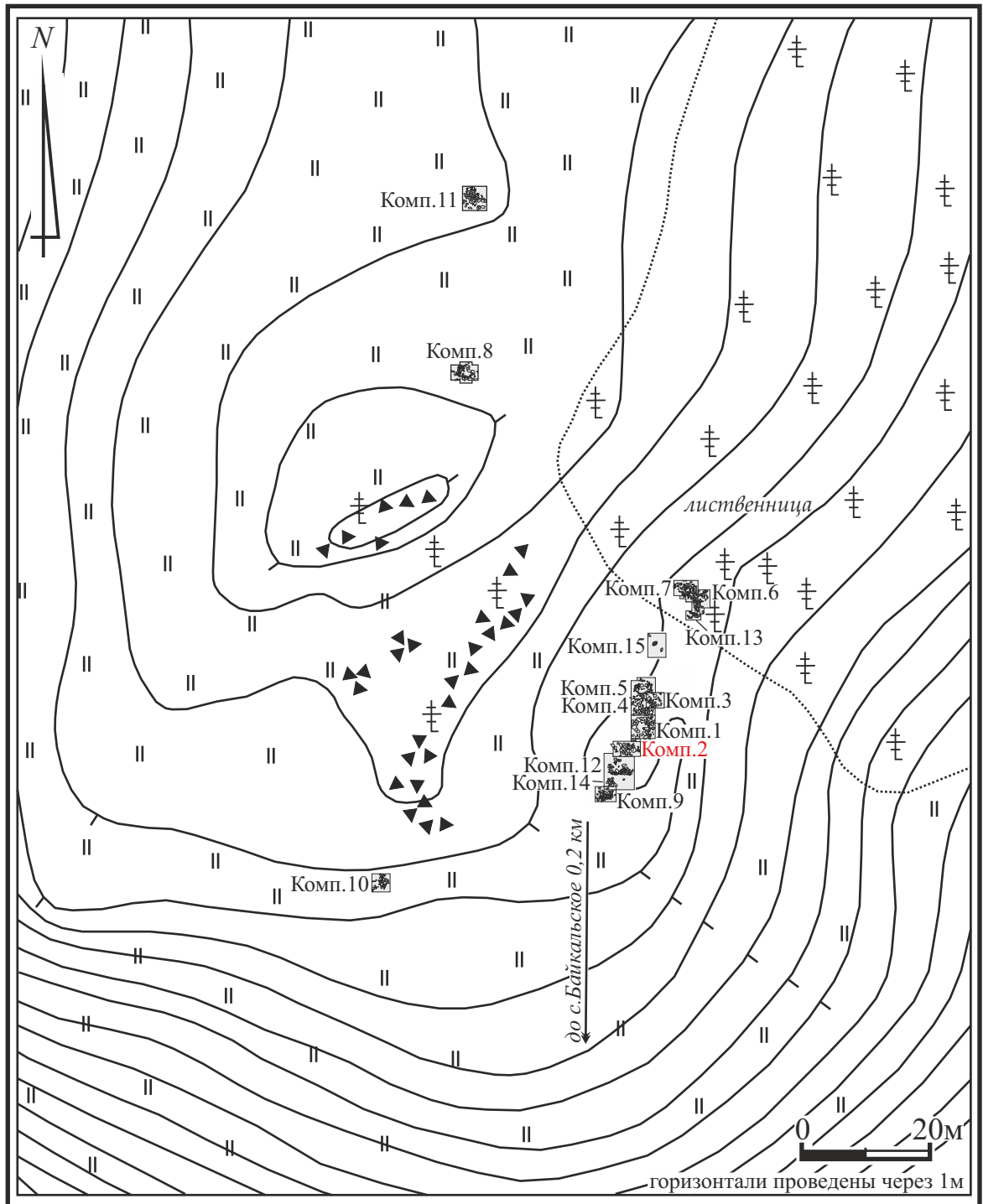
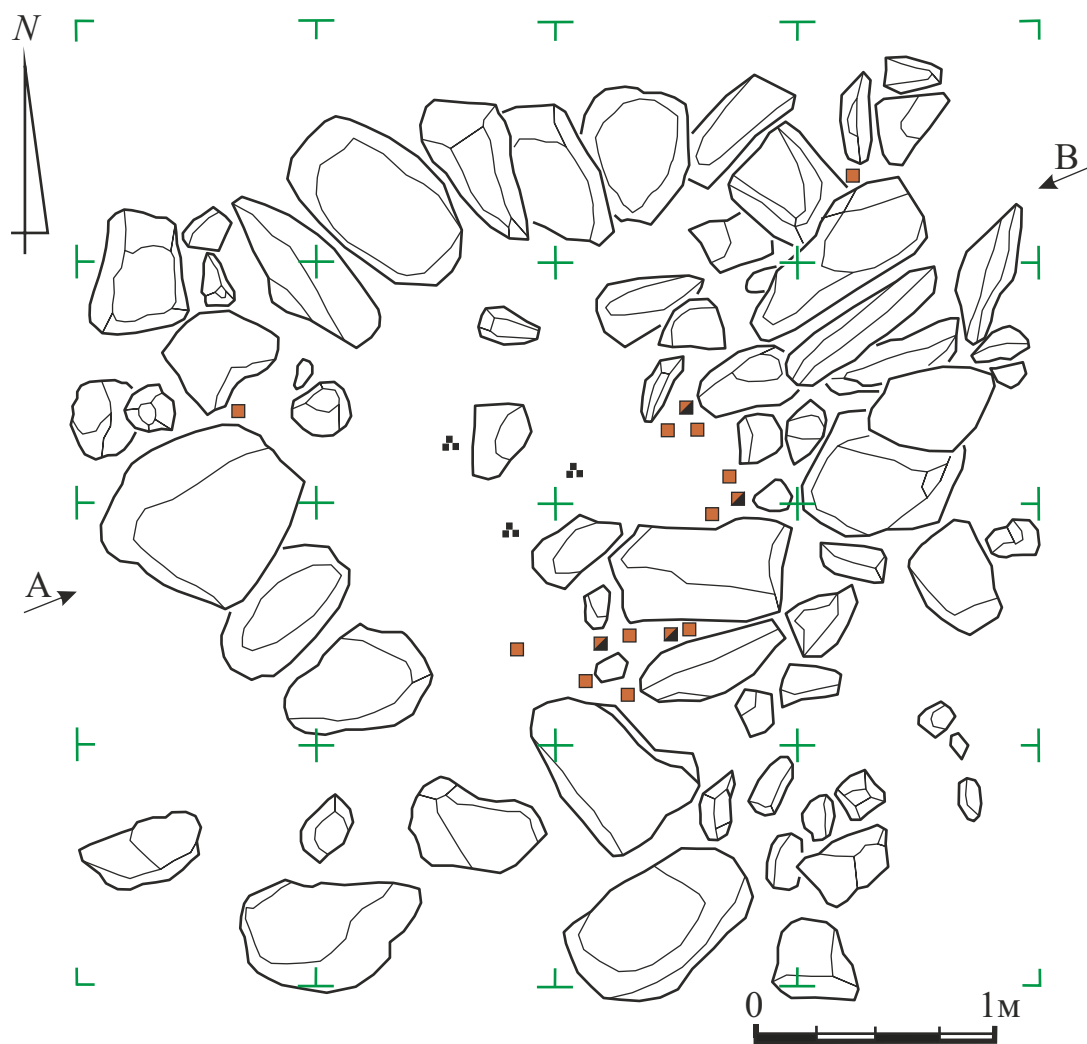
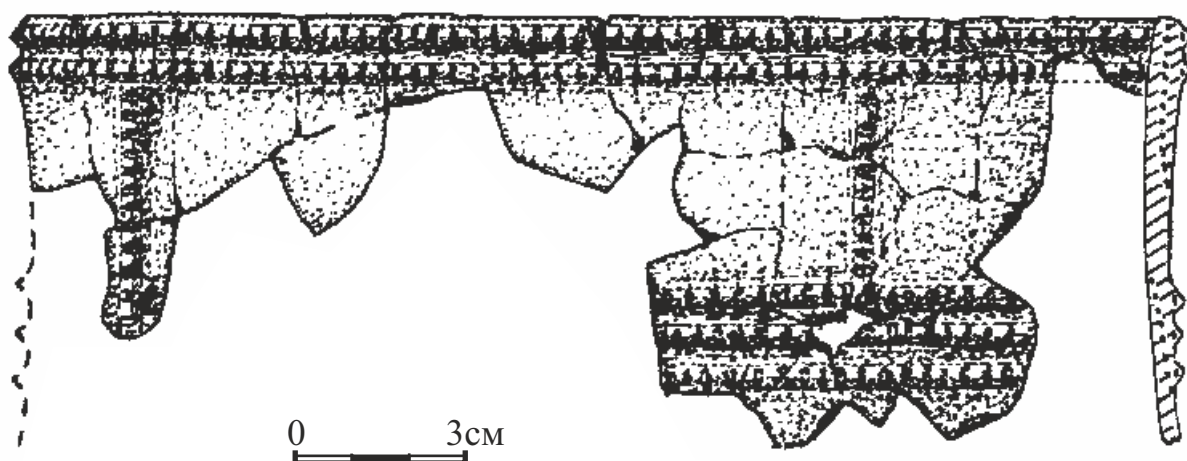

Рис.101. Карта-схема расположения памятника Байкальское XXVII

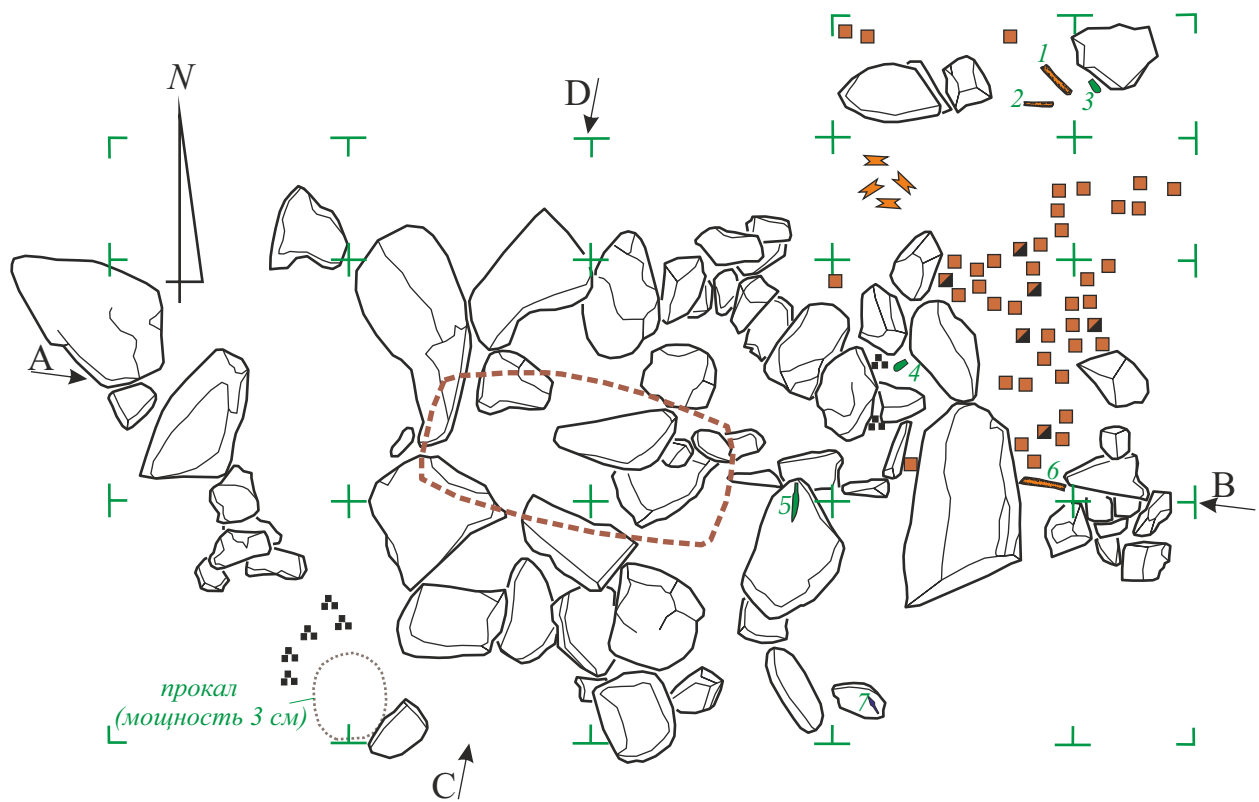

1

2

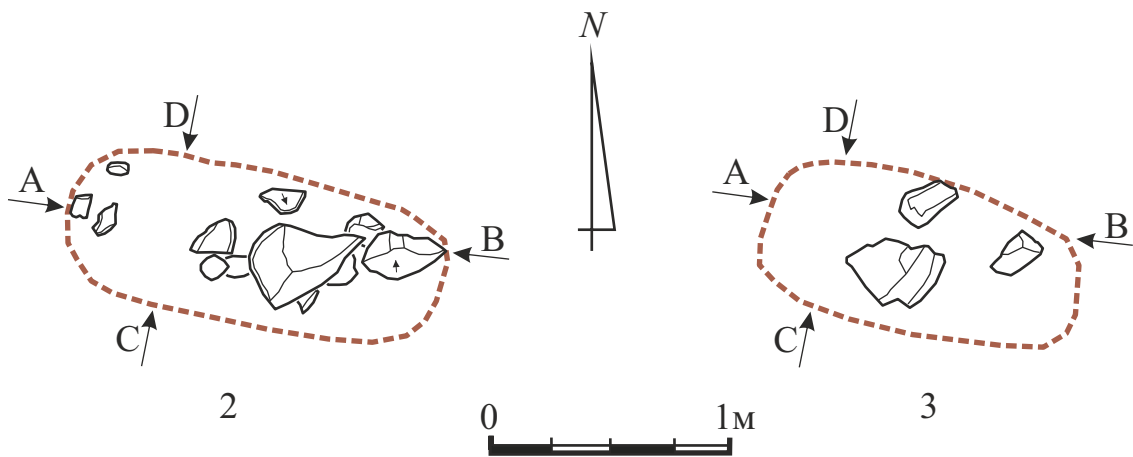
Рис.102. Байкальское XXVII, комплекс №1: 1 - кладка после расчистки; 2 - фрагмент керамического сосуда

- 1,2 - фрагменты трубчатой кости;
- 3,4 - бронзовые ложечковидные подвески;
- 5 - бронзовый нож;
- 6 - фрагмент трубчатой кости животного;
- 7 - железный наконечник стрелы

1

2

3

Рис.103. Байкальское XXVII, комплекс №2: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - второй уровень расчистки

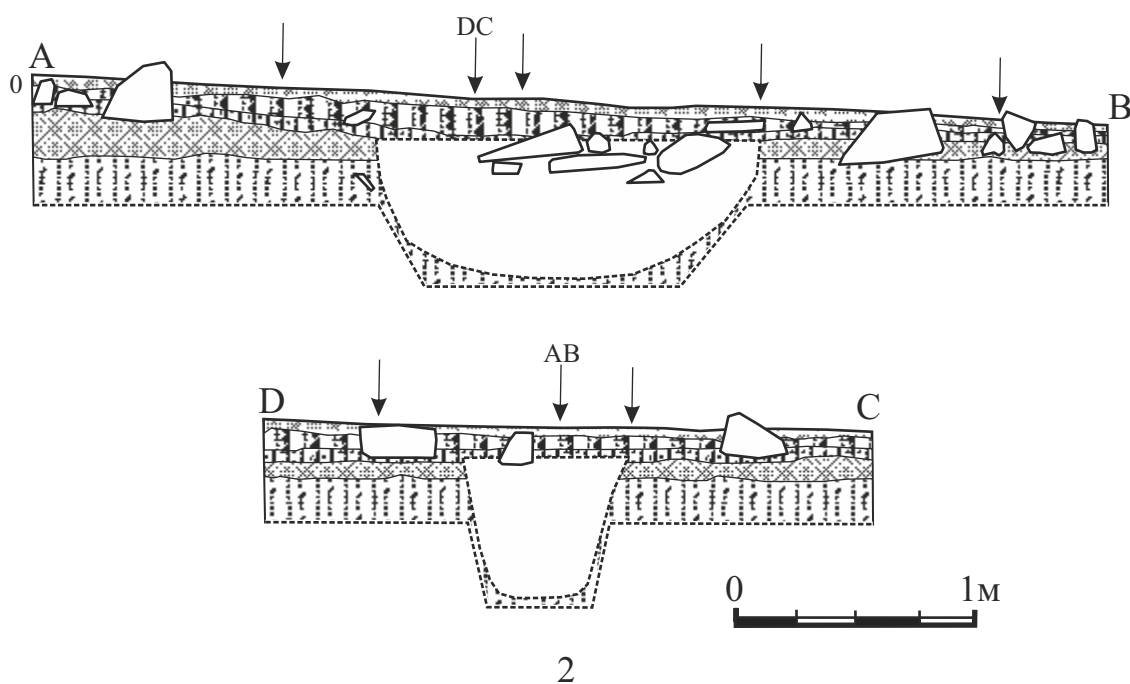
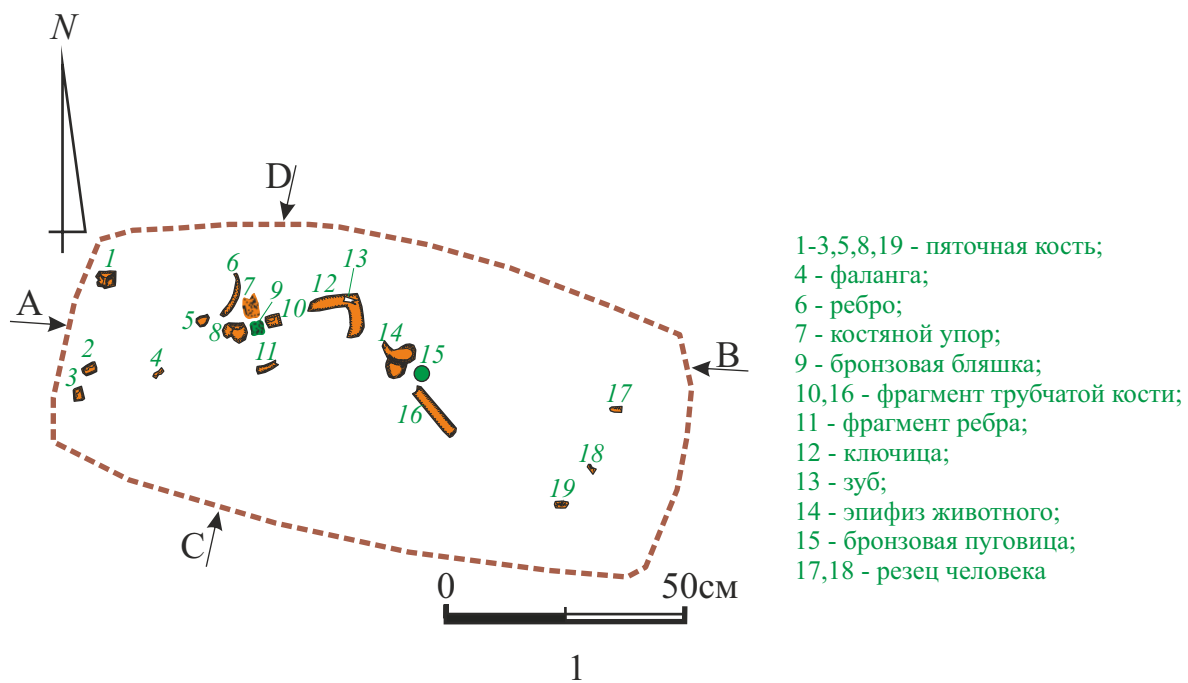

Рис.104. Байкальское XXVII, комплекс №2: 1 - заполнение ямы;
 2 - профильные разрезы

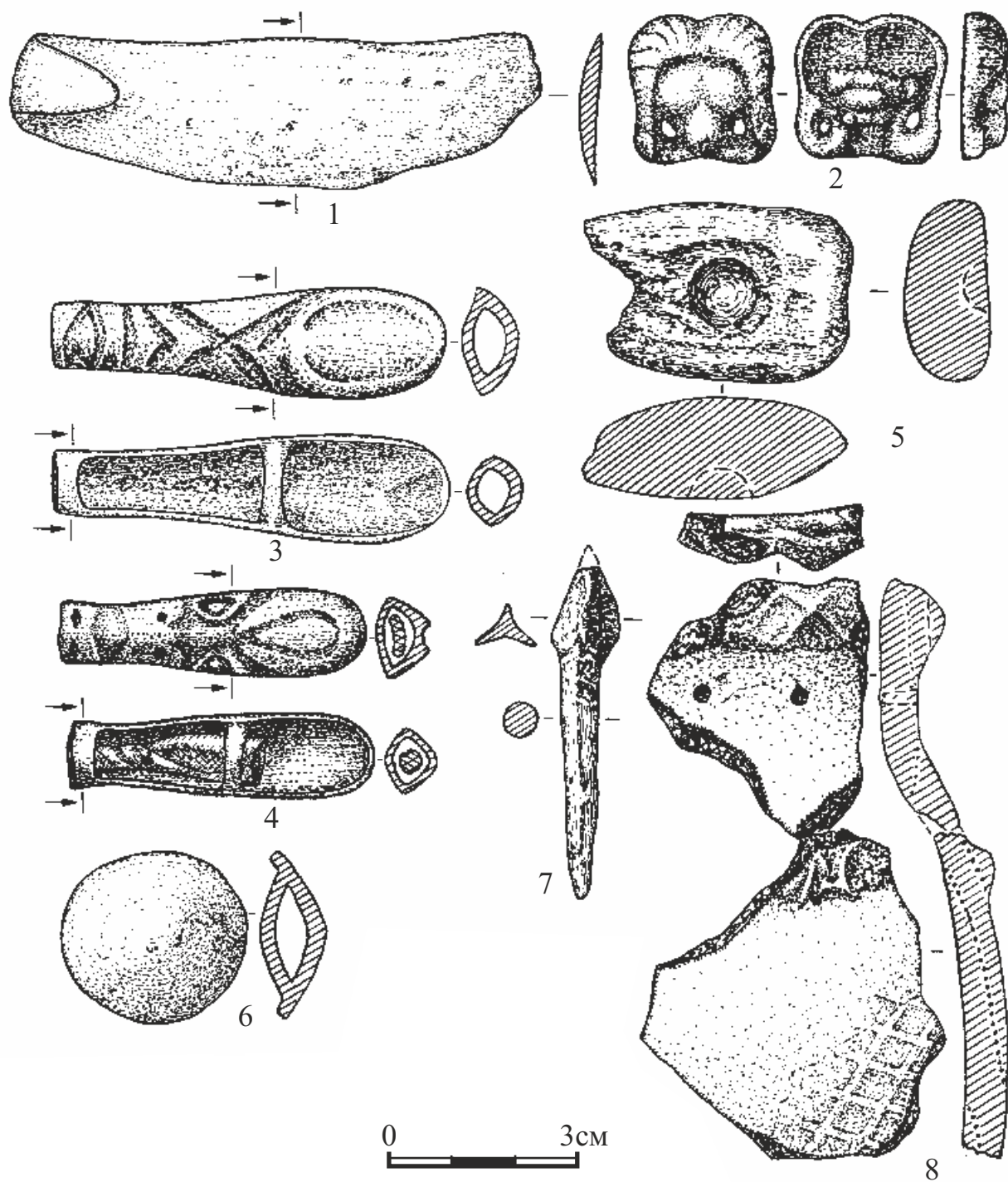

Рис.105. Байкальское XXVII, комплекс №2: сопроводительный инвентарь

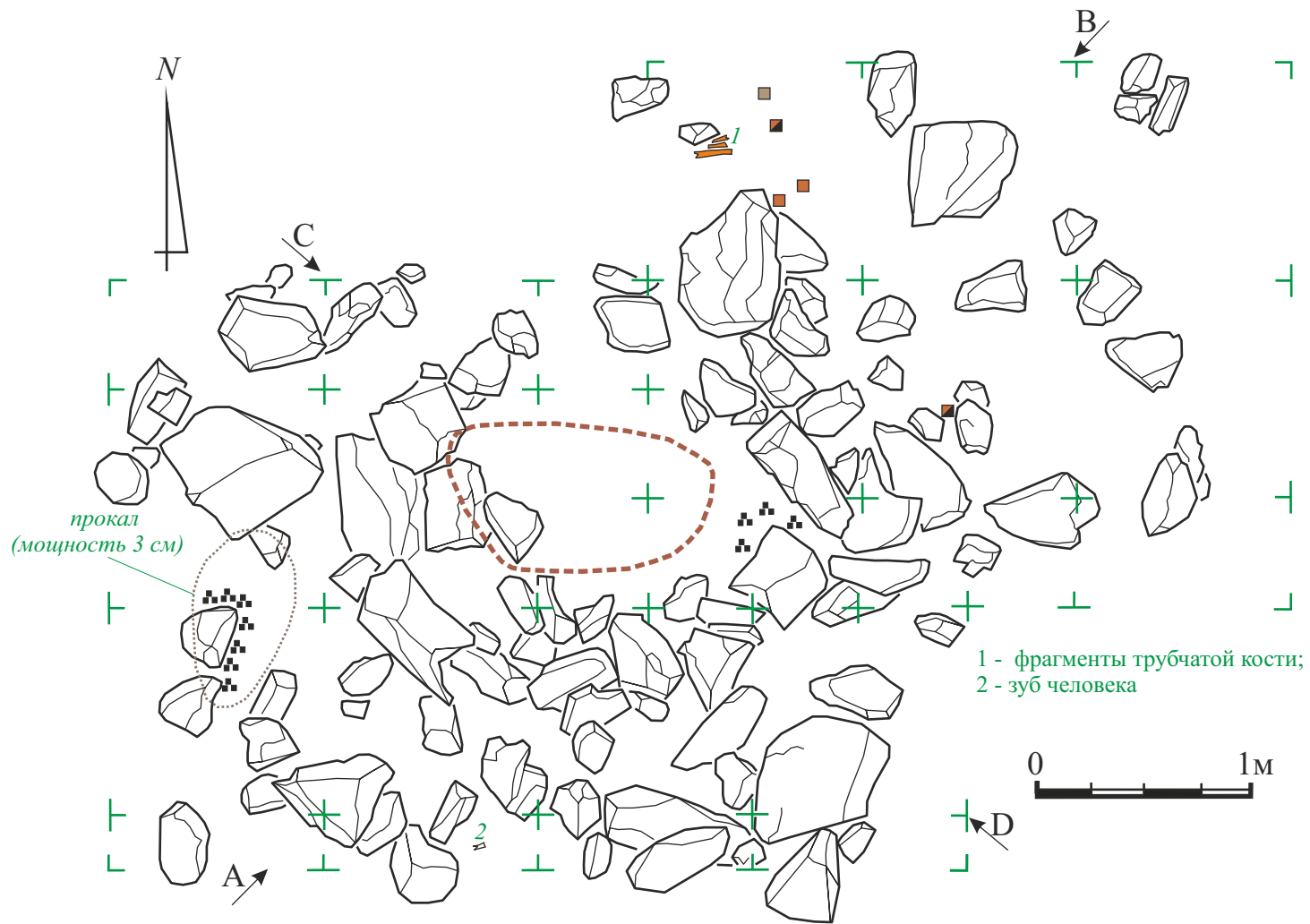

Рис.106. Байкальское XXVII, комплекс №4: кладка после расчистки

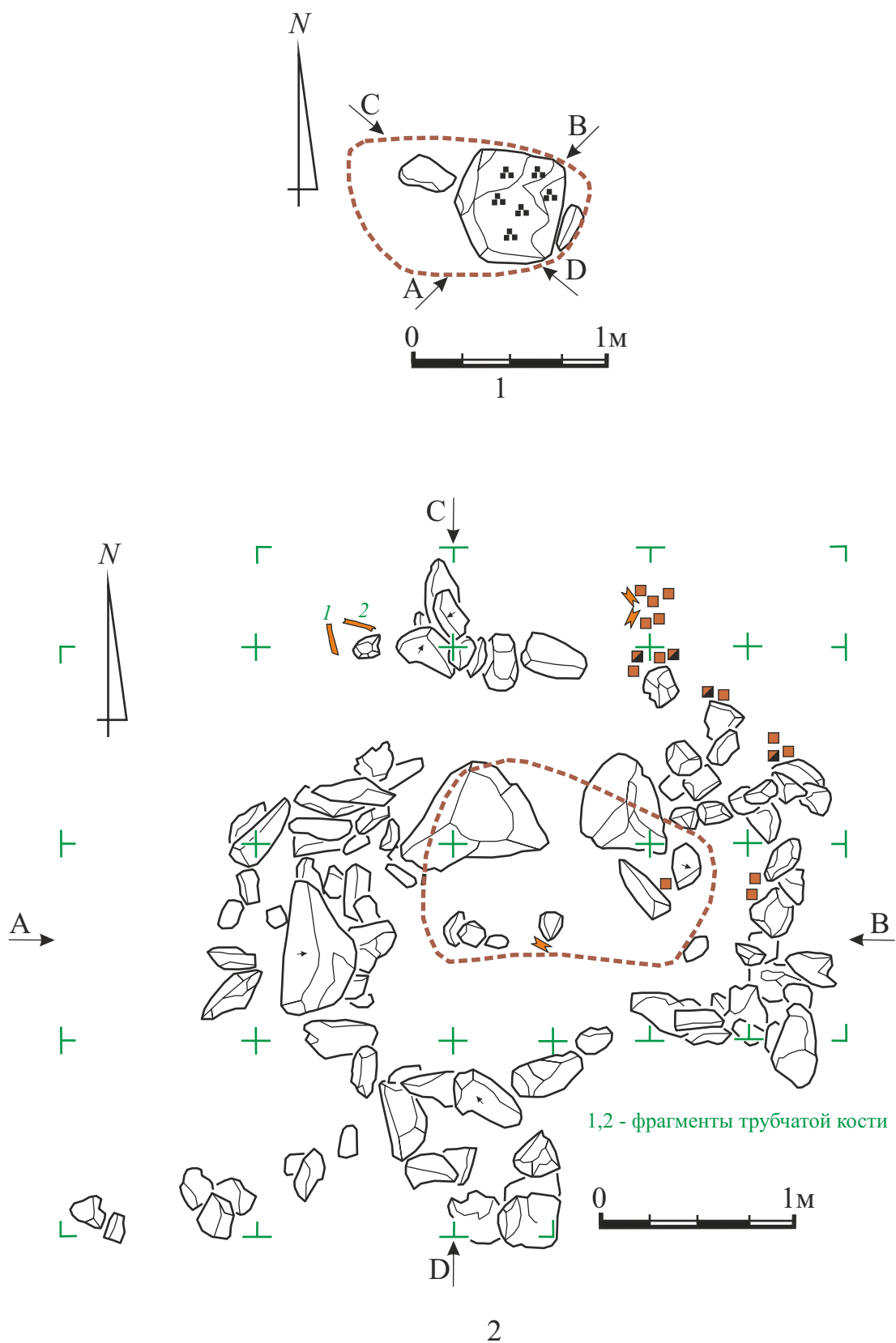

Рис.107. Байкальское XXVII: 1 - комплекс №4: заполнение ямы;
2 - комплекс №5: кладка после расчистки

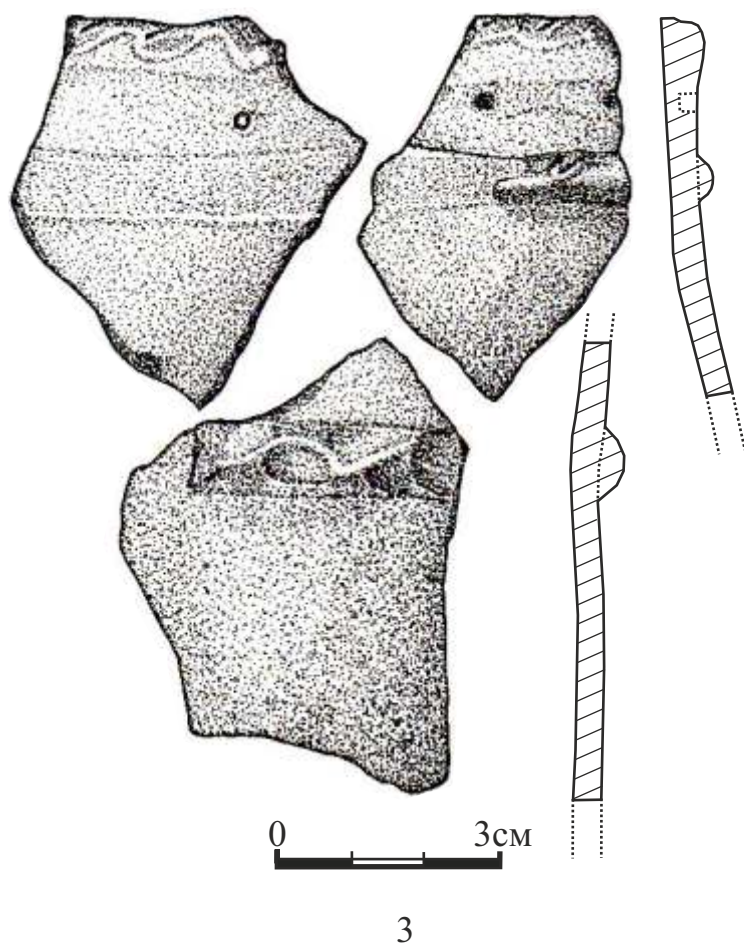
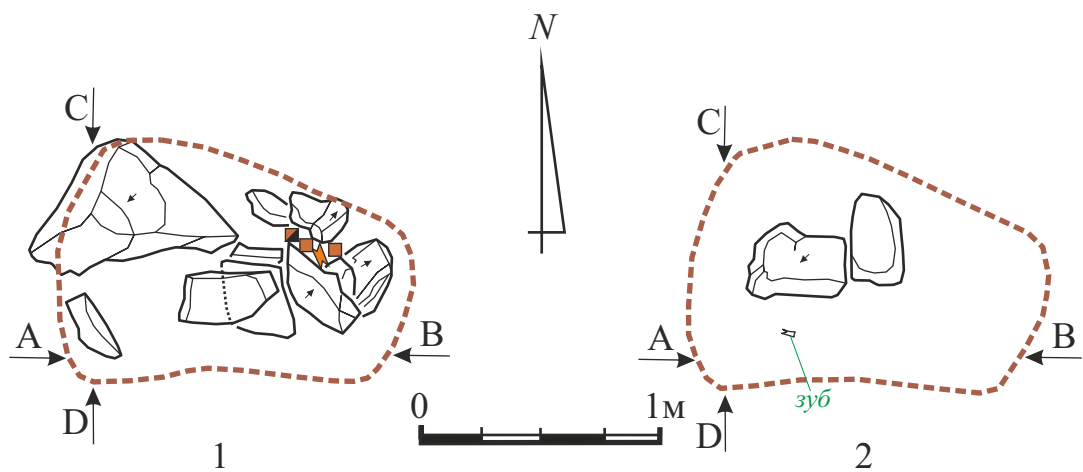

Рис.108. Байкальское XXVII, комплекс №5: 1 - первый уровень расчистки;
2 - заполнение ямы; 3 - фрагменты керамики

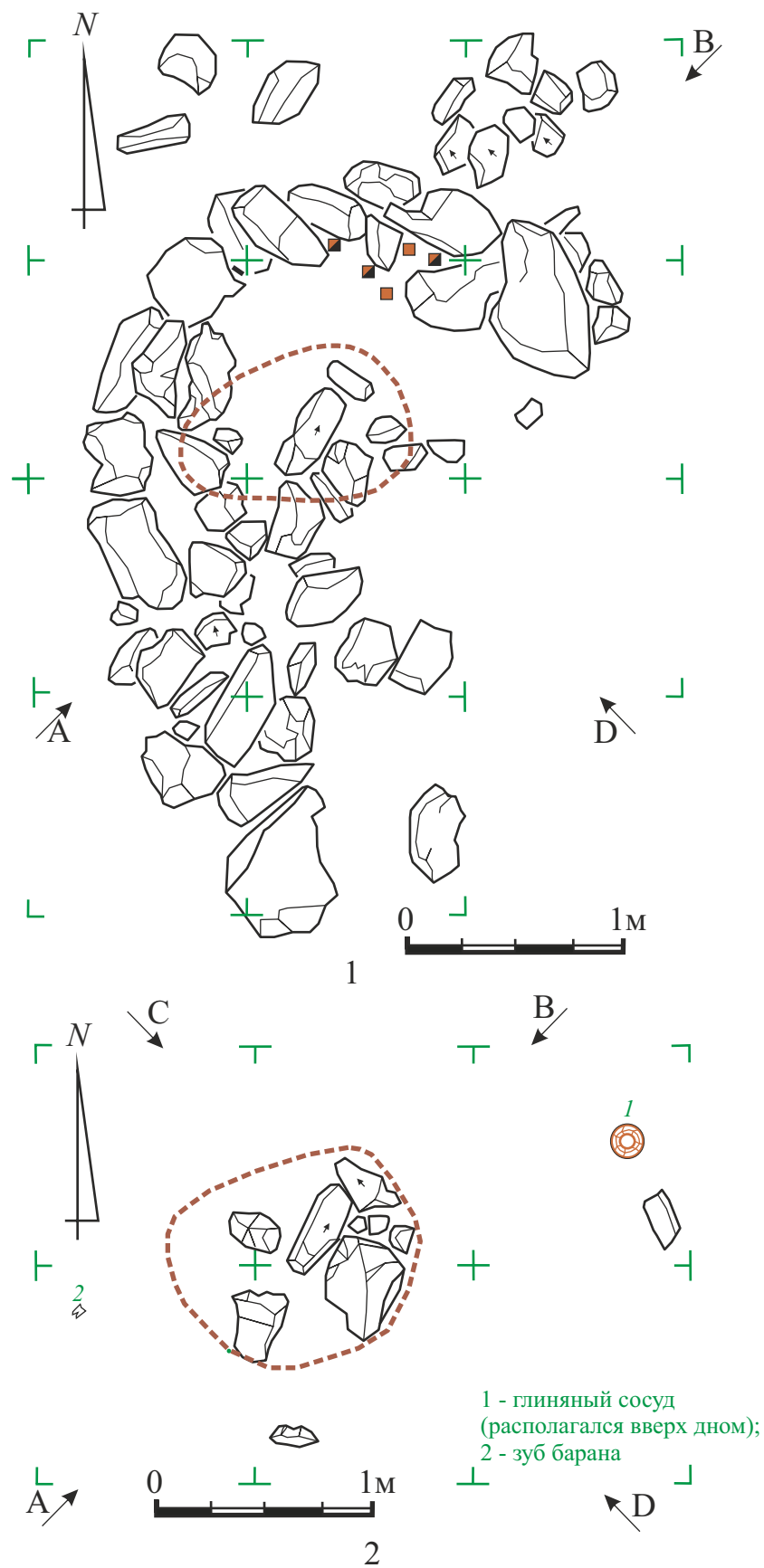

Рис.109. Байкальское XXVII, комплекс №6: 1 - кладка после расчистки;
2 - первый уровень расчистки

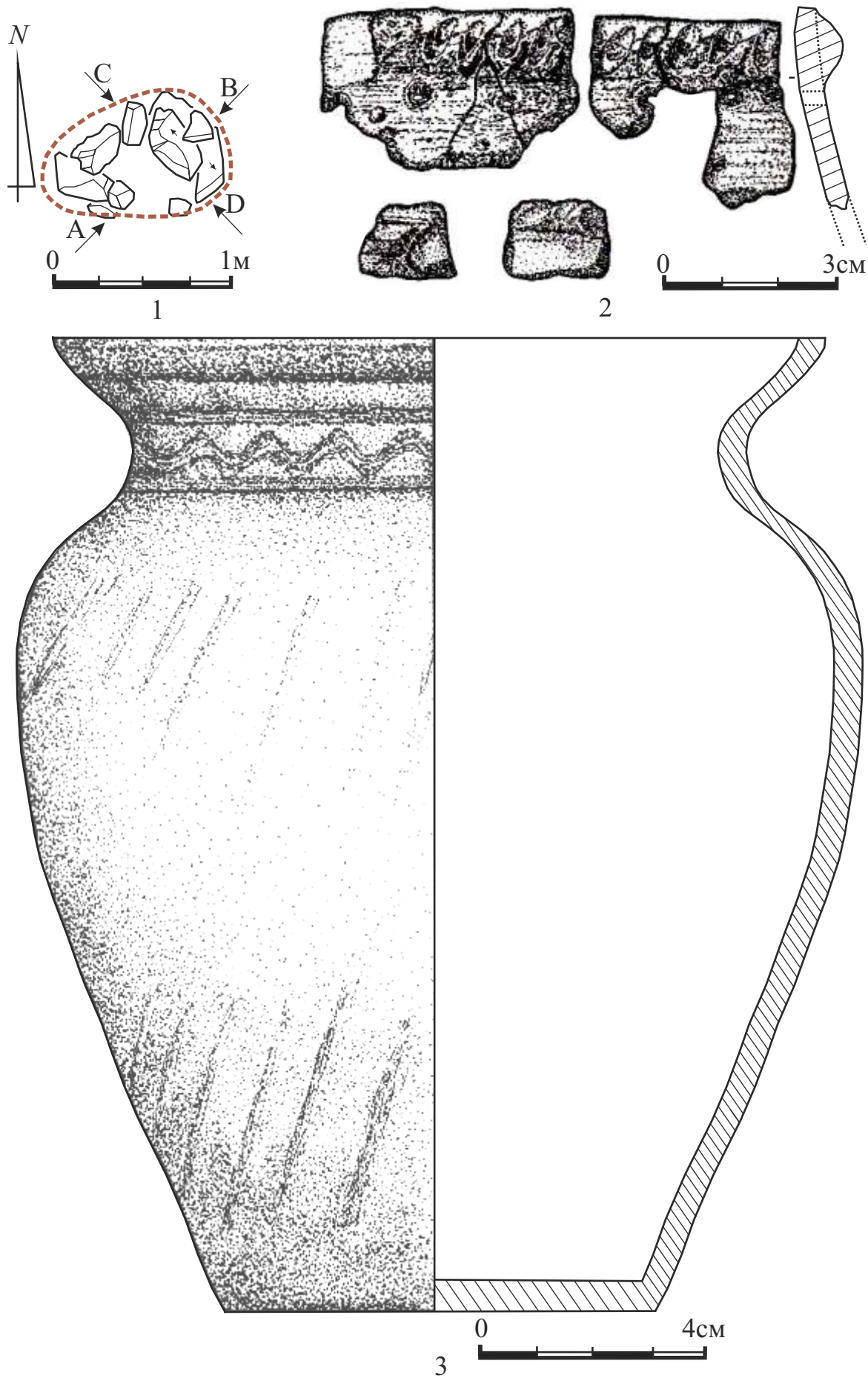

Рис.110. Байкальское XXVII, комплекс №6: 1 - заполнение ямы;
 2 - фрагмент керамики; 3 - керамический сосуд

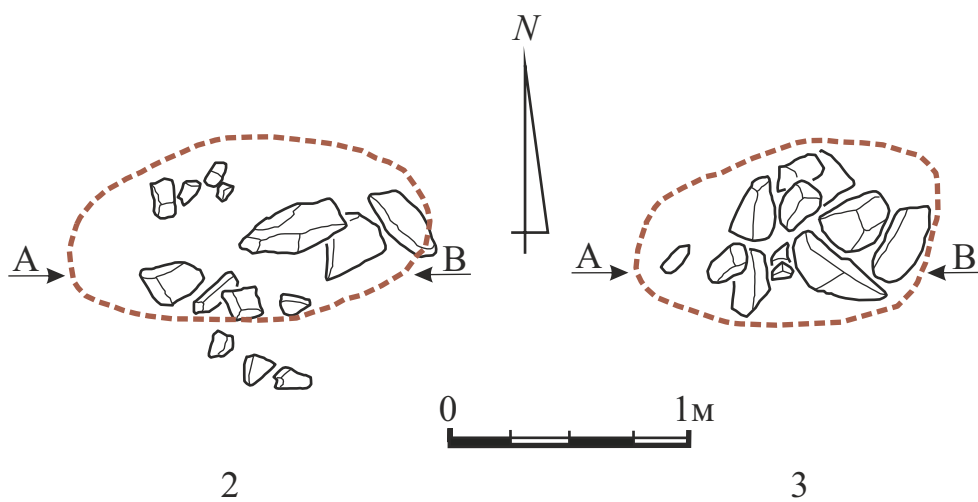
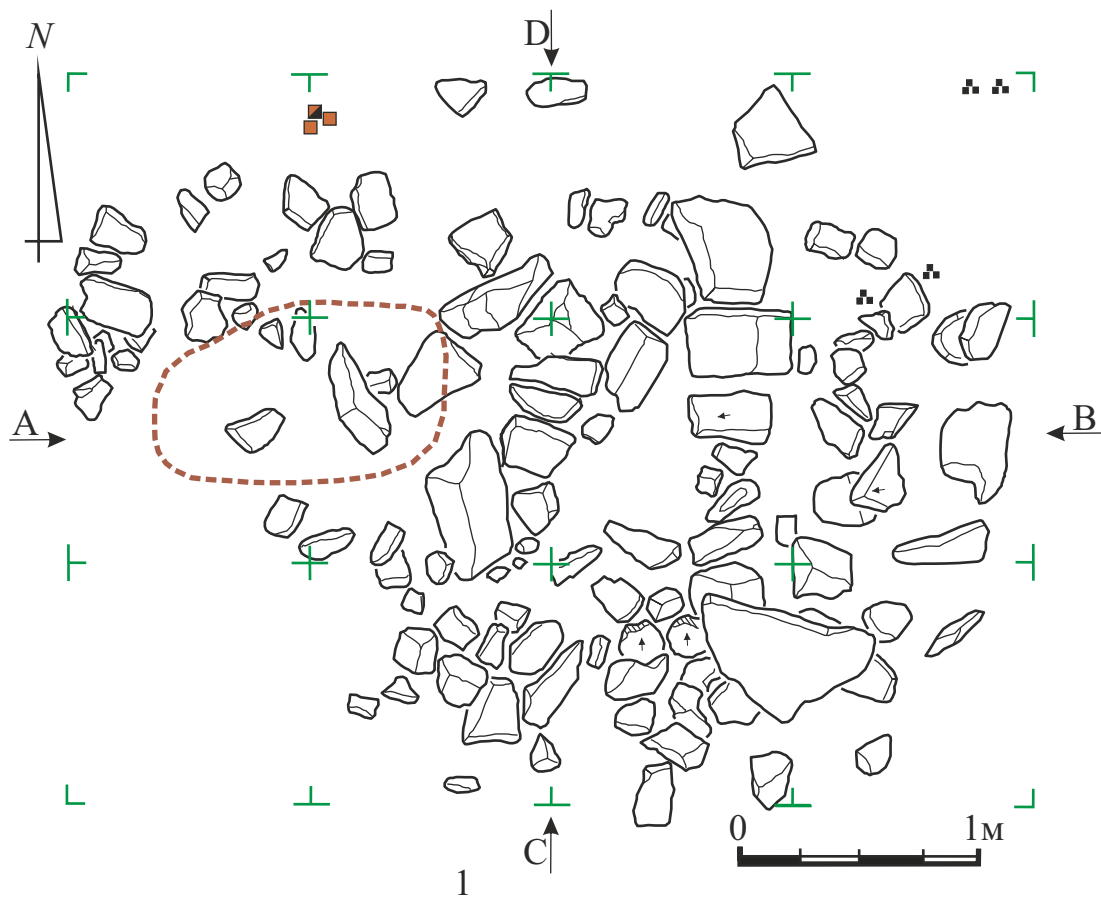

Рис.111. Байкальское XXVII, комплекс №7: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - второй уровень расчистки

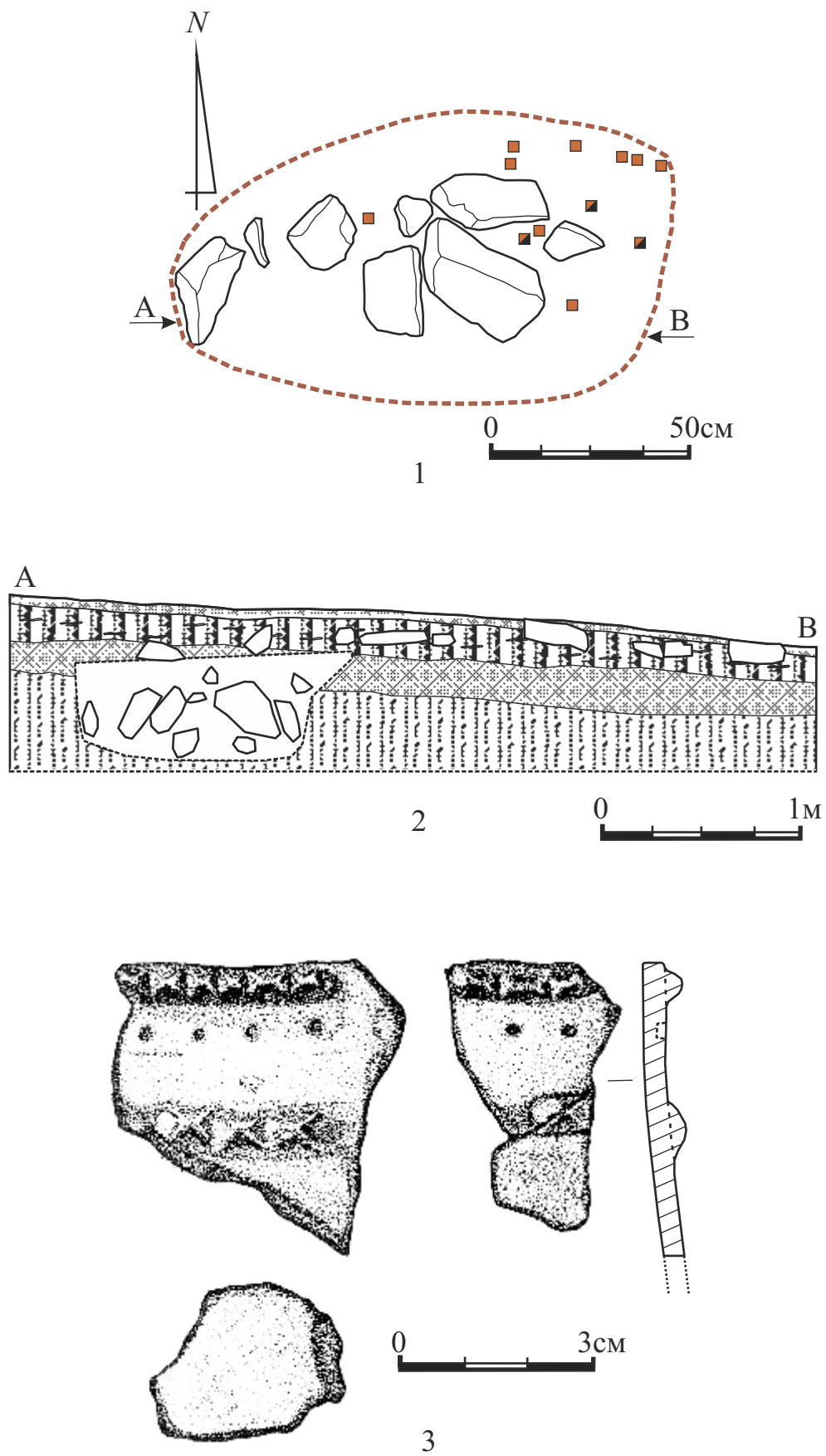

Рис.112. Байкальское XXVII, комплекс №7: 1 - заполнение ямы; 2 - профильный разрез; 3 - фрагменты керамики

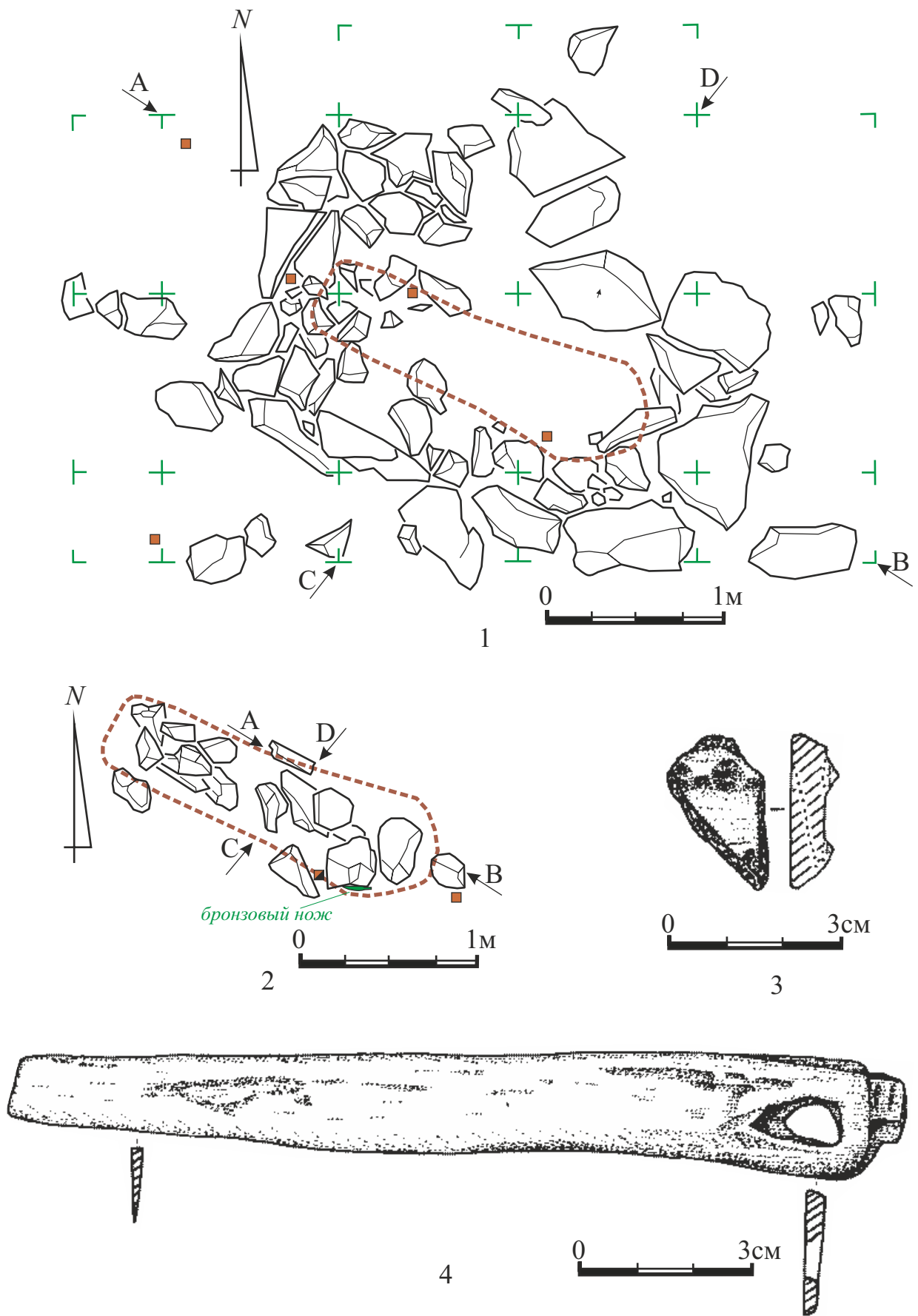

Рис.113. Байкальское XXVII, комплекс №8: 1 - кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - фрагмент керамики; 4 - бронзовый нож

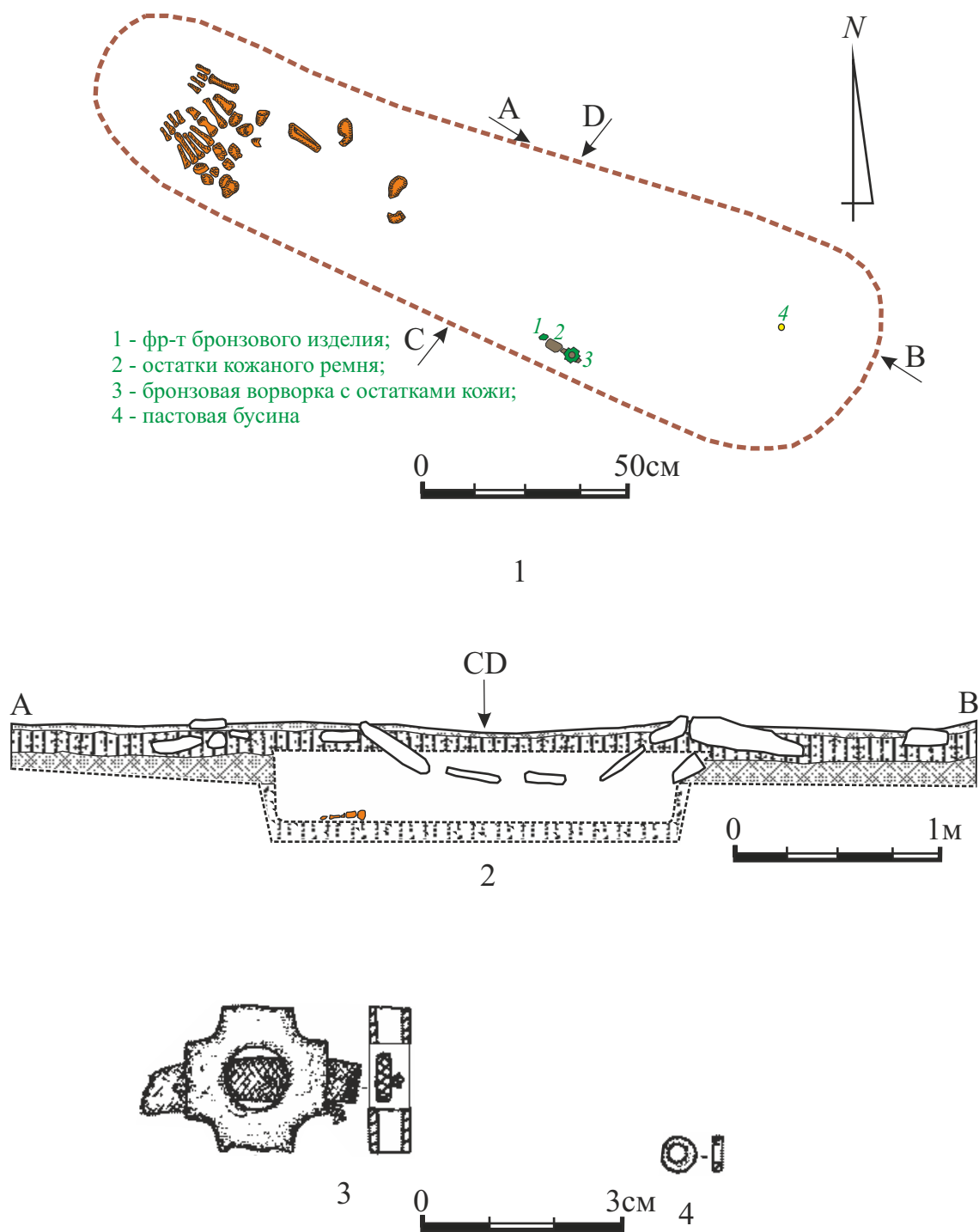

Рис.114. Байкальское XXVII, комплекс №8: 1 - заполнение ямы;
 2 - профильный разрез; 3 - бронзовая ворворка; 4 - пастовая бусина

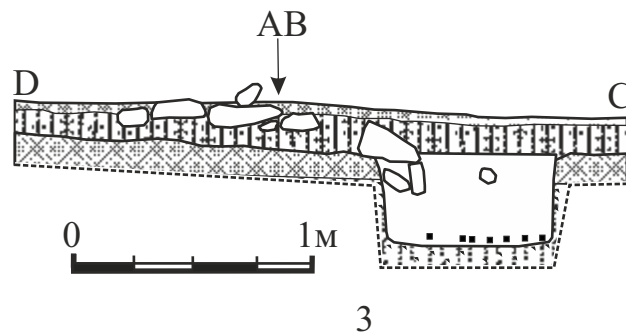
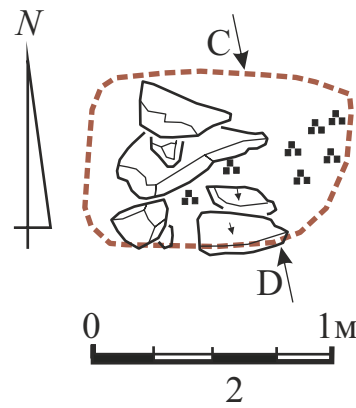
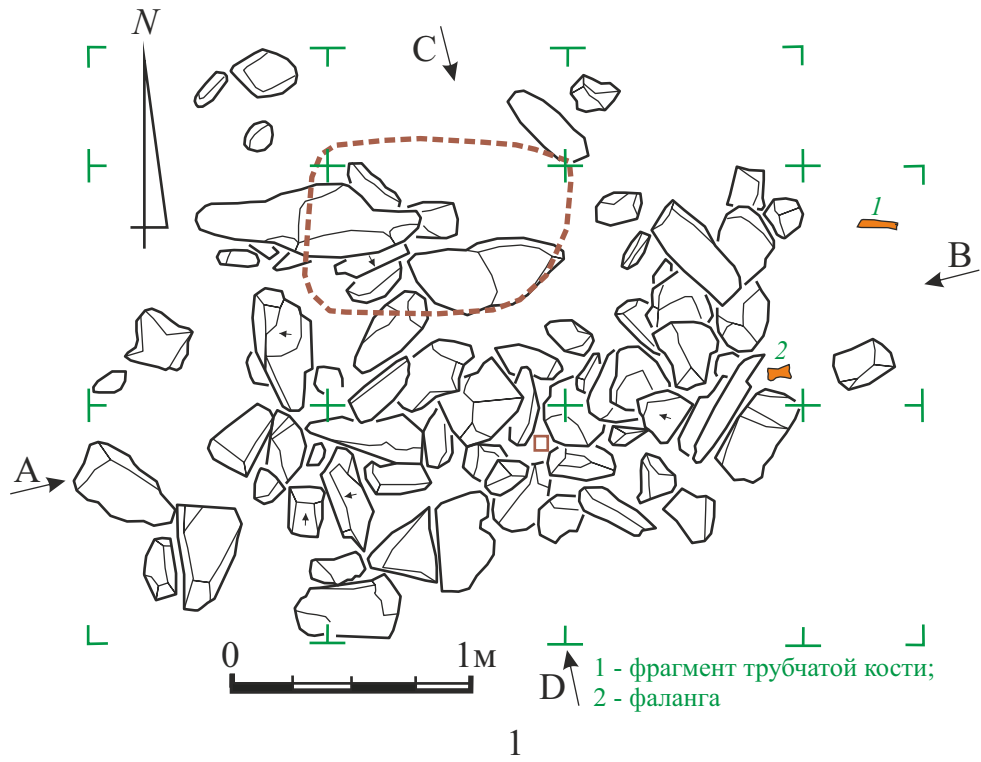

Рис.115. Байкальское XXVII, комплекс №9: 1 - кладка после расчистки; 2 - заполнение ямы; 3 - профильный разрез

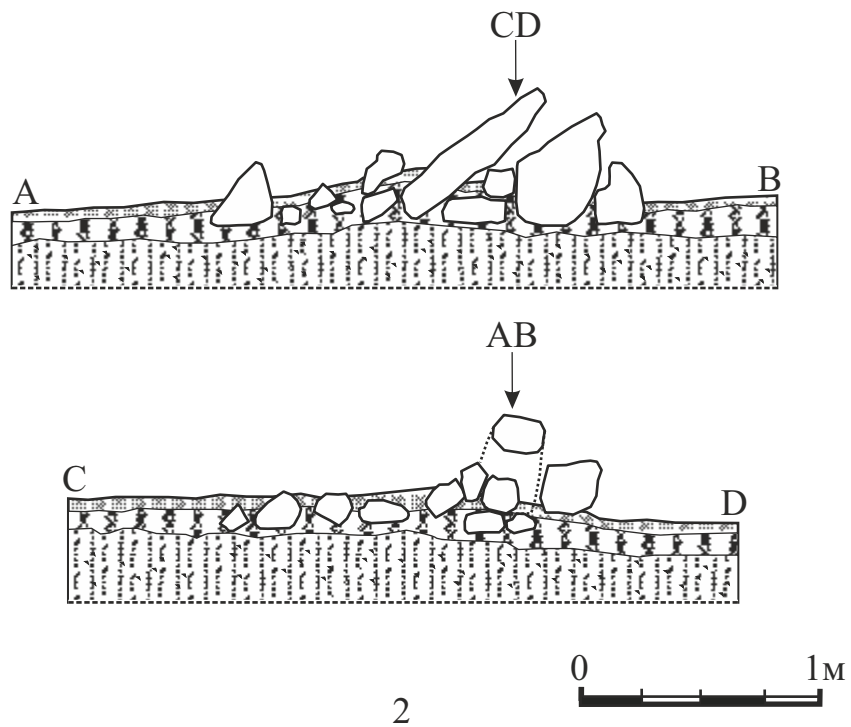
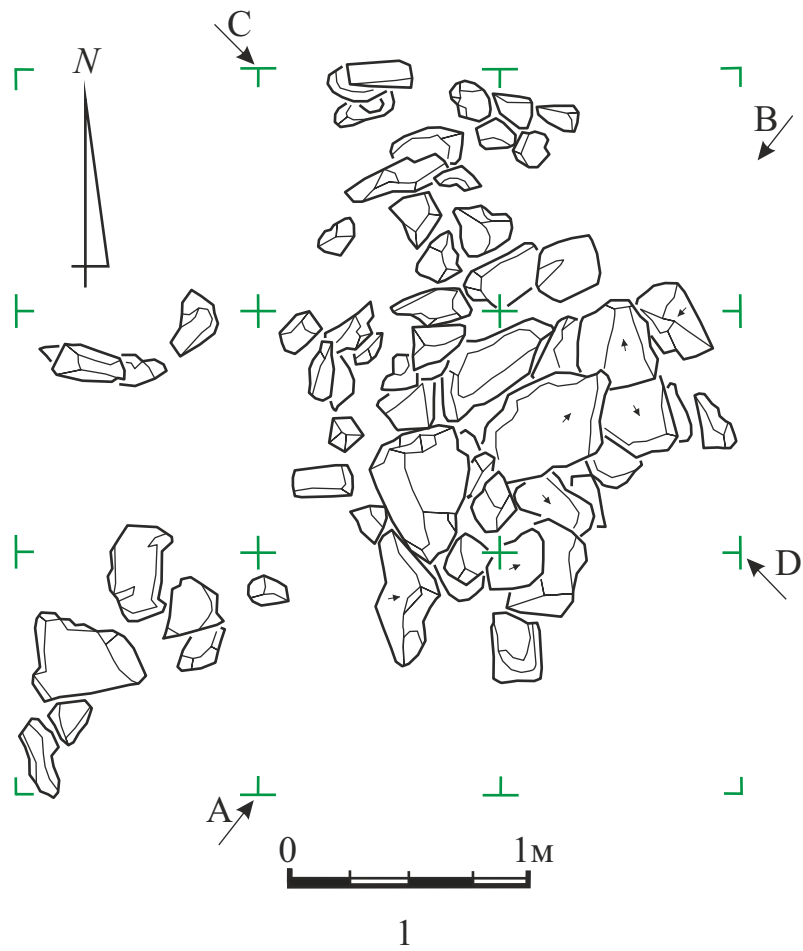

Рис.116. Байкальское XXVII, комплекс №10: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильные разрезы

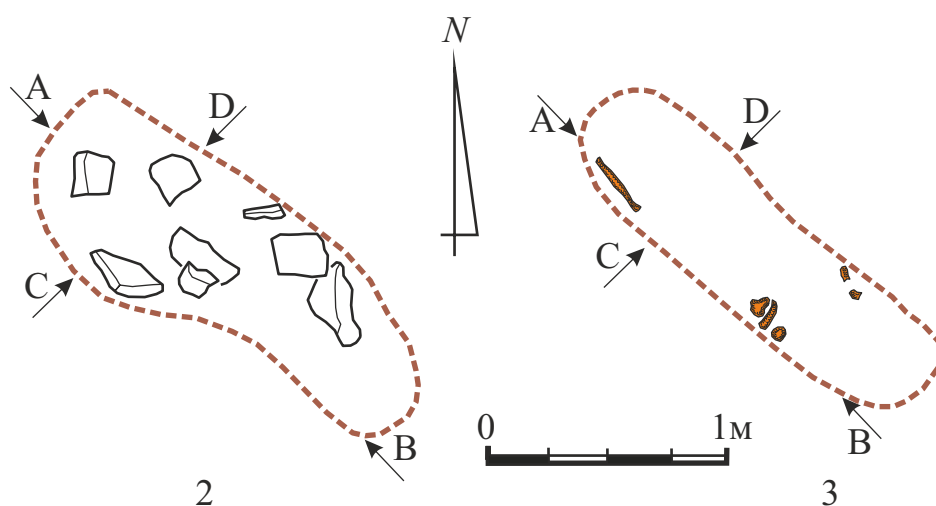
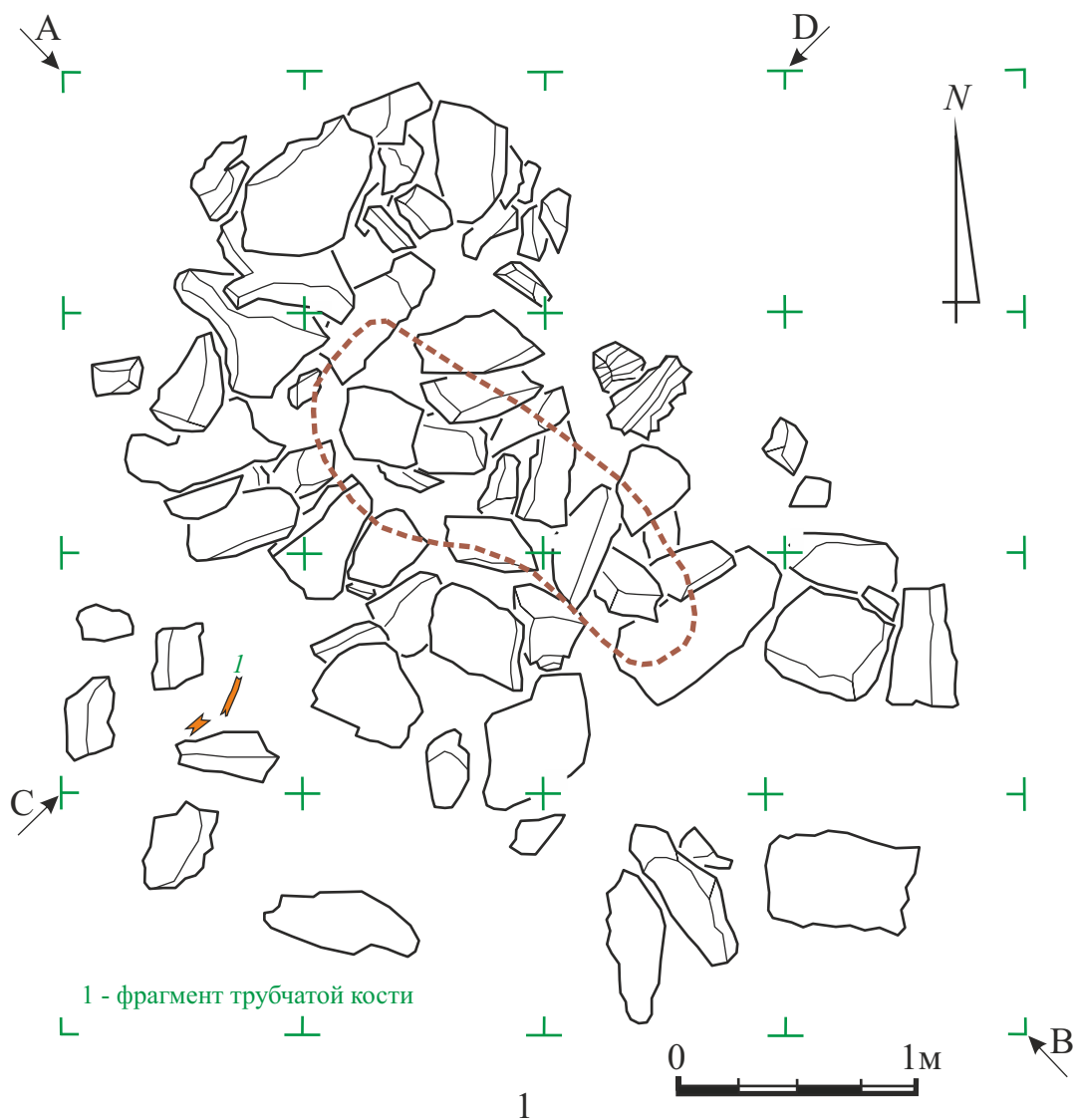

Рис.117. Байкальское XXVII, комплекс №11: 1 - кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - заполнение ямы

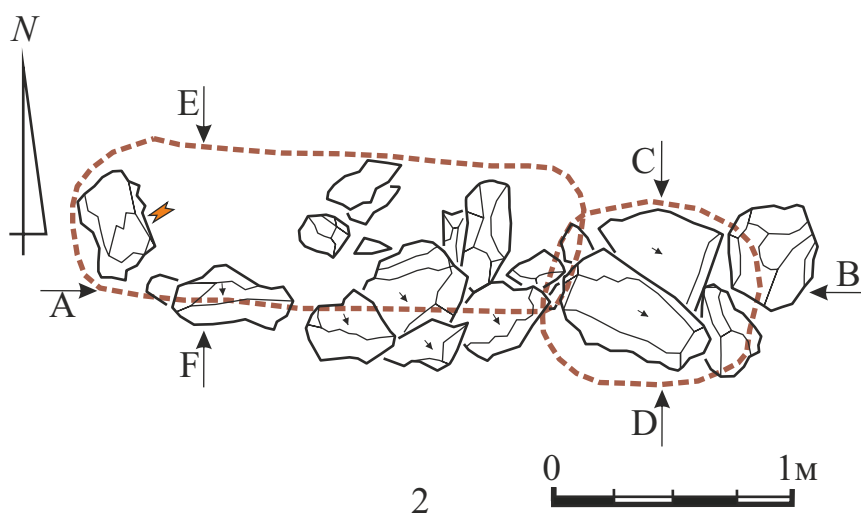
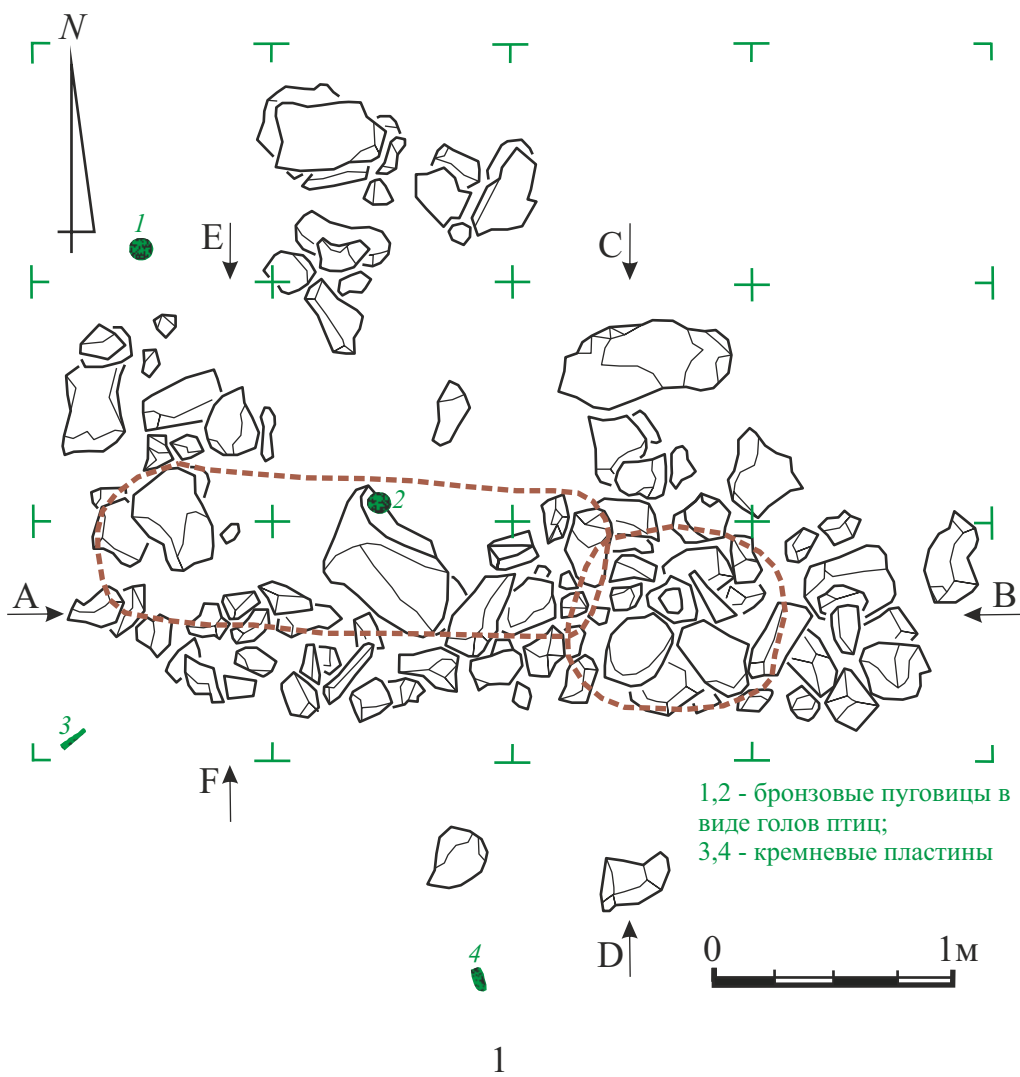

Рис.118. Байкальское XXVII, комплекс №12: 1 - кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие

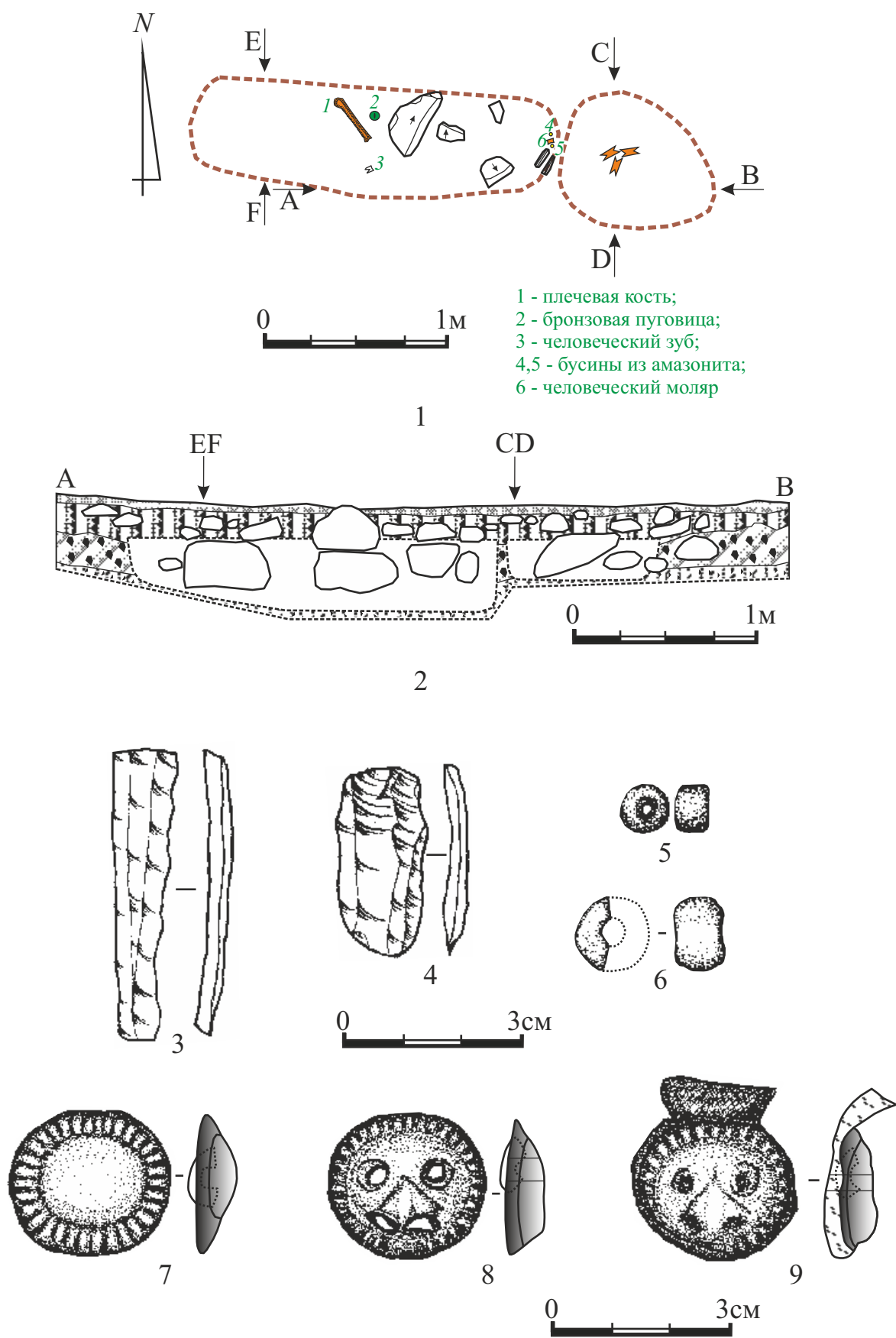

Рис.119. Байкальское XXVII, комплекс №12: 1 - заполнение ям;
 2 - профильный разрез; 3 - сопроводительный инвентарь

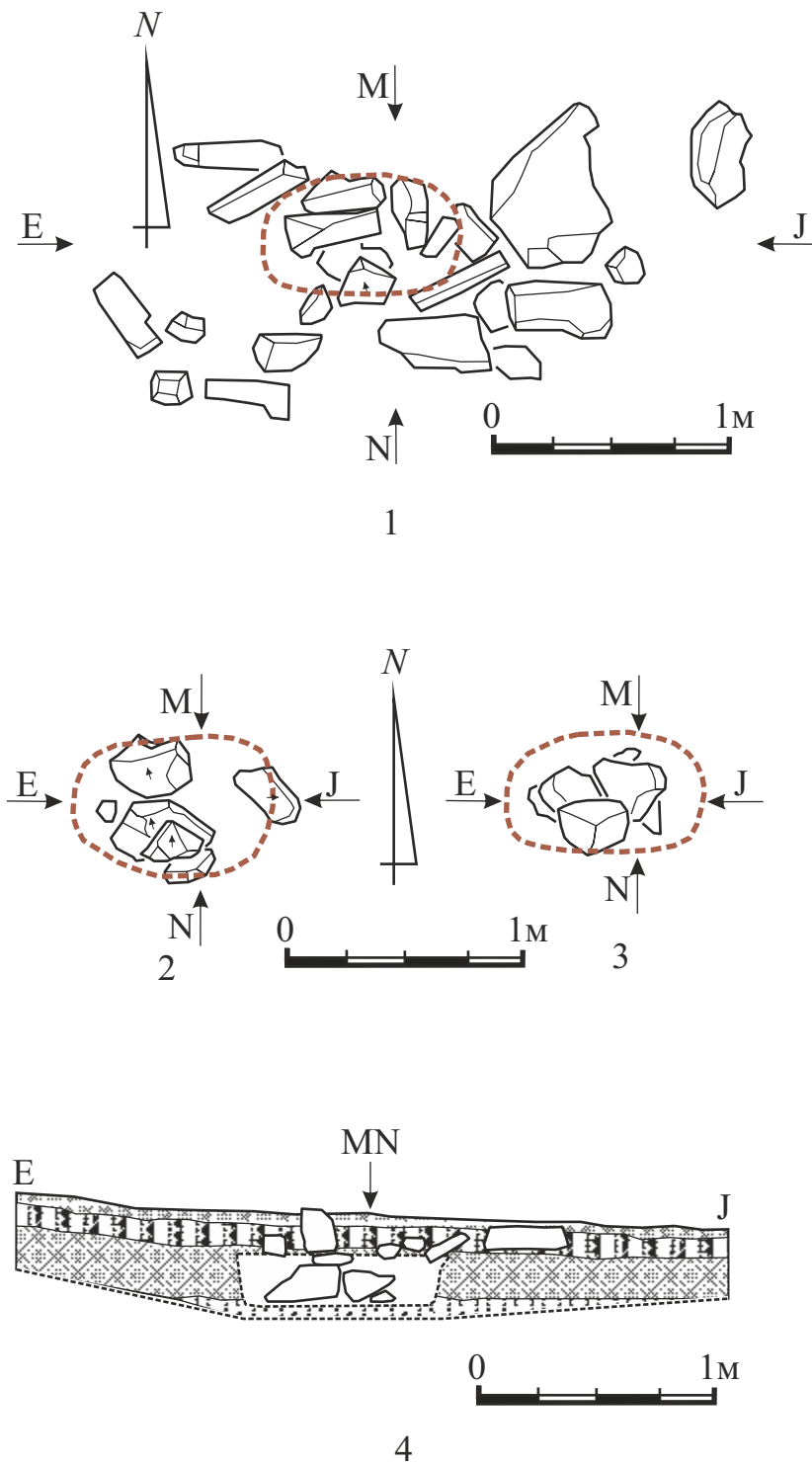

Рис.120. Байкальское XXVII, комплекс №13: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - заполнение ямы; 4 - профильный разрез

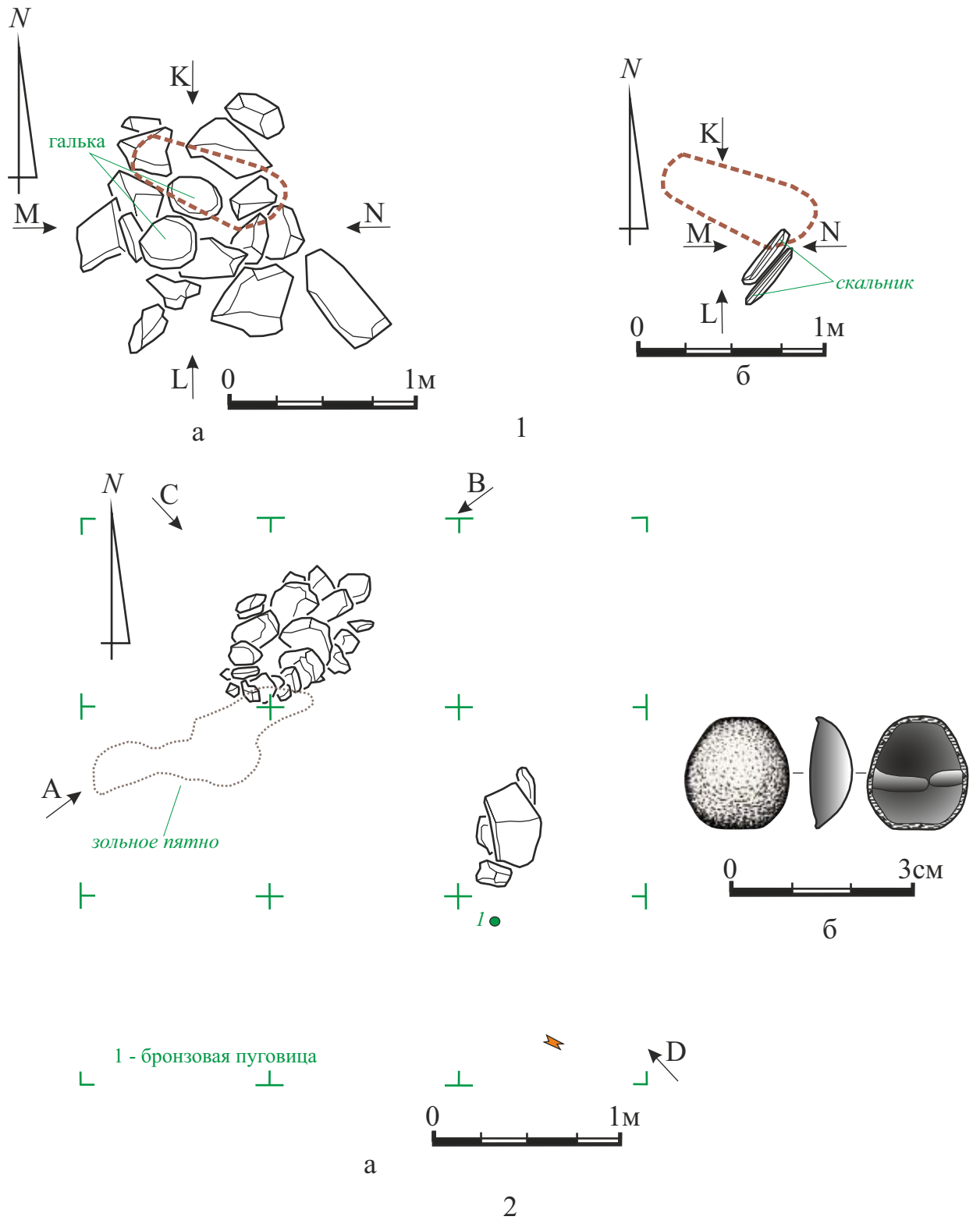

Рис.121. Байкальское XXVII: 1 - комплекс №14: а - кладка после расчистки; б - заполнение ямы; 2 - комплекс №15: а - кладка после расчистки; б - бронзовая пуговица

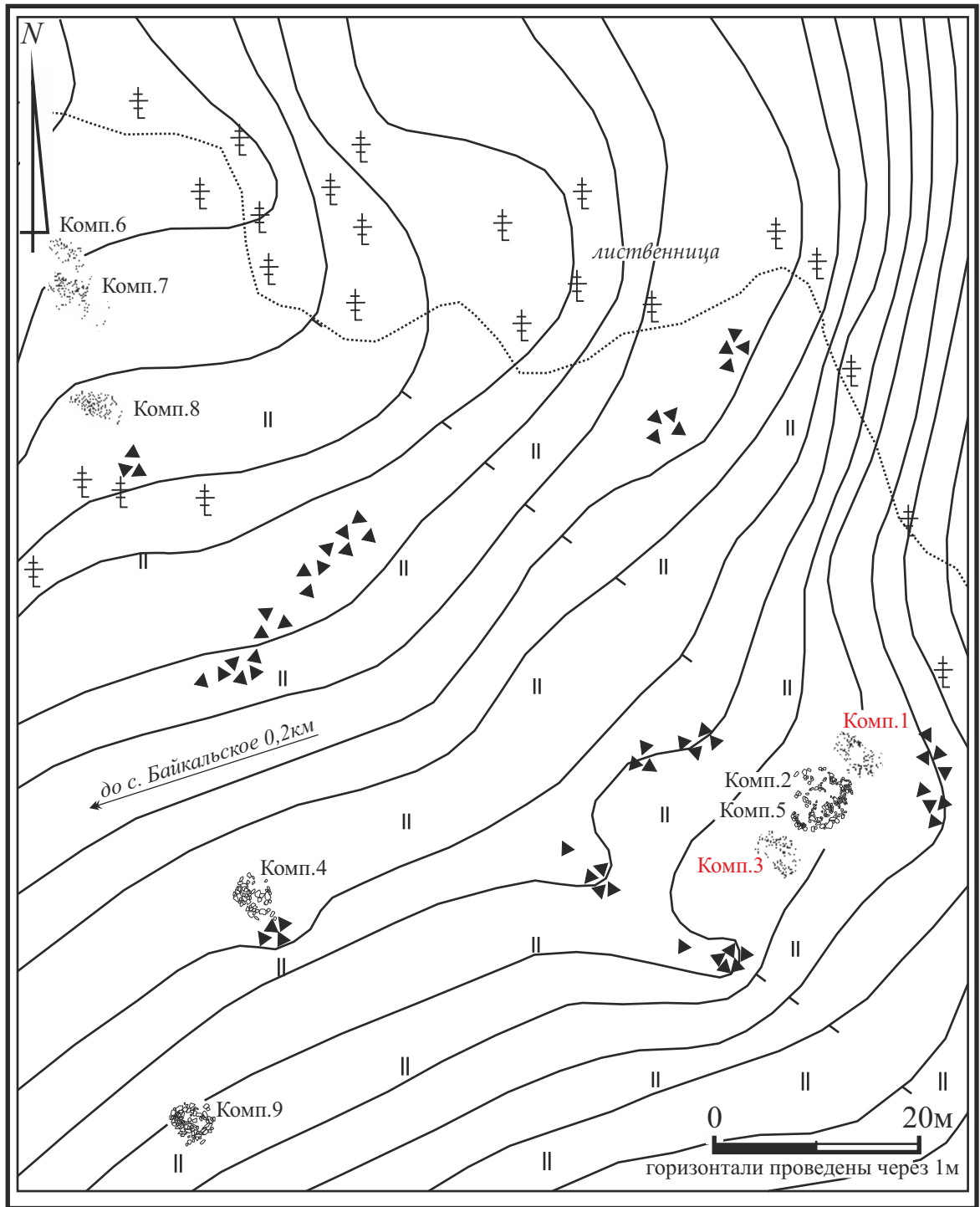
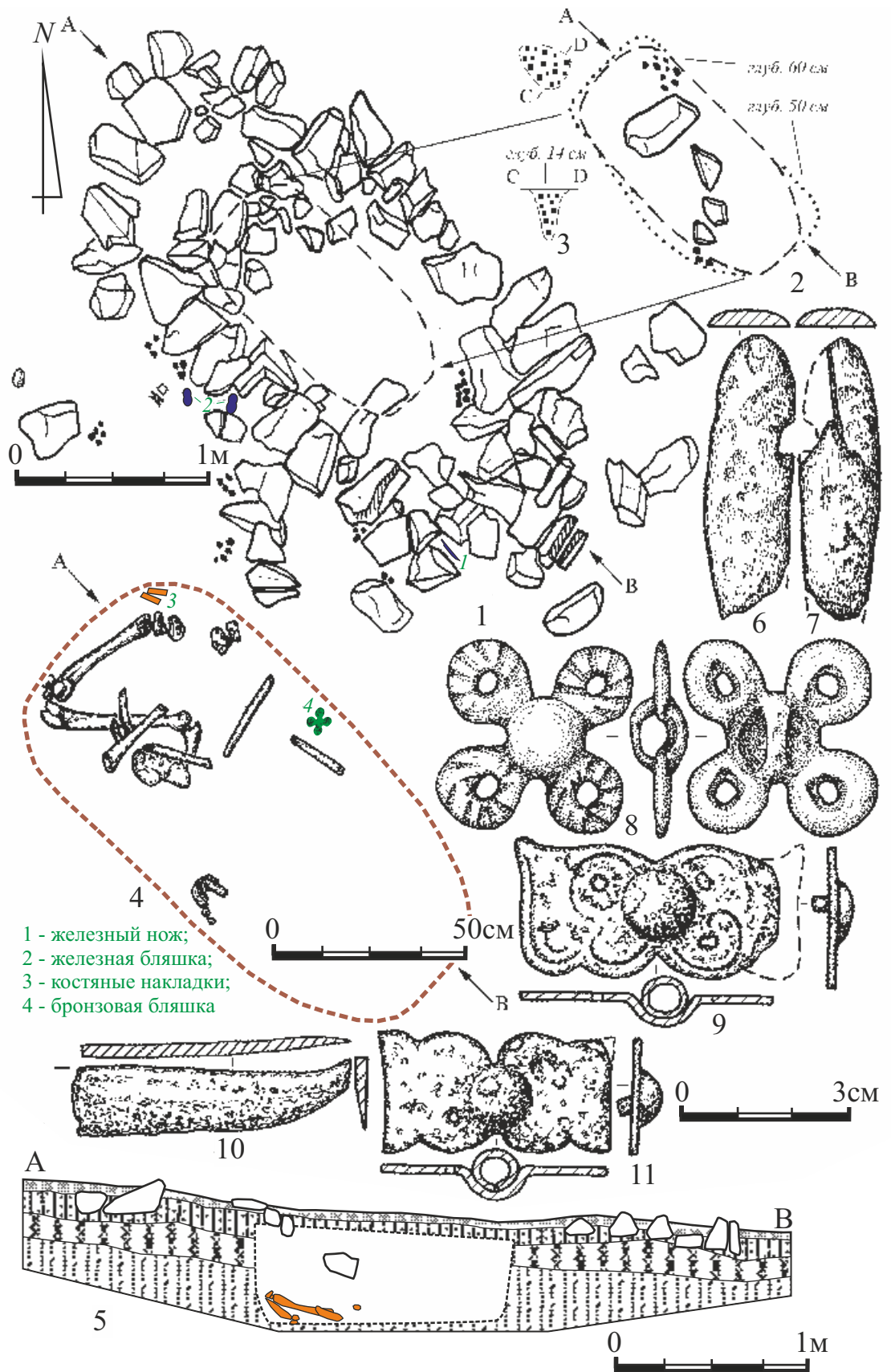

Рис.122. Карта-схема расположения памятника Байкальское XXXI

- 1 - железный нож;
- 2 - железная бляшка;
- 3 - костяные накладки;
- 4 - бронзовая бляшка

Рис.123. Байкальское XXXI, комплекс №1: 1- кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - угольное пятно; 4 - заполнение ямы; 5 - профильный разрез; 6-11 - сопроводительный инвентарь

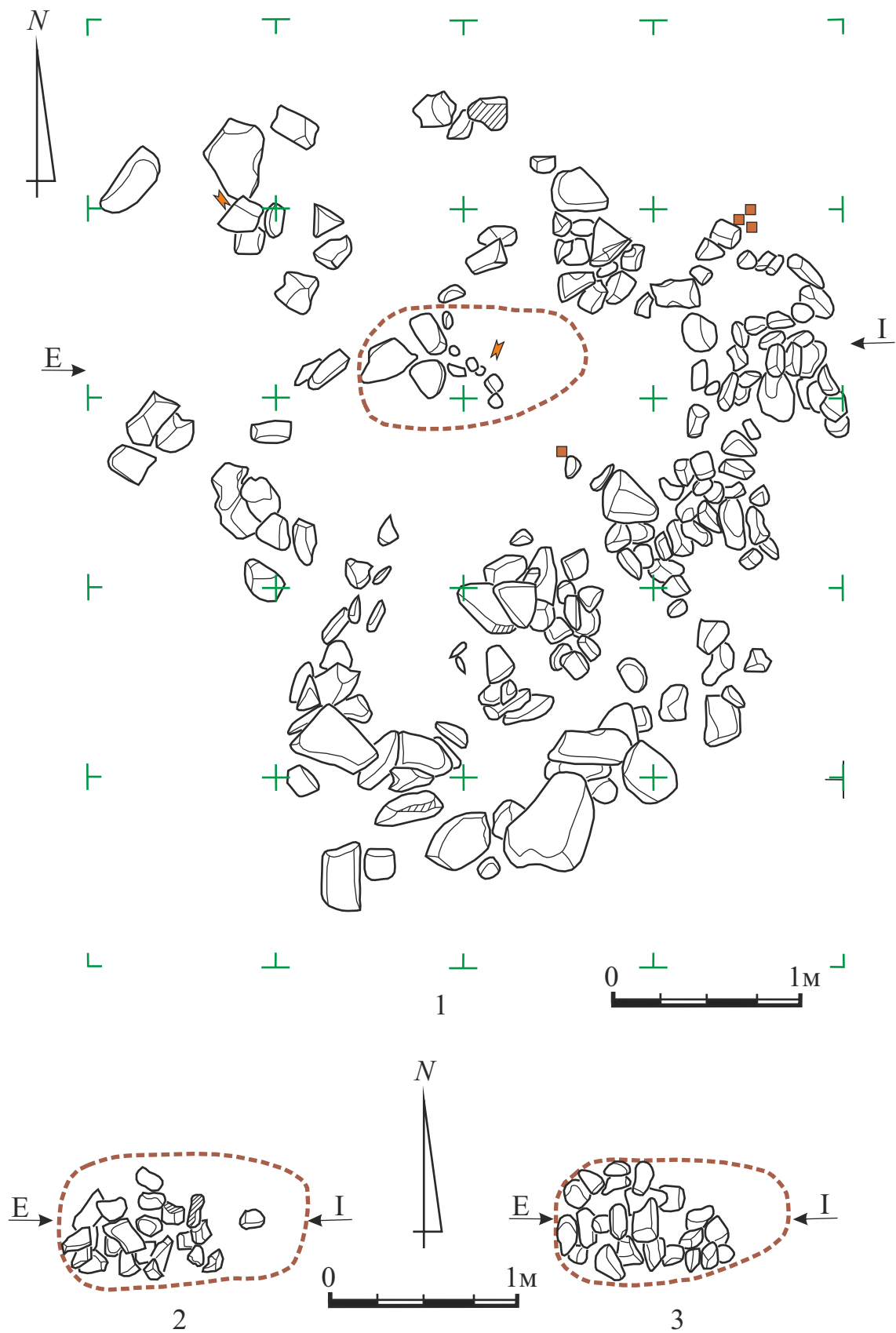

Рис.124. Байкальское XXXI, комплекс №2: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - заполнение ямы

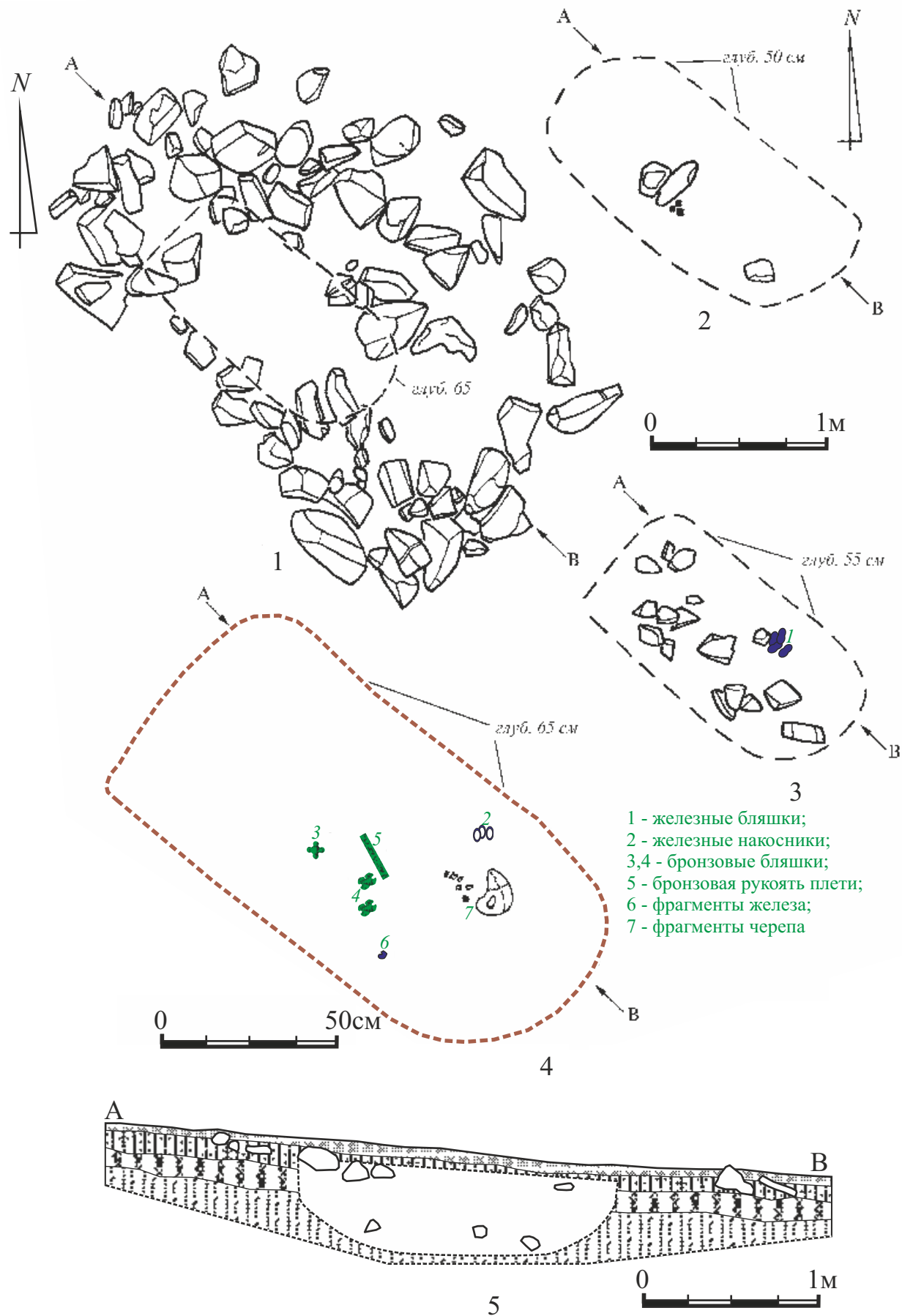

Рис.125. Байкальское XXXI, комплекс №3: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - надмогильное перекрытие; 4 - заполнение ямы; 5 - профильный разрез

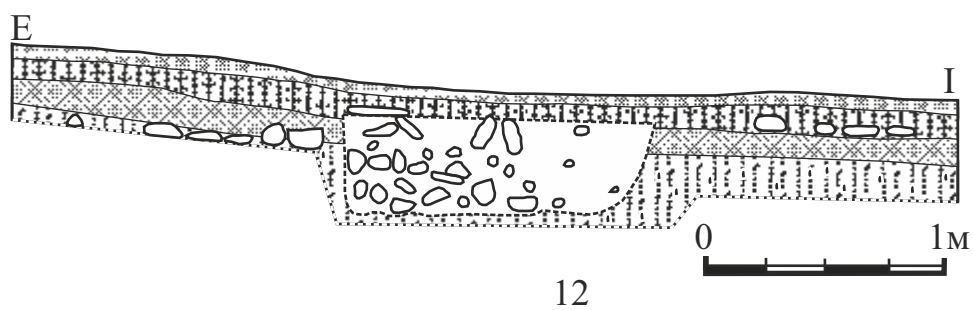
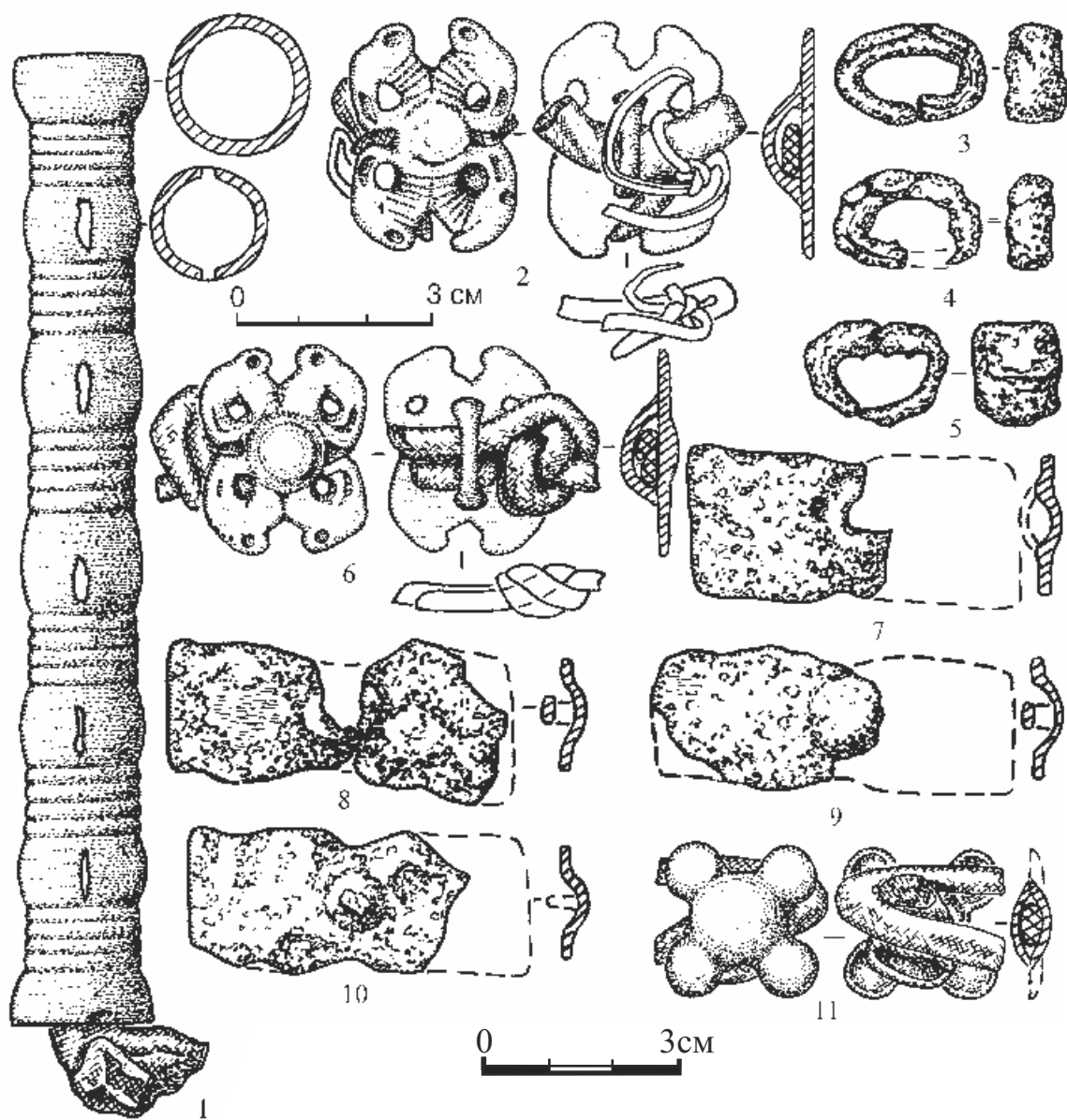
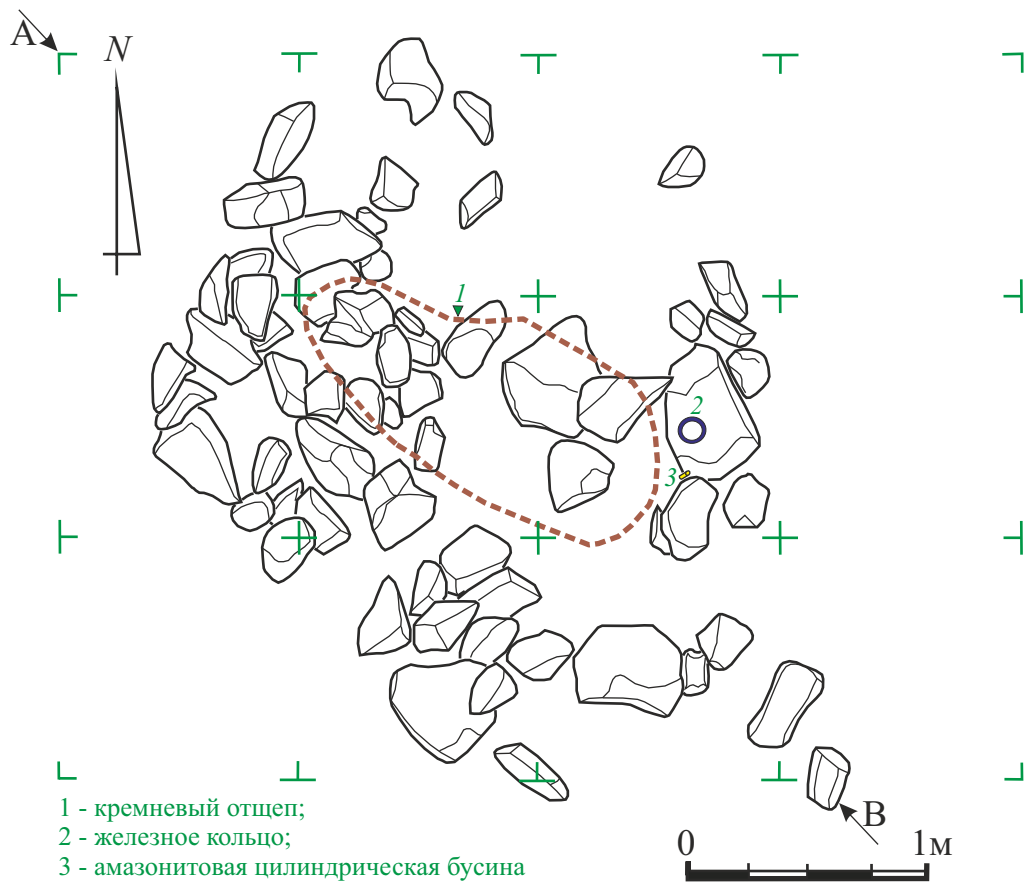
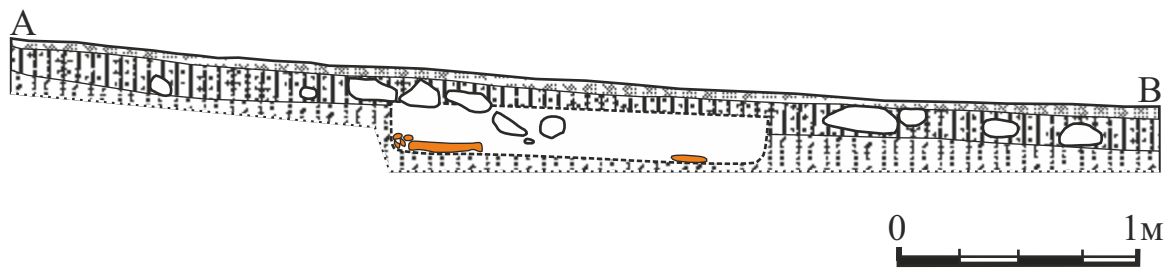

Рис.126. Байкальское XXXI: 1-11 - комплекс №3: сопроводительный инвентарь;
12 - комплекс №2: профильный разрез

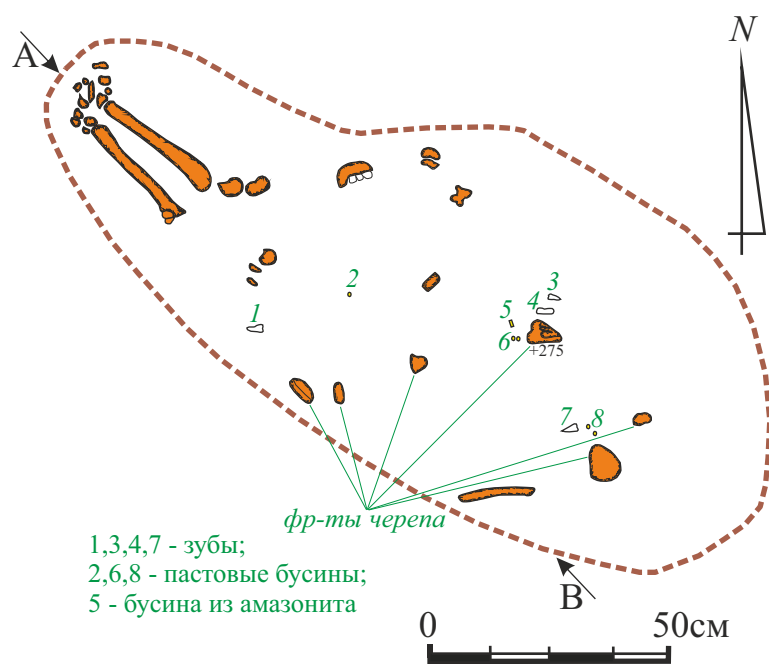

1

2

Рис.127. Байкальское XXXI, комплекс №4: 1 - кладка после расчистки;
 2 - профильный разрез

1

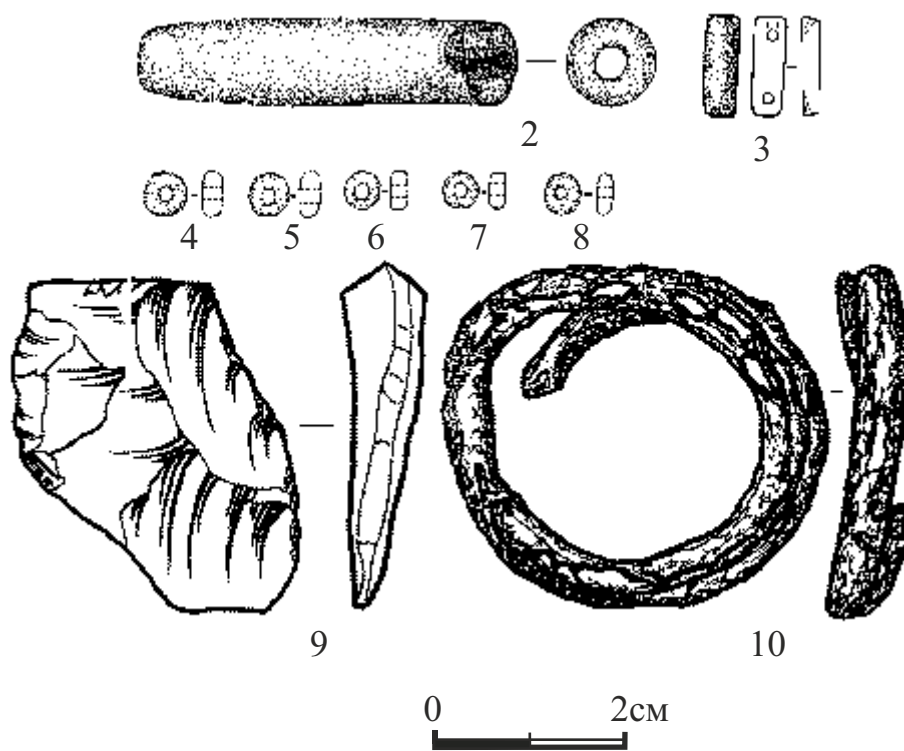

Рис.128. Байкальское XXXI, комплекс №4: 1 - заполнение ямы; 2-10 - сопроводительный инвентарь. 2-9 - камень, 10 - железо

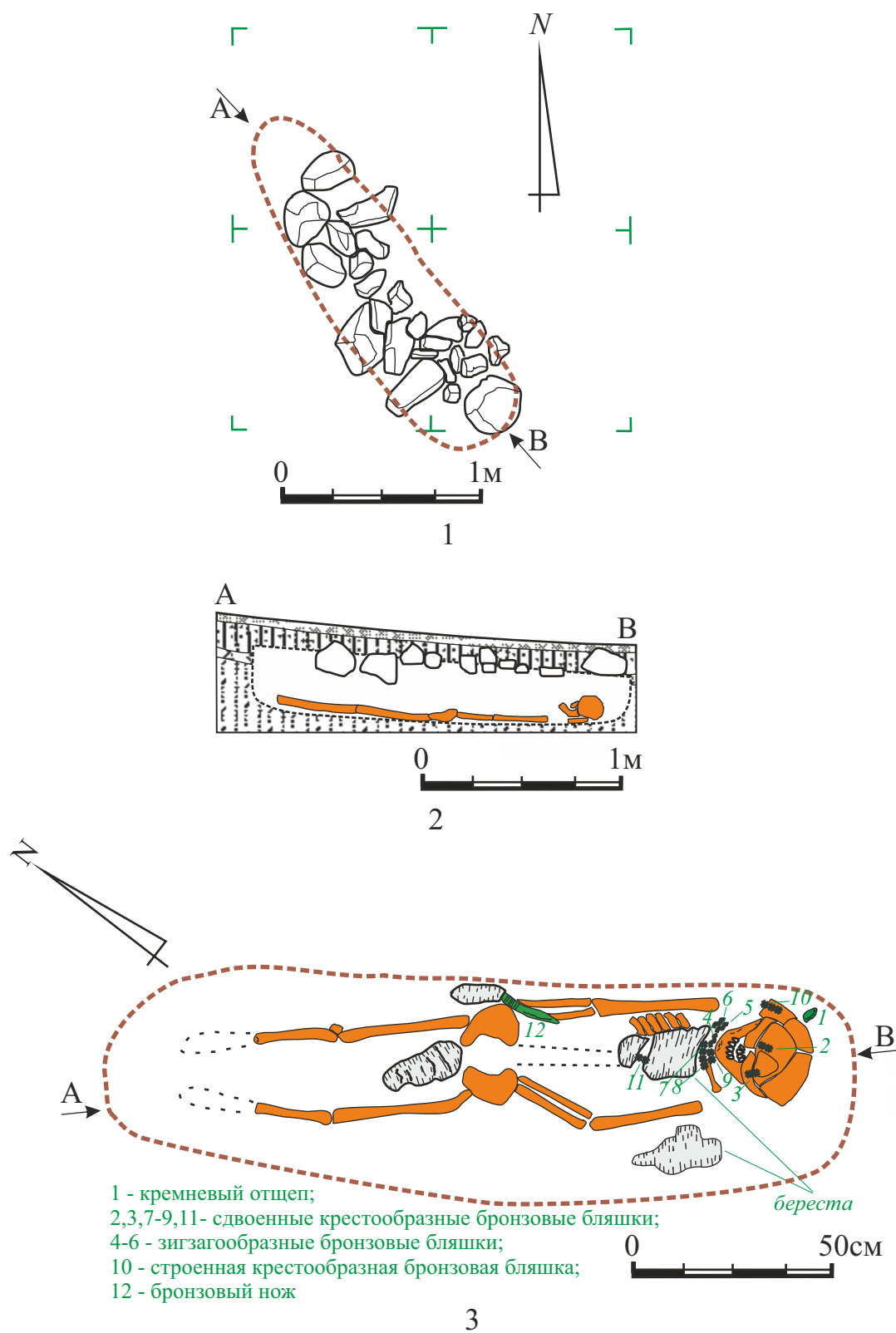

Рис.129. Байкальское XXXI, комплекс № 5: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильный разрез; 3 - заполнение ямы

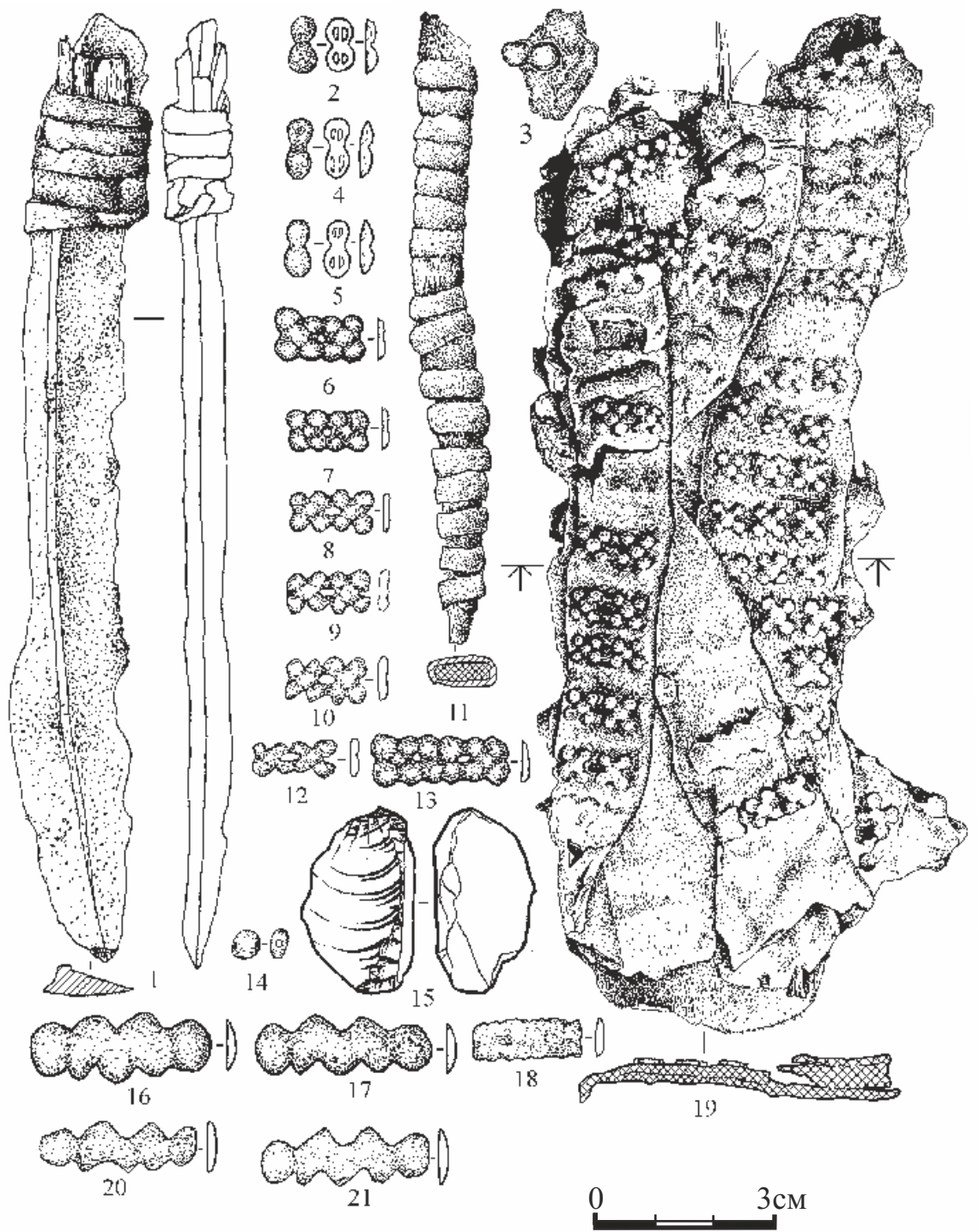
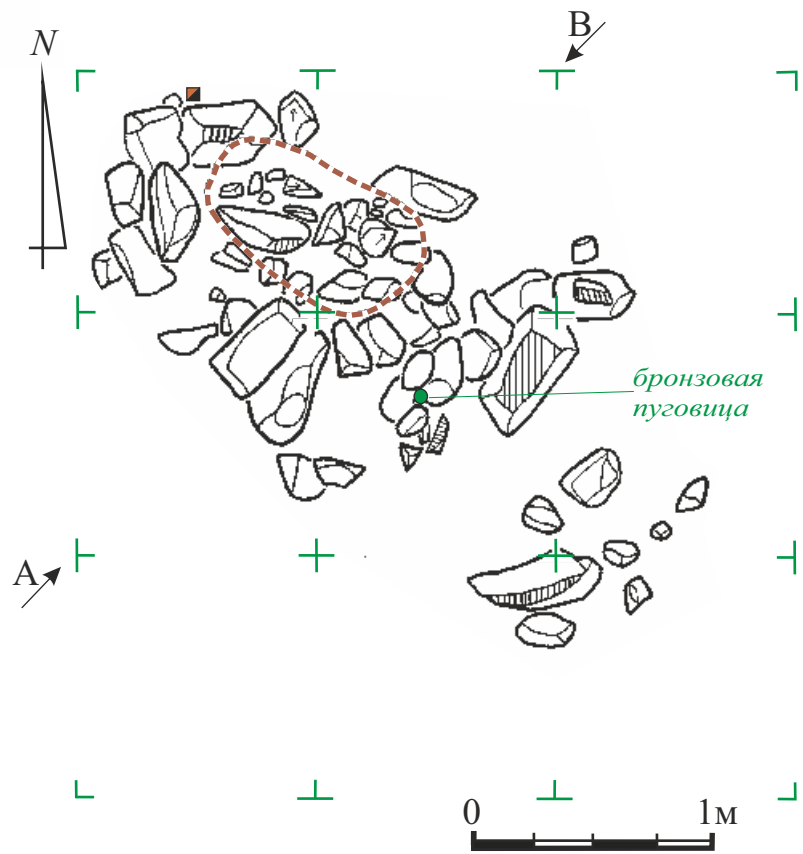
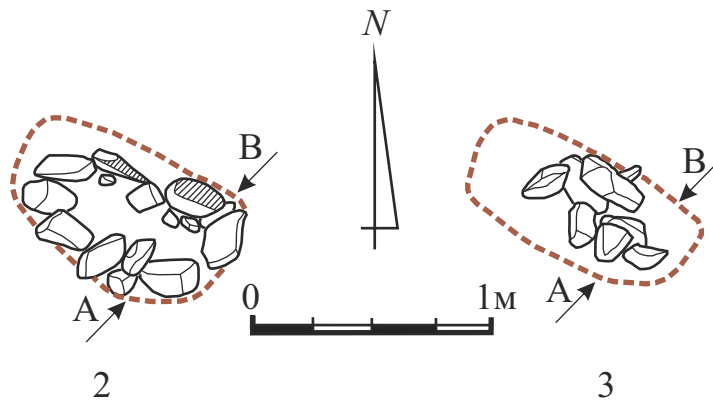

Рис.130. Байкальское XXXI, комплекс № 5: сопроводительный инвентарь

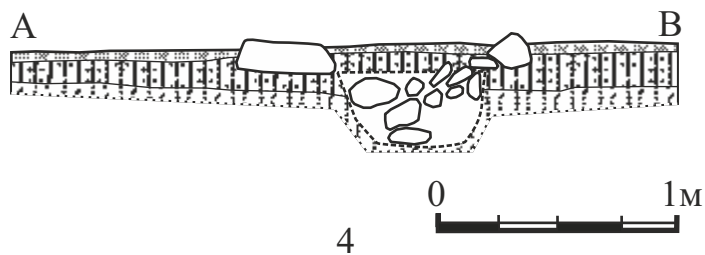

1

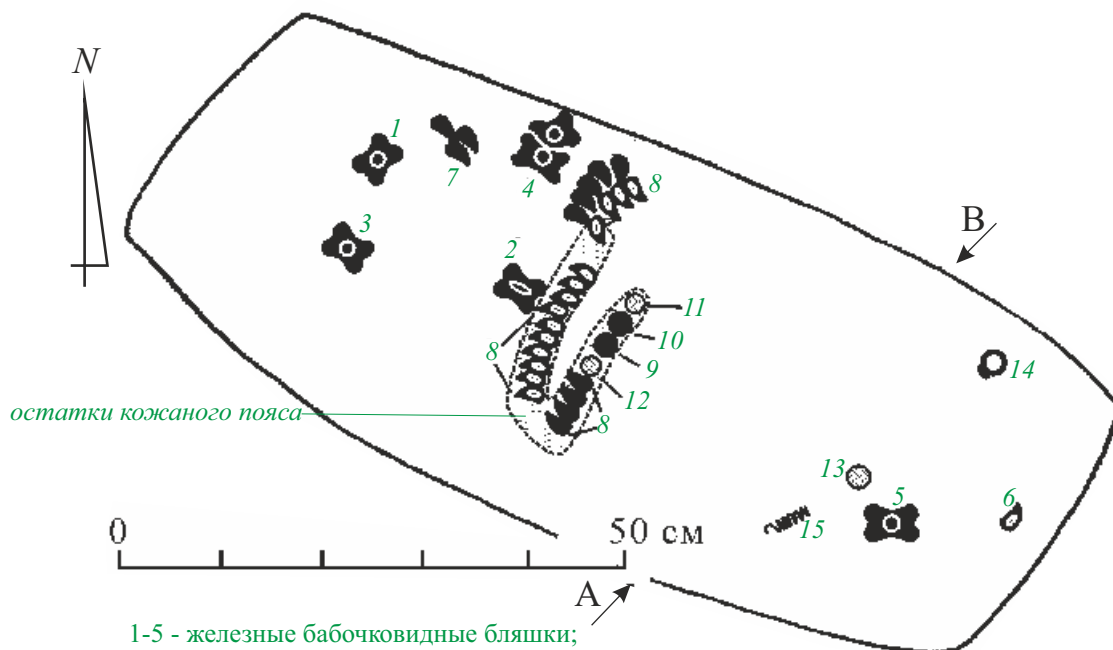
2

3

4

Рис.131. Байкальское XXXI, комплекс № 6: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - второй уровень расчистки; 4 - профильный разрез

- 1-5 - железные бабочковидные бляшки;
 6-8 - железные бляшки в виде головы грифона;
 9,10 - железные сферические бляшки;
 11-13 - бронзовые сферические бляшки;
 14 - круглая золотая серьга;
 15 - спиралевидная серебряная серьга

1

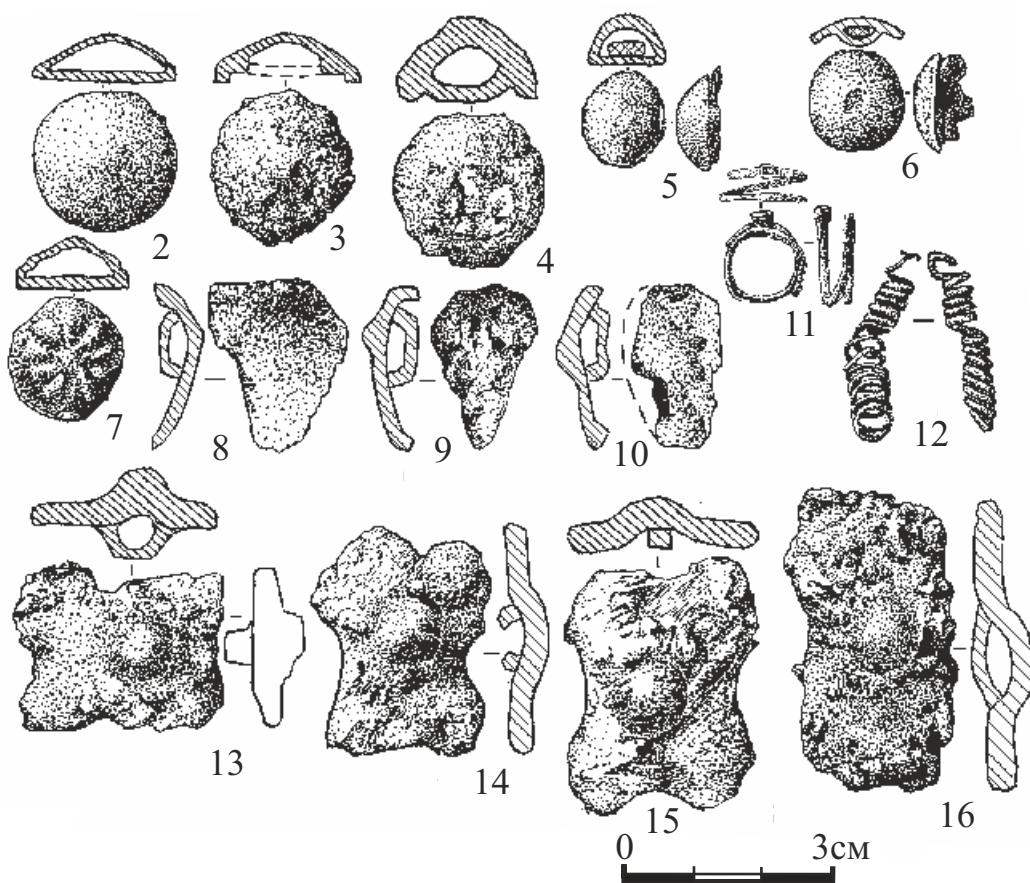

Рис.132. Байкальское XXXI, комплекс № 6: 1 - заполнение ямы;
 2-16 - сопроводительный инвентарь.
 2,5-7 - бронза, 3,4,8-10,13-16 - железо, 11 - золото, 12 - серебро

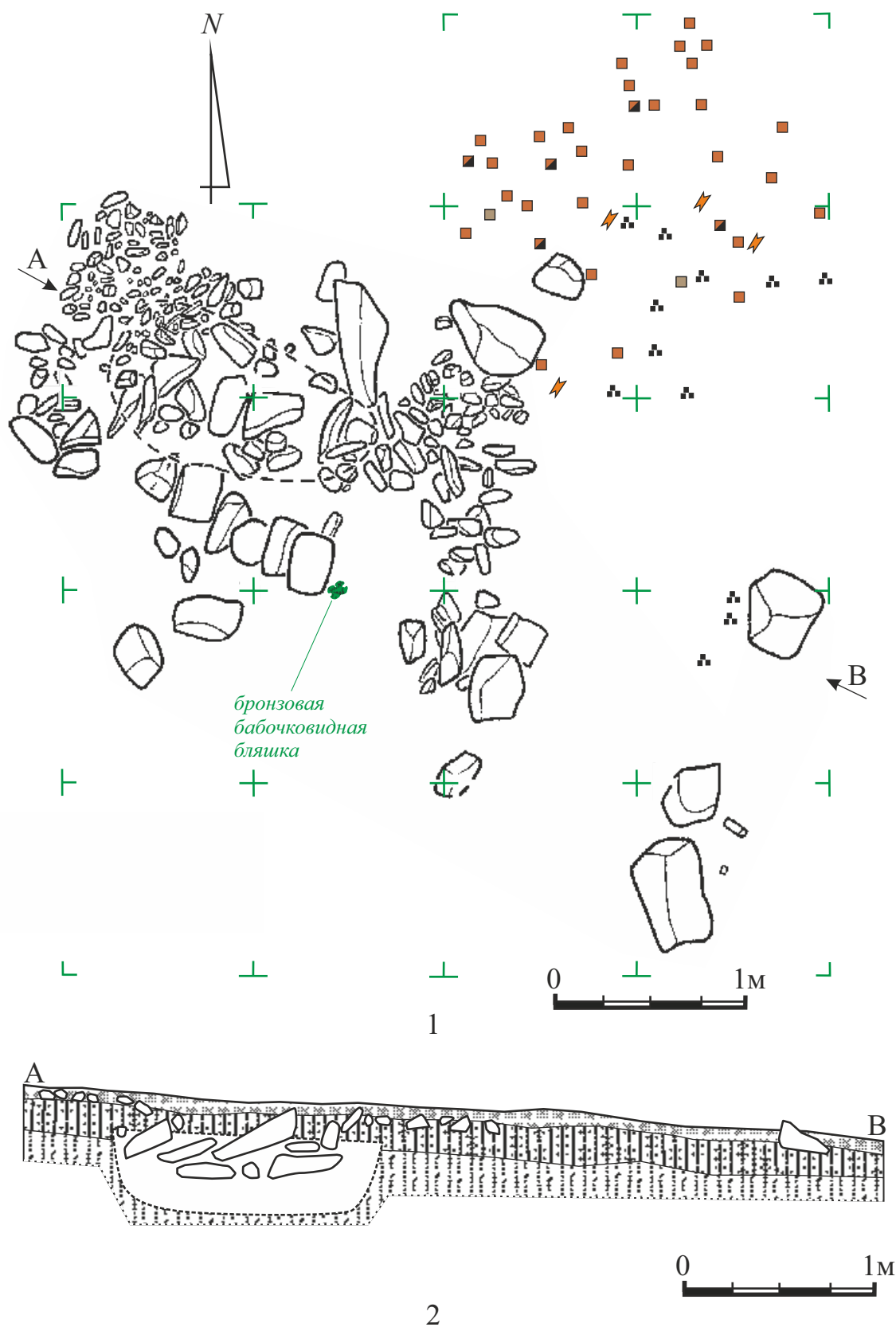

Рис.133. Байкальское XXXI, комплекс № 7: 1 - кладка после расчистки; 2 - профильный разрез

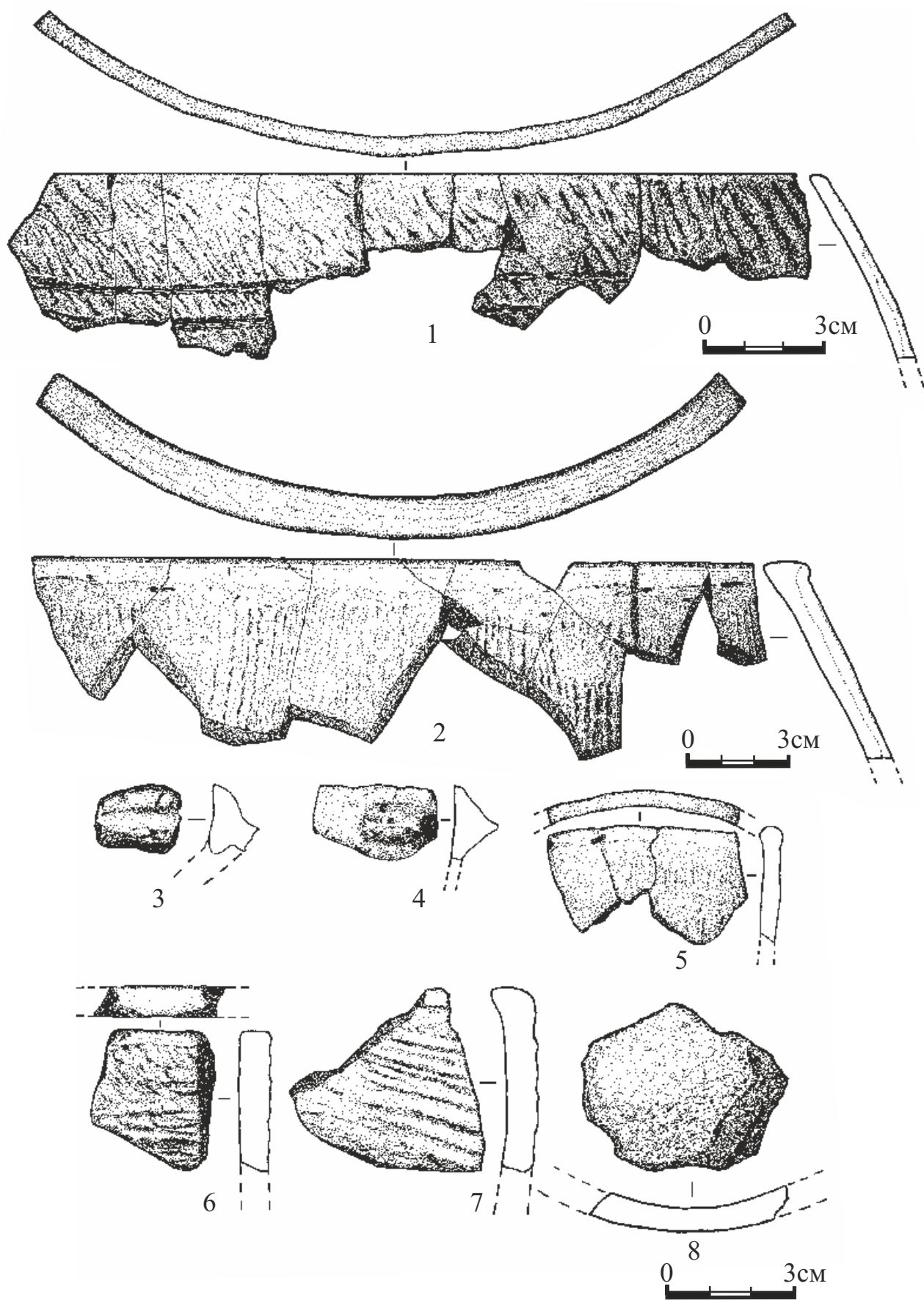

Рис.134. Байкальское XXXI, комплекс №7: фрагменты керамики

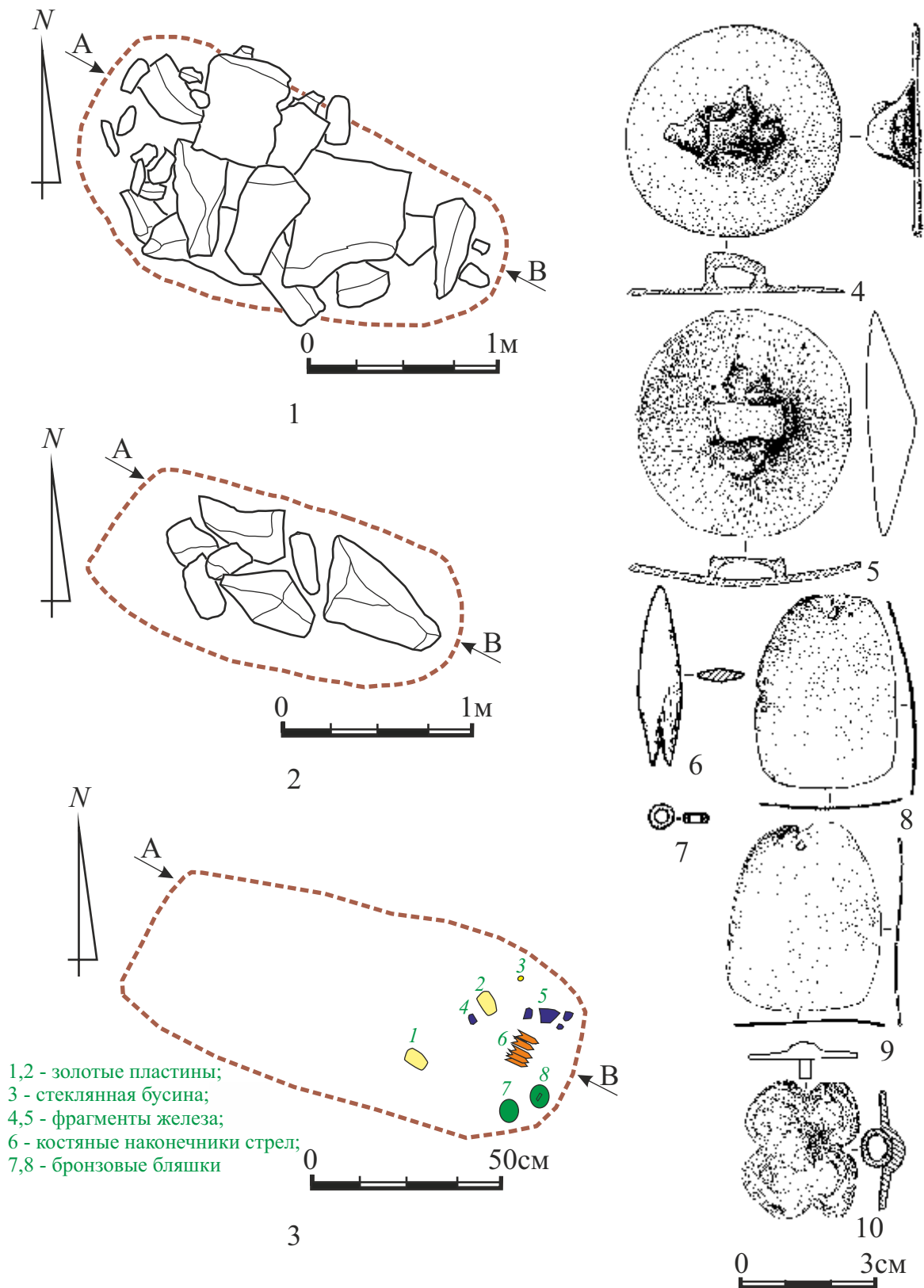

Рис.135. Байкальское XXXI, комплекс №7: 1 - первый уровень расчистки;
 2 - второй уровень расчистки; 3 - заполнение ямы;
 4-10 - сопроводительный инвентарь

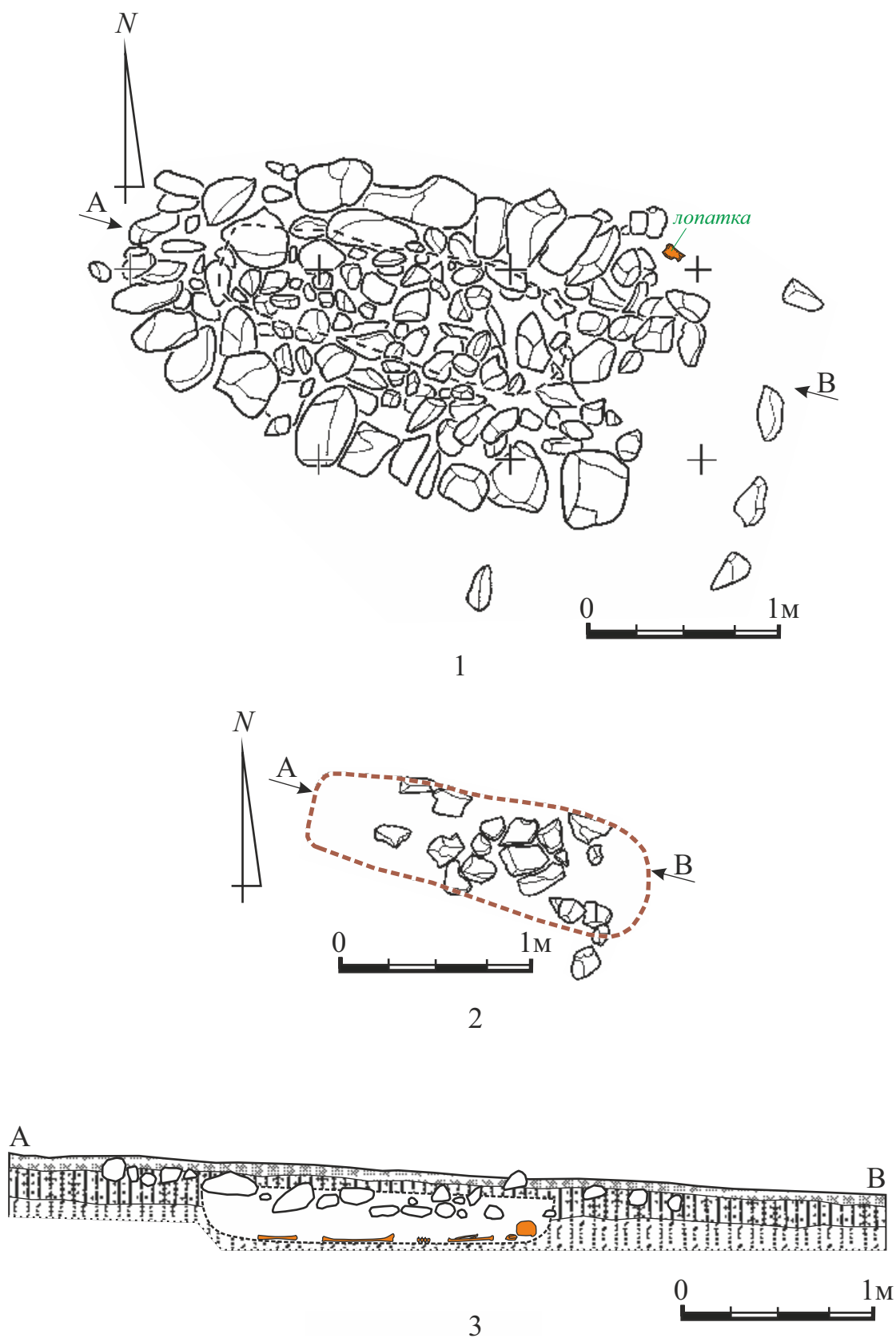

Рис.136. Байкальское XXXI, комплекс №8: 1 - кладка после расчистки; 2 - надмогильное перекрытие; 3 - профильный разрез

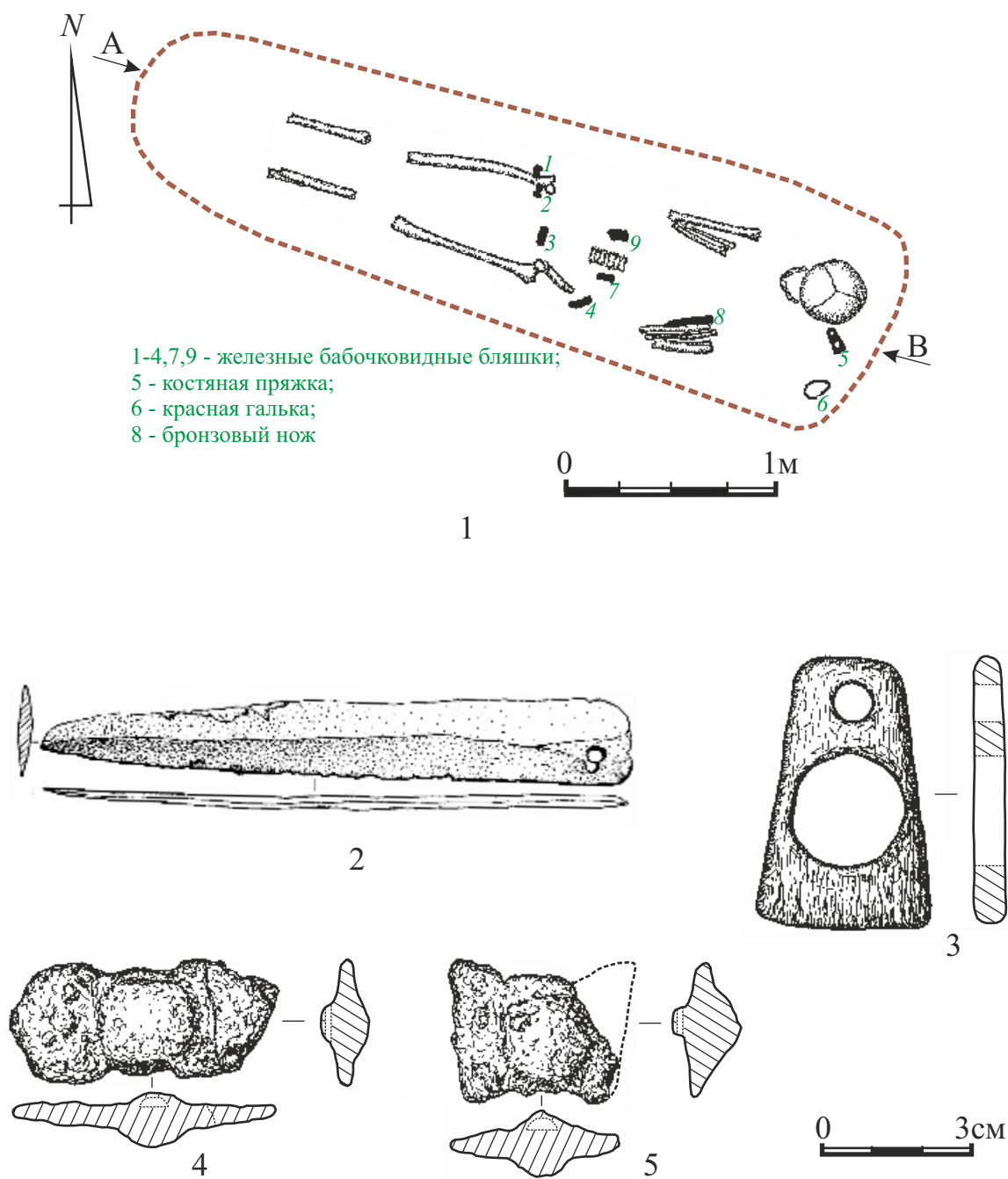
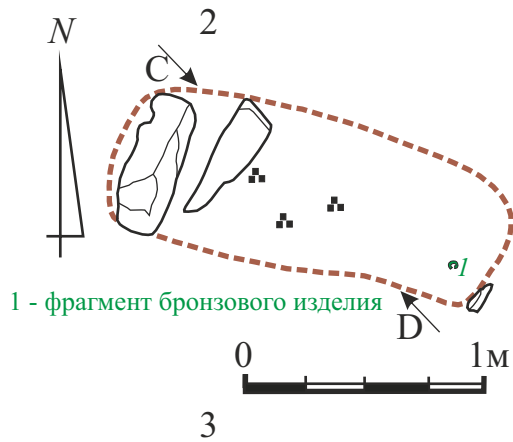
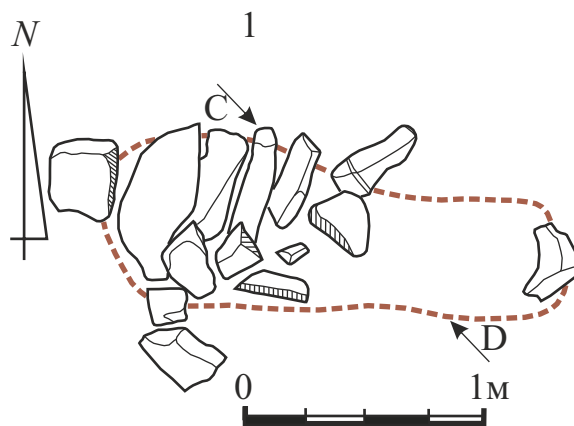
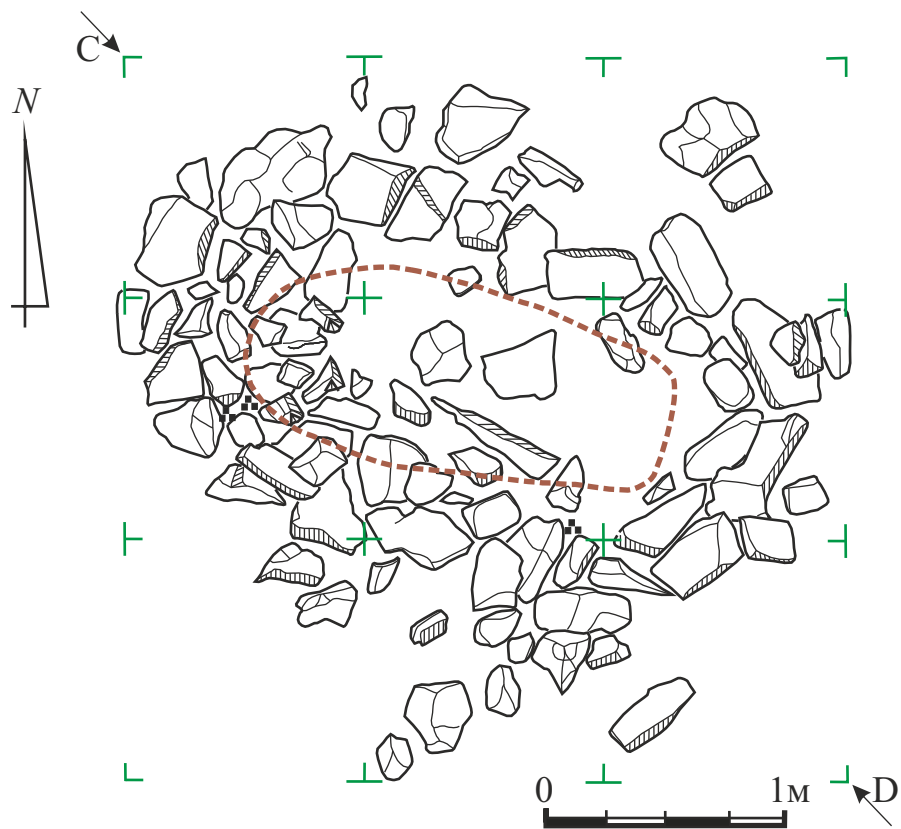

Рис.137. Байкальское XXXI, комплекс №8: 1 - заполнение ямы;
 2-5 - сопроводительный инвентарь

3

Рис.138. Байкальское XXXI, комплекс №9: 1 - кладка после расчистки; 2 - первый уровень расчистки; 3 - второй уровень расчистки

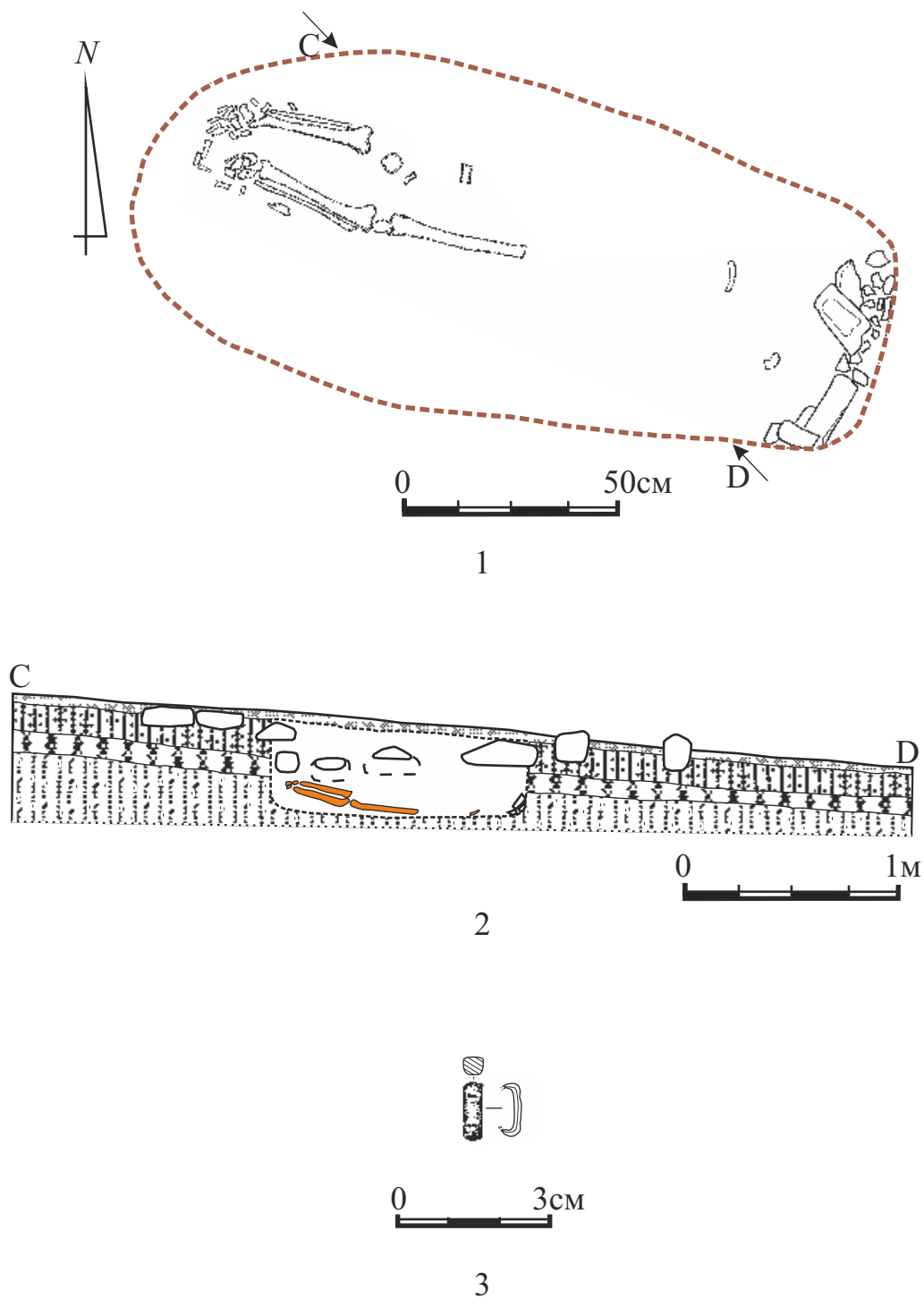

Рис.139. Байкальское XXXI, комплекс №9: 1 - заполнение ямы; 2 - профильный разрез; 3 - фрагмент бронзового изделия

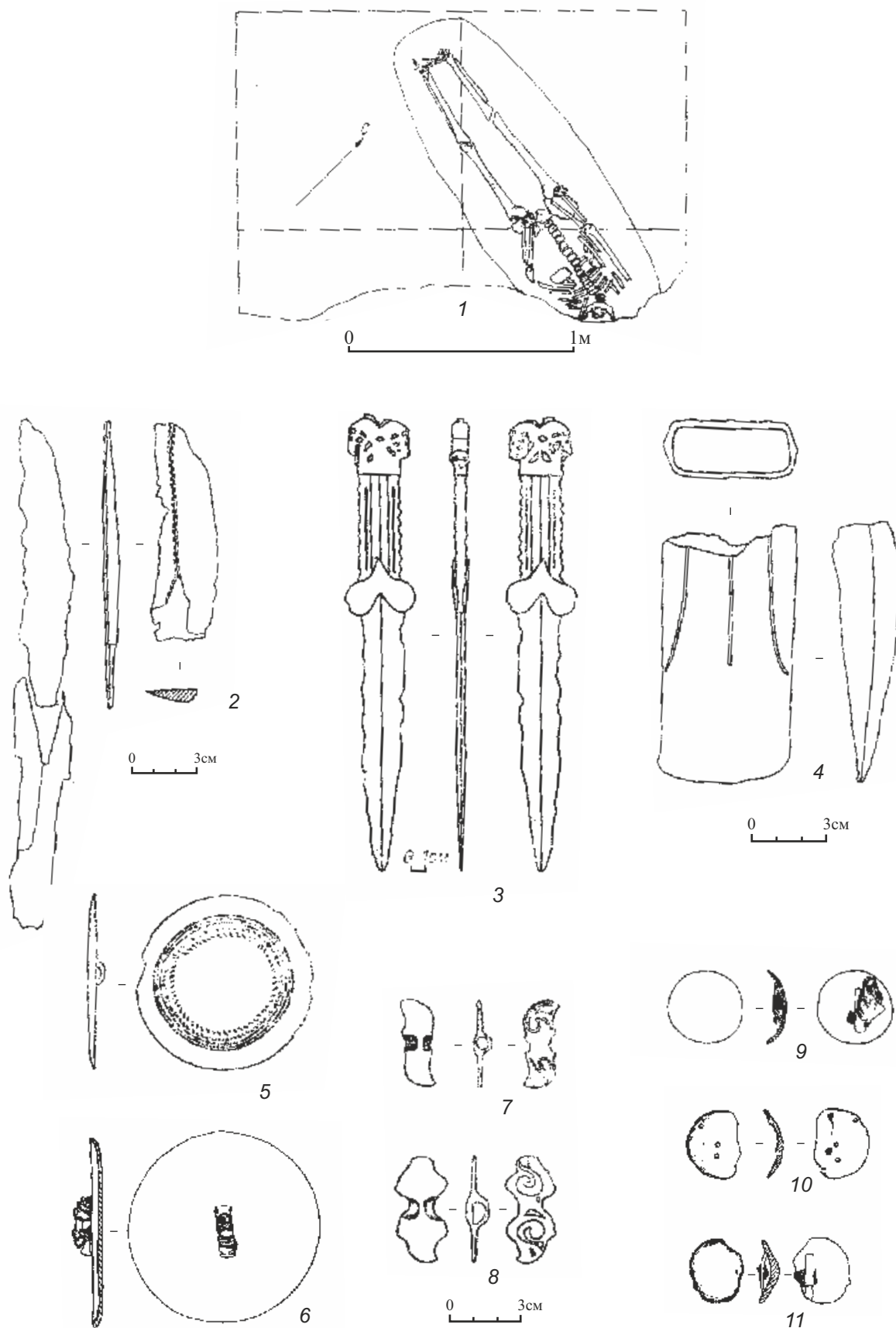
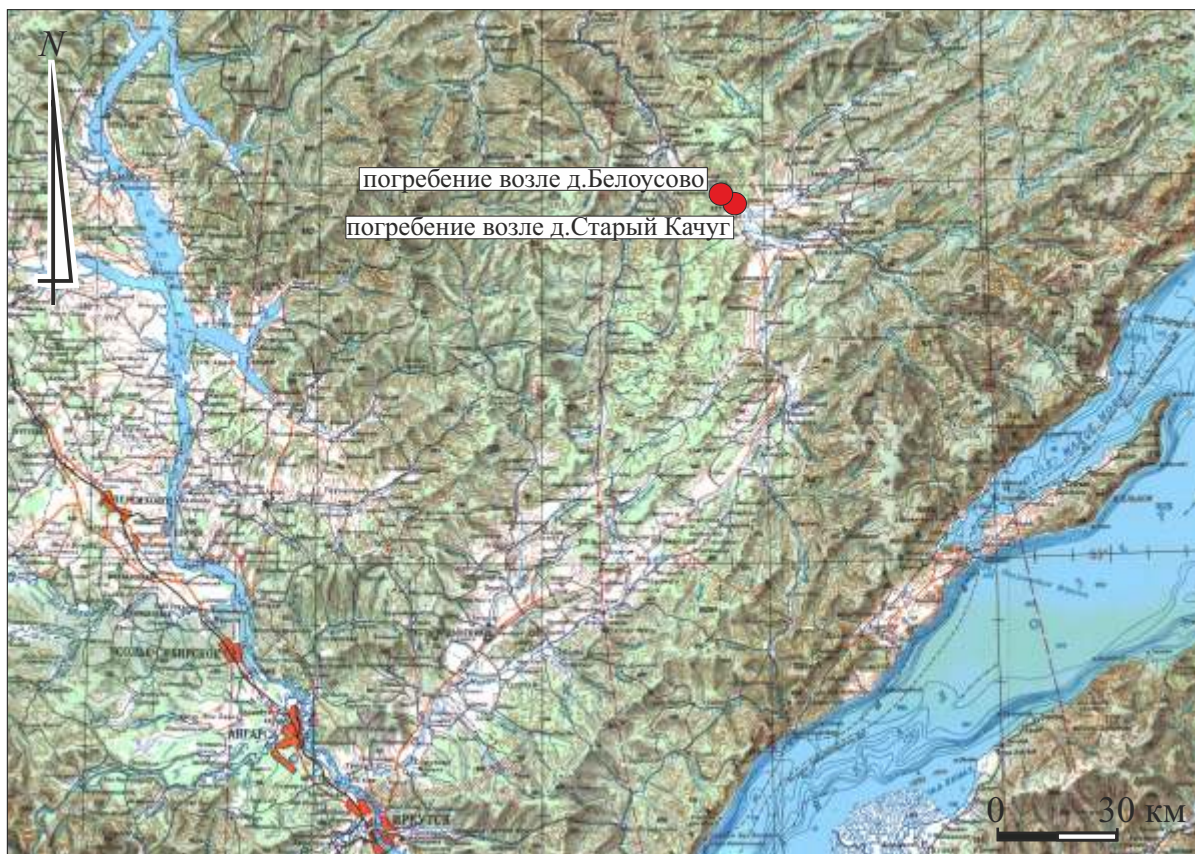

Рис.140. Курла II, погребения с бронзовым инвентарем:
 1 - план погребения № 3; 2, 4, 6, 9-11 - погребение № 1; 3, 5, 7, 8 - погребение № 2
 (по П.Е. Шмыгуну, Н.Ф. Сергеевой, Ю.П. Лыхину, 1981)

1

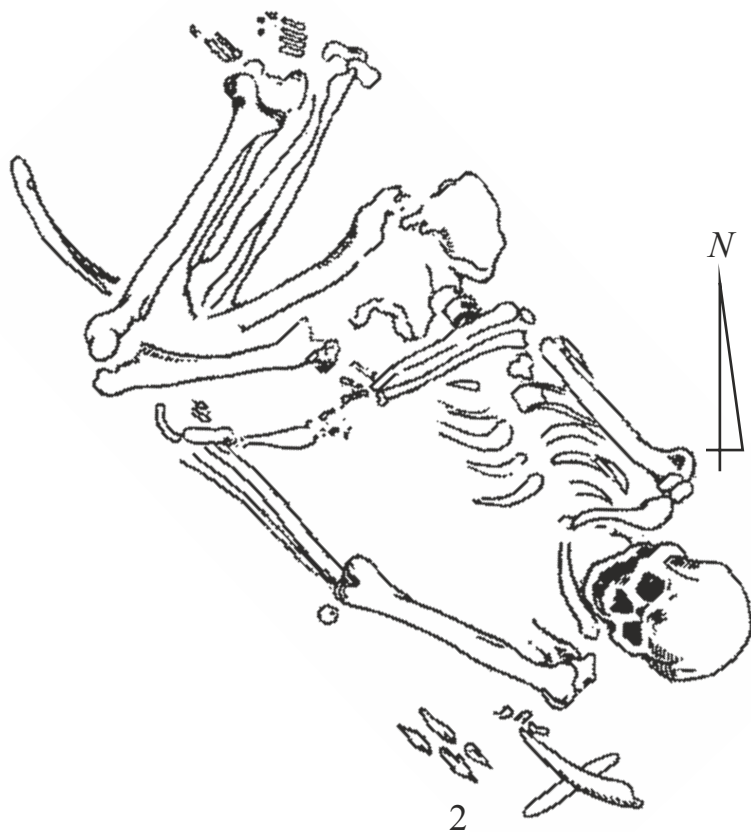

Рис.141. 1 - Карта-схема обнаружения погребения возле д. Белоусово (Иркутская область, Качугский район); 2 - погребение возле д. Белоусово (раскопки А.П. Окладникова, 1928)

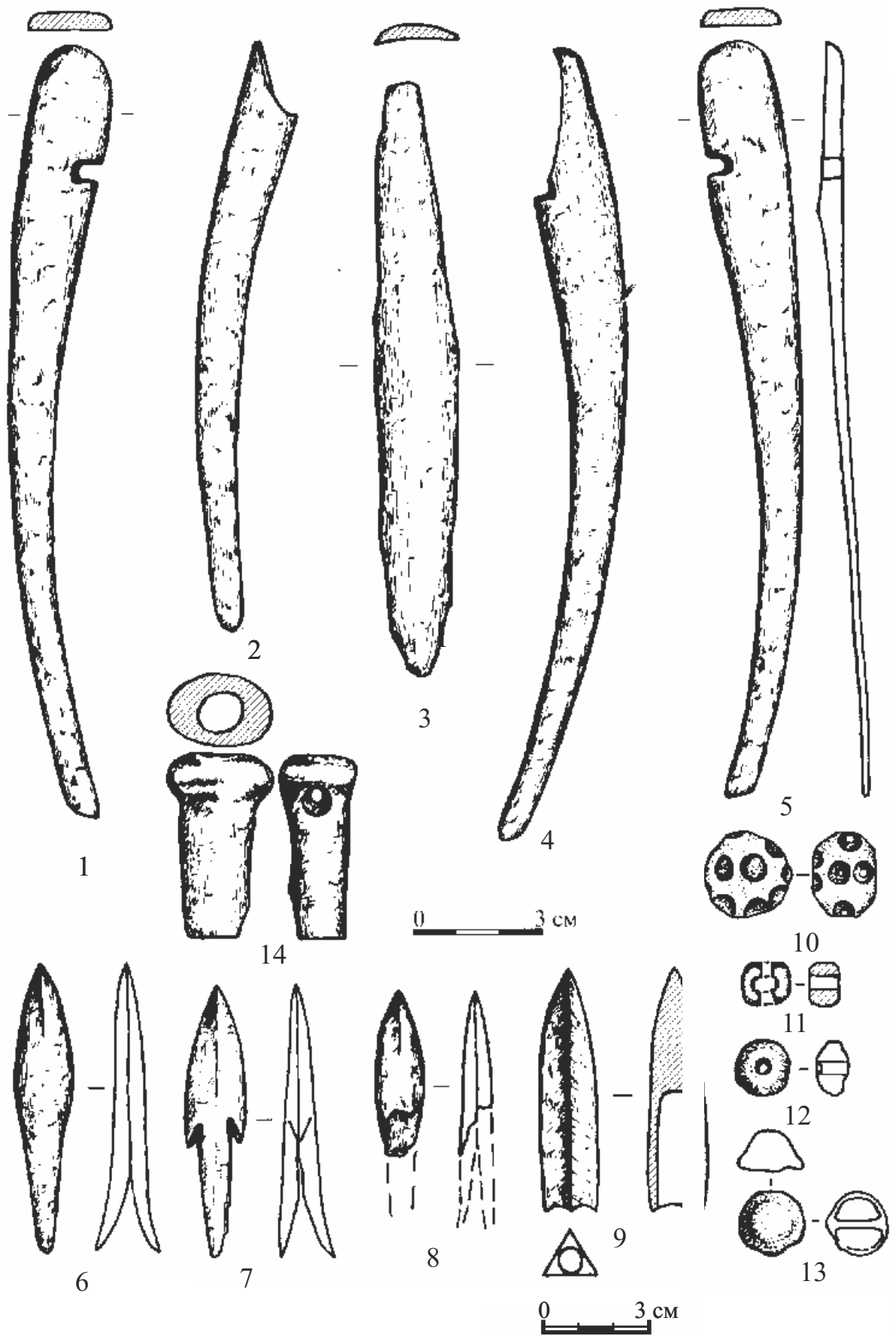

Рис.142. Погребение возле д. Белоусово (Верхняя Лена):
сопроводительный инвентарь (раскопки А.П. Окладникова, 1928)

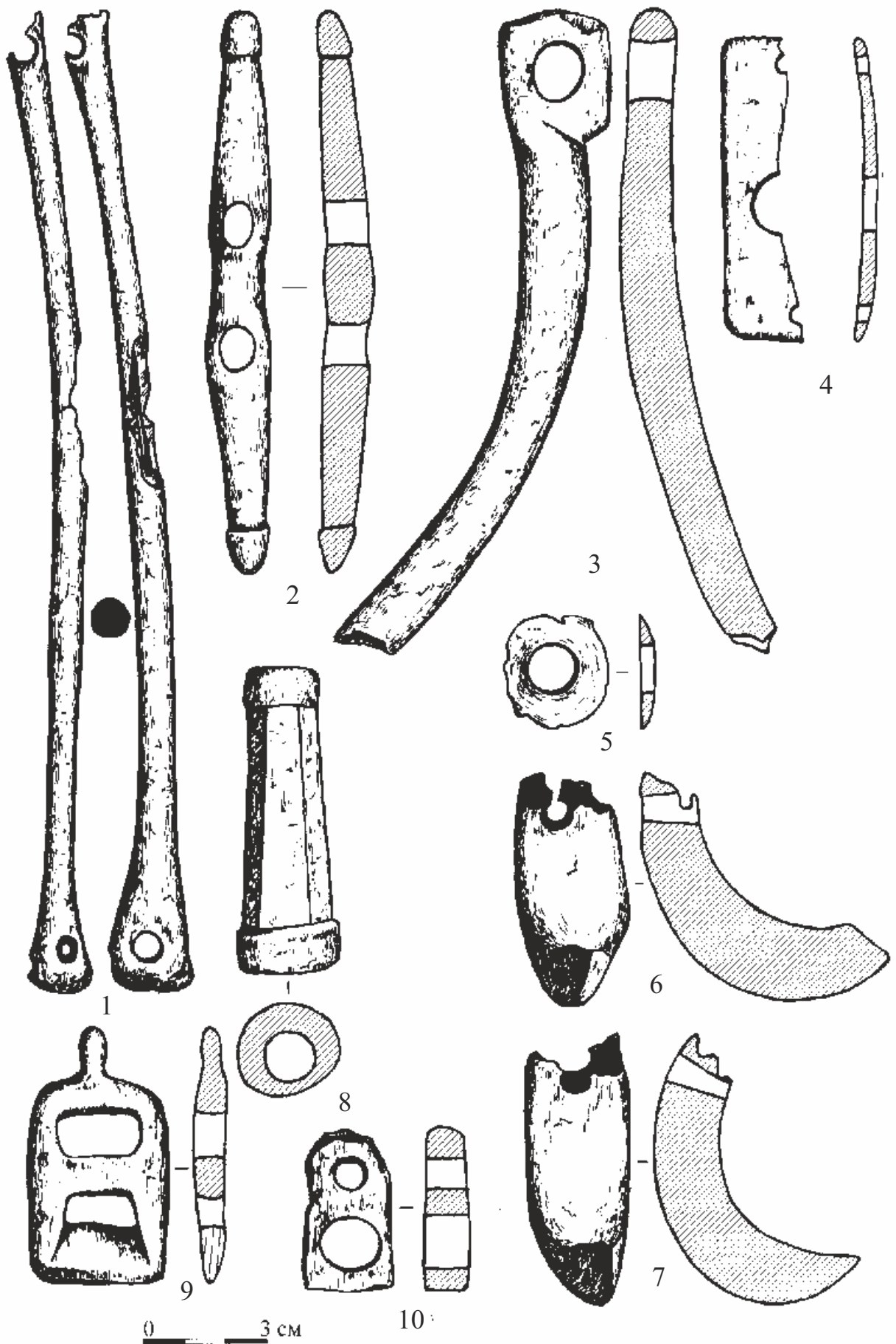

Рис.143. Погребение у с. Старый Качуг (Верхняя Лена):
сопроводительный инвентарь (раскопки А.П. Окладникова, 1928)

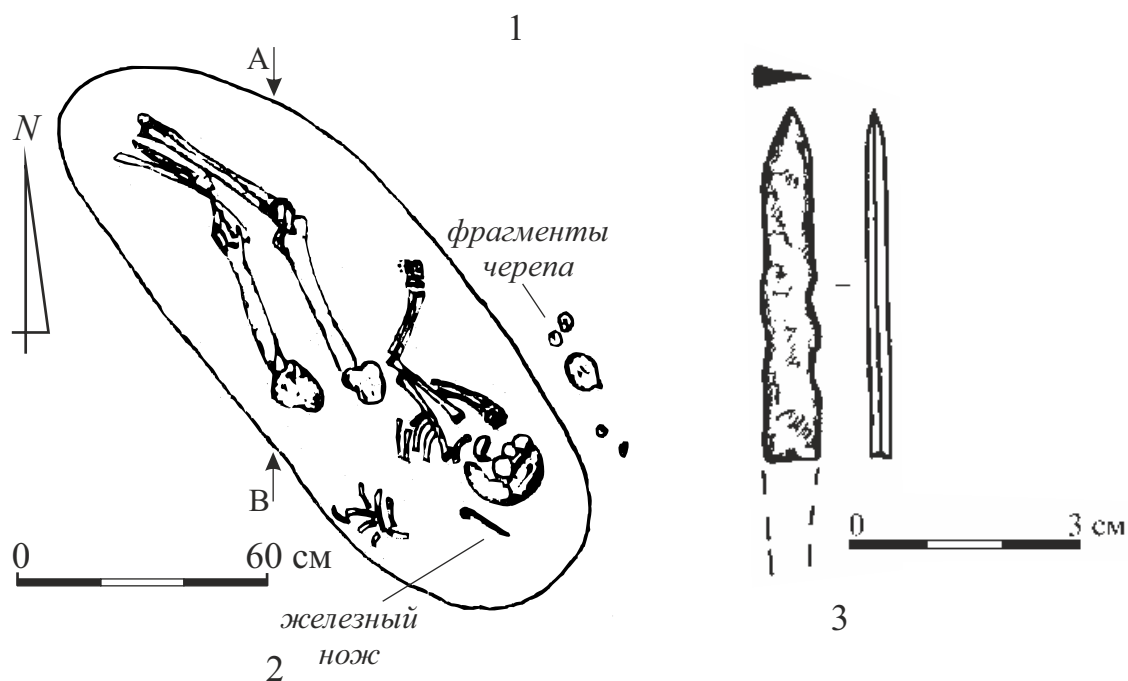
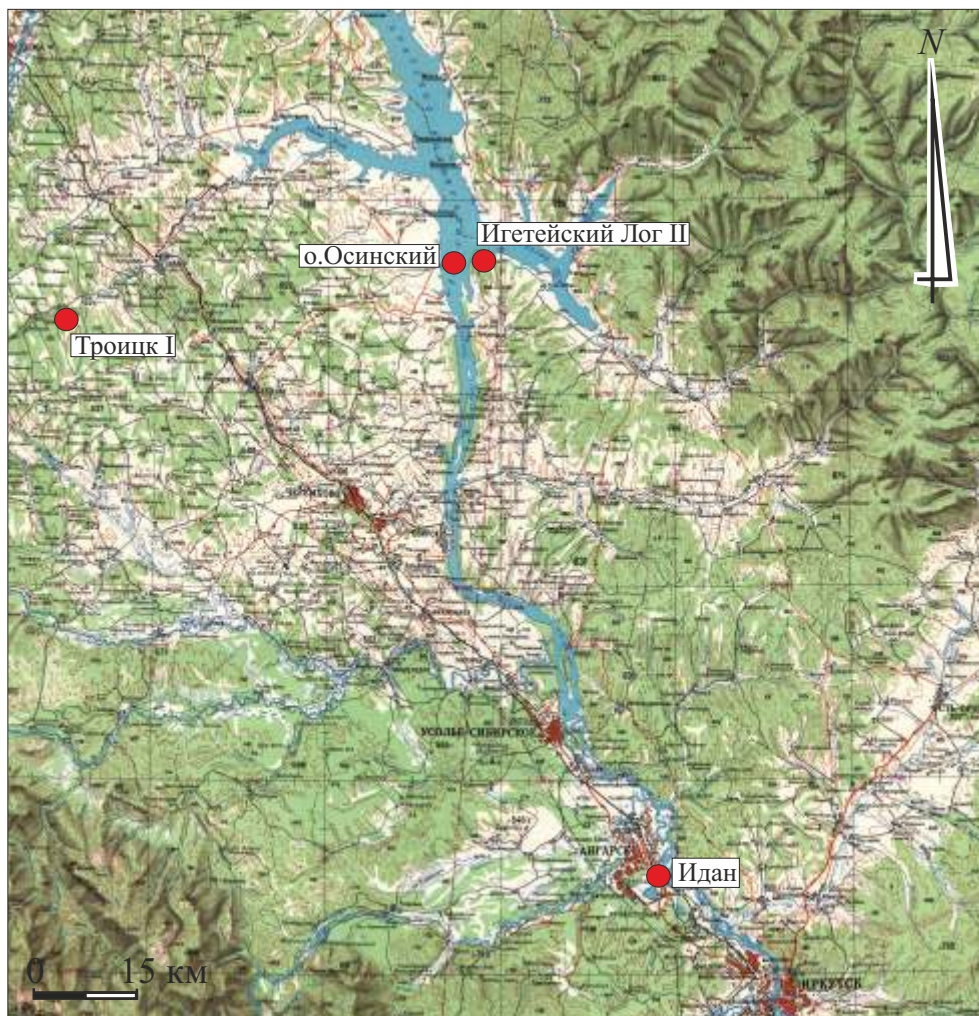

Рис.144. 1 - Карта-схема долины р. Ангары с расположением погребально-поминальных комплексов с бутухейским и елгинским типом захоронений; 2 - погребение №3 с о.Осинский; 3 - железный нож (раскопки В.И. Смотровой, 1982)

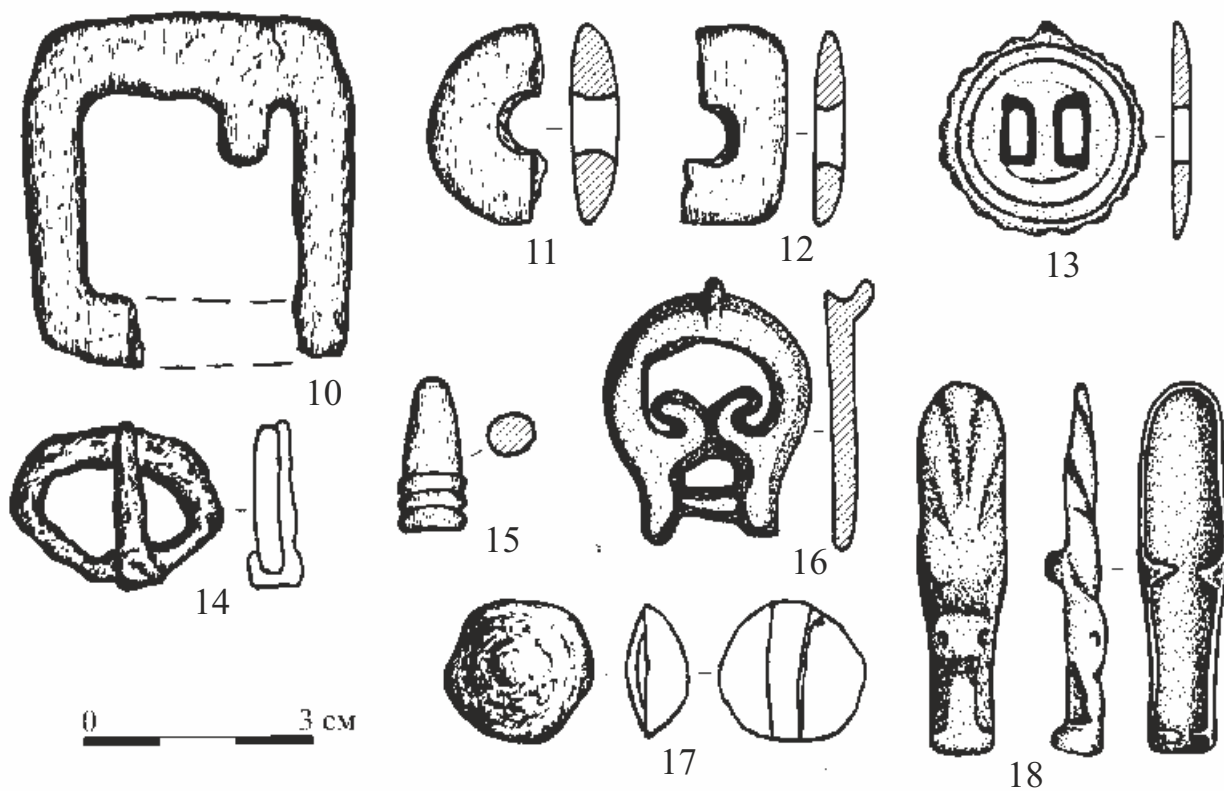
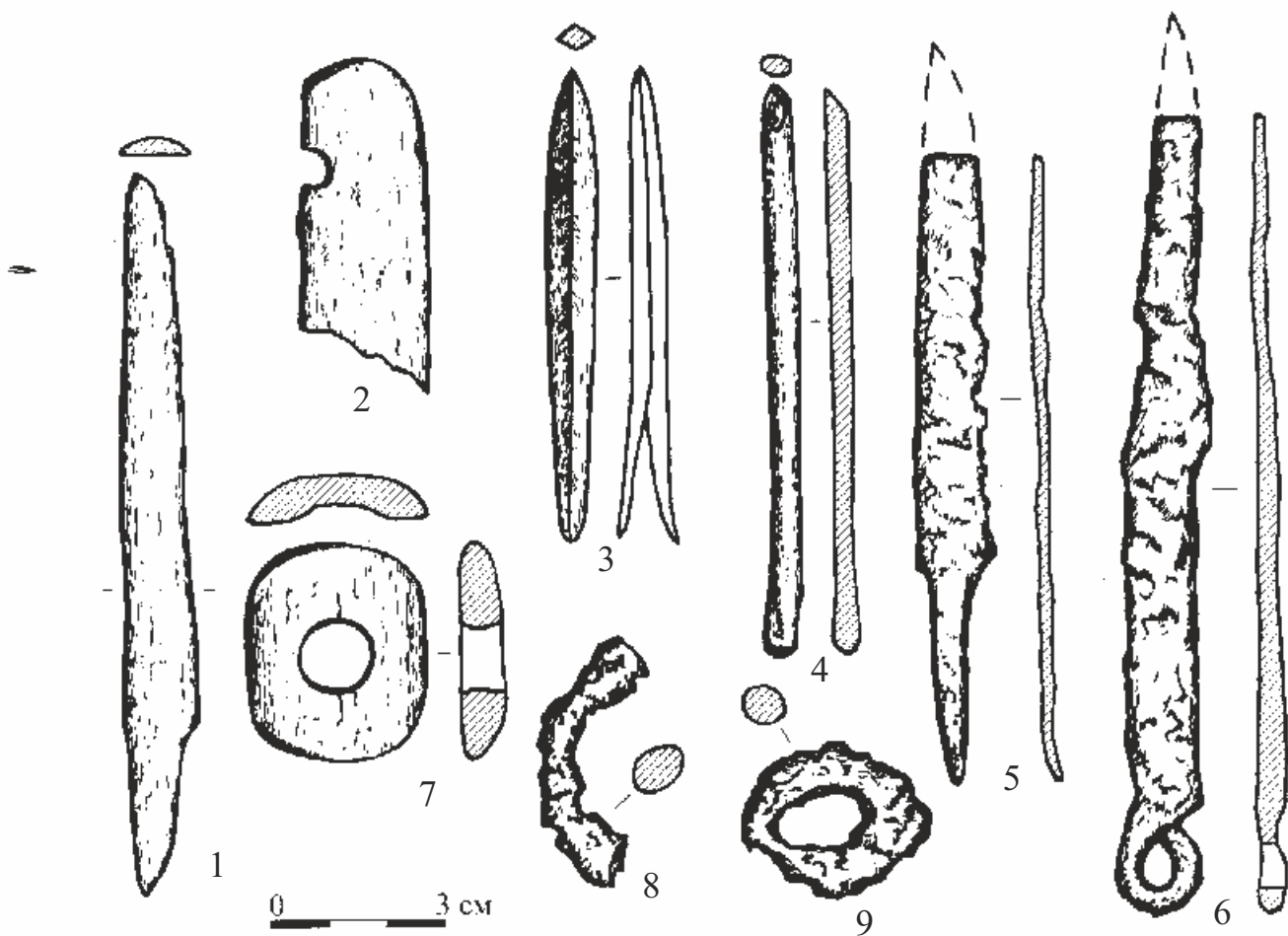

Рис.145. Остров Осинский, погребение № 2:
сопроводительный инвентарь (раскопки В.И. Смотровой, 1982)

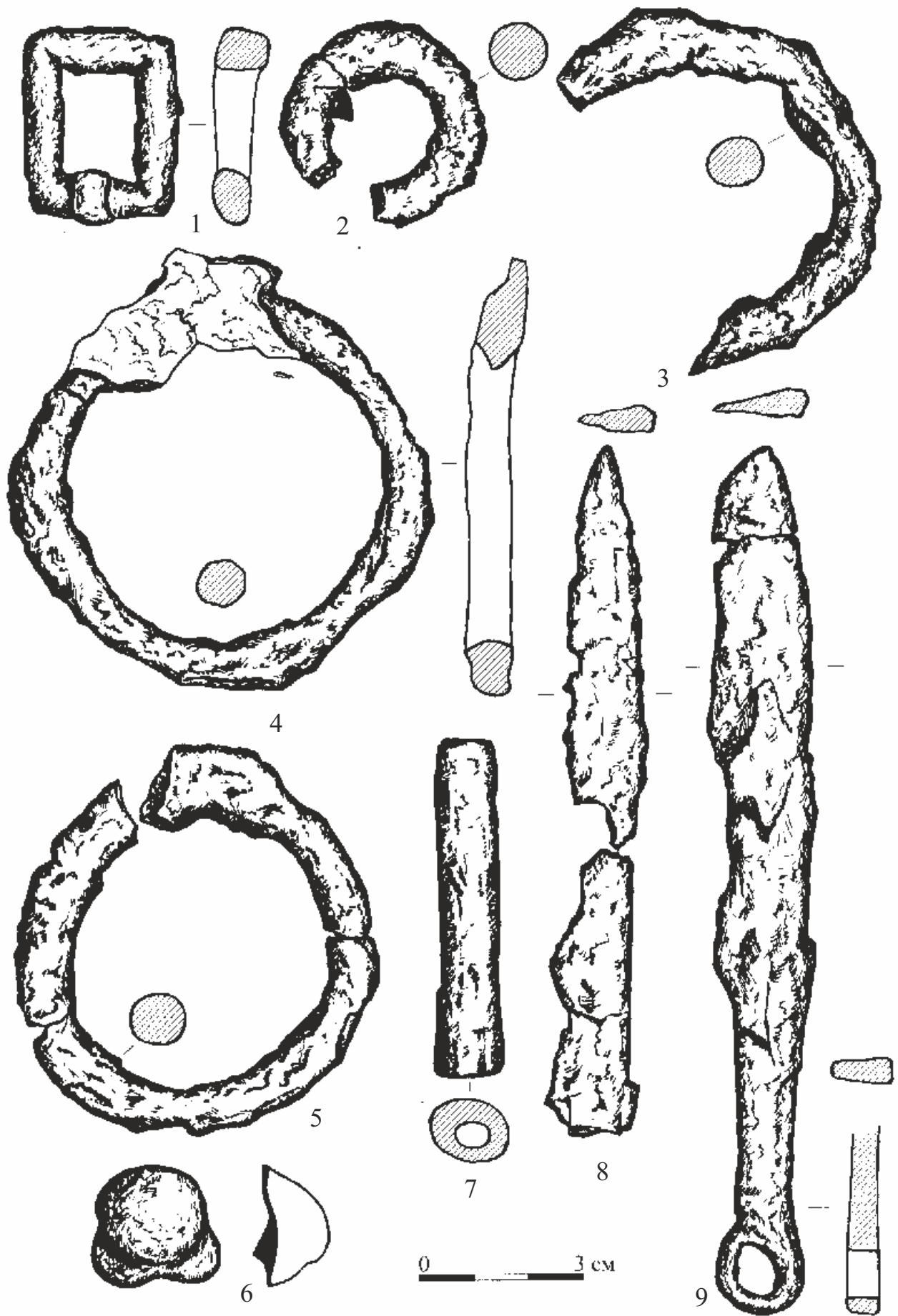

Рис.146. Остров Осинский, погребение № 4:
сопроводительный инвентарь (раскопки В.И. Смотровой, 1981)

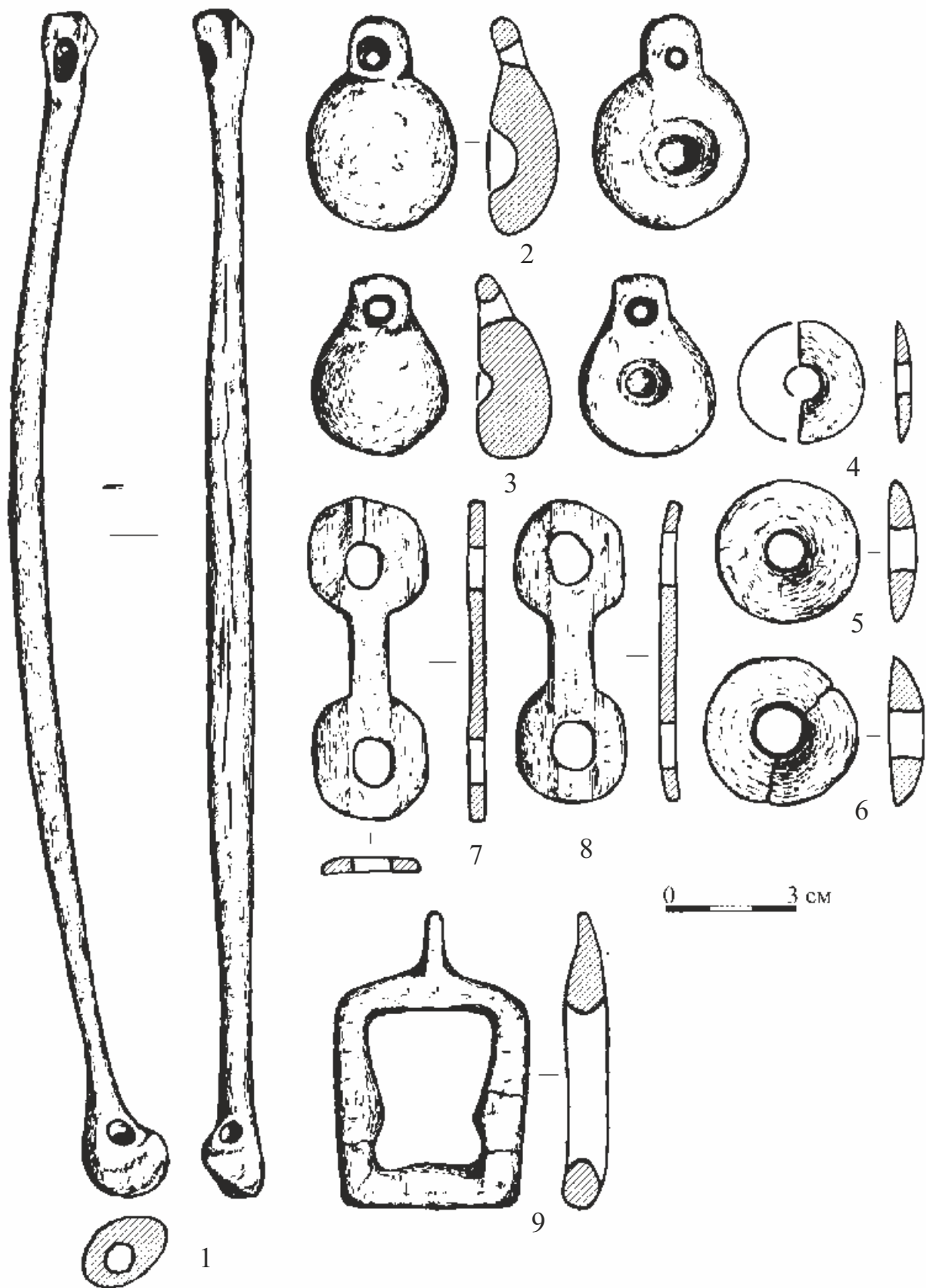

Рис.147. Остров Осинский, погребение № 4:
сопроводительный инвентарь (раскопки В.И. Смотровой, 1981)

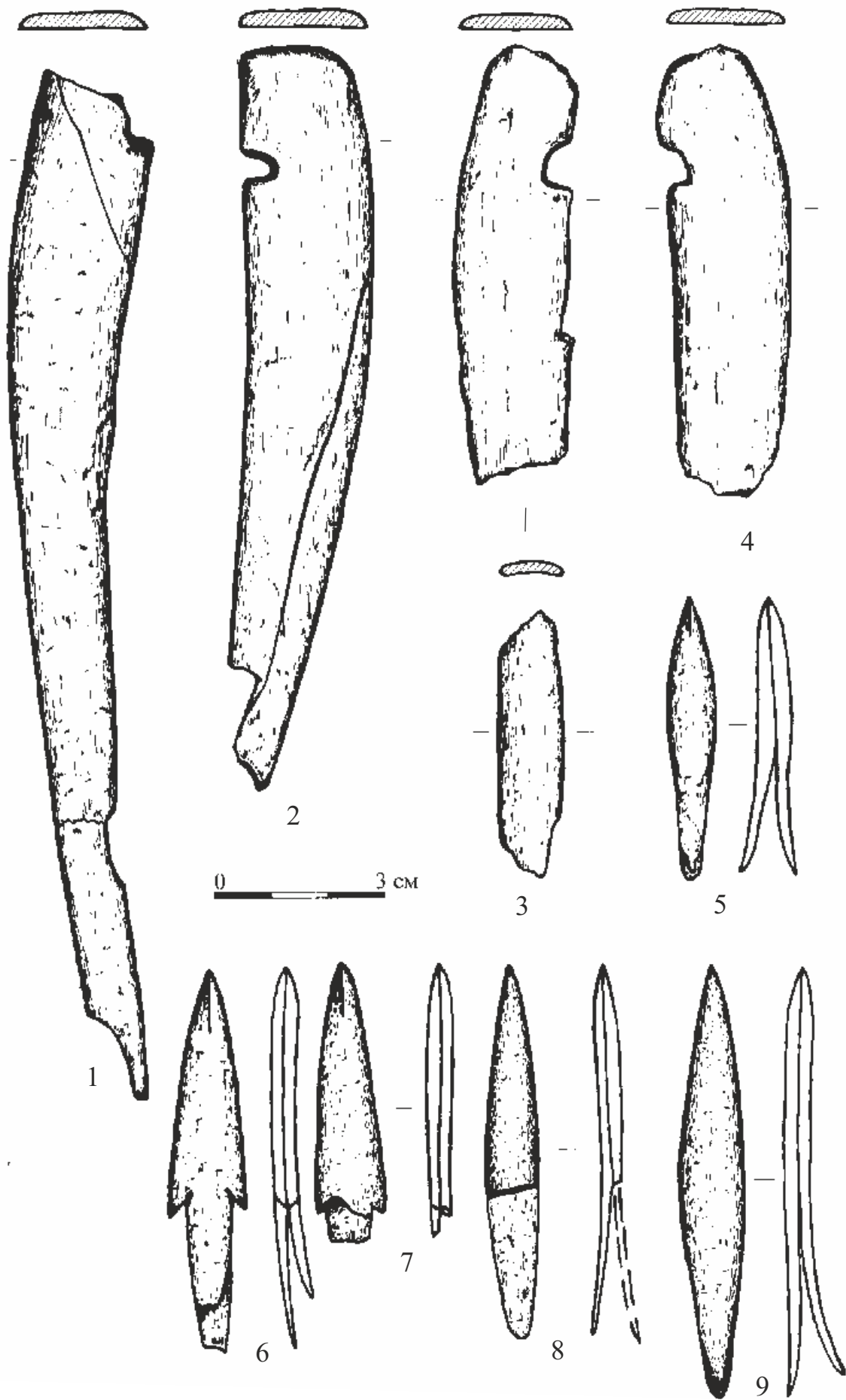

Рис.148. Остров Осинский, погребение № 4:
сопроводительный инвентарь (раскопки В.И. Смотровой, 1981)

1

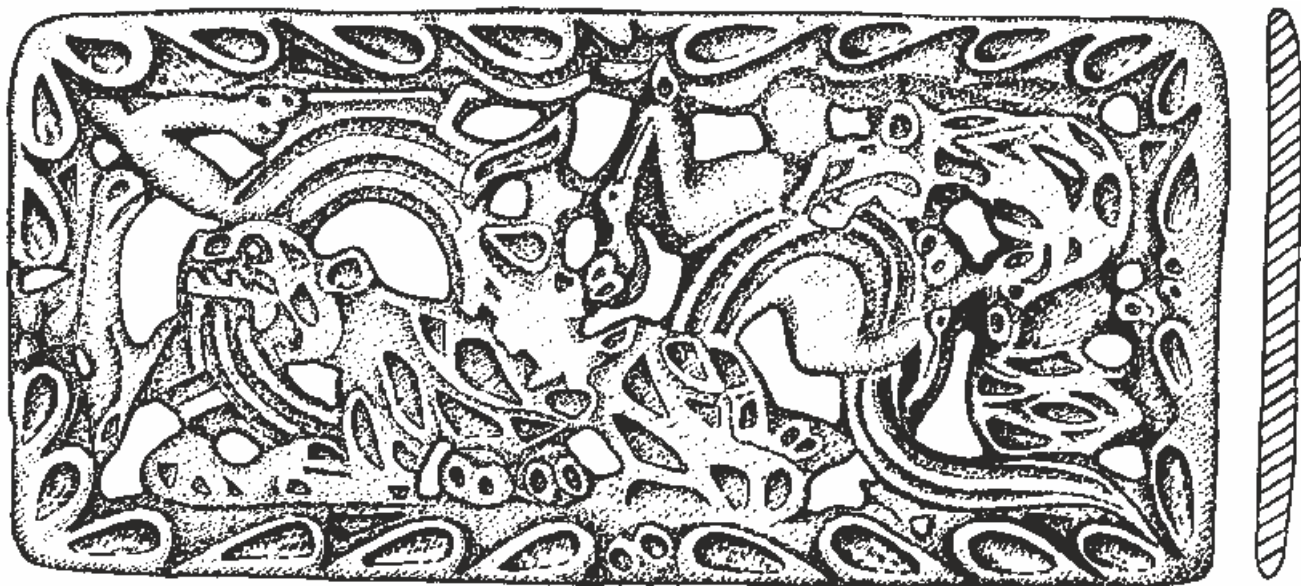
2

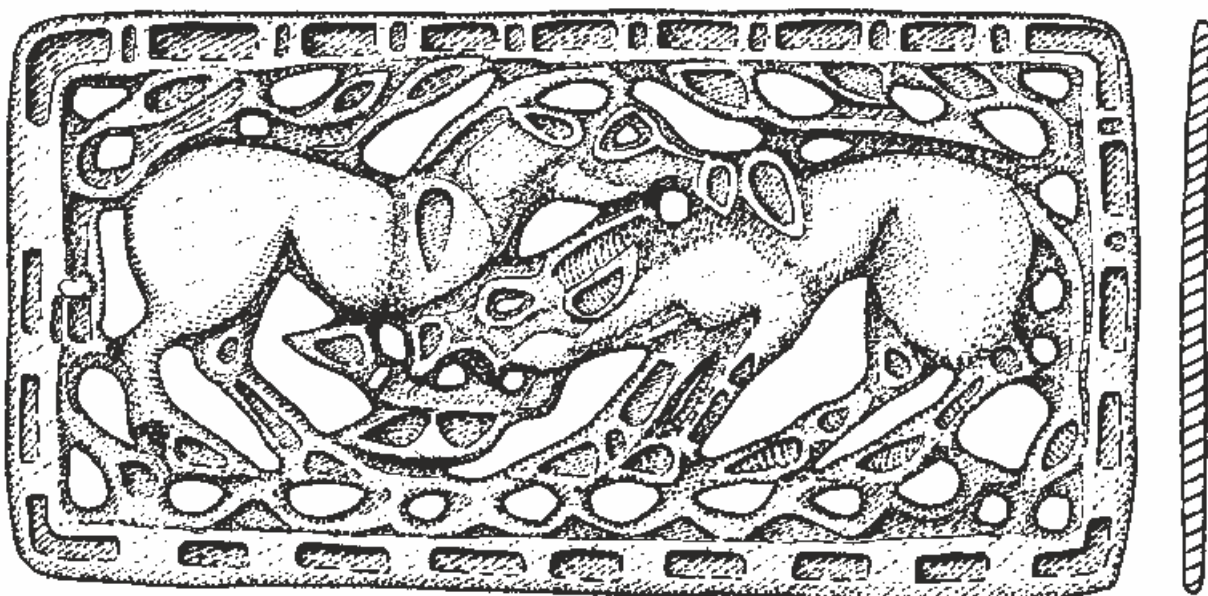
3

Рис.149. Остров Осинский, погребение № 4:
бронзовые ажурные поясные пластины (раскопки В.И. Смотровой, 1981)

1

2

0 3см

Рис.150. подъемные сборы Л.П. Сергеевой на берегу р. Уды
возле п. Вознесенский Нижнеудинского района Иркутской области

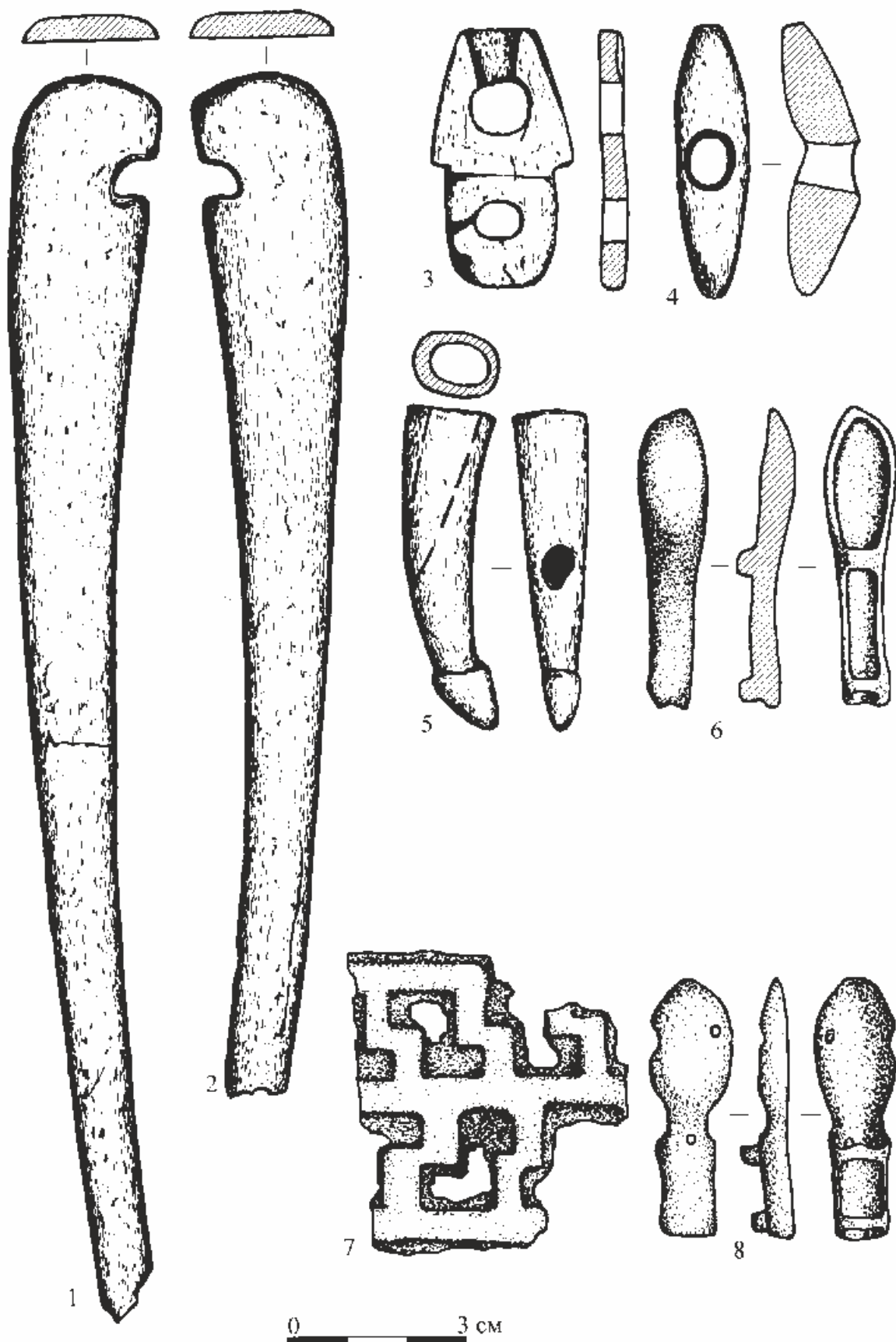

Рис.151. 1-6 - погребение Игетейский Лог II (раскопки В.И. Смотровой, 1985);
 7 - подъемные сборы О.Б. Варламова на левом берегу Унгинского залива
 Братского в/х, 1987 г.; 8 - подъемные сборы М.П. Овчинникова (?),
 1909 г. в устье р. Унги (инв. № кол. 7883-39)

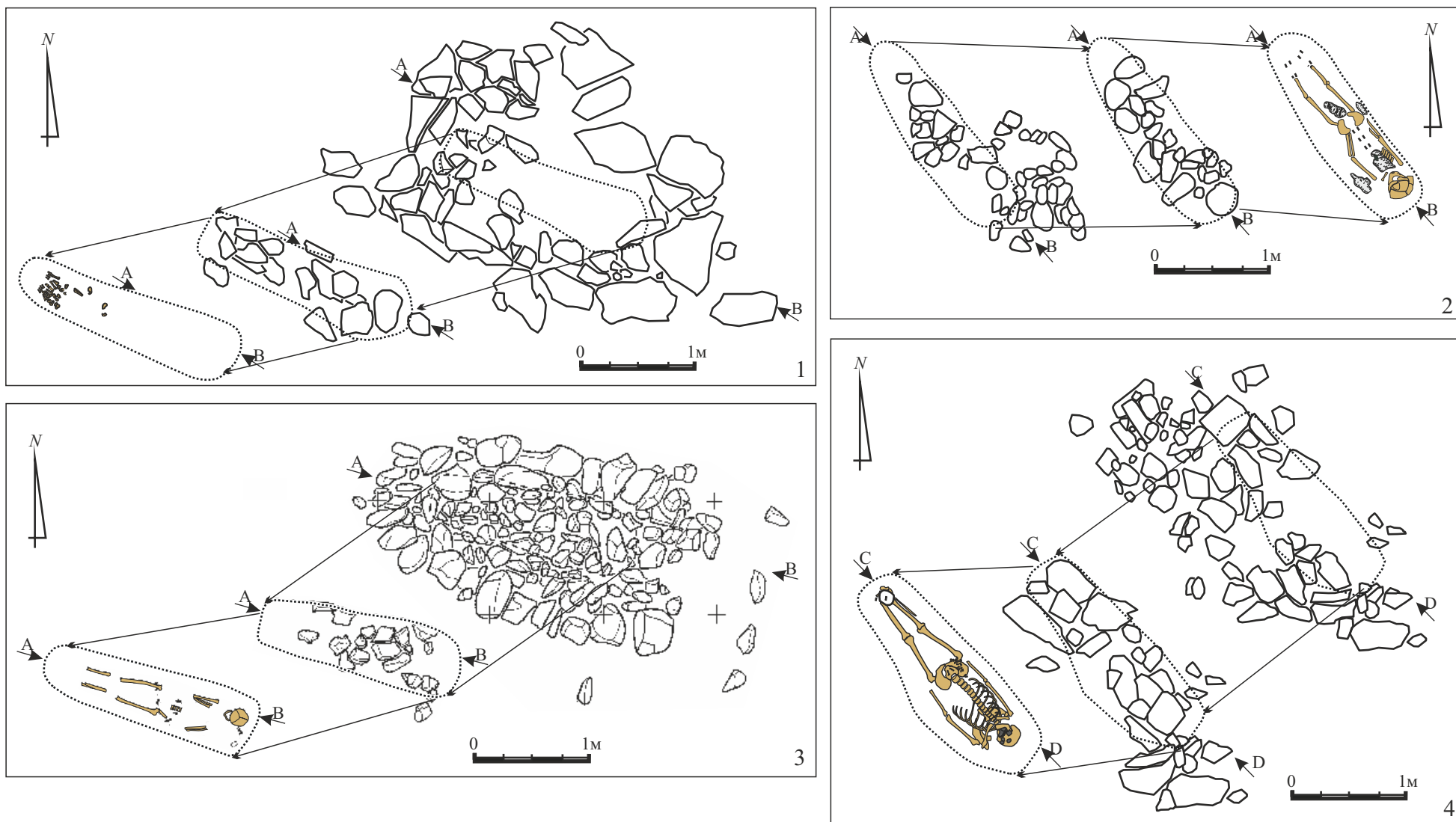

Рис.152. Бутухейский тип погребений: 1 - Байкальское XXVII - 8; 3 - Байкальское XXXI - 5;
3 - Байкальское XXXI - 8; 4 - Цаган-Хушун II «а» - 23

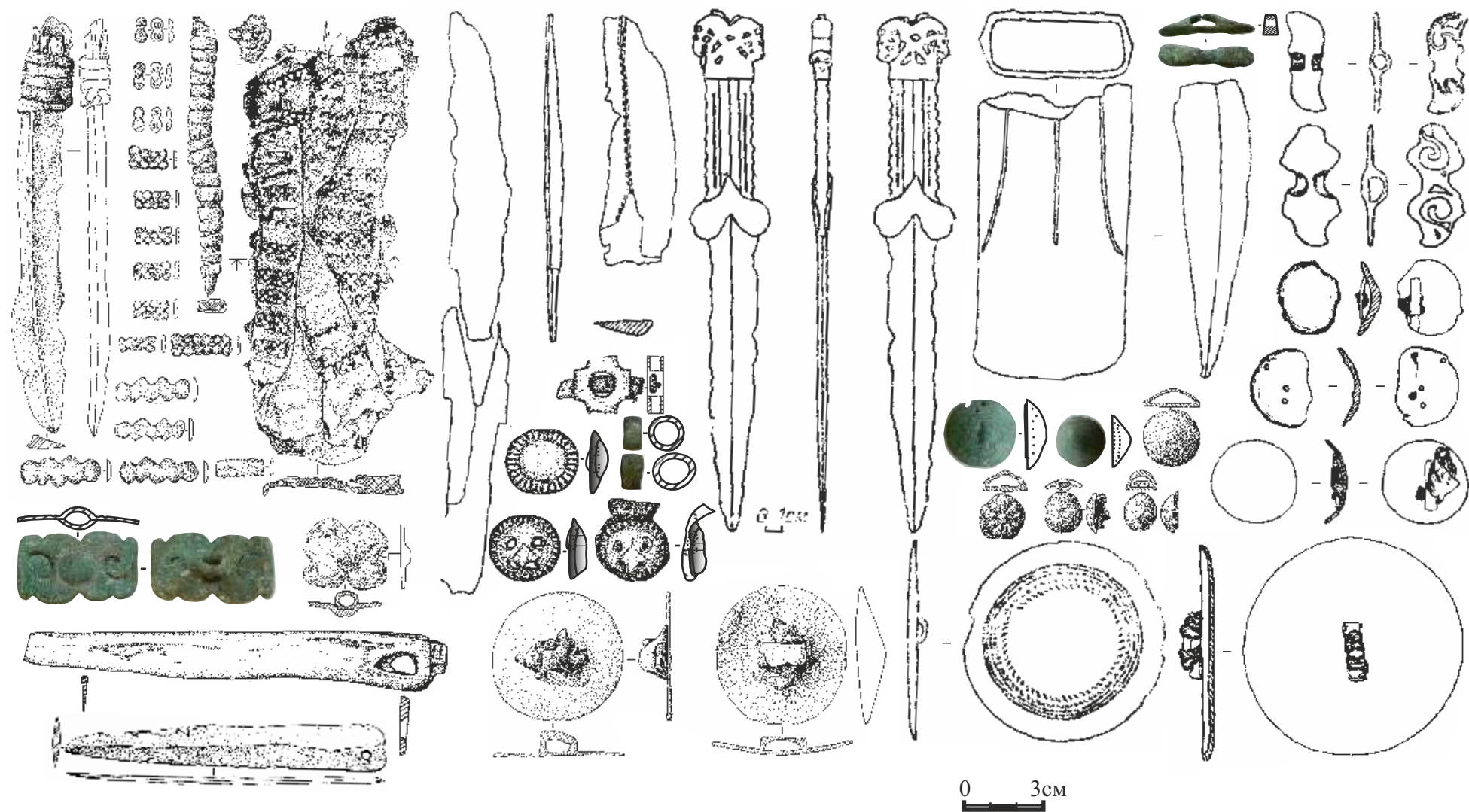

Рис.153. Сопроводительный инвентарь из захоронений бутухейского типа и ритуальных комплексов, бронза

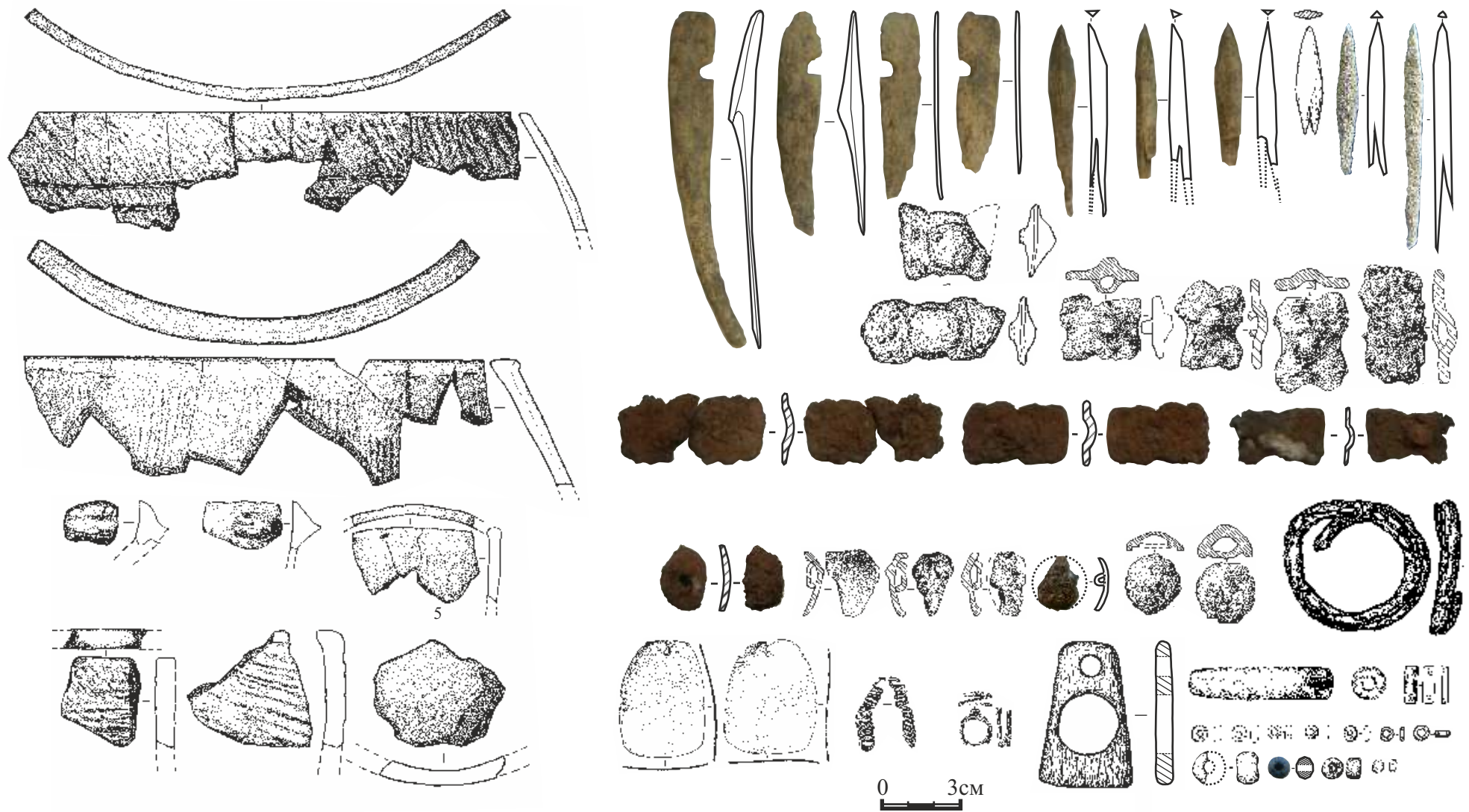

Рис.154. Сопроводительный инвентарь из захоронений бутухейского типа и ритуальных комплексов:
 керамика, железо, золото, кость, камень

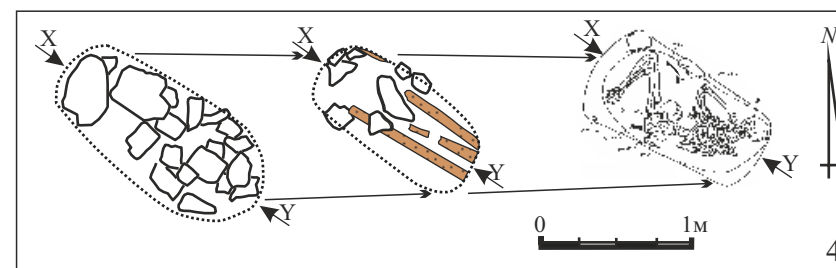
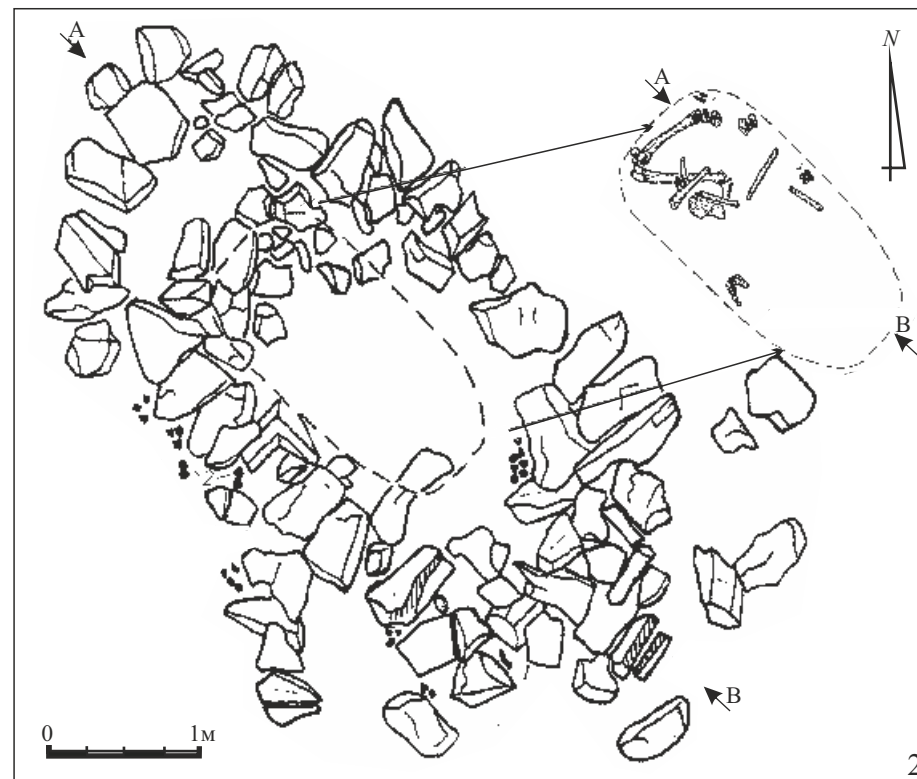
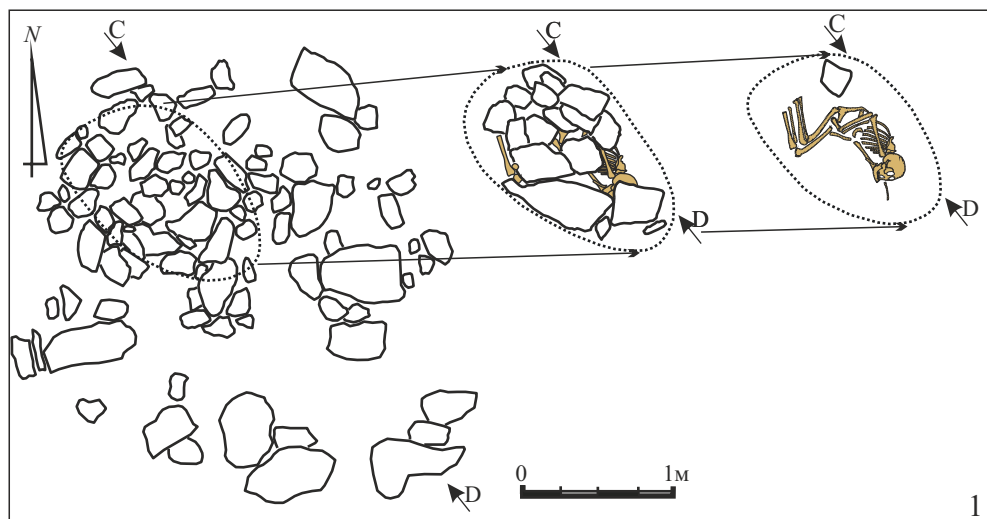

Рис.155. Елгинский тип погребений: 1 - Цаган-Хушун II «а» - 19; 3 - Байкальское XXXI - 1;
3 - Куркутский Комплекс II - 4; 4 - Цаган-Хушун II «b» - 4

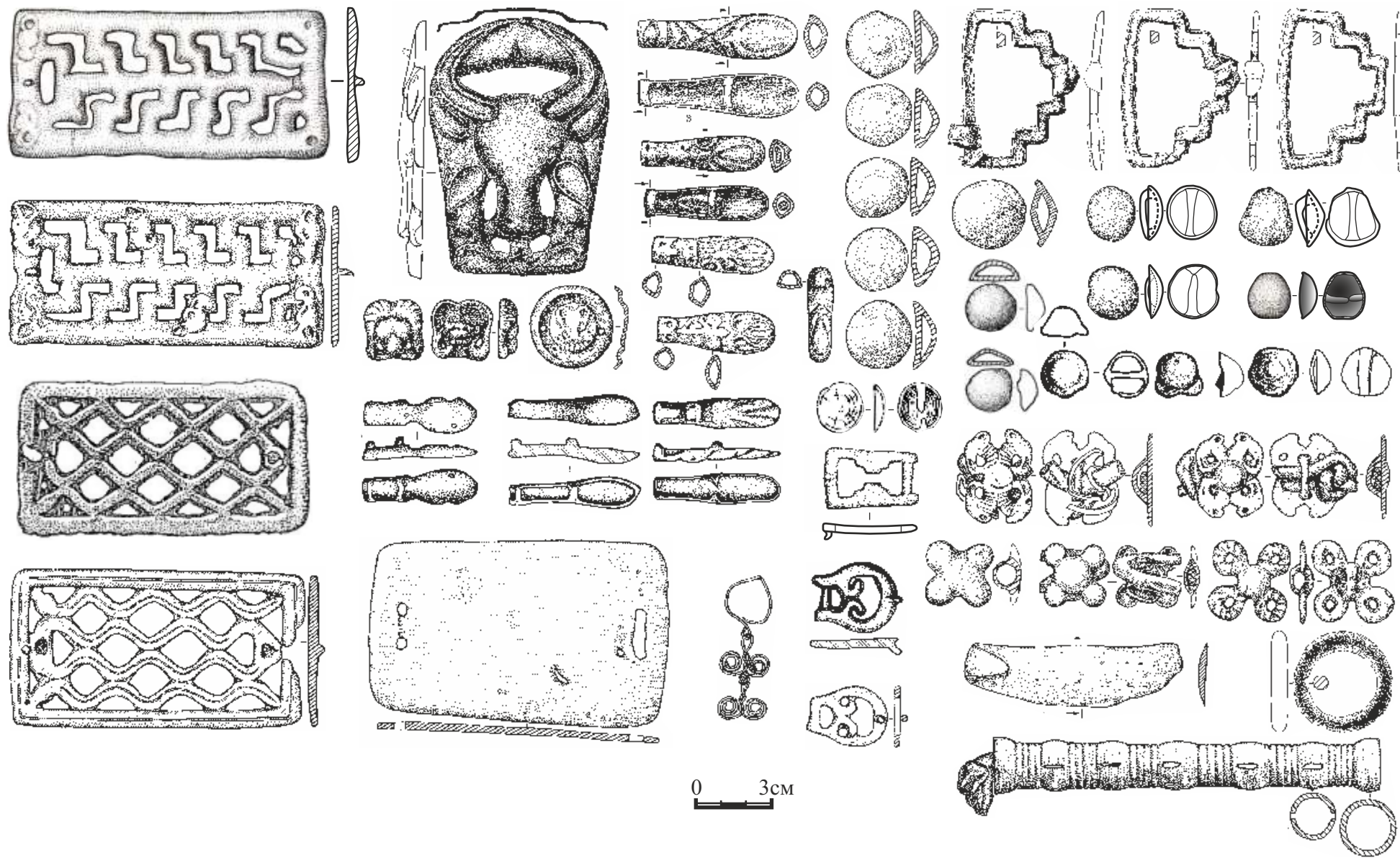

Рис.156. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, бронза

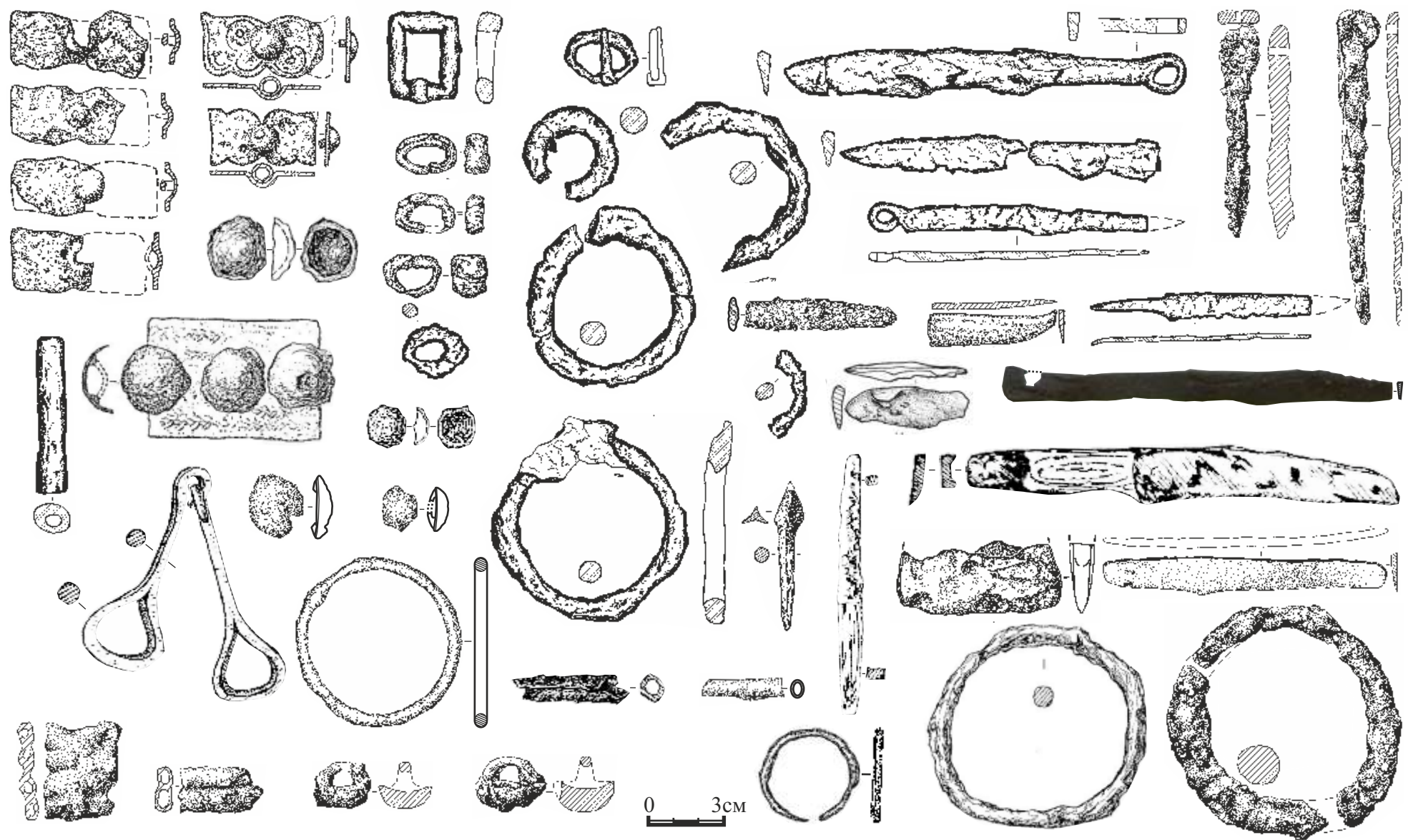

Рис.157. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, железо

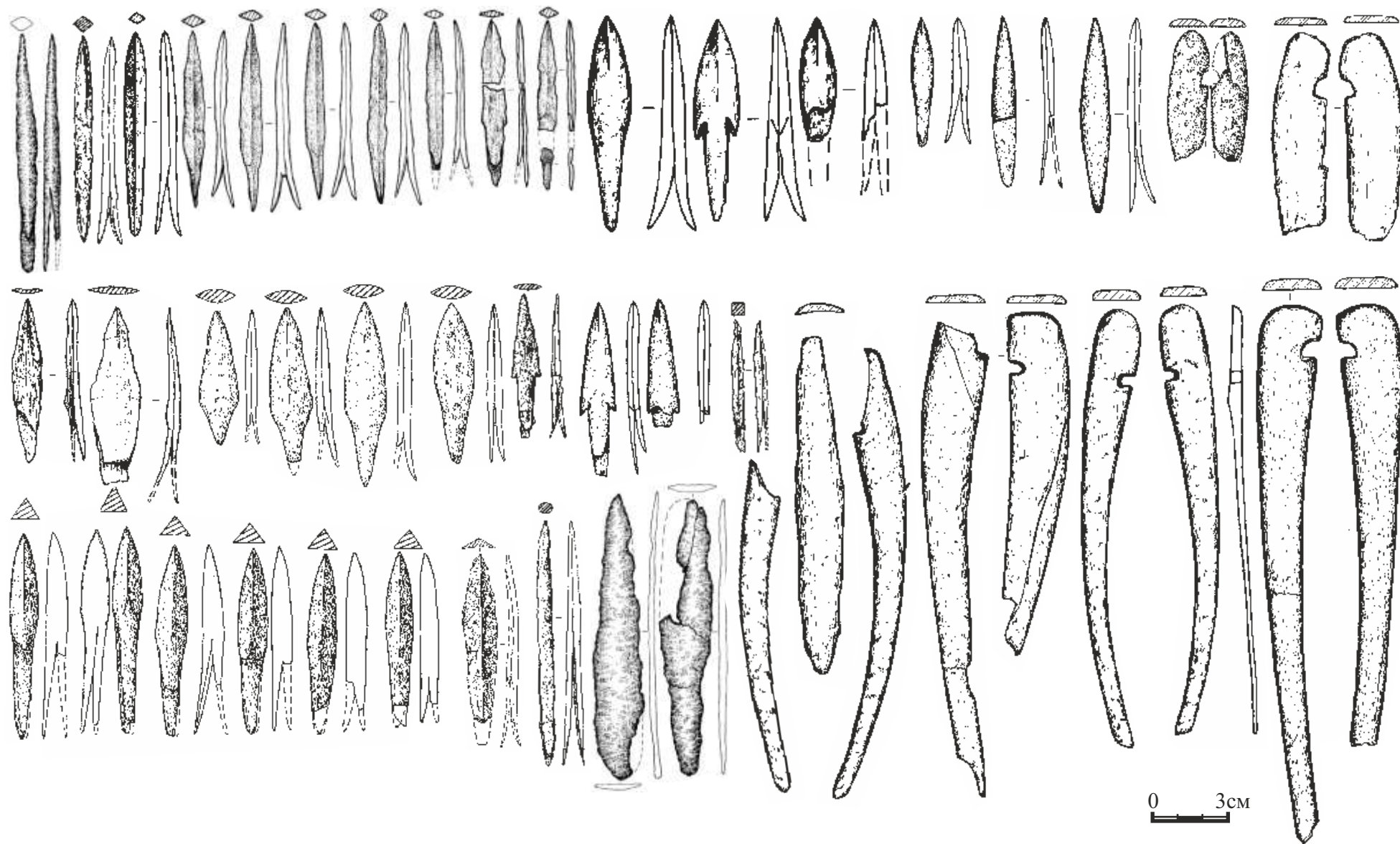

Рис.158. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, кость

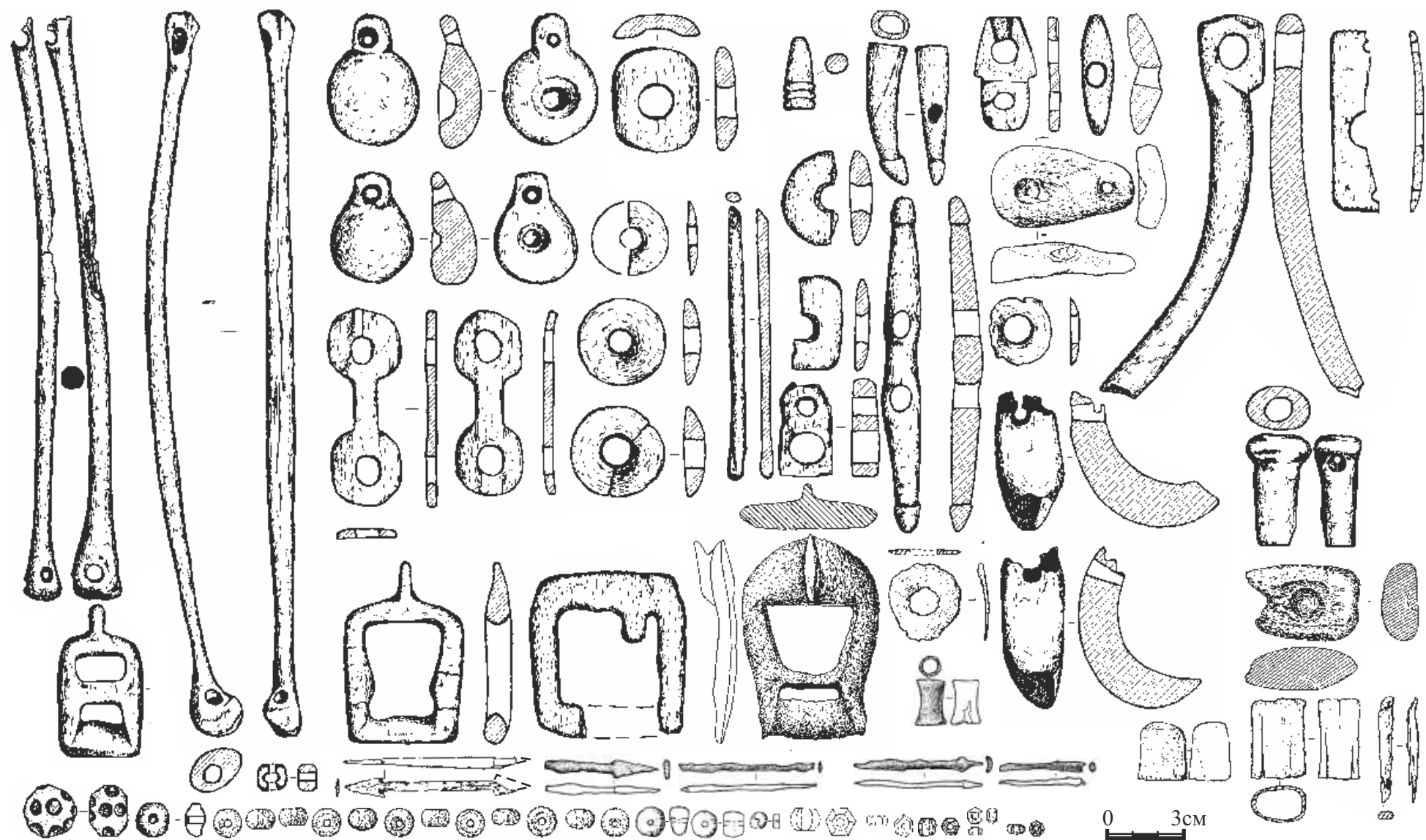

Рис.159. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, кость, бусины - камень, стекло

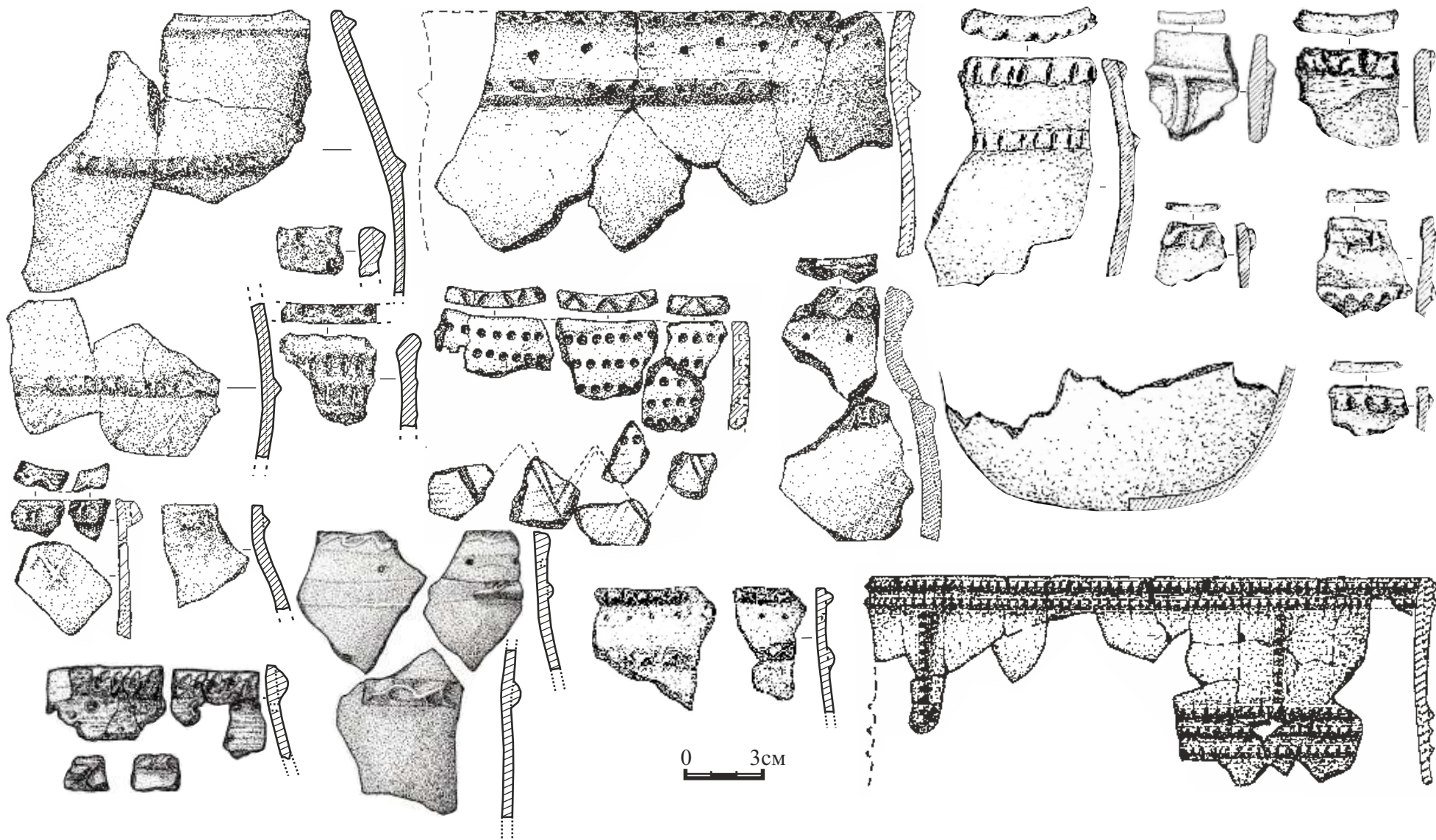

Рис.160. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, керамика.

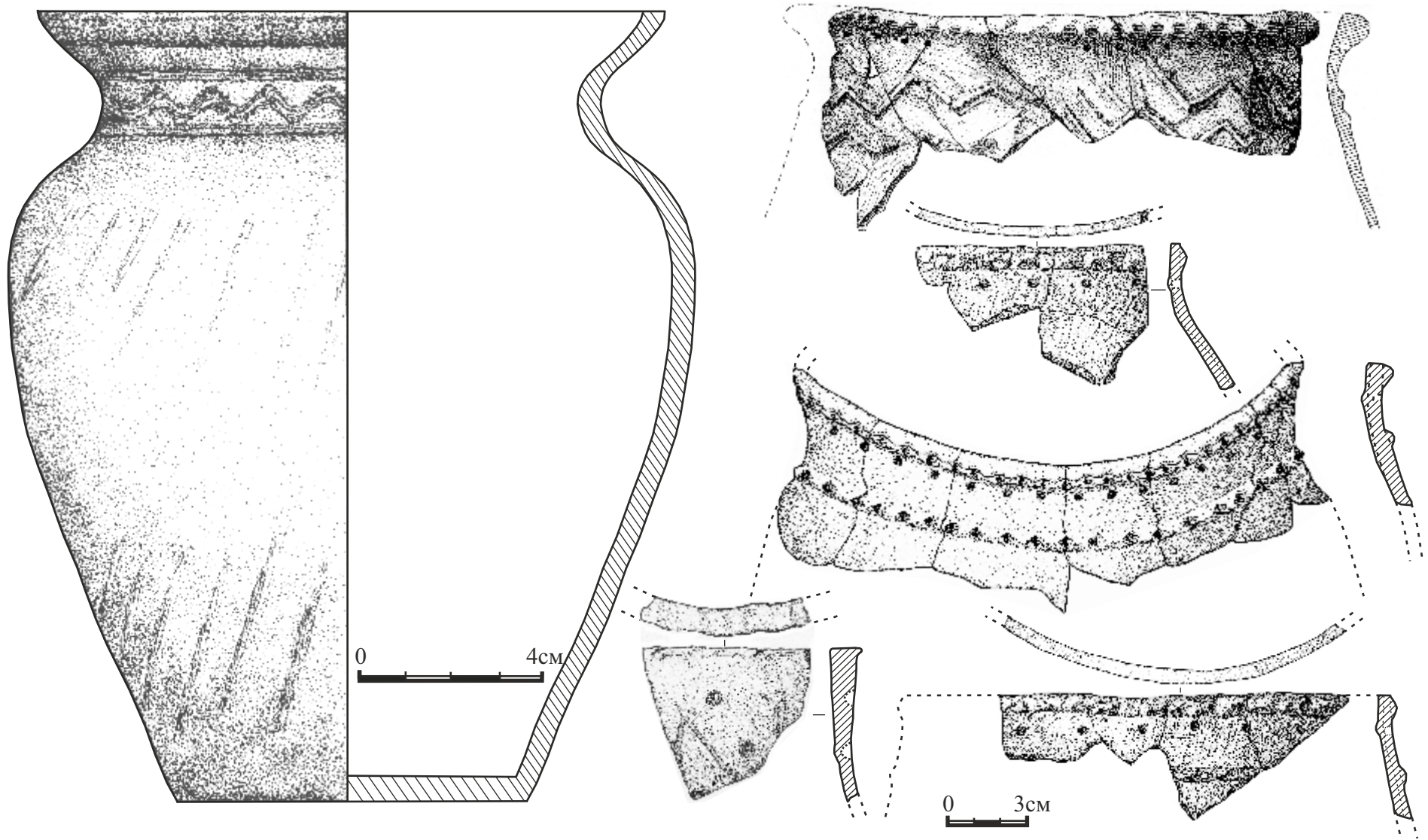

Рис.161. Сопроводительный инвентарь из захоронений елгинского типа и ритуальных комплексов, керамика и глиняный сосуд «хуннского» типа (Байкальское XXVII - 6)